

КУТЕПОВ
Александр Павлович
1882–1930

КУТЕПОВ

Владимир Рынкевич

МИРАЖ

РОМАН

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Астрель
Москва
2004

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р 95

Оформление
В. И. Харламова

Рынкевич В. П.
Р 95 Кутепов: Мираж: Роман / В. П. Рынкевич – М.:
ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство
АСТ», 2004. – 522, [6] с.: ил. – (Белое движение).

ISBN 5-17-022208-4 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-08105-2 (ООО «Издательство Астрель»)

Новый роман современного писателя-историка Владимира Рынкевича посвящен жизни и деятельности одного из лидеров Белого Движения, генерала от инфантерии А. П. Кутепова (1882–1930).

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Подписано в печать 25.11.2003. Формат 84×108¹/₃₂.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,28.
Тираж 7 000 экз. Заказ № 1703.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002

ISBN 5-17-022208-4
(ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-271-08105-2
(ООО «Издательство Астрель») © Рынкевич В. П., 2004
© ООО «Издательство Астрель», 2004

ISBN 5-17-022208-4

9 785170 222087

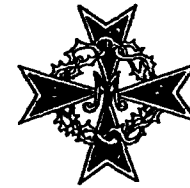
Владимир Рынкевич

МИРАЖ

РОМАН

Мираж — превратный вид отдаленных предметов.

Толковый словарь

Часть первая

МЕСЯЦЫ СМЕРТИ

1917. 27 ФЕВРАЛЯ

В канун рокового дня он завтракал в офицерском собрании. Прибывший с фронта в краткосрочный отпуск помощник командира полка оказался здесь старшим офицером.

Он всегда умел повиноваться и молчать и, достигнув высокой должности в лучшем российском полку, так же честно повиновался вышшим и предпочитал золото молчания даже теперь, когда все вокруг взбудоражилось, заговорило и как будто зашаталось. Болтовня офицеров за столом о каком-то ответственном министерстве, о правах Государственной думы, о законных требованиях бастующих рабочих и прочий вздор раздражали полковника Кутепова, и он позволил себе высказаться определенно. Отбросил салфетку, отодвинул прибор и сказал:

— Рабочий должен работать, а не болтаться по городу с антигосударственными лозунгами. Вернуть к станкам, и пусть трудятся на оборону. Зачинщиков расстрелять! Государственную думу распустить, чтобы не мешала довести войну до победного конца! Некоторым офицерам, — пока не называю их фамилии, — рекомендую прекратить об-

суждение решений государя, правительства и военного командования. Напоминаю, что мы — офицеры лейб-гвардии Его Императорского Величества Преображенского полка. Его Императорского Величества, а не пьяной толпы на улицах, так вас напугавшей, поручик Макшеев! Честь имею.

Сказав это, он покинул офицерское собрание.

Вслед кто-то произнес вполголоса: «Солдафон и монархист», а старый преображенец полковник Павленков, совершенно больной, явившийся в собрание лишь ради встречи с Кутеповым, направился к телефону и позвонил в Градоначальство. Долго добивался соединения с командующим Петроградским военным округом генералом Хабаловым и так же долго убеждал его, что надо привлечь Кутепова к наведению порядка в столице.

По дороге на Васильевский остров к сестрам, у которых остановился, Кутепов мысленно продолжал полемику с болтунами. Этими аристократами-либералами. Гувернеры их в Летний сад водили, французскому учили лучше, чем русскому, летом — в именье, осенью — в Ниццу, служба для наград и званий, а такие понятия, как «присяга», «верность государю», «смерть за отчизну», — все это слова для служак-плебеев, таких как он сам, выросший не в столице, а в далеком Череповце. Всего добившийся своим трудом и верной службой. Всего? А что он имеет, кроме службы в любимом полку, где шефом сам государь? Даже своей крыши не имеет. Живет у сестер. Да и сестры...

Дома его ждал гость, а вернее сказать, проситель. Конечно, полковник против протезирования, но у младшей сестры Саши есть лучшая подруга, а у той — лучший, наверное, друг — некий поручик Лео, рвущийся из неспокойной столицы на фронт, в хороший полк, а разве Преображенский не лучший полк? В прошлый приезд Кутепов встречался с поручиком и, слава Богу, тот оказался вполне порядочным офицером — сын профессора, окончил Константиновское и, вот, меняет артиллерийскую карьеру на гвардейские погоны. Даже успел повоевать и получить ранение.

Поручик и его подруга, преждевременно располневшая и стеклянно сверкавшая глазами, сидели с сестрами в гос-

тиной и ждали его. Лео, то есть поручик Леонтий Андреевич Дымников, листал первый номер «Русской мысли»¹ с новой поэмой Блока. Александр Павлович вежливо присоединился, послушал чтение, затем высказался:

— «Нас всех подстерегает случай...» Это так, но у солдата наготове всегда должен быть ответ на любой случай.

Дымников соглашался, и его большие голубые глаза серьезно хмурились и становились совсем круглыми.

— Пойдемте в кабинет, и я покажу вам, поручик, другую поэзию.

Он провел гостя в комнату с портретами, картинами на стенах, книгами в массивных застекленных шкафах. Кутепов подошел к одному из шкафов.

— Моя поэзия здесь, — сказал он, раскладывая на столе огромный том в медном окладе с металлическими застегивками.

По таким книгам читают в церкви, но в этой излагались догмы другой религии. На переплете славянской вязью: «История лейб-гвардии Преображенского полка. Сочинение Ив. Забелина к 200-летию регулярной Русской армии и коронации». На развороте гравюра во всю страницу с надписью: «Преображенское или Преображенск Московская столица достославных преобразований первого императора Петра Великого».

— Книга вышла к 200-летию армии и к коронации. То есть...

— Это... Когда Ходынка?²

— Нет! Что вы, поручик? Речь идет о коронации государя Александра Третьего. 1883 год. Вы, возможно, знаете, что в свое время была дискуссия о том, с какой даты следует вести отсчет истории нашего полка и, следовательно, всей армии. Постановили считать этим днем 30 мая 1683 года. Именно в этот день юный царь Петр создал свое Потешное войско и организовал большие стрельбы из пушек на Воробьевых горах. Первым он записал... Вы, конечно, знаете имя первого русского солдата, поручик?

— Извините, Александр Павлович, я еще в гимназии плохо шел по истории. Не могу запоминать имена, даты...

Полковник был плохим экзаменатором: вместо того, чтобы отчитать неподготовленного, он сам начал рассказы-

вать нерадивому поручику о великом прошлом, о том, что первым русским солдатом царь Петр нарек Сергея Бухвостова, который «при учреждении военно-потешной службы первейшим в оную самоохотно предстал». Напомнил полковник и о том, что под Нарвой два первых гвардейских полка, Преображенский и Семеновский, стояли насмерть и спасли русскую армию от полного разгрома. Продолжить, однако, свой исторический экскурс он не успел: в кабинет постучала Саша и пригласила к чаю. Полковник от чая отказался, сославшись на то, что надо поработать перед завтрашней встречей с офицерами, которых следовало научить, как наводить порядок в городе, а Дымникову, прощаясь, сказал:

— Вы, поручик, теперь полноправный преображенец, и завтра я вас представлю собранию. У меня вы должны быть пораньше: около восьми.

Женни в гостиной, волнуясь, ожидала результатов беседы Лео с покровителем.

— Ну, как он к тебе?

— Служить с ним, пожалуй, можно, однако... — убедившись, что их не слышат, ответил поручик, не совсем определенно и покрутил головой. — Мужчина в цвете, срока нет, а уже в маразме. В городе беспорядки, надо срочно ретироваться на фронт, а он, как старый попугай, о знаменах, победах, первых солдатах. Кому это сегодня надо?

— Ему тяжело. Он одинок, — вздохнула подруга.

— Ты, как всегда, знаешь, за что ухватиться.

Они понимающе улыбнулись друг другу.

— Девку ему с Морской привести. Только, боюсь, он не знает, что с ней надо делать.

— Ты, Лео, подучишь.

— Женни, ты еще не знаешь самого страшного: завтра в восемь я должен быть у него и начинать службу.

— Но мы же будем...

— Да. Муравьев со своей нас будут ждать.

— Опять начнет ко мне приставать, — не то пожаловалась, не то пококетничала Женни.

— А ты приставай ко мне, — сказал Лео равнодушно: ее отношения с другими мужчинами его не очень интересовали, тем более теперь, когда жизнь менялась и возни-

кали трусливые мысли: не прогадал ли он с Преображенским полком. Ведь на фронт он бежал не от революции, а от долгов. Одному Ваське Муравьеву, поручику из Волынского, к которому собрались на вечеринку, должен больше тысячи.

Роковой день для полковника Кутепова начался, когда сам он еще спал. Другие не спали и думали и говорили о нем. Командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов рано утром вызвал капитана Зайцевского, занимавшего в штабе округа должность непонятную, но значительную — подчинялся лично генералу, для которого у него всегда было наготове доброжелательно-сочувственное выражение лица, других же как бы не замечал.

— Павленков опять настаивает на том, чтобы Кутепова назначить командиром карательного отряда, — сказал генерал Зайцевскому. — Вы же знаете обстановку: Волынский и Литовский полки восстали. Государственная дума отказалась выполнить Указ о роспуске. Конечно, действовать надо решительно, однако карательный отряд... Полковник Кутепов...

— Ваше высокопревосходительство, Павленков совершенно прав. Именно карательный отряд! Услышав эти слова, солдаты поймут, что их ждет, и немедленно вернуться в казармы. А Дума без солдат...

Зайцевский презрительно шевельнул усами, приличествующими верному слуге государя императора.

— Для потомственного русского дворянина быть начальником карательного отряда... скажем, не очень лестно. А у Кутепова отговорка: он в отпуске, его полк на фронте.

— Павленков, ваше высокопревосходительство, наверное, и сам не догадывается, насколько точно подсказана им кандидатура. Кутепов не откажется и будет расстреливать бунтовщиков решительно и беспощадно.

— Но потомственный русский дворянин... — опять усомнился Хабалов.

— Ваше высокопревосходительство, как вам известно, я по службе знаю то, что не знают другие, в том числе и о высших офицерах. Заявляю ответственно: Кутепов — не потомственный русский дворянин. И он вообще не Куте-

пов. Закон, правда, соблюден: его усыновил потомственный русский дворянин Павел Кутепов, и полковник обладает всеми правами, однако в действительности он сын некоего умершего личного дворянина Константина Тимофеева. Подробности о Тимофееве я еще не выяснил, но ведь известно, что личным дворянином по случайности может стать любой проходимец: донос напишет или в драке поможет хорошему человеку — получит орден и личное дворянство. Кутепов-Тимофеев учился в Архангельской гимназии, в Петербургское юнкерское училище попал из вольноопределяющихся, уже когда ему было более 20 лет. Там откровенно выслуживался. При своем небольшом росте получил в училище фельдфебеля. Его одноклассник рассказывал, что он был весьма драчлив и бил крепко. После училища участвовал в японской войне, но наград не заслужил.

— Лев Борисович, вы заставили меня задуматься. Пожалуй, кандидатура подходящая.

— Разумеется! Он постоянно чувствует свою несостоятельность рядом с блестящими дворянами-гвардейцами. В Преображенский полк попал случайно — там была некая история с массовой жалобой солдат, не помню точно. Кто такой Кутепов, например, по сравнению со своим однополчанином князем Хованским? Ни родства, ни связей, ни имущества. Надежда только на успехи в службе. Он охотно примет карательный отряд и будет действовать решительно и беспощадно.

— М-да... Мне почему-то вспомнился эпизод из Французской революции. Там тоже искали командира карателей и нашли неизвестного генерала маленького роста. Нашли Бонапарта.

— Э-э... — Зайцевский пренебрежительно махнул рукой. — Бонапарт нам не грозит. Кутепов в японской войне себя не проявил. Академию Генштаба не окончил, а сейчас на фронте, кроме личной храбрости, ничего не показывает.

— Решено. Я, Лев Борисович, не стану напоминать о том, что все известное вам может быть известно лишь мне. Пригласите на 10 часов всех вчерашних. И пошлите машину за Кутеповым.

Из полка позвонили, когда Кутепов еще спал. Старшая сестра Раиса вошла в спальню и с испуганным лицом ска-

зала, что звонит Макшеев и сообщает о беспорядках в казармах, что будто бы по всему городу бунтуют солдаты, добавив, что поручик Дымников уже ждет.

— Доигрались, доболтались, Федора Ивановна, — бормотал Александр Павлович любимую присказку, одеваясь.

Кутепов пригласил поручика к завтраку, предупредил о серьезности обстановки. Молодой человек ему определенно нравился, и было в этой симпатии нечто от старой, еще детской неистребимой зависти провинциала к столичному аристократу.

Мундир у Дымникова вычищен, галифе отутюжены, сапоги сияют, шпоры — «савельевский звон» — сверкают. Всего несколько шагов по паркету, и сразу видно, что знает, как шенкелями держать лошадь. Правда, в ярко-сером февральском свете обнаружили некоторые следы беспокойной ночи: синяки в подглазьях, покрасневшие белки. Полковник, холостяк и почти аскет, не осуждал увлечения офицерской молодости.

На улице полдерская предвесенняя сырость забралась за воротник. Леонтий кутался в шарф и мучительно думал: не ошибся ли? Мог бы заболеть и отсидеться у родителей — сменил бы мундир на студенческую куртку. Но долги! Вчера Васька срочно требовал отдать, пока из-за беспорядков не упал рубль. Напившись, Васька кричал, что он за революцию, называл себя потомком декабриста, приставал к Ленке, подло шутил, что «в счет погашения долга», правда, когда разошлись по комнатам, — через двери все слышно, — честно трудился всю ночь со своей Машкой.

Полковник, взглянув на окаменевшее лицо поручика, наконец понял, почему Дымников иногда вызывает у него неприятное чувство: временами этот красивый офицер похож на убийцу Пушкина Дантеса на известном портрете.

Извозчик подкатил на удивление быстро. На Васильевском — тишина. Когда ехали мимо дворца Меншикова, полковник, прервав молчание, сказал:

— Император Петр и Меншиков во время парадов гвардии обходили строй, и Его Величество сам наливал чарку водки каждому солдату. А знаете, поручик, любимый напиток императора Петра Алексеевича? Флин — гретое пиво с коньяком и лимонным соком.

Дымникова вовсе не интересовало прошлое, его волновал предстоящий день — не из-за пустяков же вызвали полковника в казармы. Переехали Неву, покрытую тающим грязно-зеленым льдом. Дворцовая набережная встретила темной шевелящейся толпой. Еще не так все страшно: люди жались к стенам, освобождая дорогу, на офицеров смотрели с любопытством. Картузы, платочки, сапоги.

— Понедельник, а они гуляют, — сказал извозчик, — забастовщики.

— Вы не знаете, поручик, сколько сейчас бастующих в городе? — спросил полковник.

— В субботу было около двухсот тысяч, а сегодня я газету не нашел — «Новое время»³ не вышло.

Александровская колонна тонула в тучах. Площадь, зажатая между низким густо-серым небом и такого же цвета стенами зданий, наполовину была зачернена толпой. На несколько винтовочных выстрелов эта масса ответила волнообразным тревожным движением. Извозчик остановил лошадь, и стали слышны неразборчивые выкрики, доносящиеся почему-то не из толпы, а откуда-то со стороны или сверху: «...авие!.. Долой..ой!..ой!.. Царское!..»

— Стреляют солдаты возле Адмиралтейства, — сказал Дымников. — В воздух. Для шума.

— У вас хороший глаз, поручик, — одобрительно заметил полковник.

— Артиллерийским наблюдателем был под Перемышлем.

— Мы с вами еще повоюем. Разгоним эту сволочь. Поехали. Офицеров они боятся тронуть.

«Пока боятся», — подумал Дымников. Он с тоской надеялся, что полковник вдруг решит собрать запасные роты полка и немедленно отправиться с ними на фронт. Или, наоборот, вызовет полк с фронта сюда, а с приказом пошлет его. Поручик на миг представил, как на вокзале сразу зайдет в ресторан...

Тяжелый туман шел от Невы, стирая краски, покрывая и людей, и стены, и крыши серым одноцветьем. Все это беспорядочное, серое, сырое, неясно шумящее, сжимаемое толпами, еще нерешительными, не осознающими себя, не

нашедшими цели — все было сплошным нетерпеливым ожиданием чего-то решающего и страшного.

Когда подъезжали к казармам, полковник кратко объяснил задачу: солдат построить, напомнить присягу, арестовать зачинщиков.

— И что с ними?

— В Петропавловку. Если потребуется — расстрелять на месте.

Конечно, полковник прав: в армии только так, но почему произошло все то, из-за чего теперь потребовались аресты и расстрелы? Почему он, Леонтий Дымников, ни в чем ни перед кем не виноватый, никому не желающий зла, должен участвовать в этом?

Поначалу ничто не предвещало особых затруднений: во дворе у ворот несколько офицеров дымили папиросами, капитан Путилин, — поручик был с ним знаком, — как положено, скомандовал «Господа офицеры», доложил... Но первое впечатление оказалось обманчивым: двор казармы не убран — кучи мусора и кухонных отходов у дорожек, да и в докладе капитана зловеще прозвучала фраза: «Нестроевая рота самовольно покинула казармы и вышла в город». Чуть позже выяснилось, что не к добру и автомобиль, стоявший недалеко от ворот: дубль-фаэтон «Руссо-Балт». Темно-коричневый, вымытый, шикарный. Министерский или градоначальника. Полковник едва успел начать свой разнос господам офицерам, как к нему подбежал поручик Макшеев и доложил, что командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов вызывает полковника на совещание в Градоначальство и прислал за ним автомобиль. Шофер, усатый унтер-офицер, почтительно открыл полковнику дверцу. Поручику Дымникову тоже было приказано ехать.

В автомобиле уютно, тепло и можно не видеть город, захлестываемый толпой и туманом, но, к сожалению, это не позволяет забыть о происходящем.

У подъезда Градоначальства на Гороховой полковника ожидал жандармский ротмистр. Провели наверх. В приемной толпились адъютанты. С некоторыми Дымников был знаком. По их поведению легко было догадаться, что обстановка в городе ухудшается: не слышно ни анекдотов, ни

рассказов об оперетте или «Привале комедиантов» — только короткие и негромкие фразы о забастовщиках, о взбунтовавшихся полках. Полковника сразу пригласили в кабинет командующего.

— Ваше высокопревосходительство, помощник командира лейб-гвардии Преображенского полка гвардии полковник Кутепов по вашему приказанию прибыл.

Усадили в кресло. Здесь в большом кабинете собрались те, кто обязан навести в городе порядок и восстановить нормальную жизнь. Главным был генерал Хабалов. «Настоящий генерал-командир», — решил, глянув на него, Кутепов: лет около 60, красивая седина, уверенный взгляд, спокойный голос человека, привыкшего к тому, что его слушают и повинуются. В кресле у стола градоначальник Балк, который, кажется, был испуган еще несколько дней назад, но так и не отошел от испуга. У окна военный министр Беляев, генерал, попавший «в случай» к императрице. Его Кутепов знал и не любил. Министр, прозванный в армии «Мертвая голова», сидел неподвижно, с ничего не выражающим каменным лицом. Рядом с Беляевым Кутепов увидел министра внутренних дел Протопопова — худенького, с седой подстриженной бородкой, с головой, словно вдавленной в плечи. Были здесь и преобразенец полковник Павленков и еще несколько офицеров. Они собрались, чтобы решить судьбу столицы, судьбу России. Что же они решили?

Хабалов, основываясь на докладах других участников совещания, сообщил Кутепову о положении в городе: рота преобразенцев, солдаты Литовского полка и волынцы соединились с толпой бунтовщиков, разгромили казармы жандармского дивизиона и громят школы прапорщиков инженерных войск.

— Так же на Литейном, — сказал Протопопов.

Кутепов не в первый раз испытывал мгновенные перемены в своем видении тех, кто имел право отдавать ему приказы. С первого взгляда они казались незыблемо уверенными в себе, решительными и бесстрашными, но вдруг оказывались совсем другими — ему бы командовать ими. Однако еще в училище, когда приходилось подчиняться унтерам из таких же юнкеров, как и он сам, а порой и худшим, Ку-

тепов навсегда решил, что главный закон военной службы: выполнять приказ, а не судить командира. Иначе можно дойти до того, что на фронте оспорить приказ Верховного, то есть самого Государя. Кутепов никогда не позволял себе противоречить командиру, разве что в мыслях, но и мысли такие он прогонял. Потому и удавалась служба. Теперь полковник увидел растерянность в генеральском взгляде Хабалова, страх градоначальника, тоскливую беспомощность недалекого министра внутренних дел, бестолковость, нежелание что-то решать у других участников совещания. Оказалось, что в столице среди всех министров и генералов нет ни одного человека, способного прекратить беспорядки. Хабалов обвел глазами присутствующих, как бы ища подтверждения правильности своего решения, и сказал, стараясь придать голосу решительность и непреклонность:

— Я назначаю вас, полковник Кутепов, начальником карательного отряда.

Не задумываясь о смысле предстоящих действий, о том, что надо будет защищать то, что никто защищать не хотел, о необходимости рисковать жизнью и убивать, полковник обеспокоился лишь соблюдением субординации:

— Я готов выполнить любой приказ, любое задание, но я нахожусь в отпуске, запасной полк мне не подчиняется.

— Все отпускные подчиняются мне. Состав отряда и его задачи обсудим немедленно...

Тем временем поручик Дымников рассказывал знакомому адъютанту о прекрасном вчерашнем вечере, проведенном с Муравьевым и подругами.

— Говорят, Васька — красный? — спросил адъютант.

— Какой он красный? — удивился Леонтий. — У него отец на бирже миллионами ворочает. Просто болтает языком, как все мы иногда болтаем. Помнишь, чего только не говорили об императрице и Распутине? А он еще вспоминает предка-декабриста.

В этот момент беседа была прервана. Из кабинета вышел полковник Кутепов и объявил:

— Господин поручик, я назначен командиром карательного отряда, вы назначены моим адъютантом.

Основу карательного отряда составила рота Кексгольмского полка, дежурившая у Градоначальства. Роту

построили в колонну, и она двинулась к Невскому. Поручик Дымников не хотел ни умирать, ни убивать, но он был мужчиной не только в застолье и с женщинами. В училище действовал не хуже других юнкеров и в манеже, и на полигоне, и на стрельбище, а когда в 14-м пришлось идти под австрийские пули, быстро научился скрывать свой страх и без красивых слов о присяге и долге служил исправно, как и другие офицеры, его товарищи. Служба — мужское дело. Если попал в каратели, то и здесь служи.

От полковника, невысокого, но плотно сбитого, с «императорской» бородкой и усами, исходила мужественная решительная уверенность в правильности и необходимости своих действий. Когда у тебя такой командир, ты успокаиваешься и начинаешь верить в победу.

План Кутепова состоял в том, чтобы по линии Невский — Литейный оцепить толпу и гнать ее к Неве, а там рассеять или расстрелять. Отряд еще не дошел до Невского, когда произошел первый эпизод, в котором Кутепов показал себя настоящим командиром. Из-за желтого здания коробки Александринского театра появились солдаты, неорганизованной толпой валившие по мостовой. Расстегнутые шинели, грязные сапоги, равнодушно-наглые лица. Идущие сзади волокли несколько пулеметов и несли коробки с лентами. Солдаты посторонились, давая дорогу колонне. Полковника словно и не заметили.

— Стой! — крикнул Кутепов, расстегивая кобуру, и, доставая револьвер, приказал: — Поручик, найдите командира этой шайки!

Смущенный капитан тут же объявился сам и виновато доложил:

— Ваше превосходительство! Пулеметная рота Кексгольмского полка следует в казармы после дежурства. Люди устали...

— Молчать! Я командир карательного отряда, полковник Кутепов. Согласно приказу Командующего округом вы поступаете в мое подчинение. Мне нужны пулеметы. Постройте свою роту и следуйте за мной колонной.

— Ваше превосходительство! Рота сейчас неспособна к действиям. У нас нет ни масла, ни воды, и пулеметы не на двухколках, — сказал в оправдание капитан.

— Даю вам час, — распорядился Кутепов, — через час ваша рота в полной боевой готовности должна прибыть на Невский проспект в район Елисеевского магазина.

В этот момент, когда карательный отряд еще даже не приступил к своей деятельности, Дымников почувствовал, что теперь от решительности командира или от правильности его приказов ничего не зависит, и все будет происходить по воле других сил, пока еще не совсем понятных, но опасных, и кончится все плохо. По лицу командира пулеметной роты было видно, что он исчезнет вместе со своими солдатами и больше не появится. Так, наверное, будут выполняться все приказы Кутепова.

Вышли на Невский. Карательный отряд ножом врезался в стихию мятежной толпы. Лучший проспект в стране, воплощение порядка превратился в набитую людьми каменную яму. Однако несколько коротких команд полковника, и рота кексгольмцев очистила часть мостовой и тротуары у Елисеевского магазина. Люди шарахались в стороны и не особенно шумели. Главными опасными звуками пока оставались редкие выстрелы на Дворцовой площади.

По заданию полковника поручик встречал прибывающие подкрепления и указывал места их размещения. Однако во всем чувствовалось роковое сопротивление времени и судьбе. Две роты Преображенского полка во главе с капитаном Путилиным пришли как будто в полном порядке, но выяснилось, что из-за развала городского хозяйства солдаты со вчерашнего дня ничего не ели. Растерянный Путилин мялся под презрительно-жестким взглядом полковника. Сопровождавший его унтер-офицер бормотал что-то оправдательное и проклинал бунтовщиков:

— Они ведь чего хочут? Замиренья с немцами, царя долой и равноправия жидкам...

— Магазин рядом, а вы не знаете, как солдат накормить, — презрительно сказал полковник.

— Вы приказываете?.. — Путилин запнулся.

— Не грабить, капитан, а купить. Деньги я вам дам.

— Так закрыто же, Александр Павлович, — напомнил Дымников.

— А вы постучите. И погромче. Прикладами. Только аккуратно. Стекла не бейте.

Конечно, открыли, продали и хлеба, и колбасы, и карамелек вместо сахара и даже дали мешки, чтобы унести все это, но поесть солдатам не удалось. Зачастыми выстрелы на Дворцовой, и вдруг пуля прожужжала над головами. Другая ударила в стену. По звуку — на излете, но это не успокоило. Солдаты заволновались, кинулись к углам зданий, к подъездам, к выступам стен.

Кутепов спокойно стоял на мостовой, в самом центре, и разговаривал с каким-то офицером. Тот вертелся, наклонялся, пугаясь выстрелов и свиста пуль, и, закончив разговор, почти бегом устремился к спасительному переулку. Полковник же позвал Дымникова, и тому пришлось продемонстрировать мужество и не кланяться пулям.

— Через посыльного мне передали приказ генерала Хабалова, — сказал полковник, — направить отряд к Зимнему, туда движется толпа вооруженных солдат. Но я решил иначе. Мы пройдем по Литейному, далее — к Марсову полю. Там и встретим толпу.

Потом поручик часто вспоминал эту тактическую находку полковника, думал, может быть, напрасно Кутепов рванулся на Литейный, повел бы отряд прямо по Невскому, все произошло бы не так трагично, и карательный отряд смог бы рассеять толпу? Или все уже было предreshено?

Их встретил пожар — в конце проспекта горел Окружной суд. Легкий ветерок медленно двигал над крышами дикие, разгульные, пляшущие клочки пламени и округлые, тревожно вздымающиеся клубы дыма. Ввысь радостно мчались веселые искорки. Гулко хлопающие редкие выстрелы смешивались с рассыпчатым треском разбиваемых стекол. Несколько шевелящихся солдатских толп бушевало у магазинов, солдаты митинговали на мостовой, куда-то бежали. На тротуаре одинокой обреченной группкой стояли офицеры. Красные банты на шинелях некоторых солдат словно предупреждали, что без крови, без боя не обойтись. Люди с винтовками и красными бантами-сигналами превращали беспорядки в революцию.

Кутепов смело пошел на толпу солдат, выкрикивая команды: «Стой! Прекратить огонь! Разойтись по ротам! По-

строиться...» Стрелять перестали, и навстречу полковнику вышел какой-то унтер-офицер.

— Ваше высокоблагородие, — почтительно обратился он, — мы бы разошлись по казармам, да солдаты боятся, что всех теперь расстреляют за бунт.

К полковнику подошли Дымников, другие офицеры, несколько солдат-преображенцев и семеновцев, унтер-офицеры. С другой стороны надвинулись солдаты с винтовками. Люди с красными бантами мельтешили за их спинами.

— Все, кто выполнит мой приказ, все, кто станет в строй и пойдет за мной, расстреляны не будут! — громко объявил полковник.

— Не верьте, товарищи! — крикнул из группы красных бантов унтер-офицер с растрепанными светлыми волосами, падающими из-под папахи на глаза. — Не верьте полковнику! Он врёт! Вас всех расстреляют!

— Это кто такой? — спросил Кутепов унтера, вышедшего на переговоры.

Тот оглянулся и сказал с виноватым вздохом:

— Из Волянского полка. Кирпичников.

— Запомните, поручик, эту фамилию, — приказал Кутепов Дымникову. — Развивайте память. То, что сейчас происходит, забывать нельзя.

На город ложились сумерки, и последние языки пламени затухающего пожара, вырывающиеся из черных развалин, приобретали ярко-алый оттенок. Веселыми зелеными квадратами вспыхнул свет в окнах большого здания дворца. Открытые ворота были совсем рядом.

— Что в этом доме? — спросил Дымников унтера-семеновца.

— Дворец Мусина-Пушкина. Там теперь госпиталь Красного Креста Северного фронта.

— Если отступать — туда.

Кутепов с помощью солдат поднялся на какие-то ящики и продолжал выкрикивать свои призывы-приказы:

— Те, кто толкает вас на измену, на преступление перед государем и родиной, помогают нашим врагам-немцам! Не будьте мерзавцами и предателями! Оставайтесь честными русскими солдатами!..

В ответ разноречивыми выкриками:

— Не верьте, товарищи!.. Кончай бузить, ребята!.. Бейте жандарма!.. Заманивает, сволочь!.. Пошли построимся!.. Не верьте!..

Толпу затянуло в водоворот раскола, и красные банты вновь открыли огонь. Дымников увидел, что Кирпичников делится в полковника, но Кутепов мгновенно спрыгнул со своей импровизированной трибуны и уже лежал на земле, стреляя в толпу из револьвера.

Как в 1914-м, в Галиции, мир для поручика распался, разорванный выстрелами. Он, Леонтий Дымников, оказался на краю пропасти, надо было не медля, не раздумывая, подчиняясь звериному инстинкту, спастись, укрываться и в то же время заставлять себя притворяться бесстрашным, словно змею в руке придавить само желание бежать. Он полз к афишной тумбе, оглядываясь на полковника, который уже расстрелял барабан и спокойно-сосредоточенно заряжал револьвер новыми патронами. Может быть, он не притворяется, а впрямь не боится?

На мостовой лежал унтер-преображенец, который недавно объяснял причины бунта. Он монотонно кричал, подвывая, держась за живот, сгибаясь в клубок и вновь разгибаясь. Дымников обошел унтера и лужицу крови, стекающую в выемки между булыжниками. За тумбой, куда он добрался, прятались несколько солдат. «Прицельный огонь по предателям! патронов не жалеть!» — услышали они крик полковника, заглушивший стоны раненых, послушно заняли положение «стрельба лежа» и начали прицеливаться и стрелять. Дымников достал свой револьвер и стрелял, не особенно стараясь в кого-нибудь попасть, в сторону пожара. Там ползали и кричали, перебегали, некоторые лежали неподвижно, будто кто-то разбросал шенилы по проспекту.

Поручик не мог сказать, сколько времени продолжалась эта страшная перестрелка, но еще не стемнело, когда бунтующая толпа рассеялась. Кутепов приказал подобрать раненых и отправить их в госпиталь, убитых снести во двор. К нему подбежал какой-то штабс-капитан без фуражки, с оторванным погоном и что-то нервно говорил. Солдаты-семеновцы громко обсуждали тяжелые ранения двух

своих прапорщиков. Дымников считал грязь с шинели и не мог избавиться от чувства обреченности. От карательного отряда осталось человек тридцать. Остальные не погибли, не ранены — они просто исчезли. Солдаты, носившие раненых, не возвращались. Что-то должно было произойти... и произошло.

Из-за угла, со стороны Сергиевского собора, появилась группа людей в шинелях. Впереди шел офицер с красным бантом на груди. Шагов за пятьдесят он приветственно замахал рукой и закричал:

— Не стреляйте!

Еще не стемнело, и Дымников узнал старого приятеля. Полковник распоряжался переносом раненых. Обернувшись на крик, увидев издали погон и красный бант, он алобно крикнул, вновь выхватывая наган:

— Вот он, предатель родины!

— Не стреляйте! — продолжал призывать офицер, приближаясь к ним. — Революция победила! Создается Совет рабочих депутатов! В Таврическом действует Временный совет Думы! Революция...

— Всем огонь по предателю! — скомандовал Кутепов и выстрелил сам.

Винтовки захлопали почти залпом. Вася Муравьев упал, простреленный сразу несколькими пулями.

— Нашего поручика убили! — закричали там, возле дергающегося в предсмертных судорогах тела. — Бей их! Бей царских кровососов!..

Вновь на Литейный выбежали солдаты. Уже не толпа, а боевой рассыпной строй. Открыли бешеный огонь из винтовок, а с крыши Сергиевского собора гулко зачастил пулемет. Карательного отряда не стало.

Часть солдат-преображенцев вместе с офицерами бросились во дворец-госпиталь. Втащили с собой и мешки с продуктами. Вот и пришло время пообедать. Женщины в темных платьях и белых фартуках показали свободные комнаты. Смотрели опасливо, недоброжелательно.

Кутепов и здесь остался отцом-командиром: попросил, чтобы его провели по палатам, где лежат раненые из отряда. Дымников и другие офицеры пошли с ним. В палате на втором этаже умирали два прапорщика из Семеновского

полка. Кутепов, сев у их кроватей и глядя в невидящие глаза, на бледные заостренные лица, слушая невнятный бред, говорил что-то успокаивающее.

С усталым безразличием Дымников вышел в коридор. К нему кинулись встревоженные сестры милосердия. «Там солдаты, на улице... — взволнованно и невнятно говорили они. — Если найдут здесь здоровых, то мы не знаем... Они грозились...» — «Я здоров и сейчас уйду, — сказал им Леонтий. — А об остальных — к полковнику. Он в той палате...» Поручик нашел пустую палату, выходящую окнами на Литейный, и, не включая свет, подошел к окну. Совсем близко, внизу, в черной луже, наполовину расплавленной огнем фонаря, лежал Муравьев. Возле него сгрудились солдаты. Некоторые сняли папахи. Дымников узнал светловолосого Кирпичникова, рядом с которым стоял солдат с красным бантом на груди, неуместно улыбающийся или просто скалящийся. Надо быть мужественным и циничным. С одним долгом Леонтий рассчитался, но отчего-то по-мальчишески всхлипнул и вытер неожиданные слезы.

Это он — Александр Павлович Кутепов — убил Васю. Леонтий точно схватил момент: полковник целится из нагана профессионально, а на лице — гнусное драчливое злорадство. Дымников в детстве, гостя в имении знакомых, видел, как дрались тамошние мальчишки, один из которых, такой же маленький и злорадный, метко бросал камни. Бил в голову, в глаз, сильно и точно, и злоратно выкрикивал что-то, когда камень поражал беднягу, и тот кричал, падал, плакал, утирал кровь...

Солдаты поглядывали на окна, о чем-то совещались. Скаливший зубы словно почувствовал, что на него смотрят, поднял взгляд и погрозил кулаком.

1917. МАРТ

Служба продолжалась, и поручик Дымников, 1 марта прибыв в казармы Преображенского полка, узнал, что полк решил признать новую власть, а полковник Кутепов ищет его. Встретились в офицерском собрании. Отведя поручика в сторону, полковник сказал:

— Не принимайте этот позор близко к сердцу, Леонтий Андреевич. Я знаю настроение и состояние частей на фронте и убежден, что в ближайшее время придут войска и наведут порядок в Петрограде. Возможно, и мы с вами примем в этом участие. Однако надо срочно выезжать на фронт. За мной здесь охотятся, вас тоже могут схватить в любой момент — вы же участвовали в карательной операции.

Кутепов был прав — они еще не покинули собрание, когда кто-то из унтер-офицеров подошел к полковнику и что-то сообщил шепотом.

Надеясь на пропуск, выданный Кутепову за подписью председателя Государственной думы, они пошли на квартиру, на Васильевский остров, но на Николаевском мосту полковника ждали брат Борис и младшая сестра Саша. «Не ходите домой, — сказала сестра, обрадовавшись, что смогла предупредить брата. — Все время приходят за тобой, Саша. Матросы и какой-то солдат с бантом». «Зубы скалит, как голодный волк», — добавил брат и передал, что даже прислуга, Захаровна, уговаривает Александра Павловича немедленно уезжать: «Такие рожи, что и отца родного убьют».

Дымников пригласил полковника на ужин к родителям. Мать угощала бифштексом с жареной картошкой, но без хлеба. К чаю подала пирожные собственного изготовления. Отец, профессор математики, неплохо знал историю и не преминул вспомнить слова Марии Антуанетты¹: «Если у народа нет хлеба, пусть он ест пирожные».

Уже все знали, что царь Николай II готов подписать отречение, и Кутепов задумчиво сказал:

— Что-то будет с нашей Александрой Федоровной?

— Думаю, что ничего не будет, — с беззаботным оптимизмом успокоил профессор. — Скорее всего, в Англию уедут.

— Может быть, в Германию? — усомнилась профессорша. — Она же немка.

— Туда сейчас нельзя, — война, — ответил муж.

— Эти временные, наверное, сразу заключат какой-нибудь подлый мир, — предположил Кутепов.

— Не-ет. Что вы! — профессор даже рассмеялся. — Эти никогда не пойдут на мир с Германией.

— Но мир же в их пользу. Трусы бунтовщики не хотят идти на фронт, не хотят воевать за Россию, требуют мира.

— Во Временном правительстве не те люди, что пойдут на мир с Германией. Даже если им будет плохо, они не выйдут из Союза с Англией и Францией, не прекратят войну.

— Почему же?

Профессор улыбался; у него был вид человека, знающего нечто важное, однако еще не решившего, можно ли поделиться этими знаниями с другими.

— Такие они люди. Они... Я со многими деятелями знаком, но сам в их... круг не вхожу. С вами, Александр Павлович, не буду секретничать — вы для нас почти родственник. Вместе с сыном сражались.

— Андрей, не вспоминай об этом ужасе, — простонала профессорша.

— Скажу вам, полковник, откровенно и коротко: все Временное правительство — масоны. Они подчиняются англо-французским масонским ложам. В истории России такое уже происходило. Кутузов был масоном, потому и уговоривал Александра не вести армию в Европу. Это Лев Толстой придумал, будто он пожалел русских солдат и потому не хотел продолжения войны с Наполеоном. Суворовские командиры солдат не жалели — знали, что в России людшек хватят.

— Позвольте, — осторожно возразил Кутепов, оставляя недопитый чай. — Русские командиры всегда берегли солдат.

— Не знаю, не знаю, — скептически покачал головой профессор, — наверное, вы глубже изучали военную историю, но есть же цифры потерь в сражениях...

— Не надо спорить о прошлом, — вмешалась профессорша. — Мы сами живем в ужасное время...

В подтверждение ее слов под окнами хлопнул винтовочный выстрел, ему ответил другой, дальний. Кутепов вопросительно посмотрел на хозяина.

— Ко мне не придут, — сказал профессор, но на лице его возникло выражение серьезной озабоченности. — Я получил какую-то охранную грамоту, как защитник студентов.

Помолчали, прислушиваясь. Больше не стреляли и, слава Богу, не били в дверь прикладами винтовок.

— Сейчас самое безопасное место — фронт, — поставил точку в разговоре Кутепов.

С Варшавского вокзала нельзя было уехать ни завтра, ни послезавтра. Совсем недавно, чуть ли не вчера, здесь еще можно было наблюдать то, что осталось от романтики войны: лермонтовские офицеры, дамы с цветами, духовой оркестр, слезы прощанья, ресторан с коньяком в чайничках, театральные поцелуи у вагонов, аккуратный патруль на перроне... Была песня: «На Варшавском столичном вокзале паровозный гудочек пропел, а на лавке под серой шинелью, пригорюнясь, сидел офицер...» Теперь на лавках сидели расхристанные солдаты с девицами в платочках, жужжали семечки, орали что-то непотребное под гармошку, а на стене красовался плакат: «Да здравствует Учредительное собрание».

На перрон Дымников только заглянул и поспешил уйти. Там царили серые шинели, красные банты и черные бушлаты. Двое матросов волокли какого-то перепуганного несчастного. За ними валила толпа с криками: «Жандармская сволочь!.. Дави его, ребята!.. Дай я его здесь прикончу!..»

Матросы — черная смерть. По Невскому ходят группами с винтовками, револьверами, гитарами; метут клешами грязный тротуар, поют: «По морям, по волнам, нынче здесь, завтра там...» От них веет ужасом кровавых расправ. Командующего крепостью адмирала Вирена разорвали на части, офицеров жгли в топках, спускали под лед, складывали гекатомбы⁶ из офицерских трупов. Дымникову сразу стало ясно, что Кутепову здесь и до вагона не дали бы дойти.

Было решено ехать через Москву. Кутепов, его младший брат Сергей и Дымников поздно вечером добрались до Московского вокзала и без всяких затруднений купили билеты. Полковник принципиально не стал менять форму на гражданскую одежду. Дымников же превратился в студента.

— Я бы прямо сейчас поехал с вами, — сказал Сергей, — но жена, Маша. Надо сначала как-то ее устроить.

— Сейчас бы я тебя не взял, — сказал Кутепов. — В моем полку надо служить, а ты можешь только вольноопре-

деляющимся устроиться. Вот Борис — офицер. Его я в свое время возьму. Но здесь тебе оставаться тоже нельзя — матросики, не найдя меня, возьмут другого Кутепова. Попрошу Михаила Васильевича Алексеева⁶, чтобы он произвел тебя в прапорщики, у него есть такое право, и тогда сразу ко мне. Марью Васильевну подготовь к одинокой жизни жены прапорщика лейб-гвардии Преображенского полка.

Попрощавшись с Сергеем, они вошли в еще пустое купе.

— Какой у вас маленький саквояж, Александр Павлович, — удивился Дымников.

— У меня, поручик, ничего больше нет. Самое ценное ношу здесь, на груди: медальон с портретом покойной мамы. Я не застал ее живой, а она ждала меня до последней минуты. Да... В саквояже — наган. Это тоже мое. Кроме этого, нет больше ничего. А теперь...

Кутепов не стал продолжать беседу и говорить, что он отца потерял в 8 лет, маму — в 14, а теперь, в 35, потерял и все остальное, что было для него всей жизнью: Россию, Государя, армию. Если всего этого не удастся вернуть, то лучше умереть.

Сначала в купе появился высокий размашистый брюнет, представившийся коммерсантом Степаном Вячеславовичем. На его крупном лице с большим носом обнаружилось несомненное уважение к полковнику.

Следом вошел невысокий белобрысый поручик с чистеньким дисциплинированным лицом и хитрыми глазками. Как положено, отдал честь полковнику и представился. Оказалось, что Павел Васильевич Макаров, возвращающийся на фронт из отпуска, и коммерсант знакомы, поэтому едва ли не сразу начались воспоминания. Коммерсант упомянул о каком-то деле, но поручику это было явно неприятно, и он прервал Степана Васильевича вопросом:

— Теперь вы опять в Киев?

— Нет. Решил обосноваться в Харькове. Живой город, и родственники есть. Прекрасная гостиница «Гранд-отель». Не бывали, господин полковник?

Кутепов отрицательно буркнул, не желая беседовать с коммерсантом.

— Мой 134-й Феодосийский не в Харькове, а в Галиции. Наше дело сейчас порядок наводить в армии и в стране, —

казал он, сурово нахмурил брови и сжал мальчишеские пухлые губы, изображая серьезные раздумья.

Естественно, заговорили о политике. Коммерсант твердо стоял за республику.

— Даже представить не могу, — говорил он, — чтобы, например, во Французской республике пришел к власти такой ничтожный человек, как наш бывший император...

Кутепов молча глядел на коммерсанта с тем же драчливым вызовом, с каким стрелял в Муравьева на Литейном. Дымников, опасаясь ненужной вспышки, вяло возражал:

— Но согласитесь, что твердая власть — это власть одного лица. А России нужна твердая власть — страна еще не готова к республиканским свободам.

— А вы знаете, где готовят к этим самым свободам? — ехидно парировал коммерсант. — Может быть, есть где-нибудь такой университет? Нет, уважаемый студент. Народ всегда готов к свободе. Говорить, что страна не готова к свободе — это, извините, то же самое, что объяснять 14-летнему влюбленному подростку, будто он еще не готов к любовным отношениям.

Так и ехали под политические разговоры. Леонтий с грустью вспоминал прежние поезда с вагоном-рестораном, преферансом, одинокими дамами-попутчицами. Теперь же это не вагон, а глухой подвал, гремящий и движущийся куда-то в зловещую ночь. Из него не убежишь, когда загрохочут по коридору матросские ботинки. О том, что возможны обыски и проверка документов, проводник уже шепнул. На рассвете он разбудил выкриком: «Тве-ерь!.. Стоянка 10 минут!»

Кутепов, по-видимому, всю ночь не сомкнувший глаз, предложил выйти на перрон, где не было ничего, кроме торговок с мешками семечек. Прошли вдоль поезда и уже возвращались к своему вагону, когда впереди появились солдаты и матрос. Дымников мгновенно узнал в солдате того, зверски улыбавшегося, с Литейного. Он, указывая на Кутепова, что-то доказывал матросу, опоясанному патронной лентой.

«Тика́ть», — вспомнил Леонтий солдатское словечко, шарахнулся к своему вагону и услышал крик матроса: «Проверь у него документы, Клинцов!» К Кутепову подскочили двое с револьверами. Полковник вел себя достойно.

— У меня нет оружия, — сказал он, — и руки поднять мне незачем. Я полагаю, сейчас ни у одного офицера нет оружия.

Тем временем ударил станционный колокол, извещающий об отправке поезда. Матрос крикнул своим: «Всем в вагон! Этого в поезде проверим!»

Кутепов и Дымников вскочили в свой вагон, добежали до купе и, не сговариваясь, схватили свои вещи, успев прыгнуть на перрон, когда поезд уже набирал скорость.

Через несколько часов в Твери сели в скорый поезд, в прямой вагон «Петроград—Москва—Воронеж». В купе оказались вдвоем. После хорошего обеда прилегли отдохнуть, и Кутепов рассказывал о себе, о своем родном городе Череповце, укрытом со всех сторон Вологодскими сырыми лесами, грибными и ягодными, об отце-лесничем, о братьях и сестрах. Вспоминал детскую обиду на отца — на самом деле, на отчима, который не отдал его в кадетский корпус, из-за чего пришлось учиться в гимназии, в далеком Архангельске, а в юнкерское училище в Петербург поступать только после службы вольноопределяющимся. Из училища он, подпоручик, сразу направился на Русско-японскую войну. Как о самом ужасном в жизни и в то же время как о чуде, вспоминал Кутепов о роковой маньчжурской скале, на которую взбирался под огнем японцев. Их было много — взвод или даже рота — они били и чудом не попали.

— С тех пор, — говорил Кутепов, — я всегда стараюсь встретить опасность грудью и при этом не испытываю страха. Поэтому в любом бою предпочитаю наступать. Наш командующий армией генерал Корнилов тоже всегда идет вперед. Вы знаете, что он бежал из плена?..

Слушая полковника, Дымников понимал, что перед ним настоящий геройский русский офицер — один из тех многих, которые создали военную славу России, и поэтому готов был понять и оправдать карательную акцию на Литейном, убийство Васьки — тот ведь нацепил по наивности красный бант...

— А вы запомнили, поручик, фамилию того унтера с Литейного? Я вам приказывал запомнить. Его фамилия Кирпичников. А запомнили, как зовут вчерашнего попут-

Васька, коммерсанта? Хорошо. Вы не понимаете, зачем это надо помнить? Это надо потому, что мы должны обязательно найти их и расстрелять!

1917. АПРЕЛЬ

Приказом Верховного главнокомандующего Алексеева от 2 апреля 1917 года гвардии полковник Кутепов был назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка. Недаром говорят, что самые сокровенные мечты сбываются, но... Но не совсем так, как представлялось в фантазиях. Даже совсем не так. Еще в Петербургском пехотном училище юнкер Саша Кутепов вообразил себя командиром знаменитого полка, придумал, как он будет встречать шефа преображенцев, самого Государя, как будет побеждать в сражениях. А когда после Русско-японской войны и революции в одной роте Преображенского полка произошло неслыханное — солдаты выразили недовольство, что их не в очередь посылают в караул, и эту роту расформировали, произошло событие, пробудившее веру в судьбу, веру в мечту: вместо непослушной роты было приказано ввести в полк лучшую из армейских рот, а лучшей оказалась рота Выборгского полка, которой командовал поручик Кутепов. Так он стал преображенцем.

Тогда, в 1907-м, это был первый полк Великой Российской империи. Была Россия, император, армия, дисциплина, присяга... А теперь, когда мечта сбылась...

Ранняя украинская весна гонит в приоткрытое окно штаба раздражающий ветерок, тоже, наверное, революционный, разбрасывающий бумаги на столе.

«Приказ № 1

от 1 марта 1917 года

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно

выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, выбрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее — должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов и, в частности, обращение к ним на «ты» воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всяких недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов».

Сатанинская гениальность — одной бумажкой разрушить десятиллионную Русскую армию. Испоганили все. Быть командиром полка в такой армии? Повиноваться сборищу невежественной завистливой черни? Выпрашивать у них разрешение на выдачу оружия офицерам? Или лучше умереть, уснуть, как сказано в великой трагедии? Застрелиться? Великая трагедия теперь здесь, в России.

Преображенский полк, гвардия, офицерский корпус — последние непрочные стены. Он, командир полка, должен укреплять эти стены, а не уходить трусливо. В штабе — порядок. Лучший дом в поселке, никаких хозяев, никаких штатских. В батальонах нормальные занятия, подготовка к выходу на позиции, вечерние поверки, регулярные строевые смотры. Солдаты спокойны и пока молчат, но... у многих взгляд изменился — в глаза не смотрят. А вокруг, в армейских полках всюду орудуют предатели, там митинги, перевыборы командиров, аресты офицеров, дезертирство. Чуть-чуть посильнее рванет красный ветерок, и последние «стены» не устоят.

В дверь постучали размеренно четко. Вошел подтянутый полковой адъютант капитан Малевский-Малевич. К столу он прошагал почти как на параде — воплощение настоящего гвардейского порядка. Такие офицеры — это и есть стена, защищающая то, что осталось от России, от армии, думал Кутепов, глядя на стройного капитана. Однако выяснилось, что и эта «стена» зашаталась.

— Александр Павлович, вас приглашают на заседание полкового Комитета.

— Я же поручил вам заседать в этом... Комитете от моего имени.

— У них вопросы лично к вам.

В большой штабной комнате, предназначенной для совещаний, собралось общество, ранее не виданное: офицеры, унтера, солдаты рядом за одним столом, на стульях и лавках у стен. При входе полковника никто не подал команды, никто не встал. Офицеры стыдливо прятали глаза. Солдаты смотрели на командира с любопытством, а некоторые даже нагло. Особенно те, что были из нового пополнения. Хлебнули питерского бунта. На столе вместо привычной зеленой скатерти — красная. Вместо топографиче-

ских карт с обстановкой — газеты. У некоторых солдат — «Правда».

Вопрос, ради которого пригласили Кутепова, задал один из новых солдат. Поднялся он со скамейки не по строевому, а расхлябанно, как в деревне с лежанки. Хитрое лицо мужичка себе на уме. Но по всему видно, что не деревенский мужичок, а городской пролетарий. Раньше в Преображенский такие не попадали.

— Господин полковник, солдаты поручили мне узнать, что вы делали 27 и 28 февраля в Петрограде? Может, вы, как некоторые офицеры, участвовали?.. То есть стреляли в народ? Или что еще...

Загудел Комитет, в гуле и одобрение, и возмущение, и удивление.

— Какие солдаты вам поручили? — резко спросил Кутепов. — Вы сами кто? Какой роты?

— Я — рядовой Заботин из седьмой роты. Солдаты, вот, поручили мне, значит, спросить... Наши солдаты.

Ответил не по-военному. Болтал, а не докладывал.

— С пополнением прибыли?

— Да. На той неделе нас привезли.

— Не да, а так точно! — возмутился Малевский-Малевич.

— Так мы ж не в строю, — с притворной наивностью ответил солдат и обратился к товарищам за поддержкой. — А? Ребята? Не в строю же мы.

Старослужащие осуждающе молчали. Некоторые из них осторожно поддержали: известно, мол, не в строю.

Комитет шумел, и Кутепов не мог быстро найти правильное решение. Помогли офицеры — наверное, сговорились еще до его прихода — от их имени выступил командир первой роты.

— Мы — офицеры, члены полкового Комитета, требуем снять вопрос с обсуждения. Если с нами не согласятся, то мы выходим из комитета. Все офицеры полностью поддерживают нашего командира полка.

Заботин сел, бормоча, что он ни при чем, что ему поручили, что как решит Комитет, так и правильно...

Поднялся ротный писарь Боговой, хоть и старый преображенец, но совсем «красный». Кутепов не ждал добра от его выступления.

— Я член партии социалистов-революционеров, — говорил Боговой. — Наш лозунг: «В борьбе обрешь ты право свое». Но мы боремся за великую свободную Россию, за землю для крестьян, а не против офицеров, умеющих воевать за Россию. Пусть полковник Кутепов не наш, но такие командиры нам нужны. Он честный и правдивый человек. Чего бы он там ни делал в Питере, он делал по своей совести, по своей присяге, выполнял приказы своего начальства. Мы, старые солдаты, знаем Александра Павловича. С ним в бою не пропадешь.

На этот раз даже возникла надежда на лучшее: может быть, Россия одумается? Не один же писарь Боговой хочет жить в великой стране. А с Заботиным...

После заседания Комитета полковник вызвал адъютанта.

— Ну что, Федора Ивановна?

Если полковник вспоминал свою странную поговорку, значит, он в хорошем настроении.

— Ну что, Федора Ивановна? Развели бунтовщиков? Знаете, что Деникина^а назначают начальником штаба Верховного? Там наводят порядок. А у нас — Заботин. Разберитесь с ним. И вообще, что делается в седьмой роте.

Командира роты адъютант не нашел — тот уехал в город. Удалось разыскать ротного офицера поручика Дымникова. В такой предвечерний час, когда солнце еще играет в закрашенных окнах, а с востока наступает густая грозная туча, создавая томительно тревожный контраст, Лео, конечно, сидел в корчме. Одно время в этом широком доме с большим залом Кутепов разместил офицерское собрание, теперь полковой комитет упразднил собрание в связи с революцией, установившей солдатское равноправие, однако солдаты пока еще не решались сюда ходить.

Дымников беседовал с незнакомым адъютанту армейским штабс-капитаном, таким же молодым, как сам Лео. За другими столиками расположились еще несколько офицеров. Поручик любезно пригласил Малевского-Малевича, познакомил с приятелем. Тот оказался из армейского Ольгинского полка, стоявшего неподалеку: Игорь Павлович Меженин. Говорили они, как ни странно, не о женщинах, не о плохом начальстве, не о революции, а о литературе. Толстой, Достоевский, Блок... Меженин утверждал,

что Лев Толстой перешел от великой литературы к сомнительной философии, а Достоевский на всю жизнь был напуган расстрелом, каторгой и поэтому, боясь, что снова посадят, боролся против либералов, придумал святого мужа — носителя христианской идеи. Блок, разумеется, — сегодня лучший поэт.

— Хорошие стихи, но слишком дамские, — сказал Дымников.

— А бимбер сегодня как? — спросил адъютант.

— Обычный свекольник. Большая рюмка — полтинник.

— За чайничек брали полтинник, а рюмка в два раза меньше, — удивился адъютант.

— Так теперь по случаю революции отменили царский запрет и не прячут в чайниках.

— Вот вам, Лео, повод еще раз Марысю поздравить, — сказал Меженин.

— Новая?

— Да, — подтвердил Дымников с печальным вздохом.

Он сделал знак, и из-за занавески вышла светлолицая, голубоглазая, с лицом царевны девушка: белый фартучек в цветочках казался царским одеянием, а белоснежная наколочка на пышных рыжевато-каштановых волосах — короной. Девушка наклонилась к офицерам, обдав ароматом чистого женского тела, слегка сдобренного духами.

— Марыся, мы с тобой поговорим сегодня? — спросил Дымников с непривычной для него жалобной ноткой в голосе.

— Зовите меня Машей, пан офицер. Я совсем русская.

— Маша, я подожду тебя.

— Не знаю, пан офицер. Вечер — много робиць надо, — сказала она, а сама не отрывала от поручика взгляда. Глаза — зеленоватые, кошачьи.

От нее исходил не только аромат, но и особенный бело-розовый свет.

— Я вас понимаю, Лео, — сказал адъютант, когда Марыся направилась к буфету, виляя крепкими бедрами, обтянутыми темной юбкой.

— Просто заболел, — признался Леонтий. — Я вообще болею, если долго нет женщины, а когда эта появилась, ни

я какую другую смотреть не могу, а она ломается, цену набивает.

— Откуда она?

— Из Варшавы. Говорит, немцев боится, а русских любит.

Марыся принесла самогон в рюмках, соленые огурцы, колбасу и попросила у офицеров «запалки» — спички. Зажигала керосиновые люстры, встав на высокую табуретку, вытягиваясь, высоко открывая нежно-выпуклые мягкие ножки в белых чулочках и секретные кружева, колышущиеся под юбкой.

— М-да, — вздохнул адъютант.

— Кто не спал с полячкой, тот не знает, что такое любовь, — сказал Меженин.

— А ты, Игорь, спал? — спросил Дымников.

— Я недавно, в отпуске, женился на очень хорошей девушке.

— Конечно, на тургеневской? — съязвил поручик.

— Я, Лео, не буду отрекаться — она тургеневская. Сестра милосердия в Лефортовском госпитале и учится на врача. Мечтает стать хирургом. Хочет служить народу.

— И, конечно, за революцию?

— Естественно.

При Меженине не следовало говорить о произошедшем на Комитете. Сидеть до конца, пока Лео дожидается свою пассию, не хотелось, и адъютант предложил прогуляться. Весенняя прохладная тишина, почти полная луна, которая подсвечивала побеленные стены, поблескивала на железных крышах, девичий смех, раздававшийся невдалеке, встретили офицеров за дверями корчмы. Меженин сразу отклонялся, Дымников заявил, что будет ждать здесь.

— Бойтесь, убежит?

— Еще один прицелился. Вчера я ему объяснил свои права, но он, кажется, плохо понял. Вот и он, легок на помине.

К корчме шел прапорщик-преображенец.

— Это же брат Александра Павловича.

— Ну да. Липовый прапорщик. Алексеев его произвел. А ей лестно — брат командира полка.

Прапорщик подошел к офицерам и остановился в некоторой растерянности. Поздоровались.

— Сергей Павлович, я договорился с известной вам девушкой о том, чтобы провести с ней вечер. Я ее жду, и ваше появление меня удивляет.

— Господа, я же могу зайти просто выпить.

— Сегодня вам придется выпить в другом месте, — сказал Дымников, — иначе между нами могут сильно испортиться отношения.

— Господин поручик, неужели из-за...

— Ни слова, — прервал его Леонтий, — или я вас тоже оскорблю.

— Странный вы человек.

— Господа, — вмешался адъютант, — прошу не затевать ненужную ссору. У нас есть более серьезные проблемы. На вашем месте, Сергей Павлович, я бы уступил поручику. Он, действительно, договорился с девушкой, и вряд ли ваше знакомство с ней обрадует Александра Павловича.

— Да я ведь так, — примирительно сказал Сергей. — Мне ничего здесь и не надо. И жена вскоре приедет.

— Вот и прекрасно, — сказал Дымников. — Останемся друзьями.

Прапорщик направился искать другое место, где можно выпить.

— А вы страстный мужчина, — сказал адъютант, — неужели были готовы до поединка?

— Я — русский офицер.

— Вы хорошо пьете, — сказал адъютант, — умело.

— Из многих зол я выбрал самое сладкое.

— И с вами сейчас можно говорить серьезно.

Рассказ о случившемся на Комитете нисколько не взволновал Дымникова.

— Что я могу сделать? — ответил он вопросом. — Таких солдат, как Заботин, пачками присылают из Питера. Куда хороших солдат-преображенцев подевали, господин капитан? Где они? В могилах?

— В больное место бьете, поручик. Другой раз ночами не сплю — вспоминаю прошлогодний кошмар. 15 июля здесь, неподалеку, на Стоходе, начальник лейб-гвардии мерзавец Безобразов соизволил праздновать день ангела — день святого Владимира, и в честь этого великого события погнал полки на окопы, на проволоку, на пулеметы

ты почти без артподготовки. Кавалерию — в конном строю... За своим именинным столом не шампанским уживался, а гвардейской кровью. А вы знаете, Леонтий Андреевич, за какие заслуги этот негодяй, это ничтожество, был назначен командовать гвардией? Хорошо рассказывал нашему бездарному императору похабные анекдоты.

— Александр Павлович, конечно, бесстрашно шел на пулеметы впереди полка и не сомневался в правильности приказа Безобразова?

— Полковник — храбрый командир. На фронте такие незаменимы. А что он думал о приказе, я не знаю, но нам, офицерам, обсуждать приказы запрещает.

Малевский-Малевиц — человек, близкий Кутепову, и, разумеется, ему не надо говорить, что полковник вообще мало думает, а предпочитает стрелять. Лучше помалкивать и слушать других.

— Поговорите с солдатами, — продолжал капитан о своем, — с Заботиным этим. Объясните им, что скоро предстоит отправляться на позиции, а летом, наверное, — в наступление. Скажите, что в бою лучше командира, чем Александр Павлович у них никогда не будет.

— Поговорю. Только, знаете, с ними другие много говорят. Из Питера приезжают агитировать. Я одного давно приметил. Есть такой Клинцов из Волынского полка. Был здесь, собирал наших солдат. Как его отпускают, не знаю. Может быть, он дезертировал? Он агитировал здесь. Возможно, и на полковника он натравил.

Заскрипела дверь корчмы, и в тускло желтом проеме появилась женская фигурка.

— Она! — вскинулся Дымников.

Марыся вышла из тени и, поблескивая лунными искорками в глазах, легкими шажками почти подбежала к офицерам.

— Поздно гуляете, панове, — сказала она, с улыбкой поглядывая то на одного, то на другого. — Поздно гуляете.

— Тебя жду, Машенька-Марысенька, — сказал Дымников.

— Меня чекаете? Какой добрый пан поручик.

Адъютант еще не исчез в ночи, а Леонтий уже обнимал

Марысю, тянулся к ее лицу, целовал в шею, утокая в душном аромате волос, шептал на ушко:

— Не могу без тебя, Марысенька. Идем ко мне. Угощу настоящим шоколадом из Петрограда.

— Зачем к тебе, пан? — спрашивала Марыся, слегка сопротивляясь объятиям поручика. — Своя квартирка есть. Шоколада не маю, а вино есть з Варшавы.

Хорошее французское вино пили в комнатке Марыси при свечах. Белая скатерть, белые занавески на окнах, белое покрывало на кровати. Леонтий опытными руками ласкал почти уже не отбивающуюся девушку.

— Руки без стыду, — говорила она. — Для чего туда лезешь? А то и я полезу.

— Я тебя люблю, Марысенька. Я тебя кохаю. Ляжем спать, Марысенька. Поздно уже.

— О-о, какой ты, Лео. Совсем без стыду.

Поднялась с дивана, оправила платье и прическу, сказала деловито:

— И то правда, поздно.

Задула свечи и сняла платье.

— Зачем погасила? Я хочу видеть твою красоту. Там, где любовь, стыда нет. Я и без свечей тебя увижу. Луна сегодня добра.

Он сдвинул занавеску, и разгулявшийся лунный свет хлынул в комнату на голую Марысю, распуская волосы на ночь.

— Ты прекраснее Венеры, — задыхаясь от желания, говорил Леонтий. — И волосы у тебя там из золотых нитей. Разрешу поцелую...

— О-о, какой ты нежный. А у тебя здесь что? А ты кохливый...

— Память об австрийском осколочке. Еще бы вершок — и я не мужчина.

— О-о! Такой мужчина и не мужчина. Закрой занавеску. Я так не буду. Я луну боюсь.

Леонтий торопливо прошел к окну и, задерживая занавеску, увидел группу солдат, шагающих по улице в беспощадно ярком лунном свете. Человек пять. Преображенцы вперемешку с какими-то армейцами. Дымников услышал неясно бубнящие голоса, разобрал слова «без аннексий».

Таким образованным стал русский солдат. Ближе к окну шел Заботин. Он у них, наверное, главный: едва начал что-то говорить, как все замедлили шаг и повернулись к нему. Леонтий не слышал, но догадывался, о чем говорит солдат.

А тот объяснял:

— Мы, эсеры, тоже за то, чтобы без аннексий и контрибуций. Чернов⁹ из-за границы вернулся — теперь мы с головой, и вся власть будет наша, а кто солдатскую и рабочую кровь проливал, тот свою кровью ответит. Мы же знаем, что бородатенький творил в Питере на Литейном. А? Ребята? Чего же нам ждать? Что нам комитет? Мы сами — суд. Собирай своих, а я из Преображенского наших приведу...

1917. МАЙ

Вооруженный воин верхом на коне, княжеский дружинник, петровский солдат, офицер-гвардеец — он и есть главный человек в России. Вместе с Вещим Олегом создавал и оборонял Киевскую Русь, завоевывал земли до Тихого океана, обустроивал Российскую империю, покорял Крым, побеждал Наполеона. И он, полковник Кутепов, в 35 лет ставший командиром лучшего полка Русской армии, такой же воин, как те, прежние. Его черед защищать великую страну.

С рекогносцировки полковник возвращался исполненный надежд на восстановление порядка, на будущие победы. Скоро предстоит передислокация на новые позиции к Тарнополю — на правый фланг готовящегося наступления. Знают, куда ставить гвардию — там немецкие полки.

После такой конной прогулки хорошо с толком пообедать, но навстречу мчался галопом офицер, тревожно согнувшийся, нервно орудуя нагайкой. Остановил разгоряченную лошадь, та злобно кусала удила, брызгая пеной, беспокойно переступала, взрывая копытами пыльную дорогу, словно затаптывала обманчивое спокойствие, появившееся у Кутепова.

— Господин полковник! Армейцы собрали митинг против войны. Бунтуют, ищут вас.

— А наш полк?
— Некоторые солдаты тоже там. Офицеры не участвуют.
— Не участвуют? — возмутился Кутепов. — Должны участвовать — разгонять бунтовщиков.

— Может быть, вам переждать, Александр Павлович? — предложил Малевский-Малевич. — Или к семеновцам?

— Ждать, когда погубят армию и Россию? Вперед! За мной!

И Кутепов погнав лошадь с места в галоп и даже в карьер.

Митинг бушевал возле корчмы, где, наверное, многие успели выпить. Армейские солдаты были с винтовками — комитет выдал для бунта, заготовил, видно, даже грамотные плакаты, поднятые над гудящей толпой: «За мир без аннексий и контрибуций», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!»

— Царя прогнали, а нам легче не стало!.. — кричал с крыльца рослый солдат с красной лентой на серой папахе. — Генералы и офицеры гонят в наступление! Кровью нашей хотят упиться! Свои богатства уберечь! Не пойдем, товарищи, в наступление! Не станем умирать за буржуев! За офицеры, которое нас расстреливало в Питере в феврале. Пора их порешить нашим народным судом! Братья солдаты! Товарищи!..

Повернуться и ускакать? Будут стрелять в спину, как в Манчжурии. Нет! Только вперед! И на стену, и на скалу.

— За мной! — скомандовал Кутепов и врезался в толпу, одним прыжком соскочив с лошади. Он шагал, расталкивая солдат, держась за рукоять пашки.

Растерявшиеся солдаты расступались. Оратор увидел полковника и закричал:

— Вот он, Кутепов! Это он расстреливал рабочих и солдат! Бейте его!

— Бейте кровопийцу! — закричали в толпе. — На штыки Кутепова!

Самые решительные уже пробирались к нему.

— Преображенцы, ко мне! — закричал полковник. — Преображенцы! Не выдавайте своего командира.

И преображенцы не выдали: человек 20 быстро окружили Кутепова, оттесняя злобствующих, приговаривая: «Не

дело это, ребята... Не совершайте убийства... Не совершайте грех...»

Вечером, выслушивая доклад адъютанта о подготовке полка к походу, Кутепов был мрачен и странно безразличен. Капитан осторожно пытался как-то его расшевелить:

— С нашими солдатами мы можем спокойно идти в наступление, — говорил он. — Сегодня они показали свою верность присяге и вам, Александр Павлович.

Полковник скептически взглянул на капитана и не стал продолжать разговор о верных солдатах.

— К утру приготовьте приказ о походе, — сказал он.

Адъютант уже подходил к двери, когда Кутепов остановил его вопросом:

— Что вы думаете о будущем наступлении, капитан?

— Я уверен в успехе, — ответил капитан не совсем твердо.

— Мой полк выполнит приказ, а эти, — он презрительно покачал головой, — эти побегут и побросают винтовки. И хорошо, если побросают, а то еще и офицеров своих перебьют.

1917. ИЮНЬ

Жарким утром Кутепов с небольшой свитой объезжал центральные улицы Тарнополя. На белой стене городской управы, между рядами маленьких старинных окон увидел плакат — красным по лоснящемуся черному: «Тыл победил самодержавие, фронт победит Германию».

— Согласны с лозунгом Брусилова¹⁰, поручик? — спросил он, повернувшись к сопровождающему.

— Так точно, господин полковник, — ответил тот. — Наступление началось удачно.

— Удачно, Федора Ивановна. Чуть не половина полков отказались идти в бой. Удачное начало — заслуга Корнилова. И то, что мы с вами здесь, а не на передовой, тоже его решение. Но он оставил нас в резерве не для того, чтобы мы яблоки ели, а чтобы спасти фронт, когда армия победит от немцев. «Армия свободной России», как ее называет господин военный министр. Слышали его пламенные речи?

У ворот городского рынка спешились, бросили поводья ординарцам, небольшой группой вошли в раскрытые ворота, в шум и гвалт оживленной толпы. Кутепов, конечно, впереди: не позволял ни ехать, ни идти рядом с ним — почти все окружающие оказывались выше ростом. Перед офицерами расступались, зеленые солдатские гимнастерки разбегались по углам — не привыкли еще к свободе. Навстречу выбежал унтер-офицер, за ним четверо солдат с винтовками. Солдаты дисциплинированно вытянулись, унтер подошел по-уставному, отдал честь и доложил, что несет патрульную службу и никаких происшествий не произошло.

Из толпы любопытных выдвинулся офицер. Кутепов узнал поручика Дымникова, подозвал, спросил:

— Отдыхаете, поручик?

— И отдыхаю, и патрули проверяю, господин полковник.

— Налегайте на яблоки — в бою некогда будет лакомиться. Готовы?

— Мы, все офицеры, с нетерпением ждем, господин полковник.

— Теперь скоро. А пока отдыхайте.

Глядя вслед полковнику, направившемуся со своей свитой к выходу, Леонтий удивлялся: ведь полковник и вправду верит, что он, Дымников, так и рвется в бой — не дай бог, без него Берлин возьмут. А ему вся эта суматоха с переходом в Тарнополь, с подготовкой к наступлению — лишь невыносимая разлука с Марысей. Проходя между торговыми рядами, он остановился не у яблок, а около огромной корзины с желтой черешней. Какой-то особый сорт — крупная, янтарно-желтая с розовым оттенком — цвет обнаженного тела Марыси. Казалось, даже запахом ее повеяло: горячий мускус и тонкие духи из Варшавы. Взял веточку с двумя ягодами — еле пахнет травой.

— Берите ягоду, пан офицер, — говорила торговка — молодая черноглазая и черноволосая украинка, — ой, и сладка ж черешня. Кушайте на здоровье.

— Почему продаешь?

— Такому гарному пану офицеру так отдам.

Ее яркие губы расслабленно раскрылись в призывной улыбке.

— Так уж и все мне дашь?

— Все, пан офицер, — сказала девушка, многозначительно понизив голос, и взволнованно вздохнула.

Леонтий еще не решил, пойдет ли с ней, когда его кто-то сзади хлопнул по плечу. Он повернулся и увидел штабс-капитана Меженина рядом с неизвестным молодым брюнетом в фуражке и френче «под Керенского».

— Ты, Лео, как всегда, выбрал самую красивую.

— Самую красивую черешню, — сказал Леонтий, разглядывая незнакомца. Тот, хотя и смотрел на него, на торговку, на черешню, но, судя по взгляду, ничего этого не видел, погрузившись в какие-то свои мысли.

Меженин познакомил:

— Помощник военного комиссара правительства по 8-й армии Виктор Борисович Шкловский¹¹.

Механически пожав руку и, по-видимому, оторвавшись, наконец, от какой-то своей мысли, сказал Меженину:

— Бессмысленно копаться в дилетантской философии толстых и достоевских. Искусство — не смысл, а прием.

— А если меня интересует смысл? — возразил штабс-капитан.

— Где Игорь, там обязательно Толстой и Достоевский, — добродушно упрекнул Дымников. — Если тебя интересует смысл, то какой смысл торчать на рынке, если совсем рядом настоящий ресторан?

На завтрак им подали кислое местное вино, жареную курицу и много всяких овощей. Помощник комиссара продолжал всматриваться в глубину своих мыслей и некоторые из них подбрасывал собеседникам. Сказал, что Толстой, Достоевский, а вместе с ними и Блок — это нафталин, что литературное произведение различается не содержанием, а тем, в каком порядке расставлены слова, что поэзия — это только слова, и совсем не важно, что они означают... Что касается Блока и символистов, то они трупы. Новый великий поэт — Маяковский.

Маяковского Леонтий видел в «Бродячей собаке», но такая поэзия его не увлекала, и, воспользовавшись винной паузой, он спросил о предмете более близком:

— Зачем вы так стремитесь на фронт? Собираете материал для литературы?

— На фронте я с 14-го года. Был шофером на грузовике. Подвозил боеприпасы на передовую и на морозе голыми руками чистил карбюраторы. Материала много, но использовать его не буду. Пишу о другом.

— О приемах литературы, — попытался объяснить Меженин.

— Искусство как прием. Так будет называться книга. Даже здесь я урывками работаю. Думаю, кое-что записываю, — сказал Шкловский и похлопал по нагрудному карману френча, туго набитому бумагами.

— Но все же зачем на фронт? Наступление обречено.

— А почему Лавр Георгиевич покинул пост командующего Петроградским военным округом и повел в бой 8-ю армию? — спросил Шкловский и, не дожидаясь ответа, объяснил сам. — Потому что он хочет победить Германию. Вот и я тоже этого хочу. Я имел честь беседовать с Корниловым, и он почти прямо признался, что без него наступление сорвется, а с ним возможна победа. Вот и я так думаю.

— Вы масон?

— Нет, я еврей и хочу, чтобы Россия вместе с союзниками победила Германию. Если войну выиграют немцы, в России все будет очень плохо. У нас многие мыслящие люди разделяют это мнение. Знаете, кто назначен комиссаром вашего фронта к Брусилову? Борис Савинков¹².

— Он же заядлый революционер, бомбист, преступник! — удивился Леонтий.

— Его считали преступником, а он боролся против монархии. Теперь он действует во имя победы армии свободной России.

— Многие... мыслящие, — безнадежно вздохнул Меженин. — Их очень мало, этих многих, а солдат 10 миллионов, и почти все они не хотят воевать.

— Вот я здесь для того, чтобы убедить солдат сражаться.

— А ты, Игорь, куда?

— Мне приказано сопровождать Виктора на позиции нашего полка.

— Почему не к нам?

— У вас Кутепов, — сказал Шкловский, — прекрасный командир. За ним солдаты пойдут в бой.

— Ты, Лео, тоже ведь хочешь, чтобы Россия победила?

— Сейчас, после такого завтрака, я хочу только Марысю.

— Что тебе мешает? Она же здесь.

— Как здесь? Где?

— Я ее встретил возле штаба. Просила передать тебе привет, если увижу. Сказала: примчалась за коханным. Я думал, ты знаешь.

— Здесь? Возле штаба? Господа, честь имею. Я побегал.

Ночью они почти не спали. Он умел довести женщину ласками до нервических слез, и Марыся плакала, приговаривая, что кохает его, а он уходит в бой, может, на смерть. Такой молодой, красивый.

— Не плачь, Марысенка. Меня не убьют — я счастливый.

— Ваш Кутепов злой, глаза, как у цыгана, женщин не любит. На меня даже не смотрел. Он всех вас на смерть поведет и не пожалеет. Ой, Леочка, коханный! Зачем такая война? Солдаты побегут, а вас, офицеров, немцы побьют.

— Наши не побегут... Они у нас... верные, — бормотал Леонтий в полудреме. — И Кутепов... он хороший командир... И другие...

— Говорили, какой-то новый генерал приехал из Петрограда.

— Новый... Какой еще новый?.. Корнилов... На 8-ю армию... Наша... ударная сила... Давай поспим, милая...

— Когда же они нас разлучат?

— Завтра... или послезавтра... — бормотал Леонтий, засыпая.

— И семеновцы пойдут?

— И семеновцы, и артиллеристы... Я хочу в артиллерию... Я же константиновец... Знаешь, с закрытой позиции...

Утром Леонтий долго спал, и Марыся побежала на рынок за молоком, пышками и ягодами — покормить коханого. Там ее ожидал молодой человек в полувоенной маленькой фуражечке-конфедератке, в поношенной поддевке, но при этом с самоуверенным панским лицом. Для разговора он повел девушку подальше от торговых рядов, от толпы.

Чем-то Марыся ему не угодила — он выговаривал что-то строго, а она оправдывалась.

— Когда начнется? — спросила она, прощаясь.

— Секрет, но тебе скажу, чтобы приготовилась. Жди шестое июля.

— Сюда немец придет?

— Немец — лайдак. За ним придет Комендант! Наш Начальник!

1917. ИЮЛЬ

Батальоны стояли за Тернополем, в деревне Глина. Дымников приходил из города утром и заваливался спать до обеда. 6-го за обедом офицеры по обыкновению обсуждали события в Петрограде и фронтовые слухи. Леонтий ел молча, почти не вникая в суть обсуждаемого, полковник Кутепов вникал, хотя тоже, как обычно, молчал.

В газетах — телеграмма премьер-министра князя Львова¹³: «Безответственное выступление элементов крайнего меньшинства встречено населением крайне враждебно».

«Крайнее», «встреченное крайне» — это мятеж большевиков. Рабочие и часть солдат, обманутые демагогической агитацией Ленина и Бронштейна-Троцкого, пытаются свергнуть Временное правительство и захватить власть!

В Петроград прибыли 20 тысяч кронштадтских моряков, и начались погромы и расстрелы!

Преображенский и Семеновский полки остаются верными правительству и защищают порядок.

Вождь большевиков Ленин переброшен немцами в Россию для шпионажа в пользу Германии, для свержения правительства и развала армии! Деньги и инструкции он получает через германское посольство в Стокгольме. Посредниками служат некие авантюристы: Ганецкий, Парвус и г-жа Суменсон. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами денежного и политического характера между германскими агентами и большевистскими лидерами...

Говорили за обедом и о фронтовых делах.

Помощник комиссара Временного правительства Шкловский 3 июля под деревней Лодзяны первым поднялся из окопов и повел в атаку 638-й пехотный Ольгинский полк и, получив тяжелое ранение, остался на поле боя и предотвратил отступление полка.

Командир Петровской бригады генерал Май-Маевский¹⁴ лично руководил боем Семеновского полка, первым вышел из окопов и повел солдат в атаку! Один из офицеров прокомментировал сообщение пошлой шуткой: «Тяжело ему было с таким животом». Кутепов резко одернул: «Стыдно смеяться над героем!»

— Семеновцы в деле — скоро и нам, — сказал кто-то, почувствовавший за десятки верст железный лязг 8-го гренадерского Императора Александра 1-го Баварского полка, обратившего в бегство русских солдат, мечтавших о скором мире без аннексий и контрибуций.

Вскоре мотоциклист с конвоем всадников привез из Тарнополя директиву, адресованную полкам Гвардии Преображенскому и Семеновскому и подписанную Брусиловым: «Сегодня утром противник прорвал фронт к северозападу от Тарнополя в районе Зборова и движется в направлении Езероно. Попытки ликвидировать прорыв войсковыми частями фронта не привели ни к чему. Верховный главнокомандующий приказал для ликвидации прорыва направить из резерва фронта Петровскую бригаду; Верховный главнокомандующий надеется, что Петровская бригада вновь покроет себя славой и увенчает свои седы знамена новыми победными лаврами».

Кутепов собрал офицеров, объявил боевой приказ и сказал:

— Мы идем не только для того, чтобы остановить немцев, но и для того, чтобы ликвидировать бунт немецких приспешников в Петрограде. Наша победа на фронте спасет и армию и Россию.

Приказы на марш Кутепов отдавал, словно повторяя заученное стихотворение, давно рвавшееся из сердца. Боевая тревога! Идти налегке без ранцев, только с подсумками! Боеприпасы, кухню, медицинскую часть направить немедленно следом. Впереди Государева рота!..

Давно так не называли 1-ю роту, но никто не возразил.

Обходя строй, Кутепов останавливался возле некоторых офицеров и солдат, обменивался несколькими словами. Дымникову сказал:

— Теперь поняли, поручик, с кем мы на Литейном сражались? С немецкими шпионами. Остановим их хозяев — остановим и бунт.

— Так точно, господин полковник! — bravo ответил поручик.

Дымников дремал с открытыми глазами — настолько истомили ночи любви, что окружающий мир отступил куда-то вдаль и оставался в виде неясных цветных пятен и шума, похожего на легкий морской прибой. Окунуться в это прохладное море и уснуть или даже умереть. Может быть, любовь дана человеку для того, чтобы легко умереть?

В первой шеренге Кутепов узнал старого преображенца Борисова. Рядом — тот самый Заботин, член полкового комитета. На «ты» обращаться показалось неудобным, на «вы» — противно. Спросил по-командирски:

— Побьем немца, солдаты?

— Так точно, — вразброд проговорили изнывавшие от жары и Борисов, и Заботин, и другие.

Заботин в форменной гимнастерке, со скаткой через плечо, с подсумком на солдатском ремне похож на всех других солдат. Невыразительное простонародное лицо, неподвижные пустые глаза.

— А в Питере немецкие шпионы бунтуют — друзья нашего Заботина.

Водянистые, серовато-синие глаза солдата наполнились неким смыслом, какой-то игровой хитростью:

— Так я же не большевик, господин полковник. Я эсер, как наш господин военный министр.

— Немцев будем бить? — спросил опять Кутепов.

— В бою-то как же иначе, — не по-военному ответил Заботин.

— Помогать надо молодому солдату, Борисов, — нахмурившись сказал Кутепов.

— Так точно, господин поручик.

Кутепов прошел дальше, а Борисов шепнул Заботину:

— Выходит, Алеха, ты, как наш министр?

— «Как», да не так.

Полковник произнес короткую речь и остался ею недоколен. Сказать бы, что главный враг — в тылу, что большевиков, дезертиров и агитаторов надо расстреливать, что, остановив немцев, начнем бороться с предателями в стране, но приходилось говорить общие слова о том, что Россия в опасности и нельзя прощать предательства. О каких предателях говорится, промолчал.

Предусмотрел полковник все варианты марша, не мог предвидеть только проливного дождя, всю ночь заливавшего походную колонну. Ему-то дождь не мешал: он жил полной жизнью, выполнял то, для чего родился на свет, продолжал начатое великим императором дело, под его, Кутепова, командованием Преображенский полк остановит врага.

На рассвете промокшие, уставшие солдаты подходили к населенному пункту Мшаны, где они должны были занять позиции. От дождя дороги так развезло, что лошади утопали в жидкой грязи чуть не по колено, солдатские сапоги хлебали холодную жижу.

Малевский-Малевич, ехавший чуть позади полковника, сделал предположение, что перед ними болото, и к деревне настелена гать, осторожно подсказывал, что неплохо бы закрепиться здесь и разведать местность. Может быть, лучше бы остановиться, не входя в деревню, но где бы тогда отдохнули солдаты после похода перед боем? И вообще никогда не надо мучить себя этими «если бы».

— Вам везде мерещится болото, капитан, — сказал Кутепов раздраженно. — Гать настелена на дороге на случай такой вот погоды. И незачем отсюда разведку высылать: там, за деревней, на высотках, пехота 176-й дивизии. Вперед!

Промокшие, измученные переходом солдаты набились в избы и свалились, не дожидаясь кухни. Разведчики, проклиная погоду, матерясь, несколькими группами потянулись к немым выпуклостям высот, из-за которых дымились неугомонные тучи.

Кутепов и адъютант полка обходили избы, занятые солдатами. Хозяева испуганно кланялись, некоторые предлагали молоко и яйца, другие приговаривали: «Нэма ничего». Офицеры 2-го батальона заняли хорошую просторную

избу, пили хозяйское молоко и подкреплялись своими запасами. Говорили, конечно, о политике — на двуколках из Тарнополя вместе с боеприпасами и санитарными принадлежностями привезли последние телеграммы и слухи. Большевицкий мятеж подавлен. В Петроград вошли части, верные правительству. Участвовавшие в бунте полки разоружаются. Немецкие шпионы Ленин и Зиновьев скрываются, избегая ареста и суда. Говорят, что Корнилов будет назначен Командующим Юго-Западным фронтом.

Малевский-Малевич приветствовал поручика Дымникова, клевавшего носом над кружкой молока.

— Лео! Я видел вас в городе с той же красоткой. Привезли с собой? Еще Польша не сгинела¹⁵?

— Какая Польша?

— Что значит «какая Польша»? Ваша дама предпочитает красно-белые наряды. Это же цвета национального флага Речи Посполитой!

К отдаленному редкому громыканию артиллерии привыкли, но вдруг совсем близко расколола наступающий день пулеметная очередь, и винтовочные выстрелы пронзительно захлестали, захлопали, требуя, чтобы люди перестали пить молоко, спать, мечтать о счастье и бросились прятаться, убивать и умирать в мучениях.

Никакой 176-й дивизии впереди не было. Спасать пришлось не армию и Россию, а свой полк. Если отступить — сзади болото, через него узкая хилая гать, уходить по ней под огнем — верная гибель. Значит, кто-то должен стоять насмерть, прикрывая отход других. Кутепов сам повел 1-й батальон навстречу немцам и оставался в цепи под огнем до конца. Он знал, что если смотреть в лицо врагу, его не убьют, верил: жизнь русского воина Кутепова нужна России.

Командиры 2-го и 3-го батальонов организовали отступление. Первыми пропускали носилки с ранеными. Солдаты 7-й роты Заботин и Гришуков несли Борисова, раненого в живот. Как ни старались офицеры, а там, где грязная истоптанная дорога спускалась к болоту, возникла толпа. «Только носилки! — кричал Дымников. — Только раненые! Мертвые подождут!» Телегу с телами убитых офицеров отводили в сторону, таща лошадей за уздцы. Лошадь храпела, разбрасывая пену, пытаясь встать на дыбы. Кова-

ные ободья колес глубоко вдавливались в мокрую мягкую землю, телега раскачивалась, и трупы зашевелились, будто оживая: чья-то рука свесилась вниз и болталась, чья-то окровавленная голова повернулась на сторону...

— Меня... туда, — с трудом проговорил Борисов, увидев телегу, и забылся, закрыв глаза.

На тонувших в грязи бревнышках гати люди спотыкались, носилки прогибались до предела, казалось, они вот-вот очутятся в болоте вместе с грузом.

Когда Борисова перенесли через болото и остановились перекурить, положив носилки на траву в редкой пятнистой тени кустарника, раненый очнулся и попросил пить. Но при ранении в живот пить нельзя, и Заботин, смочив платок водой из фляги, приложил влажную ткань к губам Борисова. У того вдруг будто силы появились — внимательно взглянул на Заботина, сказал спокойно, деловито:

— Алеха, посмотри мой живот.

— Чего смотреть, Коля? Повязку наложили. Кровь остановили. Заживет.

— Посмотри, говорю. Подыми рубаху, сыми повязку.

Заботин, пересиливая себя, выполнил просьбу товарища, с ужасом смотрел на отвратительное месиво крови, кожи, мяса, еще чего-то.

— Белое вылезает? А? Алеха. Есть белое?

— Чего-то есть.

— Хорошо видно?

— Видно, Коля.

— Тогда прощай, Алеха. Попа бы надо. Перекрести меня — сам не могу. Кончилась моя жизнь. Я эти раны в живот знаю. Провожал ребят с ними. Теперича и сам вот... У тебя баба есть, ребеночек, а у меня никого на свете не было. Одна матушка осталась... Отпишите... Не подымайте меня больше. Не жгите живот... Зачем живот жжете?..

Борисов начал бредить, дыхание у него участилось, он захрипел, попытался поднять руку, дернулся и затих навсегда. Но на телегу, перевозившую убитых, ему попасть было не суждено: застряла в болоте, а тела офицеров оставили в церкви.

Отступали, соблюдая порядок. Остановились на открытом сухом лугу, несколько возвышавшемся над местнос-

тью. Впереди — хороший обзор, лес далеко на горизонте. Кутепов приказал здесь занять оборону. Проверили состав рот, полковник сам проследил за отправкой раненых в город. Немцы не преследовали полк. Можно было накормить солдат и отдохнуть.

Дымников, поужинав из солдатского котла жидкой пшенной кашей, курил папиросу, наблюдая, как среди редкого кустарника солдаты ставили палатку для офицеров. Ему опять вспомнилось словечко «тикать». Сегодня утром уцелел, а завтра? Лучше в Питере с кредиторами разобратся. Да их, может быть, уже и нет — сбегали от большевиков? Господин полковник не стал русским Бонапартом ни там, в Питере, ни здесь... Если уж следовать аналогии, то в нынешнем Аустерлице роль Наполеона играли немцы. Однако надо отдать должное командиру полка. Только его личное мужество позволило 1-му батальону сдерживать немцев, и преобращенцы не бежали, утопая в болоте, а отступали в полном порядке, и немцы их не преследовали.

И теперь, после трудного боевого дня, Кутепов не искал отдыха, а стремительно шагал от роты к роте, что-то выяснял, что-то приказывал. Разогнав свиту с поручениями, полковник направился к офицерским палаткам, когда перед ним вдруг оказался солдат. Рядовой Заботин преградил дорогу, и на лице его вместо хитрой придурковатости проступала злая горечь.

— Господин полковник, — начал он решительно, однако кутеповский командирский взгляд его несколько смутил, и вместо приготовленных слов прозвучали другие, должно быть, нелепые, а, возможно, как раз самые необходимые, самые сильные. — За что, господин полковник? За что?

— Отставить! — нервно скомандовал Кутепов. — Идите в роту и несите службу.

Но Заботин уже заставил себя собраться, преодолеть солдатскую робость и постарался говорить спокойно и размеренно:

— Я как член полкового комитета и по поручению товарищей спрашиваю по закону. Сколько наш полк потерял сегодня людей? — Не получив ответа, Заботин продолжил.

— Потому как мы солдаты равноправны, то имеем право ~~знать~~. Полковой комитет имеет право.

— Потери точно еще не подсчитаны.

— Подсчитаны, господин полковник. Во всех ротах.

— Точно еще не подсчитаны, — повысил голос Кутепов, — но на сей час я имею сведения: убито 1500 нижних чинов и 15 офицеров.

— За что, господин полковник? Привели, погубили полторы тысячи народу и ушли. За что они погибли?

— Вы... Члены полкового комитета должны знать, что мы закрыли прорыв немцев, задержали их наступление, дали возможность ликвидировать армейские склады, чтобы не достались немцам...

К ним уже подошли офицеры и несколько солдат. Кутепов резко отмахнулся от них и продолжал:

— Мы спасли армию!

— Какую армию? — Заботин уже почти кричал, забыв о дисциплине.

Солдаты пытались его утихомирить:

— Брось, Алеха... Господин полковник весь бой под огнем... Снаряд перед ним разорвался...

— 8-я и 11-я армии были бы окружены, если бы не мы и семеновцы! Так и объясните своему полковому комитету, — резко сказал полковник.

— Армию? — возмущенно переспросил Заботин. — Какую армию? Она бежит, наша армия. Ее больше нет! Никто не хочет больше умирать ни за что, как наши солдаты сегодня. Как Борисов... — Вдруг, коротко вздохнув, как всхлипнув, он зашагал прочь.

«Телеграмма

Комитет 11-й армии Юго Западного фронта Центральному исполнительному комитету Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов

9 июля 1917 г.

Начавшееся немецкое наступление разрастается в неизмеримое бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России. В настроениях частей, двинутых недавно вперед героическими усилиями сознательного меньшинства, определился резкий и гибельный перелом.

Большинство частей находится в состоянии возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи. Уговоры и убеждения потеряли силу. На них отвечают угрозы, а иногда и расстрелом. Некоторые части самовольно уходят с позиций, даже не дожидаясь подхода противника. На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них, здоровых, бодрых, потерявших всякий стыд, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Члены армейского и фронтового комитетов и комиссары единодушно признают, что положение требует самых крайних мер. Сегодня главнокомандующим Юго-Западным фронтом и командиром 11-й армии, с согласия комиссаров и комитетов, отданы приказы о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду, пусть она содрогнется и найдет в себе решимость беспощадно обрушиться на тех, кто малодушием губит и продает Россию и революцию...»

*«Краткая боевая аттестация командующего
Лейб-Гвардии Преображенским полком
полковника Кутепова*

Обладает опытом двух кампаний; зарекомендовал себя в последних боях Петровской бригады выдающимся командиром полка. Трижды ранен. Характера твердого. Выдающийся. Вполне достоин к назначению на должность командира бригады вне очереди.

17 августа 1917 г.

*Командир Петровской бригады генерал П. Тилло
Командир 1-го Гвардейского корпуса генерал
В.З. Май-Маевский».*

1917. ОКТЯБРЬ

С утра Кутепов занимался с интендантами подсчетом запасов продовольствия. Результат оказался безотрадным: муки, круп, картофеля едва хватало до зимы. Решил послать в Петроград, как стали говорить, «делегацию». Приказал включить в состав командироваемых поручика Дымникова и члена Полкового комитета солдата Заботина. По-

том приказал молодому денщику Катакову, заменяющему заболевшего опытного Степана, принести обед из столовой на свою квартиру при штабе и достать хорошего самогона. Сидеть у окна, смотреть на бордово-желтые узоры украинской осени под бледно-солнечным небом и вновь и вновь думать о несуществующем будущем?

Неожиданно из штаба гвардейского корпуса прибыл капитан Ермолин. Глядя на него, Кутепов подумал: армия развалена, не может быть и речи о каком-либо сопротивлении в случае немецкого выступления, а штабы функционируют, сочиняют какие-то приказы, сводки... Ермолин, всегда мрачноватый, на этот раз выглядел так, словно узнал о смерти самого любимого человека: плохо выбритый, осунувшийся, со следами недавнего пьянства. Новый командир корпуса генерал Май-Маевский любит банкеты.

Полковник не собирался с ним беседовать, но капитан сам настиг его у дверей кабинета и шепнул:

— Я был там. Сопровождал их в Быхов.

— А... Всех видели? Говорили?

— Имел честь, — шептал капитан, дыша перегаром.

— Прошу ко мне обедать.

Увидев полковника с гостем, Катаков поставил на стол у окна по-казарменному прибранной комнаты бутылку, рюмки, закуски, какими богата украинская осень. Кутепов придерживался традиций гвардейцев прошлых времен: вечером пей, гуляй, а утром и на службе — забудь. Разве что за обедом немного. Однако революция и сюда внесла беспорядок: полковник пил рюмку за рюмкой, терпеливо слушал мрачного капитана, у которого все как-то сводилось к страшному, гибельному. С садистским наслаждением он рассказывал о бердичевской тюрьме, в которую были заключены Деникин, Марков и другие генералы.

— Представляете? Камера — десять квадратных аршин. Только нары, стол и табуретка. Вонь страшная. На окне — решетка. И это хорошо, что решетка. В окно лезут солдаты, бросают всякую гадость. Дохлых крыс. Бранятся непристойно. Кричат: «Немцам проданся за 30 тысяч!.. Попил нашей кровушки, покомандовал, теперь наша воля, а ты посиди!.. Не сбежишь — сами своими руками за-

душим!..» Веревку показывали и объясняли, как будут вешать. Антон Иванович лежал, укрывшись с головой шинелью. Говорит, что как-то не выдержал, поднялся, крикнул солдату: «Врешь, подлец! Мы, офицеры, честно сражались и умирали за Россию, а ты — трус и дезертир, и еще ответишь за это!» И солдат испугался, замолчал и исцез.

— Потому что был один, — уверенно объяснил Кутепов. — Когда их много, они становятся наглыми, и здесь нужен пулемет... Так что же сказал Лавр Георгиевич? Что он ждет от суда?

— Какой там суд, — капитан пьянел и становился развязным. — Он в Быхове все время со своими текинцами. Там еще рота вашего Георгиевского полка. И еще поляки... Польский корпус Довбор-Мусницкого. Ну, я вам скажу, Александр Павлович, там у них одна секретарша или переводчица... Ну, Александр Павлович... Марыся... Было бы другое время, я бы эту Марысю... Там сейчас тихо. К Деникину каждый день приходит невеста...

— Антон Иванович собирается жениться?

— Да. Хохлушечка. Ксения. Приносит туда водочку. От Корнилова прячут. Скоро будет команда — и к Каледину¹⁶ в Новочеркасск.

Поручик Дымников пришел попрощаться перед отъездом, когда капитан рассказывал о происшедшем в Бердичеве, приваливаясь грудью к столу, угрожая рюмкам и глядя на полковника с разыгравшейся яростью, словно тот был главным виновником. На поручика посмотрел, как на помеху, и с трудом переносил перерыв в своем повествовании, пока Леонтий пил свою рюмку и закусывал. Ермолин даже как-то отрезвел, рассказывал так живо и с чувством, что можно было четко представить тот вечер и ночь в Бердичеве.

Комиссар Иорданский, решивший во что бы то ни стало расправиться с генералами в Бердичеве, организовал митинг всего гарнизона в день отправки арестованных. После громогласного словоизвержения тысячная толпа окружила тюрьму. Защиту генералов взял на себя когда-то служивший под командованием Деникина офицер местной школы прапорщиков штабс-капитан Бетлинг. Он

командовал конвоем. Толпа на митинге будто бы дала слово никого не трогать, но потребовала, чтобы арестованных вели пешком. Деникин потом говорил, что был совершенно уверен — их растерзают по дороге. Уже стемнело, когда семерых генералов повели на станцию: Бетлинг с обнаженной пашкой рядом с Деникиным, юнкера, а вокруг теснящая их озверевшая толпа. Выкрикивали грязные ругательства, кидали в генералов грязь и булыжники. Генералу Орлову разбили лицо, Деникина ударили в спину и в голову...

— Я был в штатском, — рассказывал капитан, — и пробился к самому конвою. Хорошо, что не взял револьвер — опасался обыска. Обязательно пристрелил бы нескольких мерзавцев. Не сидел бы сейчас с вами. Я слышал, как Антон Иванович сказал Маркову: «Что, милый профессор, конец?!» — «Наверное, конец», — ответил Марков. Вели, сволочи, кружным путем, чтобы подольше помучить. На вокзале — еще одна толпа. Часа два стояли под градом брани, камней и грязи. Требовали арестантский вагон, но его не нашли и подали грязный вагон, перевозивший лошадей. Туда, в грязь, затащили избитых, измученных генералов. Мученики так и повалились в эту грязь. И никто из них не сдался, не просил пощады... Этого я никогда не забуду.

— Мне пора, Александр Павлович, — сказал Дымников. — Спасибо вам за все и за эту командировку. Родители будут очень рады.

— Погуляете в Питере, поручик, — пьяно усмехнулся Ермолин. — Там девочки... Эх, видели бы вы польку-переводчицу в Быхове. Вот краля...

— Зайдите к моим, — сказал Кутепов, — и передайте на словах все, о чем я вас просил. Письмам сейчас доверяться опасно.

— Я надеюсь быстро вернуться, Александр Павлович.

— Я надеюсь, что вы сюда совсем не вернетесь. Оставайтесь в Питере. И правильно сделаете. Полк и вообще вся армия доживают последние месяцы, а то и недели. Но мы с вами встретимся и будем вместе создавать другую армию, которая восстановит Россию. Народ опомнится. Увидит, куда завели его масоны и немецкие шпионы.

В прихожей на лавке дремал денщик. От него крепко несло самогоном. Услышав шаги, он вскочил, ошалело взглянул на поручика и, успокоившись, зевнул, спросил:

— Расходитесь или они там еще будут сидеть?

— Еще посидят.

На станции вокруг фонарей роились белые искры мелкого дождя. Леонтий прощался с Межениным. Оба кутались в плащи, но в станционный зал, набитый солдатами, идти не захотели.

— Листья желтеют, — сказал Леонтий лишь для того, чтобы не молчать и не говорить ни о литературе, ни о войне, иначе сразу возник бы спор. — Да. Листья желтеют, а о людях можно было бы сказать, что они глупеют, если бы они уже не были так глупы.

— Ты прав. Эта война показала, что нет в мире более глупого существа, чем человек. И ты не прав. Многие люди уже поняли бессмысленный ужас войны. Солдаты шумят там, в вокзале и на перроне, и мы с тобой знаем, о чем они говорят: долой войну! И даже их — темных, необразованных — нельзя назвать глупыми. Они умнее Керенского.

Леонтий решил не спорить с Межениным на прощанье, доказывая, что Керенский за войну не по глупости, а по обязанности, что шумят на вокзале дезертиры, и вряд ли надо считать умным бегство от своих товарищей в окопах, хамскую безответственность, позволяющую не думать о том, что может произойти на брошенном открытом фронте. Хотелось сохранить сладкое звенящее чувство возвращения домой, в привычные с детства комнаты, к разговорам, к музыке, к книгам. Он будет лежать на диване и читать Стриндберга и Гамсуна. Может быть, даже и Блока. Говорят, «Возмездие» — сильная, мужская вещь. Но и об этом не надо говорить с Межениным: начнет яростно доказывать, что самый великий поэт — Маяковский.

— Как твой героический приятель Шкловский? Ты же был с ним в том бою? — спросил Дымников, чтобы сменить тему разговора.

— Да, был. Он вел себя удивительно смело. Словно нет ни пуль, ни снарядов. Шел впереди спокойно, как на учениях, а когда его ранили, все пытался подняться и кричал

солдатам: «Вперед!» А рана была тяжелая. Сам Корнилов приезжал в госпиталь и наградил его Георгием.

— А тургеневская девушка Лиза? Что пишет? Тоже за большевиков?

— Ну... В общем... Она скорее за левых эсеров. Я убежден, что и ты в Питере разберешься, с кем надо идти.

— В Питере я буду разбираться с женщинами: с кем спать.

— А Марыся? Попрощался с ней?

— Марыся исчезла.

24 октября, то есть 6 ноября по новому стилю, была намечена трогательная встреча друзей и подруг с переходом в деловую встречу: трогательная означала, что все можно трогать, а деловая — все можно делать. Накануне, то есть 5 ноября, или 23 октября по старому, Дымников принял дежурство в полку. Да-да, дежурство. Весь Петроград удивлялся тому, что в полку, да и в других шла обычная служба. Солдаты занимались в строю, на стрельбище, ходили в караулы. Все по уставу. И полковые комитеты смотрели за порядком. Даже в юнкерских училищах еще в сентябре в Царском Селе проходили обычные учения, в Константиновском — боевые артиллерийские стрельбы. Погода была плохая. Леонтий коротал ночь на обычном дежурстве, читал, проверял посты...

Смена дежурных в полку происходила рано, в середине дня. Обязанности командира полка исполнял командир 1-го батальона Путилин. Приняв обычные доклады — «сдал», «принял», он попросил Дымникова остаться в своем кабинете. С непонятной пытливостью задал непонятный вопрос:

— Какие планы, Лео?

— Вы смотрите на меня, как на больного, и поэтому я попрошу у вас отпуск по болезни. Такой вот план.

— Хороший план. Сегодня у нас вторник... Завтра вы отдыхаете после дежурства. Таким образом, бойдите до понедельника. Если потребуются ваше присутствие, я протелефонирую или пришлю посыльного.

Из дома Леонтий сумел вырваться еще за светом, но путь к трогательной встрече, назначенной на Васильевском ост-

рове, был отрезан: разведены мосты. У Николаевского моста небольшая толпа переругивалась с юнкерами, стоявшими поперек мостовой аккуратной шеренгой. Слева посреди Невы неподвижно застыло железное чудовище — крейсер.

— Новые жандармы объявились, — покрикивали из толпы. — Людям домой надо, а они... В Совет надо идти ватся — большевики пришлют матросов и с этими юнкерами такое сделают...

Дымников, пробившись через толпу, подошел к юнкерам, показал унтер-офицеру документы. Оказалось, что здесь две команды юнкеров — малиновые погоны с буквой «В» и черные артиллерийские с «К»: владимирцы и родные константиновцы. Унтер-офицеры старшекурсники, по-видимому, из студентов, прошедших фронт, мягко и даже робко объяснялись с недовольными, ссылаясь на приказ Штаба округа.

— Какой штаб? — кричали в толпе. — Вся власть у Совета!.. Это заговор против революции!..

Дымников посоветовал юнкерам на время навести мост, тем более, что он сам направляется на Васильевский с важным поручением. Послали юнкера в будку механика, и тяжелые полудуги, недовольно поскрипывая, нависли над водой, наклоняясь навстречу друг другу. Толпа хлынула на мост. Дымников в стороне угощал юнкеров папиросами, расспрашивал о жизни и учебе. Свое юнкерское прошлое он не особенно любил вспоминать, а если приходилось, то выплывающие полузабытые картины колебались и двоились. «Цуканье» старших он перетерпел, как позже терпел немецкие пули, но однокашников-юнкеров не любил за прыщавый подростковый разврат — сам был своевременно или, может быть, преждевременно посвящен в таинства истинной любви родительской горничной. Но оставалась в нем неизбежная юношеская, да и мужская, страсть к мундиру, строю, маршу под духовой оркестр, к военным знакам, погонам, оружию, к традициям гусарства и мужества. Вот и эти: шинели модно удлиненные, погоны с неуставным широким галуном, сапоги шиты на заказ, шпоры — «савельевские», причем и у пехотинцев-владимирцев. Такими себя видели в мальчишеских мечтах, такими стали и теперь должны расплачи-

ваться за сбывшиеся мечты — охранять мост от людей, для которых этот мост предназначен, а то, не дай Бог, и стрелять в людей.

Удивило, что два юнкера из разных училищ ведут себя как близкие друзья.

— Мы вместе выросли, — объяснил владимировец. — В одной гимназии учились, но я решил, что настоящая служба только в пехоте. Решил начать, как Суворов... Ну, конечно, не как Суворов, а просто...

Дымников, попрощавшись, поспешил на мост.

Трогательная встреча прошла как обычно, разве что выпил лишнего, и, проснувшись утром рядом с худощавой черноволосой певичкой из оперетты, объятый похмельной тоской, вспомнил: «Я тебя кохаю, а ты спишь».

В воскресенье, 29-го, с утра в городе стреляли, и Леонтий понял, что надо ждать вызова из полка. Телефон не работал, и отец, ненавидевший нарушения порядка, выпил утренний кофе, нахмуренно молча, и сразу ушел в кабинет. Он теперь занимался особым разделом математики: тензорным исчислением. Говорил, что сейчас это главное в математике из-за новых открытий в физике: какой-то Эйнштейн, какая-то теория относительности.

Посыльный из полка явился среди дня. Унтер-офицер с непроницаемо-настороженным лицом в прихожей подозрительно огляделся и сказал вполголоса: «Господин капитан приказали передать на словах: в девять вечера, ресторан Донона, номер 18».

— Вечером? — переспросил Леонтий. — А сейчас что за стрельба?

— Юнкера взбунтовались против Совета народных комиссаров. Против Ленина. Телефонную станцию, было, заняли, но куда им против силы. Почти все уже сдались. Только во Владимирском училище еще стреляют. Там и наши солдаты.

Юнкера стреляли из разбитых окон, и вместе с бледно-зеленой вспышкой выстрела дребезжали и падали стекла. Атакующие толпились во дворе через дорогу за стенами домов. Солдаты, рабочие, матросы. Клинцов, решительный,

в кожанке и с маузером на поясе, подозвал Заботина и негромко, с обычной своей обманчивой улыбочкой жестоко матерился. Отправляя Клинцева в числе других из Смольного, Подвойский сказал: «Не возьмешь Владимирское до вечера — расстреляю», вечер уже вот он — солнце падает за крыши. Заботин строил дурачка, отговаривался:

— Чего их брать-то, мальчишек? Окружить и не выпускать. Сами сдадутся тихо-мирно.

— Ты, мать твою, гвардеец разэтакий. Фронтовик... — дальше матом. — Они Керенского ждут! А тот... — и опять матерщина, — ну уж эти гаденыши... Ни одного живым не отпущу.

— Давайте с той стороны, — предложил Заботин. — Там, видать, черный ход есть. Ворвемся, человек двадцать, и они — лапки кверху.

Отбрали самых крепких и смелых солдат и несколько рабочих с винтовками. Прошли дворами, перебежали улицу, вломились через ограду на задний двор между какими-то строениями и кустами. Едва бросились к зданию, как зазвенели оконные стекла, выбиваемые стволами юнкерских винтовок, загромыхали выстрелы, закричали раненые. Пули выбивали фонтанчики земли, с резким дребезгом рикошетили от камней. Сверху, из открытого окна донесся пронзительный крик: «Господа! Лучших стрелков сюда! Бурмина! Юнкер Бурмин, к этому окну!..»

Опытные солдаты укрылись за стенами строений, рабочие бестолково суетились, падали на землю, прятались за кустами, снова вскакивали, пытались куда-то бежать.

В беспорядочной пальбе выделились три выстрела, раздавшиеся через равные промежутки времени — секунд пять. Три выстрела — три трупа. Один рабочий в сером пальто упал навзничь, не выпуская винтовки из рук, и бил сапогами по мягкой земле, постепенно ослабляя удары. Другой, прятаящийся за кустами, сел с хриплым стоном, держась за живот, лицо его почернело, изо рта хлынула черная кровь... Минуты не прошло — откашлялся и лег навсегда. Солдат, пытавшийся из-за сарайчика стрелять по окнам с колена, бросил винтовку, схватился за расколотую свинцом, окровавленную голову, закричал и упал тяжелым нескладным мешком.

— Отлично, Бурмин!.. — закричали сверху, за разбитыми окнами. — Бей их!.. В кустах еще шевелятся!..

— Обойма кончилась.

— Господа, патронов Бурмину!..

Клинцов и Заботин спрятались за каким-то кирпичным строением.

— Ну, Бурмин, — с веселой яростью прорычал Клинецов. — Ну, Бурмин! Только бы тебя, милый, живого взять.

Ждать ему этого пришлось недолго. По фасаду училища открыли огонь подошедшие броневики, из окон повалил дым, юнкера прекратили стрельбу, заметались по зданию, атакующие ворвались во все двери.

Схваченных юнкеров поставили шеренгой во дворе. Избитые, окровавленные, поддерживаемые товарищами раненые с испуганными потухшими лицами, в растерзанных шинелях с оторванными погонами... Человек сто — прикинул Заботин.

— Отправим их в Петропавловку, товарищ Клинецов, — предложил он.

— Что? — взревел тот. — Я тебя самого щас кончу! Никому никаких... Всех!.. Ща я покажу, как надо. Вспомню старые дела. Который тут Бурмин? А ну, выходи.

Юнкер сделал два уставных шага вперед и с азартным юношеским вызовом смотрел на оскалившегося Клинцева, достававшего из-под кожанки нечто похожее на деревянные ножны.

— Это, миленок, называется финский нож, по нашему — финка. А ну, снимай шинель!..

От непотребной матерщины, извергаемой Клинецовым, даже бывалый Заботин болезненно морщился, с ужасом глядя на происходящее. Юнкер послушно снял шинель и держал ее в руках.

— Бросай, твою мать! — кричал Клинецов. — Штаны долой и панталончики долой, показывай, что у тебя есть... А теперь не будет!..

Одно умелое движение финки, и в паху юноши — только черное месиво крови и волос! Юнкер кричал тонким детским голосом, сгибаясь и падая на землю, а Клинецов совал ему в лицо окровавленные куски.

— Всех их так! — орал Клинецов. — Ножами, штыками,

резать, зубами рвать! А ты, Лешенька, куда? — заметил он Заботина, пытавшегося уйти. — Стой, дорогой товарищ. Выполняй революционный приказ. Бери мою финку и вали!..

— Я уж так, по-солдатски, — сказал Заботин, снимая с плеча винтовку и послушно поворачиваясь туда, где по звериному кричали, убивали, умирали.

— И сегодня же в полку расстреляй всех офицеров, которые в феврале против нас участвовали. Иначе завтра они нас, — кричал Клинецов ему вслед.

Дымников дисциплинированно явился к девяти часам вечера куда было приказано. Поднялся на второй этаж в кабинеты. В голом, слабо освещенном коридоре искал номер 18. Из углового кабинета рвалась пьяная песня — мужские голоса вразброд выкрикивали: «... то ли дело под шатра-ами в поле лагерем стоя-а-ать!..» К его удивлению, это и был искомый кабинет. Постучал, услышал трезвый мужской голос:

— Кто?

Ему открыли. Дымников вошел в довольно большой кабинет и увидел странную картину: в табачном дыму совершенно трезвые офицеры, которые с серьезными лицами пели: «Закипит тогда войною богатырская игра-а...». Путилин усадил пришедшего рядом и объяснил:

— Мы должны изображать пьяный разгул, чтобы не вызвать подозрений у большевистских патрулей. Вы, разумеется, знаете, что произошло в городе? Комитет спасения родины и революции, к которому мы принадлежим, готовил выступление к моменту подхода верных правительству войск, но Полковников увлек юнкеров на эту безрассудную авантюру ради того, чтобы самому захватить власть. Еще один русский Бонапарт. Погибли сотни лучших молодых бойцов, верных России. Озверевшие пролетарии не просто их убивали, а терзали, глумились и потом бросали в грязные каналы. Подобного, наверное, не совершалось со времен Нерона.

— К счастью, нам удалось удержать своих юнкеров, — сказал подполковник Бочаров, командир батареи Константиновского училища, которого Леонтий помнил еще капи-

таном, — и михайловцы не пошли. Конечно, все наши против советов и большевиков, и когда настанет час, они будут сражаться за Россию.

— Планируется новое выступление? — спросил Дымников, подавляя наплыв уже привычного тошнотворного чувства, похожего на страх.

— После расправы над юнкерами красногвардейцы, как называют себя эти кровожадные бандиты, хотят уничтожить офицеров, которых считают опасными для себя. Они бы всех нас с радостью уничтожили, но им нужна армия и, пока нет своих офицеров, нужны мы. А вы попали в сегодняшний список. Они знают, что вы были в карательном отряде Кутепова, поэтому домой вам возвращаться нельзя. Скрывайтесь у надежных друзей. Мы можем помочь — у нас приготовлено несколько убежищ. Мы решили организовать отъезд наших людей в Новочеркасск. Этим руководит Пуришкевич. Есть способы безопасного переезда. Готовятся документы для отъезжающих.

— Поедете с нашими константиновцами, — сказал подполковник Бочаров. — С одной из первых групп. Наши юнкера уже готовятся. Покупают синие штаны, пришивают лампасы, переделывают погоны под казачьи. И вам приготовят.

— А если мы приедем и местные власти арестуют нас, отправят обратно?

— Забываете русскую историю, поручик. С Дона выдачи нет.

1917. НОЯБРЬ

В избе, где расположился штаб, обсуждали полковую повседневницу, совершенно ничтожную и незаметную в грохоте развала империи, когда адъютант Кутепова вспомнил, что после долгого лечения в полк вернулся штабс-капитан Соболев, тяжело раненный 7 июля. Если бы он не вернулся, наверное, никто в полку не опечалился — не любил его. Солдаты — за мелочную дотошность в строю, а офицеры... Даже не скажешь, за что его не любили офицеры. Может быть, за то, что не умел рассказывать анекдоты и не

смеялся, когда рассказывали другие. «Мог бы и не возражаться», — неожиданно пронеслась мысль у полковника. Однако вернуться на фронт после тяжелого ранения в такое время — это подвиг. И вообще Соболев — хороший офицер.

Штабс-капитан — широкоплечий, коренастый, большеголовый, еще не совсем оправился после ранения и, оттого что почти все время сгибался в поясе, казался меньше ростом. Сравнялся с командиром полка. Преодолевая небоснованную и ненужную неприязнь, Кутепов говорил с Соболевым долго, участливо и доверительно. И какая может быть неприязнь к офицеру, правильно ответившему на самый главный вопрос:

— По-видимому, полк в ближайшем будущем прекратит свое существование или будет преобразован. Какие планы у вас на этот случай?

— Надеюсь найти свое место в ряду тех, кто намеревается восстановить великую Россию. Однако генерал Алексеев в Новочеркасске уже начал набор в свой отряд.

— Ну... Алексеев... Да... Лавр Георгиевич Корнилов скоро объявится там. Возможно, нам с вами выпадет счастье вести полк под его знамена.

Все же был чем-то неприятен штабс-капитан. Не присоединился к словам надежды, не поддержал, а молчал, изогнувшись на стуле. И глаза у него маленькие, словно всегда прищуренные.

— После госпиталя, господин полковник, я просто не узнаю своих солдат, — продолжил штабс-капитан и выразительно уставился на свои сапоги.

Кутепов взглянул на сапоги собеседника и удовлетворенно отметил, что на них почти нет следов от того океана грязи, который надо преодолеть, чтобы подойти к штабу.

— Почистили вам сапоги на крыльце солдаты? — спросил полковник. — Я приказал это делать, чтобы грязи в штабе было меньше. Я надеюсь на старых преображенцев, на офицеров, на унтер-офицеров.

— Боюсь, господин полковник, что среди офицеров...

— Господин штабс-капитан! Среди моих офицеров нет предателей! Или, может быть, князь Хованский большевик?

— По долгу службы, господин полковник, я обязан вам доложить о возникших у меня подозрениях. В госпитале у меня было время для обдумывания некоторых странных фактов. Я почти месяц лежал без движения и думал, почему так тяжело нам пришлось 7 июля, когда я был ранен. Я знаю, что некоторые офицеры нашего полка слишком тесно сближались с местными жителями, среди которых могли оказаться шпионы. У одного поручика была любовница — подозрительная полячка.

— Отставить! — приказал полковник резко. — Вы забываетесь, штабс-капитан! Вы не в жандармском управлении, а в лейб-гвардии его Императорского Величества Преображенском полку! Как вы смеете предлагать мне, командиру полка, сделать донос на офицера? Или вы советуете мне установить слежку за офицерами? Как вы смеете передавать мне гнусные сплетни об отношениях моих офицеров с женщинами?

— Простите, господин полковник, сейчас такое время, и я хотел...

— Какое бы ни было время, а русский офицер не должен терять чести и достоинства. Если вы считаете, что кто-то из офицеров ведет себя недостойно, то вам должно быть известно, как поступают в таких случаях в офицерской среде. Идите и думайте.

Дымникову повезло на спутников-юнкеров — бравые юноши в казачьей форме научились почти всему, что отличает простых солдат и мужиков от благородного общества: материться, лезть в драку, пить стаканами дурной самогон, петь мужицкие песни, проклинать царя и буржуев и даже сморкаться без носового платка. В Петрограде на перроне ожидала подачи поезда такая многослойная толпа, злобно бурлящая, неприступная, что если бы Леонтий был один, он даже не пытался бы пробиться через нее. А юнкера-константиновцы во главе со знакомым Вальковским, с тем, что охранял Николаевский мост, не хуже заправских фронтовиков врезались в эту страшную шевелящуюся массу как раз в тот момент, когда подавали поезд. С нагло грозными криками: «А ну, разойдись!.. Да-арогу красным казакам!.. Па-а приказу Па-адвойско-

го¹⁷!» — они первыми оказались у дверей вагона, ворвались, заняли два отсека. Отставших в толпе, в том числе и Дымникова, со смехом втащили в открытое окно. Люди заняли все проходы, забились между полками, какой-то пролетарий втиснул свой рундучок так, что придавил ноги Леонтию, и немедленно вступил в беседу: «Что, ребята, поехали своих буржуев бить?» — «А чаво ж на них глядеть», — отвечал Вальковский, изображая казака и переходя к изощренной матерщине. Рядом, в соседнем отсеке, кто-то смачно рассказывал о боях с юнкерами: «Сперва кадеты, было, прищучили нас — стреляют хорошо, мать их... Но потом мы как поперли...» Для говорившего кадетами были не только члены милюковской конституционно-демократической партии, но и все, в кого надо стрелять.

После мучительной дороги в душной тесноте, когда нельзя не то что выйти, но и двинуться, в Москве сделали остановку. Дымников отдал свой чемодан Вальковскому и поехал в Лефортово к Меженину. Единственный в Москве паровой трамвай провез его по местам, святым для Александра Павловича Кутепова: Преображенская, Семеновская... Двухэтажный дом светлого кирпича напротив белого широкого строения XVIII века — госпиталя. С другой стороны дома — знаменитый с петровских времен Головинский сад.

Дымников честно надеялся, что Игорь дома, а не на фронте, но его надежды не сбылись. И все вышло не так, как он ожидал. Госпожа Меженина встретила настороженно человека, чье интеллигентное лицо так не соответствовало мужицкой шапке, солдатской шинели и высоким сапогам с отворотами (в сапоге Леонтий прятал револьвер). Узнав, кто он и откуда, превратилась в приветливую хозяйку. Светловолосая, беломраморная красавица! Ее неторопливые движения, а временами полная сонная неподвижность рождали ассоциации с холодным камнем, если б не выразительно посверкивающие живые карие глаза. Выражали эти чудесные глаза то, что Леонтий давно научился понимать: «С тобой можно это сделать?» У него самого такой взгляд, но не на каждую и не всегда, и не на женоу фронтowego приятеля. Тем более что в комнате, за чаем

с белой булкой, сидел мужчина — некий Вайнштейн, брюнет лет сорока с горящими глазами пророка.

Помятуя о политических взглядах семьи Межениных, Дымников объяснил, что едет в Ростов к своей невесте, чтобы забрать ее в Петроград. Вайнштейн, захлебываясь чаем и словами, пророчествовал о мудрости Ленина, о диктатуре пролетариата и о неизбежной победе мировой революции. Леонтий уже раздумывал, к кому из московских друзей ехать ночевать, но Вайнштейн вдруг поднялся и начал прощаться.

Когда Дымников и хозяйка дома остались вдвоем, все уже было ясно: «Конечно, останетесь на ночь у меня, — сказала Лиза, тургеневская женщина с понятным и понимающим взглядом будто наклеенных на мрамор глаз. — Игорь мне не простит, если я вас выставлю на улицу».

Пили чай, сочувственно вспоминали штабс-капитана, потом она сказала: «Я согрею воду — вам тоже надо помыться».

Выспаться в чужой супружеской кровати не удалось — рано утром Лиза спешила в госпиталь, а ночью уснуть не дала не только любовь, но и разговоры. «Мне нравится, что ты все понимаешь, — говорила она. — Ведь это средневеково-буржуазная выдумка о нерушимой верности брака. Вредная выдумка. Нельзя засушивать свое тело. Теперь, когда победила настоящая социальная революция, изменятся и отношения между мужчиной и женщиной. Любовь станет свободной, как у нас с тобой. Ты едешь к невесте, а сейчас со мной. Ты понимаешь, что в этом нет ничего плохого. Почти год, как я одна. Конечно, у меня были встречи в госпитале. Я нравлюсь мужчинам, но мне нравятся немногие, а пристают все. Недавно один офицер-преображенец, Соболь такой. Ужасно противный, да еще и отъявленный монархист. Предлагал мне какие-то драгоценные безделушки...»

После любовной ночи пришло усталое мудрое спокойствие, когда даже смерть принимается как должное, а разрушенная жизнь, бегство из родного города куда-то в неизвестное будущее представляется естественным жизненным эпизодом, вроде болезни с надеждой на выздоровление.

Поезд, отправлявшийся из Москвы, оказался настолько свободным, что Дымников даже смог занять верхнюю полку и почти всю дорогу спал. На больших станциях просыпался, смотрел в окно на озлобленные толпы, топчущие не убранный с перронов снег, на обязательные плакаты: «Да здравствует власть Советов», «Смерть буржуям». Снова засыпал и даже проспал проверку документов. «Пусть товарищ отдыхает», — сказал солдат с красной повязкой и с наганом на поясе.

Когда въехали в Область Войска Донского¹⁸, вагон совсем опустел, юнкера успокоились, перестали изображать большевиков.

— Обратно поедете в классном офицерском вагоне, Леонтий Андреевич, — пообещал Вальковский, — а мы с орудиями и винтовками, со знаменами впереди.

— Нет, дорогой мой юнкер: я с вами.

— И Миша Бурмин был бы с нами... Я говорил вам, что его мама в сумасшедшем доме? В морге его нашла и начала хохотать... Ничего. Мы до них доберемся. А кто нас поведет? Один Корнилов? Многие генералы продались большевикам: Брусилов, Бонч-Бруевич, Каменев...

— Об этом не беспокойтесь. В Новочеркасске генералов много собралось. У них настоящая причина беспокоиться: кем им командовать. Ждут таких, как мы.

Леонтий вновь задремал и проснулся в настоящей России. В такой, какой она всегда была и какой должна и остаться. В той России, которую изобразил ее любимый поэт: яркий чистый снег под веселым утренним солнцем. На станции Новочеркасск, на прибранном почти пустом перроне их встретили несколько настоящих юнкеров — шинели пригнаны, сапоги сверкают, шпоры позвякивают, на погонах вензеля: М или К.

— Господа, поздравляем вас с приездом на православный Дон!

— Благодарим за встречу, господа!

Проходя мимо здания вокзала, Дымников указал Вальковскому на расклеенные на его стенах воззвания:

— Об этом я вам и говорил — генералы ищут солдат.

Генерал Алексеев: «Вступайте в ряды Добровольческой армии!¹⁹ В поход на предателей и немецких шпионов! За

спасение и возрождение Великой России!»

Есаул Чернецов: «Казаки, русские люди! Приходите в мой партизанский отряд, чтобы сражаться против предателей-большевиков, как сражались наши предки — партизаны войны 1812 года!»

«Русские люди! Вступайте в отряд Белого Дьявола! Смерть врагам России и православия!»

Встречавшие объяснили, что «Белый Дьявол» — это казачий охотник Греков, с особой жестокостью расправляющийся с пленными: не расстреливает их, а рубит шашками.

На площади порядок. Даже городской прогуливается, румяный от мороза, греется, постукивая рукой об руку. В витрине магазина — колбасы, сыры, пирожные... А самое потрясающе прекрасное — отряд юнкеров, вышедший с песней из боковой улицы на площадь:

Гимнастерки тонные, сапоги фасонные
Это юнкера-гвардейцы идут!
Эй, песнь моя, любимая!
Буль-буль-буль бутылочка
Казенного вина.
Скачет и мчится лихая батарея,
Стальные пушки на солнце блестят!
Эй, песнь моя, любимая!..

Шагали они особенной юнкерской походкой, выбрасывая руку чуть в сторону: винтовки в положении «на плечо», штыки выравнены, подняты высоко, по-гвардейски; лягают шпоры в такт четким шагам. Вот она, истинная Россия.

Из магазина тем временем вышел железнодорожник в шинели и фуражке, хмурый и небритый, с буханкой хлеба в руке, посмотрел вслед юнкерам, сказал со зловещей угрозой:

— Понаехали воевать, мать вашу!.. Кадеты... Всех вас уложим!..

На последние выборы полкового комитета приехал из Петрограда Заботин. Собрались в штабной комнате. Все

было другое, и все были другие. Никаких «здравия желаю», никто не собирался ждать, пока соберутся офицеры и явится сам полковник. В дверях толкотня.

Заботин поднялся, как самовластный хозяин, и начал по-петроградски:

— Товарищи! Сейчас у нас по всей России новая власть, и я как уполномоченный властью к вам из Петрограда. Мы там раздавили контру юнкерского мятежа во главе с офицерами. А все эти мятежи, вся контрреволюция идет от того, что до сих пор командуют офицеры. Нам не нужен в командиры полковник Кутепов. Мы выберем своего солдата или унтер-офицера. А Кутепов, конечно, грамотный и может полку пользу принести. Тут как-то за него один писарь очень заступался. Наверное, полковник хорошо знает писарское дело, вот я и предлагаю выбрать Кутепова писарем хозяйственной части полка. Пускай наводит там порядок. Кто за? Абсолютное большинство. Принято. А теперь...

Все офицеры поднялись и покинули это собрание. Кутепову, не присутствовавшему на нем, сейчас же передали о позорных выборах. Офицеры столпились в его кабинете.

— Господа, — сказал полковник. — Мы обязаны сохранить знамя полка, не ждать, пока его разорвут «товарищи». Сейчас на постах еще старый караул, подчиняющийся мне. Давайте воспользуемся этим и спасем Преображенское знамя.

Малевский-Малевич взялся за дело. Он вошел в помещение, где шло собрание и оттуда раздавался громкий смех, и очень официально, словно действуя в соответствии с какими-то правилами, обратился к Заботину:

— Товарищ председатель собрания! Ввиду снятия полковника Кутепова с должности командира полка прошу в соответствии с уставом поручить полковнику снять старый караул, а также принять старое знамя для передачи в музей для хранения.

— Нехай берут! — закричали солдаты. — У нас нынче красное знамя будет!.. И караул свой поставим. Голосуй командира, Заботин!

Кутепов твердым командирским шагом подошел к караульному помещению, вызвал начальника караула капитана Зуева.

— Господин капитан, — сказал полковник. — В связи со снятием меня с должности командира полка я снимаю караул. Приказываю вам снять все посты и передать оружие и имущество новому командиру полка. По договоренности с полковым комитетом знамя полка прошу лично вас взять с поста номер один и принести в чехле в мой кабинет.

В кабинете уже появились бутылки с бимбером, и успевший захмелеть Малевский-Малевич лежал на диване, плакал и вспоминал былые победы.

— Капитан Зуев, приказываю вам снять чехол и отделить знамя от скобы и древка.

Перед офицерами развернулось смятое Георгиевское знамя.

— Господа офицеры! — скомандовал Кутепов, и те, кто мог стоять, приняли положение «смирно». — Вольно! Предлагаю желающим на память отрезать части знамени — здесь где-то есть ножницы — большевики все равно его уничтожат, как символ царского режима.

Всего несколько человек воспользовались предложением полковника.

— Я беру себе Георгия. Буду носить на груди рядом с портретом матери. А вам, капитан Зуев, поручаю сохранить то, что осталось, — сказал Кутепов, а потом спросил: — Или поручим другому, а вы со мною на Дон? А если хочешь, доверши демобилизацию, езжай в Петроград, береги полковое добро и, когда немцы займут город, сбереги жен, детей и всех, кого надо.

— Все равно на Дону встретимся, Александр Павлович.

1917. ДЕКАБРЬ

Корнилов его не принял.

Наверное, в манерах Кутепова, во взгляде, в движениях что-то осталось от того недоростка, юноши с чужой фамилией. Хоть по законам Российской империи она, конечно, правильная, полученная от усыновившего его отчима, но ведь был и настоящий отец, и что-то осталось в нем от него. Что-то осталось и от юнкера, изо всех сил старавшегося преуспеть, поскольку другого хода в жизнь не было. Тогда

преуспел — стал фельдфебелем. Вероятно, в нем осталось нечто такое, что начальники с командирским чутьем сразу угадывают, решая, что не надо с ним дипломатничать, подыскивать службу, убеждать, уговаривать, а без долгих объяснений можно отдавать приказ и направлять туда, где требуется настоящая военная служба — убивать врагов. Вот и Алексеев...

Принял его в старой генеральской форме, помятой, плохо почищенной. В глазах — непреходящая усталость. Вежливо расспрашивал о том, как добрался, как устроился. Не рассказывать же, что в офицерском общежитии пришлось чуть ли не стрелять в дежурного, не желавшего предоставить комнату полковнику, известному алексеевцу, или о ночном шуме, возникшем у входа в общежитие. Молодая женщина кричала, что здесь живет ее жених и требовала от дежурного, чтобы этого жениха немедленно разыскали и предоставили ей, не то она утром вызовет из станицы казака-отца, и он тут все разнесет. Едва уговорили ее отложить встречу с женихом до утра. Женихом оказался... поручик Дымников. Утром он смотрел на полковника круглыми честными глазами и говорил: «Все же как хорошо, что в расположение воинской части не пускают посторонних. Какая она невеста? Переночевал два раза, а она размечталась». Упоминание об отце, правда, заставило его задуматься. Вновь напоминая лицом Дантеса, поручик говорил: «Может, на операцию против красных напроситься или податься в отряд к Чернецову? Как вы думаете, Александр Павлович?»

В беседе с генералом обо всем этом неуместно упоминать.

— Лавр Георгиевич тоже уже здесь, в Новочеркаске, его текинцы по дороге были перебиты, разогнаны. Добрались всего человек 40, а служить у генерала остались лишь семеро верных, — с усталым безразличием сообщил Алексеев и, почувствовав немой вопрос Кутепова, добавил: — у нас с Лавром Георгиевичем были крупные разногласия.

— Он все еще за республику?

— Дело даже не в политических взглядах — будущее государственное устройство России будут решать другие люди. Речь шла об управлении армией, о военных планах. Он так

был обижен на меня, что даже хотел уехать в Сибирь. К переговорам подключили Антона Ивановича и, наконец, решили: армия — Корнилов, внешние сношения и политика — я.

— Михаил Васильевич, я готов немедленно формировать полк, батальон или какой-нибудь отряд и повести его на самый опасный участок.

— Какой полк, уважаемый Александр Павлович? Какой батальон? У нас здесь одни командиры полков и батальонов. Солдат нет — только юнкера. И всего в нашей армии около трех тысяч. Откуда брать пополнение — неизвестно, а сражаться надо каждый день.

— Россия просыпается.

— Да. Большевики разорили страну, зимой начнется голод, а они еще половину страны отдадут немцам, тогда русские люди и поклонятся нам, Александр Павлович, скажут: «Придите и спасите». А пока будем сражаться, чтобы выстоять, выиграть время. Вы ведь знаете Тимановского? Он с остатками своего полка защищает Таганрог. Большевики атакуют его огромными силами, и ему требуется помощь. В городе много большевистски настроенных рабочих, они могут восстать и ударить с тыла. Я назначаю вас начальником Таганрогского гарнизона. В вашем подчинении георгиевские кавалеры Тимановского и юнкерское училище полковника Мостенко. Я пришлю еще отряд офицеров.

— Но ведь армией руководит Лавр Георгиевич.

— Это я с ним уже согласовал, — сказал Алексеев и улыбнулся.

И тот, и другой знали, кто готов идти в бой.

Прежде, чем попрощаться, генерал вдруг сказал:

— Знаете, Александр Павлович, хоть там, под Таганрогом, сил и маловато, в приказе мы именуем вас командиром 3-го полка Добровольческой армии.

1918. ЯНВАРЬ

Вот и Корнилов... Вот и сиди теперь в штабной теплушке на станции Таганрог, дыши угаром от раскаленной железной печки, выслушивай доклады по телефону — один

страшней другого — и мгновенно принимай решения и отдавай приказы. Тимановского без его согласия зачем-то вызвали в Новочеркасск, а здесь по железной дороге то наступают большевики, то в городе бунтуют рабочие, нападают на юнкерское училище.

— Господин полковник, штабс-капитан Соболев просит вас к аппарату.

В телефоне слышны были редкие выстрелы — уже редкие — и голос офицера, еще не выключившегося из боя:

— Мы их погнали!.. Бьем вдогонку... Пленных более сотни...

— Докладывайте, что с училищем?

— Все юнкера у меня, но...

— Докладывайте, где начальник училища?

— Полковник Мостенко приказал юнкерам бросить его раненого и уходить. Сам застрелился.

— Плохие юнкера.

Кутепов встал, снял фуражку и перекрестился.

— Господин полковник, город очищен. Какие будут приказания?

— Расставьте посты. Назначьте дежурных офицеров. Остальным отдыхать. Сами с офицерами — на станцию.

В штабную теплушку Соболев явился вместе с Дымниковым. Тот помогал подняться по стремянке — старая рана еще напоминала штабс-капитану о себе. Кутепов приказал ординарцам подать вино и закуску.

— С рабочими легко воевать, — оживленно говорил Леонтий, — один выстрел — и бегут. Не то, что немцы.

— Вы не закончили рассказ о своей поездке в Новочеркасск, — напомнил Кутепов. — Или вы там прятались от страшного казака — отца вашей невесты и ничего не видели?

— Его убили вместе с Чернецовым. Пришлось Наденьку успокаивать. Но кое-что я слышал. Марковцы встречали новый год, и Марков²⁰ на этом празднике сказал, что не надо тешить себя иллюзиями — предстоит, мол, страшная борьба и не многие увидят ее конец. Самое главное я прибежал для финала, — сказал Дымников, грея руки над печкой, — генерал Деникин женился. Венчались сразу после рождественского поста. Присутствовали только свидете-

ли-шаферы: генерал Марков, полковник Тимановский и два адъютанта.

Отдыхать в эту ночь не пришлось. Едва стемнело, как с жутким воем со стороны Ростова подъехал паровозик с одним вагоном. Оттуда возник капитан Ермолин с несколькими офицерами и юнкерами. Набились в теплушку штаба с восклицаниями и замечаниями. Кутепов перекричал всех и приказал замолчать. Ермолин доложил: красные отряды Сиверса²¹ численностью не менее 5 тысяч перерезают железную дорогу. Юнкера отбиваются, но надолго их не хватит. Подошли к карте.

— Матвеев курган?

— Взят Сиверсом, — ответил Ермолин.

— Соболев, что с пленными? — обратился Кутепов к штабс-капитану, назначенному им председателем военно-полевого суда.

— Приговор приведен в исполнение, — ответил тот.

— Прорываемся к Ростову, — решительноскомандовал Кутепов. — Не имеем права даром губить людей. Раненых — в теплушки. Впереди я с корниловцами и юнкерами...

В Ростове штаб армии размещался во дворце Парамонова. Корнилов, худенький, поджарый вышел в зал вместе с представительным Деникиным, одетым в хорошо сшитый штатский костюм. Доложили о депеше из штаба: «Войска Кутепова под давлением превосходящих сил красных оставили Таганрог и с боем отходят к Ростову».

— «Превосходящих сил», — презрительно повторил Корнилов, сверкнув темными азиатскими глазами. — Плохой командир Кутепов. Алексеев сумел меня уговорить. Все! Пишите: Кутепова снять и разжаловать в рядовые! Командование передать Тимановскому.

— Не жестоко ли, Лавр Георгиевич?

— У нас с вами, Антон Иванович, много генералов и полковников, умеющих воевать, а интриганы монархисты пусть заслужат в бою право командовать людьми.

Меженин любил Блока и Чернышевского, они помогли ему понять себя и оправдать. Сначала стало стыдно: вместо ревности и возмущения возникло неожиданное

странное влечение к жене, встретившей его в постели с другим мужчиной. «Я тебе писала, — сказала она, поднимаясь голая с кровати и запахивая халат, — но ты, наверное, не получил — какая сейчас почта? Знакомся: это мой хороший друг Боря Вайнштейн, помощник комиссара госпиталя...» В выразительных чудесных глазах Лизы не было ни страха, ни смущения, лишь нечто, похожее на любопытство.

Пили чай втроем, ели сладкие булочки и говорили о мудрости Ленина, разогнавшего Учредительное собрание, а Игорь мечтал о моменте, когда ляжет с Лизой в ту же постель и будет ласкать жену, исцелованную, заласканную другим. Сначала он устыдился этого приступа страсти, но вспомнил: у Блока было нечто подобное с женой и с Чулковым, а потом с каким-то артистом, и даже ребенок родился, а поэт любит ее страстно; и в «Что делать?» прозрачные намеки на подобное положение...

— Игорь, ты куда собираешься? — наконец, Лиза поняла, что происходит. — Зачем белье в чемодан? И книги? Ты же сказал, что совсем...

— У тебя здесь хороший друг, а я — лишний, — ответил он, стараясь не смотреть ей в глаза и быть убедительным.

— Почему лишний? Ты — мой муж, а Боря просто друг. Мы были с ним, пока ты не приехал. Неужели ты ревнуешь? Это же буржуазное чувство собственности на женщину.

— Не знаю, Лиза. Мне надо привыкнуть к такому... образу жизни. Надо побыть без тебя. Подумать.

— Но ты же ночью... Ты был так ласков, так страстен. Так хорошо говорил.

— Ночью... А теперь такой мрачный, унылый, безнадежный день. Я поживу пока у тетки. Или, может быть, сразу уеду в Петроград и вступлю в новую армию.

Кое-как, с трамвая на трамвай, кружа и прячась, добрался Меженин до Курского вокзала, где его ждали двое друзей-единомышленников в солдатских шинелях. Они втроем решили пробираться на Дон к Корнилову, чтобы беспощадно бить взбунтовавшийся сброд, разрушивший первое в России свободно избранное Учредительное собрание — вековую мечту русской интеллигенции.

Какой там батальон или полк — лучше не вспоминать. Если б идти на пулеметы, отбиваться от фанатиков матросов под Таганрогом, карать взбунтовавшихся матросов — тогда Кутепов при деле, тогда он впереди. А отступить без боя, уходить неизвестно куда, лишь бы спастись, — все становятся штабными бонапартами и рвут друг у друга должности. На последнем, самом черном, ростовском военном совете он молчал и, если вокруг кто-то возмущался, роптал, одобрял, безнадежно вздыхал, то по его резкому взгляду, вздернутой бородке и решительному лицу никто не смог бы понять, на чьей он стороне: хитрых алексеевцев, храбрых корниловцев или дипломатичных деникинцев.

Вернулся Кутепов во временную квартиру, предоставленную ему в доме какого-то местного миллионера, зажег керосиновую лампу, сел за столик, раскрыл оперативную карту Кубанского края. Итак, от Ростова по железной дороге, затем поворот, переправа у Ольгинской...

В дверь осторожно постучали.

— Господин полковник, к вам поручик Дымников. Говорит, что вы ему назначали.

Леонтий уже не выглядел ни петроградским адъютантом, ни преображенским офицером: плоховато выбрит, обычно спокойные большие глаза потускнели, потеряли мужской вызывающий блеск.

— Вашу просьбу никто не может удовлетворить, Леонтий Андреевич, — сказал Кутепов. — Даже Деникин. Я говорил с Антоном Ивановичем: в Добровольческой армии офицеров-артиллеристов на несколько дивизионов, а орудий... Знаете, каков наш артиллерийский парк? Десять трехдюймовок. На всю так называемую Добровольческую армию. Да и в ней-то едва четыре тысячи солдат и офицеров. Юнкера михайловцы и константиновцы произведены в прапорщики. Деникин сказал: «Пусть ваш Дымников захватит большевистскую батарею, и я ее ему отдам». И еще сказал, что откуда-то помнит вашу фамилию. Никогда не встречался, но помнит.

— Идем на Кубань? — спросил Дымников.

— Уже все знают. Совещание давно кончилось.

— Деникин уговорил Корнилова. Тот хотел в Сальские степи.

— Деникин — прихвостень Алексеева. Он называет всех, кто за Корнилова, — «необычайными»!

— Господин поручик! — Кутепов поднялся, за ним, конечно, встал и поручик. — Я запрещаю вам непристойно отзываться о генералах Добровольческой армии. Они — наши командиры, наши полководцы. Куда бы мы ни пошли, мы идем с ними на Москву.

Вновь сели.

— А вы, Александр Павлович?

— Я командир третьей роты офицерского полка. Записал вас к себе. Командир полка — Марков. Форма — черные погоны. Траур по России.

— Конечно. Кто же еще? Друг Деникина. Вместе страдали.

— Поручик, — снова, было, возмутился Кутепов, но успокоился и махнул рукой. — Ладно, Федора Ивановна.

— Когда выступаем?

— 26 февраля*.

1918. МАРТ

Те, кто выжил, навсегда запомнили высокий весенний свет этого первого боя, распростершуюся чернь кубанских полей, слегка подернутых изумрудными всходами, хриплый стрекот скворцов и тяжкий топот солдатских сапог. Сначала шли строем, шпор давно уже не было, и обувь разбилась. Однако пели новую строевую:

Слушайте, братья,
Война началась.
Бросай свое дело,
В поход собирайся...

«Бросай свое тело», — мысленно переиначивал слова песни Дымников. Свое изнуренное, истощавшее, давно не

*Здесь и далее новый стиль.

мытое. Бросай под пулеметы, под штыки озлобленных пролетариев. Бросай его окровавленным куском на дороге на потеху мародерам-садистам, на угощение хищникам.

Сзади перекатами возникали вопли восторга — вдоль колонны скакал Корнилов на буланом коне в сопровождении нескольких текинцев в огромных черных и белых папяхах. Все кричали «ура!», и Дымников кричал, отмечая про себя, что по посадке всегда узнаешь провинциала-иностранца.

Кутепов шел впереди роты с винтовкой на ремне. В ожидании генерала остановился, снял винтовку, отдал честь. Корнилов остановил коня, поздоровался дружески, затем крикнул неожиданным для щуплого своего тела басом: «Здравствуйте, молодцы, герои-офицеры!» В ответ прокатилось новое «ура!».

После короткого привала пошли вольно, без строя, вроссыпь. Возникли слухи о возможном бое перед следующим населенным пунктом. Это уже не казачья станица, а русское село Лежанка.

Роты местами перепутались. Празднично трогательная голубизна неба настраивала на мысли о добром, великом, человеческом. Дымников поравнялся с Романом Гулем²² — интеллигентным офицером. Тот улыбнулся и сказал:

— Хорошо. Послушайте стихи:

Расходились и сходились цепи,
И сияло солнце на пути,
Было на смерть в солнечные степи
Весело идти...

— Хорошо, — согласился Леонтий. — Если бы...

— Да, — понял Гуль, — эта дорога не на Москву.

— Разумеется. Был Главковерхом и до Питера не дошел, а здесь...

— Хочет захватить Россию с помощью тысячи прыщавых юнкеров, — усмехнулся Гуль, вспоминая странных героев русской истории.

— Почему же вы здесь?

— Все те же историко-романтические восторги. Тронется волна национального возрождения. Во главе — нацио-

нальный герой, казак Лавр Корнилов. Вокруг него объединятся все, забыв партийные и классовые счеты. За Учредительное собрание пойдут стар и млад. Буржуазия — минины, офицерство — пожарские. Флаги, знамена, оркестры, играющие новый гимн. И армия возрождения, горящая одной страстью: счастье родины, счастье народа русского — идет как один. Она почти не встречает сопротивления. Ведь она — народная армия... Мираж...

Дорога плавно поднималась. Показались окраинные хаты и сараи. Ряды замешкались, офицеры искали своих, и Дымников увидел, что прямо на него с винтовкой наперевес идет Меженин. Осунувшийся, подохший, злой, по-боевому ссутулившийся. Сейчас убьет. Или потом, в бок, в спину.

Но выстрел раскатистым веселым хлопком прозвучал сверху, над первыми рядами. Порхнуло легкое белое облачко шрапнели, хлесткий град сыпанул по земле, по людям. Кто-то закричал, требуя Таню и Варю — медсестер, на которых Леонтий строил некоторые планы, обязательно связанные с хорошей баней.

Как бы не заметив Меженина, поручик устремился к своей роте. Кутепов стоял в окружении помощников. Соболь по обыкновению чуть ли не на ухо докладывал ему что-то. По дороге двигались верховые, за ними катились два орудия. Подъехал Деникин в сопровождении адъютанта. Шрапнель рвалась все ближе. Генерал бравировал. Спешился, снял фуражку, утер носовым платком лицо — ни дать, ни взять, мужичок на пашне, но с хитрецей: все вижу, своего не отдам. Поговорил с Кутеповым о начинающемся бое:

— Регулярные войска. 154-й Дербентский полк перешел на сторону красных. Надо драться всерьез. Вы, Александр Павлович, идете прямо в лоб. А вот и артиллерия для вас. Батарея на прямую наводку.

Какая там батарея — два орудия. Но ездовые с нагайками, лошади передвигаются правильной рысью, зеленые стволы масляно поблескивают, затворы — слепящие зеркала. Впереди — командир, полковник Миончинский, на передках расчеты. Дымников узнал Вальковского. Тот был произведен в прапорщики, и звездочки нарисованы на погонах химическим карандашом.

Кутепову не нравилась идея атаки в лоб:

— Антон Иванович, я не хочу устраивать бой по дороге. Я их через речку возьму вместе с корниловцами. Это же не речка, а ручеек.

— Действуйте, полковник. С Богом.

— Поручик Дымников! — крикнул Кутепов, заметив Леонтия. — Передайте третьему взводу мой приказ: сворачивать к речке за мной.

— Так вы тот самый Дымников? — заинтересовался Деникин. — Что-то мне о вас говорили. Но я обязательно вспомню.

— Господа офицеры, вперед! — кричал Кутепов. — За великую Россию!

Дымников не первый раз видел Кутепова в таком бою, где надо смело идти на пули. Полковника охватывал веселый, едва ли не мальчишеский азарт. Он со смешками, с прибаутками, с «Федорой Ивановной» подбадривал и торопил подчиненных с бесстрашием, заставлявшим забывать о смерти, до которой только руку протяни. Словно шел не в бой, а на учения.

Цепь выровнялась, Кутепов осмотрел своих подчиненных, и голос его зазвучал по-строевому, парадно и решительно:

— Ровный шаг! Интервал — четыре шага! Винтовки наперевес! Огня не открывать! Идем без единого выстрела! Смотреть в лицо врагам!

В окопах на окраине деревни возникло неясное движение. Трехдюймовки замолчали — в них прямой наводкой били орудия полковника Миончинского.

Пехота Кутепова размеренным шагом двигалась вперед без выстрелов, с винтовками наперевес. Падали убитые и раненые — потерь будто не замечали, только смыкали строй: сзади спешили медсестры. Видя молча наступающих рыцарей белого дела, красные обратились в паническое бегство.

Справа на отступающих бросились корниловцы, и Кутепов приказал своим: «Вперед!» Они догоняли противника, били штыками, хватали, расстреливали из винтовок.

Так начиналась война бесстрашных белых рыцарей против злобной, ненавидящей их массы, настоящая гражданская война.

К Деникину подбежал генерал Марков и крикнул:

— Этому я в Академии Генштаба не учил! Здесь придумал.

— Кутепов нашел правильную тактику, — сказал Деникин.

Роман Гуль, идя в задней цепи, восхищался и плакал. Ведь их так мало, этих доблестных офицеров и юнкеров. Они вскоре все погибнут в таких боях, никто не дойдет до Москвы. И вся эта атака ровным шагом, без выстрела — мираж... Да. В памяти останется мираж. В песнях, в стихах... Какие-нибудь будущие мальчишки, с замиранием сердца вглядываясь в этот мираж, трепещущий на киноэкранах под бой барабанов, будут тяжелым вздохом провожать падающих убитых и раненых — их не замечают наступающие с винтовками наперевес офицеры, только ряды смыкают.

— Господа, не забывайте приказ генерала Корнилова: пленных не брать! — крикнул Кутепов. — Кто на расправу — туда, к дороге.

Дымников опустил взгляд и услышал знакомый голос:

— Я пойду. Кто еще?

Поручик осторожно посмотрел — это говорил Меженин.

Человек 60 пленных в растерзанной, растрепанной одежде вывели из деревни. Подъехал полковник Нежинцев, командир ударного Корниловского полка, бравый молодец лет тридцати с равнодушно усталым лицом человека, обязанного выполнять какое-то поручение. Подполковник лишь мельком взглянул на пленных, склонивших головы и бессильно опустивших руки.

Вместе с Межениным вышли человек пятнадцать: некоторые с напряженными лицами, пряча глаза, другие изображали лихость.

— Конвой, разойдись! — скомандовал Нежинцев. — Команде приготовиться. Пли!

Выстрелы трещали беспорядочно. Дымников наблюдал за Межениным. Тот методично убивал одного за другим выстрелами в голову. Некоторые молча падали, другие кричали, плакали, становились на колени, протягивали руки. Одного такого Меженин добил почти в упор, наклонившись. Некоторые из стрелков после первого выстрела торопливо уходили, другие били до конца.

— Вон того добей, — сказал Меженин стрелявшему рядом. — Видишь, ползет?

— Я его шттыком, — сказал тот и несколько раз с размахом всадил шттык в корчащееся тело.

Дымников не мог оторваться от этого кровавого зрелища. Меженин шел прямо на него. «Теперь меня за тургеневскую Лизу», — мелькнула нелепая мысль.

Разумеется, нелепая. Сели рядом.

— Угощу хорошими, — сказал Меженин, доставая ростовские папиросы. — Ствол в крови, твою мать. Мозги вышибал пролетарию. Я убивал их с особенным чувством. И буду убивать. Борцы за свободу, продавшиеся немецким шпионам. Убивать — высокое мужское чувство. Читал Ницше?

— Да, конечно, — бормотал Леонтий. — А ты здесь как? Когда?

— Так же, как и ты, Лео. Я здесь для того, чтобы идти на Москву и Петроград, а не разорять нищие кубанские деревни. И таких, как мы, много в Добровольческой армии. Мы освободим Россию от красной нечисти, но сначала мы с тобой...

Меженин замолчал, повернулся лицом к Дымникову, и Леонтий заметил вдруг, насколько огрубел, заматерел штабс-капитан, знаток русской литературы и любитель тургеневских женщин.

— Что мы с тобой должны сделать, Игорь?

— Сначала мы должны убить Корнилова.

1918. 12 АПРЕЛЯ

Екатеринодар атаковали с запада. Штаб Корнилова был устроен на ферме Екатеринодарского сельскохозяйственного общества на высоком правом берегу Кубани. Здесь же расположились переправившиеся кутеповцы и другие войска, прятавшиеся от обстрела в оврагах, ямах.

Меженин и Дымников лежали на берегу, разглядывая панораму города, задымленную, вспыхивавшую зеленоватыми молниями артиллерийских выстрелов. Окраины ис-

полосованы большевистскими окопами, ближе к реке — окопчики наступающих корниловцев.

— Если он останется жив, — начал Меженин, — то мы, Лео, все останемся здесь, в братских могилах. Он погубит всех, на кого еще могут рассчитывать честные русские люди. Этот маленький генеральчик-инородец, вскруживший головы десятку недоучек юнкеров, привел нас сюда на смерть. И сам уже чувствует конец — впервые после Ростова собирает военный совет.

— Когда ты, Игорь, впервые предложил мне это... эту акцию, я был возмущен. Русский офицер не может участвовать в заговоре против своего генерала.

— История говорит о другом. Да и России сейчас нет. Чтобы восстановить страну, навести порядок, нужен всего месяц, а то и меньше. Я в Новочеркасске встречался с атаманом Красновым²³. У него под боком, в Таганроге, немцы. Он сказал: немцы дают полк и артиллерию и вместе с казаками гонят красных до Москвы. Корнилову это предлагали, но наш маленький Чингисхан, не сумевший воспользоваться властью Главковерха в 17-м и даже растерявший всех своих верных текинцев, когда-то давал присягу воевать с немцами и остается ей верен. После его смерти Добровольческая армия пойдет за Красновым, и мы въедем в Петроград в немецком вагоне.

— Как мы это сделаем? — спросил Дымников с некоторым беспокойством.

— Здесь это очень легко, — Меженин указал на маленький домик, где размещался штаб, и как раз в этот момент метрах в ста от него разорвался снаряд, — но думаю, что все произойдет без нашего участия.

Тем временем продолжался бой, корниловцы пытались атаковать, но в конце концов прочно залегли. Тогда из своего укрытия поднялся подполковник Нежинцев. Дымников, конечно, не мог разглядеть его лицо издали, но чувствовал, знал, что на этом лице та же равнодушно усталая гримаса, которая была во время расстрела пленных, когда у Леонтия возникла тайная мысль: «И тебя бы туда, под выстрелы в упор». Теперь же он увидел, как Нежинцев что-то пытался крикнуть, но не успел: пуля ударила в голову.

Смерть командира Корниловского полка — событие. Звенели телефоны, бежали ординарцы, организовали переправу тела через реку. Снаряды регулярно продолжали падать рядом со штабом. Деникин, выйдя из штаба, не спеша, как всегда бравирюя своей храбростью, подошел к офицерам, сказал:

— Какая тяжелая потеря для армии.

— Ваше превосходительство, кто же будет командовать Корниловским полком? — спросил Меженин.

— Командующий армией генерал Корнилов только что назначил полковника Кутепова, — сказал Деникин и, узнав Дымникова, продолжил, — Александра Павловича я уже поздравил. Думаю, и вы рады за него.

— Так точно, Ваше Высокопревосходительство.

— М-да... Неженцев. А мы с ним еще утром договаривались: возьмем город и засядем в Гранд-отеле за пиво. Да. Гранд-отель! Вот я и вспомнил, господин Дымников, то, что давно должен был вам передать. Это целый роман. Когда мы с другими генералами были в Быхове под арестом, там рядом стояла польская часть, а в этой части работала не то переводчицей, не то секретаршей девушка Марыся. Хорошая интеллигентная девушка. Ксения тогда была моей невестой, почти каждый день приходила ко мне и как-то по случаю подружилась с этой Марысей. Иногда с ней приходила, иногда что-нибудь передавала через нее. И однажды, будьте внимательны, поручик, Марыся сказала мне: «Пан генерал, поедете опять на войну. Вдруг встретите там поручика Леонтия Дымникова. Скажите ему, если он хочет меня найти, то найдет в Харькове, в гостинице Гранд-отель. И скажите, что я его кохаю».

1918. 13 АПРЕЛЯ

Утром генерал Корнилов был убит — артиллерийский снаряд красных разорвался в комнате, где он ожидал, когда подадут утренний чай. Генерал Романовский²⁴ и другие офицеры вынесли умирающего на носилках. Деникин поспешил навстречу, припал к еще дышавшему генералу.

— Вы примете командование армией? — спросил Романовский.

— Да, — без колебаний ответил Деникин.

Собралась толпа офицеров. Некоторые плакали. Дымников нашел Меженина и оттащил в сторону.

— Я же говорил: без нас, — с многозначительной улыбкой сказал Игорь.

— Неужели вы?..

— Что ты, Лео! Я цель не указывал. Они сами легко могли обнаружить. — Улыбка Меженина оставалась многозначительной: правилось ему, что его могут заподозрить в связях с красной разведкой.

— Ударный Корниловский! Строиться на западной окраине фермы! — раздалась команда Кутепова. — На поход! Штурм отменяется распоряжением командующего армией генерала Деникина!

— Теперь мы снова идем к Ростову, а оттуда на Москву, — сказал Меженин. — С немцами и казаками.

— Я с тобой, Игорь, только до Харькова.

1918. МАЙ

В Ростове на вокзале огромные светящиеся буквы: КАУКАСУС²⁵.

На перроне — безликие аккуратные немецкие часовые.

Штаб Деникина километрах в пятидесяти от этих позорных символов, в станице Егорлыкской, в просторном станичном правлении. Под окнами в саду доцветали фруктовые деревья. Кутепов приходил сюда как бы запросто, но не часто — не злоупотреблял доверием.

— Многого мы не успели прочитать за время похода, Александр Павлович. Кстати, вы знаете, что Сергей Леонидович Марков устраивает лекции о нашем походе и называет его «Ледяным»?

— Там где-то был лед. Под Медведковской, кажется.

— Да, лед был. А здесь нас ждал Брестский мир. Будем с вами разбираться, что же нам от России оставили, — сказал Деникин.

— Все свое возьмем! — не задумываясь, произнес Кутепов.

— Не смею с вами не согласиться, однако разномыслие в наших рядах мешает нам действовать. Вот, например, интересный документ для чтения, — проговорил Деникин и протянул собеседнику лист, на котором химическим карандашом довольно четко было написано: «Начальнику контрразведывательной части Генерального штаба полковнику Щукину».

— «Автору настоящей записки, — начал читать Кутепов, — из совершенно доверительного источника стало известно, что некоторые офицеры 3-й дивизии полковника Дроздовского, а также Корниловского ударного полка, 1-го офицерского полка и некоторых других частей составили заговор с целью смещения руководства армии, чтобы в дальнейшем войти в союз с атаманом Красновым и немецкими войсками для совместных действий против большевиков. Руководит заговором полковник штаба армии. Будет назван при следующей встрече и при вручении автору суммы в пять тысяч немецких марок».

— Такие настроения существуют, и я даже знаю без сообщений неизвестного фамилии некоторых офицеров, держащих связь с Красновым, — с некоторой усталостью в голосе сказал Деникин.

— Под трибунал и расстрелять! — будто отрезал Кутепов.

— Нет, Александр Павлович, они не так опасны, чтобы поступать резко. Добровольцы заключили с командованием армии контракт на 4 месяца. Срок на исходе. Кто желает к Краснову или к Вильгельму — не держим. Уверен — таких будет мало. Вы не уйдете?

— Антон Иванович! Мы с вами сражались против немцев для того, чтобы победить их. И мы еще победим.

— Это слово настоящего русского офицера. Однако разномыслие касается не только отношений к немцам. Куда мы пойдем? За что будем бороться, что напишем на наших знаменах. С ведома Михаила Васильевича Алексеева я подготовил Наказ. Вы — один из первых его читателей. Прошу.

«Г. Добровольческая армия борется за спасение России путем:

1 — создания сильной дисциплинированной и патриотической армии; 2 — беспощадной борьбы с большевиз-

мом; 3 — установления в стране единства государственного и правового порядка.

II. Стремясь к совместной работе со всеми русскими людьми, государственно мыслящими, Добровольческая армия не может принять партийной окраски.

III. Вопрос о формах государственного строя является последующим этапом и станет отражением воли русского народа после освобождения его от рабской неволи и стихийного помешательства.

IV. Никаких отношений ни с немцами, ни с большевиками. Единственно приемлемые положения: уход из пределов России первых и разоружение и сдача вторых.

V. Желательно привлечение вооруженных сил славян на основе их исторических чаяний, не нарушающих единства и целостности Русского государства, и на началах, указанных в 1914 году русским Верховным главнокомандующим».

Кутепов нередко выражал несогласие с мнением начальника, но делал это в дозволенных рамках воинской субординации, однако он мог и резко возмутиться и грубо высказаться, правда, не затрагивая начальника лично. Такой момент настал. Прочитав документ, Кутепов почувствовал себя выброшенным из этой жизни, что осталась честным русским офицерам: он не увидел в ней себя. О нем забыли! Он не нужен той России, которую хочет создать Деникин!

— Вы пропустили здесь главное, Антон Иванович! Вы забыли, что Россия — это Российская империя с живым и здравствующим монархом Николаем Александровичем, у которого силой отняли престол! Я лейб-гвардеец, как и все мы, гвардейцы, клялся императору служить ему до конца. А нас вы забыли. Мы не нужны вам? Хорошо. Мы уйдем и будем сражаться за Царя, за Родину, за Веру, как поют наши офицеры... Вы думали, что мы пойдем сражаться за учредилку или еще за какое-нибудь подобное собрание? Нет, Антон Иванович! Разрешите откланяться...

— Подождите, Александр Павлович, — спокойно, с добродушной улыбкой ответил Деникин на резкое высказывание полковника и предложил ему занять кресло. — Не один вы так отнеслись к документу, но есть и другие, про-

тивоположные мнения. Я учитываю все и выслушиваю всех. Хотел бы собрать всю армию и поговорить обо всем, о наших планах, о России, какую мы хотим восстановить. Но для этого нет подходящего помещения. Поэтому я решил собрать всех командиров, вплоть до командиров взводов.

Он поднялся и пригласил Кутепова пройти с ним. Двустворчатые широкие двери, пахнувшие свежей краской, вели в многооконный светлый зал, заставленный скамьями. Стены зала тоже были свежеекрашены в ярко-желтый цвет. Открытые окна, зелень, птицы, солнце — жизнь... Но Кутепова пейзажи никогда не волновали, к тому же он еще весь кипел.

— Гвардия вас не поймет! — продолжал он. — Гвардия сражается за монархию, а не за учредилку или каких-то там атаманов, место которых — виселица...

Спокойствие Деникина гасило ярость и вызывало уважение. Кутепов знал, что генерал из простых, сын николаевского солдата, дослужившегося до майора. Мужик. Спокоен, себе на уме, знает, что все пойдет чередом: весна, лето, урожай. Кутузов был таким.

— Александр Павлович. Мы все пойдем друг друга. Мы же русские люди, — подвел итог сказанному Деникин и на прощанье неожиданно добавил: — Что касается того доноса, так мои контрразведчики установили, что он написан левой рукой.

— Найду доносчика — расстреляю сам.

В Екатеринодарском ЧК Клинцов и Заботин допрашивали чудом оправившегося после тяжелейших ранений человека — выходца с того света. Фамилии не было — осталась на том свете: в списке расстрелянных. Вернее, они не допрашивали, а беседовали — человек-то свой. Выжил, выполз из-под груды тел, дополз до добрых людей. Теперь вместо правого глаза — морщинистая ямка, левый — едва видит, правая нога не сгибается, грудь и живот в шрамах... При этом голос вдруг открылся — певучий баритон, прошибающий до слез.

Конечно, не допрос шел, а сердечный разговор. И на столе не протоколы, а почему-то старая, выдавшая виды

бандура, почерневшая, исцарапанная, но струны новые — поблескивают.

— И светило нам ясно солнышко, — нараспев говорил одноглазый, — и всходы на вершинках зеленели, и грачи кричали, а они стали против нас с винтовками, штыки примкнуты, и красивый молодой офицер верхом с нагайкой крикнул: «Пли!»

— С бородой офицер? — спросил Заботин.

— Да не Кутепов это, — перебил Клинецов. — Кутепов — полковник.

— Красивый генерал, молодой, в очках без бороды, — продолжал одноглазый. — А с бородой рядом стоял и кричал высоким таким голосом, резким: «Приказ Корнилова — пленных не брать!»

— Вот это Кутепов, — сказал Заботин.

— Да. А тот офицер — сволочь Неженцев, — согласился Клинецов и выругался нецензурно. — Командир Ударного Корниловского полка, его еще при Керенском создали, чтобы расстреливать отступающих. Уже тогда Неженцевпил нашу кровь. Убили под Екатеринодаром суку вонючую. Жаль, что убили, ох, и позанимались бы мы с ним. Зато бородатенький жив. Попросить бы Троцкого²⁶ отдать приказ: Кутепова брат только живым. Не поймет нас Лев Давыдыч — серьезный мужик. Еврейская голова. Но мы и сами как-нибудь прищучим господина Кутепова. Так что, брат, будем делать с тобой? Живо ты остался, с нами, товарищами, сидишь. Воевать не можешь, а хочешь. Да? Хочешь, ведь?

— Хочу. Помню того, кто в меня стрелял.

— Найдешь. Мы тебе скажем, что с ним делать. Так что, бери свой струмент и действуй.

— Руки слушаются, голос есть, — сказал одноглазый, беря бандуру. — Слез моих много в том голосе, но пусть люди узнают и сами заплачут. И никого-то у меня нет теперь, кроме этой бандуры, — с горечью произнес он и запел:

Взяв бы я бандуру
Тай сыграв що знав...

— погоди, — перебил Клинецов. — Ты казачьи давай, а не хохлацкие.

— Такую, — предложил бандурист:

Конь боевой с походным вьюком
Стоит в ограде, чегой-то ржет,
Копытом землю роет.
И вот хозяин к нему идет...

— Хорошо, — сказал Клинецов. — Дадим тебе мальчишку в проводники, отвезем вас ночью с верными людьми. Начинать с Ростова, оттуда обязательно в Егорлыцкую. Никаких бумаг не писать. Только на словах. Если уж прижмет, конечно...

— Я левой научился.

— Только если прижмет.

Кутепов обещал Дымникову присвоить звание штабс-капитана и даже перевести в артиллерию, а пока назначил командиром взвода. Леонтий был приглашен на совещание как полноправный участник. Перед началом они гуляли с Межениным по станице. Оба, обрадованные случайной почтой: Леонтию пришло письмо от родителей — живы, здоровы, в Питере станowiąтся голодно, приходится продавать книги; Меженину — выдавший виды сложный несколько раз журнальчик с поэмой Блока «Двенадцать». Игорь то и дело начинал цитировать то по памяти, то доставая журнальчик.

— Что-то я никак не соображу, — перебил его Дымников, — он за большевиков, что ли, теперь? Как Маяковский?

— Маяковский продался большевикам, а Блок — великий поэт. У него своя позиция. Великий человек выше тех распрей, которые раздирают мир. Я хочу сражаться за Учредительное собрание, Кутепов — за монархию, Чернов — за мужицкую республику, а Блок видит...

Он вновь достал журнал, открыл последнюю страницу и прочитал:

Впереди — с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули невредим,

Нежной поступью надвьюжной,
снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз
Впереди — Иисус Христос.

— Иисус Христос с ними, — констатировал Леонтий, — с красными.

— К сожалению. Он всегда с рабами, с голодными. Не с генералами же.

— Значит...

— Значит, господин поручик Дымников, мы сможем победить только с помощью немецких штыков. Боюсь, что у Деникина и прочих не хватит на это ума. Они еще никак не проснутся. Думают, что сейчас 14-й год. Даже в заявлении сослался на какое-то воззвание 14-го года. Будем убирать. Смотри — бандурист, о котором я тебе рассказывал. Сказал, что будет молиться за меня и попросил написать фамилию. Подойдем послушаем.

Одноглазого бандуриста окружили человек 15 казаков, казачек, офицеров. Ветер с Дона разрывал звуки, и песня звучала то громко, то почти затихала:

Марусенька, сердце,
Полюби мене,
Визьми мое сердце,
Дай мени свое...

«Марусенька, сердце, — сердцем повторял Дымников. — А в Харькове тоже весна. Попроситься в секретную разведку — чекисты в момент пристрелят...»

Наступал час собрания, и к зданию, где расположился штаб, направлялись группы офицеров. Поход, уже получивший название «Ледяного», не только сплотил армию, но и по-особенному разделил: по форме, по манерам, отражавшим некий особенный взгляд на мир, присущий именно этому полку.

Корниловцы после гибели патрона были обязаны разочароваться во всем и все презирать. Их цвета — малиново-черные, на рукавах — «ударные» красно-черные углы. Замянутые, молчаливые, неулыбчивые корниловцы. Грубо

отталкивали стоящих на пути, и пусть попробует кто-нибудь выразить недовольство. Меженин с Дымниковым — корниловцы — шли с непроницаемо угрюмыми лицами, но не толкались. У дверей — охрана с винтовками. Меженин заметил у одного из часовых с десяток коротких надразов на прикладе.

— Считает, — сказал Игорь. — Мало. У меня больше.

— Но ты же не считаешь.

— По памяти. Больше двадцати уложил. Ты, Лео, тоже ведь не считаешь.

— Не-ет, — убежденно ответил Дымников, — я не считаю.

Ему и считать было нечего — в бою он честно стрелял вместе со всеми, куда все, но ни в кого не целился. В расстрелах не участвовал. Убивать незнакомого человека не хотел не из религиозных или нравственных соображений, а просто не хотел. Не нравилось ему использовать красивое точное оружие, сверкающее золотом патронов, для уродования человеческого тела, не хотел видеть потоки крови, судорог, слышать предсмертные крики, хрипы... В тире, где порядок и чистота, он многих опередит. Как и в артиллерии — там стреляешь не по людям, а по целям.

Пробирались через зал, сквозь ряды, занятые марковцами. Генерал Марков — профессор Академии Генштаба, они же почему-то всегда красуются в мятых шинелях, а многоэтажная грязная нецензурщина героев-марковцев слышна во время боя по всей цепи, — красные, наверное, слышат, — да и здесь, в зале, марковские речевые обороты в полном ходу. Сами все в черном — траур по России.

Если переключаются дружески, обнимают друг друга за плечи и даже иногда говорят о литературе, то это — алексеевцы.

Последний главный козырь Деникина — полковник Дроздовский. Он привел с фронта в ряды Добрармии 3 тысячи истинных бойцов за белое дело. Полковник носит пенсне, у него иронически-понимающая, едва заметная улыбка. Дроздовцы ему подражают: пенсне, ирония. Это они комментируют еще не начавшееся собрание: «Земский собор, господа. Кого изберем на царствие?..»

Протискиваясь к открытому окну, Дымников вдруг столкнулся с Кутеповым, направлявшимся куда-то вглубь

зала и так же неожиданно столкнувшись с Деникиным. Командующий вежливо, по-товарищески остановил полковника, придержав его за рукав.

— Еще раз прошу вас, Александр Павлович, не выступать от имени гвардии. Здесь это неуместно.

— Я не оратор, — резко ответил Кутепов, — и на трибуну не поспею. Но знайте: гвардия против, и она скажет свое слово.

— Только, пожалуйста, не сегодня.

Устроились у окна. Меженин разочарованно махнул рукой:

— Военная дисциплина. Приказано молчать — будут молчать. Немецкая идея не пройдет. Неужели нас снова поведут умирать под Екатеринодар?

С первых слов доклада генерала Алексеева стало понятно, что Игорь прав.

С характерным стариковски виноватым лицом Алексеев усталыми красноватыми глазками обегал зал, уговаривая взглядом соглашаться с ним, не спорить, не возражать.

— Немцы — наши жестокие и беспощадные враги, — говорил он. — Такие же враги, как и большевики...

Из зала раздался уверенный сильный голос:

— Да, но это враг культурный!..

— Господа, не будем перебивать Михаила Васильевича, — вступился Деникин.

— Правильно сказал, — шепнул Меженин. — Немцы — бывшие враги, а этот дряблый генеральчик заснул в 15-м году, а сегодня проснулся и пришел сюда. Еще Салтыков-Щедрин знал, что у русских генералов мозги отсутствуют. Этот наш его осадил. Здесь много наших. На днях соберемся и будем обсуждать наши планы. Упускать союз с немцами, которые сейчас бьют французов и англичан, — это самоубийство.

Алексеев же продолжал говорить о нечестной политике немцев, об их огромных потерях во Франции, об истощении духовных и материальных сил германской нации, о будущем России, если она пойдет на союз с Германией: «Политически мы будем рабами, экономически — нищими...»

Леонтию и Игорю было скучно, и они шептались о своем: о недавнем прощании с братьями Гуляями, покинувшими

армию, о популярных медсестрах. Роману Гулю оба прочили литературное будущее: талантливый, начитанный, пишет стихи.

— Ты же, Игорь, хотел расстрелять его за дезертирство.

— Его — нет, но многих бы положил. «Переполнена земля лишними, испорчена жизнь от чрезмерного множества живущих», — так сказал Заратустра.

На них зашикали — поднялся Деникин. Говорил как человек не только убежденный в своей правоте, но и точно знающий, что с ним никто не станет полемизировать. Отстаивал свой знаменитый лозунг: непредрешенность государственного строя России. Кутепов, слушая, вертелся возмущенно, что-то шептал сидящим рядом.

— Армия не должна вмешиваться в политику, — говорил Деникин. — Единственный выход — вера в своих руководителей. Кто верит нам — пойдет с нами, кто не верит — оставит армию. Что касается лично меня, я бороться за форму правления не буду. Я веду борьбу только за Россию.

«Земский собор» закончился тем, что поднялся восторженный Марков и громогласно заявил:

— Мы все верим в своих вождей и пойдем за ними!

Вышли в нежный простор майского вечера, где и дышалось, и шумелось по-другому. Где-то далеко все еще пел бандурист.

— Я его хвалил, — вспоминал Меженин. — Написал ему на память: «На войне гражданской бандурист поет, и в степи Кубанской вновь любовь живет».

Собрались под видом вечеринки у Меженина — пустой дом, голый сад — тайком не подберешься. Некоторых Дымников знал: среди них капитан Ермолин, оказавшийся здесь, потому что был готов идти с кем угодно, лишь бы скорее поставить к стенке Ульянова и Бронштейна. Был здесь и Путилин — с ним не виделись с октября. Полуобнялись. Путилин сказал: «Надо было еще тогда с немцами договариваться, до Бреста. Чтобы не успели пол-России продать...»

Однако тайное совещание не состоялось. Доктор Всевожжский озабоченно сообщил:

— Совещание откладывается по очень серьезной причине: в наших рядах оказался провокатор. Многие из вас готовы тайно выступить против гибельных планов Деникина

и Алексева. Провокатор пообещал выдать всех. Пока он этого не сделал...

Участники заволновались. Одни требовали какой-то проверки, другие обыска, третьи предлагали просто разбежаться. Доктор, открыто выступавший в армии за союз с немцами, разумеется, сам не опасался разоблачения, но другие могли сказать о нем лишнее.

— Пока провокатор этого не сделал, — продолжал Всевожжский, — и не сделает. Он не знает, что один из руководителей нашей организации находится в ближайшем окружении Деникина. Это он обнаружил анонимный донос, предупредил меня и поостерегся приехать сюда. Совещание переносится. К сожалению, должен сообщить вам, что армия на днях выступает...

— Куда?

— Опять не в Москву, а на юг, господа.

1918. ИЮНЬ

И вновь звучала металлически резкая команда Кутепова:

— Вперед! Ровный шаг. Дистанция в цепи на четыре человека. Винтовки наперевес! Огонь не открывать! Смотреть врагам в лицо!. Вперед, лейб-гвардейцы! За Царя, за Родину, за Веру!..

Теперь он командовал бригадой — несколькими полками 2-й дивизии. Шел впереди, фуражка на затылке, бородака вперед. Не оглядывался. Боялся: оглянется — погибнет. Так и случится когда-нибудь.

— Господин полковник, — крикнул ему из цепи кто-то из офицеров, — генерал Деникин в цепи на том фланге.

— Жалко, что на том — не услышит, что мы сражаемся за Царя.

Шли молча, с винтовками наперевес, ровным грозным шагом, падали многие, пытались встать, ползли или просто затихали. Ряды смыкались — держали дистанцию. Приближались окопы красных, их стрельба становилась редкой, беспорядочной, и происходило ожидаемое: кто-то из красных кричал: «Пропали, братцы!.. Спасайся, хлопцы!.. Бросай все!..»

И для красных начиналось самое страшное: их догоняли, убивали, кололи штыками, толпившихся с поднятыми руками брали в плен.

Утреннее степное солнце слепило глаза Кутепова — не мог разыскать взглядом Деникина. Наверное, уехал. Но бой-то видел! Знает теперь, что такое кутеповская атака.

— Пленных туда, в овраг, — командовал Кутепов. — Нечего перед нашими сестрами милосердия грязным бельем трясти. А это кто такие?

— Я взял в плен двух комиссаров, господин полковник, — объяснил капитан Путилин, выталкивая вперед двоих в гимнастерках с красными звездами на рукавах.

— Не знаете, что делать с пленными, капитан?

— Но они комиссары, может быть...

— Может быть, если бы здесь в степи росло дерево, я приказал бы их повесить. Действуйте, капитан, можете прямо здесь. Не обязательно в овраг — комиссары же.

Осунувшиеся помертвевшие лица. На одном — угрюмая ненависть, на другом — предсмертные слезы, восторг перед доблестью старшего товарища.

— Куда встать? — спросил угрюмый. — Куда смотреть?

— Да хоть так, да хоть туда, — замаялся Путилин.

— Капитан Путилин, огонь! — скомандовал Кутепов, и когда трупы комиссаров тащили к оврагу, пожаловался Соболю: — Иной офицер и храбрый, и владеет собой в боях на редкость, в атаки на большевиков ходит бесстрашно, а возьмет в плен комиссара, и все-таки ведет его ко мне. Скажешь — расстрелять, и этот же офицер выполнит мое приказание. А вот самому взять на себя нравственную ответственность за расстрел не всякий решается.

В овраге стреляли, кричали, стонали, плакали. Когда все кончилось, Дымников ждал, что оттуда появится Мезенин, однако его не оказалось.

1918. ИЮЛЬ

И вновь шла ровным шагом кутеповская цепь с винтовками наперевес, не открывая огонь, глядя в лицо врагу, но... враг не отступал! Не бежали в панике из окопов крас-

ноармейцы, а вели смертельно меткий ружейно-пулеметный огонь. Все чаще падали атакующие, и уже не хватало офицеров, чтобы заменить упавшего и сохранить дистанцию в цепи.

— Не бегут, а усиливают огонь! — крикнул Дымников корниловцу, идущему справа.

Как бы в ответ на его слова прямо на них забил новый пулемет, и осколками солнца отлетали от него вспышки. Корниловец упал и не двигался. Слева шел капитан Путилин. Его тоже ранило, он что-то крикнул, упал, попытался ползти. Дымникову показалось, что он контужен, или хотелось, чтобы показалось, и он лег.

— Господа, стыдно! — закричали в цепи — оказывается, легли все.

Впервые кутеповская цепь легла под выстрелами красных.

Кричали сзади, спереди, слышались резкие команды Кутепова, Дроздовского, других командиров, но люди не поднимались.

И вдруг красные окопы ожили — черно-серая лента прорезала степь: поднялись красноармейцы и матросы-черноморцы с затопленных в Новороссийске кораблей.

— Придется ретироваться, — стыдливо крикнул кто-то из офицеров.

Кто-то первым поднялся и побежал назад. За ним другой.

— Господа, стыдно! — кричали одни.

— Временно и вернемся, — кричали другие.

Громко, до крика стонут раненые:

— Господа! Возьмите нас!

Офицеры бежали или проходили быстрыми шагами, не замечая лежащих раненых.

— Христиане вы или нехристи? — кричал раненый офицер.

— Куда же мы возьмем? — нелепо оправдывался кто-то.

Вдруг Леонтий услышал свою фамилию:

— Дымников! Поручик Дымников! Я здесь. Я ранен в ногу. Помогите мне!

Это кричал капитан Путилин. Леонтий пробежал мимо, словно не слыша, не замечая. Потом все же замедлил шаги

и посмотрел туда, где лежал раненый. Уже недалеко падало и поднималось красное знамя, различались крики наступающих:

— Бей контру!.. Дави офицере!

Дымников видел, как Путилин торопливо достал наган — было неудобно: лежал на правом боку, — и так же поспешно выстрелил себе в висок. Прикорнул к земле, шевельнулся, укладываясь поудобнее.

Остановились на ночь за ручьем. Совсем близко, на противоположном берегу, хозяйничали красные. Они выкрикивали непристойные оскорбления, пели: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...»

— Нашу песню украли, — возмущались офицеры. Самым страшным были крики пленных офицеров — их живьем бросали в огни костров.

— Хорошо белая свининка пахнет? — кричали с того берега. — Завтра всех вас поджарим!..

Меженина не было видно, и Леонтию казалось, что это он там визжит от ужаса, поджариваемый на костре.

1918. АВГУСТ

Они встретились в освобожденном от красных Екатеринодаре. Оказывается, Меженин под Корневской был легко ранен в бедро, теперь выздоравливал и ходил с красивой резной палочкой не из необходимости, а из кокетства. Говорили обо всем, неспешно обходя различные заведения с названиями типа «Офицерское кафе». О неизбежном крахе германской армии после наступления союзников 8 августа, о расстреле красными бывшего царя и его семьи, о Шульгине²⁷ и Кутепове, выступавших за провозглашение нового монарха, о недовольстве этим Деникина...

— Зато Александр Павлович получает новую должность. Кстати, я тоже. Кутепов — Черноморский губернатор со штабом в Новороссийске. Я — получаю штабс-капитана и перехожу в артиллерию, в 1-ю дивизию.

После пятого или шестого заведения, где Леонтий с Межениным пили какое-то кислое вино, уже не разбирая вкуса, им показалось, что начались галлюцинации — на про-

тивоположной стороне улицы в тени акаций медленным прогулочным шагом двигалась пара: полковник Кутепов, по обыкновению в пригнанной вытюженной форме, выбритый, аккуратный, сосредоточенный, а рядом — красивая полноватая блондинка в розовом платье, с изящной французской сумочкой в руке.

— Иль это только снится мне? — воскликнул Меженин.

— Почти под рост, — заметил Дымников.

— Она ненамного выше. Да еще каблуки.

— Следить неудобно, однако пройдемся немного в ту же сторону.

Пара разговаривала увлеченно, однако о чем-то серьезном, не о том, о чем говорят заинтересовавшиеся друг другом мужчина и женщина. Если бы Игорь и Леонтий могли слышать их разговор, то ничего интересного не узнали бы.

— О ваших подвигах я читала все, — говорила дама. — В газете «Вечернее время» очень хорошо описывают события. Бои под Лежанкой, Белой Глиной, Корневской... Я читала все. Такое счастье, что мне удалось поговорить лично с вами. Я просто не знала, как пройти к «Кубани», и вдруг вы!

— Лидия Давыдовна, — с искренней горячностью возражал Кутепов, — не надо называть меня героем — я исполнял свой долг командира. Героями были они, те офицеры и юнкера, что шли под моей командой. Бесстрашно шли на врага. И многие, многие полегли там. Это были лучшие из лучших русских воинов, русских людей. Они не знали страха и сражались не за партийные идеи, а за Россию. Без единого выстрела, во весь рост шли на пулеметы, и красные банды не выдерживали и бежали. Таких людей, какими были участники Кубанского похода, мы больше не увидим. Почти все они остались там, в степи. Никто из родных не плакал над ними, никто не пел панихиды, только степные ветры бьются о кресты и только тучи льют слезы. Наша общая мать Россия помнит о них. Помнит, что они умирали за нее. Когда погибла империя, и теперь, когда государя расстреляли, я думал, что в этом мире мне больше нечего жалеть. Однажды память о героях Кубанского похода навсегда останется в моем сердце.

— Я, как балтийская дворянка, считаю, что настоящий мужчина обязан быть воином, рыцарем. А женщина должна его любить, помогать ему и... оплакивать, если так повелит судьба.

Они попрощались у гостиницы «Кубань», где проживала дама, и Кутепов своей быстрой походкой направился к себе, в номера, предназначенные для старших офицеров.

— Лео, я умоляю тебя: пойди к Кутепову и расспроси его обо всем, — взмолился Меженин. — Деникин назначил его губернатором — это, конечно, наказание за монархизм, но должность почетная. Ты же знаешь, что Деникин сего дня беседовал с ним утром больше часа. Они обычно говорят откровенно. Тебя Кутепов любит. Спроси его: что дальше? Зачем нас опять привели в этот Екатеринодар? В России чешский мятеж²⁸, войска Комуча²⁹, эсеровские мятежи, а мы сидим здесь. Почему? Он тебе скажет. Он не умеет молчать. Он проболтается. Иди и поговори с ним. Почти-точно и патриотично. Мы — за царя.

Дымников согласился.

Долгая южная жара не спадала до вечера, а захмелевший Меженин почему-то никак не мог найти затененную улицу — куда ни повернет: солнце в лицо. Ему помогли. Его остановил капитан с равнодушным незаметным лицом и сказал:

— Штабс-капитан Меженин, вы приглашаетесь для беседы в контрразведывательную часть Штаба армии.

— Там хоть не жарко?

— По-всякому бывает.

Обыкновенный частный дом. На скамейке у дверей — два поручика с теми же равнодушно-незаметными лицами. В коридоре — часовой с винтовкой. В кабинете за небольшим столом рыжеволосый, рыжеусый полковник.

— Полковник Орлов, — представился он, — начальник Ростовского пункта контрразведки армии. Здесь временно. О вас знаю все. Зачем вы это написали?

Полковник показал записочку, заканчивающуюся требованием выплатить автору 5 тысяч марок. Растопленные вином и жарой мозги Меженина никак не могли освоить целостную картину происходящего, но какая-то природная русская хитрость помогала отвечать на вопросы.

— Не я.

— Кто?

— Жарко у вас. И вино, знаете...

— Петрачков, квасу похолоднее! Так кто же написал?

Меженин вдруг вспомнил слово «Рыжий», которое однажды обронил на тайном совещании доктор Всеволожский. Доктор сказал: «Рыжий это не разрешит». Он имеет право не разрешать — он руководитель заговора.

— Вы же всех наших знаете, — сказал Меженин. — Кто-то подделал мой почерк.

— И левой рукой.

— Иногда пишу стихи левой рукой.

— По стихам тебя и поймали. Знал же, что записка придет ко мне, и я тебя расстреляю, как предателя.

— Но я не писал!

— Может быть, и не писал — эксперты у нас — так себе. Но здесь что-то не так. Чувствуется еще одна рука. И, наверное, красная. А денег я вам дам. Конечно, не 5 тысяч, а всего 500 донскими рублями. А вы мне расписочку: «За передачу информации, необходимой для связи с германским командованием». Пишите, пишите — никто не знает, где вы, а Екатеринодар — город опасный. Еще не всех расстрелянных похоронили. Подписали? Вот и хорошо. Будем иногда встречаться.

Пришлось Меженину напиться окончательно, пить с какими-то девками «Белой акации гроздь душистые», называть их тургеневскими женщинами... Не помнил, как добрался домой. Дымников разбудил его на рассвете. Нашли бутылку чего-то красного кислого, заварили чай, и Меженин услышал такое, что никогда бы не мог предположить при всем своем умении анализировать происходящее.

— Ты погоди, — останавливал Игорь. — Я еще не проснулся. Во сне кого-то расстреливал. Знаешь, под Тимашевской я расстрелял еврея комиссара, он был похож на... Надо было фамилию спросить. Тот был не то Вайнштейн, не то Майнштейн... Один знакомый моей жены. Тоже комиссар. Он мне сейчас снился. Давай еще чайку и сначала расскажи. Не могу поверить.

— Мне не надо было ждать встречи Кутепова и Деникина. Если они и спорят по поводу монархии, то в остальном — полное единство. Еще в Егорлыцкой Кутепов одобрил новый

Кубанский поход. Согласился с командующим. И знаешь, почему?

— Ты говорил, но я не могу поверить. Не могу представить.

— Представь, что я, Антон Иванович, с поповским лбом и приказщицкой бородкой, утираю слезы по разваливающейся России и объясняю тебе: «Игорек, мы же все русские люди. Красные войска сейчас отбивают немцев, рвутся на Кавказ. Если мы ударим на Царицын, в тыл красным, немцы прорвутся и Россия потеряет еще одну огромную территорию. Мы не должны мешать красным сражаться с немцами. А какие талантливые командиры есть у красных. Например, Сорокин³⁰. Мы могли бы вместе сражаться против немцев...»

— Так зачем же ты, Антон, такой-сякой Иванович, погнал нас погибать в степь? Там же остались лучшие.

— «Понимаешь, Игорек, надо же было оправдать Белое движение. Но я немного мешал красным сражаться с немцами. Так, кое-где по железнодорожным узлам. И устояли ведь против немцев. До самого 8 августа...»

— Замолчи, подголосок. Воевали, чтобы воевать. Шли на пулеметы и умирали, чтобы красные спокойно отбивались от немцев. Все! Мираж кончился! Начался бред!

Меженин сел на кровати во всей своей похмельной неприглядности и сказал, словно кому-то угрожая:

— Теперь я знаю, что мне делать.

— Что?

— Это — личное. Каждый должен решить сам за себя.

— В данное время — послужу в артиллерии и потом подамся в Харьков.

— Думаешь, мужичок Деникин, жалеющий красных и влюбленный в Сорокина, возьмет Харьков?

— Не он один. Сейчас там Врангель³¹ появился. Из тех, из баронов. Ему дали конницу.

— Этот убежден, что призван спасти Россию, а может быть, даже и царствовать. Немецкие бароны — они такие. Значит, мираж не кончился.

— А Кутепов с дамой — это мираж или бред?

— Это... Это, Лео, выше моего понимания. Это — свершение. Может быть, даже любовь!

Странная встреча с дамой, заблудившейся в незнаком городе, разбудила в Кутепове нечто почти забытое, но совсем не офицерско-юнкерское. Вспоминая ее сочувственно-внимательные голубые глаза, голос искренней, слегка смутившейся женщины, называющей его героем, он не думал о неожиданном романе, о естественном проявлении дремавшей чувственности. Он вообще не думал, а слушал музыку, вернее, вспоминал. Когда на экране кинематографа появлялась Вера Холодная в роскошных одеждах, с горькой печалью на лице, тапер от пустых ритмичных аккордов переходил к медленной серьезной и грустной мелодии, и возникало желание быть рядом с этой женщиной, защитить ее, успокоить, спасти.

Но это было в Екатеринодаре. На следующий день после встречи он уехал в Новороссийск. Набрать исполнителей не составило труда, главное — окружить себя своими. Взял Соболя, Ермолина, своего нового адъютанта капитана Ленченко — бывшего марковца, но весьма интеллигентного.

«С сего 13 августа...»

Так начиналось объявление, приклеенное на заборе Новороссийского рынка. Бывшие минеры с эсминца «Керчь», друзья Вожакин и Курочкин, внимательно прочитали о том, что с 13 августа гвардии полковник Кутепов назначен Черноморским военным губернатором, о том, что он будет беспощадно бороться с большевиками, бандитами, мародерами и т. п. Вроде бы друзей, ставших рыбаками, это не касалось. Им бы уйти вместе со всеми моряками черноморского флота к Сорокину или к Кожуху, но в сумасшедшие июньские дни, когда все сначала митинговали, а потом топили корабли Черноморского флота, во время разгрузки Вожакину ящиком перебило ногу, и он сильно хромал, а Курочкин остался с другом. Летом и крыша не нужна, а осенью двинут куда-нибудь, скорее всего, к Вожакину — его дом почти рядом: на Маныче.

13 августа, как уже не раз бывало, они задержались с приятелями-рыбаками после торговли и засели сначала в кабаке, а потом, когда заведение закрыли, расположились в садике на привычном месте, где иной раз можно и пере-

почевать. Потребовалась дополнительная бутылка, Курочкин сказал: «Я знаю, где», и...

Он должен был бы уже вернуться, а услышались не его одинокие шаги, а дружный и грозный топот копыт. 13 августа новый губернатор производил ночной объезд Новороссийска. С ним на площадь выехали еще человек 15. Из садика все мгновенно исчезли, Вожакин успел заползти в яму за мусорными ящиками.

Курочкина схватили на площади пьяного, с бутылкой, без документов. Рванули рубаху — тельняшка. Поставили в ряд к другим. Кутепов лично обошел всех, взглянул на каждого и для каждого одно слово: «Повесить».

Когда на другой день Курочкина хоронили на рыбацком кладбище, Вожакин кричал:

— Прощай, Степа! Морской клятвой клянусь: отомщу за тебя! Не жить гаду Кутепову!..

Кроме казней, новый губернатор назначил в губернаторском доме регулярные часы приема чиновников и населения.

В один из первых дней на прием явился поручик Макаров. Полковник помнил в лицо только сослуживцев или врагов, если они оказывались близко — в бою или в плену. Ничем не примечательного, кроме светлых волос и хитрого прячущегося взгляда, юного поручика, когда-то случайно оказавшегося соседом в опасном поезде, Кутепов не узнал. Поручик, наверное, того и добивался. С серьезным не по летам лицом подал документ, удостоверяющий, что предъявитель сего, поручик 1-го офицерского стрелкового полка П. В. Макаров, есть адъютант командира 3-й дивизии Добровольческой армии генерала Май-Маевского. Пытался объясняться о своем деле серьезно и многословно: о нехватке оружия, о кознях немцев, о коварстве красных...

— Поручик, давайте бумагу, — перебил его полковник. — Там, по-видимому, все изложено достаточно подробно и, наверное, короче.

— А я еще короче, — вдруг заговорщически понизил голос Макаров. — Мы тайным образом через румын продаем наш уголь англичанам, а взамен получаем оружие и боеприпасы. Вот на этой сделке — 100 пулеметов с тремя бое-

комплектами. Надо лишь дать разрешение выйти на румынской шхуне из Новороссийска.

— Давайте бумагу. Где подпись командира дивизии? Ага, здесь, — произнес полковник и написал резолюцию: «Капитану Соболю! Прошу срочно оформить разрешение. Кутепов».

Вошла следующая посетительница.

Вошла навсегда.

— Это вы, Александр Павлович?

Ему показалось, что голубые с прожилками глаза ее наполнились слезами нежданной радости. Выяснилось, что она отправила свои вещи из Риги сюда со шведским пароходом, через несколько дней он прибудет, и надо оформить...

Дверь осторожно открылась, и в комнату решительно вошел капитан Соболев, за ним пытался проскочить поручик Макаров. Своим разрешалось входить запросто, но теперь полковник нахмурился и сказал, что очень занят.

— Вы подождите там, — резко отстранил Соболев поручика, но сам все же прошел к столу, высоко держа документ, на котором Кутепов только что поставил резолюцию.

— Александр Павлович! — воскликнул Соболев, затем, нагнувшись над столом, сказал, понизив голос, — это афера. Они просто торгуют нашим донецким углем и прибыль берут себе.

— Господин капитан, вы видели мою подпись?

— Так точно, поэтому я и...

— Видели подпись генерала Май-Маевского? Так. Я однажды напоминал вам правила поведения офицера, запоздравившего другого офицера в бесчестии. Идите.

В одну из очередных встреч с Лидией Давыдовой, в горячий безветренный день, Кутепов пригласил ее на автомобильную прогулку по степным дорогам вдоль моря.

— Там стреляли, говорят, топили какие-то корабли, — показывала она на торчащие из воды верхушки мачт, — но есть чистые, тихие места, где сохранились пляжи и можно купаться. Моя подруга, вернее, она у нас давно служила, еще когда папа был жив, показала мне такой пляж. Это здесь недалеко.

— Но... Купаться... Так неожиданно... Костюмы...

— Оставим здесь машину с шофером, а сами пойдем за тот кустарник.

— Однако...

— Александр Павлович, у нас в Прибалтике мужчины и женщины, хорошо знакомые, всегда купаются обнаженными. Ведь мы же хорошо знакомы? Вы же не станете стыдиться своих священных ран, полученных в сражениях?..

Шла долгая тяжба с командиром немецкого миноносца, пытавшегося вывезти из порта на русском наливном судне керосин. Здесь Соболев был прав. Разрешать этого нельзя. Никаких отношений с немцами. Полковник приказал поставить на набережной орудие и, в случае попытки вывести судно, открыть огонь. Вечером, когда Лидия ждала его в гостиной, вдруг опять явился командир миноносца, а с ним... поручик Макаров. Полковник вызвал Соболева и дал пять минут на вопросы. Макаров, тяжело вздыхая, как человек, нечаянно попавший в неприятное положение, объяснил, нахмурился и ни на кого не глядя, что по случайности оказался свидетелем покупки немцами керосина, так что вот...

— Мое решение, — сказал Кутепов, опершись ладонями на стол, будто уже поднимаясь. — Одну треть груза отдать немцам, две трети — оставить городу, судно вернуть русскому владельцу, никаких дальнейших переговоров с немецкой стороной не вести.

Никто не возразил. Прощаясь с поручиком, Кутепов взглянул на него с некоторым вопросом.

Потом гуляли с Лидой по набережной. Цвели прибрежные сады, и в безветрии можно было различить запахи роз и душисто-сладкой бирючины. Рожок молодого месяца царялся о вершину горы, и в безоблачном небе над морем звезды виделись ясно и отчетливо. Остановились у парапета. Охрана застыла шагах в двадцати. Лидия стояла рядом, прижавшись мягким плечом, и он показал ей поднимающуюся невысоко над горизонтом красноватую звезду.

— Это — Антарес, — сказал он. — Эту звезду видно только на юге. Офицерам надо уметь ориентироваться по звездам, находясь в любом месте.

— Мне говорили, что это звезда мира и счастья.

— Пусть она будет звездой нашей победы. В 1919 году мы победим, и я повезу тебя в Москву.

Легкий прибой разбивался о скалы набережной. После каждого хлесткого грохота волны слышалась дробь гальки, бьющей злой россыпью о бетон, нашептывающей берегу какие-то морские тайны.

Они продолжили прогулку, тропинка вела вглубь садов, к степной окраине, и вдруг дальний-дальний, едва слышный, может быть, даже почудившийся голос:

Визьми мо-ое сердце-е,
Дай мени свое-е...

— Только знаешь, Лида, ради блага России я готов пожертвовать всем: и своей жизнью, и жизнью своей семьи, и даже детьми, если они у нас будут.

— Я знаю, что ты такой, Александр, и люблю тебя такого.

Через годы, через пять или десять лет, на какой-то обычной парижской прогулке она вдруг сказала ему:

— Если так случится, что мне останется жить лишь одно мгновение, то знаешь, что я вспомню в этот миг? Я вспомню тот вечер на юге, когда мы стояли на набережной и ты показывал мне звезды.

1918. ДЕКАБРЬ

— Кто же она все-таки? — гадали только что получившие новые воинские звания штабс-капитаны Дымников и Макаров.

Они встретились в Иловайской, куда перевели батарею Дымникова, а Макаров прибыл с поручением генерала.

— Я знаю только то, что и все: «дочь коллежского советника Лидия Давыдовна Кют, девица православного вероисповедания». Ведь он женился в Новороссийске, когда я перешел в артиллерию.

— Может, обыкновенная чухонская б..., которых в Питере кишмя кишит?

— Если так, то была, а теперь — жена полковника.

— Точно говоришь, Лео: жена и жена. И точка. Мне он помог в Новороссийске. Там один дотошный чинуша чуть было не поймал меня за руку, но твой полковник его точно

на место поставил. Не доверяешь офицеру — скажи ему в лицо. Тут тебе или по харе, или на дуэль. Тот и затих. Хороший я там навар получил. Фунтами. С меня причитаются. После кино. Потом в один дом пойдем.

На афише: «Французский киножурнал. Русский фильм «Отец Сергей» с Мозжухиным в главной роли. 1 сеанс для господ офицеров. 2 сеанс для господ унтер-офицеров и солдат. 3 сеанс для всех. Цена билета 2 рубля».

Сугробы, темень, огней мало, но возле электрокинотеатра — толпа.

В зале погасили свет, затрещал аппарат. Пыльно-голубой расширяющийся конус уперся в мятую простыню экрана, тапер ударил марш, на полотне задвигались неясные темные полосы, зрители закричали: «Сапожники!.. Рамку!..», и все пришло в порядок. Леонтий понимал французские титры и переводил Макарову.

«Вагон, в котором был подписан в Компьенском лесу мирный договор³² между Францией и Германией, выставлен для всеобщего обозрения».

Тапер играл «Марсельезу». Возле длинного вагона человечки делали кукольные движения, улыбаясь, приветствуя, махая руками: «Вся Америка танцует новый модный танец «шимми». Под яростные ритмы очень раздетые девушки танцевали с мужчинами в элегантных костюмах.

«Юзеф Пилсудский³³ провозглашен начальником свободного Польского государства — Речи Посполитой. Его горячо приветствуют жители Варшавы».

Тапер заиграл мажорную маршевую мелодию. Пилсудский, похожий на изображение Тараса Бульбы из какой-то книжки, шел посреди улицы. По сторонам и сзади — свита военных и гражданских. Совсем рядом с ним — не более чем на полшага сзади — молодая женщина в манто и шляпке-касметке, из-под которой огромными потоками струились светлые слегка вьющиеся волосы.

В зале несколько человек вдруг забели под мелодию тапера:

Марш, марш, Домбровский,
Веди в край наш польский...

На них зашикали, затопали, закричали.

На экране бесновалась восторженная толпа с двухцветными флагами. Женщина, идущая рядом с Пилсудским, улыбалась. Дымников словно чувствовал особенный запах уругрих овалов этих щек.

После французского киножурнала великий артист Мозжухин честно отстрадал за отца Сергия.

Когда фильм кончился, Дымников сказал Макарову, что должен забежать в батарею, проверить лошадей, и затем можно встретиться в кафе, а сам смешался с толпой унтеров и солдат и вновь оказался в кинозале.

Вновь посреди улицы, добродушно хмурясь, шел начальник польского государства, а рядом с ним — она, Марья, улыбающаяся Леонтию с экрана, зовущая куда-то к себе — в Варшаву, в Харьков, в любовь...

1919. АПРЕЛЬ

И опять они чувствовали, что он чужой — не только не генштабист, но и вообще другой. Не надо думать, как он что-то воспримет, как поступит. С ним просто — прикажешь, и он сделает. И даже теперь, произведя Кутепова в генерал-майоры, к нему продолжали относиться, как к бессловесному исполнителю. Назначили приказом командующим еще не существующим 1-м армейским корпусом — его надо было создавать из остатков 2-го корпуса, который и корпусом нельзя назвать... и т. д.

Мало того: по штабным картам место сосредоточения 1-го корпуса — район Иловайская—Кирпичная, к северу от Таганрога, а вновь назначенного командующего корпусом направили на Маньч, где жмут красные. А там, где плохо, — туда и Кутепова. В Екатеринодаре и Ростове генералам не до красных: Деникин стал Главнокомандующим вооруженных сил юга России, и, конечно, романовские, лукомские, врангели и т. п. рвут друг у друга из рук добычу — должность командующего Добрармией.

Кутепов заставлял себя не только не говорить, но и не думать обо всем этом. Приказал подготовить штабной вагон с отделением для Лидии Давыдовны, набрал свой штаб, добился по телефону от Романовского конкретного

ответа на вопрос, какие части поступают в его распоряжение. Оказалось, что это дивизия генерала Шатилова, следующая из Терской области.

Эшелон остановили на станции Торговая. Кутепов приказал выставить охранение, оставил Лидию в вагоне с адъютантом, сам со штабными офицерами прошел на станцию. Начальник станции доложил, что эшелон с дивизией Шатилова прибудет часа через два, и попросил разрешения провести необходимый технический осмотр вагонов. Кутепов разрешил, но под наблюдением своих солдат.

Лезли под вагоны, стучали по колесам, переговаривались двое. Один сильно хромал. Он говорил товарищу о весенней рыбной ловле:

— Нам самим и глушилку не надо мастерить — завтра на Песчанокопской пушками набьют.

— Той осенью ты здорово наработал, — похвалил напарник.

— Я, брат, минер: корабли топил, а здесь это так, безделица.

Дошли до штабного вагона.

— Начальство едет? — спросил тот, что хромал.

— Генерал-майор Кутепов, — ответил солдат, — с супругой.

— О-о! Здесь надо поаккуратнее тормоза наладить, — сказал железнодорожник. — Уж мы постараемся.

Командир дивизии Шатилов появился только к вечеру, на темном предгрозовом закате, когда на востоке упрямо поднималась пятнисто-дымная туча. Кутепов пригласил Шатилова в свой вагон, не вступая в посторонние разговоры, подвел к карте, разложенной на столе, объяснил замысел операции и закончил кратко:

— Начало наступления завтра на рассвете, боевой приказ получите у начальника штаба.

— Но, Александр Павлович, еще не началась разгрузка, люди устали, я еще не был на месте...

— Кутепов выслушал Шатилова, не перебивая, затем улыбнулся по-своему, по-мужицки хитро, и сказал:

— Распоряжение о наступлении на следующий день дано лично Главнокомандующим в связи с общей обстановкой.

Разговор был закончен.

Под Песчанокопской красные были разбиты, и вечером Кутепов пригласил на ужин многих отличившихся участников боя. Пили, как обычно при Кутепове, мало, но разговаривали долго, разойдясь группами по купе и даже вышли на улицу, благо ночь была теплая.

Утром Александр Павлович проснулся от ужасного крика Лиды. Она в белой сорочке стояла у его постели и протягивала какой-то непонятный сверток — не то коробка, не то бумаги, не то книги. Однако из свертка свешивались электрические провода.

На крик вбежал мгновенно капитан Ленченко, смутившийся при виде неодетой дамы.

— Не стесняйтесь, Сергей, — сказал Кутепов. — Дело опасное. Адская машина. Вызывайте охрану и быстро, но осторожно — к саперам.

Вскоре было созвано секретное совещание. На нем присутствовали начальник Ростовского отдела контрразведывательной части полковник Орлов, рыжебородый и молчаливый, что Кутепов счел за удачу. Саперы доложили, что взрывное устройство собрано из немецких деталей. Оно должно было взорваться, если наступить на него или зацепить за провод. Самое интересное: устройство было завернуто во вчерашнюю ростовскую газету.

— Это обостряет дело и облегчает его раскрытие, — сказал Орлов. — Собирали ночью. Мы отследим все поступившие сюда экземпляры газеты.

— Хорошо бы собаку, — вздохнул Ермолин.

— И какого-нибудь Ната Пинкертон, — добавил с иронией Кутепов. — На этом совещание заканчивается. Расследование будет вести полковник Орлов. А наше дело — фронт. Жизнь одного генерала в такой войне не так уж и дорога.

1919. МАЙ

Впоследствии почти при каждой встрече Шкуро³⁴ напоминал:

— Если б не я, Саша, не видать бы тебе Харькова.

Кутепов не спорил: действительно, в вагоне Деникина на завтраке в Тихорецкой, где участвовали Романовский,

Врангель, Боровский и другие, захмелевший полковник Шкуро тряс пышной своей светлой шевелюрой и в обычной хамской манере говорил командующему:

— Антон Иванович, слушай меня: только Саша Кутепов спасет Донбасс. Антон Иванович, я тебя прошу, а то и... Мы ж с Нестором Махно³⁵ можем всю Россию пополам разделить...

Врангель в изящной серой черкеске был брезгливо равнодушен: его волновал не Донбасс, а должность командующего Добрармией и даже пост Верховного руководителя России, на который претендовал Колчак. Хитрый Романовский шепнул Деникину, что с Андреем Шкуро ссориться не надо, и в конце завтрака Деникин, как нечто само собой разумеющееся, объявил:

— А вы, Александр Павлович, направляйтесь в свой корпус и готовьте войска к наступлению.

Выходя из вагона последним, Кутепов услышал, как Деникин сказал негромко Романовскому:

— Возьмем Москву, и я повешу Шкуро на Красной площади.

В Иловайской Кутепов вместе с генералом Май-Маевским организовывал встречу Деникина, провозглашенного Главнокомандующим вооруженными силами Юга России. Душный донецкий ветер гнал черную пыль, засоряя глаза, скрипел на зубах. В центре перрона, где должен был остановиться вагон Деникина, скучал почетный караул, духовой оркестр временами брал какие-то скрипучие аккорды. Отдельно стояли высшие руководители. Май-Маевский стоял неподвижно, выставив объемистый живот, не позволявший сойтись нижним полам мундира. На лице — равнодушие, губы сжаты терпеливо-скептически. Так он обычно стоял и в бою под огнем. Адъютант Макаров, ставший уже капитаном, был неподалеку, ожидая указаний.

Кутепов озабоченно обходил перрон резкими мелкими шажками, выискивая непорядок. Его адъютант, наблюдая за ним, стоял в стороне.

За цепью охраны на перроне толпились остальные участники встречи, в основном, офицеры. Дымникова послал командир батареи, а сам проверял орудия и лошадей.

Здесь же почему-то оказался Меженин. Объяснил, что у него теперь новое начальство.

— Знаешь, Лео, кто этот Май-Маевский? — спросил он, кивнув на грузную неподвижную фигуру генерала. — Римский патриций времен упадка империи. У него два состояния: до обеда и после обеда. Причем Диккенса знает в обоих состояниях. Я с ним говорил о литературе. Считает «Пиквикский клуб» вершиной мировой литературы. Будто бы пишет статью о влиянии Диккенса на русскую литературу.

— Как же он ладит с адъютантом? Тот, пожалуй, и фамилии Диккенса не знает.

— Там другие отношения. Макаров у него — глаза и уши.

— Поздравляю с новым званием, — сказал Дымников неожиданно очутившемуся рядом Макарову. — Звездочки-то обмыть надо.

— Это само собой. Ты не завидуй. Сделаю я тебе капитана. Точно. Сколько сейчас содержание? Полтыщи? До тыщи догоню. Ну, может, до 800. А Деникину, знаешь, сколько из кассы платят? Всего 6300. Особое совещание положило ему 12 тысяч, но он отказался и всем срезал. Но я тебе скажу точно: настоящие деньги не у казначея, а у коммерсанта. Только надо знать, как взять. Я тебя научу.

— В Харькове?

— И в Харькове. Только не спеши. Я могу тебя совершенно точно отправить туда с разведкой или с немецкими пленными, но лучше не надо. У красных чекисты зубастые стали. Засекут и хана. Харьков скоро мы так возьмем. У большевиков — провал. Мужики бунтуют — не хотят даром хлеб отдавать. Не хотят воевать. В плен сдаются — тем более мы сейчас не всех расстреливаем. Скоро будем наступать. Деникин не зря сюда едет. А в Харькове нас ждет Степан. Может, помнишь, встретились с ним в поезде? У него там подвалы от товаров ломаются. Под видом секретных большевистских складов. А здесь уже готовы покупатели с вагонами, с валютой. Еще есть такой Мопит — деньги требует за одни обещания. В Москву миллионерами придем.

— Думаешь, придем?

— Тогда в Париж. И там жить можно. У тебя на батарее есть свой передок? Набивай его постепенно и держи крепко. Ну, время. Побежал.

С грозным шумом приближался поезд с двумя паровозами. Ординарец расправлял складки мундира Май-Маевского. Он вышел к почетному караулу. Кутепов стоял скромно, несколько в стороне.

Со ступеней вагона степенно сошел Деникин с умиротворенным лицом священника, за ним адъютант полковник Карташев, генералы Романовский, Врангель и другие. Оркестр заиграл марш.

В толпе шептались о Романовском: «Вот он, хитрюга... Все в его руках...» А тот приберег для встречи сложную улыбку: не то приветливую, не то насмешливую, и во взгляде уверенность побеждающего игрока.

— Ваше превосходительство, вверенные мне войска выполняют боевую задачу по охране Донецкого угольного района. Незначительный бой идет в районе Харцызска. В остальных направлениях без перемен, — отрапортовал Май-Маевский.

Деникин пожал руки Май-Маевскому и Кутепову, поздоровался с почетным караулом, затем пригласил определенный круг лиц на обед в свой вагон.

Дымникова дернули за шинель. Он оглянулся — Меженин.

— Посмотри на моего нового начальника — рыжий с рыжими усами. Он за Щукиным. Полковник Орлов из контрразведки.

— Ты-то как там оказался, что делаешь?

— Например, ищем преступника, организовавшего покушение на твоего Кутепова.

— И что, нашли?

— Пусто. Видимо, кто-то на его должность позарился.

Кутепов за обедом слушал внимательно и высказывался осторожно, в основном поддерживая Деникина.

Среди роскоши закусок с угрожающей серьезностью выстроились графины с водкой, настоящей на лимонных корочках. Подняв бокал, Деникин встал и обратился к Май-Маевскому:

— Дорогой Владимир Зенович! Я очень рад поздра-

вить вас с новым высоким назначением. Знаю вашу доблесть, честность и твердость характера, знаю о героической борьбе, которую вам пришлось вести в течение нескольких месяцев, чтобы удержать Донецкий бассейн. Родина велела нам назначить вас на пост командующего Добровольческой армией. Я уверен, вы с честью выполните возложенные на вас задачи; так же твердо, как и раньше, поведете и выведете наши доблестные части из Донецкого бассейна на широкую московскую дорогу. По русскому обычаю, я поднимаю бокал и пью ваше здоровье. Ура! Ура! Ура!

Деникин и Май-Маевский расцеловались.

— Да здравствует единая, неделимая великая Россия и ее верные сыны! — воскликнул Май-Маевский. — Ура!

— Ура! — подхватили все.

Итак, прямой начальник генерала Кутепова теперь известен. Настоящий боевой генерал. Теперь следовало определить линию поведения с Май-Маевским. Пока тот жаловался Главнокомандующему на нехватку обмундирования, снаряжения, боеприпасов и всего прочего, что необходимо для наступления, Деникин успокаивал его, как добрый дядюшка:

— Полно вам, дорогой, беспокоиться. На этих днях прибывают несколько транспортов с обмундированием, снаряжением и, главное, с танками. Наше счастье, если эти танки окажутся пригодными в боевой обстановке, тогда успех обеспечен. Я их лично не видел, но, по словам союзников, танки производят колоссальнейшее моральное действие на противника. Под прикрытием их мы вышлем конницу Шкуро.

— Но кто же будет управлять этими танками? — спросил Май-Маевский. — У нас же нет инструкторов.

— Мы условились, — успокоил Деникин, — что первое время в боях будут участвовать англичане, а потом, когда наши подучатся, мы их сменим.

Кутепов осторожно поглядывал на Врангеля, который, по его расчетам, и должен был стать командующим Добрармией. Пожалуй, и сам барон на это рассчитывал. Он сидел хмурый, как донецкая пыль, и прямой, как спинка стула, и почти не участвовал в разговоре. Лишь когда речь зашла о наступлении на Москву, Врангель сказал, что опе-

рацию нельзя начинать, не установив оперативно-технических связей с войсками Колчака. Кутепов об этом уже думал и был готов предложить несколько маршрутов для соединения с колчаковцами, но вовремя заметил, что Деникин внимательно цепляет вилкой что-то из тарелки и с удовольствием отправляет в рот. Вытерев салфеткой губы, Деникин сказал:

— Блестящая победа генерала Врангеля под Великокняжеской окончательно вырвала инициативу из рук красных, и, следовательно... — Деникин многозначительно улыбнулся.

— ...И следовательно, Добрармия, вперед! — воскликнул Май-Маевский. — Александр Павлович, готовьте корпус.

Адъютант Макаров шепнул генералу, что пора приглашать гостей на концерт.

— Нет! — сказал Май-Маевский и вдруг стукнул кулаком по столу. — Как говорит герой великого Диккенса: «Сначала дело, потом удовольствие». Он имел в виду, что палач сначала отрубает голову королю, а затем его малолетним детям. И мы сейчас отрубим!..

— Троцкого бы я повесил, — сказал Романовский.

— Это удовольствие! — воскликнул Май-Маевский и зааплодировал. — Но сначала дело!

— Эта жидовская морда имеет большую голову, — сказал Деникин. — Когда мы возьмем Троцкого в Москве, я произведу его в генералы, а потом повешу на площади.

— И дело, и удовольствие! — воскликнул Май-Маевский. — И я приглашаю вас на дело. Паровоз и два вагона на Харцызск. Там идет бой. Мы приезжаем и выигрываем бой.

Гости переглянулись. По-видимому, не всем хотелось под пули, но Деникин воспринял предложение генерала как вполне естественное.

— Едем, господа, — сказал он, — подышим воздухом боя.

Кутепов успел приказать адъютанту:

— Третью батарею в район высоты Круглая, штабс-капитана Дымникова — артиллерийским наблюдателем.

В батарее раздалась команда: «Боевая тревога! Выводи лошадей! Запрягай! В передки! В колонну поорудийно шагом ма-а-арш!..»

Командир батареи хозяйственный мужик майор Бондаренко, более всего пекущийся о сохранности лошадей и имущества, был доволен, что останется с орудиями, а на наблюдательном пункте будет сидеть помощник. Стрельба с закрытой позиции — игра в карты: то ли попадешь, то ли нет. Чаще — нет. И ты, конечно, виноват, хотя по всем законам, в соответствии с теорией, которую учили в Константиновском, вероятность попадания очень мала.

— Леонтий, — предупредил командир батареи, — считай снаряды. Больше шестнадцати не дам. По четыре на орудие.

— Алексей Онуфриевич, на пристрелку-то для первого.

— Ладно. Еще четыре и точка!

Вот это и есть настоящая служба. Ты едешь на прекрасной гнедой верховой лошади, металлические части седла и уздечки надраены до блеска, так же как и ножны клинка. Сапоги со шпорами в стремени. Девушки, хоть и шахтерки, хоть и за красных все, а на тебя смотрят, как положено девушкам. За тобой — батарея. По четыре лошади на орудие. Ездовые с нагайками в порядке, орудие лоснится зеленой краской — надраено, затвор, прицел — сияют. На передках и зарядных ящиках — расчеты. Все в форме, с черными погонами...

«Рысью ма-а-арш!..» Едва ли не самое трудное в училище было научиться командовать очень громко и очень протяжно, чтобы лошади успели понять команду.

Впереди из-за высоты — не очень густая стрельба. Пулемета три-четыре. Перед высотой, в кустарнике, батарею остановили. Майор выбрал место для первого орудия, и на этом месте вбили колышек. Поставили буссоль, определили места остальных орудий, скомуандовали ездовым. Искусство ездового — поставить орудие так, чтобы прицел оказался точно над колышком. Раздались команды: «С передков! Орудие к бою! Передки в укрытие!..» И для Дымникова команда: «С вами разведчик Петрачков и связист Скалкин. Бегом на высоту. Готовность связи — 20 минут».

— Не успеет, господин майор!

— Рраз-говорчики!

Бегом поднимались на высоту, телефонист разматывал провод. Спотыкались в ямах, царапались в кустах. Минут

через 25 достигли гребня. Здесь изредка посвистывали пули. Серый день шел к концу. Внизу залегла цепь корниловцев. Они почти не окопались: так — кучки земли перед голловой. Далее — темнели полосы окопов красных. Короткие фейерверки пулеметных очередей, винтовочные вспышки. Какие-то серые дома, безжизненная заводская труба.

Самое интересное происходило справа, на железной дороге, где в предзакатных солнечных лучах золотистой россыпью светились погоны вышедших из вагонов офицеров. Красные немедленно обрушили туда пулеметный огонь. Кто-то из деникинской свиты упал, кого-то понесли в вагон.

— Господин майор, — говорил по телефону с комбатом Дымников, — разрешите начать пристрелку по пулеметным гнездам противника, а то они всех наших генералов положат.

— Рраз-говорчики! Пристрелку разрешаю.

Дымников командовал, телефонист повторял команды: «Гранатой! Буссоль 10, прицел 45, первому один снаряд огонь!»

Сзади ухнуло, прожужжал над головой снаряд, взметнулся кустик разрыва метров за 30 до главных окопов, исходящих пулеметным огнем.

— Так! — одобрительно воскликнул разведчик. — Давайте сразу шрапнелью.

— А трубку?

— 20 годится.

— По пулеметам противника! — командовал Леонтий. — Шрапнелью. Буссоль 10. Прицел 50! Трубка 20! Батарея, 4 снаряда, беглый огонь!

Шестнадцать изящных желтовато-белых дымок один за другим возникли над грязными пятнами и полосами окопов. Цепь корниловцев внизу дружно поднялась и быстрым шагом бросилась в атаку. Впереди у красных возникло замешательство. Прекращали огонь пулеметы, помчались какие-то двуколки в разные стороны и, наконец, побежали красноармейцы. В группе генералов прошедший в цепь марковцев Кутепов засуетился, пробрался к Деникину.

— Разрешите доложить, ваше превосходительство...

— Без чинов, Александр Павлович.

— Антон Иванович, это моя батарея решила исход боя.

— Поздравляю, Александр Павлович, вы отлично спланировали.

Май-Маевский, находящийся в окончательном состоянии «после», доказывал вежливо слушающему Врангелю, что Деникин совершил ужасную ошибку, вступив в законный брак.

— И все потому, что не читал Диккенса, — объяснял новый командующий Добрармии. — Старый Уэллер у Диккенса говаривал: если тебе когда-нибудь перевалит за пятьдесят и ты почувствуешь расположение жениться на ком-нибудь — все равно на ком, запрись в своей комнате и отравись, не мешкая.

— Но у него удачный брак, — возразил Врангель. — Дочери уже три месяца.

— За три месяца неженатый командующий дошел бы до Москвы...

— Дойдем и с женами, — усмехнулся Врангель. — Видите, как хорошо бегут.

Бежали не все. Некоторые части отступали в порядке, отстреливаясь. Какой-то зоркий красный пулеметчик разглядел блеск стекол биноклей на высотке и направил туда очередь. Дымников почувствовал, что его правую руку ошпарили кипятком, а затем длинным острым ножом насквозь проткнули плечо. Он закричал, упал и потерял сознание.

Утром в лазарете первым, кого он увидел после врачебного осмотра, был Вальковский. Тот самый константиновец, с которым вместе ехали из Питера; тот самый, у которого трагически погиб друг юнкер. Вальковский сидел в инвалидной коляске. Обе ноги отрезаны выше колен.

— В зимних боях, — объяснил Вальковский. — Осколки и мороз.

— Возьмем Москву — для вас, для таких, как вы, все будет, — не очень убежденно сказал Дымников.

— Может быть.

— Что?

— Может быть, возьмем Москву, а может быть, и нет. Все против нас. Кулаками грозят, камни в окна кидают, песни поют: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...»

— Что родители?

— Случайные вести доходят. О ногах я им не сообщал. Лучше умереть.

— Жить всегда лучше.

Пришел Кутепов, серьезный, сочувствующий, готовый сражаться до конца. Вальковскому сказал:

— Здравствуй, герой. Тебя не забываем. Все, что надо — требуй.

— Ноги! — вдруг закричал Вальковский. — Ноги мне на-адо! Дайте мои ноги!..

И забился в истерике. Появились медсестры, Вальковского увезли. Кутепов хмуро сказал:

— Солдат должен оставаться солдатом до конца и не хныкать. Мы расстреливаем мальчишек-комиссаров, и они не плачут, а поют свой «Интернационал».

Дымников промолчал: истерика Вальковского была ему ближе, чем «Интернационал».

— А с вами все хорошо, Леонтий Андреевич. Раны легкие, сквозные. Скоро вернетесь в батарею. Чем скорее — тем лучше: начинаем наступление. Только вперед. Вас представили на капитана, получите крестик и значок первоходца...

Меженин возвращался с упакованными в клеенчатый пакет советскими деньгами, предназначенными для группы, отправлявшейся в тыл красных. Штаб Орлова помещался в вагоне на запасных путях. Рядом — товарняки, мертвые паровозы, но к возвращению штабс-капитана здесь почему-то все изменилось. Ушли товарные поезда, исчезли паровозы, и через несколько путей открылся длинный салон-вагон генерала Май-Маевского. У площадки — двое часовых. Из-за вагона трещал автомобильный мотор: кто-то пытался проехать через пути. Эти звуки насторожили молодую женщину в темном костюме и очках, спешащую к вагону Орлова. Пассажиры автомобиля вышли к вагону генерала. Все произошло мгновенно. Меженин лишь успел спрятаться за одинокий товарный вагон и стал свидетелем странного эпизода.

К площадке салон-вагона подошел полковник Шкуро с сопровождающими офицерами. Май-Маевский вышел им навстречу.

— Отец! — закричал Шкуро, сняв фуражку и пытаясь поправить густую шевелюру. — Ты со своей ... стратегией не ... Мои терцы и кубанцы на эти приказы...

— Успокойся, Андрюша, — уговаривал его генерал, — исправим.

— Ладно, отец! Едем обедать к девочкам. Такие есть. А вот идет...

Женщина в темном костюме ускорила шаг.

— А я ее знаю! Лидуха... — закричал Шкуро и выругался в рифму нецензурно. — Ты ж в Харькове сидишь. А ну иди ко мне. Взять ее, — приказал полковник своим. — Харьковские делишки забыла, сука?

Однако навстречу им из своего вагона вышел Орлов с несколькими унтер-офицерами.

— Господин полковник, — вежливо, но строго сказал Орлов, — госпожа Горкина вызвана на допрос в контрразведку по приказу Главнокомандующего.

Шкуро выругался и махнул рукой.

— Допрашивай, — сказал он, — может, я и обознался.

Спустя несколько минут Меженин вошел в штаб Орлова. Тот встретил его недовольно.

— Опаздываете. Что-то там у салон-вагона случилось? Вы видели?

— Ничего не видел, господин полковник.

Орлов смотрел на него изучающе. Потом, когда деньги были выданы и курьершу отправили с сопровождающими, Орлов вновь вызвал Игоря. Двери плотно закрыты, в соседних купе никого, в коридоре — верный часовой.

— Господин Меженин, я старый контрразведчик, и меня очень трудно обмануть. Вы видели выходку Шкуро и о многом догадались.

Орлов резко поднялся и громко, почти в крик, продолжил:

— Куда направляется группа? Знаете? Быстро отвечайте, иначе...

— В Харьков, — пробормотал Меженин.

— Так. Ваша расписка в надежном месте, и я спокойно даю вам ответственное задание. Вы включаетесь в группу немецких военнопленных, передаваемых красным. С этой группой приезжаете в Харьков. Там вам помогут оторвать

ся от группы. Запоминайте адрес, по которому вы явитесь: Заводской переулок, дом 5, квартира 7. Запомнили? Там вас встретит старик. Скажете, что вы от дяди Ивана с хорошими вестями. Перед вашим отъездом я сообщу вам эти хорошие вести. Согласны?

Меженин согласился охотно, поскольку это соответствовало его планам.

1919. ИЮНЬ

17 июня в Бахмуте, в штабе корпуса Кутепов назначил оперативное совещание. На стене висела большая карта района боевых действий, охватывающая Юго-Восток Украины от Бахмута до Белгорода. Слева вверху, подобно главной части художественного полотна, приковывающей внимание зрителей и выражающей основную мысль автора, большие кричащие буквы: ХАРЬКОВ. К этим буквам были направлены синие стрелы наступления.

Офицеры, рассаживаясь, полупшепотом переговаривались: «Директивы еще нет... Колчака бьют — вот наши и спохватились... Неужели Кутепов сам?...» В начале совещания командир 1-й дивизии все же спросил, получена ли директива из штаба армии?

— Еще нет, — спокойно ответил Кутепов, — направлена с курьером.

Чей-то злой язык шепнул: «У Зеноньча руки трясутся — подписать не может».

— На карте все видно, — сказал Кутепов, — поэтому буду говорить коротко. Противник, разбитый нами под Купянском, отступает на Валуйки—Волчанск—Чугуев. Вчера началось массовое отступление противника от Лозовой на Харьков и Павлоград. Расположение войск противника, а также особенности Харьковского железнодорожного узла позволяют нанести фронтальный удар на направлении Валуйки—Волчанск—Харьков—Люботин и при этом разгромить левый фланг и тыл харьковской группировки противника. 1-я дивизия, наступающая на Волчанск и далее на Белгород, в этом случае оказывается в тылу противника и отрезает ему пути отступления от Харькова.

1-й дивизии предстоит наступать на фронт Валуйки—Волчанск и одновременно разрушить железнодорожные пути на Лиски и на Новый Оскол. 3-й дивизии наступать на Харьков—Люботин и занять Харьковский железнодорожный узел. Бронепоезд «Генерал Корнилов» передается в распоряжение Начдива-3 для действий на линиях железных дорог Купянск—Чугуев—Харьков...

Самое главное было сказано в конце: «Начало наступления — завтра. Мосты через Донец у Чугуева и Змиева захватить немедленно».

Директива на наступление, подписанная Май-Маевским, пришла в корпус через 3 часа после того, как Кутепов подписал приказ о наступлении и разослал по своим частям. Ничего нового в директиве не было — тот же кутеповский план.

В этот день в свою батарею вернулся капитан Дымников, его правая рука все еще была на перевязи. Батарея, готовая и к бою, и к походу, стояла верстах в двух от передовых позиций в кустарнике почти на самом берегу Донца. Солнце таяло где-то вверху, заливало реку пылающими колышущимися потоками, раскалывалось на мириады жгучих брызг, щедро нагревало кипящий, шумящий, кричащий праздник. Свободные от дежурства артиллеристы превратились в мальчишек: переплывали реку, ныряли с обрыва и, главное, ловили рыбу. В подштанниках, в различных мыслимых и немыслимых трусах, а то и просто голые сидели с удочками в тальнике или забрасывали длинные донные. Уже горел костер, и на нем — огромный котел для ухи.

«Господа, дайте хоть одной рукой удочку подержать, — просил Дымников рыболовов. — Дайте вспомнить детские годы...»

Ему, конечно, дали удочку, насадили червяка, он забросил, и поплавок, сделанный из пробки и гусяного пера, сразу пошел в сторону и быстро начал тонуть. Капитан подсек — вспомнил, как это делается, и потащил добычу из воды. Берег разразился шумом одобрения, удивления, поздравлений: на крючке вместе с окунем сверкала вцепившаяся в него молодая щучка.

— Вот это ловля на живца, — закричали рыболовы.

— Наградить капитана самым большим только что пойманым раком.

Рак шевелил клешнями и медленно пятился к воде.

— Что я с ним буду делать? Его же варить надо.

— Он так еще вкуснее, — сказал батарейный офицер поручик Арефьев, невысокий, с непропорционально широкими плечами и большой грудью.

— А ты бы съел? — спросили его.

— Всегда таких ем.

— Дарю его тебе, — и Леонтий осторожно взял рака за клешню и передал Арефьеву.

Тот схватил живого рака, опытным движением оторвал клешню и с явным удовольствием высосал из нее белое жидкое мясо.

На батарее труба заиграла отрывистый раздражающий сигнал боевой тревоги. За ней — зычный голос посыльного: «Батарея! Боевая тревога! Все по местам!..»

Командир батареи собрал офицеров всего на несколько минут.

— Переходим в наступление завтра с утра. Наша батарея выдвигается к Чугуевскому мосту и поддерживает захват моста сегодня до полуночи. Далее поддерживаем войска 3-й дивизии в боях за Чугуев и далее за Харьков. Вы, Дымников, с одной рукой можете верхом? Тогда езжайте между вторым и третьим орудиями. Будете командовать в случае внезапного нападения противника...

В пустынном Заводском переулке, в ничем не отличающемся от других деревянном доме 5, квартира 7, Меженина встретил интеллигентно одетый седовласый небольшой человек в очках, с бородкой и очень доброжелательной улыбкой. Услышав пароль «Я от дяди Ивана с хорошими вестями», он усадил Меженина в кресло перед письменным столом, заваленным советскими газетами и брошюрами, а сам, прихрамывая, выпагивал, то сзади, то сбоку поглядывая на собеседника и расспрашивая: откуда он, где служил и прочее.

— Дело в том, — объяснил доброжелательный Игнатий Алексеевич, — что я знаю одного дядю Ивана, а он знает одного меня. Вы — третий, и не должны оказаться лишним. Хорошо, что вы москвич и в полку сотрудничали с

большевиками. Я сумею внедрить вас поближе к штабу красных. Меня кое-кто знает — я учитель немецкого языка, у меня много учеников. Итак, давайте ваши хорошие вести — с чем мы пойдем в ЧК.

— В Харькове действует группа разведчиков Добрармии во главе с полковником Двигубским. В группу входят: поручик Лапенис, поручик Шинкаренко, прапорщик Рыбак, юнкер Скрипник. К ним является связной из Екатеринослава. Явки на Конной площади, дом 2, и на Холодной горе в железнодорожной мастерской.

— Это в ЧК возьмут охотно, чтобы успеть расправиться. Они уже смирились с тем, что город придется оставить.

— И еще используют в качестве связной некую Лидуху, известную среди харьковских проституток, — добавил Меженин.

— Сейчас едем прямо в ЧК. Далеко. На самой окраине, по Белгородскому шоссе. Там я вас передаю своему человеку как перебежчика, и мы расходимся. Встречаться вечером в 6 у электрокинотеатра.

Большой пятиэтажный дом стоял одиноко среди пустыря, обнесенного колючей проволокой. Меженина вели по пустырю в обход, через какие-то овраги со свеженасыпанной землей. Могилы? У входа в здание, охраняемое матросами, долго рассматривали документы, выписывали пропуск. Затем повели в подвал. Здесь толпились чекисты. Громкие, вызывающие голоса, хохот, мат, угрозы. «Нынче Саенко опять повеселится — группу будем брать... Такую его мать — кипятком руки ошпаривает, а потом кожу сдирает... Иваныч рассказывал, что сначала не мог так — совесть будто, а потом стакан человеческой крови выпил, и сердце закаменело... Брешет, сволочь, — стакан денатура та с вишневым соком...»

Перед железной дверью кабинета начальника Меженину приказали ждать — начальник был занят. У него сидел Клинцов.

— Разрешите мне присутствовать, — просил Клинцов. — Хочу на перебежчика посмотреть. Может, узнаю.

— Отставить, Сема. Тебя уже нет. Ты — в подполье. Надевай шляпу, очки и жди Деникина. Алеха Заботин — твой верный помощник.

— Думаешь, скоро придут?

— Бутенов под Чугуевом.

— Вот кого бы приласкать. Может, я его здесь выслежу? А? И шпокну.

— Сема, нарушишь конспирацию — я тебя сам шпокну. Как же нам с Зайцевским быть? Приказано — оставить в подполье для связи и представительства.

— Трус он и путаник. Тогда с вербовкой офицера провалился.

— Все. Выполняй приказ. Иди через ту дверь. Давай хоть обнимемся на прощанье.

В «Электрокинотеатре» показывали старый фильм с Верой Холодной — «Молчи, грусть, молчи». У входа, в основном, шпана: карманники, поножовщики и торговцы «попшком» — кокой, да несколько красноармейцев со своими подругами. Меженин тоже в форме красноармейца. Он стал бойцом Особого отряда при штабе XIII армии.

Подошел, все так же хромая, Игнатий Алексеевич. Громко спросил:

— Ну как, решили в кино?

— Не хочется в духоте.

Далее говорили вполголоса.

— Игорь Павлович, вам надо держаться за отряд. Дядя Иван передал привет и указание: уходить с красными и быть ближе к оперативным планам.

— А связь?

— Придут от хромого Игнатия.

Признаки отступления налицо: по Сумской к Белгородскому шоссе вереницы повозок и грузовиков с мешками, узлами, ящиками. Пришлось долго ждать, чтобы перейти улицу. И сразу столкнулся с женщиной в белом платье — Лиза! То же мраморное лицо, слегка разъеденное горькой усмешкой, те же открытые настежь, ничего не скрывающие живые глаза.

— Я знал, что ты здесь.

— А я чувствовала.

Поцеловались.

— Все-таки у нас с тобой было нечто большее, чем просто любовь, — сказала Лиза.

Она — заместитель начальника госпиталя и сейчас ходила куда-то тщетно выбивать транспорт для раненых. Конечно, не одна. Он — помощник комиссара в штабе армии.

— Мы с ним почти сослуживцы. А если встретимся?

— Не встретитесь, — сказала Лиза после краткого, но серьезного раздумья. — У меня в госпитале есть своя комната. А почему ты рядовой боец?

— Особый отряд — секретная служба.

Чугуевский мост войска Кутепова захватили ночью. Генерал сам приехал сюда, вышел к реке, вслушиваясь, как в промежутках между выстрелами журчит вода у опор моста, всмотрелся в черную громаду Чугуевского дворца, врезавшегося на противоположном берегу в туманную прохладу ночи.

— Дворец Аракчеева, — сказал Кутепов и добавил: — Чтобы ни один снаряд не коснулся великого памятника великому человеку. К тому же здесь Чугуевское военное училище, где учился наш славный генерал Штейфон.

У командира батареи Бондаренко в ночь перед наступлением было много забот, но, получив распоряжение Кутепова о том, что необходимо беречь дворец, он решил, что это и есть самая главная забота. Дымников уже устроился на ночевку в офицерской палатке, когда его вызвал майор. Орудия в боевой готовности стояли в сосновой роще за прибрежной высоткой. На берег, на прямую наводку решено было выкатывать пушки на руках — нечего лошадьми рисковать, а Дымникову дано особое задание:

— Господин капитан, ваша задача наблюдать за огнем всех четырех орудий. Чтобы ни один осколок не коснулся дворца. Не то, что снаряд. Проверяете наводку, за каждый разрыв отвечаете лично. Огонь вести прямой наводкой по окопам красных. Приказываю сейчас же выйти на берег к выбранным точкам стояния орудий и проверить, чтобы и близко к дворцу не было выстрелов.

— Подождать бы, пока хоть немного рассветет.

— Р-р-разговорчики!..

Вскоре будто кто-то подтолкнул землю, может быть, всего на дюйм, но свет приблизился, вдруг вблизи обнаружился ствол дерева. И началось:

— Батарея, к бою! Расчет на колеса! Вперед бегом!..

Орудия увязали в прибрежном песке, из-за реки ударил пулемет, в первом расчете закричал раненый, остальные попадали за щиты пушек.

— Встать! — кричал Бондаренко, добавляя матерщину. — Вперед!

Выше по реке, где ночью был захвачен железнодорожный мост, загрели орудия бронепоезда «Генерал Корнилов». Взлетели груды черной земли на окраине поселка, бревна разрушенных домов, доски, тела разорванных, растерзанных, попавших под обстрел красных. Огонь с той стороны сразу прекратился, и Бондаренко спокойно поставил свои пушки на берегу.

— Только прицельный огонь! — кричал он. — Первое орудие — по пулемету у правой крайней избы! Второе — влево 20, по скоплению пехоты! Капитан Дымников, проверить наводку орудий.

Дворец Аракчеева темно-стального цвета молчаливо и неподвижно ждал, когда же он вновь вступит в свои права.

Через мост к дворцу и к поселку хлынула толпа корниловской пехоты. Впереди наступали одетые в новую форму с нашивками солдаты, набранные из пленных красноармейцев или по мобилизации. Они бежали, согнувшись в три погибели, пытаясь укрыться от огня, упасть, спрятаться. Настоящие корниловцы шли сзади и заставляли передних бежать на противника. Иногда постреливали в особенно трусливых.

Кутепов, наблюдавший за ходом боя с высоты над берегом, опустил бинокль на грудь и вздохнул: нет больше тех кубанских кутеповских цепей, нет корниловцев, идущих в атаку без выстрелов и обращающих красных в бегство. Какие это были герои! Сколько их зарыто в тех степях!

— Так что, господа, Чугуев взят, — сказал генерал. — Сколько осталось до Харькова?

— Около 30 верст, ваше превосходительство.

Паника в городе началась, когда белые взяли Лозовую, Чугуев и подошли к Белгороду. Власть исчезла, вместо нее появились различные военные коменданты, отдающие приказы от имени Реввоенсовета, Совнаркома, Чека и про-

чих организаций, в случае неповиновения немедленно хватающиеся за наган.

Штаб XIII армии почти полностью эвакуировался — лишь несколько штабистов жгли бумаги и карты под наблюдением Особого отряда. Костры среди бела дня в жару добавляли какое-то безумие к царившей вокруг истеричности. Помощник комиссара Юркин и Игорь Меженин смотрели, как горят связки бумаг, стараясь избегать крутящегося жаркого дыма. Лиза познакомила их, представив Меженина как бывшего мужа.

— Лишь бы успели вывезти госпиталь, — сказал Юркин. — Она раненых не бросит.

— Да. Она такая.

— Если б Троицкий приехал пораньше, успели бы организовать оборону и не отдали бы город. Но все равно это их последние успехи. Красная армия в несколько раз сильнее и Деникина, и Колчака, и прочих. Только бы Лиза успела.

Но она не успела. Лиза появилась во дворе штаба, и мрамор ее лица от волнения и страха стал еще белоснежнее.

— Все изменилось, — сказала она, целуя Юркина и подавая руку Меженину. — Эвакуацию задержали — военный комендант приказал направить все санитарные повозки и автомобили на Чугуевское направление и вывезти оттуда раненых. Там тяжелые бои.

— Но это же неправильно! — возмутился Юркин. — Там же есть санитарный транспорт.

— За невыполнение — расстрел, — сказала Лиза. — Начальником назначили Борю Вайнштейна. Ты его знаешь. Он уже кричит.

— Елизавета Михайловна! Ждем! — закричали с улицы.

— Мы должны выполнять партийный долг, — уныло сказал Юркин.

Лиза уехала.

Вскоре появился еще один военный комендант в кожаной куртке с маузером, с пустым, почерневшим от усталости лицом. Узнав, что Юркин здесь старший, объявил, что согласно приказу начальника гарнизона в его распоряжение необходимо выделить пятерых бойцов особого отряда с винтовками и патронами.

— Вас возьму, — сказал он, указав на Меженина, — того, у костра...

Пятерых выбранных посадили в кузов грузовика, уже достаточно набитого мрачными и молчаливыми солдатами и матросами.

— Куда едем? — спросил Меженин матроса, жмущегося рядом.

— Увидишь, — ответил тот.

Вскоре Меженин увидел пятиэтажный дом среди пустыря, ряды колючей проволоки и услышал винтовочные выстрелы.

— Понял? — спросил матрос. — Сами не управляются — нас на подмогу привезли.

Разбили на десятки, развели по местам: спиной к солнцу, лицом к оврагу, шагах в двадцати от обрыва. Обреченных, со связанными руками тоже выводили из здания десятками и бегом гнали к оврагу. По-разному одетые, в том числе и в форме, и даже при галстуках и просто оборванцы — все они кричали, выли, плакали, выкрикивали какие-то слова, стонали, умирая, падая с обрыва. Команда красноармейцев заталкивала в овраг тех, кто не упал туда сам, подсыпала земли и вызывала следующую группу. В ней оказалась женщина в рваном темном платье, открывавшем маленькие висящие груди и белые грязные панталоны. Она кричала безумно, издавая какой-то монотонный животный вой. Меженин узнал курьершу Лиду-Лидуху. Выстрелил точно в голову, вой прекратился, и над краем обрыва высунулись две босые женские ноги. Узнал Игорь и следующего — в офицерской форме: полковник Двигубский. Меженин выдал эту группу и сам выполнял приговор. Он любил убивать безоружных, не сопротивляющихся, считая, что в этом он становится равен Богу. Тот тоже казнит незащитных.

Корпус Кутепова двигался к Харькову. Дроздовский полк под командованием полковника Туркула выходил к станции Основа, где шел затяжной бой. Кутепов и Туркул с сопровождающими ехали в открытом автомобиле по дороге к фронту, где пасмурное небо сгущалось в темно-фиолетовую тучу, вспыхивающую зарницами артиллерий-

ских выстрелов, источающую механически беспощадные звуки пулеметного и ружейного огня.

— Сами возьмете станцию? — спросил Кутепов полковника. — Подкреплений не будет. Снять войска с Белгородского направления — погубить всю операцию.

— Почему станцию? — с наигранным удивлением переспросил Туркул — крепкий офицер, выше которого, наверное, не было никого в Добрармии. — Я возьму Харьков.

Автомобиль подъезжал к какому-то поселку. На его окраине, за огородами и сарайчиками сгрудилась огромная серая толпа, окруженная конвоирами. Пленные.

— Что-то там не так, — сказал Кутепов, — остановимся.

Кутепов и Туркул подошли к конвою, вызвали унтер-офицера. Тот испуганно, будто в чем-то виноват, доложил, что их батальон со всеми офицерами в бою, а их здесь оставили, и они не знают, что делать.

— Офицеров мы сейчас найдем, — сказал Кутепов, заметив, что на дороге появилась батарея, легкой рысьюдвигающаяся к фронту.

Один из конвоиров по приказу Кутепова бегом бросился к батарее и передал распоряжение: остановиться и всем офицерам во главе с командиром направиться к генералу.

Среди подошедших офицеров Кутепов узнал капитана Дымникова.

— Заживает? — спросил, кивнув на правую руку на пелюху. — В Харькове на параде будете маршировать здоровым.

Пленных построили в четыре шеренги. Дымникову показалось, что пленных очень много — человек чуть ли не 500. Привычная картина: опущенные головы, рваные гимнастерки, босые ноги, грязные окровавленные бинты. Все без глаз — смотрят в землю, — если кто-то и поднимет взгляд, то на мир смотрят не глаза, а мокрые сгустки страха.

Кутепов стоял перед пленными с лицом, исполненным жестокого презрения, если не злорадства.

— Трусливые бунтовщики! — сказал он. — Вы пытались остановить нас, защитников великой России. Если среди вас есть честные русские люди, случайно оказавшиеся в рядах красных бандитов и предателей родины, и готовы теперь кровью искупить свою вину, мы дадим таким

людям возможность послужить России в составе нашей Добровольческой армии. Коммунистов, комиссаров, всех, кто продавал Россию немцам и разрушал империю, глумился над православной верой, ждет суд справедливый и жестокий. Вы должны сами указать нам комиссаров и коммунистов, находящихся среди вас. Нет таких? Не знаете? Из разных частей? Мы сами узнаем, кого покарать, а кому дать возможность искупить грех. Полковник Туркул, занимайтесь. В вашем распоряжении офицеры батареи майора Бондаренко. Я уезжаю. Машину за вами пришлю через полчаса.

О Туркуле в армии давно ходила слава, как о человеке чудесным образом умеющем по лицу узнавать среди пленных комиссаров и коммунистов. Дымников мысленно пронизировал над тем, что ему повезло с ранением в правую руку и теперь он станет лишь зрителем трагического кровавого представления. Сразу бросились в глаза две странности: среди офицеров оказался какой-то попик в рясе с рыжими, падающими на плечи волосами, а в шеренге пленных — белое пятно, фартук медсестры.

Огромный Туркул, возбужденный самим действием и наличием зрителей, пригласил офицеров батареи:

— Смотрите, господа, как я по глазам узнаю, кто передо мной. Вот это — обыкновенный русский мужичок. Задали — служил у красных. Подумает — будет честно служить у нас. Это наш простой русский человек. Думает о себе, о семье, о своей деревне. Он сам никогда бы не бунтовал, если бы не эти большевики — немецкие шпионы...

Пленный, о котором говорил полковник Туркул, был не кто иной, как Алексей Заботин, — Дымников его узнал: тот простачком еще и в Польше умел прикидываться.

В рядах пленных вместо конспиративной харьковской квартиры Заботину пришлось оказаться в дни паники — нашли в ЧК вместе с другими, построили — и на фронт. Он успел уничтожить свои документы, сочинил для себя легенду, благо знал расположение частей Красной армии.

Дымников скользнул взглядом по лицу Заботина, дал понять, что узнал его. Если бы Кутепов прошел с этой стороны шеренги, то наверняка опознал бы назойливого члена полкового комитета.

— А этот — явно комиссар, — продолжал Туркул, указывая на пленного с забинтованной головой. Из-под грязного бинта торчали спекшиеся от крови русые волосы, на лице запечатлелась какая-то тяжкая неразрешимая мысль. — Заметьте, господа, тщательно скрытую ненависть в его глазах, попытку спрятать от нас свои мысли...

— Да никакой я не комиссар. Меня знают... Я из Карачева, плотник. Господин начальник... Ваше высокоблагородие... Я простой человек...

— Кто знает этого плотника? — спросил Туркул. — Кто подтвердит, что он не комиссар? Никто? Конвой! Ведите его вон к тем кустикам. А вы, унтер-офицер, мобилизуйте в поселке мужиков с лопатами — работы будет много. Вот этот тоже комиссар...

— Ваше высокоблагородие, плотник я, — бормотал несчастный пленный, которого волокли к выбранному месту казни.

— Я не комиссар, но я коммунист, — сказал пленный с усталыми потухшими глазами, — но я горжусь тем, что отдаю жизнь за трудовой народ, горжусь, что мы, коммунисты, подняли народ против вас, мучителей, угнетателей. Мы открыли глаза народу, и он уничтожит вас всех до единого. Ненамного переживешь меня, полковник...

— Заткните ему пасть, злобоние извергающую! — вдруг закричал рыжий поп, — ибо сказано, что не заботились иметь Бога в разуме, и предал их Бог превратному уму, так что они исполнены всякой неправды, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злоречивы, клеветники, богоненавистники...

Тем временем светлое пятно, притягивавшее взгляд капитана Дымникова, приблизилось, можно было различить черты лица женщины. У Леонтия сразу же возникло желание скрыться за спины других офицеров — перед ним стояла Лиза Меженина. Тургеневская Лиза! Белый мрамор лица посерел, поблек, сжались, уменьшились, погасли глаза, но временами вспыхивал из-под ресниц былой блеск торжествующей жизни.

Но прятаться от нее незачем — у Лизы перед глазами смерть, а не бывшие любовники, и рядом с ней знакомый — тот самый брнет комиссар, любивший сладкие булочки.

— А здесь нечего и говорить, — сказал Туркул, указывая на Вайнштейна. — Берите этого Рабиновича, или как его там.

— За что вы хотите его убить? — закричала Лиза, обнимая Вайнштейна и прижимаясь к нему, словно пытаюсь защитить. — За то, что он еврей?

— Все жиды за большевиков... Продали Христа и Россию продают... Всех в яму, — кричали офицеры, сопровождавшие Туркула.

— Сознавайся, еврей, сам, что ты комиссар, — сказал Туркул с палаческим добродушием.

— Да-а, — простонал, чуть ли не пропел Вайнштейн, — да-а, я комиссар. Я рассказывал простым людям о несправедливом устройстве жизни, о том, что богатые не дают жить бедным, о том, как надо перестроить жизнь. И за это меня теперь убивают...

— Убить! Распят! Казнить! — закричал поп. — Ибо сказано: кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Господа нашего, тому лучше, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской...

— Я тоже коммунистка! — закричала Лиза. — Если убьете его — убивайте и меня. Я боролась за трудовой народ против вас — защитников мировой буржуазии! Против...

— Заткните ей глотку и ведите, — сказал Туркул.

День еще более потемнел — туча приближалась. Теплая душная влага забивала дыхание. Звуки боя на станции прекращались. В них вплетались вопли и проклятия приговоренных. Человек 50 собрали у чахлах кустиков, и там ритмично тускло вспыхивали лопаты мужиков и солдат, копавших ямы. Дымников отвернулся от происходящего и смотрел в серую унылую степь с мглой дождя на горизонте, и ему представился мир, где только эта степь и тишина, никакой стрельбы, только жаворонки попискивают где-то вверху в облаках.

Тишина взорвалась выстрелами: офицеры начали расправу. Стреляли почти в упор, шагов с десяти. Удивил Арефьев — он стрелял, тщательно прицеливаясь, как в тире, словно здесь можно промахнуться. Что-то кричали

жертвы, пока пули не заставляли их замолчать. Упали сразу несколько человек, задергались, кто-то пытался ползти, и его добивали... Вот и Лиза, обнимающая, поддерживающая плачущего Вайнштейна. Она попала под выстрел Арефьева.

До Леонтия донесся отчаянный женский крик: «... здравствует революция!..» И вновь выстрелы. Лиза упала. Поручик Арефьев вдруг вышел из шеренги расстреливающих, повернулся к ним спиной, поднял винтовку над головой и с силой бросил на землю, затем упал на колени и зашелся в приступе истерической рвоты.

23 июня Кутепов позвонил из штаба корпуса Туркулу и сообщил, что 1-я дивизия взяла Белгород. В ответ генерал услышал именно то, что и хотел услышать: «Завтра встречаю вас в Харькове, Александр Павлович!»

Вскоре был отдан приказ Дроздовскому полку, смысл которого: взять город или умереть! Майор Бондаренко, получив этот приказ, собрал своих офицеров и объявил, что батарею предстоит всю ночь наступать вместе с пехотой, и ни шагу назад. Арефьева на совещании не было — офицеры объяснили, что его отпаивали спиртом, и теперь он отдыхает.

Дымникову майор сказал: «А ты, капитан, прячься куда-нибудь в обоз или в лазарет. С одной рукой тебе в этих танцах делать нечего. Снимешь повязку — являйся в батарею, если, конечно, от батареи что-нибудь останется».

За ночь был выпит весь спирт, обнаруженный дроздовцами в вагонах от станции Основа до Харьковского вокзала. Уничтожалось все живое. Встречавшиеся на пути расстреливались без предупреждения, независимо от пола, возраста, одежды и прочего. Лишь несколько счастливых, успевших и сумевших доказать, что они не евреи и не большевики, остались в живых. Каких-то несчастных железнодорожников, пытавшихся бежать на паровозе, поймали и сожгли в паровозной топке. Лишь на рассвете пехота прорвалась к вокзалу.

Кутепов приехал рано утром на бронепоезде «Князь Пожарский». Полковник Туркул встретил его на перроне, с которого еще не успели убрать трупы.

— Однако город еще не взят, — сказал генерал. — И противника надо не гнать, а уничтожать или брать в плен.

Иначе они завтра опомнятся и опять пойдут на нас. Передаю в ваше распоряжение бронепоезда «Генерал Корнилов» и «Князь Пожарский». В течение дня город очистить, остатки красных окружить и уничтожить в районе Рыжов—Новая Бавария.

К шести часам вечера Харьков был взят Кутеповским корпусом. В плену оказалось несколько тысяч красных.

«Генералу Кутепову от Городского Головы г. Харькова и городской общественности

Вы с таким расчетом взяли Харьков, что ни одна капля крови мирных жителей не была пролита, ни одно здание не было разрушено. Человеколюбие шло об руку с Вашими победами. Ваша слава становится еще более светлой — еще вчера мы ничего не могли противопоставить тирании шаек разноязычных грабителей и убийц. Слабые, разобщенные, не доверяющие друг другу, — такими застал нас большевистский переворот, такими мы оставались до Вашего вступления в наш город...»

Командующего Добровольческой армией генерала Май-Маевского встречали на Харьковском вокзале Кутепов и Туркул с почетным караулом Дроздовского полка. Офицеры, составлявшие почетный караул, были одеты в новую форму: фуражки с малиновой тульей, белой опушкой и белым околышем, малиновые погоны с белой и черной вышивками, черными просветами, золотой литерой Д.

Май-Маевский вышел из вагона с выражением полного счастья на лице — даже снимал пенсне и утирал слезы, возникавшие не то от солнца, не то от радости, не то от выпитого утром вина. Командующий обнимал и Кутепова, и Туркула, называл их героями.

— Вы прекрасно провели операцию, — говорил он. — Я следил за каждым вашим решением, и мне ни разу не пришлось вмешиваться. Вы будете награждены... По дороге я получил подарок от местных промышленников — передаю его в ваше распоряжение. Передаю его офицерам Дроздовского полка, взявшим Харьков. Это поезд каменного угля. Его уже пригнали сюда, на запасные пути. Капитан Макаров, — Май-Маевский повернулся к адъютанту, пытавшемуся что-то ему шепнуть и, наверное, надевавшемуся отговорить его от дарения целого поезда, но генерал не хотел

никаких советов. — Капитан Макаров, потом доложите свое, а сейчас передавайте документы на поезд с углем полковнику Туркулу...

Дымников приехал в этом же поезде, в санитарном вагоне, и сумел пробиться к центру событий — к толпе, сбившейся вокруг генералов. Он даже нашел взглядом Макарова, тот подал ему знак, что сейчас не время для их собственных дел.

Разумеется, капитан Макаров убедил генерала Маймаевского, что штаб Добровольческой армии должен находиться в Гранд-отеле. Целый день сюда подходили грузовики, солдаты таскали штабную мебель, офицеры яростно спорили о дележе этажей и комнат. Макаров волновался, как все, переживал, не разбили бы посуду, не поцарапали бы шкаф, не потеряли бы ковры. Каждый, глядя на него, сказал бы, что нет сейчас для этого человека дела важнее, чем, например, расстановка мебели в приемной. А капитан и делом-то это не считал. Внимательно, незаметно вглядывался в каждого работника гостиницы. Все, как положено: хозяин, директор, метрдотель, официанты, горничные... Но все это маскировка, мираж, как скажет Лео, которому Макаров запретил здесь появляться, пока не разберется сам.

Степан не появлялся, и пока было не ясно, у кого можно о нем спросить.

И все это в жаркий харьковский день, переходящий в почти такой же жаркий вечер. Скорее бы до пива добраться.

Владимир Зенонович дорвался до него, наверное, раньше всех. Еще таскали штабные ящики, а он уже сидел в ресторане за большим столом у окна, раскрытого настежь. За окном — площадь, огромная, как море, и от нее истекает дневной жар. За столом генерала — свита и оказавшиеся в близком знакомстве миллионеры Жмудские — большая семья, среди них молодые красивые женщины в настоящих украшениях. Макаров подошел к генералу для получения указаний и с удовольствием заметил тайное, едва заметное подмигивание Кати Жмудской.

— Вы, голубчик, Павел Васильевич, занимайтесь устройством, а завтра с утра на службу, — сказал генерал и

строго глянул на метрдотеля: — А ты что торчишь передо мной?

Тот что-то забормотал о блюдах к ужину.

— А ботвинью со льдом не разучились при красных? — перебил его генерал. — Обольшевичились? Расстреляю весь персонал. Марш на кухню и подать настоящий петербургский гвардейский ужин. — Посмотрев вслед метрдотелю, добавил: — Великий Диккенс заметил, что такие ноги производят впечатление незаконченности, пока на них нет кандалов.

Если пошел Диккенс, можно переходить к делу. Макаров назвал Дымникова. Прошлись с ним по гостинице сквозь шум, нашли место потише. Оглядевшись, Макаров сказал:

— Я засек одну глазастую даму. Она везде, она все видит, она всегда молчит.

Серьезная дама лет сорока сидела в гардеробе за скромным столиком, скрытым за вешалками, и что-то писала.

— Я адъютант его превосходительства генерала Маймаевского, — представился Макаров, — мне необходимо немедленно увидеть Степана Вячеславовича.

— Степана Вячеславовича? — попыталась изобразить удивление дама, но из светлых глаз Павла изливалась такая жестокая сила, что дама растерялась, засуетилась. — А-а... Вам нужен пан Стефан, но он у нас редко бывает. Он, наверное, на станции Основа. Я вам дам...

— Вы мне дадите Стефана-Степана, или того, кто его замещает, или мы с капитаном сейчас сами раскроем и разворотим все склады и хранилища, — сказал Макаров, поправил кобуру, расстегнул ее, опять застегнул.

— Извините, господа офицеры, я вам все объясню. Когда в Гранд-отеле нет пана Стефана, его замещает пани Крайская. Я сейчас ее найду.

Ждали минут 20, после чего дама появилась с искренне виноватым и даже испуганным лицом.

— Произошло непонятное, — сказала она. — Когда нет пана Стефана, здесь всегда пани Крайская, а сейчас ее нигде нет. Ее кабинет открыт и пуст. Никаких следов. Никто не приходил. Никто не видел, когда она ушла. Может быть, час прошел, может быть, два. Наверное, вышла через черный ход.

— Адрес!

— Сумская, 33, 2-й этаж. Это совсем рядом...

Шоферу Макаров приказал «три креста» — домчались мгновенно. От серых камней Харькова исходила жара. Еще не стемнело. Белые платья, цветы, погоны, вальс «Воспоминания»... В окнах второго этажа темно.

— Неужели сбежала? — нервничал Макаров. — Какая-нибудь красная стерва. Бойтся ареста. Ну, это пусть. Лишь бы товар остался. Пойдем постучим.

Поднялись по широкой лестнице. Свет не пробивался сквозь щели. Позвонили, постучали. Свет брызнул из-под двери, хрустнул ключ, растворилась дверь, и Марыся упала на шею Леонтию Дымникову.

— Задушишь насмерть — застрелю, — усмехнулся Макаров.

— С ним и смерти не боюсь. Доставай пистоль.

В комнатах Дымников удивился прочному уюту и даже некоторой роскоши — красные не ограбили.

— Она не расскажет — я расскажу, — сказал Макаров. — Обслуживающий персонал секретных складов Реввоенсовета. Люди Троцкого. Встречалась со Львом Давыдовичем? Он же здесь недавно был.

— Ни. Я его боюсь. Стефан с ними занимался.

— Почему сейчас бежала?

— Не знаю. Страшно стало. Как мне быть, не знала. Коханый явился! Леончик мой. Два года тебя не видела, два года не жила на свете. Не знала, что делать, и бежала. Бежала от него, плакала и мечтала, что он прибежит за мной. Миловник мой коханый.

— Я прибежал, Марысенюка, и теперь тебя не отпущу.

— Как говорит мой генерал: сначала дело, потом удовольствие. Где Степан?

— Он Стефан. Стефан Вацлавович. Здесь он. Внизу. На первом этаже, — сказала успокаивающе: мол, все в порядке, можешь нас оставить.

— Сначала дело, — повторил Макаров. — Самое срочное и ответственное. Выкладывай все документы. Все наличие. Все адреса — я немедленно ставлю свои караулы. Кто сейчас охраняет?

— Да наши. В корниловской форме.

— Где главный склад товаров?

— На Холодной горе. Близко от станции. Сюда Стефана звать?

— К нему пойдем. Здесь духами сильно пахнет.

Почти сутки Леонтий и Марыся не расставались. Ритмы любви он ощущал не только всем телом, но и чем-то более широким и отзывчивым — наверное, это и называют душой, сердцем, счастьем, — но даже слышал непронизимые слова, прячущиеся в страстных вздохах, всхлипах, стогах: «Ах-как хорошо ты-это-милый... Ми-лая, с тобой нам-эта-радость. Только не спе-ши так, милый-милый... Я с тобой вместе-только вместе...»

— А я тебя в кино видел, Марыся.

— То не я.

— Ты, Марыся. В Варшаве. Рядом с Пилсудским. Французская кинохроника.

— Ох, эти французы. Прицепились ко мне.

— Пилсудский тебя знает?

— Что ты, Лео? Я простая женщина. Киношники эти заметили меня в толпе и вытащили. Я-то женщина простая, но заметная.

Вскоре Марыся отправилась по своим делам, и Леонтий решил прогуляться по городу. Улицы и переулки были темны и пусты. Встретилась колонна арестованных, которых вели расстреливать. Вышел на более широкую и чистую улицу. Открылась дверь, и в ночи вспыхнул яркий желто-розовый прямоугольник, вместе с ним выпал в темь улицы короткий аккорд скрипки. Дверь закрылась — и снова ночь.

У моста через речонку Лопань какой-то пьяный поручик никак не мог подняться на ноги. Дымников попытался помочь ему. Сзади взревел автомобиль, и ударили безжалостно яркие лучи фар. «Обоих в машину!» — узнал Дымников резкий злой голос Кутепова.

Когда разобрались, Кутепов поздравил Леонтия с возвращением в строй, предложил подвезти. Пьяного решили доставить в комендатуру.

— Поеду переулком, — сказал шофер. — Здесь ближе.

В машине, кроме генерала, Соболь и Ленченко. Они согласились.

Въехали в серовато светлеющую каменную расщелину переулка. Лучи фар скользили по тротуару, по каким-то людям и вдруг осветили пару: офицер и женщина с золотистыми волосами. Она мгновенно закрыла руками лицо и уткнулась в плечо спутника, но Дымников успел узнать: Марыся. И лицо офицера, если и не запомнил, то отметил нечто неприятное. Или знакомое. Или именно потому неприятное, что знакомое.

Кутепов отвез Дымникова на Сумскую, в приют любви, оказавшейся вдруг такой сомнительной. У Гранд-отеля приказал адъютанту Ленченко проехать по городу, подобрать пьяных офицеров и свезти в комендатуру.

Май-Маевский за тем же столом у того же окна в окружении свиты встретил Кутепова с радостью, усадил с собой, провозгласил тост:

— Перед вами, господа, герой Харьковского сражения, освободитель Харькова, генерал Кутепов. Лично он, без участия моего штаба разработал план операции и блестяще его осуществил. За освободителя Харькова! Ура!

Но когда сел на место рядом, сказал вполголоса, склонившись к генералу:

— А удар на Белгород придумал-то я. Без него, Александр Павлович, вы бы застряли на окраинах.

— Согласен, Владимир Зенонович. Удар на Белгород — блестящая идея. Но сегодня мне необходима тысяча комплектов нового солдатского обмундирования.

— Скажите Павлу Васильевичу, что я приказал, и все получите мгновенно.

Потом пили за успешный поход на Москву, и опять Май-Маевский, поставив рюмку, сказал тихо, чтобы слышал только Кутепов:

— На днях говорил с Антоном Ивановичем, и он мне — конфиденциально: «Вы все-таки, Владимир Зенонович, не очень-то двигайте ваши доблестные части. Колчак подходит к Вятке, перейдет Волгу, займет Нижний Новгород, а там и Москва. Мы можем остаться за бортом; пусть его немного осадят. А Москву мы всегда сумеем взять».

После очередной рюмки командующий заявил, что если б не было Диккенса, то не было бы и Гоголя. После следующей: если б не было Диккенса, то не было бы и Тургенева, далее

или Достоевский, Толстой... Генерал успел бы дойти до утверждения, что без Диккенса вообще бы ничего не было, но его отвлекло другое: начальник контрразведки полковник Шуккин рассказывал о кинохронике, захваченной у красных с трофеями и недавно показанной штабным офицерам.

— Да, да! — воскликнул Май-Маевский. — Это ужасно. Выпуск красных курсантов. Подвойский! Какая дисциплина! Это же красные юнкера! А толпы на Красной площади, приветствующие Ленина и Троцкого! И все мужики против нас! Мы приходим и приводим с собой тех же помещиков, а они требуют от мужиков старые долги. И мужики против нас. 75 процентов Добрармии — пленные красноармейцы. То есть мужики. Они разбегаются и идут против нас. Полковник Шуккин, вы расстреляете 75 процентов?

Контрразведчик начал говорить что-то о функциях своего учреждения, а Кутепов подумал, что 75 процентов расстреливать не надо — достаточно половины, остальные сами пойдут, куда им прикажут.

— Я много раз говорил, — продолжал Май-Маевский, — если мы не решим аграрный и рабочий вопросы, нам не удастся разбить противника. А Врангель мне говорит, что этот вопрос можно решить только после взятия Москвы. Что это? Заколдованный круг. Где выход?

И командующий потянулся к графину с водкой, как бы указывая выход.

Среди непрекращающейся суеты Кутепов увидел капитана Макарова. Ночь, а он деловито шагает куда-то с подозрительным штатским. Генерал не запомнил в лицо соседа в купе питерского поезда, но неприятное чувство вновь охватило его при виде этого большого лица с крупным носом и наглым хозяйским взглядом.

— Позовите Макарова ко мне, — приказал генерал Соблю.

Макаров был явно недоволен — мешают важному делу, однако с Кутеповым не шутят. Четко подошел, отдал честь, приветствовал, как положено.

— Господин капитан, — сказал Кутепов, не скрывая неприязни к незнакомцу, который стоял в стороне и явно досадовал, что приходится ждать. — Передаю приказ Владимира Зеноновича — завтра для моего корпуса выдать

1000 комплектов нового солдатского обмундирования английского производства.

— Можно пятьсот, ваше превосходительство.

— Я пришлю батальон, и он возьмет остальные 500.

— Ваше превосходительство, простите, я в смысле двумя партиями. Куда прикажете доставить?

— Завтра в Белгород, в штаб корпуса, моему помощнику. Не позднее шести вечера.

Кутепов посмотрел вслед адъютанту неодобрительно — тот уходил с носатым. Не был генерал ни антисемитом, ни черносотенцем, но некоторые физиономии возмущали его наглыми взглядами на окружающее, словно всё оно если еще и не принадлежит им, то вскоре они его купят.

В приемной Май-Маевского толпа. Паша Макаров на своем месте — лишь по особенному блеску глаз можно догадаться, что ночью он не отдыхал. Владимира Зеноновича требовалось спасать от просителей. Опыт есть: одних разбросать по помощникам, другим пообещать — «доложу», а затем объявить, что генерал принять не может, и лишь третьи...

Вошел к генералу. Тот развалился в кожаном кресле, с ненавистью разглядывая папки с делами и донесениями, пробормотал, не глядя:

— Капитан, скажите там, что сегодня приема нет: генерал занят... э-э-э... подготовкой новой военной операции.

— Ваше превосходительство, среди ожидающих — губернатор Щетинин и начальник контрразведки Главнокомандующего полковник Щукин.

— Губернатора к черту. У него вечно «неспокойно в губернии». Дрожит за свою шкуру. Начнет пискливым голосом: «То там, то тут назревает опасность». А сам мер не принимает. Разве это губернатор? Он знает, что к нам едет глава Великобританской миссии по делам России генерал Брикс? Вот и скажи Щетинину, что я приказал городу быть в образцовом порядке. А Щукина проси. Для остальных приема нет.

Встречая полковника, генерал сумел принять надлежащий серьезный вид, спрятав за пенсне пьяные глаза.

— Я к вам по важному делу, — сказал Щукин, едва заметно мигнув в сторону Макарова.

— Можете говорить при адъютанте.

— Тем более, что ему, пожалуй, придется им заниматься. Во-первых, против вас, генерал, распускаются слухи. Будто под вашим руководством ваши подчиненные грабят город, разбазаривают богатые трофеи. В частности, американские консервы из складов на Москалевке.

— Но там же боеприпасы.

— Это маскировка.

— Если что-то подобное происходит... Я сам разберусь и прекращу. Виновных — под трибунал.

Оставшись одни, генерал и адъютант понимающе взглянули друг на друга.

— Прикажи Прокопчуку стаканчик водки и чего-нибудь острого. И себе.

— Так точно, ваше превосходительство, но со складом мы должны решить сейчас. Я уже и бумагу подготовил.

Денщик принес водку, сыр, маслины. Макаров достал из папки документы.

— Нашей армией захвачены секретные большевистские склады, — сказал он. — Охрану я поставил надежную, но надо оформить. Вот здесь, в этом распоряжении я указал: «Выдача лишь с разрешения Командующего армией генерала Май-Маевского под контролем его адъютанта капитана Макарова».

— Замечательно. Давай подпишу. Теперь ни одна песчинка не уйдет со склада без нашего ведома. А вы знаете, капитан, что вчера вечером у нас с Аней состоялся интимный разговор? Правда, потом я был сильно пьян и ничего не помню. Все кончилось благополучно?

— Так точно, ваше превосходительство. Князь Адамов и сам Жмудский помогли усадить вас в автомобиль. А Анна Петровна, по-моему, очень вас любит. Она ревнует вас к каждой женщине. Когда вы уезжали, просила передать: сегодня вечером быть у нее.

— Хорошо, вечером поедем. Я сейчас лягу спать. Начальнику штаба скажи — совещание переносится на завтра. Ну, если Щукин что-нибудь, тогда разбудишь.

Бравое барабанное утро, и, казалось, солнце двигалось вместе с корниловцами на Москву под Преображенский марш. Однако пока не на Москву, а на маленькую станцию, и победа маленькая, но победа.

Кутепов приказал обращаться с пленными по новым правилам: расстреливать только комиссаров и коммунистов, остальных — в обработку и, возможно, даже в строй. Сам он давно собирался с адъютантом верхами в батарею. И что-то еще. Ах да, письмо от Лидии. Его прочитает потом, в спокойной обстановке, когда освободится от дел. Артиллеристов, наверное, предупредили: часовой у ворот в новенькой форме. Сам Бондаренко выбежал докладывать — батарея согласно распорядку дня занимается боевой подготовкой. Спешились, пошли по расположению.

— Показывайте, что за боевая подготовка.

— Приведение в порядок орудий и амуниции.

В тени у конюшни ездовые огромными сапожными иглами зашивали уздечки, шлеи и прочую кожу. Неподдалеку, на солнце, раздетые по пояс солдаты забивали пыж в ствол орудия.

— Швейную мастерскую открыл, Бондаренко? Крестиками умеют вышивать? Построить батальон! Орудия не выкатывать!

Хотел, было, Кутепов устроить и выводку — проверить содержание лошадей, а их всегда содержат не очень хорошо, особенно, если проверять чистым носовым платком, но адъютант напомнил, что генерал вызван в Харьков на встречу с английской военной миссией. Ограничились строевым смотром. Потом беседовали с офицерами в маленькой, но прохладной и уютной столовой — «наше собрание». Спросил Дымникова, хорошо ли зажила рана. Пообещал участие в московском параде и салюте.

— Господина капитана вызывают в штаб командующего, — сказал Бондаренко. — Телефонграмма адъютанта его превосходительства.

При упоминании об адъютанте у генерала появилась какая-то недовольная морщина между бородой и кончиками усов.

— Зачем вызывают?

— Хорошо знает французский язык.

— Для встречи с англичанами?

— Англичане вроде нас, — позволил себе включиться Ленченко. — Только французский знают. Ну еще и английский немного.

Кутепов усмехнулся и милостиво сказал:

— Прошу в мой автомобиль.

Вскоре выехали. Раздражало жаркое предзакатное солнце, бьющее в глаза. На пустынной окраине — два забора, две хаты — догнали колонну пленных красных. Кутепов приказал остановить колонну.

— Кто начальник конвоя? — спросил он.

— Поручик Чижов, — доложил немолодой, лет сорока пятидесяти офицер.

— Куда ведете?

— На сборный пункт, ваше превосходительство. Которых отобрали для службы. Остальных расстреляли.

— Поручик Чижов, когда вам присвоили звание?

— На германском фронте я был подполковником. Потом меня насильно мобилизовали в Красную армию, но я сумел перейти к вам, к своим.

— Сумел? Сумел в плен попасть? Теперь отслуживай свое предательство. А вы, ребята, согласны сражаться за великую единую неделимую Россию?

Пленные, конечно, отвечали согласием, кто громче, кто быстрее.

— Все согласны?

— Все, ваше превосходительство!

— И ты согласен? — спросил Кутепов, неожиданно остановившись около светловолосого пленного в рваной гимнастерке.

— Так точно, ваше превосходительство!

— Леонтий Андреевич, подойдите, пожалуйста, сюда, — подозвал генерал Дымникова. — Узнаете? Я еще там, на Литейном, приказал вам запомнить его фамилию. Узнали?

— Узнал, — вздохнул Дымников, — унтер-офицер Кирпичников.

— Поручик Чижов, — металлом по камню резанул кутеповский голос. — Этого пленного немедленно расстрелять. Здесь.

— Ваше превосходительство, — забормотал Кирпичников, — я же добровольно... За единую неделимую... Искушить вину... Ваше превосходительство...

Смерть уже пристала белой маской к его лицу, волосы прилипли к черепу.

Кутепов отвернулся, не слушая. Поручик Чижев отдавал приказы конвойным, но генерал его перебил:

— Нет, поручик. Сами! Очищайтесь от красных грехов. Наган у вас есть. Можете взять винтовку.

Кирпичников плакал, продолжая бормотать. За ближайшим глухим забором почувствовалось движение — зрители. Чижев, глядя в землю, доставал наган.

— Выведите его из строя, — приказал он солдатам.

Конвоиры выволокли приговоренного на обочину дороги, поставили у кювета.

— Вон туда смотри, на лесок, — сказал один из конвойных, — чтобы солнышко глаза не жгло.

Поручик выстрелил неудачно — пуля попала куда-то рядом с ухом, и Кирпичников повернул к нему залитое кровью лицо и завыл. Поручик торопливо выпустил весь барабан, и Кирпичников грузно завалился ему под ноги, искореженным окровавленным лицом в пыль.

— Тем хохлам за забором прикажите закопать, — сказал адъютант Кутепова конвойным.

Поехали дальше, генерал даже не оглянулся. Спросил:

— Вы действительно, Леонтий Андреевич, хорошо знаете французский?

— Да нет. Забыл. Так, на уровне «как вы себя чувствуете?»

— В артиллерии не требуется знание французского языка. Вы знаете, капитан, что планируется объединение всех батарей в «Артиллерийскую генерала Маркова бригаду»?

— Слышал.

— Возможно, и вы получите батарею. Хочется?

— Сразу после ранения... Тяжело...

— Да. Спешить не надо. Тем более, скоро начнется решающее наступление на Москву, и продвижение по службе пойдет быстро.

Вдоль Сумской, от Метрополя до сада, по тротуарам стояли шеренги солдат и офицеров в новых мундирах с корниловской нашивкой. Макаров был очень занят организацией трех банкетов: в Гранд-отеле, Буффе с цыганами и в особняке командующего. Не нашел времени поговорить, но взглянул на Дымникова с некоторой злостью и даже угрозил кулаком.

Машина Май-Маевского со свитой и адъютантом выехала навстречу четырем английским автомобилям, подъезжавшим со стороны вокзала. Леонтия усадили в большой открытый автомобиль, забитый офицерами. Отсюда он хорошо видел церемонию.

Машины гостей остановились, Май-Маевский вышел навстречу генералу Бриксу, встретил его какой-то короткой речью и повел вдоль выстроенных шеренгами войск. Сухощавый рослый англичанин шел впереди, командующий Добрармией с колышущимся животом двигался за ним, сбиваясь с ноги. Брикс на ломаном русском языке крикнул: «Здравствуйте, герои корниловцы!» Ответили дружно: «Здравия желаем, ваше превосходительство!»

На тротуарах толпы светлых костюмов и платьев, цветы, на балконах трепещут приветственные флажки.

Сначала отправилась на банкет в Гранд-отель. Дымников с компанией оказался за большим столом недалеко от генералов, и ему иногда удавалось услышать, о чем они говорят. Рядом с ним сидел офицер из свиты Брикса, и Леонтий, припомнив французский, объяснял, кто есть кто, и переводил тосты. Конечно, в них звучал призыв: «На Москву!» Брикс поднялся с бокалом шампанского и сказал:

— Владимир Зенонович, от имени своего правительства поздравляю вас со званием лорда. За вашу доблесть и новую стратегию вы награждаетесь орденами Святого Михаила и Святого Георгия. Отныне ваш вензель будет красоваться в Лондоне, в церкви Святого Михаила.

Май-Маевский был потрясен и едва не заплакал — во всяком случае протирал пенсне. Тем более подходила стадия «после». Кутепов, сидевший рядом, говорил с Бриксом о танках и артиллерии:

— Мы создаем новую артиллерийскую бригаду и хотим полностью оснастить ее английскими орудиями. Не хватает 8—10 пушек.

— Запишите, — сказал Брикс адъютанту. — Орудия будут в течение недели.

— Скажи ему насчет танков, — говорил Кутепов переводчику. — Нужны более легкие танки для наших дорог.

Капитан Макаров что-то шепнул Май-Маевскому. Генерал распорядился, и в зал под дикую кавказскую музыку

вбежали тандоры-джигиты с кинжалами. Корректный строгий Брикс расплылся в восторженной улыбке. После танцев оперный оркестр заиграл какой-то английский, никому не известный вальс.

— Господа! — воскликнул Май-Маевский. — Великий Диккенс писал, что нельзя ужинать под похоронный марш. Приглашаю вас в Буфф, где нас ждет прекрасный настоящий цыганский хор.

Брикс принял приглашение с удовольствием.

У Дымникова был свой ключ от квартиры на Сумской, но оказалось, что Марыся уже дома.

— Заждалась, коханный мой. Ты там гуляешь с генералами.

— Приличные, хорошо одетые люди устроили для себя спектакль, чтобы забыть о миллионах мужиков, красноармейцев, пленных, дезертиров и прочих, кои и представляют нынешнюю Россию.

— Ты умный, Леончик. Я тоже так думала.

Обычный вечер вдвоем, обещающий обычные ночные ласки. Цветы, вино, конфеты... Заметил новое — на этажерке польские книги: Сенкевич, Жеромский, Конопницкая. Все на польском. Потеснили дымниковских Пушкина, Лермонтова, Блока.

— Они были у Стефана, — объяснила Марыся. — От красных прятали. Я же полька.

— Когда-то ты сказала, что русская, и просила называть тебя Машей.

— Тогда был другой век. Теперь есть вольная Польша.

Он не знал, с чего начать, вспомнил об общих делах:

— Вагоны в Крым ушли? Макаров нервничал, спрашивал.

— С Холодной горы. Консервы и сахар. Макаров только и волнуется за золотые. Спростый ако полено.

— Все мы, наверное, так. И ты. И я.

— Я?

Пожалуй, он еще не видел на ее чистом бело-розовом со смуглинкой лице такую горделиво-холодную маску. Марыся подошла к зеркалу, поправила золотистые локоны, сказала с той же холодной величавостью:

— Разве я похожа на торговку-коммерсантку, только и думающую о золотых?

— Ты похожа на мою любимую единственную Марыся.

Но...

— Что но? Какое но?

— Ты не коммерсантка, но я не знаю, кто ты. А я видел тебя с офицером ночью, когда ты должна была находиться на складе в Москалевке. И там, с вами, еще были офицеры, штатские. Недалеко от комендатуры.

— Меня с офицером? Леончик, ты ревнуешь!

— Нет. Не ревную. По-моему, там было не любовное свидание. Но что? Красные? Контрразведка? Коммерсанты из Мопита?

— Спасибо, Леончик, что ты мне веришь. Одного тебя кохаю. И все тебе расскажу!

— Все? Все — лучше не надо. Когда рассказывают все, обычно врут.

— Ты мой коханный, я тебе все скажу. Я не официантка из корчмы, не торговка, не коммерсантка у Стефана. Я Мария Конрадовна Крайская! Потомственная польская дворянка. Наш начальник государства Юзеф Пилсудский знал моего деда, а мой отец погиб в 15-м году в его легионе, в Австрии. Это он в Варшаве пригласил меня идти рядом с ним, и нас снимали в кино. Мы боремся за Великую Польшу, за Речь Посполитую, против тех, кто больше ста лет распинает, грабит, угнетает мою страну. Пришел час расплаты. Бог с нами. Он наказывает тех, кто губил Польшу. Ты знаешь, за что отправили на гильотину Марию-Антуанетту? За то, что ее мать подписала Третий раздел Польши. А за что Романовых расстреляли в Екатеринбурге? За то, что Екатерина подписала раздел Польши.

— Марыся, ты любишь Польшу, и я люблю Польшу. Чудесная земля. Я же там воевал, был ранен. Но и Россия прекрасная земля.

— Россия — это хам-жандарм, для которого все нерусские — не люди, а ляхи, хохлы, армяшки...

— Но я же, как будто, не хам. У меня есть друзья и поляки, и евреи.

— Ты, Леончик, — один мой коханный. Других нет.

— Но я же русский. Как мы теперь с тобой кровать будем делить? С одной стороны — красно-белый флаг, с другой трехцветный единый неделимый?

— Не знаю, Леончик. Кровать такая узкая. Да и я поправляться стала. Смотри: вот эти французские панталоны уже тесны. Вот здесь, в бедрах. Придется снимать дамски нохавички...

1919. ИЮЛЬ

«Московская директива

Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Ген. Врангелю выйти на фронт Саратов—Ртищев—Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее — Нижний Новгород, Владимир, Москву.

Теперь же направить отряды для связи с уральской армией и для очищения нижнего плеса Волги.

2. Ген. Сидорину правым крылом, до выхода войск ген. Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин—Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: Воронеж, Козлов, Рязань и Н. Оскол, Елец, Кашира.

3. Ген. Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орел, Тула. Для обеспечения с запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав—Брянск.

4. Ген. Добровольскому выйти на Днепр от Александровска до устья, имея в виду в дальнейшем занятие Херсона и Николаева...»

Старые корниловцы были построены на станции Глазунка. Генерал Май-Маевский вышел из вагона, едва не споткнувшись на ступеньке, поздоровался с Кутеповым, с войсками и прочитал деникинскую директиву. Громовое «ура» приветствовало начало похода на Москву.

— Доблестные корниловцы, сколько верст до Москвы? — вопрошал генерал.

— Четыреста.

— Четыреста двадцать.

— А сколько корниловских переходов?

— Двадцать!

— Восемнадцать!

— За восемнадцать — ура! — крикнул Май-Маевский.

Корниловцы поддерживали единогласно и громогласно.

В вагоне был дан небольшой завтрак для высших офицеров. Кутепов по обыкновению почти не пил, но делал это деликатно, незаметно. Командующий же, выпив несколько рюмок, если и не протрезвел, то перешел в какую-то другую стадию опьянения.

— Александр Павлович, — спросил он вдруг строго, — каким образом обеспечиваете войска фуражом? Чем кормите артиллерийских лошадей?

— Как обычно, реквизируем у крестьян. По законам военного времени.

— Квитанции выдаете?

— Они их не берут — боятся красных.

— Значит, просто отбираете и ждете, что русские крестьяне поддержат нашу армию?

Кутепов промолчал. Ему не нужна поддержка мужиков. Ему нужны верные корниловцы, готовые расстрелять хоть пол-России, если та половина будет против Белого дела.

— Ваше превосходительство, красные тоже объявили продразверстку и отбирают у мужиков все до последнего зернышка, — сказал Ермолин.

— Вот и решение! — и генерал поднял вверх указательный палец. — Они отбирают, и мужики против них. Если бы мы не отбирали — мужики были бы за нас.

— Но как же, ваше превосходительство, зерно, хлеб — без этого же армия не может существовать.

— А по закону, мой милый. По закону. Особое совещание сидит и сочиняет законы. Но их же армия не выполняет. Были решения по $\frac{1}{3}$ хлеба, $\frac{1}{2}$ трав, $\frac{1}{6}$ корнеплодов, закон о посевах на 19—20-е годы... Все осталось на бумаге. Я сказал Антону Ивановичу, что снимаю с себя ответственность за массовые беспорядки крестьян до тех пор, пока не будет введена земельная реформа. Но он слушает Врангеля. С крестьянством меньше считаться. Принимать меры, не показывать слабость власти. Все реформы можно производить лишь после взятия Москвы. Почему Врангель решает за всех? Почему Деникин его слушает? В результате...

И его рука потянулась к графину с водкой.

Сразу после отъезда командующего Кутепов собрал штабное совещание, без тени юмора заявил:

— Все, что говорил его превосходительство Владимир Зенонович, мы должны выполнять беспрекословно. Откройте оперативные карты. Подполковник Ермолин, уточните, пожалуйста, расстояние до Москвы от нашего переднего края. 420 верст, или 18 переходов?

— 605 километров, ваше превосходительство.

— Подполковник Ермолин рассчитал точно. При подготовке предложений к оперативному плану прошу руководствоваться его данными.

Некоторых посетителей Стефан Вацлавович принимал в Гранд-отеле, в комнате за гардеробом, откуда были выходы и в подвал, и в ресторан, и к черному ходу, ведущему в глухой переулок. Посетитель, одетый, как многие интеллигенты, разоренные Гражданской войной: потертый пиджак, брюки от другого пиджака, разбитые ботинки, оказался в этой комнате, лишь получив надежные уверения в безопасности, а до этого вел себя осторожно, звонил, присылал записки, неожиданно появлялся рядом в уличной толпе, в пивных.

— Где-то раньше виделись? — спросил Стефан.

— Допрашивал вас в Киеве, в 16-м, по делу о пропаже эшелона с обмундированием. Мало улик... — сказал посетитель, который был наголо обрит, как переболевший сыпным тифом, что подтверждала справка больницы.

— Улик было мало, а денег много, — засмеялся Стефан. — Что теперь?

— Еще месяц назад я был в контрразведке Добрармии. Но почувствовал слежку и ушел.

— Что вы принесли нам?

— Полный список деникинского высшего военного командования с военными и политическими характеристиками. Указано предполагаемое отношение каждого офицера к союзу с новой Польшей.

— А вы хотите союз? — с хитрой улыбкой спросил Стефан и добавил: — Мы сможем работать с вами, если вы передадите нам вашу тайную агентуру в Красной армии.

— Она разгромлена. Остались единицы.

— Давайте эти единицы. Они помогут и нам, и Кутепову. Давайте немедленно. Сейчас. И мы подписываем с вами соглашение. Вы получаете деньги. Много денег. Списки офицеров потом.

— Единственный надежный агент, с которым у меня доверительные отношения, действует как раз на этом направлении. Фамилия: Меженин, шифр: Литератор.

1919. АВГУСТ

Кутепов, произведенный за успешную Харьковскую операцию в чин генерал-лейтенанта, не забыл наградить своих. Соболев стал полковником, и теперь, если генерал был не на фронте, его день в штабе обычно начинался со встречи с Соболевым.

Веселое утреннее украинское солнце мешало серьезным разговорам, генерал опускал шторы на окне и спрашивал:

— Где новые сведения о красных?

Соболев виновато вздыхал, объяснял, что в сложных боевых условиях при беспорядочном отступлении противника невозможно составить истинную картину обстановки на фронте корпуса.

— Одни пленные говорят о подкреплении, прибывающих в XIII армию, другие — о том, что вся армия отводится в тыл на переформирование. Противник сам еще ничего не знает о себе. Вот и у нас сложности. Наши войсковые разведчики донесли данные о столкновении между двумя красными частями.

— Что за столкновение?

— Эшелон Украинской красной бригады был разгромлен проходившим через станцию полком XIII армии. Уничтожили секретные документы, порвали портреты революционных вождей, разоружили штабных и командиров, били их прикладами, провозгласив лозунг «Бей жидов и коммунистов».

— Гидра пожирает сама себя.

— В корпусе среди офицеров и в штабе армии ведутся всякие разговоры. Особенно после московской директи-

вы. Говорят о претензиях Врангеля. Он очень обижен, что главный удар на Москву поручен нашему корпусу. Когда мы взяли Харьков, он сразу предложил Деникину создать ударную группку для наступления на Москву под его, конечно, командованием. Антон Иванович не принял это предложение, и теперь Врангель везде заявляет, что наш корпус и вся Добрармия не встречают сопротивления «в своем победном шествии к Москве». А его армия, мол, истекает кровью в неравной борьбе, что его солдаты оборванные, босые, простоволосые и голодные, а наши обеспечены всем, одеты, обуты и сыты. О нас еще говорят, что мы без всяких причин прекратили наступление. Мне передали, что начальник штаба армии Ефимов говорил, что стратегия нашего корпуса его не вполне удовлетворяет. Он считает, что уже могли быть произведены операции с целью захвата ближайших узлов, например, Готни.

Кутепов задумался, почесал бородку.

— Они не понимают, — сказал он. — Не понимают, что идти вперед можно только при выполнении двух условий...

Его прервал резкий гудок зуммера — выходить на генеральский телефон разрешалось лишь в экстренных случаях. Кутепов взял трубку.

— Ваше превосходительство, докладывает капитан Ленченко. Срочное сообщение капитана Большакова из Томаровки. Со стороны дубового леса его атакует неожиданно появившийся Интернациональный полк — китайцы и латыши. Бой идет на подходах к женскому монастырю.

— Я же еще ночью разрешил ему отступить.

— Они отказываются отступать и защищают монастырь. Большаков только просит дать хотя бы небольшое подкрепление.

— Что ж. Командиру, отказывающемуся отступать, надо дать подкрепление. А у нас ведь, кроме инженерной роты, ничего нет?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Передайте начальнику штаба: срочно инженерную роту в Томаровку.

Кутепов положил трубку.

— Мне можно идти? — спросил Соболев.

— Подождите, полковник. Нам с вами надо что-то решить. Мы ничего не знаем о противнике — вдруг появляется Интернациональный полк — а они хотят, чтобы я наступал. Идти вперед можно только при выполнении двух условий: обеспеченный тыл и точные данные о противнике. Тыл я стараюсь укрепить. Приказ по корпусу № 100 сыграл свою роль: грабежи почти прекратились. Все поняли, что насилие и произвол будут караться по законам военного времени. С произвольными реквизициями тоже покончим. Никакие политические выступления против нашей армии не допускаются. Части корпуса пополнены, получено новое обмундирование и хороший запас продовольствия. Тыл есть. Но где сведения о противнике? Найдите среди наших офицеров человека, умеющего анализировать и сопоставлять имеющиеся данные. Шахматиста найдите. И пусть он занимается только уточнением положения красных частей и их планов. Дайте ему в распоряжение войсковые разведки полков и дивизий. Пусть дает им задания, получает сведения и думает. Чтобы я в любой момент знал обстановку на фронте корпуса.

Батарея вела огонь прямой наводкой шрапнелью по бойцам Интернационального полка, скопившимся и окопавшимся на опушке дубового леса. Погода испортилась, заморосил мелкий августовский дождик, над лесом появилась голубоватая мгла. Очередная атака интернационалистов была отбита, Дымников приказал привести в порядок огневые позиции и, набросив плащ, направился к женскому монастырю — всего шагов пятьсот от оружейных окопов.

В крытой сторожке за стеной монастыря майор Бондаренко и еще несколько офицеров пили из железных солдатских кружек сливки, которые принесла в большом кувшине старая монахиня. Налила и Дымникову, сказала: «Благослови вас Господь, защитников наших». Кроме этой монахини да еще двух-трех таких же старух, за все дни стоянки у монастыря не было больше видно ни одной монашенки. А сливки замечательные: густые, холодные.

Бондаренко посмотрел на часы, сказал:

— 40 минут прошло — сейчас китайцы опять полезут.

— Без пехоты мы их не разобьем, — задумчиво проговорил поручик Арефьев, — у них большой численный перевес. А подкрепления что-то не видно.

— А вот и оно, — сказал Дымников: он первым услышал, что в легкий шумок мелкого дождя, прерываемый редкими выстрелами, вмешалась неожиданная песня:

Марш вперед, Россия ждет
Инженеров роты.
Звук лихой зовет нас в бой.
Забывай заботы...

По лесной дороге в новеньких английских шинелях к монастырю подходили инженерные офицеры.

— Очкастые интеллигенты, — сказал кто-то.

— Р-разговорчики.

Появился капитан Большаков, приказал роту распустить на краткий отдых, вызвал к себе командира роты и командира батареи.

— Дождик, господин капитан, пойдете в сторожку.

Большаков посмотрел на небо, как на досадную помеху, сказал:

— От пуль не прячемся, а от дождя-то... Приказ такой. Немедленно атакуем. Я сам поведу роту. Перед этим дайте, майор, по интернационалистам 10 шрапнелей на орудие.

Огнем батареи Бондаренко поручил управлять Дымникову. Сложностей никаких — все пристреляно, однако надо выходить под пули.

От момента, когда Леонтий скомандовал: «Шрапнелью, прицел, трубка та же, 10 снарядов беглый огонь!» — до наступившей после боя тишины прошло, наверное, не более получаса. Вспыхнули в голубоватой мгле дождя зловец зеленые разрывы, зашевелилась на опушке леса черно-серая масса людей, выбирающихся из окопов, раздался крик капитана Большакова: «Вперед, за Великую Россию! Штыки к бою!» Штыковая атака. Несколько минут непонятной издали возни на опушке леса, и Дымников с другими офицерами уже шел туда, где все успокоилось, затихло, и только инженерные офицеры отдыхали, покуривая, прислонясь к деревьям или прогуливаясь. Заколотые штыка-

ми в разных позах лежали в мокрой траве. Возле наспех вырытых окопов — трупы погибших от артиллерийского огня. Окровавленные гимнастерки, разорванные шрапнелью, мертвые лица с кровавыми впадинами вместо глаз. Наиболее удачные попадания шрапнели обозначались кучкой трупов в черной, пропитанной кровью земле окопов. Предсмертно съживившиеся или, наоборот, вытянувшиеся лежали ничком, навзничь, на боку и маленькие сухощащие китайцы, и крепкие широкоплечие латыши.

Под ветвистым кустом — скрюченный труп китайца. Руки прижаты к кровавому месиву на животе и груди, азиатские глаза широко неподвижно раскрыты, а по эмали мертвого белка уже ползают муравьи. Возле трупа — инженер с погонами поручика.

— Нет, я не инженер, — сказал он, — я историк. Это я его так. Штыком. Два раза. Я никогда не был на войне. Никогда не убивал, и вот... Штыковая атака. Он сам кинулся на меня с такой же винтовкой, с таким же штыком. Просто не понимаю, как я мог...

Мимо проходили офицеры, среди них Арефьев. Услышал сетования поручика и сказал:

— Привыкнете, господин инженер. Еще и понравится.

— Смешно сейчас говорить, но я очень люблю военную историю. Жомини, Клаузевиц³⁶... Я преподаю историю. Яскевич Виктор Антонович...

— Войны были всегда, — сказал Дымников, представившись, — и всегда мужчинам приходилось это делать.

Леонтий говорил это не столько Яскевичу, сколько себе: никак не мог примириться с тем, что так нелепо проходит жизнь в убийствах и в ожидании смерти в любую минуту. Пытался искать объяснения, но все они были неубедительны. Оставалось одно — жить.

Когда перед самым закатом солнце пробилось через редкие верхушки леса и серебром засверкали капли дождя на зелени, Дымников почистился, причесался и направился к черному входу в монастырь — тут по вечерам собирались местные жители по разным делам. Война войной, а скотину надо кормить, надо траву косить, молоко продавать или менять на какой-то товар, да и со своими надо повидаться. В одной деревне белые, в другой — красные, а между де-

ревнями в поле общий покос. Правда, косари, в основном, старики и женщины. И у монастыря собирались бабы или в возрасте, или прячущие свои молодые глаза.

Мать Евдокия, угощавшая офицеров сливками, стояла с какой-то усталой, морщинистой крестьянкой, но рядом — из-под светлого платочка глаза — такие черные, жгучие...

— А ты, милая, откуда? — спросил ее Дымников.

Та — лицо в платок, а ответила спутница:

— Ну, из Павловки мы. Это моя невестка. Принесли вот картохи в монастырь.

— А в Павловке-то красные. Шпионить пришли?

— Не пугайте их, господин офицер. Какие они шпионы? Они не знают, кто белые, кто красные.

— Все я понимаю, матушка. Даже помогу твоим знакомым к Павловке пройти через наши посты.

— Нет уж, мы сами, — воспротивилась было старуха.

— А пускай он Катю проводит, — сказала вдруг мать Евдокия, — а то, знаешь, пристанут солдаты.

Леонтий шел с Катей по лесной тропинке. Здесь их холодными брызгами обдавал кустарник, и начиналась внизу под ногами ночь, поднималась вдоль стволов к далеким вершинам.

— Муж-то за кого воюет?

— А ктой знает. Может, за ваших, а может, за тех. Еще какой-то Махно мужиков собирает.

— Красивая ты, Катя. Любить тебя надо, а не воевать.

— Вот и некому любить-то — все воюют.

— А я? Так тебя расцелую, заласкаю...

— Ой, дак нет. Вы домой, и я домой.

— А если вот так я тебя...

— Дак разве ж можно в лесу?

— Можно, Катенька... Это везде можно...

А мать Евдокия тем временем объясняла Катиной свекрови:

— Пускай гуляют — мне с тобой большой разговор приказали вести. Хромой приказал: надо срочно прислать большую книгу. Чтобы там все. Поняла? Мужикам своим скажи: его кличут Игорь — Литератор. Вот так. Искать его при том же штабе. Наверное, в Курске. И еще хромой сказал, чтобы мужики его припугнули, а то он вертлявый

мужчина. Пусть ему скажут, что у хромого руки и там и здесь. От него ему не уйти. Нехай старается.

Поручика Яскевича вызвали в штаб корпуса к полковнику Соболю. Тот долго с ним беседовал, а затем вдруг пошел к самому Кутепову.

Тот с недоброй иронией разглядывал не то удивленного, не то испуганного поручика. Спросил резко:

— Вы помогли составлять разведводку 3-й дивизии?

— Да... Так точно. Мне дали донесения и приказали.

— Там у вас пример из Русско-японской войны. Не умели тогда анализировать обстановку.

— По тем данным, которые имелись в штабе Куропаткина³⁷, легко было предвидеть удар 16 мая на Вафангоу, потому что...

— Университет?

— Так точно. Петербургский.

— Студент? Либерал? На демонстрации ходил?

— Когда все ходили...

— Итак, поручик, за свое участие в беспорядках, разрушивших Российскую империю, вы заслужили расстрел. Однако расстрелять вас я всегда успею.

Ни в лице, ни в голосе генерала не было ни тени шутки. Скорее нечто злорадно ироническое.

— Но, ваше превосходительство, я же... это было еще...

— Помолчите, поручик, — посоветовал ему Соболев.

— Мы дадим вам возможность искупить свою вину, — сказал генерал. — Полковник Соболев, покажите поручику карту обстановки на фронте.

— Но там же много неточностей, условностей, ваше превосходительство.

— Вот пусть и разберется.

— Я не знаю, — робко начал Яскевич, — по-моему, XIII армия не так опасно расположена, как указано здесь, и атака интернационалистов на монастырь, судя по всему, имела демонстративный характер.

— Та-ак, — с одобрительным удивлением согласился генерал. — А что же мне ждать от них, как командиру корпуса?

— Приходится лишь догадываться, ваше превосходительство, но, по-видимому, они намечают контрудар XIII армией на Белгород—Волчанск. Это видно...

— Да, из карты это видно, — согласился Кутепов, — но где разведанные? Где план красного командования? Тем более, что там сейчас командует бывший наш сослуживец, генерал Селивачев, а он дело знает. Итак, приказываю: по первому требованию представлять поручику Яскевичу все имеющиеся в штабе разведанные. Вся войсковая разведка: дивизионная, полковая, батальонная — работает на него. Я дважды в день, утром и вечером, подхожу к вашей карте, и вы мне докладываете положение вверенных вам красных войск.

Теперь день командира корпуса начинался и заканчивался встречей с Яскевичем.

— Как вверенные вам красные войска? — спрашивал сначала Кутепов, а в заключение говорил: — Смотрите, повешу вас, если вы напутали.

Сильный ветер с дождем гнал мусор по вокзальной площади в Курске, однако алчущие хлеба, спирта или чего-нибудь пострашнее и не думали прятаться от непогоды. Меженин пробирался сквозь эту толпу, осторожно оглядываясь, — свидетели были не нужны. Нанюхавшись кокаина подростки с безумными глазами и нечленораздельной речью, наколовшиеся морфием его не интересовали, он не откликался на призывы «кока чистая 100 рублей», «марафет: ампула — сотня, прямо из госпиталя»...

Наконец нашел того, кто ему был нужен: прислонившись к вокзальной стене, сидел веселый, хитро улыбающийся восточный человек.

— Что надо красному солдату? — спросил этот человек. — Я знаю, что надо. Красному солдату гашиш надо.

— Тихо ты. Табак мне надо крепкий с этим. Понял?

— Ну, да, чтобы спать хорошо.

— Чтобы заснул сразу очень крепко часа на два.

— Вот такой мешочка 300 рублей. Дешевле нигде не найдешь.

Меженин осмотрелся. Люди на него не смотрят. Наверное, смотрят на плакат «Все на борьбу с Деникиным».

Со своим приобретением Игорь направился в штабную столовую. По дороге попробовал хитрый табачок — сразу бьет по мозгам, но и махорка тоже попадаете страшно

красная. Дождь в столовой Юркина. Тот последние дни был угрюмый, забывчивый, рассеянный — подтвердилась известия о гибели Лизы; часто повторял: «Ото-...».

— План контрнаступления готов, — начал он, — после обеда разошлют. Мне дадут на два часа. Потом поеду в часть, в Новый Оскол, разъяснять солдатам.

Когда съели суп из селедки и пшеничную кашу, Меженин решил угостить Юркина специальным табаком.

— Такой забористый, — откомендовал он, — сам курю его третий день. Мозги хорошо прочищает.

Воле занимаемой ими комнатки Юркина уже ждал строгий курьер штаба с пакетами и с книгой регистрации документов.

— Товарищу Юркину для ознакомления, — сказал он. — Ровно на два часа.

— Ты, Игорь, извини.

— Я все понимаю. Я здесь покурю за дверью. Буду тебя охранять.

Минут через десять Юркин спал, сидя за столом, уронив голову рядом с небольшой пачкой машинописных прозрачных страниц.

Теперь закрыться и понадеяться на память, карандаш, бумагу...

Следующее утро в штабе корпуса началось как обычно, с той лишь разницей, что, когда Кутепов вошел в комнату Яскевича, там уже был полковник Соболев. По обыкновению генерал спросил:

— Как вверенные вам красные войска, поручик?

— Ваше превосходительство... — заволновался Яскевич. — Есть данные. Господин полковник знает.

— Я хочу, чтобы сначала вы мне доложили.

Поручик освободил от карандашей, лупы, каких-то бумажек приколотую к столу карту и положил рядом с ней небольшую пачку тонких машинописных листов.

— Это расшифрованное разведдонесение о плане операции красных.

— Чьи данные? Какой разведки?

— Нашей, корпусной, ваше превосходительство.

— Поздравляю, полковник. Докладывайте, поручик.

— Операцией поручено руководить помощнику командующего Южным фронтом бывшему генералу Селивачеву. В его распоряжении 33 полка XIII, XIV и VIII армий. Всего 150 тысяч штыков, 23 тысячи сабель, 719 орудий, 3197 пулеметов. Эта группа наступает на наш правый фланг с целью захватить район Короча—Белгород—Волчанск—Купянск. Это их главный удар.

— Не могу не напомнить вам, ваше превосходительство, как точно вы предугадали это направление, — сказал Сობоль.

— Ваше превосходительство, — подхватил Яскевич. — Вы именно этот план контрнаступления красных и предвидели.

— Нетрудно было догадаться, — сказал Кутепов, как о чем-то само собою разумеющемся, — докладывайте дальше.

— В центре, в направлении Сажное—Белгород атакуют части так называемого «крепостного района»: примерно 12 неполных полков в сопровождении трех-четырёх бронепоездов. На наш левый фланг планируется наступление XIII и XIV армий. Основное направление — Готня. Особую надежду красные возлагают на 7-ю дивизию, прибывшую с колчаковского фронта. Дивизия хорошо укомплектована, каждый полк — 1200 штыков, моральный дух высокий. С 13 августа 7-я дивизия поступает в подчинение командующему XIII армией. Ее задача: развитие успеха. Южнее Готни во фланг и тыл корпуса наступают шесть полков группы Пархоменко, два полка конной бригады Гусева и еще восемь отдельных полков с двумя-тремя бронепоездами.

— 80 полков и пять-семь бронепоездов должны окружить и раздавить наш корпус, — констатировал Кутепов. — Известна дата начала наступления?

— 16 августа, — доложил Сობоль.

— Мы начнем раньше, — сказал Кутепов. — Сейчас свяжусь со штабом армии, а через час — оперативное совещание. Размножьте разведанные для офицеров. Туркула и других офицеров, отпущенных в Харьков, не вызывать. Они приедут завтра. Никакой тревоги. Штаб работает в обычном режиме. Все передвижения войск — только ночью.

Со штабом армии связываться не было смысла. Офицеры Дроздовского полка во главе с полковником Туркулом

являлись в Гранд-отеле обед в честь командующего Добровольческой армии генерал-лейтенанта Май-Маевского. Здесь присутствовали чуть ли не все офицеры штаба во главе с начальником. У того имелись некоторые отрывочные сведения о готовящемся контрнаступлении красных, и он пытался доложить об этом генералу, но тот был в соответствующем состоянии.

— Оставьте, генерал, — говорил Май-Маевский. — На фронте все благополучно. Если на таком чудесном обеде мы будем говорить о наших делах, я, как советует великий Диккенс, заставлю камни с Соборной площади восстать против вас.

Главным организатором обеда был капитан Макаров, которому пьяный разгул требовался для решения двух срочных вопросов: во-первых, неожиданно появился его старший брат, застрявший в младших унтер-офицерах, а во-вторых, Кубань брала по высшей цене эшелон спирта. Если б цистерну или пару бочек, Макаров сам бы подписался за генерала, но эшелон...

Первый вопрос решился положительно еще в момент сборов генерала на обед. Он советовался с Макаровым, что предпочесть: мундир или легкий френч, когда капитан общил:

— Ваше превосходительство, ко мне приехал мой брат Владимир. Революция помешала ему закончить военное училище, он так и остался младшим унтер-офицером из вольноопределяющихся. Разрешите зачислить его на службу в конвой или охранную роту.

— Чудак вы этакий, — добродушно усмехнулся генерал. — Скажите дежурному генералу, чтобы его зачислили в мои ординарцы. Где ваш брат? Позовите его.

Макаров поблагодарил генерала, пригласил брата.

Генерал подал Владимиру руку, пригласил сесть, расспрашивал, отчего он до сих пор не офицер. Хорошо подготовленный младшим братом Владимир рассказал несколько историй о своих похождениях, и вопрос был решен.

— Вы с сегодняшнего дня зачисляетесь моим личным ординарцем, — сказал генерал. — Приступайте к исполнению своих обязанностей. Начнем с того, что вы будете сопровождать меня на обед в Гранд-отель.

Документ на эшелон спирта генерал подписал уже за столом под разговор о Диккенсе.

Цели Дроздовский марш:

Из Румынии походом
Шел Дроздовский славный полк,
Для спасения народа
Нес геройский, трудный долг.
.....
Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал,
И с трехцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал.

Цели не очень дружно, без особенного чувства — жара. В распахнутые окна проникала не прохлада, а раскаленный воздух. Генерал свалился одним из первых. Макаров с братом погрузили его в машину и отвезли домой — к Жмудским таким нельзя.

Начальник штаба Ефимов ночью получил от Кутепова шифровку о том, что он утром 13 августа, то есть уже сегодня, начинает операцию. Май-Маевского удалось разбудить лишь днем, когда войска 1-го корпуса наступали.

Яскевича направили в 3-ю дивизию уточнить на месте разведанные. На автомобиле довели Яскевича до штаба, где он застал проходящую вперед за наступающей пехотой батарею и узнал капитана Дымникова. Тот убедил командира батареи, чтобы он дал поручику лошадь и взял его с собой, дабы тому не завязнуть в пехотных цепях. Шли через прохладный, еще не прогретый солнцем дубовый лес, лишь далекие верхушки радостно сверкали.

Догнали вооруженных новыми английскими пушками марковцев, которые цели:

Марш вперед... Труба зовет!
Марковцы ляжте!
Впереди победа ждет!
Да здравствует Россия!
Ты не плачь, не горюй,
Моя дорогая,

Коль убьют, так не жалея,
Знать — судьба такая...

— Победа?! — полувопросительно сказал Дымников.

Яскевич робко высказал сомнения в правильности начатой операции: справа в тылу наступающих остались главные силы красных под руководством генерала Селивачева. Это грозит окружением, отрывом от главных сил, от Харькова.

— Кто планировал? — спросил Дымников. — Штаб армии? Май-Маевский и Ефимов?

— Нет. Там у них... — замылся Яскевич.

— Там у них пир горой не прекращается, — уточнил Дымников. — У командующего вообще запой. Где уж тут операцию планировать. Значит, это кутеповское военное искусство. Не первый раз участвую и сомневаюсь. Решения вроде бездарные, а иногда все получается. Везет, что ли?

Выехали из леса на большую поляну. Впереди — село, некоторые избы догорают, испуская из черноугольных стен красное, едва заметное на солнце пламя. С поляны еще не были убраны трупы. Пленные, человек 50, сидели в стороне под охраной.

— Мне нужен хороший пленный, — сказал Яскевич. — Чтобы говорил и все знал. Какой-нибудь командир.

— Командиры — вон те, уже на травке лежат.

Конвой нашел солдата, добровольно сдавшегося в плен, желающего сражаться за «Единую неделимую» и бойко разговаривающего. Майор Бондаренко разрешил капитану остаться с поручиком. «Лошадь приведешь, — наказал он, — 15 минут, и без разговорчиков. Слышите, артиллерия уже близко бьет!»

Солдат оказался из породы услужливых приказчиков, обычно выбивающихся в купцы.

— Все как есть доложу, ваши благородия, — говорил он твердо, без заискивания, глядя в глаза и тому и другому. — Все знаю, все присмотрел. Из Сумов нас привезли на платформы, чтобы через три дня наступать. А нынче, как ваши начали, так вся наша Четырнадцатая армия побегла обратно.

— А Девятая дивизия здесь стояла? — спросил Яскевич.

— Так точно. Стояла, но обратно в Обоянь на поездах побегла. Я мог бы и с теми, и с этими, но я желаю сражаться...

— Ладно, мы скажем конвойному унтеру, чтобы тебя определил с нашими.

Лошади спокойно щипали траву, войска шли по дороге туда, где все сильнее гремела артиллерия. Дымников достал флягу, огурцы, конфеты в затейливых обертках.

— Не слабее нашей водки, — сказал он, протягивая флягу товарищу. — Сделано во Франции.

— С утра? — ужаснулся Яскевич.

— Вы еще не понимаете, что именно с утра, до всего, до любого дела, до любой мысли надо сделать мир ярким и приветливым.

Выпили, закусили, и Яскевич начал рассуждать о ходе наступления.

— Вот видите, Виктор Антонович, вы уже ярко мыслите.

— Не ярко здесь, а сомнительно. На фланге и сзади огромные массы красных войск, но при этом левый фланг открыл себе совершенно не защищенный красными путь на Курск. Война — не шахматы. Падение Курска ликвидирует все оперативные преимущества красных. Еще читая Жюмини, я думал об этих абсурдных ситуациях.

— Утощайтесь конфетами. Тоже из Парижа.

— Спасибо, но если красные ударят сейчас на Волчанск—Белгород, я не знаю, как будет Кутепов выходить из положения. Там же Харьков... чудесный город. Знаете, Леонтий Андреевич, я недавно был там в ресторане Гранд-отель со своей знакомой барышней, и там, за одним из ближайших столиков увидел даму несравненной красоты. Золотистые локоны до плеч, милое, умное лицо, а глаза серебряно-голубые. Я никогда не видел таких красивых женщин. Сидела с каким-то обыкновенным мужчиной. Вы не поверите, но она взглянула на меня и улыбнулась.

13 августа вечером, в самый сладкий час гуляний в Харьковских садах, исходящих ароматом роз, вышел специальный выпуск «День за днем», где торжественным шрифтом объявлялось о величайшей победе Добровольчес-

кой армии, о том, что взяты Готня и Ворожба, открыт путь на Курск.

Стефан и Крайская отправили с Холодной горы очередной эшелон с товаром, получили деньги в фунтах стерлингов, спокойно за ужином обсуждали газетные сообщения.

«Артиллеристы майора Бондаренко метким огнем поразили бронепоезд противника «Третий Интернационал»...»

— Это ж наша батарея, — расчувствовалась Марыся. — Там же мой Леончик. Дай Бог ему счастья остаться живым и здоровым.

— Если Суворин не врет и наши возьмут Курск, Начальник скажет слово. Какой бы ни был великий полководец Деникин, какой бы храбрый ни был Кутепов, далеко они не дойдут. Их войска состоят из пленных красных, а на этих, как они их называют, первопроходцах, до Москвы не дойдешь. Недавно был июльский Пленум ЦК РКП, и там Вацетис требовал прекратить борьбу с Колчаком и все войска бросить на нас. Ленин выступил категорически против. Вацетис сняли. Значит, Ленин не боится этих кутеповских вылазок и у него достаточно сил, чтобы подождать, а потом разбить Деникина. А если так, то Начальник должен сказать свое слово. 100 тысяч штыков польских легионеров решат все.

— За это мы мало не возьмем, — сказала Марыся с победоносной улыбкой. — Речь Посполитая до Днепра. И Киев наш.

— Об этом придется говорить с Деникиным.

Домой приехали, когда уже светало.

— Ну, я на свой второй, — сказала Марыся.

— Зачем тебе туда одной, — и Стефан осторожно обнял ее за плечи.

— Но ты, холоп. Знай свое место. Меня лично Начальник знает.

Она оттолкнула его и побежала по лестнице к себе.

— Так я ж пошутил. Не прими во зло. Завтра отдохай целый день. Дел нет. Может, твой капитан приедет после победы.

— А вот и приедет.

На следующий день 14-го она проснулась поздно, подошла к окну, и первое, что она увидела — это знакомый легковой автомобиль Жмудских — длинный, серый, с огромным радиатором. Вместо пассажиров — чемоданы и ящики. Даже рядом с шофером ящик. Автомобиль направлялся к вокзалу. За ним туда же тащилась повозка с кладью. На тротуарах прохожие, некоторые с грузом, тоже тянутся в сторону вокзала.

Она звонила Стефану, в Гранд-отель, на склады — или никого нет, или ничего не знают. Собралась и сама побежала в Гранд-отель, в штаб армии. С огромным трудом добилась, чтобы ее допустили к адъютанту командующего. Капитан Макаров был весь в звонках и срочных бумагах.

— Это зашифровать и телеграфить Кутепову, — приказывал он одному офицеру, — этот пакет лично в руки Шкуро. Аллор «три креста». Бери штабной автомобиль, лошадей и исчезай, — говорил другому и при этом сердито смотрел на Марысю.

Наконец нашлась для нее минута.

— Что случилось?

— Кутеповская стратегия. Говорят, ротой хорошо командовал. Вот и не лез бы дальше. На Москву нацелился, а здесь, в тылу, оставил чуть не десятитысячную армию красных. Уже взяли Волчанск, Купянск, подошли к Белгороду. От Харькова уж в сорока верстах...

К ним приблизился аккуратный унтер-офицер, и Павел сказал:

— Знакомьтесь, Мария Конрадовна, это мой старший брат, Владимир.

— Пани Крайская, — представилась Марыся и спросила: — Вместе будем от красных спасаться?

— Должны отбиться, — не очень уверенно ответил капитан Макаров. — Шкуро уже вышел на боевые позиции. А так, милая пани, война есть война. Ценности компактно, документы — не придерешься, от своих не отставать.

— А Леонтий?

— А Леонтий нас защищает.

— Но если отступать, возьмете меня?

Раздался звонок, резкий, как выстрел, и вспыхнула красная лампочка.

— Генерал, — прошептал Макаров и, сделав знак, чтобы вели себя тихо, взял трубку.

— Слушаю, Ваше превосходительство. Немедленно прикажу. Через пять минут будет у входа.

Схватил трубку другого телефона.

— Гараж! Буркина! Тогда любого генеральского шофера. Лебедев! Чтобы через три минуты машина генерала стояла у парадного входа!

— Володя! Собери охрану, — сказал он, положив трубку брату. — Чтобы через минуту все стояли у входа. Владимир Земонович в открытом автомобиле выезжает на прогулку по Харькову. А вы говорите — отступать.

Несмотря на демонстративную прогулку командующего, все оставалось тревожно неясным. Поздно вечером Марыся оделась попроще, нашла знакомого извозчика и поехала в Садовый переулок. В тех краях ее и увидел случайно Лео.

По договоренности в переулке всегда должен был бродить, гулять, сидеть на лавочке с гармошкой, в общем, существовать один из тех, о ком никто не знает.

— Кого ищешь, бабонька? — спросил Марысю некто в гимнастерке, сапогах и папахе — будто уже знакомы, тот же, что и всегда, так были похожи эти люди одеждой и незаметными лицами.

— Да мне бы к рынку.

— А чего ночью на рынке?

— Тетка там рядом живет больная, а я из Лозовой приехала...

— Да знаю я тебя — с самим Веселым видел. Сядем на скамеечку пожмемся, а то ночь прохладная.

Сели. Конечно, облапил — здесь все приходилось терпеть.

— Ваши наступают, — сказала Марыся. — Возьмут город?

— Наши наступают, вот и я наступаю. Не бойсь — я так, поиграть. Руки замерзли — погреть надо.

— Что он говорит?

— Веселый? Говорит, навряд возьмут — Кутепов, сволочь, старается.

— Но если возьмут, меня же здесь все знают.

— Если с теми не успеешь уйти, тогда беги сюда. Только без хвостов.

Утром 14 августа в полевом штабе на станции Ржава Кутепов, прочитав донесение о наступлении красных на фланг и тыл, вышел на наблюдательный пункт на высоте за станцией. Вокруг свита — штабисты, артиллеристы. Майор Бондаренко взял с собой Дымникова, и тот стоял в сторонке, едва не засыпал. Замаскировались здесь хорошо, и прицельных выстрелов красных не было. Солнце поднялось сзади, и офицеры смело смотрели в бинокли, не боясь демаскирующих «зайчиков».

— Что за деревня перед окопами красных? Кем занята?

— Колбасовка. Пока нейтральная, — доложил командир корниловцев, молодой изящный полковник Скоблин, который напоминал Дымникову Лермонтова.

— Немедленно захватить. Занять оборону по северной окраине, вести беспощадный огонь и периодически атаковать. Только один ваш полк, Николай Владимирович, остается здесь, лицом к Москве. Дивизия поворачивается кругом и бьет Селивачева. Ермолин, готовьте приказ. В течение дня разгромить части красной VIII армии, действующие на линии Короча—Белгород. Вам, Скоблин, передается бронепоезд «Слава офицера» и артиллерия: марковская батарея, майор Бондаренко. Скоро все мы пойдем туда, — Кутепов показал на север, туда, где Курск, Орел, Москва. — А сейчас еду бить Селивачева.

Дымников увидел на лице Кутепова прежнюю злобно-злую гримасу, а генерал, заметив старого знакомого, обратился к нему:

— Капитан Дымников, что-то вы опять стали похожи на Дантеса. Стреляйте не в Пушкина, в красных. Против вас бывший русский генерал Геккер³⁸. Почти Геккерн. Бейте его.

Скоблин приказал занять оборону и окопаться у села Колбасовка. Начались почти ежедневные и почти безрезультативные бои. Уже на рассвете все деревенские собаки убежали куда-то в степь — знали, что вскоре начнется пальба. Артиллерия красных била с закрытых позиций и гранатами, и шрапнелью. Бондаренко командовал: «Батарея

к бою!», иногда менял позиции. Горели избы, кричали раненые, но главный бой шел на станции Ржава. Там гремели шестидюймовки красных бронепоездов, расстреливающих «Славу офицера».

Командиры юнкерских батарей придумали план уничтожения красного бронепоезда «Третий Интернационал»: ночь, поставить орудия в кустах вплотную к полотну, а затем расстрелять бронепоезд в упор. Батарею Бондаренко тоже назначили в эту ночную вылазку.

Дымников помнил, что во время последней встречи с Марысей она сказала: «Сделай все, чтобы уйти с фронта в штаб. Лучше в Таганрог к Деникину. Здесь же война, убивают каждый день. Леончик, ты должен жить».

Приказав солдатам обмотать колеса соломой, он, когда стемнело, повел первое орудие батареи к полотну в кустарник. Ночь, конечно, спутала ориентиры, но хорошая топографическая память Леонтия не подвела, благополучно миновали яму и сумели хорошо замаскироваться. Капитан привалился к передку, накрылся английской шинелью и, приказав унтеру разбудить его на рассвете, закрыл глаза. «Здесь, милая, — подумал Дымников, — меня не убьют, а ты расскажешь мне, с кем встречаешься в Харькове».

И его здесь не убили. Проснулся он на рассвете, стояла мирная тишина, наполненная щебетанием птиц. Бронепоезд «Третий Интернационал» появился, но, не дойдя километра 2 до своего обычного места, дал один выстрел в сторону белых (причем, снаряд не разорвался) и ушел обратно на станцию Солнцево. Операция не удалась.

Марыся говорила: «Подольстись к Кутепову. Он падох на это. Пусть переведет тебя в Таганрог». Однако льстить по плану Дымников не умел. Помогло, что генерал сам приехал после тяжелого боя.

Из Харькова на тракторах «Лонг Том» привезли батарею английских дальнобойных пушек. Шестидюймовки били по Солнцево, но вреда вражеским бронепоездам не приносили. Да и обслуживали их какие-то тыловики. Однажды ночью в безлунной и беззвездной тени вспыхнули злобно яркие гремящие огни артиллерии красных бронепоездов. Она наносила удары по станции Ржава и английской батарее. Та молчала — видно, неопытный расчет разбежался.

«Батарея, к бою! Передки на батарею! По местам! Пороудийно за мной ша-агом ма-а-арш!» Еще ездовые не проснулись в седлах, а лошади, услышав команду, пошли. Рысью выехали на позицию, и Бондаренко уже командовал: «Прямой наводкой, прицел 20, первому — по правому броневагону, второму — по второму справа... гранатой, до команды «стой» беглый огонь!»

Шестидюймовые пушки бронепоезда сразу начали отвечать, недолго бы оставалось жить и батареям и капитану Дымникову, но между линией железной дороги и огневыми позициями батарей был небольшой, меньше метра гребень, и морские скорострелки бронепоездов с их большой начальной скоростью и настильностью не могли поразить юнкерские батареи и батарею Бондаренко. Снаряды бронепоездов или попадали в гребень и рвались со страшным грохотом, или перелетали через головы и рвались далеко сзади. Гранаты тем временем одна за одной сыпались на бронев вагоны. Дымников подошел к наводчику первого орудия, отстранив его, сказал: «Дай я выпущу снаряд». Его граната врезалась именно туда, куда он хотел, — давно присмотрел командную платформу с людьми, сверкающими стеклами биноклей. На этом бой и закончился. Паровозы задымили, огонь прекратился, бронепоезда ушли на Солнцево.

К вечеру приехал Кутепов. Поздравляя солдат и офицеров и, разумеется, Дымникова. Тот нашел возможность вставить в разговор восхищенные оценки операций Кутепова по взятию Харькова и разгрому группы красных войск Селивачева.

— Наши офицеры, — говорил Леонтий, — считают, что это лучшие операции Добрармии 19-го года. Они войдут в военную историю. Я горжусь, что участвовал в этих боях.

Потом был скромный ужин в уцелевшей избе Колбасовки, и Дымников решил на разговор с Кутеповым.

— Ваше превосходительство, вы, по-видимому, знаете, что у меня в Харькове есть гражданская жена, но я не могу с ней обвенчаться: католичка.

— А мне повезло, — усмехнулся генерал. — Моя, хоть и латышка, а православная. Что же будем делать?

— Буду уговаривать. Но она работает на наших складах, и сейчас ее переводят в Таганрог. Далеко ездить с фронта.

— Понял. Откомандирую. Ленченко! Свяжись с Романовским — нужна у него вакансия для боевого офицера капитана Дымникова. Завтра доложи.

Провожали генерала до станции. Ночь наступала прохладная. Кутепов сел в вагон.

— После такой блестящей победы над большевистскими бронепоездами я могу ехать спокойно, — сказал он и вдруг заметил какую-то темную фигуру, прячущуюся в развалинах станционного здания. — Взять! Допросить! Кто такая?

Женщина в темной одежде и в темном платочке держала в руках какие-то мешочки. Ее быстро обыскали: документов нет, в мешочках — остатки творога.

— Без документов — шпионка, — сказал Кутепов. — Все успела высмотреть. Немедленно расстрелять.

— Да я... да ваше благородие... да творожок продаю...

Дымников сразу узнал ее, мог не вмешиваться, но не всегда можно оставаться благоразумным:

— Ваше превосходительство, я эту женщину знаю, — сказал он. — Катерина из деревни Павловки, из которой женский монастырь в Томаровке обеспечивали продуктами, а теперь она сюда ездит. Екатерина Прохорова — честная женщина. Муж воюет где-то в наших частях...

Кутепов махнул рукой и молча вошел в вагон.

Лежать бы тебе, Катенька, в луже крови... С этой картиной Леонтий не мог смириться.

1919. СЕНТЯБРЬ

Собрались в тайной комнате на складе в Холодной горе. Чтобы избавиться от Паши Макарова и его слежки, ему обещали полуторную долю. Глухие забеленные стены, глухие запертые двери, одна неяркая лампа, но Стефан, сидевший во главе стола, вроде бы светился изнутри.

— Дорогие панове и господа, товарищей вроде нет среди нас, — говорил он, расплываясь в улыбке, — настал наш час послужить Великой Речи Посполитой. Начальник Го-

сударства ясновельможный пан Пилсудский решил начать переговоры с Деникинской армией о совместном наступлении на Москву.

— Позвольте два уточнения, пан Стефан, — перебил его тайный курьер из Варшавы Марек, очень серьезный, патристически и религиозно настроенный. — *Judica me Deus*³⁹, но, во-первых, окончательное решение будет принято лишь только после взятия Курска, а во-вторых, польская делегация готова к переговорам не с деникинской армией, а с вооруженными силами Юга России.

— Ученый мальчик, но педант, — пробормотал Дымников.

— Вы хотите что-то сказать, Леонтий Андреевич? — спросил Стефан, сидевший напротив капитана.

— Я хочу сказать, что дорога на Курск открыта. Красные сдадут его без боя, — ответил Дымников, который все взоры направлял на Марысю, сидящую во всем блеске аристократически дипломатического наряда — японский красный шелк и белоснежный французский шифон.

— Вот тогда в Таганрог и приедет наша делегация, — сказал Марек. — А теперь надо точно знать позиции всех крупных военачальников и советников Деникина по вопросам, касающимся границ Речи Посполитой. До Днепра и Киев наш!

Стефан и Марыся захлопали в ладоши. Дымников и Рыжицкий скептически улыбались.

— Мы занимаемся позицией военных, — сказал Рыжицкий.

— Как с Кутеповым, — съязвил Стефан.

— Но мы же...

— Не спорьте, панове, — вдруг вступила Марыся, — лично Кутеповым будет заниматься капитан Дымников, которому мы все доверяем.

— Кутепов это... это... — не находил слов Марек. — Его корпус нацелен на Москву. С ним хорошо надо заниматься, господин капитан.

— Еще Романовский, Юзефович, Туркул, Штейфон, Врангель, — напомнил Рыжицкий.

— Юзефович — поляк, — отмахнулся Марек. — Врангель — понимающий генерал. У многих есть слабые места. Используйте их, господа. Валюта у нас есть.

— Май-Маевский, — вставил свое слово Рыжицкий.

— Вот и Май-Маевский, — согласился Марек. — А сейчас надо готовиться к совещанию. Тексты выступлений Деникина и представителя Речи Посполитой готовы. Разумеется, предварительные. По личному распоряжению Начальника я передаю их пани Крайской. Он просит ее быть особым его личным секретарем и переводчиком. Тексты изучить, подумать, что надо убрать, что добавить. Помимо вас, разумеется, работают другие люди. Все вы, кроме, конечно, русских офицеров, получите в Таганроге паспорта Речи Посполитой и станете полноправными польскими гражданами. Споем:

Марш, марш, Домбровский,
Веди в край наш польский...

После тайного совещания машины были в разгоне, и Дымников с Марысей взяли извозчика. Харьковский сентябрь — еще лето. У вокзала на площади толпа торгующих, пьющих, закусывающих, спорящих.

— Как жаль, что тебе приходится уезжать, — сказала Марыся, но Леонтий почувствовал в этом «жаль» — «не очень жаль».

— Могу по телефону уговорить дежурного и остаться на ночь. Таганрогский есть еще рано утром.

— Стоит ли? На днях я совсем туда приеду. А сегодня... Ты же знаешь, я должна быть в той группе, в которой ты меня, помнишь, поймал.

— Отложить нельзя?

— Никак не можно. У нас все так запутано. Вокруг Начальника несколько групп советников. Нельзя, чтобы Стефан знал о моих связях с той группой. Они готовы перебить друг друга. Те хотят союза, — она покосилась на извозчика и зашептала, — не с Деникиным, а с Лениным. Вот я и должна их предупредить.

Проводив Таганрогский поезд, Марыся накинула легкий плащ, укрыв свой неуместный блеск.

Свидание Яскевича с Лидой было назначено у кассы первого класса. Лида оказалась не одна — рядом с ней сияла красотой и ласково улыбалась Викторю та самая пани

Крайская, поразившая его в ресторане. Лида познакомила их, сказала, что у нее срочное дело, и исчезла.

— И цветы, и яблоки теперь мои, — сказала Марыся. — Вам легче, чем Парису — не надо выбирать.

— О! Если бы все богини собрались здесь, я выбрал бы только вас.

— Спасибо, Виктор. Я это почувствовала, когда вы смотрели на меня в ресторане.

— Мы и сейчас можем пойти...

— Нет, нет. Лида любезно оставила мне ключи.

В квартире все было приготовлено для любви — даже постель со свежими простынями, не говоря уже о бутылке французского вина.

— Боже, как жарко, — сказала Марыся. — Раздень же меня, Витя.

После полуночи он отвез ее на извозчике до угла Садового и, прощаясь, долго не мог оторваться от поцелуев.

— Витя, ради бога, не забудь — никому! Иначе ты погубишь меня. Да и себя тоже.

Сказала, что до дома провожать не надо — соседи, и Яскевич уехал.

Вскоре после ухода Яскевича появился усталый и злой человек.

— Сидишь ночами, как пес, — сказал он, — а вы тут лижетесь. Кто такой?

Марыся сообщила точные данные об офицере.

— Сгодится? — спросил встретивший.

— При случае сгодится. Мне нужен Веселый.

— Не будет. Он далеко. Здесь облавы бывают.

— Но у меня документы. Секретные.

— Давай. Доставим.

— Головой отвечаешь.

— Я уж столько отвечал, что ее у меня нет, головы-то. Если спросит, где искать?

— Два дня еще здесь, а потом в Таганроге, гостиница «Морская». По польскому документу.

Из приказа по 1-му корпусу Добрармии
от 20 сентября 1919 г.

«Из глубины истории встают образы русских чудо-бо-

гатырей, и вы, их потомки, равны им. Пусть в сердце каждого наградой за их нечеловеческие усилия будет сознание, что пройден еще один тяжелый этап на путях к златоглавой Москве и что в этот момент сотни тысяч людей в Курске, Льгове и Рыльске, освобожденные вашими подвигами, благословляют вас...»

Незадолго до приезда в Таганрог польской делегации Деникин собрал генералов на небольшой ужин для разговора, но не получилось ни ужина, ни разговора. Врангель **то ли случайно**, то ли демонстративно сел подальше от Деникина и почти все его утверждения подвергал негромкой, но безжалостной критике.

Главнокомандующий отметил только что закончившийся рейд Мамонтова⁴⁰ по большевистским тылам.

— Посеял панику, — говорил Деникин. — Огромные трофеи...

— Трофеи на 60 верст — все донские бабы теперь оденутся в кружевное белье, — прокомментировал Врангель. — И телеграмму еще дал: «Посылаю привет. Везем родным и друзьям богатые подарки, донской казне 60 миллионов рублей на украшение церквей — дорогие иконы и церковную утварь». Бандит с большой дороги, а не генерал. И не панику наводил, а от Буденного бегал. В своей армии я не потерплю присутствия Шкуро и Мамонтова.

— Вообще-то мы хотели поговорить о будущей встрече с поляками, — продолжал Деникин, — однако обсуждать конкретные вопросы, связанные с будущими границами, сейчас преждевременно.

— Какими границами? — в своем стиле пошутил Кутепов. — Варшавскую губернию все знают.

За столом расхохотались.

Врангель тихо сказал:

— Этот хоть туп, но прям.

— Однако на Волынском фронте стоят перед красными около 100 тысяч легионеров, — сказал Деникин, — если объединить усилия наших и их войск, разгром большевиков неизбежен.

— С Колчаком бы объединялся, когда тот был в силе, — вполголоса сказал Врангель, но многие услышали, — так

нет — хотелось самому Москву взять. А теперь с полячишками договориться хочет.

— И я считаю, господа, — продолжал Деникин, — что мы встретимся с поляками, как с хорошими друзьями, не затрагивая острых тем.

23 сентября Деникин дал банкет в честь польской миссии. Военную миссию возглавлял бывший генерал русской службы Карницкий, экономическую — бывший польский министр торговли и промышленности Иваницкий.

В польской миссии волнения начались часа за два: костюмы, платья, прически, места за столом и, главное, тексты официальных выступлений. Марыся несколько раз прочитала текст выступления Карницкого, написанного и на русском, и на польском языках, и все-таки перед самым началом банкета просмотрела документ еще раз. Стефан был доволен: «Ты, Марысенка, и сама теперь выступишь, если генерал голос потеряет».

Вспыхнули люстры в банкетном зале, оркестр заиграл встречный марш — из-за неясности политического положения сторон гимны решили не исполнять.

Поднялся благообразный Деникин и в своем неторопливом убедительном стиле произнес приветственную речь:

— После долгих лет взаимного непонимания и междоусобной распри, после тяжелых потрясений мировой войны и общей разрухи два братских славянских народа выходят на мировую арену в новых взаимоотношениях, основанных на тождестве государственных интересов и на общности внешних противодействующих сил. Я от души желаю, чтобы пути наши более не расходились. Подымаю бокал за возрождение Польши и за наш будущий кровный союз!

Карницкий начал ответную речь с такой же высокой ноты, но, взглядевшись в текст, смял фразы, зачастил и сник так же, как его странный недружественный текст:

— Польская миссия благодарит вооруженные силы Юга России за теплый прием, — закончил он свое выступление и сел, ни на кого не глядя.

За столами зашумели, задвигались, кто-то хотел встать, но его удерживали — дипломатический скандал. Начальник штаба польской миссии майор Пшесдецкий сказал сидящему рядом Кутепову:

— Судя по речи Деникина, здесь чувствуют союзников, но поляки вам еще не союзники и, быть может, попали сюда по ошибке.

— Именно по ошибке, — согласился Кутепов.

Как обычно, выручил оркестр, заиграв старые марши. Стефан, едва не потеряв сознание, искал Марысю. Вытащил ее чуть ли не из женского туалета и требовал объяснений: где настоящий текст речи Карницкого? Марыся плакала и ничего не могла объяснить.

Ленин и Дзержинский в очередной раз вели речь о том, что никто не должен был знать, никто не должен был видеть, какие документы лежат перед ними на столе. Сейчас это были карты Западного и Южного фронтов.

— Я понимаю, что этот срыв и произошел не без участия ваших людей, — сказал Ленин.

— У меня там работают несколько групп.

— Не собираюсь вас хвалить, Феликс Эдмундович, потому что срыва еще нет. Поляки остались и будут договариваться с Деникиным. Вопрос в том, что они потребуют и что он может дать. Наша задача или, вернее, ваша задача — сорвать переговоры.

— Поляки потребуют Прибалтику, Минск, Украину до Днепра с Киевом.

— Пожалуй.

— Вы правы, Владимир Ильич. Мои люди их настроили. Ведь другая группа, да и сам Пилсудский...

— Вот, вот. Они не хотят договариваться с Единой неделимой. Это для них синоним той России, которая держала их в Варшавской губернии. Мы договоримся с другой группой, и Пилсудский поддержит договоренность. Поручаю это вам лично и Мархлевскому. Главное условие: никаких письменных документов. Обещайте Пилсудскому все. «Од мора до мора», как они говорят, но ни слова на бумаге. Джентльменское соглашение. Поляки держат нейтралитет, мы снимаем с Западного фронта все войска. Главное, Латышскую дивизию. Мы получаем 46 тысяч свежего пополнения для удара по зарвавшемуся Кутепову. Возможно, он еще успеет взять Орел, но это — последние судороги.

Настоящий текст речи Карницкого легко нашли в бумагах Стефана:

«Мы счастливы, что наша встреча кладет конец исторически ошибочной, надолго затянувшейся вражде двух великих славянских народов. Наше будущее основывается на общности социальных, политических и военных интересов. Начальник нашего государства пан Пилсудский и председатель Правительства Падеревский, напутствуя меня, подчеркивали необходимость создания военного союза между Войском польским и Вооруженными силами Юга России. Поднимаю бокал за наш будущий нерушимый кровный союз!»

Эту речь напечатали в газетах, переговоры продолжались, но Стефан постоянно чувствовал чью-то крепкую противодействующую руку. Капитан Дымников, друг Марыси, близкий Кутепову человек, а тот каждый день выступает с резкими заявлениями против военного союза. Ведь стоит Кутепову сказать Деникину, что он заключил этот союз — и через две недели белые будут в Москве. Для Май-Маевского можно из Диккенса найти цитату, подтверждающую необходимость союза. Впрочем, он и так согласен с любым решением — лишь бы стол был полон. Брангель ждет окончательного решения Деникина, чтобы немедленно выступить против.

Произведя самую тщательную проверку, Стефан установил, что пани Крайская была последней, кто держал в руках текст злополучной речи. Значит, ни с ней, ни с Дымниковым говорить об этом нельзя.

Сначала все обдумать самому. Кому выгоден срыв переговоров? Ленину. Значит, действуют красные, причем действуют методично. Статьи в газетах, резкие высказывания Кутепова, анонимное угрожающее письмо Юзефовичу — все это направляется из одного центра. Красные не жалеют золота для решения политических вопросов — Стефан же общался лично с Троцким, когда тот был в Харькове. Сорвут переговоры, и кутеповский корпус будет, конечно, разбит — только из ненависти к Брангелю Деникин направил на Москву не барона, а солдафона-недоучку. Рухнет все. Не бывать Речи Посполитой до Днепра.

С Макаровым тоже говорить нельзя — он друг Дымни-

кова и вообще темный человек. Единственным, с кем Стефан мог поделиться сомнениями и опасениями, оставался Рыжицкий.

Разговаривали на улице, прогуливаясь. С моря несло холодом, и чайки кричали злое, словно предупреждая, что никому верить нельзя.

— Скорее всего действует какая-то подпольная большевистская организация, — сказал Рыжицкий.

— Но пани Крайская с ними! Она что? Красная?

— Большевики могут действовать и под польским флагом.

— Просто убрать ее нельзя — она личный секретарь Пилсудского. Ваши прежние наблюдения могут нам помочь? У вас же есть сильный агент у красных, передавший план Селивачева. Кстати, Селивачев умер — не вынес поражения.

— Попытаюсь, но надо ехать в Харьков.

— Даю машину, шофера и пропуск.

В Харькове Рыжицкий остановился в гостинице, на извозчике доехал до Заводского переулка. Постучал:

— Это к вам дядя Иван из Ростова.

Игнатий Николаевич по обыкновению был хорошо одет и вежлив. Угостил чаем. Узнав суть дела, задумался, затем сказал:

— Переговоры должны продолжаться. Надо бы эффективно разоблачить красную шайку, пытающуюся их сорвать. Объявить на весь мир. Это даже его ударило бы.

— Кого?

— Не важно. Помимо всех прочих действий, сразу убедите Кутепова. На фронте это просто.

— Он сейчас в Таганроге.

— Это ненадолго. Связь с Литератором установлю. Пани обязательно связана, и ее надо выследить. Попросите для нее охрану штабных унтер-офицеров. Вот вам и слежка. И Стефан пусть ее оберегает. Она будет возмущаться, избегать охраны, и здесь можно разыграть различные эпизоды. Разумеется, следить за друзьями. Только не надо стрелять.

— Сегодня вечернего заседания не будет — у нас уйма времени, — сказала Марыся, которая отдыхала в кресле в роскошном халате, листая французский журнал мод.

Дымников приглядывался, присматривался, обдумывал.

— Теперь, когда тебя охраняют два молодца-унтера, мы можем всю ночь спокойно гулять по Таганрогу.

— О-о! И еще как.

— Стефан выбил для тебя охрану, чтобы снова не подменили текст?

— Наверное. Смотри, какое красивое платье.

— А ведь ты переживаешь, нервничаешь.

— С чего бы? Что дождь пошел?

— Тебе самой надо идти к тем, о которых ты мне не говоришь, но теперь тебе не уйти — мешает охрана.

— А ты хочешь мне помочь?

— Если б и хотел, то не смог — за мной будут следить.

— Но ты хочешь помочь мне?

— Во имя чего?

— Во имя Великой Польши, которая будет дружить с Великой Россией. Ты же знаешь, что мне сам Начальник поручил заниматься переговорами. Не Стефану, а мне. И Стефан не может знать то, что я знаю. Не может знать тех людей.

— Как я их найду?

— Греческая кофейня на Зеленом бульваре. Там за ней угольные склады, где можно спрятать целую армию. Сегодня до полуночи я должна передать туда бумагу. Кофейня почти всегда закрыта — кофе нет, но если стукнуть три раза, они откроют. За стойкой там Зайцевич. Очень всего боится. Скажешь: от меня.

— И в этот момент ворвутся контрразведчики.

— А ты как-нибудь их обмани. Ты же хитренький.

Владимир Макаров остановил автомобиль у дверей кофейни, на которых навечно, наверное, прилипло объявление: «Кофе нет». Три крепких удара Леонтия — и дверь приоткрылась, за ней показалась испуганная бледная лопухая физиономия, накрытая белым колпаком.

— Я от пани Крайской — живо открывай.

Расчет был на то, что, оторвавшись на машине от преследователей, Леонтий успеет передать конверт с бумагами и уехать, а этот Зайцевич тем временем исчезнет. Но

Зайцевич был хоть и трус, но дотошный: выпрашивал о Марысе, отказывался брать бумаги, со страхом шарахался от офицера.

— Бери. Это же ждут. И мотай отсюда, куда знаешь, — возмущился Макаров.

Конверт Зайцевич взял и сунул куда-то под стойку.

«Отпечатано в 5 экз.

Экз. № 1 тов. В. И. Ленину

Перед началом сегодняшнего совещания польской и русской миссий Карницкий заявил, что для Польши соглашение с Россией — вопрос жизни и смерти. Иначе наше положение между Германией и Россией грозит чрезвычайными потрясениями. Затем он предложил для обсуждения карту будущей Великой Польши, охватывающей Курляндию с Балтийским побережьем, Литву, Белоруссию и Волынь. Отдельно отмечены земли польского расселения, прилегающие далеко на восток, до Киева и Одессы.

Кутепов довольно резко заявил, что предложения польской стороны не имеют никакого отношения к границам бывшего Царства Польского, установленным еще в прошлом веке. О Курляндии или об Одессе здесь не может быть никаких обсуждений.

Деникин в большом выступлении в мягкой манере говорил, что несвоевременно решать окончательно вопросы о границах. Он указал Карницкому на крайнюю необходимость немедленного наступления восточной польской армии до линии верхнего Днепра. Он предложил, чтобы при этом разграничия между польской и русской армиями определилась бы на основании стратегических соображений, а в зоне польского наступления водворялась бы русская администрация, подведомственная, однако, на время операций польскому командованию на общем основании «Положения о полевом управлении войск».

Затем произошло длительное общее обсуждение без рассмотрения конкретных вопросов, и заседание было закрыто. При закрытии Кутепов объявил, что его войска освободили в Курске знаменитую певицу Плевацкую, и пригласил всех присутствующих на ее концерт».

Ленин подчеркнул слова: «Немедленного наступления восточной польской армии». Позвонил Дзержинскому:

— От Мархлевского ничего?

— К сожалению, ничего.

— Напоминаю: никаких письменных объяснений. Только «да» или «нет». Также и по телефону. А то генералы разговаривали почти по Салтыкову-Щедрину.

Взял следующий документ.

«Отпечатано в 5 экз.

Экз. № 1 тов. В. И. Ленину

После заседания с польской миссией состоялось совещание у Деникина. Присутствовали: Деникин, Романовский, Май-Маевский, Врангель, Юзефович, Кутепов. Обсуждали предложения поляков. Кутепов первым резко заявил, что никакая Польша не получит ни клочка русской земли и что ее армия существует только на словах. Юзефович осторожно напомнил, что польская армия держит на советском Западном фронте 46 тысяч боеспособных обстрелянных красноармейцев, в том числе Латышскую дивизию. Кутепов грубо обвинил Юзефовича в том, что он агитирует за союз с поляками на условиях уступки им территории Единой неделимой. Деникин спросил Кутепова, легче ли ему будет взять Орел с помощью поляков. Кутепов заявил, что возьмет Орел сам. Это подтвердил и Май-Маевский. Тогда Деникин приказал Романовскому готовить директиву на взятие Орла. Врангель ограничивался общими словами и, по-видимому, ждал момента, чтобы выступить против Деникина, и высказался по поводу наступления на Орел. Напомнил, что два месяца потеряли в Харькове, ожидая, когда красные «осадят» Колчака, а теперь нашли новых союзников и до сих пор не знают, что с ними делать. Как будто договор о временных границах разрушит великую империю. Конкретно же Врангель не высказался по поводу отдачи территорий.

В конце Деникин вновь обратился к Кутепову по поводу наступления на Орел с учетом того, что часть войск у него забирают на фронт против Махно. На это Кутепов сказал: «Я Орел возьму, но мой фронт выдвинется, как сахарная голова. Когда ударная группа противника перейдет в наступление и будет бить по моим флангам, я не

смогу маневрировать — часть своих полков мне и так пришлось оттянуть к соседним корпусам после того, как их ослабили».

Измерив расстояние от Орла до Москвы, Ленин поднялся из-за стола, прошелся по кабинету легкой быстрой походкой, позвонил Дзержинскому:

— Я прочитал те донесения. Понимаете? Там у вас работают очень дельные и понимающие люди.

— Приходится, Владимир Ильич, использовать дельных, но далеких от нас. Едва ли не врагов.

— Да-а... Понимаю. Политика. Но все это мелочи, пока Кутепов идет на Орел, а Мархлевский молчит.

1919. ОКТЯБРЬ

В Таганрогском театре шел спектакль «Три сестры». Марыся и Леонтий сидели в ложе вдвоем. Артисты играли слабо, но с огромным энтузиазмом — в зале-то те же вершинины и тузенбахи.

Заканчивалось четвертое действие, и, как полагается, оркестр играл марш. Ольга сказала загробным голосом: «Уходят». Ей вторила Маша: «Уходят наши. Ну что ж... Счастливым им путь».

— Так и ваши будут уходить, — сказала Марыся, — но музыку мы сделаем лучше. Моцарт, Бетховен. О! Шопен!

— Марыся, наши почти в Москве!

— У ваших генералов очень деревянные головы, чтобы взять Москву. Испугались пообещать, как это у русских говорят — шкуру не пойманного медведя. Решили оставить эту шкуру единой и неделимой. На это мы и рассчитывали.

— Кто?

— Я и другие люди из окружения Начальника.

— Карницкий хотел заключить с нами военный союз...

— Карницкий — русская свинья, царский генерал. В 16-м году был помощником Брусилова, в нашу землю шел. Он и сейчас во сне видит свою поганую Российскую империю.

На сцене прозвучала реплика: «Сейчас на дуэли убит барон».

— Это про меня, — сказал Леонтий. — Хоть и не на дуэли, хоть и не барон, а судьба моя.

— Нет, Леончик, ты больше никогда не попадешь на фронт.

— Попаду. Уже и приказ подписан: в кутеповский корпус на должность командира батареи.

— Ты это сделал без меня? Оставляешь меня одну? У нас же комиссия.

— Мы с Кутеповым закончим ее в Москве.

— Какой ты еще глупый мальчик! Вам никогда не дадут победить, потому что вас все ненавидят.

— А ты за красных?

— Да! Сегодня за красных, потому что ненавижу Российскую империю.

— Думаешь, они отдадут вам земли до Днепра?

— Немцам отдали и нам отдадут. Не отдадут — возмем. Наши легионы сильнейшие в Европе.

На них зашикали из соседней ложи. На сцене читался знаменитый заключительный монолог: «... О боже мой! Придет время, и мы уйдем навеки, нас забудут, забудут наши лица, голоса и сколько нас было, но страдания наши перейдут в радость для тех, кто будет жить после нас, счастье и мир настанут на земле, и помянут добрым словом и благословят тех, кто живет теперь...»

Марыся просила:

— Леонтий, не уезжай! Это мальчишество. Мы сейчас же все переформируем в штабе.

— Зачем я тебе? Я артиллерист.

Он поднялся, быстро прошел к выходу из ложи и исчез. В этот же миг грянули аплодисменты — спектакль кончился.

В Харькове Дымников, конечно, заехал в штаб к Макарову. Тот скучал в своем кабинете, у дверей — его брат.

— Тихо у вас, — сказал Леонтий, вглядываясь в адъютанта.

— Великий полководец идет на Орел, а у нас здесь обеда и ужины, — вроде бы пошутил, а в глазах тоже сомнения и вопросы. — Зенонич жметесь к Анне Павловне Жсмудской. Та хочет его женить на себе, а он все время в недееспособном состоянии.

Посмеялись, не сводя друг с друга пристальных изучающих взглядов.

— Стефан пропал, — наконец вышел на открытую Макаров.

— Знаю.

Помолчали, не желая говорить о своих выводах.

— Его никто искать не будет. Ни у них, ни у нас, — разрядил обстановку Макаров. — Неплохо бы и мадам Крайской уехать в Великую Польшу.

— Я мог бы предупредить.

— Уже предупредили. Теперь встретишься с ней только где-нибудь в Лондоне.

— А ты?

— У нас с Володей свои планы.

— В Москве-то погуляем?

— Кутеповские мечты, господин Дымников. Зенонич говорит, что армия раздета и разута — все продали и пропили. 80 процентов — пленные красноармейцы. Разбегутся или сдадутся. Говорит, что со стороны красных готовится страшная неожиданность и даже он со своим военным талантом не может ее ни предвидеть, ни предотвратить. Скажет об этом и сразу кричит: «Франчук, водки и сыра!»

В Курске Дымников явился в штаб Кутепова. Думал, обойдется докладом дежурному, но позвали к самому. Кутепов сидел в кабинете в шинели и фуражке — не успели натопить. Заунывный осенний дождь за окном завершал картину неустроенности, случайности, непрочности. На столе — роковая карта: Орел—Тула—Москва.

Перед Леонтием был как будто тот же решительный, быстрый в поступках, не сомневающийся в своих действиях генерал, но видел капитан и нечто другое: словно и не лицо это со знакомой бородкой и фуражкой на затылке, а маска, точно воспроизводящая привычный вид, точно, но холодно. Не тот Кутепов, но очень старающийся казаться именно тем.

— Удачно попали, Леонтий Андреевич, — сказал генерал, и в его голосе Дымникову слышалась не бодрость, а какой-то искусственный оптимизм. — Начинаем наступление на Орел. Прямой атакой, как прежде на фронте. Боеприпасов хватает. Красные побегут. Да. Побегут. А надо бы их взять, но нет сил для маневра.

— Затем на Москву, Александр Павлович?

— Главная цель всей кампании, а выполняет ее один мой корпус. А вы все так же на Дантеса похожи. Не пристрелили еще одного Пушкина?

— Пушкина нет, а так, некоторые попадались...

После ухода Дымникова появился генерал Скоблин. По обыкновению подтянутый, в специально для него скроенной шинели, пахнувший французским одеколоном. Шинель снял, несмотря на предупреждение о том, что в комнате холодно. Может быть, для того и снял, чтобы показать, как мягко и плотно облегает его стройную фигуру гимнастерка, украшенная лишь двумя наградами: Георгий и память Ледяного похода; на плече — корниловская нашивка. Один из тех, которых всему научили, кроме, может быть, самого главного. Удивляли лицо Скоблина, которое выражало готовность мгновенно согласиться и такую же готовность резко возразить, и взгляд, внимательный взгляд, исполненный холодного, даже несколько презрительного любопытства.

— Я понимаю, Николай Владимирович, что, когда дивизия ведет бой, ее командир должен быть с войском, — начал Кутепов осторожно. — Однако, по имеющимся у меня сведениям, обстановка на фронте вашей дивизии слишком обострилась и, по-видимому, вы не имеете точных данных о положении соседей. Ваш сосед слева — Дроздовская дивизия. Какая связь с ней? На каком расстоянии от вашего фланга находятся части дроздовцев? Карта перед вами.

— Мы оторвались от дроздовской дивизии верст на 40.

— На 60, — поправил Кутепов, — и связь только через случайные разъезды. Это грозит катастрофой.

— Вы, Александр Павлович, как всегда правы, — и не заметишь ведь издевки. — Я принимаю меры.

— Какие меры? Какой фронт вы сейчас держите?

— 160 верст. В среднем 50 человек на версту.

— Красные разорвут ваш фронт, как нитку.

— Я повернул 2-й полк на Кромы, разобью там красных, восстановлю связь с дроздовцами, и мы продолжим наступление на Орел по разработанному вами плану. Три направления, которые вы выбрали: Дмитровск Орлов-

ский, Брянск, Орел—Тула—Елец, — по-моему, единственно верное решение задачи.

Против таких высказываний Кутепов возражать не мог, но и... Скоблин удивил и даже вызвал у него некое раздражение: неужели ты, командир корпуса, сам не увидел на карте Кромы — узел шоссейных дорог на Орел и Дмитровск.

Дымников мгновенно усвоил самую модную поговорку: «Курск не Харьков». Она и в самом деле была верна, но не потому, что в Курске не было цветущих роз, женщин в белых платьях, духовых оркестров на площадях и девочек, плячущих при виде офицера-корниловца. И не в дожде проблема, хотя дождь мешал. Здесь все не так.

В казармах, где располагались артиллерийские части, было темно и грязно. Он едва нашел расположение полка Бондаренко, который теперь становился его полком. Майор стал, наконец, подполковником и перешел в штаб артиллерии корпуса: «Тут, понимаешь, такое хозяйство на тебе висит, а там — одни разговорчики».

Курск не Харьков: еще только начало вечера, а офицеров почти никого. Штабс-капитан Арефьев с пустыми пьяными глазами пытается объяснить, что должно произойти нечто особенное, «весь город готовился». Бондаренко махнул рукой — они только мешать будут. Главное — орудия и лошади. Там все же был порядок. Хотя один ездовой с подбитым глазом, а другой в бессознательном состоянии валялся под передком.

— Утром с ними разберешься, — сказал Бондаренко, — а сейчас бесполезно. Это же — Курск. Кокаин!

Арефьев повел Дымникова на городской кокаиновый бал в зале Дворянского собрания. «Леонтий Андреевич, кока — это сила! — убеждал он по дороге, не замечая дождя. — Вы станете богом, а ваша подруга богиней! Кока — это трава, данная нам богами».

У входа — серебро дождя вокруг фонарей, толпа у дверей, шум. В основном, офицеры, даже в штатском их легко было узнавать. А вот богини... Встречались в толпе дорогие манто и интеллигентные прически, но лица у всех «богинь» одинаково нервно напряжены и пламенеют невидящие глаза. Шум: сколько стоит вход? Кричат: «Не доро-

же дозы!» Хозяева увещевают: «Стоимость товара не входит в цену билета». Это еще больше усиливает шум. Предупреждают: принимается только валюта, николаевские и колокольчики⁴¹.

Арефьев увидел знакомых: «Это же наши штабисты — Яскевич и Ермолин». И Дымников заметил Виктора. Тот махал рукой и кричал через толпу: «Леонтий Андреевич, я должен вам что-то рассказать! Обязательно должен!»

Привыкший к толкотне дворянских собраний, где горничных и лакеев едва ли не больше, чем гостей, а, кроме буфета, нечем развлечься, Дымников был почти потрясен. Томный голубой полумрак, какая-то знакомая пронзительно-печальная музыка... Да. Пуччини. «Баттерфляй», «Увижу я в золотом тумане...» Подошел официант и шепнул, что для господ офицеров корниловцев с дамами приготовлен особый зал. Цена столика 1000 николаевских. Арефьев пытался возмущаться, но Дымников спокойно заплатил.

В этом зале царил особенно приятный фиолетово-голубой полумрак. Белые декоративные вишни на столах рядом с роскошными мелкими вазами. В вазах — несколько симметрично разложенных кучек белоснежного порошка. Лимонад, бокалы, ложечки, лопаточки.

— Я вам покажу, как это делается. Лопаточкой. Можно на ноготь, но лучше сюда, в ямочку. Я возьму больше — уже привык...

Он втянул в ноздри порядочную щепотку порошка и откинулся в кресле, как больной, ожидающий действия лекарства.

Бал уже начался. Несколько пар танцевали, за столами нюхали, пили воду, многие вскакивали и покидали зал.

— Иногда после этого сразу надо в туалет, — объяснил Арефьев. — Насыплю вам маленькую дозу?

— Подождите.

Леонтий оглядывал зал. Стали громко говорить, а лица, особенно у женщин, были такие, как у тех, кто дождался, наконец, отдыха после тяжелой работы. В свои 27 он достаточно знал женщин. Уверен, что эта в постели будет притворяться, словно умирает от счастья, та — изобразит падшую грешницу, наслаждающуюся своим грехом, а вот

та... Та с улицы. Будет удивлять умением любить. И никто не сможет ласкать молча и молча говорить, как та: «Ах-как-хо-ро-шо-ты-э-то-ми-лый...»

За ближайшим столиком сидела милая блондинка и капризно ему улыбалась. Ее мужнины о чем-то громко спорили, наверное, о сроках взятия Москвы, а она, все так же глядя на Леонтия, одним движением распахнула кофточку — под ней только белые нежные груди с бордовыми набухшими сосками.

— А где-нибудь просто выпить здесь можно? — спросил Леонтий Арефьева.

— Надо в подвал тащиться. Там все дорого...

В поисках подвала Дымников наткнулся на Яскевича.

— Леонтий Андреевич! — вскричал тот. — Пусть это не совсем по-мужски, но вам я должен рассказать. Помните, я рассказывал, что в Харькове видел потрясающую красавицу — мадам Крайскую?

Перед Дымниковым стоял тот же красивый интеллигентный мальчик, любитель военной истории, с ужасом переживший свою первую штыковую атаку, но теперь на его лице нездоровый пот, расширенные зрачки, взгляд сумасшедший и преждевременная нагловатость в голосе.

— И что с ней, с мадам Крайской?

— Она стала моей любовницей, — Яскевич радостно захохотал. — Мы встречались несколько раз на квартире ее знакомой дамы в Харькове. Она сказочная женщина. Здесь таких нет. Курск — не Харьков.

Как это она говорила иногда ночью: «Я тебя кохаю, а ты спишь».

Грузились в эшелоны солнечным утром. Типина, просыхали лужи, какие-то птички кричали и сустились, но не было утренней радости, и в свете солнца вдруг виделся какой-то недобрый красноватый оттенок.

Орудия закатывали на платформы, закрепляли колодками и тросами. Лошадей по дощатому трапу заводили в теплушки. Опытные, привычные шли со злобной покорностью, другие сопротивлялись, ржали, их крылья матом и затаскивали с помощью веревок, подхватывающих лошадей сзади.

Неподалеку грузилась батарея марковцев. Их везли не на Орел, а правее — на Елец. Когда-то это были юнкерские батареи — питерские юноши рвались на юг к Корнилову спасти Россию. Нет их теперь. Остались в кубанских степях. А погрузкой батареи заняты мужики, прячущие злые глаза.

— Видали махновцев, Леонтий Андреевич? — спросил Арефьев. — Их взяли в плен на Днепре и мобилизовали.

— Да и у нас много чужих.

— Наводчики все свои первопоходцы. Это главное.

Марковцы закончили погрузку, подняли черный знак с золотой буквой М. Появились офицеры, знакомые по Ледяному походу: Шперлинг, Михно... и все.

Оркестр играл Марковский марш, офицеры недружно запели:

Марш вперед... Труба зовет,
Марковцы лихие!
Впереди победа ждет,
Да здравствует Россия!..

Когда эшелон корниловцев был готов к отправке и Дымников стоял у офицерского вагона, вдруг на перрон, прямо к путям подъехал открытый автомобиль. Кутепов с сопровождающими подошел к эшелону. Появился Скоблин в элегантном полевом плаще, доложил о готовности дивизии к решающему наступлению на Орел. Вдвоем они прошли вдоль вагонов, о чем-то озабоченно беседуя. Затем наступило прощание. Знакомые штабисты: мрачноватый Ермолин, молчаливо присматривающийся ко всему Соболев, изящный Ленченко... Обнимались, желали победы. Подошел Кутепов и сказал, вздернув бородку:

— Победа — это не значит гнать красных до Москвы или возиться с пленными. Мне не нужны отступающие красные, бегущие или сдающиеся в плен. Мне нужны только мертвые красные. Чем больше мы их убьем, тем скорее придем в Москву. И вы, Леонтий Андреевич, — заметил знакомого, — как новый командир батареи, делайте ставку на прямую наводку, на картечь. Не разгонять надо противника гранатами и шрапнелью, а бить насмерть картечью!

Теперь оркестр заиграл корниловский марш, и офицеры запели:

За Россию и свободу
Если в бой зовут,
То корниловцы и в воду
И в огонь идут...

В ночь на 13 октября, накануне штурма Орла, начальник штаба 55-й стрелковой дивизии Лауриц с тяжелым чувством обреченности всматривался в черные кутеповские стрелы на карте, пронзавшие не только тоненькие красные дужки обороны, но и его собственное сердце, столько лет уже бьющееся с перебоями. Когда-то безотказно твердое сердце полковника Генерального штаба. Несколько раз он советовался с другими штабистами, приглашал к себе начальника особого отдела — нельзя ли придумать какую-нибудь штуку с засылкой разведчика или дезинформатора. Впрочем, на особиста он не надеялся, а советовался с ним, чтобы подчеркнуть доверительные отношения. Служба в Красной армии научила его, с кем надо их поддерживать, а с кем не надо. Вскоре после полуночи начальник особого отдела получил шифровку из штаба армии.

Помощник командира комендантского взвода 55-й дивизии Меженин вечером прочитал в «Известиях» о том, что поэт Маяковский выступает в Петрограде с чтением стихов перед революционными матросами. Представил эстраду, черную толпу слушателей, «Левый марш»... Затем вместе с подчиненными поехал в Орловскую тюрьму: до рассвета, то есть до начала штурма, следовало расстрелять всех заключенных.

Расстреливали не по инструкции, а как придется. Входили втроем в камеру, где находилось 10—12 человек, и били из наганов в определенном порядке. Следом шли уборщики, тоже почти все обреченные на смерть. Если заключенные догадывались о происходящем и кричали, били в стены, двери, то стреляли прямо из коридора и лишь потом входили в камеру добывать живых.

Приближался блаженный момент, когда можно сунуть наган в кобуру и идти в кабинет начальника, где на столе

ждали бутылки со спиртом, стаканы, вобла... И вдруг прозвучало: «Помкомвзвода Меженин, на выход!» За ним приехали особысты — он их узнал. Сразу отняли наган, а в штабе дивизии почему-то повели в кабинет начальника штаба, где сидел и начальник особого отдела.

— Как жизнь, Меженин? Бьешь врагов? — спросил Лауриц, отправив конвойных.

— Бью, товарищ начштаба.

— Ты думаешь, что ты наш товарищ? — злобно спросил особист. — А это как? — Он поднял со стола полоску бумаги. — Шифровка из армии. Читаю: «Разведкой ВЧК установлено, что помкомвзвода Меженин Игорь является денкинским агентом по кличке Литератор. Он, в частности, передал в штаб Кутепова план августовского контрнаступления Селивачева, что привело к провалу операции».

— Брехня.

— Ты же знаешь, что ВЧК докажет. Имею право кончить тебя немедленно. И рука не дрогнет. Так что рассказывай все подробно — легче будет. Связи, переданный материал, явки. Все.

— Дайте спирту и поспать хоть час — все расскажу.

Начальники переглянулись.

— Запрет здесь, в штабе, и двойную охрану, — предложил Лауриц.

Особист согласился, отправился к себе, прилег, но едва задремал, как раздался гудок зуммера. Звонил неугомонный Лауриц. Спросонья начальник особого отдела плохо его понимал.

— Я придумал, что с ним сделать, — говорил Лауриц.

— Кончить его надо.

— Это успеем. Его можно использовать для того, чтобы обмануть Кутепова. Пришли его с конвоирами ко мне. Я с ним поработаю, потом тебе сообщу.

— Под твою ответственность.

Когда привели Меженина, начальник штаба отпустил конвоиров — согласовано, мол, с особым отделом, и сказал:

— Вижу, с кем имею дело, и поэтому без предисловий. У вас есть связиные. Я хочу войти в сношения с Кутеповым. Немедленно. До утра. Через связных вы передадите ему, что я сдаюсь вместе с некоторыми своими людьми, перехо-

жу на сторону Деникина и помогаю ему взять Орел. Расставлю оборону так, чтобы оставить окно для его ударной группы.

— Вы меня выпустите?

— Отпущу вас со своими людьми. Сюда вас не вернут. Будете ждать там, где вам укажут мои люди. Получив через них ответ Кутепова, я действую. Через 30 минут после начала штурма открываю путь к центру города и вокзалу, сам выезжаю с белым флагом. Там вы будете со мной.

С началом штурма Дымников вывел батарею на прямую наводку почти без маскировки, редкие сарайчики, кустарник, едва заметные холмики — плохая защита от противника. Просматривались окопы красных шагах в пятистах, далее в тумане здания пригорода и вокзал. По нему уже бил бронепоезд «Слава офицеру». Бить картечью в 500 шагов по окопам бесполезно. Скомандовал прицельный огонь, чередуя гранаты со шрапнелью. Красные почему-то почти не отвечали. Вдруг по телефону скомандовали: «Отбой. Прекратить огонь. Ждать команду». На флангах шел бой, а здесь чуть ли не тишина. В такие моменты вспоминаешь, что ты живешь на земле, и хочется на эту землю посмотреть. Попросил наводчика: «Пусти к панораме, а то бинокль надоел». Увидел знак красного креста на вагоне в сплетении запасных путей и то, как из-за пристанционных зданий вдруг выехала конная группа — человек 5, с огромным белым флагом над ними. По телефону команда: «Не стрелять. Встретить. Доставить в штаб».

Группа мгновенно проскакала мертвое пространство, люди спешили возле орудийного окопа, где стоял Дымников. Он еще ночью словно чувствовал, что здесь надо бы делать укрытие покрепче. По брустверу, по щитам пушек застучали, зазвенели пули — красные опомнились, но было уже поздно — Дымников бегом провел прибывших в укрытие за строениями. Представился, услышал, что перед ним начальник штаба 55-й дивизии Лауриц, а рядом... старый приятель Меженин.

— Здравствуй, Лео.

— Здравствуй, Игорь.

Оба они были свидетелями официальной сдачи в плен Лаурица.

— Мы принимаем вашу личную капитуляцию, господин бывший полковник Генштаба, — сказал Кутепов, взяв у него из рук револьвер с шашкой и передал Скоблину. — Ваши войска не капитулируют, город мы берем штурмом.

Приказы Лаурица открыли дорогу корниловцам в центр города и к вокзалу. Туда хлынула огромная толпа, состоящая не только из солдат-корниловцев, но и появившихся вдруг тыловиков, обозников, санитаров, легко раненных, даже каких-то полугражданских в папахах. Они рвались... не в бой, не убивать, как требовал Кутепов, а грабить. Леонтий в панораму видел, как разбили, разстрепали санитарный вагон, вытаскивая оттуда ящики и бутылки. Спирт, опиум. Казалось, за несколько километров слышен звон разбиваемых стекол и треск выламываемых вокзальных дверей.

— Посмотри, — сказал Дымников наводчику.

Прапорщик — из первоходцев — посмотрел, махнул рукой, плюнул, сказал чуть не со слезами:

— Разве мы тогда?.. Разве те, кто там погиб, могли бы так? Разве за это мы сражались? Это не Добармия. Сердце потеряли.

На перроне разбитого вокзала, среди битого стекла и обломков построили оказавшихся в районе станции корниловцев. Перед строем вышли Кутепов и Скоблин.

— Герои корниловцы! — закричал тонким злым голосом Кутепов. — Читайте только что полученную телеграмму: «Орел — орлам!» Подпись: Май-Маевский.

«Ура!» грянуло нестройное, восторженно-дикое — вряд ли в строю был хоть один трезвый.

— Теперь на Москву! — крикнул Кутепов, и его поддержали таким же «Ура!».

— По вашим последним данным, с чем Кутепов идет на Москву? — спросил Ленин.

Троцкий достал изящную записную книжку, но не открыл ее — говорил по памяти:

— 18 тысяч штыков, полторы тысячи сабель, 70 орудий, 250 пулеметов, 12 бронепоездов, 9 танков. Примерно столько же у его соседа справа Тимановского. Тот, правда, нацелен на Елец, но это тоже ведь на Москву.

Взглянув на часы, Ленин ударил кулаком по столу, поднялся, пробежался нервной походкой по кабинету.

— Ждем уже почти полчаса, а звонка нет! Возмутительная, преступная безответственность! Мархлевскому было сказано: если Кутепов возьмет Орел, я начинаю снимать войска с Западного фронта. Орел взяли вчера. Вы готовы, Лев Давыдович, начать переброску Латышской дивизии?

— Да, но... — начал Троцкий с обычным своим выражением лица человека, обреченного говорить неприятную правду.

Он чувствовал опасное настроение Ленина и пытался его смягчить, чтобы не последовало неожиданных решений, противоречащих намерениям его самого, Предреввоенсовета. Однако не сумел.

— Никаких «но»! — обрезал Ленин. — Расстреливать каждого, оставившего свои позиции. От рядового до командующего. И на Южный, к Егорову, членом военного Совета только Сталина. Сейчас же отдавайте приказ.

— Если снимать войска с Западного фронта, то первой придется пустить Латышскую дивизию.

— Именно! Именно латышей. Они набьют морду Кутепову. Но где же связь? Он же знает, что все решается сегодня!

— Связь Бонч организовал?

— Да. С какими-то учеными профессорами. Аж через Стокгольм. Полная секретность.

Троцкий открыл записную книжку.

— Вот здесь у меня пропускная способность железной дороги Смоленск—Брянск с учетом реального наличия подвижного состава...

Раздался звонок.

— Да. Сергеев, — сказал Ленин, взяв трубку. — Сразу скажите, что с продажей леса? Продан? Да? — Ленин с радостной улыбкой подмигнул Троцкому. — Разумеется, до весны. О цене поговорим здесь.

Положив трубку, он мгновенно превратился в мудрого спокойного, легко перебирающего десятки вариантов решений, убежденного в правоте каждого своего движения руководителя государства.

— Итак, Лев Давыдович, немедленно вводите в дейст-

вие директиву. Пилсудский сказал «да». Это означает, что до весны на Западном фронте Польская армия не будет вести военных действий. И мне не нужна ваша пропускная способность. Мне нужно знать точно время начала наступления Латышской дивизии на кутеповцев.

— Послезавтра.

— Нет. Завтра. Вот, смотрите, Лев Давыдович. Этот флажок я ставлю на карте в точку Великие Луки и пишу время. Прошу вас поручить своим помощникам ежедневно докладывать лично мне, где находится Латышская дивизия.

— Да, но это же десятка два эшелонов.

— Главный эшелон: стрелки, пулеметчики, артиллеристы. Завтра они должны вступить в бой, не дожидаясь прибытия остальных эшелонов. И не забудьте приказ о назначении Сталина.

— Владимир Ильич, Егоров слишком интеллигентен и не сможет в необходимых случаях противоречить Сталину.

— Будет соглашаться с ошибочными решениями Сталина — расстреляем. Будет отстаивать верные решения — станет хорошим красным командиром.

И Суворов, и Наполеон, и другие настоящие полководцы не сидели в штабах за сотни верст от войск, а выезжали прямо в боевые порядки и руководили боем. Теперь Главнокомандующий находился за 600 километров, командующий армией — за 450 от военных действий, но по всем документам именно Деникин и Май-Маевский руководили войсками, наступающими на Москву. Кутепов никогда не позволял себе говорить об этом и даже думать, но...

Сам он из штаба командовать не мог. Выехал в дивизию Скоблина, который тоже не любил далеко уходить от передовой линии, нашел полковника в деревушке за Кромами. Вокруг глухой осенний лес, и куда ни посмотришь, так и ждешь, что появится оттуда нечто неожиданно грозное и беспощадное. А так — тишина. Лишь изредка где-то далеко постреливают.

В штабе дивизии допрашивали пленного. Скоблин доложил генералу обстановку и, кивнув на пленного, добавил:

— А это у нас новости. Красноармеец 2-го полка Латышской дивизии. Нашли при нем.

На столе партийный билет, десятирублевые золотые и замшевый мешочек с бриллиантами.

— Как взяли? — спросил Кутепов. — Сам сдался?

— Его взял в схватке штабс-капитан Внуков, — сказал Скоблин.

— Так точно, — подтвердил Внуков.

— Ви меня прикладом в грудь, и я упал. Иначе не взяли, — проговорил с некоторым акцентом высокий широкоплечий пленный красноармеец.

— Когда прибыли сюда? — спросил Кутепов.

— На рассвете разгрузился эшелон. За ним еще эшелоны. Вся дивизия.

Кутепов кивнул на дверь. Скоблин приказал увести пленного. Латыш сказал:

— Виноват, господин генерал, прошу вас только, чтобы меня расстреляли как солдата, а не в затылок.

Кутепов мрачно кивнул.

— И еще, — латыш вдруг засучил левый рукав гимнастерки и снял браслет с золотыми часами. — Господин офицер, вы меня взяли. Возьмите часы себе на память. Не этим же перебежчикам отдавать, — он кивнул на конвойных солдат. — Сегодня у вас — завтра у нас.

Штабс-капитан Внуков взял часы, рассмотрел и протянул их Кутепову:

— Ваше превосходительство, посмотрите, какая надпись.

Кутепов прочитал вслух: «Лучшему солдату Красной армии — Лев Троцкий».

Кутепов мог заметить, что у Скоблина в глазах сверкнуло нечто человеческое, и, наверное, жизнь солдата могла бы продолжиться, но Кутепов не заметил, и латыша увели.

— Они оголяют польский фронт, — сказал Кутепов. — Это тысяч сорок штыков, если не больше. И все на нас.

— Мы же не захотели заключать союз с Пилсудским.

— Но Польша и без союза с нами находится в состоянии войны с Польской Россией.

— Поляки могли договориться с Лениным. Им не нужна Единая неделимая.

— Поляки всегда предавали Россию, и вот опять! — воскликнул Кутепов.

— Еще не все выяснилось, — сказал Скоблин, опуская взгляд. Опытный и дисциплинированный офицер, он не позволял себе демонстрировать отрицательное отношение к начальнику, а к Кутепову оно начало теперь возникать.

За лесом громыхнуло с такой силой, что трянуло избу, задребезжали стекла. Еще не начал затихать первый гром, как земля сотряслась от нового взрыва, еще более сильно. Гроза уже не затихала. Загудели зуммеры полевых телефонов, доносивших срочные сообщения с передовой.

— Все выяснилось, — сказал Кутепов. — Латыши начали наступление.

15 октября красные войска взяли Кромы. Один батальон дроздовцев был полностью уничтожен. Кутепов собрал в Орле в штабе корпуса совещание. Полковник Скоблин предложил свой план: поскольку свежие красные войска наступают на левый фланг из района Брянск—Карачев, а правый фланг корпуса и Орел находятся в безопасности, собрать все части в кулак и разбить войска красных в районе Кромы. Фронт правого фланга можно растянуть.

Скоблин говорил спокойно, внешне нисколько не переживая за судьбу своего плана — хотите берите, хотите нет, — обводил взглядом присутствующих, но по этому взгляду чувствовалось, что мысли полковника обращены куда-то вглубь его стратегических предложений. На командира корпуса он смотрел так же рассеянно, не выражая просьбы о поддержке, не пытаясь быть особенно убедительным, знал, что его план единственно правильный и должен быть принят. Так нет же!

— Я не могу оголить правый фланг корпуса и оставить без защиты Орел, — сказал Кутепов. — На Кромы, Николай Владимирович, для выполнения своего плана направьте только 2-й полк.

Скоблин молча кивнул и опустил взгляд — опасался, что Кутепов заметит с трудом скрываемое профессиональное презрение. Разве можно мельчить войска в такой обстановке и не предпринимать решительных действий?

— Я переносу свой штаб в Курск, — продолжал Кутепов. — Штаб Корниловской дивизии остается здесь.

20 октября полковник Скоблин своей властью приказал оставить Орел.

В штабе корпуса Кутепов собрал совещание большинства офицеров — всех, кто оказался поблизости и не был занят службой.

На большой карте на стене — в центре Москва. Чуть южнее, совсем недалеко, всего 300 километров — Орел. Здесь остановилась черная стрела кутеповского корпуса. На ее пути к Москве несколько разрозненных красных кружков разбитых красных войск. Слева от Карачева большие жирные красные стрелы, врывающиеся в бок 1-го корпуса.

Генерал кратко охарактеризовал обстановку и попросил высказаться всех желающих, начиная с младших офицеров. Сразу поднялся штабс-капитан Яскевич, это был уже не прежний мальчик, а опытный офицер, но говорил он, волнуясь:

— Мое мнение таково. Прежде всего надо приказывать всем штабам выйти из вагонов, а свои обозы, больных и раненых отправить как можно дальше в тыл. Затем собрать в один кулак все наши полки и обрушиться ими на Латышскую дивизию. Латыши уже сильно потрепаны корниловцами, и 1-й корпус без сомнения уничтожит всю Латышскую дивизию. Все остальные советские полки будут потом не страшны. Мы снова возьмем Орел, и, не задерживаясь в нем, нам надо будет идти быстрым маршем на Москву. За Орлом, кроме только что мобилизованных частей, мы никого не встретим и Москву возьмем. Это произведет сильнейшее впечатление на все красные армии. Карты большевиков будут спутаны, советские войска потеряют управление. Наверняка кавалерия Буденного будет громить наши тылы, но с нею быстро случится то же, что было с казаками Мамонтова, — обозы разбухнут от награбленного добра, и весь ее порыв спадет. Удар Буденного по Харькову был бы даже полезен для тыла, многим поневоле пришлось бы взяться за винтовки...

— Штаб армии никогда не согласится с вашим планом, — прервал Яскевича Кутепов.

— Об этой операции надо только предупредить штаб армии, а потом немедленно оборвать с ним всю связь...

— Это предложение обсуждаться не будет, — сказал Кутепов.

Выслушав другие выступления, он принял решение:

— Корпус наступает на Орел и на Кромы.

Капитан Дымников не только не выступал, но и почти не слушал. Все кровавые месяцы Гражданской войны, начиная с января 18-го, он видел себя участником большого дела и чувствовал, что его собственные поступки, его поведение в бою влияют на ход дела. Последние же дни им овладела апатия. Он сравнивал себя с гонимым на убой, сражающимся неизвестно за что подневольным рабом-воином, ощущал себя щепкой, швыряемой волнами истории... Это, кажется, из Толстого.

В конце осеннего дня вдруг выглянуло солнце, захотелось окунуться в его скудные лучи, и после совещания многие офицеры стояли на улице, продолжая спорить. Большая группа столпилась вокруг Яскевича. Одни его поддерживали, другие обвиняли в мальчишестве.

— Вспомните март 1814-го, — отбиваясь Яскевич, — гениальное решение союзников идти на Париж! В этом не было военной необходимости. Даже была опасность — Бонапарт мог ударить во фланг. Но они взяли Париж, и кампания была окончена.

— Позвольте, но там же было превосходство сил, — возразил кто-то.

— Но там же был великий полководец! — возразил Яскевич. — А нам предлагают контрнаступление в расходящихся направлениях, что осуждается в любом учебнике.

— Нам не предлагают, а приказывают.

— Тем хуже.

Дымников с трудом вытащил штабс-капитана из толпы спорщиков.

— Пойдемте, Виктор, выпьем — на рассвете мне выступать на Кромы, на «расходящееся направление». Донесут Кутепову, что вы его носом в учебник тычете.

Последующие несколько часов, почти сутки, оказались расколотыми на несколько совершенно разных кусков-эпизодов, но все было соединено тонким, но крепким как сталь, вросшим в организм еще в юнкерские времена, особенным нервом: исполнение офицерского долга. Время вы-

хода батареи, маршрут движения, конечная цель, боевая задача — все это он помнил в любом состоянии. Не помехой были и обстоятельства этой ночи, начавшейся тем, что в каком-то грязном подъезде Яскевич прикрывал его операцию по доставанию английских фунтов из специального пояса-подсумка. Расколосось не только время, но и сам Леонтий, его сознание, его представление о себе. В том же подъезде он некоторое время думал, что лучше достать из-под пинели — деньги или наган, чтобы застрелить человека, с которым спала Марыся.

Потом в подвале у какого-то армянина, где на столиках лежали горы свежих яблок, пили настоящий французский коньяк. И Леонтий раскалывал, разламывал себя, как яблоко для закуски.

— Рассказывай, Витя, про мадам Крайскую. Как ты с ней?

С неприлично острым интересом слушал:

— Она сказала: «Жарко. Раздень же меня...» А у нее, знаете, такое прекрасное тонкое голубое белье.

Дымников слушал и мысленно называл себя извращенцем, сумасшедшим декадентом, начитавшимся Вербицкой и Арцыбашева...

Но помнил точно, что армянин ходил за бутылкой три раза.

И как-то без перехода вдруг оказался перед своей батареей верхом на любимом Стане. Рядом ехал заместитель командира батареи штабс-капитан Воронцов, он смотрел на Леонтия с удивлением и некоторым восхищением.

— Когда вы явились на рассвете, я растерялся, — говорил Воронцов. — Вы никого и ничего не видели. На меня, как на столб, натолкнулись и пошли дальше. И вдруг ровно в шесть ноль-ноль выходите и начинаете командовать.

— Офицерская привычка командовать, — сказал Леонтий, а сам чуть ли не с ужасом подумал, что только сейчас проснулся.

Шел первый, еще ненастоящий снег, щекотал лицо и шею, таял на дороге. Ехали по невысокому сосновому лесу. Стрельба доносилась откуда-то издалека.

— До огневой позиции еще верст пять, — сказал Воронцов. — Я сейчас по карте смотрел.

Слева от дороги лес начал редеть, вдруг открылась большая поляна, а по ней скакали всадники с красными звездами на шлемах. И вновь сработал тот особенный нерв — Дымников еще не совсем понял, что происходит, но уже командовал: «Стой! С передков! Хобота нелево! Картечью беглый огонь!»

В передке каждого орудия 16 шрапнелей с установкой трубки «на картечь» — это значит, что снаряд взрывается в 15 метрах от орудия, а гроздь огня и железа бьет врага прямо в лицо.

Израсходовали всего снарядов 5—7, и бой закончился. Оказывается, красных преследовал кавалерийский отряд дроздовцев. Теперь на серой гнилой хвое, припорошенной снегом, лежали убитые красноармейцы, а дроздовский ротмистр в бараньей папахе, сдвинутой чуть не на ухо, с развевающимся рыжим вихром, допрашивал пленных.

— Ты кто? — спрашивал он человека в шинели, украшенной нагрудными и нарукавными нашивками. — Комиссар, сволочь?

— Я командир 9-го кавалерийского полка Брусилов.

— О-о! Родственник?

— Я сын генерала Брусилова, На большой войне я служил офицером в лейб-гвардии. Я не согласен с отцом и сейчас ехал, чтобы перейти к вам.

— Ах ты, сученок! Сын предателя, сам предатель, а теперь еще и своих красных предаешь. Ты три раза должен умереть, и я тебе это устрою.

Ротмистр привычным движением выхватил пашку, и запорхали над его головой узкие длинные серебристые крылья смерти.

Дымников подошел к ротмистру и сказал осторожно:

— Может быть, этот пленный пригодится в штабе корпуса?

— В корпус? — удивился ротмистр. — Да в корпусе Кутепов его в один момент сам расстреляет без всяких допросов. Ты спроси, сколько моих людей вчера полк этого Брусилова погубил.

— Но это же война, — сказал сын генерала.

— Война? — с усмешкой переспросил ротмистр. — Это не война, а гражданская война, и я тебе сейчас покажу, какая она есть.

Взмах пашки — и шлепнулась в таявший на глазах снег отрубленная рука Брусилова. Еще взмах — густые брызги крови на шинели, на искаженном кричащем лице пленного, на земле вокруг. Он упал, но пытался ползти, из последних сил скреб ногами, и ротмистр добивал его лежащего и кричал: «Всех их так!» Засверкали лезвия пашек, брызнула новая кровь, отчаянно закричали обреченные, возмущенно ржали лошади, почуявшие запах смерти.

Дымников повел батарею дальше. Снег перестал подбегать дорогу, утих ветер, стреляли впереди не очень далеко, но и не очень интенсивно — видно, не бой, а перестрелка.

— Нас ожидают, — сказал Дымников.

— Думаете, Кутепов не расстрелял бы Брусилова? — спросил Воронцов, ехавший рядом, и сам же и ответил: — Скорее всего, расстрелял бы. Вы знаете, что на днях взяли в плен помощника командующего 13-й армией Станкевича и расстреляли?

Впереди загрохотала артиллерия, пока не густо, но слышны были близко и выстрелы, и разрывы. Снаряды рвались километрах в двух.

— Не дождались, — констатировал равнодушно Дымников.

Одновременно с его словами сверху прозвучало злое шуршание, сзади грянул сокрушительный взрыв. Полетели сверху комья земли, части разбитого передка, куски человеческих тел. Кричали раненые, дико ржали лошади. Дымников и Воронцов соскочили с коней, увидели страшные результаты прямого попадания снаряда в упряжку четвертого орудия. На земле барахтались изуродованные лошади, пытавшиеся вырваться из постромков. Вот одна поднялась, было, но у нее вместо задних ног струи крови, и она упала с диким ржанием. Поручика Арефьева разнесло на куски, голова лежала на дороге — по ней и узнали. Ездовые были убиты, некоторые номера расчета ранены. Второй снаряд упал шагах в пятнадцать от дороги, ближе ко второму орудью, и вновь разорванные лошади, крики раненых, перевернутая пушка...

— С закрытой с наблюдателем, — сказал Дымников. — Высоких деревьев полно. Разбежаться надо — еще будут выстрелы. Батарея в укрытие, 100 шагов от дороги!..

Его команда совпала с третьим снарядом...

Еще несколько разрывов, и на дороге остались только обломки передков и зарядных ящиков, разбитые орудия, трупы. У всех четырех пушек искорежены и стволы и затворы — батарея больше не существует. Солдаты ловили разбежавшихся лошадей.

— Без орудий нам на передовой нечего делать, — сказал Дымников. — Собираем раненых, устраиваем их на оставшиеся зарядные ящики, на лошадей и двигаемся по направлению к Курску.

Наступление красных продолжалось. В этот день интенсивность их огня была такой, что плавилась стволы пулеметов. 3-й Марковский полк стоял насмерть, обороняя Кромы, — здесь сражались только офицеры. Из штаба корпуса приехали Ермолин и Соболев с личной благодарностью Кутепова. Привезли бочку спирта. Еще до рассвета все были почти без сознания. В это время красные и начали атаку. Два батальона марковцев были разгромлены полностью. Многих, допившихся до бесчувствия, резали, как свиней. Так умерли и Ермолин, и Соболев. Уцелевшие бежали, оставив Кромы.

21 октября Буденный взял Воронеж.

Скоблин докладывал: «За трое суток Корниловская дивизия потеряла треть своего состава».

1919. НОЯБРЬ

Яскевич так и не успел сформулировать для себя, была ли это его первая и роковая ошибка в военной разведке или надо употребить выражение Дымникова — мираж. Он пытался убедить Кутепова, что красные обязательно будут атаковать самое слабое место корпуса — стык между Корниловской и Дроздовской дивизиями.

— Зачем они полезут в лоб, если Буденный имеет успех на фланге?

— Затем, Александр Павлович, что стык — самое слабое место, и его надо атаковать.

— Интуиция? Теория? Черт вас знает. Хорошо. Я предостерегу командиров дивизий, а вы лично поедете туда и

установите точное расположение красных войск в этом районе. Вы это умеете.

Снег еще не выпал, и ночная темь поднималась с корявой замороженной земли, пронизывая все острым холодом. Капитан Чижов, командир роты, занимавшей самый левый фланг корниловской дивизии, повел Яскевича на передовую около полуночи. Чижов совсем недавно получил повышение и продолжал служить старательно — ведь на Великой войне он был подполковником. Вот и человеку из штаба надо угодить, хотя бросать теплую избу и лезть в поле не было никакого смысла — разведка, посланная капитаном, до утра не вернется, а на передовой ночью ничего не может произойти — красных близко нет. За целый день ни одного не видели.

— Кто идет? — окликали их посты боевого охранения. — Пароль.

— Корнилов. Отзыв.

— Москва. Проходите.

Вышли на самую что ни на есть передовую. Ближайший пост охранения шагах в тридцати искрил махоркой.

— Неужели никаких следов красных? — удивлялся Яскевич.

— Никаких. Даже выстрелов не слышно. Только дальние.

Посидели минут 15, и черный мрак впереди превратился в опушку леса с выемкой — наверное, дорога или просека. Поднялся ветер, зашумели тревожно вершины деревьев, и вдруг с порывом ветра донесся лишний звук, мягкий, густой, распадающийся на удары, приближающийся.

— Кавалерия! — испуганно сказал Чижов. — Чья?

— Здесь может быть только красная кавалерия. Надо объявлять тревогу.

Но кони ржали уже близко, на опушке появились всадники в белых папахах и белых полшубках, на плечах погоны.

— Стой! — закричал Чижов. — Пароль или дам из пулемета.

— Да вы что, господа? Я командир 7-го эскадрона конницы генерала Шкуро. Нам приказано прибыть в распоряжение Кутепова.

— Командир с документами подъезжайте, — крикнул Чижов. — Боевое охранение ко мне.

Командир подъехал с большой свитой. Глаза, привыкшие к темноте, уже различали красавца командира в папахе набекрень и ловко сидящем на нем полубубке, и коня, что так и рвется вперед. Командир хитро улыбался, глядя на растерянного Яскевича, который думал о том, что только красные могут быть здесь, и никак не мог поверить, что впервые ошибся... Правда, для размышлений отвели ему времени слишком мало — красавец командир рубанул его пашкой, и ледяное лезвие смерти скользнуло по шее и плечу.

Капитан Чижов уже лежал рассеченный пашкой другого кавалериста. Падало под беспощадными ударами боевое охранение...

Так начался знаменитый рейд полуторатысячной «червоно-казачьей» группы Виталия Примакова⁴², прошедшей 120 верст, разгромившей кутеповские тылы и склады, взорвавшей железную дорогу.

6 ноября примаковцы разбили 3-й полк Корниловской дивизии, 7 ноября — 2-й полк и остатки 3-го, 19 ноября — 3-й полк и кавалерию дроздовцев. «Червонные казаки» окружили кавалеристов и рубили их пашками, на одного дроздовца пришлось примерно трое казаков. Рыжий ротмистр, недавно расправившийся с Брусиловым, выхватил наган, но выстрелил не в приближающихся к нему с пашками наготове примаковцев, а в себя. И зацелкали револьверные выстрелы — офицеры предпочли самоубийство.

Когда в штаб Май-Маевского в Харьков приехал Шкуро, перед генералом лежали донесения Кутепова:

«Под натиском превосходящих сил противника наши части отходят на всех направлениях. Корниловцы выдержали в течение дня семь яростных штыковых атак красных. Появились новые части противника, преимущественно латыши и китайцы. Численность появившегося противника установить не удалось. Потери с нашей стороны достигают восьмидесяти процентов».

«Под натиском превосходящих сил противника наши части продолжают отход. В некоторых полках Корниловской и Дроздовской дивизий осталось по двести штыков.

Остатки Корниловской дивизии сосредоточились севернее Курска. Крестьяне относятся враждебно. В тылу происходят восстания».

— Опоздала писулька, — сказал Шкуро. — 18-го Курск взяли красные.

— Я всегда утверждал, что нам для победы необходимы два условия: земельная реформа и поголовные расстрелы мародеров. Меня не слушали. А теперь невозможно удерживать красную лаву, опьяненную победой над Колчаком.

— Брось, отец, эту лавочку! Поедем в Италию. Все равно здесь ты уже не спасешь положения. Денежки-то у тебя есть? А то я тебе дам. У меня, знаешь; двадцать миллиончиков. На жизнь хватает.

— Оставь, Андрюша, глупости. Я все-таки попытаюсь выровнять фронт и хотя бы на время остановить наступление красных.

— Теперь уже поздно. Надо было раньше выравнивать. Сиди, думай, а я в Ставку, а оттуда прямо в Италию. До свиданья, отец. Не поминай лихом.

Шкуро ушел, но командующему недолго удалось поразмышлять над картой фронта: вошел озабоченный адъютант Макаров.

— Что случилось, Павел Васильевич?

— Прибыл капитан из Ставки с пакетом. Сказал, что ему приказано вручить пакет лично вам.

— Давай сюда этого капитана.

Май-Маевский распечатал пакет и прочитал:

«Дорогой Владимир Зенонович, мне грустно писать это письмо, переживая памятью вашу героическую борьбу по удержанию Донецкого бассейна и взятие городов: Екатеринослава, Полтавы, Харькова, Киева, Курска, Орла.

Последние события показали: в этой войне играет главную роль конница. Поэтому я решил: части барона Врангеля перебросить на ваш фронт, подчинив ему Добровольческую армию, вас же отозвать в мое распоряжение. Я твердо уверен, от этого будет полный успех в дальнейшей борьбе с красными. Родина требует этого, и я надеюсь, что вы не пойдете против нее. С искренним уважением к вам — Антон Деникин».

— Я этого давно ждал, — сказал генерал. — Писать в Ставку не нужно: я буду раньше, чем дойдет ответ. Прика-

жите, Павел Васильевич, выделить из состава поезда мой вагон и приготовить паровоз.

Уже в сумерках, часа за два до отъезда Макарова нашел в штабе Дымников. Адъютант бывшего командующего озабоченно перебирал бумаги, вытащенные из ящиков стола.

— Ищешь исторически значимые документы для будущих музеев? — спросил Леонтий капитана.

— Для музеев без нас найдут, для тюрьмы бы не нашли. Боюсь, что сюда могли попасть документы по складам и по отправке грузов. Вот один, — сказал Макаров удовлетворенно, — с подписью генерала: эшелон спирта в Крым. Это я ему подsunул пьяному. Хорошо тогда заработали.

— А у меня, Паша, денег нет. Только книжка Лондонского банка. Ты, помнится, тогда не стал эти чеки брать.

— Потому и не стал, что ходил бы теперь с такой же книжкой без гроша. А твое золото?

— Золото у Марыси, а она... Наверное, навсегда разошлись.

— Значит, цель твоей жизни — Лондон. Я тебе пока фунтов сто выделю. Или николаевскими?

— Давай лучше валюту. А ты в Лондон разве не собираешься? Наверное, и генерал сейчас уедет.

— Тут бабы такую драму устроили. Анна Петровна уговаривала Зеноныча насчет женитьбы, но ему нынче не до того. Он, как Наполеон, на Святую Елену собирается. А Катя на меня такую атаку вела! Едем за границу — и все. У нее там капитал в банке, сестра замужем за англичанином-миллионером. Купим виллу и все такое...

— А ты?

— У нас с братом другие планы.

— Секретно?

— Особой важности. Скоро узнаешь.

— А какой ужасный стал Харьков. Дождь, туман, на улицах одни раненые и нищие. А помнишь лето? Цветы, музыка, женщины, «Вперед на Москву». Был мираж и растаял, — спокойно сказал Дымников.

Еще не доехали до Таганрога, до Ставки, а капитан Макаров шепнул старшему брату:

— Полный порядок, Володя: я уговорил его — мы едем в Севастополь.

За все время службы Деникин никогда не принимал Май-Маевского так сердечно и дружески, как в день прощания.

— Владимир Зенонович, — говорил он, — мне неприятно было отзывать вас. Я долго не решался... У меня была мысль подчинить вам Врангеля. Но вы поймете меня. Я это сделал в интересах нашего общего дела. Вам необходимо немного отдохнуть, а тогда снова приметесь за работу, мы снова будем вместе бороться за Великую Россию...

Они беседовали в уютной комнате отдыха. В дверь постучал адъютант и доложил, что Главнокомандующего срочно просит Кутепов с фронта. Деникин извинился и вышел. Кутепов звонил из Харькова.

— Ваше превосходительство, — говорил он резко и требовательно. — Мне поручено оборонять Харьков, но в городе нет порядка. Дезертиры, мародеры. Прошу дать мне чрезвычайные полномочия по наведению порядка в городе вплоть до применения смертной казни на месте.

— Вы получили эти полномочия, — сказал Деникин, записывая что-то на календаре. — Вы знаете о замене Май-Маевского Врангелем?

— Знаю, Антон Иванович. Знаю и одобряю.

— Скажите, Александр Павлович, вы знали о... о безобразиях, которыми сопровождалась деятельность генерала Май-Маевского? О его запоях? О дискредитации армии и власти?

— Конечно, знал, Антон Иванович.

— Почему же вы не поставили меня в известность об этом во имя дела и боевого содружества?

— Вы могли бы подумать, что я наговариваю на командующего, чтобы самому сесть на его место.

— Александр Павлович, я всегда считал вас одним из самых порядочных офицеров нашей армии и теперь еще раз в этом убедился.

В комнате отдыха разговор с Май-Маевским был продолжен. Говорили о тяжелом положении на фронте, о предательском поведении Польши.

— Представляете, Владимир Зенонович, после стольких совещаний с польской миссией, после долгих детальных обсуждений Карницкий вдруг пишет в газете: «Что

касается отношений к Добровольческой армии, то помощь в виде энергичной борьбы с русским большевизмом с удовольствием будет дана правительством, но за ней до сих пор к Польше не обращались».

— Возмутительно! — согласился Май-Маевский.

— А когда я напрямую спросил его, почему бездействуют польские войска на фронте против красных, он стал такое говорить... Будто бы в Варшаве считают, что я не признаю независимости Польши, что я не имею полномочий от Колчака...

В конце беседы решил вопрос о будущей жизни Май-Маевского:

— Антон Иванович, разрешите мне выехать в Севастополь, где я буду жить. А также, если возможно, прикомандируйте ко мне временно моего адъютанта и двух ординарцев.

— Пожалуйста, пожалуйста, с полным содержанием.

Вечером возбужденный разговорами о предательстве поляков Деникин решил написать письмо лично Начальнику Польского государства Пилсудскому:

«Встретив некогда с чувством полного удовлетворения поворот русской политики в сторону признания национальных прав польского народа, я верил, что этот поворот знаменует собою забвение прошлых исторических ошибок и союз двух родственных народов.

Но я ошибся.

В эти тяжкие для России дни вы — поляки — повторяете наши ошибки едва ли не в большей степени.

Я разумею стремление к занятию русских земель, не оправдываемое стратегической обстановкой; вводимое в них управление, отрицающее русскую государственность и имеющее характер колонизации; наконец, тяжелое положение Русской православной церкви как в Польше, так и в оккупированных ею русских землях.

Для меня совершенно ясно, что именно теперь создаются те основы, на которых будут построены на долгие годы международные отношения. И нынешние ошибки наши будут оплачены в будущем обильной кровью и народным обнищанием на радость врагам славянства.

Мне нет надобности доказывать вам, что непонят-

ная для русского общества политика польского правительства может дать весьма серьезную опору германо-фильскому течению, которое ранее у нас не имело почвы.

Я нисколько не сомневаюсь, что, если бы когда-либо такое течение возобладало, оно имело бы роковое значение для Польской республики.

Этого допустить нельзя.

Между тем восточная польская армия, успешно наступавшая против большевиков и петлюровцев в дни, наиболее тяжкие для русских войск, вот уже около трех месяцев прекратила наступление, дав возможность большевикам перебросить на мой фронт до 43 тысяч штыков и сабель. Большевики так уверены в пассивности польского фронта, что на киевском и черниговском направлениях они совершенно спокойно наступают тылом к нему.

Правда, вот уже более двух месяцев польская военная миссия выясняет наши взаимоотношения... Но за это время обстановка на нашем фронте становится все более и более тяжелой. При таких условиях, казалось бы, не время спорить о компенсациях. Тем более, что в сознании честных русских людей счастье родины не может быть приобретено ценою ее расчленения.

Станем на реальную почву: падение вооруженных сил Юга России или даже значительное их ослабление поставят Польшу лицом к лицу с такою силой, которая, никем более не отвлекаемая, угрожает самому бытию Польши и гибелью ее культуры. Всякие заверения большевиков в противном — обман.

Русские армии Юга вынесут новое испытание. Конечная победа наша несомненна. Вопрос лишь в том, как долго будет длиться анархия, какую ценою, какую кровью будет куплено освобождение.

Но тогда, встав на ноги, Россия вспомнит, кто был ей другом.

От души желаю, чтобы при этом не порадовались немцы. Уважающий Вас А. Деникин».

Ответа на письмо не последовало, а через третьих лиц поступили сообщения, будто Пилсудский объяснял отсутствие взаимодействия с русскими противобольшевистскими силами тем обстоятельством, что ему, к сожалению, не

с кем разговаривать, так как и Колчак, и Деникин — реакционеры и империалисты. И еще Пилсудский заявил, что весной может начать наступление на Москву, а зимой он двигаться вперед не может; его войска уже на Березине и в тылу у них 100 верст опустошенной страны.

Поезд Кутепова стоял у перрона Харьковского вокзала. Неустанный дождь, казалось, смывал не только грязь, но и все лишнее. Оставались только железо, камень, люди. Среди людей было много лишних — тех, что погубили Великую Россию и помешали генералу войти в Москву и восстановить государство.

В сопровождении офицеров Кутепов вышел из вагона. Часовые отдали честь, генерал ответил, задрав голову, наплавив бородку навстречу дождю.

Где-то недалеко под гитару запел молодой лихой голос:

Орел и Курск забрали,
К Москве уже стремились,
Буденновцы нажали —
За Доном очутились.

Кутепов приказал:

— Найти артиста, арестовать и привести ко мне.

«Артистом» оказался поручик артиллерист из юнкеров-константиновцев.

— Издеваетесь над нашими неудачами, поручик? Радуетесь успехам красных?

— Никак нет, ваше превосходительство. Это шутка.

— Это для красных шутка, а для нас оскорбление. Я получил от Верховного главнокомандующего чрезвычайные полномочия по наведению порядка в городе и имею право вас повесить за распространение большевистских песенок. Как первопоходнику делаю снисхождение. Приказываю вам в течение всего дня в свободное от службы время играть и петь Преображенский марш!

Следующее, что привлекло внимание генерала — какой-то шум на запасных путях. Сразу направился туда, спустился по ступеням с перрона, обошел вагоны.

Несколько сцепленных товарных вагонов стояли с широко раздвинутыми дверями, и люди выгружали оттуда

ящики, мешки, коробки, даже какие-то бочонки. Все, что выгружалось, люди, среди них были и оборванцы, и лично одетые, и в шинелях, волокли по шпалам, через рельсы, куда-то в переулок.

— Задержать! — приказал Кутепов. — Всех ко мне! Увидев военных, мародеры бросились врассыпную.

— Стреляйте! — кричал Кутепов. — Стрелять в грабителей.

Он и сам достал револьвер, но стрельба посреди путей с вагонами, паровозами, подготовленными к отправке поездами, представилась опасной. Кутепов отменил свой приказ, тем не менее человек семь самых нерасторопных задержали.

— Вы грабите государственное имущество, — сказал им генерал.

— Оно не государственное, оно ничье, ваше превосходительство, — сказал какой-то смелый.

— Молчать! — рявкнул Кутепов. — Я наделен специальными полномочиями по наведению порядка и приказываю всех этих грабителей немедленно повесить на площади перед вокзалом. Господин адъютант, прошу поручить моей охране исполнить приговор.

Старичок в солдатской шинели забормотал со слезами:

— Ваше превосходительство, я генерал в отставке еще с Русско-японской войны. Взял бочонок с виноградом. Он валялся возле вагона...

— Как вам не стыдно?

— Хотел в дорогу провиантом запастись.

— Этого отпустить, остальных — как приказано, — сказал Кутепов и пошел, не оглядываясь, не слушая воплей приговоренных.

Вернулся он в штабной вагон, исполненный горькими мыслями: очень много в России людей — разрушителей государства. Это не только большевики — это и вот такие грабители-мародеры, это и некоторые тыловые офицеры, торгующие армейским имуществом. Новый командующий армией Врангель в первом же своем приказе заявил: «Отраждающая честь и достоинство армии, я беспощадно подавлю темные силы, — погромы, грабежи, насилие, произвол и пьянство будут беспощадно караться мною».

«И мною!» — сказал себе Кутепов. Чем больше будет убито, расстреляно, повешено разрушителей государства, тем легче будет восстановить Великую Россию. Надо не ловить случайных грабителей, попавшихся на глаза, а провести большую карательную операцию по очистке города.

Немедленно в штабе был разработан план операции. Основные силы: конвой и охрана генерала. Они делятся на несколько групп, в каждую включается офицер, обладающий правом принимать решения о наказании нарушителей порядка вплоть до смертной казни. Одни группы — на легковых и грузовых автомобилях, другие — верхами. Все группы снабжены официальными приказами Кутепова, подтверждающими их права, веревками для повешения и табличками «мародер», которые будут надеваться на грудь казненным.

Офицеры, назначенные на эту операцию, набились в коридор штабного вагона для краткого отсутствия. Среди них оказался штабс-капитан Меженин — после долгих разбирательств ему вернули звание, признав его деятельность у красных полезной Добровольческой армии. Адъютант Кутепова, потерявший свой прежний лоск, усталый, отпустивший бороду, договаривался с офицерами о маршрутах. «Прошу для меня район заводских улиц», — сказал Меженин, пробившись к нему. Адъютант с трудом нашел на плане города указанный район. Все уже разошлись, только Меженин объяснял адъютанту:

— Я здесь работал по линии разведки и мне известен человек, выдавший чекистам разведгруппу полковника Двигубского. Если мы вешаем грабителей, то предатель...

— Разумеется, — сразу согласился адъютант, у которого впереди было еще много невыполненных заданий. — Оформите как приговор военно-полевого суда. На всякий случай, дайте мне данные.

— Заводской переулок, 5, квартира 7.

Начало операции назначили на 5 часов вечера: еще светло, но темные силы уже выходят на черные дела.

Офицеры разошлись, адъютант явился в купе генерала за новыми указаниями. Тот разбирал свежую почту и с интересом рассматривал пакет с русским адресом, напечатанным латинским шрифтом: «Таганрог, Ставка Верховного

Главкомандующего ВСЮР, лично в руки капитану Дымникову». Отправитель: «Варшава, польская миссия на переговорах с ВСЮР». Штамп Ставки: «Адресату. Штаб 1-го корпуса».

— Что это? Наш капитан перешел на службу к Пилсудскому? — позволил себе пошутить генерал. — Распечатывать, конечно, не буду. Передам лично. Пожалуйста, сейчас же его и найдите, он, наверное, в поезде Скоблина.

Адъютант записал: «Дымников — письмо».

Кутепов продолжал:

— Сегодня начальник штаба должен представить мне окончательный вариант реформирования корпуса, и мы тотчас отправляем его в Ставку Врангелю. Проверить, получено ли Скоблиным зимнее обмундирование. Если нет — найти виновных и срочно доложить мне...

Дымникова нашли быстро. Он явился к адъютанту настолько вымоченный дождем, что, казалось, не пришел, а приплыл.

— Не подходи близко, — испугался адъютант. — Снимай шинель, а то зальешь мне все бумаги.

— Зачем вызвали?

— Сейчас вспомним.

Когда-то Ленченко всегда все помнил, всегда все точно исполнял, но в трудные дни отступления переутомился и был вынужден записывать поручения, однако иногда не помогала и записная книжка. Он прочитал: «Дымников — письмо» и не мог вспомнить, в чем суть дела. Выше увидел запись: «Меженин, Заводской переулок, 5, квартира 7», и сказал:

— Кстати, ваш друг Меженин объявился. Только что здесь был.

— Я с ним уже встречался. А почему он был в штабе?

— У нас тут такое происходит... Вам повезло, что вы никому на глаза не попали, а то бы и вас мобилизовали. Назначена карательная операция по всему городу — вешать мародеров. Меженин — участник. Вот он мне адрес дал: Заводской переулок, 5, квартира 7.

— Зачем вам адрес?

— Ну... Чтобы оформить приговором, что ли... Нельзя же всех просто так вешать. Да, вспомнил: письмо. Вам письмо. Оно у генерала. Он хочет вручить его вам лично.

Дымников вошел в купе Кутепова, и тот позволил себе пошутить:

— Еще Польша не сгинела, Леонтий Андреевич?

— Не сгинела, Ваше превосходительство.

— У вас с Пилсудским отношения лучше, чем у Деникина. Надо было вам вести переговоры — тогда бы, наверняка, Пилсудский с нами пошел бы на Москву. А корреспонденция лично вам, — сказал генерал, передавая пакет Леонтию.

Уносить нераспечатанным письмо из Польши не только неприлично, но и опасно.

— Наверное, по поводу моей работы во время переговоров, — сказал Дымников, распечатывая пакет и доставая конверт и сложенную вчетверо записку на нежно-голубой бумаге. — А-а... Это я просил переводчицу, чтобы как-нибудь через дипломатические каналы помогли связаться с родителями. И вот письмо из Питера. А это — записка с приветами.

И он небрежно сунул записку в карман и нетерпеливо разорвал конверт.

— Поздравляю, Леонтий Андреевич. Тяжело так долго ничего не знать о родителях.

— Написано рукой отца, — радостно сказал Леонтий. — ...«Я и мама»... Значит, оба живы...

— Прочитайте спокойно, без посторонних, — сказал генерал. — Если будет возможность для ответного письма, кланяйтесь от меня.

В своем поезде, стоявшем здесь же, на одном из главных путей, Леонтий не смог уединиться: один без конца поет под гитару Преображенский марш, в других купе шлепают картами или звенят стаканами, а то просто валяются и болтают — куда пойдешь днем в такой дождь. Достал из чемодана длинный черный плащ, надел его вместо шинели, а на голову водрузил шляпу с широкими полями, сунул в карман револьвер.

— Капитан пошел сражаться на дуэли.

— Нет, господа, собрался к чужой жене... — проводили его репликами.

Это был уже не дождь, не ливень, а особое состояние природы, когда она напоминает человеку о своем презри-

тельном равнодушии к нему. Лужи, соединясь, превращались в пруды и речки, заливая мостовые. Под водосточными трубами вода булькала, шумела, и шум был похож на издевательский хохот.

Однако несколько закрытых темным брезентом бричек стояли у вокзала, извозчики время от времени протирали терпеливо мокнувших лошадей. В Гранд-отель Дымников поехал за два рубля.

В холле и ресторане чисто, пусто, печально, отчего возникла особенная прелесть красивого одиночества. Почти все столики были свободны. Он выбрал столик у окна — когда-то они сидели здесь с Марысей. Ленивый сонный официант подошел, предупреждая всем своим видом, что здесь не на что особенно рассчитывать, однако, увидев английский фунт, пообещал и настоящий коньяк, и рыбу, и мясо.

Сначала, конечно, письмо от родителей.

«Дорогой Леонтий, я и мама едва не лишились чувств, узнав, что ты жив, здоров и находишься далеко от фронта. Мы пережили прошлую зиму в холоде и недоедании, но эта зима грозит и голодом. Мы, как и почти все питерцы, поставили в квартире железную печку, но не знаем, удастся ли купить дрова. Если даже жечь книги, то и их надолго не хватит. Кое-что все-таки сожгли — большей частью журналы. Твои любимые не трогали: Пушкин, Лермонтов, Толстой, Стриндберг, Гамсун так и стоят у тебя на полке.

Я хожу в Университет и иногда читаю лекции — когда бывают студенты. Сейчас Максим Горький пытается организовать помощь писателям и ученым. Осенью нам выдали мешок яблок, а недавно дали хорошее конское мясо. Может быть, дадут дров. На днях приходила Женни. У нее огромное горе — расстреляли родителей. Когда к городу подходили белые, многих арестовали и расстреляли.

Мы мечтаем о том времени, когда кончится весь этот ужас, и мы встретимся с тобой и будем жить настоящей человеческой жизнью. Нам сказали, что через людей, представляющих тебе это письмо, ты можешь нам ответить, не касаясь войны, политики и прочего. Целуем тебя, молимся за тебя, живем только ради тебя...»

Хорошо, что официант вовремя принес коньяк, а то бы капитан расплакался.

— Подожди, — сказал он официанту. — Скажи, какая по-твоему должна быть настоящая человеческая жизнь.

— Ну... Какая? Дом, жена, дети, наверное.

— А сейчас у нас настоящая жизнь? Молчишь? А вообще бывает когда-нибудь настоящая человеческая жизнь? Не знаешь? Вот и я не знаю, — произнес он мрачно и стал развертывать сложенный нежно-голубой листок.

«Мой коханный, любимый Леончик! Верю, что мы скоро вновь встретимся и уже никогда не расстанемся. Я сейчас не могу приехать к вам. Попробуй ты перейти на службу в вашу миссию, которая сидит в Варшаве. Я живу: Маршалковская, 17, телефон 1385. Попробую прислать тебе кое-что с кем-нибудь. Целую, целую, целую... как, помнишь, целовала тогда летом, когда цвели розы. Навсегда твоя Марыся».

Закончив обед, Леонтий еще тщательнее завернулся в плащ, а выйдя на улицу, вдруг обнаружил, что дождь перестал. Назвал адрес извозчику, тот покосился на пассажира, но промолчал и погнал лошадь небыстрой шлепающей рысью в сторону Заводского переулка. Свернул с Сумской, потом направо, и перед глазами Дымникова возник белый дом, зеленые железные ворота, рядом солдат с винтовкой — Заботин, или как его там теперь.

— Что за военный дом? — спросил Дымников у извозчика.

— Комендатура.

— Шагов через 20 останови.

Солдат, увидев, что из остановившейся брички к нему направился офицер, сначала закричал: «Стоять! Назад! Чего надо?» Потом узнал Дымникова и сказал потише:

— Проходите от греха, а то оба пропадем.

— Своих ждешь?

— Вы о себе задумайтесь. Наши ведь вас не простят. Бечь вам надо за границу.

— Ночью Кутепов будет город объезжать. Прячься.

— А ну, проходи! — закричал Заботин, завидев офицера.

В Заводском переулке у дома 5 Дымников вышел, сказав извозчику ждать, поднялся на 2-й этаж, постучал в дверь квартиры 7. Услышал:

— Входите. Открыто. Проходите вперед к столу.

Сделал шага два и вдруг:

— Стоять! Руки вверх! Не оборачиваться! У меня маузер. Оружие есть?

— Таковую мать! — выругался Дымников. — Впервые в жизни решил спасти незнакомого человека и сразу попал под прицел.

— В каком кармане оружие?

Незнакомец подошел сзади, вытащил наган из кармана, оцупал плащ, отступил куда-то в угол, сказал спокойнее:

— Можете повернуться.

Перед Дымниковым стоял человек интеллигентного вида, в очках, в хорошем костюме.

— Не узнаете меня? — спросил незнакомец.

— Как я могу вас узнать, если никогда с вами не встречался, но, надеюсь, именно вы хозяин этой квартиры? Я, действительно, пришел вас спасти. Сегодня в 5 вечера Кутепов начинает карательную операцию по всему городу. Одна из групп имеет данные о том, что вы провалили разведгруппу Добрармии.

— Берите ваш наган и отпускайте извозчика — я в окно видел, как вы подъехали. Поговорим, а потом я найду вам извозчика, да и самому надо исчезать. Кстати, у меня есть спирт.

Пока пили спирт с вишневым настоем и закусывали какой-то соленой рыбой, Игнатий Алексеевич рассказывал:

— В этой акции, кроме меня, участвовали еще двое. Только один из них может быть сейчас в Харькове и действовать против меня. Летом он был штабс-капитаном и переметнулся к красным с той самой информацией о разведгруппе.

— А теперь он вновь перешел к нам и опять штабс-капитан. А вы большевик?

— Нет. Я был за Ленина до тех пор, пока он не разогнал Учредительное собрание. Общался с ним. Спорил. В вашей армии многие за Учредительное собрание. Теперь, когда Врангель стал командующим, появилась возможность объединиться всем разумным силам вокруг него. Он — понимаю-

пций генерал. Он может увести армию в Крым и там создать республику. Ему помогут западные государства. Я на это надеюсь и уже собрался в Крым. Ваше появление ускорило мой отъезд. Советую вам ориентироваться на Врангеля.

— Мой командир — Кутепов.

— Профессиональный убийца. Сколько в России офицеров и генералов, и более разумных, и, наоборот, более недалеких, но ни одного не нашлось, кто бы возглавил карательный отряд в Петрограде. Только Кутепов. Он считает, что служить — это убивать. И сам, конечно, своей смертью не умрет.

В эту ночь смерть называлась «Кутепов». Она появлялась одновременно с автомобилем, наполненным вооруженными людьми в шинелях под командой офицера, или с конным отрядом, сверкающим клинками, галопом врывающимся на площадь, окружала, сдавливала, требовала документы, вглядывалась в лицо, обыскивала и действовала:

— Документов нет, по морде видно — большевик. Повесить.

— Приказчик с двумя золотыми часами — ворюга. Повесить.

— Продукты в магазине взял — продавцы разбежались. Мародер — повесить.

— Оборванец, шатается по городу неизвестно зачем. Бандит. Повесить.

— Хозяин магазина увозит товар неизвестно куда. Вор. Повесить.

Кутепов предупреждал: казнить каждого мародера независимо от чина. Повесил же генерал Врангель железнодорожное начальство в Царицыне. Почему же хозяина магазина надо прощать?

По городу неся вопль ужаса: «Кутепов идет!»

1919. ДЕКАБРЬ

12 декабря Добрармия оставила Харьков. Оставила ограбленный, запуганный, опустевший город. Летом, когда белые пришли сюда победителями, город цвел розами и улыбками женщин в светлых платьях, сверкал трубами

духовых оркестров и офицерскими погонами, теперь же — чуть ли не на каждом столбе болтался повешенный с табличкой на груди «Мародер».

20 декабря, когда штабной поезд стоял на станции Лозовая, Кутепова срочно вызвали в Ставку. Он приказал адъютанту, кроме конвоя, взять еще одного грамотного офицера — предполагал, что придется сочинять какие-то документы, а штабных трогать нельзя. Накануне в лесах под Змиевым полностью лег 3-й Корниловский полк, прикрывавший отход корпуса. Штаб должен быть начеку, чтобы не допустить прорыва, окружения или гибели еще одного полка.

Настроение у генерала перед выездом было такое, что впору бы кого-нибудь расстрелять или повесить. Ленченко подошел с Дымниковым.

— Леонтий Андреевич сейчас в резерве, в распоряжении штаба... Поедет с нами, — отвечая на вопросительный взгляд Кутепова, объяснил адъютант.

— Он хочет личные делишки в Таганроге устроить! Письма родным! Целый полк погиб, а боевые офицеры в тылу устраивают свои дела.

— Ваше превосходительство, Вас вызывают в Ставку, потому что без Ваших советов и оперативных разработок там не знают, что делать. Для меня большая честь быть рядом с Вами и помогать в оформлении Ваших идей, — отважился на откровенную лесть Дымников.

На подобные пассажи Кутепов обычно отвечал покашливанием и переводил разговор на другое.

— Возьмите лишний комплект оперативных карт до Крымского перешейка.

Ленченко незаметно для генерала толкнул Дымников и подмигнул: молодец, мол.

В Таганрог приехали в середине дня. Здесь генерал смилостивился, дал Дымникову время для решения личных проблем до вечера, часов до девяти, а самого его сразу принял Деникин.

В большой кабине опущены шторы, электрический свет, крепкий чай, привычная участливая доброжелательность Главнокомандующего: как жена? здоровье? настроение?.. Сочувствие к потере полка, вздохи о тяжелом време-

ни для армии и непоколебимая уверенность в окончательной победе.

Кутепов знал, что хоть Деникин и назначил Врангеля командующим армией, между ними нет согласия. По слухам, Врангель предлагает отступать в Крым. Деникин вызвал Кутепова, наверное, для того, чтобы выяснить его позицию, узнать, кого он поддержит? А он, Кутепов, знает, что никого поддерживать не надо. Воюй, бей красных, береги свои войска, решай боевые задачи своего корпуса, а в планах Врангеля и Деникина пусть разбираются их штабы. Однако карты до Крымского перешейка взял с собой.

Деникин начал с того, что Добрармия стала столь малочисленной, что они с Врангелем решили переформировать ее в корпус. Подчеркнул: «мы с Врангелем», будто никакого конфликта и нет.

— Правильное решение, Антон Иванович. Я сверну свои дивизии в полки.

— Подготовьте проект приказа.

— Сегодня?

— Срочности пока нет. Надо посоветоваться еще с некоторыми генералами.

— А то могу сегодня.

— Сегодня нам надо посоветоваться о плане дальнейших операций. К сожалению, отступление мы пока не можем остановить. Вопрос: куда отступать? Один вариант — из-за тяжелой обстановки на правом фланге отходить в Крым, оторвавшись от Донской армии. При этом предлагается создать общее командование над армиями Киевщины, Новороссии и Добровольческой.

Кутепов уткнул бородку в карту. Лицо его выражало напряженную работу мысли. Деникин понял, что ни «да» ни «нет» он так и не услышит, и решил изложить свое мнение, подкрепленное убедительными аргументами. Он любил излагать свои правильные мнения.

— Я считаю, — сказал Деникин, — если нельзя будет удержаться, то отступать можно только на Ростов в связи с Донской армией, каких бы жертв это ни стоило. Уход Добровольческой армии в Крым вызвал бы неминуемое и немедленное падение донского и всего казачьего фронта, что обрекало бы на страшные бедствия, быть может, на гибель,

десятки тысяч больных, раненых солдат и казаков, семейств военнослужащих. Ведь ваша супруга в Екатеринодаре? Вот видите. Никакие стратегические соображения не смогли бы оправдать в глазах казачества и офицеров этого шага, и казаки отнеслись бы к нему, как к предательству с нашей стороны. Вы согласны со мной, Александр Павлович?

— Разумеется. Ведь когда будет приниматься окончательное решение, дадут высказать свои аргументы и сторонники крымского варианта.

Деникин явно был недоволен таким ответом. Он поднялся, прошелся по кабинету, заговорил вдруг о воровстве в тылу, о мародерах и, как бы мимоходом, о жалобах на действия Кутепова в Харькове, необоснованных, конечно, жалобах, но... Рассказал и о Врангеле:

— Когда я назначил его на Добрармию, он прямо здесь у меня заявил, что не потерпит присутствия в армии Шкуро и Мамонтова. Шкуро тогда был в отпуске по болезни, а что касается Мамонтова, я предостерег Петра Николаевича, что тот пользуется на Дону большой популярностью, и резкие меры по отношению к нему могут вызвать нежелательную реакцию. Однако барон поступил по-своему, а Мамонтов дал телеграмму во все адреса, во все свои полки. Вот она: «Учитывая боевой состав конной группы, я нахожу не соответствующим достоинству Донской армии и обидным для себя замену как командующего конной группой без видимых причин лицом, не принадлежащим составу Донской армии и младшим меня по службе. На основании изложенного считаю далее невозможным оставаться на должности командира 4-го Донского корпуса». Получив такие телеграммы, все полки бросили свои позиции и бежали. Если бы я не знал Петра Николаевича, то мог бы подумать, что это сделано по злему умыслу — развалить фронт...

Был у Кутепова верный офицер Соболев — погиб в Кромах. Говорили, будто ему отрезали голову. А в той голове что-то было, не все Соболев сказал. Однако сообщил, что мать Врангеля работает в Петрограде в советском учреждении. Может быть, еще что-нибудь он знал?

— ...Пришлось вернуть Мамонтова, передать корпус вновь в Донскую армию, а сейчас он сражается с Буден-

ным, прикрывает наше отступление. Но особенно тягостно мне было услышать от Врангеля обвинения в адрес Добровольческой армии, будто бы дискредитировавшей себя грабежами и насилиями. Он сказал, что здесь все потеряно, идти второй раз по тем же путям и под добровольческим флагом нельзя. Он считает, что нужен какой-то другой флаг, но не монархический.

Затем Кутепов был приглашен на ужин и никаких поручений Дымникову не дал. Личные дела Леонтия решить было невозможно, он походил по морозному Таганрогу, узнал, что польская миссия уехала восвояси. Зашел в гостиницу, где осенью жила Марья и другие сотрудники миссии. В полутемном холле полно людей — одни ждут номер, другие просто греются. Дымников остановил метрдотеля, бегом пробивавшегося через толпу. Тот узнал человека, от которого получал хорошие чаевые.

— Кто-нибудь остался здесь из сотрудников польской миссии? — спросил Леонтий. — Там, помнится, были из Харькова, из Ростова.

— Вот харьковчанин-то и остался — некуда ему ехать. И деньги не платит. Донченко, такой, помните?

Леонтий помнил: седой лохматый, пугавший поляков из экономической группы богатствами Украины, а сам вечно был без денег и у всех просил в долг. Постучал в указанный метрдотелем номер, сказали: «Заходите». Странная неожиданность: в этом, самом дешевом номере на кровати сидел хозяин, а на единственном стуле — харьковский знакомый из Заводского переулка.

— Вот так встреча, — сказал Игнатий Алексеевич. — Совсем недавно чуть ли не стрелялись. Слышь, Петро? Я здесь сделал остановку по пути в Крым, а вы, конечно, в Ставку, в командировку?

Дымников рассказал о своей проблеме, о том, что ему надо передать письмо в Варшаву.

— Оно само собой проблема, — сказал Донченко, — доставить через сплошные фронты. Вот мой тезка наведет порядок.

— Врангель? — удивился Дымников. — Что же он может сделать?

— Мы с вами не договорили прошлый раз, — сказал

Игнатий. — Я и Петро, и мы не одни, остались настоящими социал-демократами. Мы не с Лениным, который забыл слово «демократия». Сейчас появилась возможность реализовать социал-демократические идеи на практике. Вы спросите, как и где. Я вам отвечу: в Крыму. Врангель, хоть он из баронов, хоть и метит на высшую власть в России, человек понимающий. Он понимает, что надо создать демократическую республику в Крыму, как пример для всей России. Отведет армию в Крым, возьмет власть и наведет порядок хоть в одном уголке России.

— Ему не дадут это сделать, — сказал Дымников. — Я слышал, что Деникин хочет отступить на Ростов.

— Этот тупой мужик не понимает, — возмутился Игнатий, — его разобьют и в Ростове, и на Кавказе, и везде, куда бы он ни пошел. Все равно придется бежать в Крым, но после огромных потерь, которых можно было бы избежать. Мы, социал-демократы, в сотрудничестве с левыми эсерами готовы поддерживать Врангеля, при определенных, конечно, условиях.

— Господа, но письмо мне надо послать еще до создания демократической республики в Крыму. Сегодня надо послать письмо.

— Допьем эту горилку и шо-нибудь придумаем, — предложил Донченко.

И придумали.

— Игнатий Алексеевич, вы же едете в Крым. Вы обязательно приедете в Севастополь, — осенило вдруг Леонтия.

— Нет, не дальше Симферополя.

— Поедете, Игнатий Алексеевич. Это только поможет в вашей ответственной политической деятельности на благо демократической республики. Вот я запасся в Ставке таким конвертиком, — и он продемонстрировал собеседникам конверт с чернильным штампом: «Секретно. Только адресату». — Теперь я пишу на конверте: «Севастополь. Адъютанту генерал-лейтенанта Май-Маевского капитану Макарову П. В. Лично». Найдете его или на вокзале в вагоне генерала, или в одной из хороших гостиниц. Вам, Игнатий Алексеевич, это более необходимо, чем мне. Макаров во всем вам поможет. А я вложу в конверт записочку, ко-

роткую записочку, из которой никто ничего не поймет, кроме, конечно, Макарова.

В записке было сказано: *«Уважаемый Павел Васильевич, прошу вас найти возможность сообщить в Варшаву, Маршалковская, 17, г. Крайской, что ее племянник жив и здоров, но он и его родители нуждаются в нашей общей помощи. Ваш...»*. Подпись неразборчива.

1920. ЯНВАРЬ

2 января Деникин подписал приказ о реформировании Добровольческой армии в корпус, подчиненный командующему Донской армией. Решение разумное — слишком мало пштыков и сабель осталось в армии. Кстати, и от Врангеля избавились: он был назначен начальником резерва Главнокомандующего.

Кутепову было приказано прикрывать Ростовское и Новочеркасское направления. Он не удивился, когда к нему в штаб под Ростов приехал Врангель: наверное, ему передали, что Деникин остался не очень доволен разговором в Ставке о путях отхода армии.

Врангель был до удивления доброжелателен и откровенен.

— Я рад, что избавился от личного руководства Деникина, и единственно о чем жалею — это о том, что нам не удалось сражаться вместе. Вас я считаю одним из немногих генералов, которые умеют сражаться и побеждать в этой войне. Большинство просто подчиняется обстоятельствам. Вы умеете создавать обстоятельства, благоприятные для себя. Я тоже придерживаюсь подобных принципов. Нам страшно не повезло с Главнокомандующим. Мы терпим поражения, потому что он пренебрегает основными принципами военного искусства. Его Московская директива — это же пример стратегической бездарности. Наступление на Москву по расходящимся направлениям! Ему улыбалось счастье, росла слава, и возникли честолюбивые мечты. Скрепя сердце, он формально подчинился Колчаку, но мечтал сам взять Москву и специально задерживал ваше наступление летом, чтобы дать возможность красным раз-

бить Сибирскую армию. И войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разгромлены. А теперь, когда речь идет о судьбе нашей армии, Деникин вновь проявляет свою неспособность принять правильное решение. Отход армии на запад позволит не только защитить Крым, но и создать по соглашению с братьями-славянами, в частности, с поляками, объединенный славянский фронт. Он будет настолько силен, что от его удара рухнет вся советовская постройка. Это будет фронт от моря Балтийского до Черного, с прочным тылом и бесперебойным снабжением. А он? Ведет армию за Дон только ради того, чтобы не поссориться с казаками, которые уже против него. Многие генералы и представители общественности считают, что деятельность Деникина пагубна для дела и необходимо заставить его сдать командование другому лицу. Я не спрашиваю, Александр Павлович, каково ваше мнение по этому вопросу, поскольку знаю вас как дисциплинированного офицера, не позволяющего себе выступать против своего начальника. Однако мне известно ваше мнение, и я уверен, что вскоре мы будем с вами вместе.

— Конечно, будем вместе, в одних рядах, Ваше превосходительство, а сейчас я защищаю остатками своего корпуса Ростов и Новочеркасск. Посмотрите на карту: против меня 5 стрелковых и 3 кавалерийские дивизии, 3 кавбригады, 3 кавалерийских и 3 пехотных отдельных полка. И я стою.

Потом Кутепову рассказали, что в эти рождественские дни Врангель развил весьма энергичную и не совсем корректную для генерала-аристократа деятельность. Сначала вместе со своим начальником штаба генералом Шатиловым он поехал к Шкуро, которого сам совсем недавно изгнал из армии, помирился с ним и заявил, что главное командование совершенно не понимает обстановки и ведет армию к гибели, и надо искать выход. Завтра с той же целью и с таким же разговором Врангель посетил терского атамана. Поддержки он не нашел. Все кончилось тем, что сам же явился к Деникину, объявил Шкуро предателем и вручил Главнокомандующему обширную лояльную записку со своими стратегическими предложениями.

Кутепов понимал, что все это о Врангеле надо знать, — война еще долгая, еще многих красных надо перебить в бо-

ях, расстрелять, повесить — без Врангеля здесь не обойтись.

«Главнокомандующему ВСЮР Генерал-лейтенанту Деникину

В связи с последними нашими неудачами на фронте и приближением врага к пределам казачьих земель среди казачества ярко обозначилось, с одной стороны, недоверие к высшему командованию, с другой — стремление к обособленности. Вновь выдвинуты предположения о создании общеказачьей власти, опирающейся на казачьи армии. За главным командованием проектом признается право лишь общего руководства военными операциями, во всех же вопросах как внутренней, так и внешней политики общеказачья власть должна быть вполне самостоятельной. Собирающаяся 15 января в Екатеринодаре казачья Дума должна окончательно разрешить этот вопрос, пока рассмотренный лишь особой комиссией из представителей Дона, Кубани и Терека. Работы комиссии уже закончены, и соглашение по всем подробностям достигнуто. Каково будет решение Думы, покажет будущее. Терек в связи с горским вопросом, надо думать, займет положение, обособленное от прочих войск. Отношение Дона мне неизвестно, но есть основание думать, что он будет единоклубен с Кубанью. Она же, учитывая свое настоящее значение, как последнего резерва вооруженных сил Юга, при условии, что все донские и терские силы на фронте, а кубанские части полностью в тылу, — стала на непримиримую точку зрения. Желая использовать в партийных и личных интересах создавшееся выгодное для себя положение, объединились все партии и большая часть старших начальников, руководимых мелким честолюбием.

Большевицки настроенные и малодушные поговаривают о возможности для новой власти достигнуть соглашения с врагом, прочие мечтают стать у кормила правления. Есть основания думать, что англичане сочувствуют созданию общеказачьей власти, видя в этом возможность разрешения грузинского и азербайджанского вопросов, в которых мы до сего времени занимали непримиримую позицию.

На почве вопроса о новой власти агитация в тылу наших вооруженных сил чрезвычайно усилилась.

Необходимо опередить события и учесть создавшееся положение, дабы принять незамедлительно определенное решение.

Со своей стороны, зная хорошо настроение казаков, считаю, что в настоящее время продолжение борьбы для нас возможно, лишь опираясь на коренные русские слои. Рассчитывать на продолжение казаками борьбы и участие их в продвижении вторично в глубь России нельзя. Борьба под знаменем «Великая, единая, неделимая Россия» они больше не будут, и единственное знамя, которое, может быть, еще соберет их вокруг себя, может лишь борьба за «права и вольности казачества»; и эта борьба ограничится в лучшем случае очищением от врага казачьих земель.

При этих условиях главный очаг борьбы должен быть перенесен на запад, куда должны быть сосредоточены все наши главные силы.

По сведениям, полученным мною от генерала английской службы Киз, есть полное основание думать, что соглашение с поляками может быть достигнуто. Польская армия в настоящее время представляет собою вторую по численности в Европе (большевики, поляки, англичане). Есть основание рассчитывать на помощь живой силой других славянских народов (болгары, сербы).

Имея на флангах русские армии северо-западную и новороссийскую и в центре поляков, противобольшевицкие силы займут фронт от Балтийского до Черного моря, имея прочный тыл и обеспеченное снабжение.

В связи с изложенным казалось бы необходимым принять меры к удержанию юга Новороссии, перенесению главной базы из Новороссийска в Одессу, постепенной переброске на запад регулярных частей с выделением ныне же части офицеров для укомплектования северо-западной армии, где в них огромный недостаток.

Генерал-лейтенант барон Врангель».

Датирована записка 7 января — Деникин не ответил на это рождественское послание.

Новый год встречали по новому, большевицкому стилю — в ночь на 14 января. Штабной поезд Кутепова стоял у станции Каял. В салон-вагоне накрыли стол. Много незнакомых лиц — из расформированного штаба армии прислали но-

вых офицеров Генерального штаба. И начальник штаба корпуса тоже теперь генштабист — генерал Достовалов, и на него уже идут жалобы. Невесело было за столом. В полночь Кутепов поздравил всех и вскоре ушел. За ним — начальник штаба, заместитель. Если те пошли спать, то Кутепов с дежурным офицером направился проверять караулы.

Празднование продолжалось. Молодой поручик, только что переведенный в корпус из Ставки вместе с генштабистами, произнес тост, который был скорее речью, нежели застольным спичем.

— Господа, мы встречаем новый год на берегу Каялы, где когда-то «сила русская потопла», а потом по Руси разнесся плач княгини Ярославны. Не здесь мы мечтали встретить этот год. Так неожиданно, так быстро разрушились наши надежды. Почему же произошла такая роковая катастрофа? Надо иметь мужество глядеть правде в глаза. На ошибках учатся, и нам надо понять наши ошибки. Их много, но вот, по-моему, главнейшие из них.

Беспощадной красной диктатуре Ленина мы, белые, не противопоставили такой же сильной власти. Там рубили сплеча, а мы самые насущные социальные и политические вопросы всегда откладывали до будущего Учредительного собрания, в которое уже никто не верил. Национальная Россия ждала своего диктатора, а получила Особое Совецание — эту крошку из либералов с черносотенцами.

Неудачна была и вся наша политика на местах. Наш лозунг — «Единая, великая, неделимая Россия» — был органически чужд тем окраинам, откуда началась наша борьба. Не прельстишь казачество звоном московских колоколов. Казачество поднялось против неслыханного гнета, который шел как раз из Москвы. Но эта борьба казаков была только борьбой за свои казачьи вольности, за свои станицы, борьбой за землячество, а не отечество. На самом деле казаки, которым Добровольческая армия помогла сбросить большевиков, признавали ее не как носительницу государственного национального начала, а только как вооруженную организацию, которая умеет воевать. Мы, добровольцы, не сумели стать цементом, который спаял бы эти окраины в одно целое, родственное нам по духу, и потому в вооруженных силах Юга России между добровольцами и казаками не было ни ду-

ховной скрепы, ни одинакового понимания своих задач. В них не было единого духа. Неправильная оценка настроений казачества повлекла за собой и ошибочный стратегический план. Нам, подняв казаков, надо было немедленно идти на соединение с восставшими русскими силами, которые вел Колчак. Вместо этого мы, опираясь на свою неустойчивую базу, пошли на Москву, да к тому же фронтом в виде изогнутой дуги и безо всякого сосредоточения своей кавалерии против Конной армии Буденного. И отступать от Харькова нам надо было не на Ростов, а на Крым и Новороссию, где мы могли бы опять-таки опереться на русские силы. Мы наказаны за ошибочную политику и ошибочную стратегию. Но я уверен, что наше Белое движение, уже давшее столько героев, выдвинет, наконец, вождя, рожденного быть диктатором, который и приведет нас к полной победе!

Кто-то запел:

Смело мы в бой пойдем...

Подхватили все:

За Русь Святуго
И, как один, прольем
Кровь молодую...

Услышав пение, Кутепов подошел к вагону и остановился под окнами. Несколько офицеров вышли освежиться, подошли к генералу, пересказали речь.

— Прошу вас, — сказал Кутепов одному из офицеров резким, не предвещавшим ничего хорошего, голосом, — узнайте, спит ли начальник штаба, и если нет, пригласите его сюда ко мне.

Начальник штаба спал.

— Тогда передайте этому... оратору, поручику Кривскому, что я сейчас жду его в своем штабном купе.

Генерал принял Кривского с официальным радушием: усадил, спросил о самочувствии.

— Мы с вами, поручик, пили так мало, что вполне можем поговорить о делах — днем не всегда есть время. В корпусе новый начальник штаба, много новых штабных

офицеров, в том числе и вы. Вполне естественно, что обозначается новый стиль работы штаба. К сожалению, многие старые офицеры корпуса недовольны этим новым стилем работы. Прежний начальник штаба требовал от своих подчиненных самого внимательного отношения ко всем офицерам, приезжавшим с фронта за различными справками. А теперь приехал командир полка из Корниловской дивизии, и по его просьбе дежурный офицер ознакомил его с обстановкой на фронте, и вдруг этому офицеру делают выговор за то, что он в оперативное отделение — «в святая святых штаба» — пускает «посторонних лиц». Это кто же постороннее лицо? Командир полка? А выдача фуража командам? Всем проходившим командам разрешалось брать необходимое количество фуража под простую расписку старшего команды. Теперь спрашивают требовательные ведомости, составленные по всей форме. И что же получилось? Проходившие команды, конечно, не могли составлять такие ведомости, уходили без фуража, и весь фураж достался красным. И еще есть примеры неправильного стиля работы. Прошу вас передать мои слова начальнику штаба, и сами в своей работе учтите мои замечания.

Отпустив поручика, Кутепов еще некоторое время сидел в купе и с возмущением думал об этих «генштабистах», не умеющих наладить работу, но уже рассуждающих о диктаторе. Кого они имеют в виду?

Во время харьковских карательных ночей Меженин повесил человек 30 большевиков и мародеров, чем заслужил некоторое доверие и был назначен в контрразведку Марковской дивизии для работы с пленными. Дивизия отступала к Таганрогу, по пятам шли кавалеристы Буденного, и пленных не было.

Несчастный день 26 января был мрачным с утра, а сумерки начали спускаться на грязно-синий снег чуть ли не с обеда. Дивизия должна была взять большое село Алексеево-Леоново. Командир дивизии Тимановский умирал от тифа, и командовал начальник штаба полковник Юттенбиндер. Меженин ехал верхом вместе со штабными офицерами неподалеку от полковника и думал о своей погибшей жизни.

Совсем незаметно и как будто без всякой его вины погибла жизнь русского человека, не самого, наверное, плохого, любившего и понимавшего литературу, на большой войне честно исполнявшего свой долг, любившего жену, мечтавшего о свободной демократической России, голосовавшего за Учредительное собрание.

Любил свою Лизу, тургеневскую девушку. И, несмотря на ее увлечение свободной любовью, помнит как любимую. Не так и страшно это увлечение. Революция многим задумала головы. А расстреляли Лизу так же, как он сам любит расстреливать: из винтовки почти в упор, глядя в лицо жертве. Но почему он любит расстреливать и вешать? Многие мальчишки задыхаются от наслаждения, убивая кошку. Это естественно для мужчины — унаследовано от воинственных предков. Но он-то теперь испытывает сладострастный трепет, когда под прицелом видит в предсмертном ужасе человека или когда выбивает опору из-под висельника, который первые мгновения яростно болтает ногами и хрипит.

Меженину казалось, что все это его еще не погубило, — он может научиться управлять собой. Но он предал белых и предал красных. Хромой жив, и донос может поступить в любой момент. А у красных уже готов приговор.

— Господин полковник, разрешите отлучиться в лазарет за лекарством.

— Разрешаю. Однако сколько здесь балок в степи, и если в каждой буденновцы...

Меженин отстал и подъехал к одной из повозок с палаткой с красным крестом. Попросил сидевшего рядом с возницей солдата подержать его лошадь и влез в повозку. В палатке хозяйничала медсестра Наталья Михайловна, измученная жизнью дама лет сорока, умная и развратная.

— Что? Опять не можешь? — спросила она.

— Опять не могу.

— Давай, расстегивайся. Шинель не снимай, рукав только освободи. Не знаешь, почему пушки стреляют?

— Это артиллерия бьет по Алексееву-Леонову. Там, возможно, засада.

Волшебная ампула, послушный шприц в умелых руках, укол не столько болезненный, сколько обещающий.

Водку пьешь, тоже ведь не обращаешь внимания, что она горькая. И вот уже вздохнул глубоко, легко — упала тяжесть с сердца. Оказалось, что все хорошо и правильно в мире.

— Говорят, буденновцы кругом, — сказала Наталья.

— Слева от нас идет генерал Скоблин — Корниловская дивизия.

Артиллерийский огонь прекратился.

— Вот и село свободно, — сказал Меженин, радостно улыбаясь, — зайдем хату, будем ужинать.

Он верхом догнал штабную группу. Вместе с ним, обгоняя пехоту, к селу мчались обозные и санитарные повозки — обычная картина при входе в населенный пункт на ночлег.

2000 конных и пеших, 40 орудий, повозки — все это растянулось по большому, молчаливому, как декорация, селу, погружавшемуся в туман зимних сумерек. И вдруг с трех сторон, с гребней, окружавших село, помчались кавалерийские лавы. Буденновцы! Капитан артиллерист кричал: «Картечью огонь!» Ему чуть ли не со слезами отвечал кто-то: «Нету картечи в передках...» Ударили пулеметы, заржали раненые лошади, закричали люди, а лавы приближались. Слышалось дикое «а-а-а», и шапки яркими полосами закачались над головами кавалеристов.

Меженину следовало ускакать вместе со штабными, но рядом вдруг появилась Наталья — выскочила из своей повозки. Она схватила его за сапог, за стремя, хваталась за уздечку и кричала:

— Игорь, спаси меня или убей! Убей меня! Застрели!

Он пытался вырваться, конь кружился, не понимая всадника, а буденновские пулеметы захлебывались, осыпая пулями разгромленную колонну. Конь заржал громко и обиженно — из-под седла текла кровь. С огромным усилием Меженин, опасаясь, что конь сейчас упадет, успел освободиться и от Натальи, и от стремян, прыгнул в снег. Буденновские всадники были уже в селе и, поднимаясь, Меженин увидел, как весело сверкнула шапка, и упал, обливаясь кровью, бегущий марковец. Следующий удар ему. Меженин остановился и поднял голову, чтобы увидеть свою смерть. Над ним поднимал шапку усатый красный командир с нашивками на шинели.

— Я офицер контрразведки! — закричал Меженин. — Дам ценные сведения.

Шапка медленно опустилась.

— Эй, комвзвода два! — крикнул командир. — Возьми этого офицера в штаб — разведку нам даст.

1920. ФЕВРАЛЬ

На стенке Севастопольского вокзала Игнатий Николаевич с удивлением прочитал сводку с фронта, похожую на нелегальную листовку и явно составленную не белым командованием: «Красные войска захватили Новочеркасск и Ростов. Отличились кавалеристы Буденного и Думенко. Разбитый корпус Кутепова отступает за Дон...». Пройшел шагов 30 и на той же стенке еще одно удивительное объявление:

«Приказ № 1

Исполняя долг перед нашей измученной родиной и приказы комкора ген. Слацова о восстановлении порядка в тылу, я признал необходимым произвести аресты лиц командного состава гарнизона гор. Симферополя, систематически разлагавших тыл. Создавая армию порядка, приглашаю всех к честной объединенной работе на общую пользу. Вступая в исполнение обязанностей начальника гарнизона города Симферополя, предупреждаю всех, что всякое насилие над личностью, имуществом граждан, продажа спиртных напитков и факты очевидной спекуляции будут караться мной по законам военного времени.

Начальник гарнизона г. Симферополя, командир 1-го полка добровольцев, капитан Орлов».

В то же время вокруг ничего особенного не происходило. По перрону прохаживался полицейский, несколько человек чего-то ждали, наверное, поезда, матросы несли через пути туго набитые мешки, возле вагонов копошились железнодорожники. Игнатий Николаевич решил спросить у полицейского вагон генерала Май-Маевского. Тот махнул рукой и лениво объяснил: «Уехал от нас. Ищите в гостинице Кист».

В городе тоже ничего не происходило, хотя кое-где попадались такие же листки, как на вокзале, а местами виднелись следы сорванных сводок и приказов.

В гостинице к незнакомому отнеслись строже, проверили документы, куда-то позвонили и лишь после этого объяснили, что адъютант генерала находится на втором этаже в номере 24.

— Они выше не могут, — объяснила веселая уборщица, остановив работу. У их генерал такой тучный, что выше ему не подняться.

— Не говори лишнего, Нюра, — остановила ее дежурная, — а то господин приезжий расскажет Павлу Васильевичу.

— А я его не боюсь — он добрый.

Адъютант генерала хмурый, с недоверчивым взглядом, сидел за почти пустым столом — только телефон и какая-то газетка. Он взял письмо и разорвал конверт с таким испуганно-торжественным видом, будто перед ним документ государственной важности. Прочитав записку, капитан заметно подобрел, однако для порядка спросил:

— Как зовут отправителя?

— Леонтий Андреевич Дымников. Капитан. Познакомились в Харькове, письмо вам передал мне в Таганроге. И сразу уехал на фронт.

— Леонтий — хороший мой друг, и я, конечно, постараюсь ему помочь. Вы, конечно, знаете, о чем он пишет?

— Да. Ему надо связаться со своей знакомой в Варшаве. Как это можно через фронты?

— Кругалая дадим. Через Лондон. Мой начальник все-таки английский лорд, член Диккенсовского клуба. Посылает туда свои статьи о Диккенсе. А английский корабль на рейде всегда есть.

Гость спросил адъютанта о приказе Орлова.

— Есть такой нервный капитан, — объяснил Макаров, — очень хочет какой-нибудь власти. Слащов приказал ему идти на фронт, а он не захотел и устроил этот маленький бунт. Вчера мы с генералом даже выезжали воевать с Орловым. Два орудия, бронепоезд, офицеров человек 20. Доехали до Альмы, позвонили, спросили, подчиняется ли Орлов

Слащову и Деникину? Ответили: так точно. На этом все и кончилось. Народ его любит. И молодые офицеры. У него же лозунг: без генералов с обер-офицерами. Вот все поручики за него.

— А политическая его позиция?

— Он, наверное, и слова «политика» не знает. Как-то высказался, что он правее левых эсеров и немного левее правых эсеров.

— Позиция сложная.

— А наша позиция? Бежать от красных?

— Скорее, просто бежать.

— Вам, наверное, надо помочь с жильем?

— Вообще, я устроился в Симферополе, но мне бы и здесь хотелось иметь угол.

— У меня брат живет на Батумской, 37, и там одна семья ищет хорошего квартиранта.

Игнатий Николаевич шел по освещенной бледным зимним солнцем четной стороне Батумской улицы. Напротив дома 37 перешел пустую улицу и, вступив на тротуар, уже хотел направиться к входной двери, как вдруг откуда-то со двора прямо на него выбежал паренек и, чуть не свалив с ног, стал кричать: «Куда лезешь на человека? Очки надел, а не видишь!» и быстро сказал шепотом: «В доме засада — не ходите». Паренек побегал дальше, продолжая на бегу выкрикивать грубости, а Игнатий Николаевич прошел мимо злополучного дома, даже не взглянув на него.

Макаров мог бы не спешить с отправкой письма Дымникова, но почему-то решил заняться им немедленно. Предчувствие, наверное? Момент был благоприятный: генерал немного выпил и читал Диккенса.

— Слушаю вас, Павел Васильевич.

— Вы недавно отправляли письмо в Лондон Анне Петровне и любезно предложили мне, чтобы я написал Кате. Тогда я отказался, а теперь что-то заскучал. Хотелось бы написать.

— Правильно, что заскучали. Чудесная девушка. Я до сих пор не могу понять, почему вы не послушали меня и не уехали с ней в Англию. Даю вам конверт с напечатанным лондонским адресом Жмудских. Они мне прислали целую пачку. Пишите письмо и несите в английское представи-

тельство или прямо на пароход. Там, у причала, стоит какой-то англичанин...

Завтра было бы уже поздно.

Утром генерал вызвал Макарова и попросил приготовить глинтвейн.

— У вас он получается хорошо, — сказал генерал неприятно странным голосом.

Адъютант вернулся в свою комнату, достал портвейн, вино, лимон, спиртовку.. Вдруг вошел Май-Маевский к нему, сел на диван и неожиданно спросил:

— Скажите, капитан, как вы смотрите на эсеров и коммунистов?

— Я не знаю партий. Меньше всего этим интересовался.

— А скажите, капитан, ваш брат действительно был младшим унтер-офицером из вольноопределяющихся?

— Так точно, ваше превосходительство. Он служил в 32-м полку.

— Вы мне в Харькове рассказывали, что ваш отец служил начальником Сызрано-Вяземских железных дорог. У вас там, кажется, и имение есть?

— Так точно, ваше превосходительство. Жаль, что не была взята Рязань, — вы лично убедились бы в этом.

— А с какого времени ваш брат состоит в коммунистической партии?

— Никак нет, ваше превосходительство, я хорошо знаю брата. Он никогда не был коммунистом.

— Вы знаете, что ваш брат был председателем подпольной организации, и все было подготовлено к восстанию? — повысил голос генерал и хлопнул в ладоши.

В комнату быстро вошли несколько офицеров с револьверами в руках. Один из них крикнул:

— Капитан, руки вверх!

Старший офицер, подполковник контрразведки, подошел к Май-Маевскому и попросил разрешения приступить к выполнению задания.

— Да-да, — согласился генерал. — Мне все известно. Приступайте. Я ухожу.

На Макарова даже не взглянул, уходя.

Произвели тщательный обыск — ничего не нашли. Провели короткий допрос — ничего не узнали.

— Скажите, — спросил подполковник, — как вы устроили брата к Май-Маевскому?

— Спросите у генерала.

— Мы все узнаем, — сказал подполковник и приказал: — Ведите.

И бывшего адъютанта его превосходительства увели.

Прозвучала команда: «Батарея выдвигается на северный склон высоты «Круглая» и занимает огневую позицию для ведения огня прямой наводкой!» Соответственно командовал капитан Дымников: «Батарея, отбой! Орудия к походу! Передки на батарею! В передки! Поорудийно вперед за мной шагом ма-а-арш!» Чувствовал, что командует уже по-настоящему, уверенно, громко, без срыва голоса и, главное, умеет тянуть «а-а-арш». Не рвался к любимым трехдюймовкам, но Кутепов как-то встретил и буквально облаял: «Болтаетесь, как... Берите батарею и готовьтесь наступать!» Оптимист Александр Павлович — войска стоят за Доном, в Ростове — красные, где-то рядом Буденный, а он готовится наступать!

До высоты версты три. Вокруг снег чистый, февральский, гладкий, с женственными выпуклостями. Солнца нет, но зеленоватые искорки поблескивают в сугробах.

На полдороге вдруг: «Справа атакует кавалерия!»

Такое Дымников уже проходил: «Батарея, стой! К бою! Хобота направо! Картечью беглый огонь!»

Выстрелы не прогремели — не бой, а учения. Вместо противника появились проверяющие. Капитан Семенов потребовал открыть передки. В каждом из них должно быть 16 шрапнелей с установкой трубки на «картечь» для отражения именно такой неожиданной атаки. Капитан проверил чуть ли не каждый снаряд. Потом сказал, стараясь быть строгим:

— Батарея действовала правильно и быстро. В настоящем бою кавалерийская атака была бы отбита. Однако 3-е орудие значительно отстало от других. Необходимо провести дополнительные тренировки расчета.

— Проведем, господин капитан.

Семенов посмотрел на часы и улыбнулся.

— Все. Учения кончились. Слышите? Пехоте трубят отбой. А как здорово, что генерал провел эти учения! У нас

теперь настоящая армия. При отступлении трусы, негодяи, преступники разбежались, и теперь можно установить настоящую воинскую дисциплину. С этого времени и следует считать рождение Русской армии из Добровольческой. Да, Леонтий Андреевич, зайдите в штаб. Там для вас пакет из Симферополя. Кажется, какую-то книжку прислали.

Действительно, на ощупь в пакете небольшая книжка. Дымников разорвал наружный конверт, книга завернута в газету, на ней чернилами: «не рвать». Книга — рядовое издание «Рассказы о Севастопольской обороне». Газета — «Крымский вестник». Он просмотрел ее от начала до конца и на последней странице увидел заметку:

«Разгром большевистского подполья

В ночь на 3 февраля морской севастопольской контрразведкой был захвачен городской подпольный комитет большевиков во главе с В. В. Макаровым. Арестован также брат В. В. Макарова капитан П. В. Макаров, участвовавший в работе комитета и до ареста занимавший должность адъютанта генерала Май-Маевского».

В камере Таганрогского Чека человек 5—7, может быть, даже 10 — то и дело кого-то уводили на расстрел, приводили других. Наверное, эти существа не заслуживают того, чтобы их называли людьми. Печать смерти на лице каждого, нервическая зевота, суетливость, бессмысленная болтовня. Вдруг наскакивали друг на друга, спорили и даже дрались. Некоторые беспрерывно плакали, другие как-то умудрялись спать.

Меженин сидел на нарах рядом с еще не старым, но совершенно седым человеком.

— Это я посидел сейчас, здесь, — сказал незнакомец, почудствовал удивленный взгляд соседа. — На допросе, когда сказывали, что расстреляют.

Спрашивать, за что, не имело смысла — все здесь контрреволюционеры, пособники белых. Меженин не рассчитывал даже на допрос и в любой момент ждал вызова «с вещами». Думал, в чем ошибка? Может, это случайность, что ему вот-вот всадят пулю в затылок, а, например, его приятель Дымников гуляет в Ростове и, если погибнет, то в

бою. Нет, он не погибнет — умеет устраиваться. А ты никогда не устраивался, а следовал идее, в которую верил. За Советы, за Учредительное, за белых, против белых... Всегда обдумывал и решал в соответствии с очередной правильной идеей. А Лео никогда ничего не решал — жил, как получалось. У красных Меженин читал в «Известиях», что Шкловский в Петрограде пишет книгу «Искусство как прием». Тот самый Шкловский, который был комиссаром на фронте и получил крест из рук Корнилова. Он, подумал капитан, тоже поступал в соответствии с идеями, которые считал истинными. Что ж, значит, его расстреляют позже.

— Вы верили во что-нибудь? — спросил Меженин соседа. — В Бога, в революцию, в Интернационал...

— Иди ты... Жить осталось две минуты... Какой Бог? Ты что?..

А в одном из кабинетов Чека так же, как когда-то в Екатеринодаре, на столе лежала бандура. Ее хозяйина принимали здесь с почетом и любовью старые друзья Клинцов и Заботин. Поставили на стол и спирт, и вино, и разные закуски.

— Дорогой ты наш певец, — говорил Клинцов, — помнишь, как мы с Алехой и Борисом в Екатеринодаре провозжали. И Боря тебе горячий привет передавал — в центр его вызвали: умная голова потребовалась. Пей, ешь, Юрко. Очень мы тебе рады. За твою разведку, Юрко, нам была большая благодарность. За Махновские дела. Обещали орден. А теперь, дорогой товарищ, пора тебе повстречаться с тем, кто тебя убивал. Он всю твою прошлую жизнь убил, все у тебя отнял, а теперь ты с ним поговори. Тащи его, Алеха,

Ввели Меженина.

— Стой там, возле двери. Руки назад, — скомандовал Клинцов. — Напоследок еще чего-нибудь скажешь?

— Я хочу сказать, что всегда был за солдат. В полковом комитете...

— Отставить болтать. Бандуриста, нашего гостя, узнаешь? Как же так, господин офицер, сука ты недобитая? Ща добьем. Ты же его убивал. Помнишь Лежанку? Сам вызвался пленных расстреливать.

— Был приказ Корнилова. И Кутепов командовал.

— Корнилов тебе ничего не приказывал. Ты сам вышел Юрку убивать. Вот он. Живой остался и даже видит тебя. Пойдем, Юрко, с нами. Поведем его в подвал. Там ты с ним и поговоришь.

— Нет, друзья дорогие. Раньше хотел я этого, а теперь не хочу. Для людей пою. А если убью — голос сорву.

— Что ж, Алеха, пошли вдвоем.

Повели Меженина в подвал. Там у последней двери за столиком у лампы сидел дежурный помкомеданта и читал газету.

— Нету сейчас партии? — спросил Клинцов.

— Только что пятерых кутеповцев отправили. Ребята обедать пошли.

— Отпирай. Это тоже кутеповец. Мы сами с ним...

Втолкнули Меженина в сырой, пропахший кровью подвал. На стене смерти — следы пуль, пятна крови, страшные засохшие черные кусочки. На полу — опилки, пропитанные кровью.

— Я был за солдат, — не выдержал Меженин предсмертного напряжения, и слезой дрожал его голос. — В полковом комитете голосовал за... за большевиков. Случайно ошибся-а-а...

Клинцов улыбался. Для многих эта улыбка стала последним, что они видели в жизни.

— Молчи, гад, — сказал он, — по инструкции приговоренному слова не дается. По инструкции ты сейчас разденешься донага, шмотки аккуратно сложишь и шагом марш к стенке.

— Я ошибся-а-а...

Опытный помкомеданта рванул на Меженине гимнастерку и ударил его кулаком в живот. Тот вскрикнул и покорно начал раздеваться.

— К стенке! — скомандовал Клинцов. — Иди сам, а то зубы по одному выбью.

Плача навзрыд, бормоча, что он ошибся, Меженин уткнулся лицом в холодный равнодушный камень, и Клинцов выстрелил ему в затылок.

— Вот и еще один кутеповец на месте. Придет час, когда мы и самого по инструкции обработаем.

Помкомеданта подцепил то, что было Межениным,

специально подготовленной петлей и постучал по стене, давая команду наверх, чтобы подняли.

Клинцов и Заботин вернулись к бандуристу.

Артиллерию с наступлением темноты вывели на огневые позиции на берегу Дона напротив станицы Гниловской. В сугробах быстро вырыли орудийные окопы и укрытия. Рядом с батареей Дымникова батарея капитана Воронцова — бывшего помощника Леонтия. Вместе с ним обошли позиции.

— Хорошо стоим, — сказал Дымников. — Утром оттуда нас не увидят.

— Хорошо, только непонятно зачем, — сказал Воронцов. — Вы знаете, что Буденный уже в 25 верстах от Ставрополя? Еще день-два, и мы отрезаны.

— Александр Павлович, наверное, думает наоборот: он будет у Буденного в тылу.

— Мысль наполеоновская, но в данном случае ошибочная. Заходит в тыл и окружает наступающая сторона. Отступающая сама попадает в окружение.

— Вы так считаете?

Леонтий не ответил, ему было все равно. С тех пор, как он узнал, что Макаров — большевик и что его просьба теперь не дойдет до Марыси, он как-то растерялся. Мир опять становился не таким, каким он ему еще вчера представлялся. Один верит в идеи коммунизма и, рискуя жизнью, служит в Белой армии, чем-то помогая красным — наверняка, разведываемыми, — и деньги, возможно, зарабатывал для своей партии. Другая — польская патриотка. Рисковала жизнью ради своей Речи Посполитой, ради своего Начальника. А он?

Он стоит в снежной степи под зловецким беззвездным низким небом, а впереди, за льдом реки, вырисовываются черные пятна домов, в них люди, которых он должен убивать, а может быть, и его смерть глядит оттуда. Нет. Перед боем он всегда почему-то не верил, что его могут убить. Он же еще не начал жить по-настоящему. Надо найти Марысю. Другая женщина ему не нужна. Глупо терзаться из-за какого-то мальчишки, с которым она поиграла. Марыся — женщина в полном смысле слова. Он же и сам...

Захрустел снег под сапогами сотен людей. Негромкие команды: «1-й полк!.. 3-й полк!..» Вся дивизия подходит. Вот оно, наступление. Верхами Кутепов, Скоблин, штабные. Поручик Кривский остановился возле огневых позиций, собрал командиров батарей, объяснил замысел операции и задачи артиллеристов. В его голосе — нескрываемая радость первого ученика, хорошо знающего урок.

— Удар во фланг, — радостно говорил он. — Неожиданная ночная атака. Вы открываете огонь по сигналу зеленой ракеты. В это время пехота будет примерно на середине Дона. Прекращаете огонь по сигналу красной ракеты — пехота выйдет атаковать прибрежные позиции красных...

Спустя некоторое время Дымников с Воронцовым обсуждали услышанное.

— Чувствуется генштаб, — говорил Воронцов. — Сам Кутепов полез бы напрямую и ночи бы не ждал. Но Буденный-то...

— Пойдемте, капитан, поищем место, где удобнее орудия на лед вывозить. Должна быть наезженная дорога от станицы...

Вскоре темные массы пехоты молча вышли на лед и, утопая в снегу, двинулись к станице. Потом зеленая ракета, беглый огонь...

Все получилось по плану генштабистов. Ударом во фланг через станицу Гниловскую. Ростов был взят. Трофеи: 22 орудия, 123 пулемета, 6 бронепоездов. В конце дня 4 тысячи красноармейцев стояли на площади, понуриив головы. Кутепов обходил их ряды, узнавая коммунистов и комиссаров: «По морде видно».

Это было 20 февраля, а 1 марта белые вновь оставили Ростов, иначе кавалерия Буденного отрезала бы Кутеповскому корпусу дорогу на юг.

— Как мы и предполагали, — сказал Воронцов Дымникову.

Их батареи, почти не понесшие потерь в боях, шли одна за другой, и командиры ехали рядом. Солнце било в глаза. Весна бесстыдно раздвинула мохнатые щели придорожных канав, наполнила колеи зеленой водой, обезобразила черной сыпью остатки снега.

— Я слышал, как Кутепов кричал: «Только мы сражаемся, а остальные бегут», — рассказал Дымников. — «Нет никакой армии, — говорит. — Есть только мой корпус». Это после того, как опять разгромили марковцев.

1920. МАРТ

И вновь, как два года назад, шли от Ростова не к Москве, а на юг, в Кубанские степи. Разве что другой дорогой. Полк Туркула замыкал колонну корпуса, и по утрам, готовя батарею к походу, Дымников слышал сквозь привычные звуки перестрелки Преображенский марш — это Туркул вел полк в контратаку под духовой оркестр.

Теперь батарея Воронцова шла впереди, и он останавливался, поджидая Леонтия. У них совпадали взгляды на настоящее — здесь война проиграна и надо перебираться в Крым. Представления о будущем оказались различными: Воронцов надеялся, что, наступая из Крыма, можно разбить красных, у которых в тылу разруха, голод и бунты; Дымников ни на что не надеялся, и будущее для него ограничивалось вопросами «где станем? найдем ли самогон?».

Последнее орудие Воронцова въехало в сияющую солнцем огромную лужу, и колеса по оси застряли в грязи. Ездовые матерились, хлестали лошадей нагайками, но те никак не могли сдвинуть пушку.

— Я сейчас вас научу, как это делается, — сказал Дымников. — Разрешите мне покомандовать.

Воронцов, с улыбкой пожав плечами, разрешил.

— Ездовые, слезай! — скомандовал Леонтий.

Солдаты, удивленно оглядываясь на офицеров, прыгнули с лошадей и стали справа от дороги. Лошади мотали головами, отряхивались, отдыхали после тяжелых бесплодных усилий.

Дымников продолжал командовать:

— Орудие-е! — закричал он отработанным сильным голосом, растягивая последнюю гласную. — Вперед ма-а-арш!

Лошади дружно напряглись, шагнули в лад, и орудие сдвинулось с места. Воронцов смеялся и удивлялся. Неожиданно раздалось еще одно восхищенное восклицание —

знакомый поручик Кривский выехал на белой лошади из-за орудейных упряжек.

— Bravo! — аплодировал он Дымникову.

— Ездовые неопытные, — объяснял Леонтий, — мешают лошадям.

Орудия двинулись дальше, Кривский предложил несколько увеличить дистанцию между батареями и ехать в интервале между ними.

— Поговорим, — сказал он, — лишние уши не нужны.

Шлепали копыта по весенним лужам, месили грязь колеса, солнце играло на лоснящихся от пушечного сала орудиях.

— А почему вы не в штабном поезде? — спросил Воронцов.

— Чтобы поговорить с вами. Вообще со строевыми офицерами. Не об офицерских обедах, конечно. Мы, офицеры штаба корпуса, пришли к выводу, что армия на грани катастрофы. Если сейчас не принять решительные меры, красные нас уничтожат. Погибнет лучшее, что еще есть в России, что может стать ядром будущего возрожденного государства.

— Какие же меры? — спросил без особого энтузиазма Дымников. — Опять в наступление?

— Высшее военное руководство, скажу прямо — бездарное руководство, не в состоянии ничего сделать. О военно-стратегическом и политическом невежестве Деникина говорит провал похода на Москву, с казаками рассорились, а отступление совершенно неграмотно спланировано. Сейчас Деникину остается уйти в небытие. Но мы не можем позволить ему погубить вместе с собой армию.

— Кто же заменит? — прямо спросил Дымников.

— Тот, кто действительно командует войсками, а не на бумаге, на которой печатаются приказы. Какие остались войска в Русской армии? Только наш корпус. Кто им командует?

— Александр Павлович согласен? — спросил Дымников.

— После того, как вновь оставили Ростов и погибла Марковская дивизия. он... в осторожной форме дал понять, что Деникин должен уйти.

— Но есть же еще Врангель, — напомнил Воронцов.

— Он пытался захватить власть в Крыму, но его не поддержали, и он уехал в Константинополь.

— Переворот? — спросил Дымников. — Арест Деникина?

— Господа, зачем сразу крайности? Конкретно еще ничего не решено. Штаб изучает настроение наших офицеров. Как они отнесутся к замене Деникина Кутеповым? Как вы отнесетесь?

— Как мы отнесемся, Леонтий Андреевич?

— Положительно.

— Почти все офицеры, с которыми я разговаривал, поддерживают такую замену. Лишь единицы отмалчиваются. Те, которые пали духом и уже ни во что не верят. Сейчас я еду в Тимашевскую, где стоит наш поезд, и там будем решать окончательно.

— А где Ставка?

— Пока в Тихорецкой, но уже собирается в Новоросийск.

На станции Тимашевской Кутепов собрал в штабном вагоне командиров дивизий, командиров полков и сказал:

— Обдумав сложившуюся обстановку, я решил, что нельзя сейчас выходить с решительным предложением или требованием о замене Главнокомандующего. Однако необходимо дать понять высшему руководству, что этот вопрос назрел. Посоветовавшись с офицерами, мы с начальником штаба составили телеграмму на имя Деникина. Я ее сейчас зачитаю и попрошу вашего одобрения.

Читал он резким командирским голосом, закончив чтение, требовательно оглядел присутствующих. Телеграмму одобрили.

«Генералу Деникину

События последних дней на фронте с достаточной ясностью указывают, что на длительность сопротивления казачьих частей рассчитывать нельзя. Но если в настоящее время борьбу временно придется прекратить, то необходимо сохранить кадры Добровольческого корпуса до того времени, когда Родине снова понадобятся надежные люди. Изложенная обстановка повелительно требует принятия не-

медленных и решительных мер для сохранения и спасения офицерских кадров Добровольческого корпуса и добровольцев. Для того, чтобы в случае неудачи спасти корпус и всех бойцов за идею Добровольческой армии, пожелавших пойти с ним, от окончательного распыления и истребления, необходимо немедленное принятие следующих мер, с полной гарантией, что эти меры будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время. Меры эти следующие:

1. Немедленно приступить к самому интенсивному вывозу раненых и действительно больных офицеров и добровольцев за границу.

2. Немедленный вывоз желающих семейств офицеров и добровольцев, служивших в Добровольческой армии, в определенный срок за границу, с тем чтобы с подходом Добровольческого корпуса к Новороссийску возможно полнее разгрузить его от беженцев.

3. Сейчас же, и во всяком случае не позже того времени, когда Добровольческий корпус отойдет в район станции Крымской, подготовить три или четыре транспорта, сосредоточенных в Новороссийске, конвоируемых четырьмя наличными миноносцами и подводными лодками, которые должны прикрыть посадку всего Добровольческого корпуса и офицеров других армий, пожелавших присоединиться к нему. Вместимость транспортов не менее десяти тысяч человек с возможным большим запасом продовольствия и огнестрельных припасов.

4. Немедленная постановка в строй всех офицеров, хотя бы и категористов*, которые должны быть влиты в полки Добровольческого корпуса и принять участие в обороне подступов к Новороссийску. Все офицеры, зачисленные в эти полки и не ставшие в строй, хотя бы категористы, не подлежат эвакуации, за исключением совершенно больных и раненых, причем право на эвакуацию должно быть определено комиссией из представителей от частей Добровольческого корпуса.

5. Все учреждения Ставки и правительственные учреждения должны быть посажены на транспорты одновременно с последней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса и отнюдь не ранее.

*Инвалиды, принадлежащие к той или иной категории.

6. Теперь же должна быть передана в исключительное ведение Добровольческого корпуса железная дорога Тимашевская—Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно. Никто другой на этой линии распоряжаться не должен.

7. С подходом корпуса в район станции Крымская вся власть в тылу и на фронте, порядок посадки, все плавающие средства и весь флот должны быть объединены в руках командира корпуса, от которого исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия в отношении всех лиц и всякого рода военного, казенного и частного имущества и всех средств, находящихся в районе Крымская—Новороссийск.

8. Дальнейшее направление посаженного на транспорты Добровольческого корпуса должно будет определяться политической обстановкой, создавшейся к тому времени, и в случае падения Крыма или отказа от борьбы на его территории Добровольческий корпус в том или ином виде высаживается в одном из портов или мест, предоставленных союзниками, о чем теперь же необходимо войти с ними в соглашение, выработав соответствующие и наиболее выгодные условия интернирования или же поступления корпуса на службу целой частью.

9. Докладывая о вышеизложенном Вашему превосходительству, я в полном сознании своей ответственности за жизнь и судьбы чинов вверенного мне корпуса и в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства, прошу срочного ответа для внесения в войска успокоения и для принятия тех мер, которые обеспечат сохранение от распада оставшихся бойцов за Родину.

10. Все изложенное выше отнюдь не указывает на упадок духа в корпусе, и если удалось бы задержаться на одной из оборонительных линий, то определенность принятого Вами на случай неудачи решения внесет в войска необходимое успокоение и придаст им еще большую стойкость.

12 марта.

Ст. Тимашевская № 1415

Кутепов».

На станции Тихорецкая небольшая группа беженцев пыталась прорваться к поезду Ставки. С узлами, чемоданами, мешками, один старичок даже с портфелем. Инвалид на одной ноге, наверное, бывший офицер, потрясал костылем, требуя справедливости. Молодая невысокая женщина в приличном, но забрызганном грязью пальто, в платочке, из-под которого видны только одни глаза, огромные, черные, просящие. Конвой был неумолим. Деникин подумал, что женщину можно было бы выслушать, но не то время. Он смотрел в окно, чуть сдвинув занавеску. Тяжело вздохнул, вернулся за стол, на котором лежала телеграмма Кутепова. Напротив сидел начальник штаба Романовский, человек с всепонимающим взглядом и иронической улыбкой.

— Разумеется, это не его творение, — сказал Романовский.

— Но главнокомандующим собирается стать он.

— Они его убедили, что он достоин этой должности, а ведь это далеко не так. Александр Павлович слишком узко мыслит, слишком прямолинеен, он даже просто туп для решения серьезных стратегических и политических проблем. Его место — фронт и то с хорошим штабом.

— Иван Павлович, вы так правильно все понимаете. За что вас так не любят офицеры?

— Вот за это и не любят. Каждому неприятно чувствовать, что я угадываю все его тайные намерения. Вот о Кутепове я вам скажу: там, в своем штабе, он видит себя вождем, за которым пойдет армия. Приедет к вам один или с начштаба и будет перед вами извиняться за эту телеграмму. Поэтому надо ответить резко. Я отвечу резко, но если Кутепов выступил против меня, больше мне нечего надеяться на поддержку армии, и я должен уйти. Я не могу это сделать сегодня — произойдут осложнения на фронте, сорвется эвакуация, но как только армия окажется в относительной безопасности, я немедленно подам в отставку. А на телеграмму ответим соответственно.

«Генералу Кутепову.

Вполне понимаю вашу тревогу и беспокойство за участь офицеров и добровольцев, прошу помнить, что мне судьба их не менее дорога, чем вам, и что, охотно

принимая советы своих соратников, я требую при этом соблюдения правильных взаимоотношений подчиненного к начальнику. В основание текущей операции я принимаю возможную активность правого крыла Донской армии. Если придется отойти за Кубань, то, в случае сохранения боеспособности казачьими частями, будем удерживать фронт по Кубани, что легко, возможно и важно. Если же казачий фронт рассыплется, Добровольческий корпус пойдет на Новороссийск. Во всех случаях нужен выигрыш времени. Отвечаю по пунктам:

1. Вывоз раненых и больных идет в зависимости от средств ваших и даваемых союзниками. Ускоряю, сколько возможно.

2. Семьи вывозятся, задержка только от их нежелания и колебаний.

3. Транспорты готовятся.

4. Как вам известно — таково назначение Марковской дивизии.

5. Правительственные учреждения и Ставка поедут тогда, когда я сочту это нужным. Ставку никто не имеет оснований упрекать в этом отношении. Добровольцы должны бы верить, что Главнокомандующий уйдет последним, если не погибнет ранее.

6. Железная дорога Тимашевка—Новороссийск вам передана быть не может, так как она обслуживает и Донскую армию. Это возможно лишь при тех исключительных условиях, о которых говорил во вступлении.

7. Вся власть принадлежит Главнокомандующему, который даст такие права командиру Добровольческого корпуса, которые сочтет нужными.

13 марта Екатеринодар Деникин».

В Екатеринодаре Ставку оставить было невозможно: на переправе через Кубань царил паника, в любой момент красная кавалерия могла ворваться в город. Начальник станции сам вышел с дежурным и военным комендантом на перрон, поднял зеленый флажок. Открылся светофор, и штабной поезд двинулся к Новороссийску. Салон-вагоны, платформы с двумя орудиями и двумя броневиками, часовой на каждой площадке.

Железнодорожники, оттесненные охраной от путей, об-суждали происходящее:

— Туда и обратно или только туда?

— Сам, брат, знаешь.

— Жаль, Кутепова не было здесь, — сказал железнодо-рожник, хромающий на одну ногу.

— Что ты, Вожакин, этого Кутепова все вспоминаешь?

— Видел его, еще когда в Песчанокопской служил. Хра-брый генерал.

— Он в Новороссийск, видать, из Тимашевки двинет. Все туда. Больше им некуда.

Телеграмма Деникина несколько обескуражила Куте-пова. Он пригласил к себе в купе-кабинет начальника шта-ба, показал телеграмму. Спросил:

— Михаил Максимыч, откуда такая твердость у Антона Ивановича? Собирается удерживать фронт по Кубани?

— Показная твердость. Если бы казаки сохранили бое-способность и заняли фронт по Кубани, то Главнокоманду-ющий для поддержки морального духа войск не перевел бы Ставку в Новороссийск.

— Наверное, вы правы, но нам надо к нему съездить и увидеть обстановку. Кстати, навещу жену.

В Новороссийск выехали 16-го. Вдоль железнодорож-ного пути по грязной разбитой дороге тянулись беженцы, их обгоняли, обдавая грязью, казаки, бросившие свои час-ти и рвущиеся в Новороссийск. Неужели Деникин надеет-ся на возможность организации какой-то обороны? Куте-пов с осторожностью относился к принятию решений, осо-бенно если они касались отношений с начальством. В Кур-ске он не поступил вопреки приказу Ставки, отверг — и правильно сделал — предложение идти на Москву. Теперь горячие молодые генштабисты убедили его выступить про-тив Деникина. Хоть и не было в телеграмме прямого требо-вания сдать командование, но Главнокомандующий, ко-нечно, все понял.

Поезд Деникина стоял на территории заводов. Сюда же подали вагон Кутепова, который вместе с Достоваловым, выйдя наружу, оказался зрителем неожиданного и впечат-ляющего действия. На площадке перед составом стояли ше-

ренги английских матросов и шотландских стрелков в юбочках. Начальник английской военной миссии генерал Хольман и Деникин со свитой обходили строй, о чем-то разговаривали. Осмотр быстро закончился, Хольман дал команду, матросы и солдаты построились в походную ко-лонну, заиграл духовой оркестр, и союзники двинулись к выходу. Хольман попрощался с Деникиным и сел в авто-мобиль.

Деникин встретил генералов с обычной своей доброже-лательной важностью.

— Англичане относятся к нам с трогательным сочувст-вием, — сказал он. — В случае эвакуации обещают взять 5—6 тысяч человек. Пока об этом рановато говорить, но я убежден, если придется, они возьмут намного больше.

Кутепов попросил у Главнокомандующего несколько минут аудиенции. Достовалов невольно поморщился.

В салон-вагоне Деникина люди ждали — было намечено совещание. Он извинился за то, что им придется еще подо-ждать, и пригласил Кутепова в кабинет. Сели в кресла.

— Антон Иванович, — начал Кутепов, решительно за-драв бородку, — я не собираюсь просить извинения или от-зывать свою телеграмму, но хочу объяснить историю ее по-явления.

— Если вы ее не отзывате, то стоит ли обсуждать?

— Дело в том, что в корпусе создалась очень нервная ат-мосфера в связи с тем, что казаки фактически вышли из борьбы. Донская армия оголила фронт, и мы не видели, чтобы против этого принимались какие-нибудь решитель-ные меры. В тылу полная анархия. И в Екатеринодаре, и здесь. Только искреннее желание помочь вам расчистить тыл руководило мною при посылке телеграммы. Получив ваш ответ, и я и мои офицеры успокоились, почувствовав, что Ставка контролирует обстановку и действует реши-тельно, как всегда.

Кутепов понимал, что Деникин не верит его словам, да и не особенно в них вслушивается. Главное командующий понял: его подчиненный генерал отказался от попытки от-странить его от руководства армией.

— Спасибо за разъяснение, за доверие к Ставке, Алек-сандр Павлович.

— Создавшаяся тяжелая обстановка многих толкает к ошибочным действиям. Вчера ко мне приезжали генералы Покровский и Боровский и спрашивали меня, как отнесся бы мой корпус к перевороту в пользу генерала Покровского. Я ответил, что ни сам я, ни мой корпус Покровскому не подчинятся.

Воюя шестой год, Кутепов привык видеть за синими и красными стрелами, дугами, кружками и прочими знаками, начертанными на топографической карте, именно то, что они означают. И теперь на совещании у Деникина над столом висела карта с аккуратно нанесенными штабными офицерами знаками, которые должны были отражать обстановку на фронтах. Самая большая красная стрела — это кавалерия Буденного, рвущаяся к Екатеринодару. На карте перед этой стрелой крепкие синие дуги обороны, обозначенные буквами ДА — Донская армия. Но Кутепов-то знает, что нет никакой обороны, и Донская армия не отступит, не бежит, а разбегается. Казаки бросают оружие или целыми полками переходят к «зеленым» и начинают нападать на добровольцев. Командующий Донской армией Сидорин в своем поезде с трудом пробивался к Новороссийску через бушующий поток людей, лошадей, повозок. Казаки, не сдавшиеся красным и не ушедшие к «зеленым» или на Кавказ, неорганизованной страшной лавиной мчались к Новороссийску, угрожая затопить весь тыл и сорвать организованную эвакуацию.

А Деникин, как в былые времена, с важным спокойствием объяснял свой замысел новой оборонительной операции.

— ...Таким образом, единственно возможное решение — это отход за Кубань и организация обороны по линии реки, которая сейчас, в половодье, является серьезной естественной преградой. Из оперативной карты видно, что Добровольческий корпус обороняет Таманский полуостров от низовьев Кубани и далее до Екатеринодара. От Екатеринодара к востоку оборону занимает 4-й корпус Донской армии...

«Который, вероятно, уже разбежался, — подумал Кутепов, — и если он поведет свой корпус в Тамань, в тыл ему ударит кавалерия Буденного, тогда и разгром неизбежен».

Однако после примирительного разговора с Деникиным он считал неуместным резко выступить против, это сделал генерал Достовалов:

— Извините, ваше превосходительство, но никакого Донского корпуса нет. И армии нет. Казаки бегут в Новороссийск, и необходимо срочно принять меры против беспорядка, который они вносят в начавшуюся эвакуацию. Единственные войска, желающие и способные продолжать борьбу, это Добровольческий корпус. Поэтому ему необходимо предоставить все потребные транспортные средства, не считаясь ни с чьими претензиями и не останавливаясь в случае надобности перед применением оружия.

— Прошу вас, генерал Достовалов, не прерывать меня замечаниями, не относящимися к делу. Мы обсуждаем не эвакуацию, а план оборонительной операции, — сказал Деникин и продолжал в той же спокойной важной интонации. — Оборона Тамани, кстати, предусматривает и облегчение в случае необходимости эвакуации. Ширина Керченского пролива незначительна, а транспортная флотилия Керченского порта достаточно мощна и может быть легко усилена. Я уже приказал спешно стягивать транспортные средства в Керчь...

Рядом с Деникиным сидел Романовский, который поглядывал на Кутепова со своей всепонимающей улыбкой, ненавидимой всеми офицерами армии. Сейчас его улыбка означала: «Не удалось тебе, Кутепов, сменить Главкомандующего. Не для тебя такое место».

Кутепов взглянул на Романовского. Пусть улыбается. Посмотрим, как он будет улыбаться, когда его покровитель Деникин уйдет — его время ушло, и он, как механическая кукла, у которой не кончился завод, продолжает излагать невыполнимые замыслы. Черные монгольские глаза смотрели вызывающе, почти угрожающе, и начальник штаба ступевался, пожал плечами, отвел взгляд, понимает, что армия за Кутепова.

Командующего Донской армией Сидорина не было на совещании — наверное, пытался удержать разбегающиеся войска, а его представитель промолчал. Совещание окончилось мирно. Деникин констатировал, что его план принят, и приказал Романовскому сегодня же подготовить директиву.

После совещания Кутепов взял в Ставке автомобиль и конный конвой для поездки к жене.

— Ваша жена здесь? — удивился Деникин, и Александр Павлович сразу не понял, почему это его удивило.

Выехали в город, и Кутепов вспомнил, что когда был здесь губернатором, сумел навести порядок сравнительно небольшим количеством военных, теперь же для этого потребуется весь корпус. Не город, а дикий базар — сплошная толпа, состоящая в основном из военных, немало здесь истеричных женщин.

На площади — офицерский митинг. Такого Кутепов еще не видел. Слышны выкрики: «Смерть Романовскому!» и даже «Смерть Деникину!» Сопровождающий объяснил: «Они организуют какие-то военные общества, наверное, просто банды для захвата транспортов при эвакуации».

Расстрелять толпу из пулеметов, схватить и повесить ораторов и зачинщиков, военные патрули по всему городу... Кутепов немедленно провел бы такую операцию, и Деникин поддержал бы, но... Кутепова сейчас ждет корпус, его ждет Лида.

Лида существовала в том уголке его жизни, куда он заглядывал не часто, неохотно, и потому в ожидании встречи впадал в редкое состояние необъяснимой и труднопреодолимой душевной смуты. В том уголке его любили беззаветно и едва ли не безответно. Ведь он предупреждал, что пожертвует ею, если это будет надо для блага России, и вдруг теперь чувствовал себя виноватым. Но не может генерал Кутепов быть виноватым, он обязан сражаться, а она должна понимать это и терпеливо переносить одиночество. Однако не он ли виноват в этом ее тяжком одиночестве?

Лида ждала его в квартире, где были только узлы и чемоданы. Ее подруга, жена какого-то офицера, увидев его, сразу ушла.

— Лида, тебе придется на некоторое время распаковать вещи.

— Почему? Все уезжают!..

Она перечисляла какие-то фамилии — его это не интересовало. Он сам был один — командир единственного русского военного корпуса, и она не смела себя ни с кем сравнивать.

— Мы еще сражаемся, — сказал он, — и тебе рано уезжать.

— Но все равно же придется. Все это знают.

— Ты поедешь не раньше, чем жены других офицеров моего корпуса.

Лида покорно опустила голову. Она не могла перечить своему генералу.

Деникин и Романовский остались вдвоем в кабинете.

— Иван Павлович, — с тяжелым вздохом начал Деникин, — ко мне приходят многие с предупреждениями о возрастающей неприязни к вам со стороны ряда офицеров. Недавно протопресвитер отец Георгий Шавельский убеждал меня освободить вас от должности, уверял, что в противном случае вас могут убить заговорщики.

— Скажите, в чем меня обвиняют?

— Для клеветы нет границ. Обвиняют во всем. Говорят, например, что вы на днях отправили за границу целый парход табаку, да и в других действиях. Даже англичане предупреждали меня об опасности, грозящей вам. Умоляю вас: уйдите на время от дел, пока стабилизируется обстановка, отрезвеют умы и смолкнет злоба. Генерал Хольман приглашает вас на его корабль. Английский броненосец «Император Индии».

— Этого я не сделаю. Если же дело обстоит так, прошу ваше превосходительство освободить меня от должности. Я возьму винтовку и пойду добровольцем в Корниловский полк. Пускай делают со мной, что хотят.

Вагон Кутепова двинулся в обратный путь. Генерал пригласил к себе начальника штаба и спросил:

— Михаил Максимович, завтра мы получим директиву Ставки о выходе корпуса на Таманский полуостров? Что будем делать?

— Вы не выполните эту директиву. В противном случае я и весь штаб уйдем со своих постов, чтобы не стать виновниками гибели корпуса, последнего корпуса Русской армии.

— А дисциплина?

— Ставки больше нет, потому что нет армии, и Ставка потеряла право командовать нашим корпусом.

— Я с вами почти согласен. Увидев, что творится в Новороссийске, я решил, что корпус должен идти туда и обеспечить порядок, иначе погибнет все, что осталось от армии.

— Вы ездили к жене? Отправили ее на транспорт?

— Конечно, нет. Она поедет вместе с женами других офицеров корпуса.

— А наш Главнокомандующий давно отправил свою семью в Константинополь.

— Давно отправил? Так вот почему он так удивился, что Лида еще здесь. Он приказывает уводить корпус от Новороссийска в Таманские болота. Хочет погубить остатки армии? Хочет сам красиво погибнуть, обезопасив семью? Я согласен с вами, Михаил Максимович. Мы не выполним директиву Ставки.

Невысокая женщина с огромными черными пылающими глазами, случайно привлекая внимание Главнокомандующего, сумела добраться до Новороссийска и теперь, стиснутая толпой стремящихся уехать, слушала выкрики митингующих, прочитала вывешенный на площади приказ Деникина от 15-го марта: «...Если в недельный срок тыл не будет расчищен и дезертиры и уклоняющиеся не будут высланы на фронт, то кары, им предназначенные, до смертной казни включительно, обращу против тех лиц, которым это дело поручено и которые своим попустительством губят армию».

«Читайте письмо Врангеля Деникину, и вы узнаете, кто погубил армию», — кричал юный поручик и раздавал брошюры. Черноглазая взяла, полистала: «... Боевое счастье улыбалось вам, росла слава и с ней вместе стали расти в сердце вашем честолюбивые мечты... Вы пишете, что подчиняетесь адмиралу Колчаку, «отдавая свою жизнь служению горячо любимой родине» и «ставя превыше всего ее счастье» ... Не жизнь приносите вы в жертву родине, а только власть, и неужели подчинение другому лицу для блага родины есть жертва для честного сына ее... Эту жертву не в силах был уже принести возвестивший ее, упоенный новыми успехами честолюбец... Войска адмирала Колчака, предательски оставленные нами, были разби-

ты... Вы видели, как таяло ваше обаяние и власть выскальзывала из ваших рук. Цепляясь за нее в полнейшем ослеплении, вы стали искать кругом крамолу и мятеж... Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, вы уже думали не о спасении отечества, а лишь о сохранении власти... Русское общество стало прозревать... Все громче и громче назывались имена начальников, которые среди всеобщего падения нравов оставались незапятнанными... Армия и общество... во мне увидели человека, способного дать то, чего ждали все... Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращающими войска, — такая армия не могла создать Россию...»

Вокруг кричали: «Долой Деникина!», «Смерть Романовскому!», «Смерть Деникину!» Толпа вдруг по чьему-то приказу превратилась в тесный поток, рвущийся в определенном направлении — к заводам, к Ставке. Женщина едва сумела вырваться в сторону.

Позже ей рассказали, что у заводов толпу встретили выстрелами в воздух, и люди разбежались.

24 марта корпус Кутепова вошел в Новороссийск. Артиллеристам приказали направлять батареи прямо к берегу, к молу, к гибели. Леонтий Дымников, принявший еще в 14-м безумие жизни как естественную ее часть, даже увидевший какой-то смысл в наступлениях, бегствах, искалеченных друзьях, расстрелах безоружных пленных, теперь не понимал происходящего. То есть, конечно, понимал, но никак не мог осознать, как относиться ко всему, к отступлению, бегству, уничтожению имущества, так и не решив, хочется ли ему смеяться или, может быть, застрелиться, наблюдая, как артиллеристы-марковцы — почти все, что осталось от знаменитой дивизии, — по чьей-то бодрой команде «раз-два-взяли» раскатывают свою пушку, разгоняют ее и ухают в штормовое море. Узнал Леонтий капитана Ларионова — вместе как-то стояли у женского монастыря под Харьковом. В 18-м константиновец решил спасти Россию и вот выслужил звание, похоронил друзей, отправил в лазареты искалеченных, а теперь командовал затоплением орудий. Капитан тоже узнал Дымникова:

— Леонтий Андреевич! Не распрягайте лошадей раньше времени, а то орудия тяжело катить!

Стояли неподалеку неизвестные офицеры-зрители, а поодаль сгрудились гражданские, мечтавшие о победе за море, неведомые инородцы что-то варили на костре и на все смотрели узкими мудрыми глазами, словно вобравшими в себя вечность.

Хмурый усатый подполковник нервно сновал вдоль толпы. Дымников узнал офицера. Еще в первом походе шли рядом с Романом Гулем, и тот откровенно сказал Леонтию, что не принимает безумия войны, не хочет так спасти Россию и обязательно уйдет из Добрармии, потому что накануне при нем этот хмурый усатый, тогда еще штабс-капитан, терзал пленного молодого паренька, приставив ему штык к груди и выкрикивая: «Ну! Говори! Куда тебя? В сердце? В живот?..» и с садистским наслаждением кромсал штыком живое юное тело...

Почему-то в ту пору Леонтий не разделил возмущения Гуля — убийство становилось нормой. Тогда, помнится, его возмутила одна весьма восторженная и столь же неумелая медсестра, которая выкрикивала: «Офицеры, юнкера! Вы сегодня в России те самые триста спартанцев, спасших когда-то греков. Они погибли, но спасли свой народ. Это и ваша судьба!» Идиотка даже не понимала, что пророчила смерть. Да и какие они спартанцы? Те вышли на бой с полчищами и погибли. А герои Ледяного похода по приказу генерала Корнилова расстреливали пленных, а некоторых закалывали штыками.

Марковцы освободили мол — часть артиллерии Добрармии пошла на дно. На очереди батареи Дымникова и Воронцова. Тот почему-то загорелся желанием спасти хоть пару орудий — «спрятать вон там, за складами, а потом погрузить...» Дымников безнадежно махнул рукой, поручил уничтожение батареи помощнику и непонятно куда и зачем зашагал от безумного берега.

Марковцы построили цепь и настороженно злыми глазами смотрели на беспорядочную толпу военных и гражданских, стремящихся к молу. Разошелся туман, и открылся привычный портовый пейзаж с различными кораблями. Самый огромный английский броненосец «Им-

ператор Индии» — надежда отступающих. С ним и другие корабли эскадры. Французские и русские миноносцы, 4 больших транспорта стали ближе всех к берегу.

Разрозненная группа казаков, бросивших свою армию, пробивалась через толпу на лошадях. К берегу их не пускали марковцы.

— Значитца, вам жить, а нам подыхать? — спросил казак, только что снявший сбрую со своего коня и отогнавший его.

— Приказ начальника обороны Новороссийска генерала Кутепова.

— Эти четыре корабля он для своих держит, — сказал другой.

Казаков поддержали из толпы. «В пашки их, ребята!» — кричали какие-то люди в форме, но без погон с решительными лицами и толстыми узлами. Казаки на это не пошли. Сидели на седлах, курили, матерились. Лошади бродили по берегу, ища хозяев. Тем временем один из транспортов направился к молу, на погрузку. Верный конь ткнулся мордой в плечо покидавшего его хозяина. Тот снова оттолкнул его со злостью, но конь не унимался, и опять мягкие его ноздри терлись о пропитанную потом казачью гимнастерку. Тогда казак решительно поднялся, примерился и, мгновенно вытащив наган, выстрелил коню в ухо. Тот молча грохнулся на землю.

— И меня-а! И меня так! — закричал вдруг из толпы какой-то встрепанный старик. — И меня убей.

— Сам завтра сдохнешь, — ответил казак.

Выстрел произвел резонанс: из толпы выбрался юный симпатичный поручик и, достав наган, аккуратно выстрелил себе в висок.

Люди в форме без погон сговаривались: «Тот пароходик подходит к причалу — будет наш. Этих пацанов перебьем — готовь маузер, и казаки рванутся». Они наседали на цепь марковцев, угрожали, толкались.

Почему-то автомобиль Кутепова всегда появлялся в таких местах и в такие моменты. Со своими офицерами — Достоваловым, Ленченко, с конвойными солдатами он врезался в толпу. Дымников юркнул в сторону — он не хотел встречаться с Кутеповым.

— Кто стрелял? — закричал Кутепов. — Охрана, взять зачинщиков!

— Вот эти без погон шумели, — охотно подсказывали люди из толпы.

— Арестовать! Обыскать! Что в узлах? Ценности? Золото? Это грабители, и я приказываю их расстрелять! Капитан Ларионов, соберите шеренгу и приведите в исполнение.

— В море их? — деловито спросил Ларионов.

— Нет! Уложить на видном месте и сделать надпись. У вас там есть художник — артпанорамы рисует хорошо. Пусть напишет: «Расстреляны грабители и нарушители порядка эвакуации!»

Неизвестно, какая погода была в этот день, 25 марта, в Новороссийске: на востоке, где должна разгораться веселая весенняя заря, в полнеба стояло зарево горящих заводов, рассыпающееся искрами и прорывающееся лоскутами неяркого желтого пламени. Гремели взрывы, трещали ворота складов, люди волокли какие-то вещи, которые вряд ли могли им понадобиться, катили бочки. Если марковские патрули настигали их, расправа была короткой.

Леонтий узнал, что корпус грузится завтра, а что делать и куда идти сегодня, он не понимал — не в патрули же, расстреливать бандитов. В сумерках лицом к лицу он встретился с женщиной невысокого роста, из-под коричневого платочка, скрывшего черные волосы, были видны лишь огромные черные глаза. Леонтий чувствовал, когда с женщиной необходимо быть грубым до непристойности, вот и этой он сказал:

— Ночью бы так толкалась.

— А я и ночью, — сказала женщина спокойно, даже не улыбнувшись.

Безумная толпа вокруг, безумный горящий город, частые выстрелы — одни безумцы расстреливают других. Удивляться нечему, но и он и она удивились.

— Я вдова капитана Арефьева, — сказала Зина. — Несколько дней ищу кого-нибудь, кто знал его, и вот, наконец...

Она приехала сюда из какой-то глухомани, по документам ее устроили в общежитие и обещали место на пароходе.

— Но мы же не сможем спать с вами в общежитии, — сказал Леонтий.

— Тем более, не поужинав.

С трудом нашли какую-то армянскую маленькую харчевню, где едва ли не на последние валютные деньги Леонтий организовал ужин с бараниной и вином. Где ночевать — было неясно. Высокий армянин-повар предложил:

— Идем ко мне. Рядом живу. Как у вас говорят — тесно, но не обидно. Тепло очень. Печка отсюда идет.

Приют любви оказался каморкой, в которой стояла одна железная койка для хозяина — Ашота.

Безумие. В небольшом окошке багровое зарево горящего города, и выстрелы где-то не очень далеко.

— Перину имею для гостей. На полу хорошо. Не так душно, — объяснил хозяин. Он раздевался, сидя на своей койке. Спокойно снял кальсоны, и Зина сумела сохранить равнодушное выражение лица.

— И вы раздевайтесь совсем — жарко у меня.

— Конечно, разденемся, — сказала Зина, разоблачаясь до последней невозможности. — На, Лео, мое — положи на стул. И сам все снимай. И скорее ко мне. Пусть только Ашот свет выключит.

Безумие, а свет в городе горит.

Такой страсти с криками, с нецензурщиной, с неприятными разговорами в самые острые моменты Леонтий не помнил.

А где-то когда-то было: «Я тебя кохаю, а ты спишь...»

Утром проснулся один — Зина разметалась голая на койке Ашота, прижав хозяина к стене.

— Зин, ты чего это?

— Попросилась погреться, да так и заснула здесь...

В штаб корпуса пришли вместе. Безумие превратилось в естественное состояние. Никто не удивлялся пожарам и взрывам, спокойно перешагивали через трупы, валяющиеся на улице.

Молодые офицеры штабисты, организаторы эвакуации, набросились на Зинаиду: «Транспорт уже грузится! Спешите на пристань! Вот вам пропуск!» Офицерам и солдатам погрузка была назначена на ночь. Кривский объяснил Дымникову порядок, а потом вдруг засмеялся и сказал:

— Только вы с нами, Леонтий Андреевич, не поедете. Генерал даже назвал вас офицером английской службы. В шутку приказал переобмундировать.

— А я англичан не люблю. За что меня так?

— А вот получите. Это не пропуск, не билет, а произведение искусства, — сказал Кривский, протягивая тонкую гляцевую бумагу, прочнее железа, на ней во всю ширину британский военно-морской флаг.

Бумага гласила, что капитан Дымников Леонтий Андреевич приглашается в качестве пассажира первого класса на броненосец английского военно-морского флота «Император Индии». И подпись самого адмирала Сеймура.

Зина кричала с повозки прощальные слова.

— В Севастополе встретимся, — крикнул он ей.

— А может быть, в Париже.

И почему-то подумалось, что об Арефьеве они с ней даже не разговаривали: как погиб, где похоронен, как воевал.

Безумная новороссийская ночь пылала береговыми пожарами, искристыми взрывами, перекрещивающимися метаниями паровых прожекторов, решительными пулеметными очередями и винтовочными выстрелами, корабельными сиренами. Все это сопровождалось беспорядочным криком толп, доносившимся нестройным хором с палуб транспортов, и монотонным диким воем с берега. Как всякое безумие держится на некоей разумной оси, так и эта ночь 26 марта держалась на твердости людей, командовавших погрузкой и непрерывно отводящих от берега транспорты, чтобы поставить на их место другие.

Леонтий Дымников, по-английски прибранный и ухоженный, наблюдал эту страшную ночь с палубы «Императора Индии». Некий русский аристократ Мансуров, с которым он успел познакомиться, угостил его экзотической сигарой. По-видимому, спутник не сомневался в своем праве на комфорт и на великолепное зрелище с человеческими жертвами. Он восхищался действиями моряков.

— Организованная эвакуация идет под руководством генерала Кутепова, — сказал Дымников.

— Слышал, слышал. Деникин назначил его начальником.

Леонтий на минуту задумался над тем, стоит ли объяснить Мансурову разницу между Деникиным и Кутеповым, рассказать ли, например, спутнику, как 24-го генерал приехал к Деникину и положил перед ним на подпись приказ о назначении его начальником обороны Новороссийска, а 25-го заявил Деникину, что людей надо эвакуировать и начинать, конечно, с его 1-го корпуса. Деникин, разумеется, делал вид, что именно это он и хотел приказать.

Деникин хотел уйти последним, со штабом он перешел на «Капитан Сакен» — ближе к берегу. Но вот миноносец «Пылкий», на котором шел Кутепов, повернул к молу. Там оставались солдаты 3-го Дроздовского полка. Леонтий и его новый знакомый видели с «Императора Индии», как Кутепов, сверкая генеральскими погонами и кокардой на фуражке, командовал погрузкой дроздовцев, едва державшихся на сходнях.

— Кутепов — лучший русский генерал, — начал Дымников, но не смог продолжить: мир безумной ночи раскололся, вспыхнул адский заливший окрестности свет, и содроглось все вокруг: 12-дюймовые орудия броненосца дали последний залп. Багрово-черными высокими выбросами взрывалась от снарядов земля на прибрежных холмах, уже занятых красными.

1920. АПРЕЛЬ

В Севастополе тишина. Солнце повеселее. Генерал прохаживался по перрону вокзала с той же резкой решительностью, не допускающей помех, но появилась в нем некоторая отрешенность от окружающих, и, как сочли некоторые наблюдатели, причина не в солнце и тишине. Кутепов, словно не заметив, прошел мимо начальника штаба, он не обращал внимания на весенние красоты города и моря. Ему пришлось размышлять на ходу — времени оставалось мало. В Севастополе — весна, как и в Феодосии, где расположил Ставку Деникин, а за морем, в Константинополе и вовсе уже лето. Большевистский вождь прав, когда говорит, что решающую победу на решающих фронтах Гражданской войны красные одержали и что, однако, война на

этом не закончилась. «Еще раз подтвердилась истина марксизма, что даже самые крупные поражения не ослабляют желаний и стремлений реакционных классов вернуть утраченную власть», — вспомнил Кутепов фразу Ленина из какой-то большевистской газетки.

И вернем! Но кто поведет нас на новую борьбу? Может быть, правы те молодые генштабисты, намекающие, что у Русской армии теперь не может быть другого командира, кроме него, генерала Кутепова?

Он был уверен, что сумеет повести в бой армию и имеет на это право, но оставшаяся с детства какая-то червоточинка заставляла во всем сомневаться. Академию генштаба он не закончил... Его не знает Россия, как знает генерала Врангеля, в общем тоже умелого командира...

В одиночестве Кутепов ходил по севастопольскому перрону, возле которого стоял под парами паровоз с салон-вагоном. Несколько сопровождающих офицеров тихо беседовали в сторонке — не мешали ему думать. Дымников вышел навстречу генералу, и Кутепов позволил себе его заметить: надо собирать таких молодых боевых капитанов и поручиков — с ними всегда делались дела во всех армиях.

— Отпустили вас англичане обратно на русскую службу? — пошутил он.

— Так точно, ваше высокопревосходительство. Отпустили, но только именно в 1-й корпус генерал-лейтенанта Кутепова.

— Вы же, капитан, пока безлошадный, прикомандированы к штабу, и я беру вас с собой. Салон-вагон отправляется через 10 минут. Едем в Джанкой к командиру второго корпуса Слацову. Это он прислал вагон за мной.

Леонтий уже многое понимал в штабных делишках: чуть ли не вчера из Новороссийска — сразу салон-вагон к Слацову! Делить шкуру почти убитого медведя — Деникина. Хотят воспользоваться тем, что Врангель в Турции, но...

Но еще в юности много книжек прочитал Дымников и на лекциях по военной истории много задавал вопросов, а теперь точно знал: только большие деньги, большие люди и большие батальоны помогают взять власть. Сегодня большие батальоны — это броненосец «Император Ин-

ди». И большие люди там. Не с Кривским, не с Достоваловым советоваться бы Кутепову, а с английской военной миссией.

Сели в вагон, Кутепов немедленно закрыл морские и пальмовые пейзажи, опустил шторы, пригласил сесть офицеров и сказал:

— Переговоры я буду вести лично с генералом Слацковым. Ему удалось зимой отстоять Крым, и он теперь является как бы военным губернатором или диктатором этой территории, учитывая, что Антон Иванович Деникин, к сожалению, собирается покинуть свой пост Верховного главнокомандующего. Следовательно, у нас с Яковым Александровичем речь пойдет о военной власти в Крыму. Ответственно сообщаю вам, что никакие самые неожиданные и смелые предложения мною приниматься и даже обсуждаться не будут до тех пор, пока у нас существует Верховный главнокомандующий. Разумеется, теоретически могут возникнуть разговоры о различных вариантах будущих решений вопросов. При этом, по-видимому, не следует забывать...

— Простите, что перебиваю ваше выступление, Александр Павлович, учитывая откровенность беседы, — позволил себе вмешаться начальник штаба, — но при всех вариантах не следует забывать, что единственная боеспособная сила в Русской армии сегодня — это 1-й корпус генерал-лейтенанта Кутепова!

— Как вы все понимаете с полуслова, — усмехнулся Кутепов, — однако решения будут приниматься не нами.

— На днях появится Врангель, — вмешался Кривский.

— На этом совещание прекращается, — оборвал его Кутепов.

— Я хотел сказать, что Врангель не может конкурировать... — продолжал Кривский.

— Отставить! — резко скомандовал, почти крикнул, Кутепов. — Совещание окончено. Ваша задача здесь: мирно общаться с офицерами, можно с вином, но без кокаина. Ничего не выведывать, ни о чем не спорить. У вас у всех достаточно опыта, чтобы и так все увидеть и все понять.

Кривский все же бросился за Кутеповым, пытаясь что-то договорить.

— Не надо, господин капитан, — остановил его генерал.
— Тот далеко. О нем потом.

На станции Дымников подошел к Кривскому с ироническим сочувствием:

— Миша, зря нервничаешь. Кутепов верит в то, что его назначит сам Деникин.

— Но нельзя же пассивно ждать! Надо брать конвой, ехать в Феодосию, врваться к Деникину и требовать подписать приказ!

— Не так подписываются приказы, Миша.

— А если сейчас наш договорится со Слащовым взять власть?

— Тогда с меня шампанское — мне же подарили на «Императоре». И к татарочкам.

Не успели они отойти от вокзала, как встретили озабоченного, но элегантного Ленченко — в Крыму он вновь сбрил бороду.

— Сенсационная новость, — сказал он, — «Император Индии» на Севастопольском рейде, а на его борту барон Врангель.

— Кутепов знает? — заволновался Кривский.

— Знает и спокоен. Его позиция не меняется, меняются позиции других.

Дымников вздохнул и с философским спокойствием произнес:

— Все, что генералы с нашей помощью хотят решить, уже решено на броненосце «Император Индии».

Еще будучи молодым офицером, Кутепов решил, что в служебной дипломатии самая большая хитрость — это совсем не хитрить. Конечно, в мелочах другой раз скажешь что-нибудь не так, но когда речь идет о службе, о боевых решениях — говори прямо, ничего не скрывая. Так думал он вести речь и со Слащовым, будучи, конечно, наслышан о некоторых странностях генерала. Тот, по-видимому, ожидал увидеть соперника-претендента, возможно, готового как-то поделить власть, озабоченного, раздумывающего, даже смущающегося. Однако ни особенной формы генерала Слащова — белый доломан и лиловые рейтузы, ни кокаинового блеска глаз, за коротким ужином, где на

столе были и вино и ваза с кокаином, Кутепов словно бы и не заметил. После ужина в купе-кабинете Слащов попытался еще удивить картами зимних боев на Перекопе. Одним взглядом Кутепов уловил суть: в морозные дни генерал заманивал красных на открытую местность, а своих готовил в теплых населенных пунктах. Увлеченные наступлением красные рвались вперед, где их, измученных маршем, встречал ночной мороз и слащовские пулеметы.

— Прimitивная тактика, — сказал Кутепов, — не умеют воевать.

— Дело прошлое, — согласился Слащов. — Давайте строить будущее. И в вашем, и в моем корпусе офицеры резко недовольны Деникиным. Сегодня необходим молодой боевой генерал с фронта, а не из штаба. Нужны такие люди, как вы и я...

Всего несколько минут разговора, и Кутепову стало ясно, что Слащов не будет командующим: ему уже приходилось наблюдать кокаинистов — первые недели, даже месяцы — кажущаяся энергичность, активность, талантливость, но потом последует неизбежный депрессивный спад. Из них двоих Деникин выберет, конечно, его, Кутепова. Вот и вся дипломатия.

— Мы решили, — продолжал Слащов, уже чувствуя себя командующим, — собрать 5 апреля совещание представителей армии, флота, духовенства и общества. Это совещание «попросит» Деникина сдать командование. Вы приглашены на совещание как командир корпуса, также выступающего против теперешнего руководства. Мы с вами должны решить вопрос о новом командующем. Вопрос не очень сложный, поскольку выбор небольшой.

Слащов великодушно улыбнулся, а Кутепов понял: Слащов — командующий, а он — зам- или начштаба, или еще как-нибудь. На такую улыбку можно и ответить:

— Вы, Яков Александрович, предлагаете мне занять должность Верховного главнокомандующего?

— Или мне, — на лице Слащова, который продолжал улыбаться, отразилось удивление.

— Я вынужден сообщить вам, Яков Александрович, что мой корпус полностью поддерживает действующего командующего, то есть Антона Ивановича. Прошу вас дать

распоряжение железнодорожникам, чтобы доставили меня в тот пункт, который я укажу.

— Разумеется, Александр Павлович. Не спрашиваю, куда — знаю. Вы, вернее, мы с вами упускаем шанс. Мы могли бы оба победить, а теперь мы оба погибнем. Не знаю, кто из нас раньше*.

Кутепов мчался в Феодосию, в Ставку, с чувством игрока, сделавшего точный ход: зачем ему «переворот» вместе со Слащовым, если теперь сам Деникин назначит именно его, Кутепова, командующим. Если, конечно, Деникин решит уйти. Надо только все правильно доложить.

Несмотря на поздний час, Деникин принял генерала с важным докладом.

— Ваше высокопревосходительство, — доложил Кутепов, — когда я прибыл в Севастополь, то на пристани офицер генерала Слащова доложил мне, что за мной прислан вагон с паровозом и что генерал просит меня прибыть к нему немедленно. Около 8 часов вечера я прибыл в Джанкой, где на платформе меня встретил сам Слащов. По его просьбе я прошел к нему в вагон, где, после легкого ужина, он мне очень длинно стал рассказывать о недовольстве в войсках его корпуса Главнокомандующим и о том, что такое настроение царит среди всего населения, в частности, среди заявивших об этом армян и татар, в духовенстве, а также во флоте и якобы среди чинов моего корпуса. Он сообщил, что 5 апреля предполагается собрать совещание из представителей духовенства, армии, флота и населения для обсуждения создавшегося положения и что, вероятно, это совещание решит обратиться к вам, генерал, с просьбой о сдаче командования. Затем он добавил, что, ввиду моего прибытия на территорию Крыма, он полагает теперь необходимым и мое участие в этом совещании. На это предложение я ответил, что относительно настроения моего корпуса он ошибается, а участвовать в каком-либо совещании без разрешения Главнокомандующего я не буду и, придавая огромное значение всему тому, что он мне сказал, считаю необходимым обо всем немедленно доложить вам. После этих моих слов я ушел и, сев в поезд, приказал везти себя в Феодосию.

*Я. А. Слащов в 1929 г.

В целом Кутепов был удовлетворен своим докладом, но чего-то недоставало или, наоборот, оказалось лишним. Было и то, и другое. Деникин позвонил, по его приказу принесли вино, сыр, яблоки, он уже многое знал и не особенно удивился услышанному.

— Генерал Слащов ведет свою разрушительную работу во многих направлениях, — сказал командующий. — Он посылал гонцов к барону Врангелю, предлагая разделить с ним власть над Крымом. Он связывался и с Боровским, и с Покровским, и с Сидориным. Рвался ко мне. Епископ Венямин от его имени громогласно заявляет, что моя политика отвратна русскому народу. Однако не будем всерьез относиться к сплетням и интригам, а подумаем с вами о дальнейших действиях. Скажите, каково настроение вашего корпуса?

— Настроение Дроздовской и Корниловской дивизий вполне удовлетворительное. В Марковской и Алексеевской — не вполне благополучное.

— Теперь я познакомлю вас с документом, который должен стать основой нашего, Александр Павлович, решения. Вот он.

«Телеграмма

Секретно. Верховный комиссар Великобритании в Константинополе получил от своего правительства распоряжение сделать следующее заявление генералу Деникину.

Верховный Совет находит, что продолжение гражданской войны в России представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы.

Правительство Его Величества желает указать генералу Деникину на ту пользу, которую представляло бы собой в настоящем положении обращение к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии как для населения Крыма вообще, так и для личного состава Добровольческой армии, в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее благоприятно для России, британское правительство взяло бы на себя инициативу означенного обращения, по получении согласия на это генерала Деникина, и представило бы в его распоряжение и в распоряжение его бли-

жайших сотрудников гостеприимное убежище в Великобритании.

Британское правительство, оказавшее в прошлом генералу Деникину значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящего времени, полагает, что оно имеет право надеяться на то, что означенное его предложение будет принято. Однако если бы генерал Деникин почел бы себя обязанным его отклонить, дабы продолжить явно безнадежную борьбу, то в этом случае британское правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку или помощь какого бы то ни было характера генералу Деникину.

Британский Верховный комиссар. 2 апреля 1920. Константинополь».

Деникин спрятал телеграмму, провел ладонью по лицу — глухая ночь.

— Я очень устал, — сказал он. — В ближайшие дни соберу военный совет и подам в отставку.

Здесь Кутепов должен был сыграть по-своему: он знал, что военный совет его не утвердит.

— Антон Иванович, — сказал он сочувственно, — военный совет измучает всех нас и вас, в первую очередь. Лучше всего вызвать в Ставку старших командиров и выяснять их мнения. Совет, назначенный Слащовым, безусловно, надо отменить.

Деникин согласился, важно кивнув головой.

Кутепов возвращался к себе в вагон с чувством генерала, отстоявшего свой план боя: в беседах со старшими начальниками перевес будет на его стороне.

Из-за того, что некоторые офицеры загуляли, отъезд был назначен на утро. Дымников с Кривским возвращались от «татарочек», и Леонтий объяснял приятелю, что никогда не надо ориентироваться на самую красивую — там сомнение и отсюда неуспех. Тени деревьев и домов пересекались на площади, и ветерок причудливо запутывал их, заставляя спотыкаться. В порту на случай нападения красных дежурили казаки, а здесь, за каменной оградой,

вдруг запели: «Белой акации гроздь душистые... О, как мы молоды были тогда!» Романс закончился, а на ограде обнаружился неровно приклеенный большой лист с угольно черным текстом:

«Товарищи!

Белогвардейские палачи продолжают кровавые расправы над лучшими представителями трудового народа. В Симферополе расстреляны руководители горкома РКП(б) В.В. Макаров, А.Н. Бунаков, И.А. Севастьянов, Лия Шулькина, И. Вайсблатт, Иоффе, М. Кияченко, С. Крючков, И. Ашевский.

Крозь невинно замученных 9 ваших представителей взывает к вам! К отпущению! К оружию! Доставайте оружие, обучайте не умеющих владеть им, организуйтесь в боевые дружины и ждите нашего зова!

Крымский областной комитет РКП(б)».

— Слабый текст, — сказал Кривский. — Я бы лучше сочинил.

— Вот и сочините, когда нас будут вешать.

— Лео, я вас не понимаю... Мы готовим переворот.

— Шучу, Миша. Смотрю, нет ли здесь знакомых в списке.

Знакомый есть — В.В. Макаров. Когда-то возил на генеральской машине. П.В. Макарова здесь нет — спасся и, конечно, действует. Может, еще встретимся. Леонтий даже оглянулся — не стоит ли он за спиной, подмигивая едва заметно: «Навар есть. Точно. Привет мадам Крайской».

Ночью Леонтий думал о ней под негромкий морской прибор. Помнит, помогает, значит, любит. А он ее? Разве можно любить другую женщину, если твоей была Марыся? Нет — Марина Конрадовна. Когда-то была Марина Мнишек. Кутепову, наверное, снится сон Гришки Отрепьева — наобещал хитрый мужичок Деникин, и видит себя Александр Павлович Главкомандующим... Лестница прямая ведет его на башню, а с высоты народ на площади кипит и на него указывает со смехом...

Нет. Литературные сны Кутепову не снились, однако в душе было смутно. Неужели Главкомандующий? Кто он? Академию не кончал. Приемный сын. Узнают о Тимо-

фееве. Что-нибудь раскопают. Большевицкие газеты наверняка раструбят. Но решил же. Молодежь поддерживает. Процедура, согласованная с Деникиным, в твою пользу. Перед лицом всеобщего недоверия Деникин увидит рядом с собой только верного Кутепова.

Утром, однако, все изменилось: и ветер, и тучи, и секретная телеграмма из Ставки:

«3 апреля в Севастополе назначается военный совет под председательством ген. Драгомирова для избрания премника Главнокомандующему вооруженными силами Юга России. В состав совета входят командиры корпусов Кутепов и Слэцов и их начальники дивизий. Из числа командиров бригад и полков — половина от Крымского корпуса. (В силу боевой обстановки, норма может быть меньше.) Должны прибыть также: коменданты крепостей, командующий флотом, его начальник штаба, начальники морских управлений, четыре старших строевых начальника флота. От Донского корпуса — генералы Сидорин, Кельчевский и шесть лиц в составе генералов и командиров полков. От штаба командующего — начальник штаба, дежурный генерал, начальник военного управления и персонально генералы: Врангель, Богаевский, Улагай, Шиллинг, Покровский, Боровский, Ефимов, Юзефович и Топорков».

Кутепов реально оценил смысл документа: процедура рассчитана на Врангеля. Не спал ночью Деникин после его ухода.

Совет был назначен на вечер и должен был пройти в губернаторском доме. Впереди был день, процедуру можно использовать по-разному, и Кутепов не отказался от борьбы. На 2 часа дня его пригласили на предварительное совещание представители Дроздовской дивизии. Он, не думая, заявил, что приедет лишь к трем: пусть без него выговорятся, и он ответит всем сразу. Так и произошло. К его приезду все споры закончились, и начальник штаба дроздовцев заявил: «Совещание старших начальников Дроздовской дивизии решило просить генерала Деникина остаться у власти, так как все мы не могли мыслить об ином Главнокомандующем». Кутепов поднялся и сказал безапелляционно и коротко:

— Генерал Деникин твердо решил оставить свой пост, о чем вчера заявил мне лично.

В ответ возгласы: «Это интриги... Его вынудили... Его замучили недоверием... В штабе разногласия...» В таких дискуссиях Кутепов не участвовал, он поднялся и уехал к себе. Вызвал своего самого горячего сторонника — Кривского.

— Вы видите, Михаил Алексеевич, что Совет настроен оставить Деникина. А если проголосуют за Деникина, то завтра назначат Врангеля. Что делать?

— Но у барона Врангеля иностранная фамилия, к тому же с титулом, чуждым для русского духа. Большевики, конечно, используют это в своей пропаганде. Он энергичен, талантлив как военный начальник, но, говорят, настолько честолюбив, что это мешает ему быть всегда беспристрастным. Думаю еще, если Главнокомандующим будет генерал Врангель, то армии, как Добровольческой, наступит конец. На этом посту нужны вы, Александр Павлович.

Бородка генерала Кутепова в такие моменты автоматически взлетала вверх, и чингисхановские глаза источали слепящий серебристый огонек.

— Быть может, вы во многом правы, — сказал он, — однако Врангель талантливее меня и с этим тяжелым положением, в которое попала армия, справится лучше. Если я сейчас на Совете предложу свою кандидатуру, что, разумеется, исключено, или кто-то выступит за меня, то это будет мой полный провал. Поэтому я сам предложу Врангеля.

— Нет, Александр Павлович. Вы не должны этого делать. Сегодня все или почти все будут за Деникина. Вот вы первый и выступите за этот памятник.

— Памятник, — усмехнулся Кутепов, — памятник Добровольческой армии... Что ж, пора ехать.

У выхода ждал озабоченный Ленченко.

— Ваше превосходительство, происходят ужасные вещи, — сказал он. — Охрану во дворце несут дроздовцы и, не стесняясь, громко выкрикивают: «Никого не признаем, кроме Деникина, а всякого другого расстреляем!» И вот еще, — добавил Ленченко, протягивая симферопольскую газету «Юг».

На первой ее полосе — большое фото площади, на фонарях — повешенные. Рядом напечатано письмо-протест

представителей Симферопольского земства и города Симферополя с заявлением, что население лишено возможности посылать своих детей в школы «по разукрашенным Кутеповым улицам».

— Раздают поголовно всем, — сказал Ленченко, — и членам Военного совета.

— Врангелевцы действуют, — сказал Кривский.

— Сам он и не знает, — возразил Кутепов, — помощнички стараются.

Военный совет начался вовремя, но, как почти все русские собрания, советы, совещания и т. п., начался со споров по пустякам. Генерал Слащов заявил, что, поскольку его корпус находится на фронте, он не смог собрать на заседание Совета всех старших начальников, имеющих право на нем участвовать. Драгомиров объяснил, что это предусмотрено и оговорено, однако Слащов продолжал настаивать на своем и даже заявил, что это несправедливо по отношению к доблестному корпусу, дольше всех отстаивающему последний клочок белой русской земли... Poleмика между Драгомировым и Слащовым затянулась надолго, пока Слащов не зацепил 1-й корпус, прозрачно намекнув на обилие его представителей. Тогда Кутепов заявил, что согласен сократить число представителей своего корпуса, если наличие их вызывает такой протест о нарушении справедливости. Драгомиров снова заявил, что он не видит нарушения справедливости по отношению к какому-нибудь из воинских соединений, изменить приказ Главнокомандующего он не смеет, и дальнейшее обсуждение вопроса о представительстве прекращает.

Следующим вопросом Драгомиров поставил вопрос о необходимости избрания заместителя Главнокомандующего. Вновь вскочил Слащов и, сверкая глазами, доказывал недопустимость выбора нового Главнокомандующего. «Мы же служим не в Красной армии!» — восклицал он несколько раз.

Когда же, наконец, генерал Драгомиров приказал раздать бумагу и карандаши для закрытых выборов заместителя Главнокомандующего, вдруг попросил слова капитан 1 ранга Рябинин и начал с того, что «пути Господни неис-

поведимы», а закончил предложением назначить заместителем Врангеля.

Тем временем офицеры-кутеповцы собрались вместе и потребовали, чтобы от них дали слово командиру дроздовцев Витковскому. Тот заявил, что представители Дроздовской дивизии считают невозможным для себя принять участие в выборах. К его заявлению немедленно присоединились все представители Кутеповского корпуса. Генерал Драгомиров строго заявил о недопустимости заявлений, в которых содержится отказ от выполнения приказа Главнокомандующего.

— Приказы Главнокомандующего мы всегда выполняем и вполне ему доверяем, — возразил Витковский. — Если Главнокомандующий решил сложить с себя власть, то мы подчиняемся его решению и его назначению себе заместителя. Но предварительно необходимо выразить Главнокомандующему доверие и просить его остаться у власти и немедленно донести до его сведения об этом нашем постановлении.

Сразу же кто-то закричал: «В честь Его высокопревосходительства главнокомандующего генерала Деникина — ура!» Кричали громко и дружно.

Кутепов свою позицию не изменял — он вместе со всеми поддерживал Деникина. Однако те, кто близко знали Александра Павловича, отметили его подавленное состояние.

Он упустил свой шанс, но где? Или это выражение просто не имеет смысла? Каждый получает лишь то, на что способна его человеческая сущность.

Сидели до позднего вечера, и в результате появилась на свет телеграмма.

«Генералу Деникину. Военный совет признал невозможным решать вопрос о преемнике Главкома, считая это прецедентом выборного начальства, и постановил просить Вас единолично указать такового. При обсуждении Добровольческий корпус и кубанцы заявили, что только Вас желают иметь своим начальником и от указания преемника отказываются. Донцы отказались давать какие-либо указания о преемнике, считая свое представительство слишком малочисленным, не соответствующим боевому составу, который они определяют в 4 дивизии. Генерал Слащов

отказался давать мнение за весь свой корпус, от которого могли прибыть только три представителя, и вечером просил разрешения отбыть на позиции, что ему и было разрешено. Только представители флота указали преемником генерала Врангеля. Несмотря на мои совершенно категорические заявления, что Ваш уход решен бесповоротно, вся сунутая армия ходатайствует о сохранении Вами главного командования, ибо только на Вас полагаются и без Вас опасаются за распад армии; все желали бы Вашего немедленного прибытия сюда для личного представительства в Совете, но меньшего состава. В воскресенье в полдень назначил продолжение заседания, к каковому прошу Вашего ответа для доклада военсовету.

3 апреля Драгомиров».

«Телеграмма

Драгомирову. Разбитый нравственно, я ни одного дня не могу оставаться у власти. Считаю уклонение от подачи мне совета генералами Сидориньм и Слащовым недопустимым. Число собравшихся безразлично. Требую от Военного совета исполнения своего долга. Иначе Крым и армия будут ввергнуты в анархию.

Повторяю, что число представителей совершенно безразлично. Но если донцы считают нужным, допустите число членов сообразно их организации.

4 апреля Деникин».

«Телеграмма

Деникину. Высшие начальники, до командиров корпусов включительно, единогласно остановились на кандидатуре ген. Врангеля. Во избежание трений в общем собрании, означенные начальники просят Вас прислать ко времени открытия общего собрания, к 18 часам, Ваш приказ о назначении без ссылки на избрание Военным советом.

4 апреля Драгомиров».

«ПРИКАЗ ВООРУЖЕННЫМ СИЛАМ ЮГА РОССИИ
4 апреля 1920 г.

1. Генерал-лейтенант барон Врангель назначается Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России..

2. Всем, шедшим честно со мною в тяжелой борьбе, — низкий поклон. Господи, дай победу армии и спаси Россию.

Генерал Деникин».

Кривского генерал Кутепов не принимал несколько дней — надо думать о новых победах, а не переживать прошлые поражения, — и поручик в одиночестве или с другими сочувствующими офицерами проводил вечера в симферопольских кафе, благо, штаб корпуса стоял еще здесь, и вечерами на площадях регулярно светили фонари, с которых по требованию общественности убрали повешенных.

Еще в новогодней речи Михаил Кривский, говоря о вожде, рожденном быть диктатором, которого выдвинет Белое движение и который приведет к окончательной победе, подразумевал Кутепова, и слушающие понимали тогда, о ком идет речь. Храбрый командир единственного боеспособного русского корпуса, одержавший блестящие победы в Кубанских походах, под Харьковом, под Орлом! Кто может соперничать с ним? Это же русский Бонапарт, у которого в запасе не один, а десяток Тулонов. И вся армия за него. Жесток? Да, жесток именно так, как этого требует время. Весь мир содрогается, узнавая о бессмысленных кровавых боях, устраиваемых большевиками. Кутепов тоже не боится крови, но это кровь истинных врагов.

Все устраивалось. Еще один шаг — и Кутепов диктатор. Ну, может быть, два консула — он и Слащов. Тот слишком слабонервен, чтобы тягаться с Кутеповым. Если бы не эта многолюдная, многочасовая поповская процедура, Кутепова бы избрали. Хитрый мужичок Деникин переиграл их со Слащовым. Лучше бы тогда, вечером, приехали вдвоем Кутепов и Слащов с конвоем в Ставку: подписывай, мол, Антон Иванович, приказ. И история России пошла бы другим путем. И он бы, Кривский, был рядом. Советником, министром, а может быть, третьим консулом! А теперь шли они с Дымниковым сквозь мимолетные южные сумерки искать какое-то вновь открывшееся кафе с музыкой. Лео, слегка пьяный и всегда горько иронизирующий, пытался напевать «Белой акации гроздь душистые...», но забывал слова и бранился: «Какие акации! Мираж и бред! Гнилые березки, где нас похоронят! А может, уже похоронили? Может быть, это нас расстреляли тогда под Чугуевом?..»

— Лео, не надо. Вот и кафе.

Действительно, новое: чистые скатерти, яркий свет, много хорошо одетых самоуверенных мужчин в штатском

и женщин в длинных платьях. Говорят, Врангель хочет устроить республику, а республиканцы — уже вот они. Здесь вполне уместен Паша Макаров — о нем Дымников не забывал с той листовки.

И действительно — чудо: за столиком напротив ему лежал Макаров, но улыбающийся Игнатий Николаевич делал знаки — потом, мол, поговорим. С ним за столом такие же «республиканцы».

Миша, разумеется, начал рассказывать подробности о 18 брюмера.

— Он же был никто! — восклицал Кривский. — Маленький генеральчик, не умеющий чисто говорить по-французски. А он пришел и взял власть! А наш...

— Тихо, Миша. Я считаю последние шиллинги. «Колокольчики» здесь плохо идут.

— Мне должны. Я отдам. Он был никто...

Наконец Миша задремал. Дымников попросил соседа-поручика присмотреть за ним и, сделав знак Игнатию, вышел на улицу, за угол, в тень. Он был готов ко всему — застрелить Игнатия, вызвать патруль и оказаться в контрразведке...

А Игнатий Николаевич словно радовался встрече. Хвалил Врангеля, излагал программу Республики Крым со всяческими свободами, вспомнил, конечно, Макарова:

— Вы знаете, что произошло? Владимира расстреляли. Я едва не попал в засаду в его квартире.

— Где Павел?

— Ну... — Игнатий развел руками, мол, думай как хочешь — может, знаю, может, и нет. — Он на свободе и действует. Вы-то сами, пожалуй, вряд ли состоите в РКП(б)...

— Слушай, Игнатий. Ты меня не видал, я тебя не знаю. Иначе можем встретиться в контрразведке, а Климович меня знает.

— Не к ночи будь помянут.

На площадь ввалилась ватага матросов с гармошкой. Пели и пританцовывали: «Эх, яблочко, куда котисься? В контрразведку попадешь — не воротисься!..» — «Не так, ребята, надо: «В губчека попадешь, не воротисься!»

Засвистали, затопали патрули. Матросы чинно оправдывались: «Извините, господа. Завтра идем в десант на

красных. Немножко вот повеселились...» — «Кто старший команды? Шагом марш в казарму!»

— С ними будете республику строить? — спросил Дымников.

Игнатий только неопределенно пошлепал губами.

И Дымников понял, что относительную безопасность может обеспечить только фронт. Вот если бы туда, где дамы носят парижские манто и модные шляпки-каскаетки, где шофер подгоняет длинный сверкающий автомобиль на Маршалковскую к мадам Крайской...

Попасть на фронт было легче. Еще апрельская грязь не высохла, когда штаб корпуса переехал в поселок Армянский Базар, на Перекопе, где не было ни армян, ни базара. Зато посреди площади стоял слегка хмельной Витя Ларионов и с иронической торжественностью встречал приятелей.

— Давно здесь загораете, Виктор Александрович? — спросил Леонтий.

— С первых дней. Господин Кутепов распорядился выслать нас из столицы за хулиганские выходки. А мы вели себя чинно, благородно, гуляли на площади, любовались фонарями, тем более что повешенных сняли, и дернуло меня Льва Николаевича вспомнить — там у него на подоконнике сигару на пари курят. А я вызвался на пари выкурить сигару на фонаре. И вдруг... Ох, уж эти «вдруг» из авантюрных романов. Только я залез и устроился с сигарой, вдруг подъезжает его превосходительство Александр Павлович. Задрал бородку, приказал немедля вниз, а наутро всех артиллеристов марковцев сюда, в Армянский Базар, готовить место для штаба. Мы же все безлошадные, как и вы.

— В самом деле, здесь армянок нет? — спросил Дымников.

— Ну... Если поискать... Не в том дело, Леонтий Андреевич. Красные вот-вот пойдут. Каждый день с утра бьют одиночные орудия — это же пристрелка.

Не хватало орудий, погребенных в Новороссийском порту, не хватало лошадей, брошенных на берегу. Дымников осмелился обратиться лично к генералу. В кабинет не попасть — очередь. Дождь на улице, на мосточках — Кутепов шел с Кривским, которого вновь приблизил к себе.

— Ваше превосходительство, — говорил Кривский. — По-моему, эту связь надо обязательно укреплять.

— Господин поручик, — сказал генерал, остановившись и метнув в офицера пылающий монгольский взгляд, — на вашей новой должности за лишнее слово на улице повешу, как шпиона. Пока свободны.

Подошел Дымников.

— Ваше превосходительство, я до сих пор при штабе. Я хочу в бой. Дайте мне батарею.

— Артиллерии не хватает, господин капитан. Крупные калибры предназначены для обороны перешейка. Но я решил создать военно-артиллерийский взвод при своем конвое. Такие подразделения уже существуют. Они необходимы: приходится подолгу ехать открытыми степными дорогами. Пойдете? Как говорится, за неимением гербовой...

— Так точно, пойду, Ваше превосходительство.

— И следующее звание вам надо выслуживать.

Позже Леонтий поинтересовался у Кривского:

— Что он на тебя, Миша?

— Назначил помощником по разведке, конкретно: по расположению и планам красных. А это сверхсекретно.

— Вот и молчи. До тебя был один — его Кутепов каждое утро грозился повесить.

— Где он? Неужели повесили?

— Червонные казаки зарубили — полез сам разведданные проверить.

Однако слишком романтичен был Михаил Кривский — любил производить на окружающих впечатление, шепнул вечером: «Только тебе, Лео. Завтра, 13-го, они начнут. Спи в блиндаже, и пусть поднимут пораньше. Затемно».

Знал, конечно, не один Дымников: путеметчики суетились у ячеек, проверяя подачу, офицеры объясняли новичкам, как надо правильно убивать красных. Таскали ящики с патронами. Хорошо поработал Кривский.

Леонтий проснулся сам. Вокруг серая туманная прохлада. Всего минут через 10 красные начали обстрел. Посыпались груды земли, завалившие окопы и блиндажи. В этот же момент открыли огонь и кутеповцы. Красные цепи со своим «ура!» сразу залегли...

На двое суток растянулось мучительное сражение.

Дымников вместе со всеми то бежал к Армянскому Базару, то вновь атаковал Турецкий вал, то часами отсиживался в блиндаже, ухитряясь даже спать. Наконец все кончилось. Корпус Кутепова отстоял свои позиции.

Через несколько дней после боев генерал послал Дымникова в Симферополь получать орудия для своего конно-артиллерийского взвода.

Вечером не обошлось без посещения ресторана «Крым». Те же мужчины а шикарных костюмах, те же дамы в роскошных платьях, шелест газет, одобрительные возгласы: «Читали?» Дымников пришел один — Воронцов где-то застрял. За столиком две юные дамы с умными глазами и непонятный молчаливый субъект, почему-то внимательно его разглядывающий. И на столе, конечно, газеты «Юг России», «Крымский вестник», «Вечернее слово», «Заря России»... «Создание для населения Юга России такого правопорядка, при котором население могло бы быть удовлетворено в своих чаяниях возможно шире, — вот основные задачи власти... Одна из главнейших задач — улучшение материального благосостояния рабочих и удовлетворение их профессиональных нужд... Настанут дни, и вихрь кровавый от нас умчится навсегда, взлетит опять орел двуглавый, и сгинет красная звезда...»

«Читали?.. Победа на Перекопе!.. Кутепов — герой!..»

Валюта исчезала из карманов Дымникова. Заказал водку и редиску.

— Господин офицер, наверное, кого-то ждет? — спросила одна из умных девиц.

— Да. Я жду счастья.

Девицы вежливо хихикнули, а счастье явилось в виде двух офицеров — поручика и штабс-капитана. Их могли бы вообще не заметить среди других офицеров, если бы не голубые просветы на новых сверкающих погонах. Контрразведка.

— Пошли, капитан, — сказал контрразведчик с погонами штабс-капитана. — Ахтырский, Аня и ты, солдат, дежурьте. Если что, разбегаться по разным улицам.

Долго шли по парку.

— Если расстреливать, зачем так далеко? — спросил Дымников.

— Шутить не смешно, и памяти на лица нет. Для разведки не годишься.

Подошли к старой высокой стене. Возле нее — огромная яма, частично прикрытая досками. Сняли доски, постучали камнем в стену, услышали ответ. Внизу загремели, закрипели отодвигаемые камни, и чей-то нарочито строгий голос проговорил:

— Федьку и Дымникова сюда. Остальные на караул.

Подлезая под стену чуть ли не носами, столкнулись с тем, кого назвали Федькой. Смуглое нагловатое лицо с хитринкой.

Под стеной было довольно просторное помещение, горел светильник, на камнях лежало оружие, одежда, какие-то припасы.

— Не узнаете, капитан Дымников? — спросил человек в очках и с длинной рыжей бородой. Так и осталась у Макарова привычка стараться быть более строгим и серьезным, чем это требовалось. — Привыкайте пока, а я со своими разберусь.

Макаров набросился на злополучного Федьку с претензией, почему все сделано неправильно.

— В мирное время все отсидите на губе, — пригрозил Макаров и обратился к Леонтию:

— Не знаю, как мне с вами быть, Дымников?

— На «ты», Паша, как раньше.

— Раньше-то мы оба у белых вертелись, а нынче я — командир партизанского коммунистического отряда, а капитан Дымников бьет на перешейке латышских стрелков. Выбирать надо, Лео.

— Ты же знаешь — моего выбора здесь нет. За письмо спасибо. Дошло и даже был ответ. Вот там мой выбор.

— Точно. Мы здесь будем волохаться, расстреливать нас будут, а ты по Европе в автомобилях разъезжать.

— Тебя тоже Жмудские звали.

— Меня брат звал! Партия! Россия! Володя жизнь за нашу землю отдал!..

Дымникову показалось, что и здесь Павел переигрывает.

— Ты меня нашел для какого-то дела, Паша?

— Я хочу знать, с кем я буду делать дело.

— Раньше ты мне верил. И сейчас можешь верить. А насчет красных и белых, ты знаешь, за кого я.

— Я могу тебя заставить, запугать, и ты все сделаешь, но я хочу иметь такого же друга-товарища, как прежде. Которому верил во всем.

— Для тебя я такой и есть, и ты за это мне поможешь уехать в те края.

— Будет случай — помогу. Иначе тебе хана. Осенью Крым наш, не сомневайся, и всех офицеров расстреляют. Я тебя и не найду, чтобы выручить. А дело наше сегодня о жизни и смерти. Знаешь, почему 13 апреля операция XIII армии и Латышской дивизии потерпела неудачу?

— Предполагаю.

— Значит, знаешь. Кутепов знал план операции. Кто-то предал. Штаб фронта, да и Москва и Чека требуют: вынь да положи предателя. Тебе дается неделя.

— Я должен установить, каким образом Кутепову стал известен план операции красных?

— Точно.

— Паша, ты сам знаешь, что это нереально.

— А весь комсостав 1-й Латышской бригады погиб — это реально? А разведбатальон 3-го полка латышей изрубили — это реально? Недели тебе много — пять дней. Я тебя знаю. Не такие дела быстро делали.

— Паша, но ты же был офицером, я и сейчас — офицер. Я что-то узнаю, сообщу тебе, а твои справятся с моими товарищами.

— Не наводи тень на плетень. С твоими мы справимся, когда возьмем Крым. Офицеров всех уложим, которые не сбегут. А сейчас нам нужен негодный-разведчик из наших, который передал в кутеповский штаб план операции. Я сам во всем этом вертелся и знаю, как можно документы потеревить, с господами офицерами поболтать. Так что действуй. Слово?

— Слово, — с натужным вздохом согласился Дымников.

— Тогда, Федя, давай. У нас виноградный спирт отличного качества. Помянем брата Володю.

Потом говорили о войне, о том, что Ленин не пойдет на перемирие и амнистию, предлагаемые англичанами, и ни-

какой английский флот большевикам не страшен. Вспомнили и о мадам Крайской.

— То, что твое, Леонтий, то твое, — сказал Макаров. — Бумаги на руках. Но почему ты на «Императоре» не рванул?

— Стыдно было перед офицерами — им опять под пули, а я вроде дезертир.

— А теперь? Все равно ж хана вашим. Верно, Федь?

— Генерал Кутепов против всей России? Курам на смех.

— Порядочная сволочь твой Кутепов, Леонтий. Прямо сказал, что ему нужны такие судебные деятели, которые могли бы по его приказанию кого угодно казнить. «Нечего, — говорил, — заводить судебную канитель, расстрелять, и все!»

— А вы такому служите, — сказал Федя, жуя яблоко. — Забирайте у них разведку и к нам.

— А мы тебя потом к Марысе отправим, — сказал Макаров.

Через пять дней Дымников должен был явиться в Симферополь и доложить о системе шпионажа, используемой разведкой Кутепова. Никого в городе не искать — его найдут в каком-либо людном месте. Конспирация Макарова основывалась на том, что в городе не организовывали никаких конспиративных квартир. Отряд стоял в горах, а если требовалось ехать в Симферополь, каждый раз назначались новые места встречи.

Армянский Базар после боев заполнила та же скука. Офицеры играли в карты и пили какой-то неочищенный медицинский спирт, который, как сказали Дымникову по секрету, обладает чудесными свойствами. Утром зашел к Ленченко, пожаловался на волокиту: солдат две недели назад подал прошение на отпуск, а ответа нет, и бумага затерялась.

— Ищи. Вон у меня их сколько.

Искал. Случайно могло что-то выскочить — схемка, незнакомая фамилия, особенная дата, например, 13 апреля... Ничего не нашел. С Кривским был принципиально осторожен — о делах ни слова.

Проверял свои новые трехдюймовки, панорамы налаживал, тормоза, лошадей смотрел. Послал ездового в штаб

на парадом на сено. Тот вернулся и доложил, что без пропуска не пускают. Пошел сам, сказал адъютанту Ленченко:

— Вы тут пропуска для истории храните. Может быть, там солдатская бумага затерялась?

— Делать нечего — ищи.

Нашел. «11 апреля 1920 г. — г-на Иванова из Симферополя пропустить к капитану Кривскому». «10 апреля 1920 г. г-на Петрова из Симферополя пропустить к капитану Кривскому до 24.00».

Вечером гуляли с Кривским. Луна заливала площадь, выскивая железки и бумажки.

— Пойдем в переулки — там черешни цветут, с ума сойти, — предложил Леонтий.

Они не сводили с ума — просто ласково посмеивались над теми, кто внизу, во тьме, лишен счастья цвести, поднимать белеющие кроны над людской мелочностью, цвести для всех и ни для кого.

— Дивчины не хватает, — сказал Кривский.

— Выйдем на Днепр — там и дивчин сколько угодно. Мне бы сейчас в Симферополь к одной съездить хоть на почку. Не сможешь? Вроде какие-то машины к тебе ходят.

— То такие машины, знаешь... Впрочем, завтра может быть оказия. Подходи к концу дня.

Дымников подошел к штабу на закате. Возле него — только машина Кутепова. Леонтий зашел к Кривскому, сказал, что отпросился на сутки, но выгорит ли дело? Михаил пожал плечами.

— А вот и она, — сказал Кривский, услышав шум мотора.

— Ваше благородие, вчерашняя армяночка пропуск просит, — доложил вошедший часовой.

— Вот ей до двенадцати. Шофер пусть сидит.

Вошла худощавая быстрая девушка Ануш.

— Здравствуйте, господа. Вдвоем меня будете допрашивать?

— Зачем, Ануш, допрашивать — она сама все рассказывает, — сказал Кривский. — Но только мне одному.

— Сегодня мало, капитан.

— Потом, потом.

Выйдя из штаба, Дымников попытался заговорить с шофером, но тот был не только молчалив, но и чем-то странно выбравшись из машины, чтобы размяться, как-то странно изгибался, напрягая мышцы, а его лицо двигалось, будто он поет про себя какую-то песню и ей в ритм делает свои упражнения.

Беседа Кривского с Ануш оказалась короткой. Дымные крымские сумерки еще только ложились на поселок.

— Господин капитан поедет с вами, — сказал Кривский. — Довезите, куда он попросит.

Над темными горами сияло звездное небо, в городе сияли звезды фонарей. Сидели с Ануш рядом. Она рассказывала о своей умной старшей сестре, которая где-то работает и много приносит денег, а она вот... Любит музыку, Чайковского и Шопена. Ее учит один старик. Живет на Алексеевской, за рынком. Далеко ходить. Да и какая сейчас музыка. Дымников не спросил ничего лишнего — шофер начеку — вышел у ресторана Крым, сердечно попрощался. Он наивно надеялся, что вдруг здесь окажется Федя на извозчике. Оказался. Только без извозчика, и появился не сразу, а минут через 15.

— Хоть кое-что, — сказал Федя. — «Роллс-ройс» № 31. Они напрокат берут, но поищем. И что еще? Рынок, Алексеевская, Шопен... Этот Шопен француз?

— Поляк.

— О-о! Тоже кое-что. Завтра давай на рынок и на Алексеевскую. Я подойду. Я на рынке по мелочам спекулирую.

Утро было шумное — газеты нарасхват: 25 апреля польская армия начала наступление на Советскую Россию! Дымников купил «Юг России» и рассматривал на опубликованной в газете схеме длинную линию фронта, протянувшуюся от границы с новым государством Литвой до Черного моря. Все злобные стрелки направлены на восток. Пилсудский добился своего: Деникина, которого он не любил и боялся, разгромил вместе с Лениным, а теперь вместе с Врангелем пошел на Ленина. Его он, наверное, не боится. Государственное мышление. И Марыся так же думает.

— Что, Леонтий Андреевич, наша берет?

В толпе у газетного киоска стоял Игнатий Николаевич и размахивал смятой газетой.

— А вы разве поляк? Я не знал.

— Мы все европейцы. И Крым станет Европой. Вы знаете, что Врангель приглашает Кривошеина, Струве, других реформаторов? А как точно был рассчитан удар Кутепова 13-го. Как раз перед наступлением поляков, чтобы оттянуть силы. Теперь Киев и Одессу нечем защищать...

Однако Игчатий великий стратег! Поляки теперь помогают Кутепову.

— Наверное, польское представительство здесь откроют. Как вы считаете, Игнатий Николаевич? Вроде бы союзники.

— Говорят, что уже открыли. Где-то возле Собора...

Дымников нашел трехэтажное скромное здание, в которое носили мебель, а снаружи спешно красили стены и готовили место для официальной таблички.

Стоя на противоположной стороне улицы, он наблюдал за суетой у заинтересовавшего его дома и, в конце концов, заметил Ануш. В тот дом она шла с толстой армянкой, наверное, старшей сестрой.

С Федей Дымников встретился на площади.

— Как ты не боишься? — спросил Леонтий. — Контрразведка кругом.

— Я человек рискованный — смерти не боюсь. Живым не дамся.

— Передай начальнику, что информация шла через польский источник. В новом польском представительстве сестры-армянки. Из них старшая — на линии связи. Младшую не трогать, иначе я горю.

— Любишь ты молодых девок, капитан.

Так, значит, и было, господин Дымников. Польский агент с карманами, набитыми франками, нашел стяжателя штабиста-латыша и купил у него оперативный план. Далее шифровка Варшава—Симферополь... А ты, умная армянка, развязывай язык и становись к стенке.

Потом он сидел в прокуренном «Крыме», слушал радостные разговоры об успехах поляков и о реформах Врангеля. Взят Киев! Земля в Крыму передается тем, кто на ней трудится, но... Всякое владение землей подлежит охране государственной власти от захвата и насилия... В общем, пустые слова. А вместо царской копейки уже идет 500 рублей-колокольчиков.

Федор промелькнул в толпе и подошел.

— Что с армянками? — спросил Леонтий.

— Они служат в польском представительстве. Никто их не трогает. Припугнули, правда, малость. А предателя нашли. Из комсостава Латышской дивизии. Расстрелян перед строем.

1920. МАЙ

Генерал вызвал неожиданно, в неурочное время, на закате, и был неожиданно мягок.

— Мы с вами сражаемся с февраля 17-го, — сказал он, — я полностью вам доверяю. Скажите, как ваши дела? Имеете ли связь с родителями? У меня о них самые приятные воспоминания.

— Случайные вести доходят. Знаю, что живы и здоровы.

— У меня примерно так же. Лидия Давыдовна пока в Константинополе. Сестры — в Риге. Что с ними — не знаю. Младшего брата Сергея вы знаете. Он в 17-м некоторое время был в полку, но не захотел сражаться за Белое дело. Отсиживается в Петрограде. Надеется, что его пощадят. Пока идет война, может быть, и не тронут. Мать Петра Николаевича не трогали. Однако потом, когда почувствуют себя победителями, пощады не будет никому.

— А они почувствуют себя победителями?

Три года сражаются вместе и вот впервые решились высказаться о главном, о роковом — будет ли победа?

— На Военном совете помощник Главнокомандующего генерал Шатилов сказал, что у противника из ста шансов на победу имеется девяносто девять и девять в периоде. Главнокомандующий подтвердил: «Я не вправе обещать армии победу и готов испить с нею чашу унижения. Мой долг вождя — не склонить знамени перед врагом и вывести армию и флот с честью из создавшегося положения».

— А мы с вами, Александр Павлович?

— Мы солдаты и будем сражаться за победу до конца. Даже если придется временно уйти из России. Мы с вами еще повоюем. Скоро пойдем вперед, к Днепру. А пригла-

сил я вас, потому что мне потребовалась добрая товарищеская офицерская помощь. Могу я надеяться на вас, Леонтий Андреевич?

— Разумеется, Александр Павлович.

— Речь идет о другом моем брате — полковнике Борисе Павловиче. В прошлом году он был тяжело ранен в голову осколком. Его лечили и почти вернули в строй. С помощью Петра Николаевича нашли для него должность в Феодосийском порту: начальник разгрузки, или погрузки, в общем, начальник. Он сейчас в санатории в Старом Крыму. Я прошу вас, Леонтий Андреевич, перевезти его оттуда в Феодосию, помочь устроиться, привыкнуть к месту, к работе. Я выделяю вам для него денщика и ординарца поручика. Разумеется, автомобиль, командировка... Документы на брата — в санатории. На это вам понадобится затратить не один день. Может быть, неделю. Ваш ответ.

— Александр Павлович, мы, офицеры вашего корпуса, всегда чувствуем вашу заботу о нас, я с радостью попытаюсь хоть как-то в знак благодарности помочь вам.

— Брат не очень здоров, но с ним легко ладить. Посоветуйтесь с врачом, да и сами посмотрите.

В Старый Крым приехали во второй половине дня. Раскормленные, распустившиеся солдаты не хотели открывать ворота санатория, не хотели искать дежурного. Не любил Дымников резких столкновений, но что делать?

— Эй ты, носатый! — крикнул он унтеру. — У меня в пакете приказ с подписью Кутепова, — и, достав револьвер, продолжил: — Не откроешь ворота — пулю в лоб за невыполнение приказа.

Когда, наконец, Дымников оказался в палатах, вернее, в апартаментах Бориса Кутепова, то первое или даже главное, что увидел в лице полковника, было недоверие. Он был похож на брата, правда, выше ростом, но ему не хватало некоторого скрытого мальчишества, без которого нет настоящей мужской жестокости. Он не мог бы сказать так, как старший брат: «По морде видно — большевик. Повесить!»

Угрюмое недоверие постоянно сковывало лицо Бориса Павловича, он только что проснулся после дневного отдыха и не доверял никому и ничему. Согласился разговаривать только в присутствии доктора, несколько раз пе-

речитал все документы. Когда очередь дошла до денщика, сразу объявил его большевиком и приказал арестовать. Ординарцу приказал каждое утро докладывать положение на фронтах. Доктор делал Дымникову знаки, чтобы тот не относился слишком серьезно к причудам полковника.

Задержаться в Феодосии пришлось дней на десять.

Когда при первом удобном случае он смог приехать в Симферополь, то направился к польскому представительству. Дежурный с наганом и в конфедератке объяснил, как отправить письмо: в незапечатанном конверте на двух языках. Не знаешь польского — попроси, чтобы перевели.

— А здесь можно кого-нибудь попросить?

— Не меня.

— Здесь была девушка армянка, Ануш.

Похолодели глаза дежурного.

— Не знаю никаких армянков, — сказал холодно дежурный. — Приготовьте письмо, как сказано, и приносите.

Помогли в полку, и вскоре г-же Крайской на Маршалковскую, 17 ушло короткое, но значительное письмо:

«Достопочтенная Мария Конрадовна! Сообщаю, что сражаюсь против красных бандитов рука об руку с героями-рыцарями Речи Посполитой. Жду Ваших писем с приложениями, а больше всего жду Вашего приезда. Ваш капитан Дымников».

Коротко и скромно — ведь неизвестно, кто там рядом, кто разорвет конверт, кто прочитает.

1920. ИЮНЬ

Праздником оказался день 5 июня. Иностранная кинохроника прибыла на шикарных автомобилях. Гости в кожаных шлемах, очках с огромными прямоугольными стеклами, невиданных куртках и брюках. Солнце равномерно и щедро разливало жар по степи. Кутепов, задравший бородку в самое небо, показывал иностранцам свои легендарные войска. Праздник оказался неожиданным, и парад происходил без обычного участия архимандрита и выноса Георгиевского знамени.

Под стрекот кинокамер и ритмы Преображенского марша шагали первоходники. Их взяли прямо с позиций, не переодевали, и восхищенные корреспонденты, глядя на них, могли представить, в каких изорванных галифе, простреленных гимнастерках и френчах, разбитых сапогах проделали они Ледяной поход, брали Харьков и Орел, с боями оставляли Новороссийск. Операторы старались запечатлеть этих античных героев, но с трудом находили на их лицах что-либо, кроме бесконечной смертельной усталости.

Дымников, как первоходник, маршировал в колонне корниловцев. Парад под оркестр, да еще с иностранными зрителями пробуждал забытые эмоции — возникали ненужные мысли о своей кровной близости к людям, с которыми шагаешь рядом, и о своей помощи их врагам. Как можно жить с этим? Расстреляли латыша красного командира — ведь это он, Леонтий Дымников, помог его разоблачить. А тот, между прочим, помог им выиграть сражение в апреле...

— Дымников! Выше голову, — вдруг закричал Кутепов. — Сегодня вы пехотинец, корниловец, герой Ледяного похода!

После парада было приказано срочно готовить конвой для генерала, и Леонтий уже в качестве конного артиллериста мчался за автомобилем Кутепова. Солнце разбрасывало по степи вспыхивающие золотом пластины погон, медные капли форменных пуговиц, зеркально сверкающие затворы орудий, дрожащий блеск конного снаряжения. Выехали на летное поле, где стоял аэроплан, возле его пропеллера колдовал летчик в экзотическом шлеме и очках.

Генерал вышел из машины со строгим командирским лицом. Летчик доложил, что к полету готов.

Кинооператоры устроили свалку, борясь за лучшие места, откуда можно снять самый эффектный кадр: «Герой Гражданской войны генерал Кутепов садится в аэроплан, чтобы лично осмотреть с воздуха позиции противника».

— Маршрут помните?

— Так точно, Ваше превосходительство. Осмотр перекопских укреплений и Турецкого вала, далее к Днепру с

выходом на Каховку, если позволит ветер и наличие горячего.

Впервые генерал сидел в аэроплане и, привязанный ремнями, через летные очки смотрел вниз, туда, где покачивалась солнечная плоскость земли, усыпанная клочками теней, корбочками строений, полосами окопов и муравьиным движением людей, тех самых красных, которых надо убивать.

Генерал понимал, что нельзя поддаться детской радости полета и любоваться пейзажами. Надо выполнять боевую задачу. Найти слабое место в линии обороны латышей. Вот здесь, ближе к морю. В направлении на Чаплинку сконцентрировать дроздовцев. Главный удар: Турецкий вал — Перекоп и далее — на Каховку. На правом фланге марковцы и алексеевцы через Аскания-Нова в том же направлении. На Каховку!

Полет прошел удачно, и, вылезая из аэроплана, Кутепов даже пошутил:

— Я хоть и генерал, а с такой высоты падать страшно.

Потом был праздничный обед для Кривского, получившего благодарность «за особые заслуги при подготовке операций против войск противника». Генерал лично поздравил Михаила, оркестр играл туш. Дымникову не праздновалось. Он сидел рядом с Воронцовым — показалось, что и у того не очень праздничное лицо. Особенный тост был произнесен в честь генерала Слацова, который накануне высадил десант на Азовском побережье и успешно наступал на Мелитополь.

— Плохо мы с вами радуемся, Максим Павлович, — сказал Леонтий соседу. — Надо бы по полной.

— Чтобы меньше тошнило, когда обратно будем идти.

— Все знают, что наше дело обречено, и все с радостью идут в бой. И мы с вами.

— Вы же читали, за что мы боремся, — сказал с некоторой иронией Воронцов. — Будто бы сам Кутепов с аэроплана сбрасывал, и нас с вами не забыли.

Не забыли: возле каждого прибора лежала листовка на хорошей бумаге, со вкусом оформленная рамочкой с лаврами, венками, пушками и пейзажными хоровами, — хоть сейчас на стенку в кабинет.

«Воззвание к русскому народу

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:

*За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.
За освобождение русского народа от ига коммунистов
бродяг и каторжников, вконец разоривших Святую Русь.*

За прекращение междоусобной брани.

*За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность
обрабатываемую землю, занялся бы мирным трудом.*

За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.

За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе ХОЗЯ-ИНА.

Помогите мне, русские люди, спасти Родину.

*Правитель и Главнокомандующий Вооруженных сил
на Юге России барон П. Врангель».*

— Кто же это такой — «Хозяин»? — в шутку спросил Дымников.

— Ни за что не догадаетесь, — ответил Воронцов, и оба засмеялись.

Обедали в большой открытой палатке, и многие уже поднимались из-за столов, выходили курить, прогуливались. Вышли и Воронцов с Дымниковым.

— Я за вами давно наблюдаю, Леонтий Андреевич. Вы — человек Кутепова, с ним встали на этот путь, с ним хотите идти до конца.

— Все мы здесь пришли с кем-то или за кем-то и никуда теперь отсюда не можем уйти. Особенно жаль мне мальчишек-юнкеров, которые почти все погибли или покалечились в кубанских степях. За кем они пошли? Кому хотели служить? Умирающему старику Алексею, который своими руками разрушил Империю, лишил императора престола, а в предсмертном маразме одумался и, говорят, плакал. Корнилову? Он был Главкомверхом при Керенском и, кроме бездарно сочиненного воззвания, ничего не создал для государства, а его войска и до Петрограда не дошли. Деникин — особенная фигура. В Бердичевской тюрьме над ним издевались, а когда вели на станцию, то закидали грязью и камнями. Тысячная толпа солдат была готова его разорвать вместе с Марковым. Разве он мог это забыть? Командовал и на Москву шел, а с пленными расправлялся — и, наверное, испытывал некоторое удовольствие от спра-

ведливого возмездия. И что же? Та же толпа была готова разорвать его в Новороссийске — англичане выручили. Это военные и государственные мужи, под знамена которых собиралась лучшая молодежь России. Они повели ее умирать в кубанских степях. Вы были там? Видели кутеповскую цепь — в полный рост без выстрела с винтовками наперевес? Первые красные пугались, бежали, а следующие стали их бить. И нету юнкеров, студентов, молодых офицеров. О нынешнем я не говорю — вы сами видите, что он искренне считает себя призванным править Россией. Ну пока хотя бы Крымом. Сам заявляет, что армия обречена на поражение, но почему-то гонит ее в наступление. Слащов уже пошел, на днях и мы. Максим Павлович, почему мы с вами здесь? Ну, я с Кутеповым, а вы?

— Я, Леонтий Андреевич, из глубоко религиозной семьи, из подмосковного городка Воскресенска. Это не означает, что я готов пропадать в церквях, хотя и не пропускаю праздничные службы. Отец и мать более аккуратны в этом смысле, и сестра тоже, и женился я на истинной христианке — она с родителями. Главное — я верю в христианского православного Бога, ибо только истинная вера противостоит дьявольскому хаосу на земле. Я сражаюсь за Веру и безжалостен к тем, кто растоптал ее и богохульствует на весь мир, совращая малых сих.

— Я заезжал к поэту Волошину, и он в своих стихах считает, что случившееся с Россией — это бич Божий за какие-то грехи наши, и пишет: «Божий бич, приветствую тебя!»

— Истинный христианин так не скажет. Гордыня обуяла поэта. Вера утверждается не на мудрости человека, а на силе Божией. Сказано: «Погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну». Не Волошину и не нам с вами судить, где он, бич Божий. Казнить отступников нам дано, и мы делаем это. Сказано: «Если отвергшийся закона Моисеева без милосердия наказывается смертью, то сколь тяжчайшему наказанию повинен будет тот, кто попирает Сына Божия и не почитает за святыню Кровь завета, которою освящен». А по Волошину, мы должны покорно стать на колени перед Троцким и ожидать казни. Ведь он же бич Божий.

— Значит, Кутепов тоже исполняет христианскую миссию?

— Вы, Леонтий Андреевич, давно с ним вместе. Он даже знаком с вашими родными. Я его знаю меньше, чем вы, и не мне судить о нем. Скажу только, что сложный он человек.

— Да. Сложный. Знает, что армия обречена, что победить всю Россию невозможно. Я разговаривал с ним. Спросил, что будем делать после поражения? Он сказал, что никогда не распустит армию, уйдет с ней в какое-либо другое славянское государство и будет сражаться против красных за Россию. Если не дадут сражаться, будет готовить войска к сражениям. Вы пойдете с ним?

— Бороться против отрекшихся от Сына Божия — мой долг.

Они говорили о неизбежном поражении, а духовой оркестр играл бравурные марши, захмелевшие офицеры пели свои песни.

За Россию и свободу если в бой зовут,
То корниловцы и в воду, и в огонь пойдут...
Шли дроздовцы твердым шагом,
Враг под натиском бежал,
И с трехцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал...
Смело мы в бой пойдём
За Русь Святую
И, как один, прольём
Кровь молодую!..

Самым праздничным событием закончился этот день для Дымникова. Подошел радостный, как все вестники победы, командир первого орудия прапорщик Востриков и, не умея скрыть улыбку, доложил:

— Ваше благородие, вам пакет из-за границы.

«Коханый мой Леончик! Не могу написать, как мне тяжело без тебя. Уговорила всех своих и даже Начальника направить меня в Крым на работу. Приеду через месяц или раньше. Жди меня каждый день и каждую ночь. Воюй и побеждай, но осторожно. Ты мне нужен здоровый, сильный, умный, красивый, как всегда. Твоя Марыся».

Еще вчера он видел себя совершенно одиноким, никем не понимаемым. Дичавшие офицеры, легко отдающиеся женщинам, тайные подпольщики, вдруг оказывающиеся предателями, генералы, не верящие в победу, но гнавшие войска на смерть, — этот мир хаоса и безумия был не для него. Он не знал, что здесь делать. И вдруг она! Марыся! Любость! Быть с ней — это и есть жизнь. Наверное, даже Воронцов подтвердил бы это какими-нибудь текстами из Священного Писания.

Накануне наступления, в ночь на 7 июня, Дымников не спал, как и все, но не предстоящий бой волновал его — Леонтий был переполнен ею, любовью, Марысей. Наверное, никогда в жизни не происходило с ним такого: он вдруг уходил из действительности, присев в сторонке на передок орудия, не просто думал о Марысе, а смотрел на нее, вдруг возникающую из ночи, радовался ее красоте и душевному участию, рассматривал глаза, волосы, вспоминал какие-то незначительные ее слова. Хорошо, что была ночь, а то солдаты заметили бы, что капитан сидит один и глупо улыбается.

Дымникову сказали, что в этом наступлении Кутепову не нужен конно-артиллерийский конвой, и его орудия пошли на передовую. Солдаты вырыли окопы и ждали начала. Не только ржание лошадей и тихий мат ездовых, но и звуки моторов исходили из ночной тьмы: подходили танки и автоброневики. Часа в два ночи возникло новое оживленное движение — много автомобилей. Это на Перекопский вал приехали Врангель и Кутепов.

Темная теплая ночь, без луны и звезд. Только и думать бы о любви. Но в два часа ночи взлетела красная ракета, и еще стелился и гас на земле ее след, когда грянула артиллерия. Более ста орудий вели огонь по позициям красных. Для артиллериста самая легкая работа — стрельба по таблице, в которой все указано: время, прицел, угломер, сколько снарядов...

Мимо орудий, тяжело покачиваясь, проползли десятиметровые чудовища — танки — рвать колючую проволоку.

Артиллерия красных молчала — застигнутые врасплох, они уже согласились на поражение. Только на левом фланге и за Сивашом сопротивлялись латыши.

Звзвизли зеленые ракеты, означавшие, что противник сбит и надо перенести огонь вглубь обороны. Дымникову

следовало достать следующую таблицу и скомандовать командирам орудий изменить угломер и прицел.

Утром, через проход в Турецком вале ринулись преследовать отступающих. Конные сотни сверкали клинками и пиками, грохотали колеса орудий, развевались штандарты и сотенные значки.

Автомобиль Кутепова мчался по шоссе рядом с железнодорожной насыпью. Одна рука на черной бородке, растрепанной ветром, другая — на фуражке. Навстречу без всякого конвоя шли пленные.

На следующий день войска корпуса Кутепова вошли в Каховку.

Победа! 3500 пленных, 25 орудий, 6 броневиков, но... в Дроздовской дивизии выбыли из строя все ротные и батальонные командиры.

И вновь оборванные, избитые, окровавленные пленные стояли босиком с непокрытыми головами, опустив взгляды, не понимая, живы ли они еще или их уже нет на земле. Перед толпой обреченных — Кутепов и, конечно, высоченный Туркул, признанный специалист по узнаванию коммунистов. Истоптанная пустынная перекопская степь с надвигающейся на нее желтоватой тучей — подходящее место действия.

Дымников растворился среди офицеров, стараясь, как обычно, избежать назначения в расстрельную команду.

— Коммунисты и комиссары, выйти вперед! — скомандовал Кутепов.

Возникло некоторое движение, но все покрыл неожиданный шум в толпе пленных. Они будто проснулись — подняли головы, кричали, указывали на соседей.

— Вон он стоит, сука! Переоделся. Берите его, ваше благородие... А ты, жид, чего прячешься? Землячкин друг... Землячка⁴⁹!.. Давай ее сюды на расправу!..

— Эй, солдат, кто это, Землячка? — спросил Туркул.

В ответ многоголосый взрыв ненависти:

— Начполитотдела — жидовка! Замучила! Каждый день расстрелы!.. Всех своих жидов в начальники вывела!.. Вон они стоят, тихинькие... Вчерась кричали на нас... Дайте мы их сами кончим...

— Отставить шум! — скомандовал Туркул. — По-мое-

му, все ясно, Александр Павлович. Коммунисты, комиссары, евреи выйти из строя.

— Шеренга готова? — спросил Кутепов.

— Так точно. 20 человек.

— Действуйте.

Обреченных погнали к старым окопам, ямам, разрушенным блиндажам. В расстрельной группе Дымников заметил Воронцова. Тот был необычно напряжен и, казалось, ничего не видел вокруг. Когда кричащих, умоляющих, стонущих приговоренных кое-как расставили над ямами, а шеренга офицеров приготовилась стрелять, Воронцов вдруг опустил винтовку, вышел из шеренги и куда-то зашагал, ни на кого не глядя. Кутепов заметил это.

— Капитан Воронцов, ко мне! — крикнул Кутепов.

Тот остановился, постоял, будто раздумывая, стоит ли идти к генералу, потом подошел и доложил, как положено.

— Почему покинули строй, капитан? Плохо себя почувствовали? Это нередко случается.

— Я покинул строй, потому что сражаюсь не против евреев, а против большевиков.

— Но они же все... — начал, было, Туркул, но Кутепов его остановил.

— Подождите, генерал. Здесь что-то напутали. Пересмотрите приговоренных. А вы знайте, капитан, что мы не антисемиты.

Генерал и капитан постояли некоторое время, глядя друг на друга.

— Так вот вы какой, Воронцов! Идите отдыхайте.

Дымников догнал Воронцова.

— Максим Павлович, вы последовательный христианин. Я поздравляю вас с решительным поступком.

— Они хотят в нашу борьбу за Веру внести тот же дьявольский хаос, что и повсюду. Кстати, давно хочу вас спросить, Кутепов дворянин?

— Разумеется. Потомственный. Это я — так, случайный: дед личное получил, а он потомственный. Но почему вы спросили?

— Так. Показались некоторые странности. Вот я потомственный. Воронцовы идут издалека, много ветвей. А на него смотрю... Впрочем, это нервы.

— Как-то я был у него, когда он менял мундир, так он посмотрел вдруг на себя в зеркало и сказал: «Знаете, на кого я похож? На обыкновенного банщика из Сандунов».

Каховка, жара, купание. Ларионов легко уговорил Дымникова пойти на Днепр. Чуден, как говорится, при любой погоде. И широк — редкая птица долетит до середины. На другой стороне село Бориславль. Там красные. Тоже купаются. И без бинокля видны голые тела.

Загорали на песочке, обсуждали дела. Надеялись на отдых в резерве — оказывается, напрасно. Какой-то красный генерал Жлоба⁴⁴ наступает, и придется вновь идти в бой. Житомирский прорыв Буденного взломал польский фронт, и поскакали по Польше казаки. На севере Тухачевский⁴⁵ идет на Варшаву. Голые стратеги горячо обсуждали возможные планы кампании. Дымников не участвовал — он думал о Марысе: пустят ли ее теперь, после Житомирского прорыва.

Изобретательные неунывающие марковцы-артиллеристы соорудили плавучую купальню. Первый опробовал капитан Ларионов — блестящий прыжок вниз головой. Следующим пошел наверх полковник Шперлинг, и в этот момент из-за Днепра открыли огонь из пушки. Первый же снаряд развалил сооружение, щепки и доски полетели в разные стороны. Купающиеся схватили одежду и бегом кинулись в поселок. Снаряды продолжали рваться на берегу, но никто не пострадал. Полковник не мог смириться с тем, что ему пришлось голым бежать среди народа, и, когда оделся, скомандовал: «К бою!». Его орудия ударили шрапнелью по купающимся красным. И те, тоже голые, бежали по селу. В конце дня Леонтий купил на рынке отборных темно-красных черешен и сыпал их в фуражку, подобно пушкинскому герою. Не спеша шел по селу, поплеывая косточками. Выбирал тихие тенистые переулки с белыми хатами, прячущимися в зелени деревьев.

— Дяденька офицер, — вдруг услышал он девичий голос.

В садике за частоколом стояла девушка или, скорее, девочка лет тринадцати-четырнадцати. На лице румянец детской стыдливости разбавлялся бледностью женской природной решительности.

— А я видела, как вы голый бежали с речки.

Смешок ее был не столько дразнящий, сколько призывный, обещающий.

— Стреляли, вот я и бежал. А ты, бесстыдница, подсматривала. Вот я тебя тоже подстерегу, когда купаться будешь.

— А вы приходьте сюда вечером, когда стемнеет, и пойдем с вами купаться... Вас как зовут?

— Леонтий.

— А меня Лена. Похоже — правда? Приходите, Леонтий. Вы мне так понравились...

Вот иногда и представляется, что жизнь это радость.

1920. ИЮЛЬ

Кутепов надеялся, что корпусу дадут отдохнуть после удачного наступления, но сводный конный корпус Жлобы прорвал фронт, достиг Азовского моря и угрожал Мелитополью, где находился полевой штаб Врангеля. Досадно, что не удалось привести в порядок войска, но бой против Жлобы остался в памяти генерала как одна из самых блестящих его операций.

Он заставил штаб потрудиться — планировалось окружение и уничтожение кавалерии противника в основном пехотными частями. Исходное положение войска Кутепова заняли в ночь на 3 июля. Штаб направлял и проверял движение каждой колонны. Генерал не выходил из штаба до третьих петухов.

Едва он прилег отдохнуть и задремал, как загремела артиллерия — корниловцы начали бой против пяти подошедших кавалерийских бригад Жлобы.

Начальник штаба постучал в комнату генерала и доложил:

— Ваше превосходительство, бой начался!

— Прекрасно, — сказал Кутепов, — прикажите разбудить меня часа через два.

За эти два часа корниловцы отразили кавалерийскую атаку, и в боевые порядки красных пошли броневики, а сверху красных конников на бреющем полете в упор расстреливали «хэвиленды».

Корпус Жлобы был разгромлен. 2000 пленных, 40 орудий, 200 пулеметов.

Еще один триумф Кутепова. 18 июля под его командование, кроме родного 1-го корпуса, перешли Конный и Донской корпуса — фактически он стал командующим армией. Приказом Главнокомандующего от 24 июля он был удостоен ордена Святителя Николая Чудотворца II степени.

В эти дни Дымников подал ему рапорт с просьбой об отпуске в связи с приездом жены, «о которой ранее я сообщал Вашему превосходительству». Генерал разрешил отпуск на месяц.

За год-полтора человек обычно не очень меняется, но если всмотреться глубже, пронизательнее, то заметишь, что каждый день, если не каждый час что-то меняет в человеке. И меняется не только сам человек, но и твое отношение к нему: узнаешь о нем нечто новое, что-то угадываешь, и он для тебя становится другим.

Внешне Марыся — ласковая, страстная, нежная, понимающая — почти не изменилась, не растолстела на хлебах любимого Начальника Государства.

У Марыся была теперь и горничная — молодая, аккуратная, но с очень большим носом. Ее звали Ядвига, Ядя.

— Ты, Леончик, смотри у меня. Замечу — обоих застрелю, — сказала Марыся в шутку, но...

Вечером пошли в кино, разрешив Ядвиге отдыхать и ужинать без них. Шел первый русский фильм о Гражданской войне «Жизнь — родине, честь — никому». Застрекотал аппарат, в голубом широком луче засверкали пылинки, на экране гнусные немецкие шпионы разваливали работу русского оборонительного завода. Им помогал буйный большевик с биноклем и бородкой. Шпионов разоблачал молодой офицер, вернувшийся с фронта из-за ранения. Большевик поднял на заводе мятеж. Началась революция. Офицер с владельцем завода и его семьей спасаются бегством. После многих жутких приключений их захватили красные. Расстрелян хозяин завода, изнасилована его жена рядом с трупом священника. Энергичный молодой офицер едет в Ростов, вступает в Белую армию. На экране белые побеждают и под Ростовом, и под Царицыном, а в кон-

це и под Москвой. На экране освобожденный от красных Кремль и свадьба офицера с дочерью расстрелянного хозяина завода.

— Вот он, мираж, — сказал Леонтий, когда вышли в прохладу вечера. — Вот она, иллюзия. Все, за что мы воюем, годится лишь для такого кино.

— Вы с Врангелем и Кутеповым молодцы, что вышли из Крыма и захватили степь до Днепра. Теперь оттуда пошел хлеб, и мы не должны упустить конъюнктуру. По слухам, на месте, то есть в селе, можно взять пуд пшеницы за 500 тысяч колокольчиков. Вчера у меня просили английский фунт за 100 тысяч. Считаю: пуд пшеницы — 5 фунтов. В Марселе или в Лондоне я продам пшеницу не меньше, чем по 50 за пуд. А то и за сто. И даже в Константинополе. Спать нельзя, Лео. Ты должен собрать человек 10—15 агентов и разослать их по всем хлебным местам. У меня столько денег — твои я не трогаю — что, наверное, могу купить весь урожай. Есть у тебя люди? Неужели из Харькова никого не осталось?

— Мало. Исчезли.

— Какой деловой был Паша Макаров. И вот теперь большевик.

— Командир партизанского отряда. Сделает сюда налет и нас с тобой расстреляет.

— А ты знал того, кого звали Веселый? Его бы найти.

— Его лучше не искать — он в Чека большой человек.

Все же нужный человек нашелся.

— Рад вас здесь видеть, Леонтий Андреевич, — сказал он, догнав их у фонаря.

Это был Игнатий Николаевич. В хорошем светлом костюме, соломенной шляпе и весьма довольный жизнью. Объяснил, что перебрался в Севастополь, потому что здесь находится «Русско-французское общество», где у него дела. Рассказал и о делах: необходимо получить разрешение на продажу во Франции русских товаров.

— А разрешение русских властей на вывоз? — спросила Марыся.

— Там это просто делается, за деньги.

— За деньги можно все и везде, — сказала Марыся. — Я вам помогу. Имею отношение. А какой товар?..

— Разный. В основном, уголь.

— Лео, углем тоже надо заниматься.

Втроем ужинали в кафе с шампанским. Игнатий был действительно доволен жизнью, с восторгом говорил о новых порядках в Крыму. Его умиляло, что Врангель приказал отпускать рабочим товары по сниженным ценам, открыл кафе «Врангель», и там ежедневно бесплатно отпустили 400 стаканов чаю с сахаром. А земельная реформа: «Земля — трудящимся на ней хозяевам». Открыты кооперативы, где все дешевле. Кстати, сегодня бесплатный вход на террасы бульвара. Это же демократично.

— Демократично, но смешно, — сказал Дымников.

— Конечно, все это пустое, — сказала Марыся. — Если у кого-то что-то есть, он действует и живет. Если же нет — он верит лживому правительству. Не в обиду — и у нас в Польше так.

— Я с вами согласен, — сказал Игнатий. — Все это — газетная чушь. Но я, знаете, раньше состоял в партии и как-то привык к этим лозунгам.

Через несколько дней фирма Крайской «Русский хлеб» заработала. В Симферополе на Екатерининской открылся магазин под этим названием, и там иногда можно было купить муку, булочки, сухари. Заведовал магазином Игнатий Николаевич. Главная работа шла в задних комнатах, где собирались торговые агенты, подписывались договора с капитанами судов и зарубежными покупателями, заключались сделки с оптовыми продавцами и другими фирмами. Марыся всем руководила. Леонтий же контролировал и во всем участвовал.

Он заметил агента Дьяченко, расторопного, свободного в манерах, стремящегося и умеющего заработать больше других. Этот агент весьма удачно купил зерно где-то за Джанкоем, и Марыся щедро выплатила ему коммиссионные. Леонтий благодушно наблюдал эту процедуру — приятно сидеть в кабинете любимой женщины и чувствовать себя и хозяином, и отдыхающим. Из-за дверей слышался голос Игнатия, доказывающего кому-то, что фирма кормит русским хлебом русских людей, а не иностранцев, как некоторые другие спекулирующие организации.

— Марина Конрадовна, а на фига мне столько «колокольчиков», — усомнился Дьяченко. — Хоть половину дайте фунтиками.

— У меня курс высокий. Тебе невыгодно.

— С вами согласен на высокий.

— А знаешь, Дьяченко, где ты больше всего можешь заработать? — включился Леонтий. — Я тебе подскажу. Чем севернее, тем дешевле зерно. Сейчас у нас север — это Каховка. Я ее брал в июне. Хороший был бой. Знаю там одного мужика — стоял у него. У мужика зерно очень хорошее и продаст дешево — красные за рекой. Тем более, если скажешь, что от меня. Он тебе чуть не даром отдаст. Такая там улочка есть — Тополевка. Там этот мужик — Белоус. Беленькая хата на углу.

— Мужик? — строго поинтересовалась Марыся. — А дочка у него есть?

— Есть, — скромно подтвердил Леонтий. — Девочка лет десяти. Милая такая девчушка.

— Чего ж не поехать, если можно заработать, — сказал Дьяченко. — И людей посмотрю, и ридну Украину.

— Только там теперь стоит корпус Слацова. Наш Кутепов тоже не подарок — посмотрит, скажет: «По морде видно: большевик, повесить...» А этот псих, алкоголик, кокаинист.

— Да я и сам псих. Если что, так и выпью, и понюхаю.

Договорились, выписали доверенность. Дьяченко пошел к дверям, Леонтий остановил его:

— У тебя повозка или извозчика будешь брать?

— Что вы, Леонтий Андреевич? Я ж хозяин. У меня своя лошадь, тачанка. Если что — и пулемет поставлю.

— Довези меня до рынка.

— Зачем тебе на рынок, Леонтий?

— Я ж тебе говорил — человека одного хочу поискать. Должен появиться. Кстати, из твоих старых знакомых.

Сели с Дьяченко в тачанку, и Леонтий объяснил:

— Мы с тобой мужики, и ты меня поймешь. Найдешь на Тополевке девушку совсем молоденькую, черненькую, Леной звать. Скажешь — от меня. Она тебя и к отцу отведет, и все расскажет. Купи ей какую-нибудь вещичку — платочек, гребешок, бусики.

На рынке, на самом видном месте, стояла старушка в очках, в ветхом платье старых времен, в черной выцветшей шляпке и монотонно повторяла:

— Добрые люди, спасите от голодной смерти. Меня выписали из больницы. Я очень слаба, не имею никаких средств, все вещи продала, муж и сын погибли на войне. Добрые люди...

Леонтий положил ей в коробку тысячу рублей, и тотчас же кто-то положил рядом такую же тысячу.

1920. АВГУСТ

Дьяченко приехал в Каховку перед вечером, легко договорился с мужиком о ночлеге, разузнал цены, затем пошел искать Тополевку. Не следовало бы идти по центральной улице — навстречу двигались трое пьяных унтер-офицеров, скорее даже не пьяных, а нанюхавшихся: красные потные лица, сумасшедший блеск в глазах, злобная активность слов и движений.

— Кто такой? Почему гуляешь? Почему не на фронте?

— Да грыва вот у меня, господа унтер-офицеры. Рад бы на фронт, и выпил я за успехи нашей армии, за здоровье всех русских воинов и за ваше здоровье, господа.

— Мало выпил. Брешешь плохо. Видно, что дезертир.

— Возьмем его в контрразведку.

— Там ему и грыву вправят.

Слацов хорошо знал: если каждый день праздник, то настоящий праздник надо особенно отмечать. «Борис и Глеб — поспел хлеб». Как не отметить? Вечером собрал своих за большим столом с бутылками, фруктами и вазами с кокаином. Уже засветло все были достаточно пьяны.

— Каховка — удачное место, — говорил Слацов. — Находимся на самой передовой позиции — красных без бинокля видно, и в то же время в полной безопасности, потому что Днепр — это Днепр. Редкая птица долетит до его середины. Его нельзя форсировать. Только люди, потерявшие головы, могут наступать, имея позади Днепр. Молошкін вчера плавал на тот берег, все осмотрел — тишина, ни-

какой опасности. А где Молошкин? Почему не с нами? Найти.

Появившийся Молошкин доложил, что вместе с друзьями поймал дезертира.

— Давай его сюда, — приказал Слацов. — Допросим и расстреляем.

Дьяченко привели, когда Слацов уже забыл о нем и объяснял, что только он, генерал Слацов, знает, как можно форсировать Днепр, и он это сделает в ближайшее время, если, конечно, диктатор даст подкрепления. Он провет фронт и вместе с полками окружит, уничтожит хваленую Конную армию Буденного.

— Ты кто такой? — спросил Слацов. — Задержанный? Дезертир?

— Никак нет, ваше превосходительство. По случаю грыжи освобожден. Вот и бумаги. А работаю в фирме «Русский хлеб». Скупаем зерно, чтобы кормить население Крыма и нашу армию. А нынче не работаю — нельзя. Борис и Глеб. Но не успел выпить, как положено, — ваши меня забрали.

— Православный человек. Праздники знаешь. Налейте ему кружку побольше. Русский хлеб — это правильное дело. А то продают всю Россию иностранцам. Я говорил Кутепову, что надо навести порядок. Не послушал меня...

В этот момент загремели винтовочные выстрелы. Опытное ухо определило — не менее роты, а то и больше. Сразу же заработал пулемет. Совсем близко раскатилось «ура-а!»

Около часа, в ночь на 7 августа, Правобережная группа войск 13-й Красной армии начала форсирование Днепра. Первые атакующие скрытно подплывали на лодках. В 5.30 утра инженерные части 52-й Латышской дивизии приступили к наводке моста.

Дьяченко всю ночь прятался в ямах, за крепкими заборами, за сараями и домами. Утром, когда стрельба поутихла и переместилась от реки к другой окраине поселка, а через понтонный мост бежали красноармейцы, перекатывали легкие орудия и пулеметы, он осторожно начал пробираться к дому, где оставил лошадь. На небольшой улочке собралось человек 20. Что-то возмущенно выкрикивали мужчины, плакали в голос женщины. Дьяченко услышал:

«Девочка Белоус побежала к нам за маленьким братцем, а какой-то солдат в нее гранатой...»

Окруженное потрясенными людьми в дорожной пыли лежало тело девушки, разорванное пополам. Отдельно — голые ноги, забрызганные кровью, отдельно — остальное: кровавое месиво в лоскутах платья. Мертвое личико девушки было чисто и печально.

Кутепов смотрел на карту с неподдельной озабоченностью и злобой.

— Тет-де-пон, — сказал он. — Уже более 10 километров. Великий стратег Слацов показал, что даже такую мощную водную преграду, как Днепр, под его руководством защитить нельзя. Я потребую издания приказа о том, что каждый военачальник, не выполнивший боевую задачу, предается военно-полевому суду.

«Приказ Главнокомандующего

В связи с болезнью генерал-лейтенанта Слацова, вызванной его самоотверженным участием в боевых действиях, предоставить генерал-лейтенанту Слацову отпуск на время лечения.

С горстью героев он отстоял последнюю пядь русской земли — Крым, дав возможность оправиться русским орлам для продолжения борьбы за счастье Родины. России отдал генерал Слацов свои силы и здоровье и ныне вынужден на время отойти на покой. Я верю, что, оправившись, генерал Слацов вновь поведет войска к победе, дабы связать навеки свое имя с славной страницей настоящей великой борьбы. Дорогому сердцу русских воинов — генералу Слацову именоваться впредь Слацов-Крымский.

II. Врангель».

С утра Марыся и Ядвига шли в костел, куда набиралось довольно много поляков и других католиков, и истово, вместе со всеми молились о спасении Варшавы, о победе польского оружия. Поздно вечером, даже ночью Марыся, стоя в одной сорочке, со слезами упрашивала Деву Марию спасти ее город от нашествия русских варваров.

— И ты помолись, Леончик, — просила она. — Врангель ведь наш союзник.

— Я же православный, а ты хочешь, чтобы я за католиков молился. Давай лучше Пушкина почитаем про спор славян между собою.

— Твой Пушкин пошляк и бабник. Ревновал свою жену, как последний мещанин. Знаю я то стихотворение: «кичливый лях иль верный росс». Ты — верный, а я — кичливая?

Приходилось прибегать к объятиям и ласкам.

— Марысенька, пусть Бог спасет твою Варшаву от красных. Я буду молиться за победу христиан над вероотступниками. Но Пушкина не брани. Скажи, что он хороший поэт. Мицкевич его любил.

— Хороший, хороший. И ты у меня хороший, но зачем опять на фронт к своему Кутепову?

— Мы же союзники. И я буду сражаться за Варшаву.

— Без тебя есть кому сражаться. А ты заболеешь. Мы с тобой заработали столько денег, что можем купить у военных врачей любую болезнь. Даже сифилис. Вот сифилис мы и купим — тогда к тебе ни одна женщина не подойдет.

— На фронте друзья-офицеры, с которыми я прошел столько боев, столько дорог. Я не хочу быть в их глазах дезертиром.

— Наверное, ты прав, Леончик. Придется тебя отпустить. Ты же в конвое генерала — там спокойнее. А я буду к тебе приезжать. И зерно там посмотрю. Еще не все скупили.

Кутепов объезжал войска, поступившие в его подчинение после ухода Слащова. Ездил в вагоне без своего обычного конвоя, который не удалось укомплектовать согласно штатному расписанию. Назначенные в конвой офицеры получили неожиданный отдых в самое чудесное время, когда вечера в Мелитополе цвета спелого абрикоса — днем этот цвет преобладал на городском рынке. Леонтий после отпуска попал на отдых. Его радостно встретил капитан Ларионов, сразу отвел на хорошую квартиру, рассказал о делах в конвое. По штату — 60 кавалеристов с двумя пулеметами «Максим» на тачанках и конно-артиллерийский взвод. Командир конвоя — капитан Белевич, молчаливый и хитрый. Он так умело действует, что в Мелитополь никак не могут прийти нужные для конвоя пушки.

В эту ночь в Мелитополь приехал Кутепов, сразу вызвал начальника конвоя и весь штаб, Белевича коротко отругал и приказал завтра же быть готовыми к выезду и обязательно с орудиями. Начальнику штаба было приказано доложить обстановку на фронте и предложения о дальнейших действиях.

Развесил на стене большую карту с причудливо перепутанными цветами. Черная лента Днепра была перевита с обеих сторон и красными и синими полосами и знаками. Черноморское побережье в районе Новороссийска покрыто причудливыми пересечениями красных и синих стрелок. Между Азовским морем и Александровском возникли даже зеленые кружки и стрелы.

— Зеленые — это махновцы? — догадался Кутепов.

— Так точно, ваше превосходительство.

— Без титулов, Михаил Максимович. По-деловому.

— По данным разведки, — кивок-поклон в сторону Кривского, — командование Юго-Западного фронта противника издало приказ от 17 августа о наступлении на Крымском направлении. Позволю себе напомнить, что Юго-Западный фронт противника охватывает и наше Крымское направление, и южную часть польского фронта. В соответствии с приказом 20 августа с Каховского плацдарма начала наступление 51-я дивизия. Неся большие потери, дивизия продвигается к Мелитополю. Наша Туземная дивизия держит оборону на линии Верхние Серогозы — Ивановка. На Перекопском направлении наступает Латышская дивизия противника. На сегодняшний день ей удалось продвинуться на 45—50 километров. Левобережная группа 13-й армии противника начала наступление 21 августа. Здесь она натолкнулась на ожесточенное сопротивление Марковской, Дроздовской, Корниловской и 6-й пехотной дивизий. Значительную роль в боевой обстановке на нашем фронте играют действия десантов...

— Про этот десантный винегрет рассказывать не надо. Позволю себе не согласиться в Михаилом Максимовичем: действия десантов не играют роли в обстановке на фронте, а если и играют, то только отрицательную — оттягивают силы с важнейших участков фронта. Продолжайте.

— Собственно говоря, я уже в основном все доложил, — замылся начальник штаба.

— Что? Сводка газетных сообщений — это все, что может доложить мой штаб? А где прогноз? Где предложения о перехвате инициативы, о наступлении, о перегруппировках? Может быть, разведка дополнит начальника штаба какими-либо существенными предложениями? Поручик Кривский.

— После сокрушительного поражения под Варшавой руководство противника еще не выработало основных положений для дальнейших действий. Теперешнее наступление ведет даже не фронт, а часть фронта, и, по-видимому, у нас есть возможность нанести поражение наступающим войскам Юго-Западного фронта противника, но это надо осуществить как можно быстрее, используя недавнее поражение красных в Польше. Тем более что пока наша разведка не имеет данных о серьезных подкреплениях войскам, наступающим на Крым.

— Спасибо, поручик, а теперь попрошу послушать меня. Я назначен командующим 1-й армией. Главную задачу армии вижу в том, чтобы уничтожить Каховский плацдарм, а затем форсировать Днепр и совместно с польской армией уничтожить красные войска в районе Одесса—Киев—Львов. Приказ на перегруппировку получите сегодня. Кстати, уже светает, можно побриться и начинать работать.

Закончив совещание, Кутепов оставил Кривского для отдельного разговора. В течение всей прежней службы никогда не вел личных бесед о службе ни с кем — только официально или в стиле легких офицерских шуток. Какой-либо критики в адрес начальства, пожеланий о том, как лучше надо было бы сделать или кого лучше надо было бы назначить, — всего этого избегал. И к себе не подпускал слишком душевных доброжелателей. Теперь пришло время. Он стал командиром, фактически единственным военным начальником в Крыму, а для такого командира требуются не только, и даже не столько деловые помощники и советники, а искренне любящие его, верящие в его военный и государственный талант, поддерживающие и развивающие его мысли, подсказывающие то, о чем он сам втай-

не думает, но не считает возможным высказаться. Есть у него такой.

— Так что, Миша, расколотили поляки Тухачевского?

— К этому шло, Александр Павлович. Это у нас Деникин умел делать. Кутепов на Москву, а остальных на Киев или на Владимир. Почему они свою Первую конную погнали по расходящейся, куда-то на Броды? Поверни ее на Варшаву — совсем другая оперативная обстановка.

— Там у Пилсудского еще Вейган сидел. Терпеливый генерал. Не дал полякам дергаться. А все-таки как-то жаль. А? Миша?

— Знаете, в глубине души мне тоже хотелось, чтобы красные взяли Варшаву. И не мне одному. У меня есть разведсводка о настроениях в Москве — известные антисоветчики поддерживали Ленина. Даже какой-то партийный документ издали о недопустимости империалистических настроений.

— Как ни странно, а нам было бы легче. Поляки продолжали бы войну, и Европа им бы помогала, а теперь — мирные переговоры. Поэтому надо попытаться успеть.

— Весной мы с вами говорили, что у Крымской армии надежды на успех нет. Да и не только мы. И Врангель, и другие. Если теперь форсировать Днепр...

— ...И уничтожить Каховский плацдарм. Врангель целый месяц потерял на эти пиратские десанты. Весной, став Правителем, он как будто реальнее смотрел на положение.

— Нет, Александр Павлович. Он не представляет себя иначе как правителем России. Такая родословная, такая фамилия, так хорошо говорит, а теперь и французы признали. Он искренне верил, что высадутся десанты на Кубани, и все казаки пойдут на Москву за батькой Петром. Совершенно не чувствуется его руководство военными операциями. Я счастлив, что, наконец, случилось то, о чем мечтал еще весной: фактически вы руководите всей армией. Если бы вы тогда стали правителем!..

— Пожалуй, я бы не стал заигрывать с либералами. Ведь это заигрывание привело лишь к тому, что они развалили все, что возможно. Что еще нового о противнике?

— Постановление Политбюро ЦК РКП(б) от 19 августа: 55 мобилизованных коммунистов направить на Врангелев-

ский фронт. В Крым заброшен десант во главе с Мокроусовым: коммунисты, военспецы. Для партизанской борьбы. Кстати, наш бывший офицер Макаров — помните, адъютант Май-Маевского — у них теперь не кто-нибудь, а командир 3-го Симферопольского полка повстанческой армии.

1920. СЕНТЯБРЬ

В ночь на 2 сентября Кутепов с конвоем прибыл на позиции перед Каховским плацдармом. Генерал Витковский, заменивший Слащова, доложил, что все войска готовы к наступлению. 7 тысяч пехоты, 8 танков, броневика, артиллерия, пулеметы.

— Как будет действовать артиллерия?

— Часть по пристрелянным целям, часть — в пехотных цепях на прямой наводке.

— Кто старший артиллерист на прямой наводке?

— Капитан Воронцов.

— Воронцов. Знаю. Начальник конвоя, ко мне. Господин капитан, немедленно передайте на весь день боя ваши орудия вместе с офицерами и расчетами в распоряжение капитана Воронцова. Где мы с вами карту посмотрим, генерал?

И вновь Дымников переживал ночь перед боем. Августовские звезды, нестерпимо яркие, то и дело вспышки падающих, пронизывающий тихой печалью аромат украинской ночи, приглушенный звук готовящегося боя...

В темноте, набитой людьми, нашел Воронцова. Тот устроился в лошадке под старым сломанным тополем. Здесь — телефон, офицеры, в общем — военный уют.

— И капитан Ларионов здесь, — удивился Воронцов. — Много офицеров у вас. Нельзя ли одолжить?

— Это временно. Я, наверное, на батарею пойду опять.

— Давайте ваших командиров орудий, сейчас расставим, покажем маршруты на завтра — с пехотой придется идти.

Пока расчеты занимались своим делом, Дымников и Воронцов прошлись, обсудили перспективы завтрашнего боя.

— Я знаю, что вы к Кутепову относитесь почти как к близкому человеку, но для меня он — ротный бонапартик. Это его высший уровень. Атаковать плацдарм, который уже целый месяц укрепляется и сейчас обороняется лучшей дивизией противника, атаковать в лоб, как на ротных учениях, — это значит просто погубить очередную часть Дроздовского корпуса. Танки и броневика красных уже не испугают. Они ко всему готовы.

Совсем рядом стояли два броневика — темные молчаливые доисторические животные. Дальше темнела огромная туша танка. Во тьме все время сновали какие-то группы солдат, кое-где вспыхивали спички, и сразу раздавался грозный голос: «Отставить курение!»

— Как пушки стоят — так мы их завтра и покатым, — говорил Воронцов, — дорога ровная — я сам проверял.

— Стой! — раздался крик впереди, и убедительно щелкнул затвор винтовки. — Стой! Стреляю!

— Так я ж стою, — ответил испуганный голос, показавшийся Леонтию знакомым. — Я ж к вам оттудова, от красных убежал.

— Руки вверх! Медленно ко мне.

Сквозь тьму, кипащую людьми, побежали слухи: «Шпиона поймали... Перебежчик... Разведчик... Пленного взяли...»

Дымников заинтересовался знакомым голосом и с трудом, спотыкаясь, пробрался к месту происшествия. В маленькой комфортабельной английской палатке, где даже светил фонарь, молодой поручик допрашивал задержанного.

— Я Дьяченко, — говорил тот. — Я не солдат, но красные меня взяли как пленного.

— Рассказывайте подробно, как оказались в Каховке.

Дымников втиснулся в палатку и сразу заявил поручику:

— Я знаю этого человека. Я, капитан Дымников из конвоя генерала Кутепова. Вот документ. Мне кажется, этого перебежчика необходимо немедленно направить в полевой штаб, где находится и его превосходительство Кутепов. Если вы не возражаете, то дайте мне солдат, и я отведу его в штаб. Перед наступлением он может указать уязвимые места красных.

Поручик с сожалением прекратил допрос — так ему хотелось разоблачить шпиона.

— Это Бог на вас вывел, — говорил Дьяченко, утирая слезы радости. — А то бы еще и к стенке поставили. К Колчаку на совет, как у красных говорят. Они меня тоже хотели хлопнуть как шпиона. В сарае под конвоем держали. Потом с другими арестованными гоняли на укрепления. Колочку тянули, блиндажи строили. Я много могу показать. И по карте.

— Был у того мужика, к которому я тебя направлял?

— У Белоуса? Ну, как же, ясное дело, был. Девушка у него Лена. Бусы ей подарил.

— А чего вздыхаешь?

— Така гарна дивчина была, — еще раз вздохнул Дьяченко и рассказал Дымникову о случившемся.

Бой начался с восходом солнца. Артиллерия сначала вела огонь по пристрелянным целям — летели вверх в тучах земли столбы проволочных заграждений, доски блиндажей, камни, загорались хаты на окраине села. Затем на позиции красных со всех сторон пошли 8 танков. Они легко рвали проволоку, крушили земляные укрепления, оставляли после себя черные взрытые следы. За ними шли броневики. Огонь танков и броневиков легко подавлял пулеметы, открывавшие огонь по пехоте, накапливающейся для атаки. Солнце вставало за спиной и не мешало Дымникову вести огонь из пушек.

Танки подходили к 3-й линии окопов, пролежавшей недалеко от окраины села, когда была дана команда «Вперед!» Рванулась бегом пехота. Дымников командовал: «Расчет на колеса! Вперед!», и его пушки поползли за наступающими цепями. Вспышки в зелени огородов — пулеметы. «Стой!» — командовал Леонтий и открывал огонь по пулеметам. Пехоту не догонишь, и артиллеристы оставались зрителями схватки в окопах, слышали крики сражающихся, видели молниеносные движения винтовок, блеск штыков, вонзаемых в тело противника.

Из 2-й линии окопов вдруг поднялись массы красноармейцев — они пропустили танки через свои ряды — и с громким «ура!» бросились в контратаку. «По пехоте шрапнелью!» — командовал Дымников. Он стоял в рост, не

двигаясь за щит, и увидел странное и неожиданное: несколько вспышек оружейных выстрелов среди построек села — и два танка остановились, пуская дым. Из люка вылезали солдаты и тут же падали, сраженные пулеметным огнем. Другие два танка начали разворачиваться и тоже остановились. Вокруг них уже копошились толпы красноармейцев.

Смертельный град пулеметного свинца сыпанул по щиту орудия, и Дымников, мгновенно упав на землю, командовал: «Отбой! Передки к орудиям!»

Атака была отбита.

Кутепов по обыкновению стоял под огнем и наблюдал бой в бинокль.

— Кто там у них командует? — спросил он Кривского, подражавшего генералу и заставлявшего себя стоять под пулями.

— Командир 51-й дивизии Блюхер⁴⁶.

— Командуйте отбой. Продолжим завтра.

Продолжали еще 4 дня, но Каховский плацдарм устоял.

Через несколько дней в севастопольском дворце состоялась встреча с Главкомандующим. О причине вызова не предупредили, и Кутепов был готов ответить на любой вопрос, на любое обвинение. Почему не взял Каховку? А почему не дали резервы? Почему 5 тысяч лучших войск бросили в бессмысленные десанты на Кавказское побережье, и все десанты были разбиты? Это была идея Главкомандующего, и оправдаться ему будет нечем.

Свой вагон в Севастополе Кутепов приказывал ставить так, чтобы можно было видеть пассажирский причал и слышать отчаянные крики чаек. И сейчас кричали чайки, и какой-то пароход собирался отходить, и пассажиры с провожающими толпились на пристани, то ли напоминая, то ли предсказывая что-то хорошее.

— Пока я буду у командующего, Миша, подсчитайте на всякий случай силы красных и наши, — сказал он приехавшему с ним Кривскому.

В трюмы парохода грузили какие-то тугие полные мешки. Наверное, хлеб, запрещенный к вывозу. Все видят, все знают, все молчат. Что он сам, генерал Кутепов, предпри-

нял бы против этого, если б тогда, весной, его выбрали Главнокомандующим? Конечно, расстреливал бы и вешал, и хлеб остался бы в Крыму.

Во дворце его сразу провели к Врангелю. Тот встретил радушно. Кроме него в кабинете находился генерал Лукьянов из штаба. Кутепов давно заметил, что хоть первым помощником Врангеля является Шатилов, а в совещаниях с ним, с Кутеповым, он никогда участия не принимает. Не любит его. Злопамятный. Не забыл бой на Маныче в 19-м.

— Дорогой Александр Павлович, — говорил Врангель. — Я поздравляю вас с героической атакой Каховки. Это сражение для нас — разведка боем. Мы пришли к выводу, что для окончательного разгрома красных необходимо провести широкомасштабную операцию. Мой штаб разработал основы такой операции, и я пригласил вас, как одного из главных военачальников, посоветоваться. Откройте карты, генерал.

Лукьянов разложил на столе оперативные карты с несокрушимо синими стрелами и тоненькими красными полосками. Генерал объяснял замысел, но Кутепов, увидев карты, уже все понял. Все должно начаться с Донбасской операции: синие стрелы впились в Мариуполь, в Александровск, в Екатеринослав, тянулись к Харькову.

— После успешного завершения Донбасской операции, в ходе которой будут разгромлены основные силы XIII Красной армии, — продолжал генерал, — производится перегруппировка войск, и начинается Заднепровская операция. Наши лучшие части, Александр Павлович, марковцы, дроздовцы, корниловцы и конница Бабиева форсируют Днепр в районе Хортицы и начинают разгром красных на правом берегу. Каховский плацдарм ликвидируется ударами с правого берега...

— Данные о численности войск противника и наших, которые примут участие в планируемой операции, у вас имеются?

— Данные приблизительные, но, по нашим оценкам, силы примерно равны. В чем-то у нас перевес — например, в танках — в чем-то у них.

— Какое ваше предварительное мнение о плане опера-

ции? — спросил Врангель, явно не желая обсуждать вопросы численности войск.

— Если мы хотим наступать, — сказал Кутепов, — то, по-видимому, это наилучшее решение. Но надо точно просчитать силы противника. Моя разведка может помочь.

— Разведка и у нас хорошая, — недовольно поморщился Врангель. — Дело в том, что мы хотим рассказать о наших планах союзникам — полякам и французам. Главное для нас, конечно, отношение французам. Они нас признали, они готовы на самую щедрую помощь, но они хотят знать, подо что идет их помощь. Понимаете меня, Александр Павлович?

Конечно, Кутепов понимал, что это не план операции, а дипломатический ход Врангеля, направленный на повышение своего авторитета у союзников. Вот и ему придется быть дипломатом: выступи против — снимут, как Слащова. Главное — спасти армию для России. А может быть, спасти армию для себя? Пусть думают, что хотят. Пусть даже так: спастись самому — ведь без армии тебя нет.

Генерал Кутепов с сосредоточенным лицом человека, обдумывающего детали операции, участвовал во встрече с иностранцами. В малом банкетном зале человек 10—12: от Франции — сам граф де Мартель с сопровождающими, от Польши — Михальский, торжествующий победу. В его свете Кутепов узнал даму, работавшую на таганрогских переговорах. Тогда о ней говорили, что она — доверенное лицо Пилсудского, потом пошли слухи, что она пыталась сорвать переговоры и вообще шпионка... Таких слишком деятельных женщин Кутепов не любил. А эта к тому же невыносимо красива, и платье на ней невероятного сине-голубого цвета, конечно, единственное во всем Крыму, если не во всей Европе.

Врангель представил Кутепова гостям как генерала большой воинской доблести, хорошо разбирающегося в обстановке, исключительно упорного в достижении поставленных целей, умеющего близко подойти к офицерам и солдатам, прекрасного воспитателя войск. После таких слов, сказанных о нем, Александр Павлович мог только во всем соглашаться с Главнокомандующим.

На столе — шампанское, деликатесы, осенние дары Крыма всех цветов. Карту с планом операции вывесили рядом, и Врангель кратко и убедительно рассказал, как будут разбиты красные. Госпожа Крайская переводила и на французский, и на польский.

Кутепов заметил, что гостям демонстрируется не та карта, что он рассматривал в кабинете Врангеля. Здесь си-них стрел было гораздо больше. За Днепром даже появилась какая-то 3-я русская армия, будто бы формирующаяся в Польше, и Главнокомандующий говорил о ней как о реально существующей.

Граф де Мартель попросил госпожу Крайскую перевести его небольшую речь о большой помощи, оказываемой Францией антибольшевистскому Крыму: 20 самолетов, бензин, боеприпасы, обмундирование. Затем он поднял тост в честь славных воинов и их блестящего вождя, за окончательное освобождение «великой и дружественной нам России».

Марыся приехала из Симферополя на своей машине, и шофер ждал ее у дворца. Накрапывал дождик, и она приказала поднять верх.

— Все в порядке, Стас?

— В порядке, Марина Конрадовна. Только какой-то человек пакет передал для вас и предупредил, чтобы все в тайне. Чтобы полиция не взяла. Я уж думал, может, самому в полицию сдать?

Марыся разорвала пакет.

— Поезжай. На ходу буду смотреть.

«Сообщение штаба Крымской Повстанческой Советской армии

В ночь на 1 сентября доблестный 3-й Симферопольский полк П. В. Макарова совершил геройский налет на Бешуйские угольные копи Бахчисарайского района. Вооруженная белогвардейская охрана в 60 человек, имевшая пять пулеметов, была частично уничтожена, частично разогнана. Шахта взорвана динамитом».

«Постановление Пленума ЦК РКП(б)

Признать, что Кубано-Врангелевский фронт должен идти впереди Западного фронта, и поэтому Оргбюро и Нар-

комвоен должны принять самые энергичные меры к направлению на этот фронт военных сил и коммунистов».

И маленькая записочка от руки:

«За хлебом придет известный вам Федя. Веселый».

После банкета Кутепов и Кривский долго обсуждали соотношение сил на фронте перед планируемой операцией.

Красные: 50 тыс. штыков, 8,9 тыс. сабель, 2137 пулеметов, 451 орудие, 12 бронепоездов, 14 бронеавтомобилей, 3 танка, 42 самолета.

Белые: 27,4 тыс. штыков, 17,1 тыс. сабель, 998 пулеметов, 193 орудия, 19 броневиков, 26 бронеавтомобилей, 19 танков, 34 самолета.

— Если прибавить сюда Первую конную армию, то...

Кутепов не продолжал.

— Что же делать, Александр Павлович? Может, надо убедить Врангеля отвести армию с боями в Крым и готовиться к длительной обороне?

— Вы, Миша, генштабист, и Петр Николаевич талантливый, понимающий военачальник. Он знает, что армию надо отводить. И он ее отведет в Крым после того, как в этой авантюрной операции мы погубим большое количество лучших наших войск. Их кровью он оплачивает французские самолеты, английские танки и пушки и, главное, — свой авторитет.

Она добилась, чтобы ее включили в состав иностранных гостей и корреспондентов, приглашенных Врангелем на фронт для осмотра укреплений на Сиваше. Поезд остановился на станции Таганаш, и, выходя вместе со всеми из вагона, Марыся в первый же момент увидела Леонтия — он еще состоял в кутеповском конвое и находился среди почетного караула. Леонтий был удивлен и обрадован. Солнце, музыка, иностранные мундиры и вдруг еще Марыся! Вот это праздник.

— Я не хочу, чтобы Кутепов видел нас вместе, — сказала она. — Я почему-то его боюсь. Недавно на банкете он так смотрел на меня...

Дымников объяснил капитану Ларионову, что к нему приехала женщина, и им надо уединиться. Виктор все по-

нял с полуслова: «Если спросит, скажу — с орудиями порядка наводишь, к бою готовишь».

Уединение могло быть лишь условным: посидели в офицерском общежитии, погуляли по степи за станцией, но главное, говорили, смотрели друг на друга, пытались как-то раскрыться по-новому, понять друг друга. А совсем недалеко от них двигалась толпа, шумели голоса, и ухали барабаны оркестров.

— Ты знаешь, Леончик, и у меня неприятности: объявились те люди из Харькова. Тот, кого звали Веселый.

— Клинцов.

— Да. Потом этот Федя, еще Заботин. Я выдаю им хлеб — все по закону, но если их возьмет контрразведка.. А самая главная неприятность — появился конкурент и мешает купить мне самый дешевый хлеб. В Джанкое. Требует половину себе и угрожает. Конечно, я тоже могу его припугнуть, но из-за этого рисковать, раскрываться? И он сегодня тоже здесь. Я тебе его покажу.

Осмотр укреплений продолжался недолго. Вскоре все вновь вернулись в вагоны. Марыся показала конкурента: решительно расталкивающий мешающих, крепкий, улыбочивый, он тащил за собой за руку очень красивого мальчика в оранжевом костюме и белой шляпке.

— Такой настойчивый. Требует, чтоб пополам. А почему? А какой мальчик чудесный. Всегда за меня: «Папа, не обижай красивую тетю».

Надо было обязательно отучить ее от излишней любви к детям и надо было запомнить хотя бы лицо конкурента. Почему он не спросил его фамилию?

Поезд с гостями направился в Мелитополь. Здесь был устроен пышный парад — вот мальчик-то порадовался, — затем торжественный обед. За столом они сидели с Марысей порознь — чтобы вместе их не увидел Кутепов. Все эти дни перед началом рокового наступления генерал находился в тяжелом нервном состоянии. Издалека увидел Дымникова и, подозревая, сказал о том, что капитан опять стал похож на Дантеса, поинтересовался, почему не в строю, и, добавив, что в конвое достаточно одного Ларионова, приказал завтра же получить в штабе направление в Корниловский корпус.

На торжественном обеде Врангель говорил с воодушевлением:

— Прежде всего я горячо приветствую представителя нашей старой испытанной союзницы — Франции. Франция первая признала наше правительство. Это было первое драгоценное свидетельство твердой веры в нас, наше правое дело и нашу способность во имя свободы и справедливости успешно бороться с мировым врагом — большевизмом. За Францией — Америка в исторической ноте с исчерпывающей глубиной раскрыла свою точку зрения на русский вопрос, указав на мировое значение единства и неприкосновенности России и на невозможность признания когда-либо большевистского режима. С неизменной признательностью я вспоминаю огромную помощь, оказанную нам Англией, и непоколебимо верю, что недалек час, когда все дружественные державы найдут своевременным открыто сказать, что Русская армия ведет борьбу не только за освобождение и благо России, но и за всемирную культуру. При нашем поражении никакая сила не в состоянии будет надолго сдержать волну красного Интернационала, который зловещим пожаром большевизма зажжет Европу и, быть может, докатится до Нового Света.

Наступление началось 14 сентября. 19 сентября 1-я армия Кутепова взяла Александровск, 28 сентября Донской корпус захватил Мариуполь. 3 октября кутеповцы взяли Синельниково.

1920. ОКТЯБРЬ

4 и 5 октября были самыми торжественными днями наступления у Хортицы. Дымников потом иронизировал, что был действующим лицом последних великих свершений великих полководцев. Не трагедии, а скорее, комедии. В общем, театр. Освещение было организовано прекрасно: нежный солнечный свет золотой осени, красный закат, чуден Днепр при такой погоде, и никакого дождя. Сам Дымников исполнял роль командира роты.

Стояли с Воронцовым на берегу, курили слабые французские папиросы, любовались закатом. Половина реки у

дальнего берега уже холодно синела, на ближней половине играли розовые гребешки.

— Из разговоров с вами, Максим Павлович, я понял, что божественная красота природы ничего нам не обещает.

— Да, Леонтий. Нам не дано знать суд Бога нашего. Эта божественная красота, как вы сказали, возможно, сулит победу, а, возможно, дает нам с вами шанс последний раз насладиться радостями земными.

У берега покачивались лодки, готовые к ночной переправе, саперы сколачивали плоты для орудий и лошадей. Сзади, на лесной дороге возник шум, и к реке выехала кавалькада: сам Врангель, Кутепов, Драценко, другие генералы и офицеры. Спешились. Главнокомандующий прошел вдоль переправы, забирался в лодки и на плоты, проверяя прочность вязки бревен. Затем, полубовавшись пейзажем, он собрал офицеров за селом, в доме священника. Речь его была краткой:

— Вам, господа, вверяется судьба всей операции. Думаю, что корниловцы, марковцы, дроздовцы, все ветераны Ледяного похода не посрамят памяти тех, чьи имена носят.

После этих слов было приказано провести во всех полках молебны о даровании победы.

Утром 5 октября передовые батальоны марковцев форсировали Днепр и захватили плацдарм. К 8—9 октября на правый берег переправилась вся группа войск, предназначенная для разгрома красных на правом берегу и для уничтожения Каховского плацдарма с тыла.

Всего через несколько дней — 13 октября — эти войска не отступали, а в беспорядке бежали обратно к Днепру. Кавалерия и артиллерия мчались на рысях, пехотинцы бежали, бросая пулеметы, а то и винтовки.

Дымников никогда еще не испытывал такого страха, как в этот пасмурный, с низким небом день, будто заранее предназначенный для гибели. Он бежал через прибрежный лес по каким-то вырубкам, пытаясь спастись от красной кавалерии — сзади, шагах в трехстах, отчетливо были видны поблескивающие в размашистых движениях несущие страшную смерть клинки.

Недалеко от него напролом по тем же вырубкам отступала на рысях батарея. Он посмотрел в ту сторону, ища

взглядом офицеров, и в это же мгновение почувствовал страшный удар ниже колена, упал, царапая лицо, на срубленные деревья. Леонтий ошупал ногу, пошевелил — кажется, ранения нет: он просто споткнулся, но теперь жуткий ушиб не позволял идти. Попытался встать и сразу упал. Сейчас подскочит вон тот, в расстегнутом шлеме, нагнется и рубанет лежащего. «Прости, Марыся, за то, что мало тебя любил, за то, что изменял! Простите, папа и мама, что уехал от вас. Простите меня те, кого убил по чужому приказу...»

«Четвертое, стой! С передка! К бою! Картечью беглый по коннице!..» — вдруг услышал он впереди знакомый голос — Воронцов. Подбежали солдаты, потащили к орудиям, усадили на зарядный ящик. Батарея двинулась дальше, к переправе.

14 октября в Мелитополе Врангель собрал совещание в своем штабном вагоне: Кутепов, Шатилов, Абрамов, де Мартель, Михальский. Ожидая Главнокомандующего, обменивались впечатлениями об ухудшившейся погоде, умолкали, вздыхали, вспоминая поражение за Днепром.

Верховный правитель вышел озабоченный, но полный решимости.

— Что будем делать, господа? — обратился он к присутствующим. — Надо выработать общий план дальнейших операций. Продолжим ли мы бои здесь, в Таврии, или уведем армию в Крым, за перешеек.

Шатилов, поглядывая на Кутепова, наверное, надеясь на его поддержку, неубедительно и неуверенно говорил о высоких качествах армии, об ее ценности в данный исторический момент, о роли в будущем России, о необходимости спасения армии, то есть об отводе ее на полуостров.

— Испугаться одной неудачи и отступить — это не по-военному, — возразил поручик Михальский. — Мы, поляки...

И долго рассказывал о победе под Варшавой над Красной армией, закончив требованием продолжать сражение в Таврии.

— Уйти в Крым — это уйти из Европы. Ваши союзники поймут, что вы потерпели окончательное поражение, что больше нет России, свободной от большевиков. Англичане

уже начинают переговоры с Москвой. Необходимо сражаться здесь... — де Мартель его поддержал и затем еще много говорил о дружбе между Францией и Россией.

Кутепов знал, что армию надо уводить в Крым, если ее необходимо сохранить, но он также знал, что говорить это ни в коем случае нельзя. Армию все равно придется уводить в Крым, правда, потеряв еще несколько тысяч лучших офицеров и солдат — по данным разведки Буденный уже в 4—5 переходах от Днепра.

— Надо сражаться в Таврии, — сказал Кутепов.

Если бы он сейчас выступил за отход, Врангель отправил бы его в отставку, то есть на смерть — ведь Кутепов не может жить без войск, данных ему для командования ими.

Врангель подытожил:

— Отойдя в Крым за перешейки, мы не только обречем армию на голод и лишения, но и признаем невозможность продолжать активную борьбу, создадим угрозу лишения нас в дальнейшем всякой помощи со стороны союзников. Засев в Крыму, мы перестанем представлять угрозу для советского правительства и тем самым потеряем интерес к нам со стороны западных стран. Исходя из этого, я немедленно перегруппирую войска с целью организации упорной обороны, чтобы отразить контрнаступление красных, а затем ударами во фланг из района Верхних и Нижних Сергозов нанести им поражение. Лишь при неудаче мы отступим в Крым и займем активную оборону. Сегодня с утра корпус Витковского атакует Каховский плацдарм. Это решение тем более целесообразно, что, по разведанным, значительная часть красных войск выведена с плацдарма для участия в боях на правом берегу.

В Мелитополе Кутепов выбрал для штаба двухэтажный дом на Воронцовской улице, особенно понравившийся ему белым цветом — вокруг были кирпичные и темные деревянные. Теперь генерал чаще общался не с разговорчивым оптимистом Кривским, а с молчаливым и спокойным капитаном Жуковым из разведки. По его приказу Жуков 14 и 15 октября сидел на связи с корпусом Витковского, атаковавшего Каховку. Сам генерал предчувствовал неудачу и без особой охоты садился к телефону, иногда откровенничал с Жуковым:

— На другой день после поражения на правом берегу атаковать плацдарм отсюда в лоб — эту врангелевскую стратегию я не понимаю. Впрочем, и вся операция задумана... М-да... Задумана. Продолжайте, капитан. Держите связь.

Два дня в кабинете генерала только и слышалось:

— У аппарата помощник старшего адъютанта разведотдела штаба армии капитан Жуков. Его превосходительство просит доложить обстановку.

К концу 15 октября сражение закончилось. Происходило оно так:

На рассвете 14 октября 2-й корпус после двухчасовой артподготовки начал атаку на Каховский плацдарм при поддержке 12 танков, 14 бронемашин и 80 орудий. Противник был готов к отражению танков — пропускали машину через внешнюю линию обороны и встречали артиллерийским огнем, гранатами. Было подбито 7 танков. К концу дня удалось захватить лишь внешнюю линию обороны. На другой день, 15 октября, атака продолжалась при поддержке танков и авиации. Противник упорно сопротивлялся, затем перешел в контратаку, и войскам корпуса пришлось отступить на 10 километров. Наши потери составили 10 танков, 5 бронемашин, 70 пулеметов, более 500 пленных. Корпус перешел к обороне.

Всего дней 10 пролежал Дымников в Симферопольском госпитале, не поднимаясь с кровати, но как только разрешили ходить с палочкой, он отправился в «Русский хлеб». Шел по городу, опираясь на изящно обработанную самшитовую палку, и с грустью отмечал, что летний праздник кончился и приближается осеннее грозное ненастье. В газетах о положении на фронте общие слова: «Упорные бои на левобережье Днепра, на Мелитопольском и на Мариупольском направлениях». Офицеры в госпитале рассказали, что Врангель запретил сообщить в печати о провале Заднепровской операции.

Ресторан Крым был закрыт «на ремонт». Люди не гуляли, а шли-торопились, не глядя друг на друга; вдоль тротуара рядами стояли нищие с прошениями-записочками, в которых обязательно фигурировало слово «голод». На особняках были приклеены объявления «продается».

Леонтий, поднимаясь по ступеням к двери магазина, столкнулся с каким-то мрачным человеком, что-то злобно буркнувшим ему, и словно судьбой было predetermined — не посмотрел он в лицо незнакомцу, а то бы, наверняка, запомнил.

В магазине пусто — ни товаров, ни покупателей. У прилавка — Марыся и Игнатий Николаевич. Она — сердито покрасневшая, он — безнадежно унылый.

— И он намекает на что-то, подлый, — продолжала возмущаться Марыся, когда появился Дымников. — О! Лео! Ты сам пришел? Милый, я бы прислала автомобиль. Ты встретил сейчас человека? Это тот самый конкурент. Я уже купила зерно. Оно на пристани. Зафрахтован пароход, а он требует уступить ему половину и говорит, что в этой операции заинтересованы влиятельные лица. Это он пугает? И мне попросить своих ребят? Они как раз сейчас приедут за хлебом. Пойдем ко мне и будем пить чай с пирожными.

Она знала, что надо бежать. Леонтий должен срочно получить справку о контузии на фронте и соответствующий пропуск на первоочередную эвакуацию. Марыся договорилась, что пароход «Марианна» прибудет в Севастополь в конце месяца. Возьмет их до Бухареста, заодно — хлеб до Марселя. Можно взять и пассажиров на борт. Обсуждали, как быть, если начнется паника, подобная новороссийской.

28 октября в последний раз Кутепов собрал свой штаб в белом доме на Воронцовской улице Мелитополя. Советание было кратким и неприятным.

— Противник вчера и позавчера форсировал Днепр во многих пунктах, — сказал генерал. — Сегодня он начал наступление по всему фронту. Главнокомандующий приказал нашей 1-й армии отбить наступление врага. Сейчас с подходом 1-й Конной армии у противника трехкратное превосходство в силах, что для обороны вполне нормально. Штаб переходит в вагоны и передвигается на станцию Рыково — это примерно середина линии обороны. 1-я Конная армия прошедшей ночью форсировала Днепр и находится на Каховском плацдарме. По-видимому, сегодня она начнет наступление к перешейку, и командиру 2-го корпуса генералу Витковскому приказываю держать оборону. Это

самый важный и опасный участок. Выход Буденного к Перекопу означал бы, что наша армия отрезана от Крыма.

Еще штаб не переселился в поезд, и солдаты еще перевозили шкафы и ящики с документами, как Кривский проврался к Кутепову.

— Извините, господин поручик, у меня нет времени: я работаю над приказом, — попытался избавиться от него генерал.

— Ваше превосходительство, я как раз по этому вопросу. Вы, наверное, уже сами пришли к этому выводу, но я хочу все же вам сказать. 1-я Конная пытается отрезать нас от перешейка, но ведь и мы можем отрезать ее от Каховки, ударить во фланг, прижать к Сивашу и разгромить.

— Я вас понял, но вы — разведчик. Вы знаете, что такое 1-я Конная армия? Это четыре полные кавалерийские дивизии и еще отдельная кавалерийская бригада. Не говорю о сотнях пулеметных тачанок и артиллерийских орудиях. Вас учили в Академии генштаба законам наступления? Или вас учили авантюрам? Есть у вас новые разведданные? Нет? Вот и добывайте. Погода не для авиации — ведите разведку другими способами.

Для Кутепова это была очередная выходка бонапартика. Война — не передвижение фигурок с целью провести хитрую комбинацию, а забота о своей армии и умение вести ее в бой для уничтожения противника. Учитывая приказ Главнокомандующего, он должен защищать от красных подходы к перешейку, но важнейшая задача — сохранить войска, увести их в Крым не разгромленными, а способными обороняться.

После Кривского пришел за распоряжениями начальник конвоя Белевич, которому генерал приказал погрузить весь конвой в поезд — и в Крым. Конвой должен был оставаться в районе Чонгара, выбрать позицию и ждать армию.

Мысли генерала были заняты разыгрывающимся сражением, результат которого был известен: армия отступит за перешеек. Однако отступить можно по-разному. Как нарочно, все небо в тучах — авиационная разведка невозможна. Все же план обороны сложился.

Перейдя в штабной вагон, генерал вызвал к себе Жукова, чтобы в обсуждении с ним проверить свое решение.

— Главная трудность в том, капитан, — говорил Кутепов, — что они могут наступать на нас с разных сторон. Поэтому надо так организовать оборону, чтобы отразить любое наступление с любой стороны и не позволить отрезать нас от перешейка. Для этого я решил создать ударную группу из Дроздовской дивизии и конницы Барбовича. Центр группы, по-моему, и центр обороны — посмотрите на карту — это село Серогозы. Верхние и Нижние. Отсюда легко достижимы все пункты возможных атак красных. Согласны, капитан?

— Так точно, ваше превосходительство: лучше места не выбрать для сосредоточения ударной группы.

— Приглашайте начальника штаба и других. Будем готовить директиву и приказы.

Следующий день был такой же хмурый, низкое желтовато-темное небо будто давило на землю и на душу. Если Кутепов и ожидал новых данных о складывающейся на фронте обстановке, то не от авиации, и все же самую важную весть привез именно летчик. Он летел на рискованно низкой высоте и увидел огромные массы конницы, двигающиеся и по дорогам, и по целине от Каховки в тыл кутеповской армии.

Кутепов собрал штаб, и в невеселых раздумьях все согласились, что красные к утру 30 октября могут перерезать единственную железную дорогу, соединяющую с Крымом. Решения генерала были быстры и неожиданны.

— Штабу армии немедленно перейти за Сиваш. Я выезжаю в ударную группу. Со мной капитан Жуков и ординарцы.

Начались нервные метания генерала по заледеневшим пустым дорогам. В Серогозы приехали в полной темноте. Он собрал совещание. На лицах Витковского, Барбовича, других видел плохо скрываемую растерянность и недовольство командованием. Все хотели за перешеек, понимали, что это единственно правильный выход. Кутепов это увидел и сказал свое решающее слово:

— Я остаюсь при войсках группы на все время операции. Приказываю завтра, 30 октября, перейти в наступление на противника, двигающегося по направлению Агайман—Рождественская к железной дороге. Задача — отрезать красных от Каховки. Капитану Жукову непрерывно

быть на связи со штабом армии. О всех изменениях оперативной обстановки немедленно докладывать мне.

Напрасно Жуков дремал у телефонов — связи не было. Пришлось предполагать, что красные захватили перешеек и перерезали связь. Кутепов не помнил, чтобы когда-нибудь попадал в такую передрагу. Разве что в молодости, во время Русско-японской войны. Но теперь он должен вести в бой тысячи людей, не зная точно, где противник, и каковы его намерения.

И он вел.

Конница Барбовича наступала на Агайман сквозь метель, шла против ветра. Кутепов по обыкновению стоял под пулями и наблюдал за происходящим в бинокль. С ним Жуков, ординарцы, небольшая охрана. Пропищал зуммер. Жуков взял трубку и, выслушав сообщение, доложил:

— По документам, найденным у убитого красного командира, деревня Агайман занята 11-й кавалерийской дивизией 1-й Конной армии.

— Продолжать наступление. И решительнее. Что они? Метели испугались?

Испугались красные. А может быть, не испугались, а рассчитали. Их дивизия не приняла атаки и в полном строю направилась на запад к Каховке.

Подшли остатки Корниловской дивизии. Генерал Скоблин был ранен. Кутепов поздравил его с героическими боями, сказал, что нет связи ни с кем и надо пробиваться на юг, а противник со всех сторон.

— Завтра я с Туркулом буду атаковать Отраду, — сказал Кутепов, — а ваши пусть стоят и обороняются с севера.

31 октября бой вновь пришлось вести в неизвестности — связи не было.

Идти на Отраду Кутепов решил, потому что об этом направлении хоть что-то было известно: там красные и там дорога к перешейкам. Раненый Скоблин с корниловцами отражал атаки с севера. Артиллерийский огонь корниловцев доносился на наблюдательный пункт Кутепова и Туркула. Прежде чем начался бой с красными, пришлось вступить в спор с Туркулом, который усомнился в правильности отвода войск армии от Днепра.

— Существовала опасность быть отрезанными от перешейков конницей Буденного, — объяснил Кутепов.

— Большевистские атаки могли быть отбиты нашим прорывом. Мы отшвырнули бы их за Днепр и, развязав себе руки на севере, могли бы броситься на конницу Буденного. Тогда это было бы не наше отступление, а маневр.

Еще один бонапартик, намекающий, что не ему, Кутепову, руководить армией. Если бы руководили они, армий уже не было бы.

Туркул раздражал, следовало бы поставить генерала на место, но ведь это его подчиненный, и его дивизия атакует противника. Правда, Туркул так увлекся стратегическими решениями, что и не смотрел на своих — повернулся лицом к Кутепову. А как раз было на что посмотреть.

— Повернитесь кругом, — сказал Кутепов, заставив себя улыбнуться, — такое редко увидишь.

Кто-то могучий дунул, и дымный туман, уже несколько дней висевший над степью, исчез. Огромной пестрой плоскостью открылась степь, бурые, почти черные пятна, местами присыпанные ярким снегом, далеко слева поэскадронно шла конница — это наступал Барбович. Пехота Туркула только подходила к окраинам Отрады, и там учащалась стрельба.

— Как на старинной батальной картине, — сказал Туркул.

— Да. Но картину надо изменять. Надо брать Отраду.

В привычный шум боя вмешался неожиданный знакомый звук. Мотор аэроплана. Уверенно и быстро снизившись, он уже бежал, вздрагивая, по степи между наблюдательным пунктом и наступающими цепями. Двое суток не имея связи со штабом, вообще с внешним миром, окруженный войсками противника, Кутепов увидел вестника.

— Машину мне! — крикнул он. — Жуков за мной!

Вскочили в автомобиль на ходу. Летчик уже спрыгнул на землю и бежал навстречу офицерам дроздовцам. Заметили эту сцену и красные. Жукову показалось, что снаряд пролетел, едва не коснувшись его лица свистящим смертельным жаром. В этот же миг грохнул тупой подземный взрыв, и сверху полетели комья земли. Жуков схватился за голову — нет ли крови.

— С вами все в порядке? — спокойно спросил генерал. Автомобиль продолжал мчаться.

Подъехали к летчику, стоявшему в группе офицеров. Все горячо радовались чудесному спасению от снаряда, разорвавшегося рядом с автомобилем.

— Моя смерть в лицо мне не посмотрит, — уверенно сказал Кутепов. — Меня убьют как-нибудь тайно, сзади. Рассказывайте обстановку, господин пилот.

Летчик доложил, что вчера, 30 октября, красные перерезали железную дорогу и взяли Геническ. Сейчас там идут бои. Кутепов передал летчику донесение Главнокомандующему.

Со стороны Рождественского, где вел бой Барбович, появилась красная конница, спешившая захватить аэроплан. Подоспевший Туркул скомандовал: «Цепь, в карре!» Мгновенно перестроившись, дроздовцы залпами встретили конников, и те повернули обратно. Лошадь, оставшаяся без всадника, с жалобным ржанием бежала вслед.

К концу дня Отрада была взята.

Для ночлега Жуков выбрал большой крепкий дом. Хозяин и хозяйка, картинно благообразные, встретили поклонами и приветливыми улыбками.

— Милости просим, гости дорогие.

В горнице был накрыт стол: бутылки с вишневой наливкой, яблоки, квашеная капуста, каша в чугушке, яичница-глазунья. Кутепов и Жуков сняли шинели, помыли руки, хозяйка подала чистый рушничок. Помолились на иконы, сели за стол.

Выпили наливки, закусили, Жуков спросил о детях.

— В немецком плену они, господин офицер, — ответила хозяйка. — Другой раз письма присылают.

— Но все же пленные вернулись.

— Да вот не все. Они у хозяина работают и так понравились, что тот их оставил. Уговорил, с начальством уладил. Вот так и живут покуда на Неметчине.

— Самое что ни на есть интересное вам расскажу, — вступил в разговор хозяин. — Вчера у нас гостил сам Буденный Семен Михайлович. И ужинал, и ночевал.

Жуков вопросительно взглянул на Кутепова, занимавшегося глазуньей.

— Расскажите о Буденном, — попросил генерал. — Нам интересно. Мы же с ним воюем.

Хозяин со своей вежливой улыбкой, со спокойным бесстрастным голосом, с открытым взглядом, в котором умело пряталась хитрость, был неухватистый, как мяч, никак его не возьмешь — и те хороши, и эти, и те плохи, и эти... Не расстреляешь за то, что красных хвалит, а он Буденного вроде бы и похваливал.

— Мужик — он и есть мужик, — говорил хозяин. — Вот вы, генерал, обходительность знаете, а он такой же, как и я. Но крепкий, здоровенный мужик. Держал себя хорошо. Наливка вот ему не понравилась — свою горилку пил. Стакан выпил, потом еще стакан. Говорил, что он сам мужик, вот мужики его и выбрали командиром. За мужиков, мол, и воюет. Как ни говори, ваше превосходительство, а ваши ничего для мужика не сделали. Все оставили у хозяев, как раньше было.

— А красные сделали? — возмутился Жуков. — Прозраверстку они вам сделали. Обобрали до зернышка.

— Брали, — согласился хозяин. — Много брали. И хлеб, и лошадей, и курей. Война. Мы ж понимаем. Что вашему солдату, что ихнему — есть-то надо. Жаль вот, что русские русских убивают, и никак уж вам не замириться. Буденный сказал, что они Крым возьмут. У них праздник 7 ноября. «Будем, — говорит, — в Крыму праздновать».

— А вам все равно, какая власть? — спросил Жуков.

— Мужик у при любой власти одно — робить. Хлеб, ягуду, корову содержать. Лишь бы меньше власти брали. Буденный говорил: «Вот я буду власть, сам мужик, сам буду работать, зачем я у тебя, мужика, буду брать?»

— А безбожие большевистское? — продолжал возмущаться Жуков. — Церкви рушат, священников убивают, иконы жгут! Это же антихрист в России.

— Злое дело, — согласился хозяин. — Може, одумают-ся? А ежели посмотреть, то который верит в Бога, тот и без церкви будет верить. Пойдет, на зорьку помолится и грешить не будет. А который неверующий безбожник, он и в старое время безобразничал, грабил, убивал.

— Вот добро то было бы, если б замирились, — вздохнула хозяйка.

Кутепов хмуро молчал — ему вдруг показалось, что в мужицких словах проявляется какая-то дьявольская злая правда, направленная против всего, за что сражается он. Хитрая лживая хамская правда, соблазняющая народ. Носителей этой правды надо убивать, расстреливать, вешать.

Поблагодарив хозяев, в мрачном настроении отправились спать. На ту кровать, где прошлую ночь спал Буденный, не лег — устроился у окна. Сон был тяжел, беспокойен и не давал желанного отдыха. Кутепов вдруг просыпался и думал о Буденном, о красных — он каждый день отбивает их атаки, занимает какие-то деревни, одерживает победы над красными частями, но все это не то. Нет никаких побед. Красные спокойно отступают перед ним — знают, что в любом случае свой протступник будут встречать в Крыму. И атаки их демонстративны — постреляют и окапываются. Правда, иногда доходит до рукопашной — боевой азарт. Но у них есть уверенность в победе.

1920. НОЯБРЬ

Поднялся Кутепов в мрачном настроении, что внешне проявлялось в тщательности генеральского туалета: особенно чисто побриться, расчесать бороду, приказать денщику до блеска вычистить все, что полагается.

Главная мысль с утра: борьба за Крым проиграна — надо эвакуировать армию.

Жуков уже знал, что происходит в пределах верст двадцати. Что делается дальше, не знал никто. Летчик больше не прилетал. Красные с утра начали атаки на Отраду и Рождественское. Те самые, демонстративные. Однако, воспользовавшись тем, что дроздовцы прозевали их подход, ворвались на окраину Отрады и изрубили несколько человек. Затем по Отраде открыли непрерывный артиллерийский огонь. Сотрясались стены штабной избы, дребезжали стекла, росло число раненых. Раза два пришлось съездить генералу в Рождественское — Барбович стоял крепко.

Одна главная мысль логически приводила к другой: если Крым отдаем, значит, надо ехать к Врангелю и требовать суда для своей армии.

С наступлением темноты артиллерийский огонь красных прекратился.

— Что будем делать, Жуков? — спросил генерал. — Поедем ночью или будем ждать утра, когда снова начнут бомбардировку?

— Поедем сейчас, ваше превосходительство, но дорога не охраняется. Там могут быть красные разъезды.

— Возьмите у меня эскадрон, — предложил Туркул.

— На ваш эскадрон они поднимут полк, — возразил Кутепов. — Будем ехать скрытно. Жуков, прикажите подать автомобиль. А вы, Туркул, дайте мне пять хороших конников. За меня остается командир корпуса генерал Писарев.

13 верст от Отрады до Рождественского были для Кутепова едва ли не самыми страшными за всю его боевую жизнь. Страшнее, чем на скале во время Русско-японской. На небе ни звездочки, вокруг глухая холодная степь, дымящаяся туманом. Налетят с десяток мужиков — и нет генерала Кутепова с его борьбой за какую-то настоящую Россию. Или пулемет из засады сожжет беспощадными очередями и автомобиль, и их.

— Поезжайте медленнее, — приказал генерал. — Так мы скорее услышим подозрительные звуки.

Стало спокойнее, когда появились огни Рождественского, но оттуда доносились выстрелы, вспышки возникали во тьме, слышны были крики.

— Кричат, словно свиней режут, — сказал Жуков.

Навстречу подъехали двое кавалеристов Барбовича. Доложили, что идет бой неожиданно налетевшим красным отрядом.

Барбович угостил хорошим ужином и успокоил генерала, заверив, что до станции Ново-Алексеевки дорогу охраняют его патрули и железная дорога свободна от красных.

По дороге к Ново-Алексеевке расчувствовавшийся после ужина и вина Жуков сказал:

— Когда мы к селу подъезжали, это не свиней резали, а раненых латышей рубили, добивали.

— Зачем вы это мне докладываете? — вскинулся Кутепов. — Чтобы я вернулся и запретил?

— Что вы, ваше превосходительство, я хотел...

— Вы хотите гражданскую войну вести в белых перчат-

ках? Не получится. Думаете, они вас раненого лечили бы? Я видел на Кубани, как они раненых офицеров жгли на кострах.

В Ново-Алексеевке Кутепова ждала телеграмма Главнокомандующего: войска покидают Северную Таврию и занимают оборону на перешейках. Кутепов руководит этой операцией.

Происходящее возникает из происшедшего. Прячется в человеке увиденное, задуманное, пережитое, заставляющее волноваться, и приходит час, когда все это врывается в сознание и требует поступка. Несколько дней боев в окружении, в полной неизвестности о положении на фронте, жуткая поездка через ночную степь, этот Буденный...

Кутепов прибыл в Севастополь и немедленно явился во дворец к Врангелю. Он был готов к самому резкому, даже грубому разговору, но Главнокомандующий легко согласился со всеми предложениями генерала и в заключение сказал:

— Я поручаю вам всю оборону Крыма и контроль за эвакуацией.

Вагон Кутепова, куда он вернулся после этого разговора, стоял на привычном месте, с которого открывался вид на Южную бухту, на пассажирскую пристань, где готовилась к отплытию «Марианна».

Последний раз приехали за хлебом и прощались. Приехал и старый знакомый Заботин. Сказал Дымникову:

— Прощайтесь, Леонтий Андреевич. Остаться вам нельзя. Это я с вашей помощью от Кутепова прятался. Пусть вам там живется хорошо. Может, еще и вернетесь.

— А может, и вы мировую революцию устроите, и мы с вами в Европе встретимся, — усмехнулся Леонтий.

— Может, и устроим, — рассмеялся Заботин.

Приехали в Севастополь, на пристань, заняли каюты. До отплытия оставалось еще более двух часов. Ядвига уже разбирала вещи. Леонтий после некоторых раздумий сказал Марысе, что решил пойти на прощание в Петропавловский собор.

— Я обязан это сделать, — говорил он. — Иначе не буду себя уважать. На Днепре мне спас жизнь Воронцов не ради дружбы со мной, не ради какого-то там офицерского

долга, а потому что он глубоко верующий человек. Христианин спас христианина, исполняя долг перед Богом. Сейчас он на фронте — я не могу с ним попрощаться, не могу выразить свою глубочайшую человеческую благодарность. Поэтому я должен пойти в храм, помолиться за него, поставить свечку. Пусть Бог поможет и ему выйти живым из этой ужасной войны. Это займет у меня не больше часа.

Марыся не возражала.

Леонтий ушел, сопровождаемый неожиданно поднявшимся сильным ветром, взбудоражившим воду в заливе. На пристани появились торопящиеся пассажиры и среди них почему-то ее надоедливый конкурент, с которым все дела уже были покончены.

— О чем нам говорить, — сказала она ему. — Хлеб давно в трюме. Вот с Витенькой я поговорю. Прощай, мой хороший мальчик. Расти большой, умный и сильный. Я тебя всегда буду помнить и любить. Мы с тобой встретимся, когда ты вырастешь, и я найду тебе самую красивую невесту.

Отец с сыном попрощались и отошли. Их кто-то ждал. Не прошло и минуты, как мальчик снова подбежал к Марысе.

— Тетя Марина, папа просил, чтобы вы это письмо передали на почту в Константинополе. Он сам забыл вам передать, а теперь стесняется подойти.

— Хорошо, Витенька. Обязательно передам, — сказала она и положила конверт в сумочку.

Исчез мальчик и его сопровождающие. Марыся ушла в каюту. По почти опустевшей пристани протопали человек шесть солдат контрразведчиков во главе с капитаном, а через несколько минут вышли, ведя под руки испуганную Марысю, вслед ей что-то кричала со слезами Ядвига.

Эту сцену Кутепов увидел в окно и узнал женщину — та самая шпионка то ли польская, то ли большевистская. Приказал, чтобы к нему вызвали капитана, а солдат остановили. Тот явился серьезный и немного удивленный успехом своей операции.

— Знаете, кто я? — спросил генерал.

— Так точно, ваше превосходительство. Командующий армией генерал Кутепов.

— Я назначен начальником всей обороны Крыма. Мне подчиняются все войска и вся эвакуационная служба. Поэтому я и вызвал вас. За что арестовали даму?

— Явный шпионаж. У нее в сумочке обнаружено вот это.

Капитан достал разорванный конверт, вынул из него сложенный вчетверо лист плотной бумаги, передал Кутепову. Объяснять было нечего — бумага говорила сама.

— Полный план Перекопских укреплений и расположение всех артиллерийских батарей. Даже с указанием калибров.

— Что собираетесь делать, капитан?

— Я хотел отвести для допроса...

— Какой еще допрос? Вы теперь знаете, кто я, и обязаны выполнять мои приказы. Шпионку немедленно повесить. Немедленно! Здесь. На берегу.

— Ваше превосходительство, днем... женщину...

— Да. Вы правы. В газетах уже писали, что детям вредно видеть повешенных по моему приказу. Тогда расстреляйте. Там, за пакгаузом. Тело можете отдать родственникам или кому там. Пусть везут куда хотят. Рапорт об исполнении приговора жду через десять минут.

Леонтий вернулся, когда тело Марыси внесли в каюту. Глаза ее, все понимавшие и так радостно вбиравшие жизнь, были закрыты. На левой груди алел цветок смерти с оранжево-красными лепестками окровавленных ключев кофточки. Убийца стрелял аккуратно.

Леонтий обливал слезами и целовал ее холодные ноги, ее леденеющие щеки, которые столько ночей были рядом, касались его лица. Не стало единственной в мире женщины, не только помогавшей ему выжить в это ужасное время, но и открывшей ему красоту и счастье жизни.

Он вышел на палубу. Ветер прекратился, море притихло, словно ожидая его слова. И он сказал кому-то невидимому: «У меня не было цели в жизни — теперь есть: убить Кутепова. Не просто убить, а уничтожить, превратить в ничто, чтобы понял перед смертью, что он лишен звания человека, чтобы испил чашу, наполненную кровью убитых им».

Часть вторая

ГОДЫ УМИРАНИЯ

1920

ля капитана Воронцова Галлиполи начался с двух выстрелов. Еще не приступили к выгрузке, а выстрелы уже прозвучали.

Пароходы «Саратов» и «Херсон», набитые двадцатью пятью тысячами русских солдат и офицеров, еще стояли в бухте перед небольшим полуразрушенным белока-

менным городком, когда Кутепов, по обыкновению скрывавший растерянность и разочарование злобной решительностью, разразился гневом по поводу обычной для морского порта картины: к пароходам подплывали на лодках мелкие торговцы с фруктами, сладостями, хлебом, а пассажиры в обмен на товары опускали на веревках свои вещи или деньги.

На палубе Воронцов встретил вольноопределяющегося Вострикова из батареи Дымникова, спросил о Леонтии, узнал, что тот уехал не то в Лондон, не то в Париж.

— Простите, господин капитан, умираю — хочу свежее хлеба. Отдам лишнюю рубашку, — сказал Востриков и занялся обменом.

Тем временем раздраженный Кутепов приказал:

— Через три минуты прекратить базар!

Востриков только успел спустить на веревке свою рубашку и показывал, какой ему приглянулся хлеб, когда прозвучала команда:

— Стой! Три минуты прошли. Арестовать опоздавших.

— Что прикажете делать с опоздавшими? — спросил генерала начальник конвоя. — Один — вольноопределяющийся, другой — из технического полка.

— Отвезти на берег и расстрелять!

Он разглядывал в бинокль городок, но в ту сторону, куда пошла шлюпка с арестованными, даже не посмотрел. Там, на берегу, конвоиры выволокли обреченных на берег и расстреляли в упор из револьверов.

Слабые звуки револьверных выстрелов едва донеслись до парохода, но Воронцову они словно попали в сердце. Генерал христианин привез сюда русских людей христиан, чтобы спасти от гибели, и начал с убийства своих людей без вины, без суда, без права.

Так 22 ноября 1920 года начинал свое существование лагерь Русской армии в Галлиполи.

1921

1

В начале января на лагерь обрушились проливные дожди. Сидели в палатках, вели пристойные разговоры — цензурные выражения были запрещены приказом, а запрет на критику лагерных порядков или, не дай бог, самого генерала, подразумевался без приказа. Больше всех говорил штабс-капитан Белов. Жалел, что из-за дождей отменили парад в Крещение, с восторгом вспоминал парад в декабре по случаю приезда Врангеля, восхищался идеей Кутепова организовать театр и ставить Островского.

— Вы не знаете, где похоронили Вострикова? — спросил Воронцов. — И того, другого, расстрелянного вместе с ним? Белов ошешил.

— Не знаю, — забормотал он. — Не интересовался. Столько уже умерло.

— Господа, бросьте пустые разговоры, — прервал их ва-

ляющийся на койке подполковник Шепелев. — В такой дождь о чем-нибудь веселом бы.

— Я понимаю, что мои воспоминания о тех расстрелянных представляются неуместными, — согласился Воронцов, — но я воевал с Востриковым. Под Харьковом, в Крыму. Он был прекрасный командир орудия, а его убили за то, что он опоздал на 10 секунд. Это нельзя простить убийце.

Шепелев демонстративно запел, как иногда поют люди, когда им больше нечего делать:

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник...

Некоторые из находившихся в палатке подхватили:

Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник...

— Чего не умею, так это — петь, — сказал Белов. — До свидания, господа.

Он ушел, и песня прекратилась.

— Да-а, — подтвердил Шепелев. — Петь не умеет. Но вы, капитан, зачем затеваете сомнительные разговоры? Мы все вас уважаем. Мало таких хороших людей, как вы, но хорошие люди почему-то ведут себя так, что их становится все меньше и меньше. Мы не хотим, чтобы вы исчезли.

2

Воронцов иногда со стыдом признавался себе, что верит в Бога не совсем бескорыстно. Примером ему в жизни служил отец, начавший жизнь в бедности, но трудом и с помощью дальних родственников сумевший разбогатеть, выкупить родовое имение, привести его в порядок, вырастить чудесный сад, воспитавший трех сыновей и дочь и, главное, сумевший вовремя умереть. Его хоронили весной 1914-го, когда была Россия, сыновья служили ей, дочь удачно вышла замуж, появились внуки... Его смерть была какой-то неожиданной и непонятной: не то от воспаления легких, не то от рака, не то еще от какой-то болезни. И лет

было едва за 60. Доктора не могли понять — сын понял. Его Бог прибрал, чтобы отец не увидел ужасный конец семьи и всей России. Погибли на фронте старшие сыновья и зять, после чего сестра заболела неизлечимой нервной болезнью. Чтобы не видел своего разоренного имения, вытоптанного и засохшего сада, где когда-то маленький Максим пропадал в малине или собирал упавшие яблоки... Мать оказалась крепче, прожила еще несколько лет после революции. У женщин другие отношения и с жизнью, и с Богом.

Максим признавался себе, что живет по законам христианским не только потому, что они верны и других нет, а еще и потому, что надеялся на своевременную смерть: и его, как отца, Бог убережет смертью от невыносимой жизни.

Воронцов смерти не боялся.

Не испугал его вызов к Кутепову, даже если там его ждет военно-полевой суд и расстрел.

Генерал жил в удобном, построенном специально для него, скромном домике. Из окон виден почти весь палаточный лагерь с линейками, грибочками, клумбами, далее — неласковый бушующий пролив. С другой стороны дома — строения и палатки для семейных и женщин, хотя для большинства из них генерал сумел найти место в городе, где был и госпиталь.

Оглядев капитана, замечаний не сделал. Сам, как всегда, выбрит, причесан, мундир начищен — хоть на бал.

— Помню вас, капитан, по Перекопу. Вы там восстановили справедливость во время казни большевиков — спасли невиновных.

Наверное, ждал какого-то ответа, но капитан молчал. Тогда генерал продолжил, и в его голосе почувствовалось раздражение:

— Расстрелянных на берегу вы также считаете невиновными? И даже называете меня убийцей?

— Они расстреляны невиновными, ваше превосходительство. А вам не следовало бы поощрять порок доносительства — люди и так развращены до крайности. Пьянство, любовные извращения, злоба на ближнего...

— Вы забываетесь, капитан! Вы — офицер, и не мне объяснять вам принципы воинской дисциплины и необхо-

димось контрразведывательной службы. Я не понимаю другого. Почему вы, такой разумный и принципиальный человек, не видите главного, ради чего я работаю, да и все мы. Главное — это спасти армию, вытесненную из своей страны и выброшенную на пустынную сырую землю полуострова, на грязный берег, в дождь и в холод. Я был потрясен, когда пароходы подошли сюда и предстояло высадить измученных, усталых, полуголодных людей на этот гиблый берег. Но я сразу понял, что людей могла спасти только строжайшая военная дисциплина, только работа по приказу, только жестокие наказания за невыполнение приказов, за нарушение дисциплины. Дисциплина и верность офицерским традициям — только это могло спасти армию. Люди должны были сразу понять это, и они поняли, когда за небольшую провинность я приказал расстрелять тех двоих. Вы их знали?

— Одного знал — хороший командир орудия.

— За эти годы мы с вами потеряли столько хороших офицеров, наших друзей-соратников, что не имеем возможности оплакивать их всех. Да. В первый день я с ужасом смотрел на эту полоску пустынной земли между проливом и горами, но посмотрите теперь. Вы видите настоящий военный лагерь. И я прямо скажу, что во многом моей работе помог страх людей получить от меня суровое наказание. И сейчас «губа» полна. За неотдание воинской чести, за грубые драки, за нецензурщину. Не сошлись в чем-то? Пожалуйста — я разрешил дуэли. Вы глубоко верующий христианин и должны оценить мой приказ обязательно посещать церковные службы по воскресеньям и в праздники. Господин Воронцов, взгляните в результаты нашей работы. Узкоколейка до города, бани, склады, мастерские. Но не это главное — у нас культурный лагерь: библиотека, театр, гимназия, детский сад, академическая группа, технический кружок, футбольный, гимнастический. У нас учится шесть тысяч человек. В том числе юнкера. Выпускаются журналы и рукописные, и литографированные. Я убежден, что мы добились этого только благодаря введенной мной железной воинской дисциплине. В том числе благодаря расстрелу тех двоих в первый день. Кто бы и как бы мог спасти армию другим способом?

— Бог спасает верных ему, и не нам судить, в чем истинное спасение. Сказано: претерпевший же до конца спасется. Антихрист создает хаос на земле под разными названиями: война, революция. Только вера в Бога истинного устанавливает порядок в жизни человеческой. Не антихристов порядок, основанный на страхе и насилии, а христианский, утвержденный на свободе. Только свободный человек спасен, а не тот, которого под страхом смерти заставляли поставить себе палатку, набить матрас травой, а по воскресеньям загоняют в церковь. Нет свободы в вашем лагере, ваше превосходительство. Ваш лагерь — это концлагерь большевиков. Мне пленные рассказывали. Там тоже устраивали концерты и спектакли.

Генерал сделал движение, чтобы подняться из-за стола и указать на дверь, но сдержал себя. Надо пытаться убедить строптивого христианина.

— Мы оба христиане, господин капитан, и вы, и я служим Богу каждый по-своему. Никому не дано присвоить себе единственно верное истолкование слова Божия. Надеюсь, вы с этим согласитесь.

— Я согласен с вами, ваше превосходительство, что, служа Богу, человек может ошибаться. Но надо же служить.

— Мы говорили о лагере, который сумели создать. А знаете, чего мне это стоило? Мы же находимся во Французской зоне оккупации, и все идет через французские власти. Как тут не ошибешься. Легче было бы выиграть сражение, чем выбить паек. На 2 франка в день. 500 граммов хлеба, 200 граммов мясных консервов, 80 граммов риса и так далее. Табак, правда, нерегулярно. Деньги: офицеру 2 лиры в месяц, солдату — одна. Вы видите, что жизнь здесь налаживается. Для госпиталя я сумел договориться о поставке свежего мяса и лимонов. В Татьянин день проведем хороший праздничный парад — это всегда воодушевляет наших людей. Давайте, капитан, работать вместе. Помогите мне вашими христианскими делами: приходите и говорите, если увидите ошибки.

— Нет, ваше превосходительство. Христос и Антихрист не могут идти вместе. Вы развратили людей. Из многих могли в дальнейшем выйти хорошие добрые люди, истин-

ные христиане, а из этих... Я убежден, а впоследствии и вы убедитесь, что из наших галлиполийцев не выйдет ничего. Сколько бы они ни читали Пушкина и ни ставили Островского. Потому что они не свободны. Суть их существования — страх и насилие.

— Идите, капитан, — устало сказал Кутепов и махнул рукой, а когда Воронцов выходил, подумал, что в этот затылок надо бы всадить пулю, но он этого не сделает: пусть живет, смотрит и думает; может быть, поймет.

3

В Татьянин день здесь уже была весна. На солнце блестело все, что в остатках военной формы можно было начистить. Воронцов стоял в строю корниловцев в первой шеренге. Передняя парадная линейка была разбита на восточной стороне лагеря, и в глаза било солнце, поднявшееся из-за невысоких гор. Еще шли первые минуты подготовки: построения, перестроения, перемещения частей. Озабоченные генералы и старшие офицеры суетились между парадными коробками. И вдруг к Максиму Павловичу подошел сам Штейфон — начальник штаба и комендант лагеря.

— А помните, капитан, парад в Харькове 29 июня? — спросил генерал: по-видимому, Кутепов поручил присмотреть. — Я вас помню. Ваши орудия стояли рядом с моим Белозерским полком. У нас еще были такие старинные каски. Помните, как смотрелись полки в форме на Соборной площади?

— С загибом на Никольскую, — напомнил Воронцов — он же был офицер, а парад для офицера — незабываемый праздник.

— Вы, артиллеристы, были в малиновых фуражках с черным околышем. Корниловцы — в таких же фуражках с черно-красными углами на рукавах, марковцы — в черных барашковых папах с белым верхом, с черными погонами; дроздовцы в малиновых фуражках с белым околышем... Да... Это сейчас, кто в чем сумел, но тоже офицеры постарались. Ваш полк сегодня дает обед?

— Вас же пригласили.

— Говорят, там что-то произойдет?

— Не слышал. А в Харькове парадом командовали вы.

— Как и сегодня.

Звучал командирский голос Штейфона, напоминая о победном харьковском лете, высшей точке белого движения, когда Москва была почти в руках.

Парад удался, все было по уставу и по традиции: «Смирно! На караул!», вынос знамен, их освящение в палаточной церкви, вынос икон и хоругвей, «Коль славен», обход Кутеповым фронта... Его, кроме собственной свиты, сопровождали французские офицеры, греческий губернатор и представители Турции.

Наконец, главное: «К церемониальному маршу! Побатальонно!..» И легкая радость возникает в сердце, и ты видишь себя сильным, красивым, мужественным, и тепло в душе от сознания, как много у тебя друзей, идущих в ногу.

Воронцову казалось, что Кутепов и при обходе фронта и во время марша, когда корниловцы маршировали мимо трибуны, смотрел на него с особенным выражением: видишь, мол, как все хорошо, а ты недоволен моей работой.

4

Торжественный обед Корниловского полка состоялся вечером в офицерском собрании — большом усовершенствованном сарае. Стол отличался от обычного ужина фруктами и сладостями и греческой дурманящей «Мастикой», вином для женщин, которые, впрочем, предпочитали крепкое. Воронцов сидел рядом с неунывающим артиллеристом-марковцем капитаном Ларионовым, рассказывавшим о том, как он спасался через перешеек:

— Скачу уже наметом с винтовкой в руках, буденновцы рядом, лица вижу. Одного из винтовки снял, в другого целюсь, а у него наган. Он вдруг наган опустил и кричит: «Не стреляй!» И я не выстрелил. Ускакал.

С другой стороны сидел незнакомый молодой поручик Мохов.

— Давно с нами? — спросил его Воронцов.

— С Орла. Раньше не мог — далеко.

Напротив и чуть наискосок — Кутепов со свитой, где и

Штейфон, и Кривский, и, конечно, хозяин обеда, командир корниловцев генерал Скоблин. Там же, недалеко от генерала, женщина, о которой Воронцов давно думал. Не юная красавица, не опытная в любви цветущая женщина, а драматическая личность, ни с кем не сравнимая, ни на кого не похожая, привлекающая не внешностью, а невероятной судьбой, отпечатавшейся на ее печально спокойном лице. Раздатчица из столовой, женщина-кавалерист Мария Захарченко, на Гражданской войне с 19-го.

Разливали вино, говорили тосты и речи. Отец Максима Воронцова выпивал по бокалу вина лишь на Пасху и на Рождество, остальное время года — абсолютная трезвость. Максим тоже пытался так, но жизнь, наполненная кровью, смертью, убийствами, не позволила отказаться от обманчивого утешения.

Пили за Россию, за Главнокомандующего, конечно, за мудрого спасителя армии Кутепова. Говорили о его военных заслугах. Высказался и сам генерал. Воронцов почувствовал, что кое-какие слова говорят именно для него:

— ... Некоторым не нравится железная дисциплина, установленная в нашем лагере. А ведь именно благодаря дисциплине мы выжили, создали на пустом месте настоящий военный лагерь, спасли Русскую армию и продолжаем ее укреплять для будущих боев за Великую Россию. Мы здесь воспитываем юнкеров, будущих офицеров, и этим еще более усилим наши полки. Из 25 тысяч, высадившихся здесь, в Галлиполи, лишь около двух тысяч не смогли вынести трудностей лагерной жизни. Мы их поселили отдельно, придав статус беженцев. Это в большинстве своем больные люди с психическими отклонениями. Если среди нас еще есть такие, то мы их не держим...

И посмотрел на Воронцова.

После нескольких тостов заспорили, что будут петь. Ларионов требовал марковскую, другие «Олега», многие кричали: «Плевицкую!» Обычно певица отказывалась от пения на подобных застольях, но теперь вдруг охотно поднялась, будто заранее была готова. Откуда-то возник гитарист, и зазвучала ее любимая: «Помню, я еще молодухой была, наша армия в поход далекий шла...» Потом коронный номер: «Замело тебя снегом, Россия, закружило седою

пургой. И холодные ветры степные панихиды поют над тобой...» Сидевший рядом с Плевицкой ее муж капитан Левицкий почему-то был мрачен и, казалось, не слушал пения жены.

Из-за стола поднялся генерал Скоблин — «та же удаль, тот же блеск в его очах» — и речь его заставила всех умолкнуть:

— Господа генералы и офицеры! Друзья! Для многих уже не секрет, что я, русский генерал Скоблин, и великая певица земли русской Надежда Васильевна Плевицкая давно любим друг друга. Константинопольские духовные власти дали Надежде Васильевне разрешение на развод, и мы решили обвенчаться. Посаженным отцом просим быть Александра Павловича Кутепова!

Закричали «ура!», «горько!», брошенный муж попытался ударить певицу. Кутепов закричал:

— Конвой! Вывести капитана Левицкого и на «губу»!

5

Для мужчины женщина — не просто человеческое существо другого пола со всеми физиологическими и психологическими особенностями. Женщина — это чья-то мысль, достигшая сознания мужчины.

После праздничного обеда Воронцов позволил себе подойти на улице к Захарченко, представиться и вступить в разговор.

— Я наблюдал за вами в этот момент, — говорил он, вспоминая эпизод со Скоблиным, — увидел у вас на лице и удивление, и женское сочувствие, но затем мне показалось, что вы не одобряете того, что произошло. Вы против развода?

— Не в этом дело, хотя я отношусь к разводу, как виду измены, «Анна Каренина» — все это баловство. Я думаю о другом — о страшной нашей жизни. О своей жизни. За что мне все это? Росла без матери — мама рано умерла. Да и отец все время был в делах. Росла, как полагается дочери помещика, будущей хозяйке. Любила свое имение, любила лошадей. К людям, которые у нас служили, вообще к крестьянам относилась с уважением. Никому никогда не

сказала плохого слова. За что же они так на нас? На меня? За что громили и грабили наши имения?

— Антихристовы слуги задурили голову русскому мужику, отравили лживой идеей: «грабь награбленное, все твое». Поддался мужик и так же будет страдать, как мы страдали, а то и хуже ему придется.

— Зачем была нужна война? С нее все началось. Мой муж капитан умер от контузии у меня на руках. Родилась дочь, и она умерла. Я не знала, как жить, ради чего, добилась, что меня взяли в гусарский полк. Имею два Георгия. Дальше вы, вероятно, знаете: революция, бегство от своих мужиков. Вышла замуж за друга первого мужа. Он умер от ран в Крыму. Я ношу его фамилию. Работаю в столовой. Люблю смотреть, как едят мужчины.

— Простите, Мария, но я должен вам сказать. Должен признаться в своем чувстве. Жену я оставил, уехав на Дон, к Корнилову, настоящим отношений с женщинами у меня с тех пор не было, и вот, встретив вас...

— Остановитесь. Прошу вас со мной об этом никогда не говорить. Для меня это больше не существует.

6

Настоящая весна запылала в марте. В полном генеральском блеске Кутепов обходил лагерь, выискивая безобразия: на месте ли дежурные по линейкам, ведутся ли плановые работы, не болтаются ли пьяные офицеры, отдается ли честь по уставу. И еще он стал теперь часто заходить в столовую и проверять порядок на кухне. Между горячими чадами приема пищи раздатчица Мария Захарченко помогала поварам. Всегда в белоснежной косынке, в чистейшем халате, всегда с печально-задумчивым лицом. У многих женщин теперь горе и есть о чем задумываться, но, глядя на Марию, Кутепов чувствовал, что ее задумчивость не женская, что она мыслит по-мужски, что с ней можно говорить обо всем.

Обычно обменивался несколькими общими словами. Теперь спросил:

— Если в России по-настоящему развернутся события, поедете?

— С первым пароходом, ваше превосходительство.

— Не называйте меня так, Мария Владиславовна.

— Вы генерал, а я была ординарцем.

— Называйте меня по-штатски: Александр Павлович.

Если с первым пароходом, то поедем вместе.

Зашел в учебную палатку к юнкерам. «Рота, встать, смирно! Ваше превосходительство! В 1-й юнкерской роте командирский час проводит капитан Ларионов!»

— Здравствуйте, господа юнкера!

— Здра-жла-ва-пресходи!

— Вольно. Продолжайте, капитан.

— Кто доложит о событиях в Кронштадте? Докладывайте, юнкер Башков.

— Моряки Балтийского флота восстали против большевистской власти, арестовали коммунистов и призывают весь русский народ бороться против коммунистов и комиссаров. Но они за советскую власть.

— Сколько моряков приняли участие в восстании и сколько кораблей? — спросил Ларионов.

— Около 30 тысяч моряков, 2 линкора и другие корабли.

Кутепов захотелось выступить перед юнкерами.

— Это хорошо, что вы читаете газеты и знаете, что происходит в России, — сказал он. — Но надо не просто читать, а вдумываться. Вот юнкер сказал, что моряки за советскую власть. На словах это так, а на деле совсем не так. Если люди против коммунистов и комиссаров, значит, они против советской власти, потому что коммунисты и комиссары и есть советская власть. Уничтожим их, и в России будет настоящая русская народная власть. С 1 марта Кронштадт свободен от коммунистов. Атаки большевистских войск отражаются. Будем молиться за героических моряков и за их победу. Будем молиться и за победу крестьянской армии Антонова, выступившей на защиту русского крестьянина от коммунистов, которые хотят отнять у крестьян весь хлеб и уморить их голодом. По моим данным, в войсках Антонова около 50 тысяч человек. Они составляют 2 армии и ведут настоящую войну против большевистских войск. Не напрасно мы сохранили здесь нашу русскую армию. Будем надеяться, что всем нам и вам, юнкера, выпадет счастье участвовать в освобождении родины!

Юнкера кричали «ура» и спрашивали, почему до сих пор они не выехали из Галлиполи в Кронштадт. Ларионов, проводив генерала, объявил перерыв и приказал подготовиться к следующим занятиям — строевая подготовка на берегу пролива. Там нашлось место для плаца — вытоптали камни и песок, и получилось плотно и ровно — маршируй. С песней шли по берегу: «Смело мы в бой пойдем...» Навстречу тоже военный строй — французская оккупационная пехота — сенегальцы. Патруль — человек пять.

— Ребят, сережи идут, — закричали юнкера, почему-то прозвавшие сенегальцев сережами.

— Все негры — большевики. В атаку на них!

Ларионов сам совсем недавно был юнкером и лояльно командовал:

— Вольно! Разойдись!

Юнкера ринулись на патруль с криками «Ура!», «Бей большевиков!», «Да здравствует свободный Кронштадт!»

Сенегальцы не первый раз сталкивались с этим хулиганством и знали, как спастись: бежать в море. Ларионов знал, что будет жалоба, что вызовет генерал и шутя пожурит.

Генерал вызвал после обеда, но не шутил, не журил, вообще не вспоминал о юнкерских проказах.

— Кронштадт пал, — сказал Кутепов. — Передайте юнкерам благодарность за отличную учебу. Объясните, что Кронштадт — это еще не все. Есть Антонов⁴⁷, есть Россия, которая будет бороться.

7

Двадцать дней кронштадтского восстания заставили генерала о многом подумать. Когда кронштадтцы отбивались, уже поневоле приходили мысли о судах, которые сейчас необходимы для перевозки туда армии. Взять Кронштадт, взять Петроград, и Россия наша. Хотел ехать к Врангелю — тот тоже мог что-нибудь предпринять. Теперь пришлось ехать по другому поводу: французы решили избавиться от русской армии. Начали с казаков, располжившихся на острове Лемнос. Затем распустили слух, что с 1 апреля прекращается выдача пайка. А когда Кутепов

уехал, возник еще слух: обратно из Константинополя его не выпустят.

Когда Кронштадт еще вселял надежды, естественно, возникали мысли о своем месте в будущих событиях. Кутепов чувствовал недоброжелательное отношение Врангеля еще с весны, когда решался вопрос, кто заменит Деникина. Конечно, ему нашептали, что Кутепов рвался к власти, и если бы сейчас снова создавалась армия, Главнокомандующий мог и не дать ему заслуженное место. Теперь хорошо, потому что все очень плохо, и без Кутепова не будет Галлиполи, не будет армии.

Клочок российской территории, принадлежащий Белой армии, — яхта «Лукулл», на которой жил и работал Врангель. Здесь помещалось человек 50—60 команды, конвоя, штаба. Здесь Главнокомандующий принял и Кутепова.

По традиции подали самовар, водку, калачи — истинная Россия здесь!

— Итак, Александр Павлович, с тяжелым сердцем приходится признать, что единственной реальной антибольшевистской силой сегодня опять является наша с вами армия.

«Наша с вами», — мысленно отметил Кутепов.

— Я знаю о тяжелом положении в лагере, — продолжал Врангель, — и принимаю меры. Прежде всего — деньги. Основные денежные средства находятся в руках бывших послов бывшей России. Они образовали Совет послов, а при нем — Финансовый совет, куда вошли представители некоторых общественных организаций, например, Красного Креста, но, к сожалению, нас, представителей Главного армейского командования, не пригласили. Поэтому пришлось вести напряженные переговоры с французами, и удалось договориться, что в ближайшие месяцы паек будет регулярно поступать, и наша армия, в том числе и казаки, не будет подвергаться каким-либо административным ограничениям.

— Будем надеяться на это, — сказал Кутепов, прекрасно зная, что французы обычно договариваются лично с ним, а не с Врангелем. — Трудности с продовольствием не только отрицательно влияют на настроение армии, но и используются агитаторами, в том числе и большевистскими.

А таковые появляются. Если вы обо всем договорились, то я могу возвращаться.

— Я договорился, но, по-моему, вам следует здесь, в Константинополе, посетить начальника штаба французских войск — генерала Депре.

— Так я и сделаю.

Кутепов знал цену врангелевским договоренностям, но его волновало еще и другое, может быть, даже более важное, чем продукты или армия. Чья это армия? Главнокомандующий известен — Врангель, хотя французы и не пускают его в Галлиполи. А кто над ним? Кому он подчинен? В Крыму был Верховным правителем, а теперь Верховный правитель яхты «Лукулл»?

— Петр Николаевич, я получил документ о создании Русского совета и хотел бы уточнить?

Зачем он придумал этот Совет. Ведь в эмиграции живут и здравствуют многие представители бывшей законной российской власти: и великие князья Романовы, и известные депутаты Государственной думы, и члены Учредительного собрания, — а он создает какой-то свой непонятный политический орган.

Врангель объяснял многословно, и его объяснения не раскрывали истинной цели создания Совета. Говорил о необходимости объединения истинных патриотов, о привлечении различных антибольшевистских партий — от социал-демократов, меньшевиков до умеренно правых.

— На армию нападают со всех сторон, — говорил Врангель. — Одни требуют демократизации, другие, наоборот, считают нас с вами либералами. Пройдя через горнило бедствий, потоки крови, через Временное правительство, всякие комитеты, они хотят теперь снова повторить тяжелые ошибки прошлого. Передавать армию в руки каких-то комитетов я не имею нравственного права, и на это никогда не пойду. Мы должны сохранить то знамя, которое вынесли. Разве может даже идти речь о том, чтобы армия находилась в зависимости от комитетов, выдвинутых совещанием учредителей, в рядах которых находятся Милюков, Керенский и присные, именно те, кто уничтожил, опозорил армию, кто, несмотря на все уроки, продолжает вести против нее войну. Вы понимаете меня, Александр Павлович?

— Это я понимаю.

— И в создаваемом Русском совете большое место занимают представители Главного военного командования. Разумеется, вы войдете. Членов Совета от военных назначает Главнокомандующий. Председателем Совета буду я...

Вот это генерал понимал прекрасно. Побывав Верховным правителем Крыма, барон все еще мечтает стать Верховным правителем России! Начинает с создания Русского совета под своим председательством. Мешать нельзя — у него хватит возможностей оторвать Кутепова от армии. Нельзя и помогать. Надо исполнять свой долг, наблюдать и молчать.

И все же весна продолжалась. Кутепов договорился с французами по всем вопросам, возвращался с победой, и встречать его на набережную высыпал чуть ли не весь лагерь. Пароход еще не прибыл, и встречающие прогуливались, радуясь весенней погоде, распускающимся листочкам на маслинах, тамарисках и других деревцах, непривычных русскому глазу. Юнкера пели песни то боевые, то полупохабные, то устраивали кошачий концерт. Воронцов и Мария Захарченко вышли к морю. Он обещал ей не говорить об э т о м, и они иногда встречались.

— Женщина-воин для меня загадка, — говорил Максим Павлович. — Ведь войны — это убийство человека.

— Вы считаете, что только мужчинам дозволен этот грех?

— Но само ощущение убийства живого! Ведь оно потрясает человека, становящегося убийцей не в ссоре, не в силу какой-то ненависти к данному человеку, а по приказу. Он убивает того, кто ему совершенно неизвестен, и лично против кого ничего не имеет. Никакой злобы или ненависти. И сам процесс убийства. Особенно в рукопашной. Я был артиллеристом, но участвовал и в атаках пехоты и в рукопашном бою, приходилось и пленным расстреливать. Я испытывал сильные нервные потрясения. Только в артиллерии хорошо — ты даже не видишь, кого убиваешь.

— По-моему, в этом и мужчины и женщины одинаково

вы. У нас в полку была медсестра, которая всегда участвовала в расстрелах пленных. И штыком работала. А другие женщины приходят в ужас при виде убийства, их тошнит, они теряют сознание. Да и у мужчин такое бывает.

— На большой войне вы же были в гусарах. Приходилось рубить?

— Там как-то не удавалось. Такие были странные атаки: «Ура», чуть разогнались, а противник уже в бегство. Но в гражданской было все. Вы, Максим Павлович, ошибаетесь, утверждая, что в бою убиваешь незнакомца, против которого не имеешь никакого чувства злости или ненависти. Ошибаетесь. Я так наполнена злом, что не осталось места больше ни для каких чувств. Я ненавижу каждого с той, красной, стороны. Они отняли у меня все. За что они лишили меня родного дома? Лишили родины? Убили второго мужа. Он умер от ран в Крыму в страшных мучениях. Я тоже там едва не погибла. Поэтому я в любую минуту готова убивать их. И рубить, и расстреливать, и колоть.

— А Бог?

Она не успела ответить, а может быть, он не услышал — толпа закричала: «Ура! Приехал!» Мария счастливо улыбалась и тоже кричала. Совсем молодая красивая женщина. Ей всего 27.

Кутепов вышел на набережную, как всегда прибранный, как на парад, с довольной, хитровой улыбкой. Штейфон подошел с рапортом, и тут же толпа офицеров окружила их и подняла генерала. Его вносили в город на руках. Кричали: «Ура Кутепову!»

— Ура Русской армии! — крикнул он в ответ. — Крепите дисциплину, господа, и тогда мы сохраним и армию, и Россию!

Многие сопровождали процессию с генералом, другие стояли на тротуарах восторженными зрителями, как Воронцов с Марией. Генерала несли совсем рядом с ними, и Воронцов приветственно махал ему рукой. Кутепов заметил его, и Максим Павлович прочитал на его лице: «Теперь ты видишь, что я прав?» Генерал перевел взгляд на Марию, стоявшую рядом с Воронцовым, и лицо его словно туча заслонила. Нахмурился и отвернулся. Почему?

Появились приметы: если Кутепов утром появляется в лагере в дроздовской малиновой фуражке с белым околышем, а в теплую погоду и в белой гимнастерке, значит, у генерала прекрасное настроение; если в малиново-черной корниловской фуражке и с «ударными» черно-красными углами на рукавах — все может случиться, как бывает, когда стрелка на барометре показывает «переменно»; если же в марковской черной с белым верхом, то сразу исчезай с глаз, иначе окажешься на «губе», а за что — найдет.

Несколько дней подряд носил он марковскую папаху и всегда столовую миновал, не заходя. В один такой пасмурный апрельский день прошел по лагерю, нарушений не заметил, но встретил Воронцова с газетой — капитан считал постыдным прятаться от начальника. Воронцов переложил газету в левую руку, правой отдал честь. Кутепов остановил его и спросил:

— Какую газету читаете, капитан? Разрешите посмотреть. «Воля России»? Ее в руки противно брать. Вот откуда у вас ненависть к нашему лагерю. Это ваши друзья расписывают то, как я бью офицеров палкой и вешаю на передней линейке? Вы видели в лагере виселицу?

— Нет, ваше превосходительство.

— Зачем же вы читаете этот клеветнический листок? И другим, наверное, даете. Ее бы разорвать и сжечь, но я не стану этого делать. Берите, читайте. Набирайте материал против меня и нашей работы.

Дальше не пошел. Вернулся к себе. У дома на скамейке ждали Белов и Кривский. Штабс-капитан Белов был хорош тем, что всегда знал все о всех. Например, можно было узнать у него, что вчера говорил о генерале Кутепове Штейфон, выпивая со своим адъютантом, к какой женщине в город ездит этот мудрый поручик Кривский. Но почему-то нельзя его спросить об отношениях Воронцова с Марией Захарченко.

— У кого разговор короче? — поинтересовался Кутепов.

— У штабс-капитана, — сказал Кривский.

— Почему это вы так? — обиделся Белов.

— Знаю. Старый разведчик.

— Тогда заходите вы, штабс-капитан.

Денщик Самушкин заканчивал мыть полы, заторопился и быстро покинул комнаты. Генерал пригласил Белова в кабинет. У того был письменный донос:

— Я, ваше превосходительство, записал, потому что здесь дело для военно-полевого суда — преступная агитация. Да и повторять такое мне совесть не позволяет.

Генерал прочитал донос на полковника Щеглова, распространяющего слухи о том, что Кутепов получает 200 лир в месяц, имеет стадо баранов и состоит пайщиком гарнизонной столовой. О Врангеле Щеглов говорил, что тот имеет мануфактурный магазин в Константинополе. Выражал недовольство порядками в армии, когда старшие офицеры должны служить рядовыми. Говорил, что большинство русских офицеров с высшим образованием служат в Красной армии.

Резолюция была короткой: «Генералу Штейфону. Арестовать, допросить, в случае подтверждения фактов предать военно-полевному суду. Кутепов».

— И еще, ваше превосходительство. Поручик Мохов распространяет слухи, будто советская власть объявила амнистию солдатам, и будто наши солдаты могут свободно ехать в Россию, и вы, ваше превосходительство, не имеете права их задерживать.

— Господин Белов, — сказал Кутепов, разглядывая бумагу на столе, — в дальнейшем прошу подобную информацию докладывать полковнику Самохвалову, за исключением того, что касается лично меня. Мохова я вызову.

Разговор с Кривским был интереснее. Тот начал без вступления:

— Ваше превосходительство, Александр Павлович, сегодня каждый понимает, что единственный талантливый, решительный и смелый полководец в русской армии — это генерал Кутепов. Ваши отношения с французским командованием показали, что вы еще и блестящий политик. То, что Врангель считается Главнокомандующим, — недоразумение. Свою политическую бездарность он показал, будучи Правителем Крыма, а военную — Заднепровской операцией, Перекопом и вообще всеми своими попытками руководить действующей армией. Меня уполномочила гово-

рить с вами группа офицеров. Почти все те же, что поддерживали вас весной прошлого года, когда уходил Деникин. Сегодня мы считаем вас единственным вождем армии, а в дальнейшем — Правителем, диктатором России. Французы собираются лишить Врангеля должности Главнокомандующего — вы займете его место. Это — первый шаг.

Кутепов не умел возражать, когда ему о нем самом говорили хорошие слова. Но по делу пришлось не соглашаться.

— Врангель нам сегодня нужен, Миша. Дело в том, что нам грозит расформирование. У Врангеля хороший штаб — Шатилов и другие. Сейчас он посылает миссию в славянские страны для переговоров о возможности перевода армии к ним — в Болгарию, Сербию... У меня пока таких возможностей нет... Сегодня мы без Врангеля не обойдемся.

— Мы предполагали такой ваш ответ, и у нас есть другой вариант. По предложению офицеров армии здесь создается Рыцарский орден имени святого Александра Невского. Руководителем Ордена, конечно, будете вы. Лозунги Ордена: «Бескорыстное служение Родине», «Неустанная борьба с палачами народа русского и врагами христианства», «Беспрерывная работа над собой, борьба со своими дурными привычками и наклонностями». Принимать в Орден будем тех, кто проникнется задачами и целью Ордена, уверует в необходимость и спасительность этой идеи после того, как проверит себя. Никаких прав и преимуществ Орден не будет давать, лишь обязанности, и обязанности далеко не легкие. Почему мы выбрали Александра Невского? Мы считаем, что в его личности воплотился идеал и властителя, и гражданина, и воина, и христианина. Так же как и в вас, Александр Павлович!

10

Поручик Мохов считал, что ничем не заслужил такой ужасной казни: вечером в палатке, прежде чем лечь спать, надо обязательно осторожно поднять одеяло — не забралось ли туда змеи. Их выгоняли палками, шашками, а то и штыками.

Утром поднимали в 6 и гнали на какие-нибудь тяжелые работы — носить, копать, строить... Еда — бурда, целый

день ходишь полуголодный. Хорошо иногда благодетели, дальние родственники, присылают из Константинополя несколько лир — можно отправиться в город на рынок. Можно и не на рынок, если есть лиры. На набережной теперь — «Невский проспект Туретчины». В воскресенье — и газеты, и музыка, и, главное, женщины. И не все продажные. Но лир давно не было.

Вдруг его вызвал сам Кутепов, причем, опытные офицеры предупредили, что генерал с утра в марковской форме и свирепствует как бешеный зверь.

Между тем по лагерю прогуливались Воронцов и Мария, а на письменном столе генерала лежали некоторые бумаги, например, доклад о полковнике Щеглове и его искреннее признание с объяснениями. Рядом — французская нота:

«Генерал Врангель организовал в Константинополе нечто вроде русского правительства и претендует сохранить войска, вывезенные им из Крыма, как организованную армию. Не предусмотрено никаких кредитов для удовлетворения какой бы то ни было русской армии, находящейся на территории Константинополя. Существование на турецкой территории подобной армии было бы противно международному праву. Оно опасно для мира и спокойствия Константинополя и его окрестностей, где порядок с трудом обеспечивается союзнической оккупацией. Ввиду поведения генерала Врангеля и его штаба наша международная ответственность заставляет нас освободить эвакуированных из Крыма от воздействия ген. Врангеля — воздействия, осужденного всеми серьезными русскими группами. Не оказывая никакого давления на самого ген. Врангеля и его офицеров, необходимо разорвать их связь с солдатами. Никакого принуждения не будет допущено над эвакуированными для побуждения их вернуться в Россию; им будет предоставлена полная свобода эмиграции в Бразилию или поиска себе заработка в других странах. Все русские, находящиеся в лагерях, должны знать, что не существует больше армии Врангеля, что бывшие их начальники не могут ими больше распоряжаться и что впредь они совершенно свободны в своих решениях. Франция, более пяти месяцев помогавшая им ценой больших затруднений и тяжелых

жертв, достигла пределов своих возможностей и не в состоянии более заботиться об их довольствии в лагерях. Франция, спасшая их жизнь, со спокойной совестью предоставляет им самим заботиться о себе».

Мохов сконцентрировал весь свой строевой талант и, подходя к генералу, «давал» ногу, как на Царскосельском параде. Кутепов не усадил его, как других посетителей, а только буркнул: «Вольно». Осмотрел поручика критически и начал не разговор, а допрос:

— Говорили с солдатами о возвращении в Россию?

— Так точно, ваше превосходительство.

— Французскую ноту читали? Солдатам рассказывали?

— Ваше превосходительство, ноту они сами читали — ее французы распространяют по лагерю.

— Значит, они знают, что их начальники больше не могут ими распоряжаться, что армии больше не существует? — Кутепов вдруг стал говорить негромко, как будто даже спокойно, чуть ли не доброжелательно.

— Они читали, ваше превосходительство. Некоторые так и думают. Пишут рапорты о переходе в беженцы.

— Думают, что я больше не могу распоряжаться лагерем? — спросил так же вкрадчиво тихо, и вдруг взрыв! — Смотрите, поручик, как я не могу распоряжаться! Вот докладная и другие материалы по делу полковника Щеглова. Вот он сам пишет: «О генерале Кутепове я действительно говорил как ходящий слух, что он получает жалованье 200 лир в месяц, что имеет стадо баранов... Мы же все офицеры... остаемся нищими... я случайно попал в армию... хотел же оставаться беженцем...» Еще здесь о Врангеле клевета, оскорбления. Я, который не может распоряжаться, пишу: «Предать военно-полевому суду». И я знаю, какой будет приговор: смертная казнь! Вот так я не могу распоряжаться! И вы, поручик, идете по этой дороге. Зачем убеждали солдат, что им лучше вернуться в Россию?

— Ваше превосходительство, я не убеждал. Я, наоборот, говорил, что их примут с музыкой, а потом расстреляют. Ваше превосходительство... Я понял. Донос. Я знаю, кто донес. У нас с ним конфликт по поводу певички был. Я его убью.

— За убийство я вас расстреляю.

— Я вызову этого штабс-капитана на дуэль. Вы же решили...

Наконец-то Мохов мог дать волю своей ненависти к этой страшной жизни. Какая сволочь этот Белов. Сам встрял в разговор и провоцировал. Дуэль любая разрешена — на винтовках, на штыках... Все равно он его прикончит.

Нашел штабс-капитана возле столовой в группе офицеров, дымящих папиросами и самокрутками из пахучего турецкого табака.

— Господин штабс-капитан, можно вас на минутку?

— Пожалуйста.

Руку Мохов не сложил в кулак, чтобы можно было посчитать пощечиной, но удар получился чувствительный — если бы не деревце, свалился бы штабс-капитан.

— Господа, прекратить драку! — крикнул старший по званию.

— Это не драка, а пощечина, — оправдывался Мохов.

— Дуэль... Дуэль... — закричали офицеры.

11

Дуэль на штыках между Моховым и Беловым происходила в 5 часов утра на берегу пролива. Восход еще алел на вершинах гор. Воронцов согласился быть секундантом у Мохова — после торжественного обеда они подружились.

— Кстати, — вспомнил Мохов, — почему муж Плевицкой не вызвал Скоблина?

— А вдруг убил бы?

И оба рассмеялись. Они стояли вдвоем на берегу — противник только появился вдалеке.

— И вам смешно? — удивился Воронцов.

— Нервное нетерпение. Не могу дождаться момента, когда проткну этого лживого соглядата, продажного шпиона. Из-за девки накатал на меня донос. На набережной втроем с ней ходили, она выбрала меня — он едва заикаться не начал: как же так? Он же штабс-капитан, у него лир много. Наверное, приплачивают за то, что шпионит за нами.

— Не слишком ли уверены в победе?

— Без уверенности не победишь. А этого шпиончика я запросто уложу. Лишь бы не мешали.

— Убить не дадут.

— А жаль.

Подошел с неподвижно бледным лицом обреченного Белов. С ним секундант — штабс-капитан Лентулов, и судья поединка — поручик Кривский. Судья, как водится, начал с попытки примирения противников.

— Я ничего не имею против поручика Мохова, — сказал Белов. — Готов забыть обиду.

— А я имею! — вызывающе заявил Мохов. — Забудет эту пощечину — дам другую.

Тем временем подходили зрители офицеры. Человек 20. Солнце уже поднялось из-за гор, и судья сосредоточенно выбирал места дуэлянтов, чтобы солнце не светило им в глаза. Потом проверил крепление и заточку штыков, объявил, что дуэль будет продолжаться до первой крови, и развел противников. Все замерли — сейчас начнется.

— Сходитесь! — скомандовал Кривский. — Бой!

Мохов пошел на противника тем крепким упругим шагом, каким шагают в бою, в цепи. При таком шаге легко перейти в бег, нанести удар или залечь. Белов приближался осторожно, глядя на противника с ненавистью и страхом. Первые выпады винтовок, первые звуки ударов металла о металл. Поединок на штыках похож на поединок шпажистов тем, что и здесь, и там каждый хочет нанести прямой колющий удар, а противник отбивает оружие в сторону. Неспециалисты всегда со скучным удивлением смотрят, как дуэлянты без конца скрещивают шпаги. Здесь все произошло быстро.

Мохов сильнее ударом отбил винтовку Белова вправо и вниз до земли так, что противник едва ее не уронил. При этом Белов наклонился, открыв грудь и лицо. Мохов молниеносно отвел свою винтовку назад и сделал сильный выпад в лицо противнику. Того спасли сантиметры: штык попал не в глаз, не в щеку, не в шейную артерию, а ковырнул шею сбоку под самым ухом. Белов упал с криком боли, брызнула кровь. Кривский одним прыжком оказался между противниками и крикнул:

— Стой! Дуэль окончена. Победил поручик Мохов.

— Если б штабс-капитан не поскользнулся, — проворчал секундант Лентулов.

— Тогда бы я его проткнул насквозь, — сказал Мохов. — Могу попробовать с вами. Тем более, если вы друзья с господином Беловым.

— Я не вижу причин для ссоры с вами, — сказал Лентулов и поспешил отойти подальше от поручика.

По дороге в лагерь Мохов объяснял Кривскому свое отношение к Белову:

— Офицер-доносчик. Разве это естественно? Это соответствует офицерской чести? И, главное, донос — лживый. Будто я уговаривал солдат вернуться в Советскую Россию. Я им говорил, что их там встретят с музыкой и поведут на расстрел. Да они и сами знают. Как я могу быть за красных, когда мы, Моховы — старейший дворянский род в Орловской губернии? Общались с Тургеневыми, Шеншинными, в Ясную Поляну ездили. А он, мерзавец, сочиняет донос из-за того, что девка с набережной выбрала меня, а не его. Как я могу быть за красных? Вы же видели меня, когда Ростов зимой брали. Вы тогда к нашим цепям подходили. Такой хороший был бой, и все напрасно. Из-за казаков пришлось отступить. Этот Белов сам, наверное, за красных и по заданию Чека ссорит офицеров.

— Белов, конечно, не чекист, — возразил Кривский, — но знаете, поручик, среди нас есть чекисты. Нам об этом сообщили из Москвы. Там знают все, что делается в Галлиполи.

12

С наступлением лета он почти всегда ходил в корниловской форме и часто улыбался. Денщик Федор не мог нарадоваться: все у хозяина хорошо, значит, и у него хорошо.

Французская нота оказалась пустой бумажкой. Герой большой войны и «чуда на Висле» генерал Вейган обещал Врангелю содействие, и армию с довольствия не сняли. Генерал Миллер, командующий на Гражданской войне Северной армией, получил 600 тыс. долларов от русского посла в США, у которого остались средства не только царские, но и Временного правительства и даже правительства Колчака. Миллион франков перевел на нужды армии русский агент в Токио. К тому же Врангель объявил рас-

продажу невостребованных ценностей Петроградской ссудной кассы, эвакуированной в Сербию. Армия жила и даже строила себе памятник.

Проект утвердил Кутепов: каменный курган, а на нем — небольшой мраморный крест. Каждый обитатель лагеря Галлиполи должен был принести камень весом не менее 4 килограмм.

Памятник рос. Цвели цитрусовые, черешни, персики, абрикосы. За городом в степи щедро цвел шиповник. Генерал выезжал в одиночестве на автомобильную прогулку не для любования цветочками, а чтобы спокойно обдумывать происходящее.

Орден Александра Невского создавать рано — Врангель поймет, что это против него. Однако надо признать, что, кроме Кутепова, нет генерала, который мог бы командовать войсками в будущей войне с красными. И после обязательной победы он один может стать диктатором России. Он знает, как наводить порядок в этой стране. Но власть... Напрасно и барон мечтает. Есть великие князья Романовы: и Николай Николаевич, и Кирилл Владимирович. На высшую власть генерал Кутепов не претендует, но эта высшая власть без него не сможет существовать. Вот Врангель... С ним надо быть очень осторожным.

Возвращение в лагерь — возвращение к неразрешимым проблемам. На этот раз совершенно неразрешимым. Те же осколки солнца гребешками в проливе, те же алые пятна цветущего шиповника в горах, та же радостная мысль о скором приезде Лиды, но у штаба стоял Штейфон с потемневшим от надвигающихся бед лицом.

— Александр Павлович, вы сейчас не ехали через порт? Не видели болгарский пароход?

— Не видел. А что это за объявление вывешено у дверей штаба? Разве я приказывал?

— Это и есть объявление о пароходе. Французы приклеили, и офицер просил под мою ответственность, чтобы не срывали. Объявляется набор желающих уехать из лагеря на работу в Болгарию. Здесь указано, что русское командование не имеет права препятствовать людям уезжать.

Кутепов просмотрел объявление, вздернул бородку, посмотрел на Штейфона так, будто он в чем-то виноват, и

молча направился к своему дому. Пройдя несколько шагов, обернулся и сказал:

— Никаких мер не принимать. Пусть уезжают.

13

Утром дежурный доложил, что на пароход погрузились более 700 человек и люди продолжают туда идти. В лагере — смятение, собираются группами, обсуждают.

— У вас все? — спросил генерал.

— Так точно.

— Тогда возьмите этот приказ — я его подписал. Передайте генералу Штейфону. Пусть оформит и немедленно доведет до сведения всех офицеров и солдат лагеря.

Прибежал взволнованный Штейфон.

— Александр Павлович, — воскликнул он. — Они уйдут все. Они устали от недоедания и дисциплины. Сегодня брошены все работы. Даже камни к памятнику не носят.

— Мы с вами, Борис Александрович, не поедем в Болгарию? Нет? И кроме нас, еще кто-нибудь не поедет. Так давайте же работать.

— Но вы же дали пять дней свободного выезда с 23 мая по 27-е! За эти дни могут уехать все.

— Да. По 27-е. Уехавшие позже считаются дезертирами. В лагере сейчас почти 8 тысяч русских офицеров. Никогда не было и не будет, чтобы тысячи русских офицеров добровольно, без всяких угроз сорвали с себя погоны ради того, чтобы превратиться в чернорабочих. У нас с вами много работы. Надо заканчивать памятник. Скоро придет Лида, и я обещал ей показать готовый памятник и организовать торжественное открытие. Давайте подумаем, как это лучше сделать.

27-го Кутепов поздравлял Штейфона, посмеиваясь: в Болгарию выехали всего 2000, в большинстве своем солдаты.

14

Излюбленное место прогулок — окраина лагеря со стороны пролива. Можно увидеть огромный красный шар солнца на закате, быстро тонущий в море за скалами, мож-

374

но, пригнувшись к земле, заметить волшебный зеленый луч. Мохов доказывал Воронцову, что видел зеленый луч, и теперь его ожидает счастье.

— Почему не уехали в Болгарию? — спросил Воронцов. — Вы молоды, у вас все впереди, и счастье бы нашли.

— Я русский офицер и, надеюсь, в Европе найду для себя место. Может быть, вы поможете? Вы тоже ведь не захотели в рабочие.

— Я здесь остался... Вам, Коля, не понять. Я остался здесь как христианин, чтобы противостоять антихристу. Кажется, мне удастся.

Быстро наступила темная ночь с далекими предгрозовыми зарницами, и пришлось Воронцову объяснять своему незнающему спутнику, почему на юге сумерки такие короткие и вечер сразу переходит в ночь. За разговорами не так свернули и вышли к дому Кутепова. Из окон падал свет. У крыльца сидел денщик Федор. Он вежливо поднялся и отдал честь.

— Ладишь с генералом, Федор? — спросил Мохов.

— Нынче генерал добрый. «Боже, царя храни» напевает. Генеральша же приехала. Но теперь новый распорядок: по вечерам его превосходительство один гуляет по лагерю. Вот сейчас будет выходить. Вы, господа офицеры, ежели не к нему, так шли бы.

— Вы идите, Мохов, а я хочу обратиться к генералу. Неотложно. Целый вечер думаю.

Мохов ушел. Воронцов встретил генерала шагах в двадцати от дома.

— Ваше превосходительство, разрешите обратиться по неотложному вопросу?

— Дня нет? В чем дело, господин Воронцов? Церковные каноны нарушены?

— Боюсь, будут Божьи законы нарушены. У вас лежит на утверждении приговор Щеглову. Человеку всего 45 лет, но он устал от нашей жизни. У него нет близких. Нервное расстройство. Стал сплетничать. Сам признался и раскаялся. Многие офицеры ждут, что вы отмените смертный приговор.

— Подумаю. Спокойной ночи.

Отвыкший от общества жены, генерал один гулял по вечерам, обдумывая дела армии, которые были не так уж хороши.

375

К концу года лагерь придется закрывать. Врангель и Шатилов договариваются о переводе войск в Болгарию и Сербию. Войска останутся армейским корпусом, и у Врангеля не будет повода снять его, Кутепова, с должности. Однако следующим шагом, по-видимому, будет роспуск армии, и этого допустить нельзя. Надо думать. В России Ленин объявил нэп, разрешили торговлю, антоновцев разгромили. Единственно что можно сделать сейчас, — это высадиться на Кавказ и Кубань. Там острое недовольство центральной властью. Думай же, генерал от инфантерии Кутепов. Если армия бездействует, то армии нет. Если нет армии — нет и тебя.

Он вышел в степь, над горизонтом вспыхнула ослепительная зарница. Густой предгрозовой ветер ударил в лицо мелкой цветочной пылью. Из темноты появилась женская фигура. Он узнал Марию Захарченко.

— Добрый вечер, Александр Павлович. Один гуляете?

— Так же, как и вы.

— У меня никого нет. Я всегда одна.

— Несколько раз встречал вас с одним офицером.

— А-а... с Максимом Павловичем. Мы с ним разговариваем о войне. Он никак не может смириться с тем, что я женщина-солдат. Стреляю и рублю не хуже мужчины. Других разговоров у нас с ним нет. А к вам жена приехала, а вы один.

— С ней я днем гуляю.

— Я рада за вас. И за себя.

— Почему за себя? Не понимаю вас, Мария.

— Вы — единственный мужчина, о котором я думаю, как о мужчине. Вы — настоящий воин, смелый в бою и не боящийся чужой крови, как большинство этих интеллигентов. Пока вы были одни, я мучилась и боролась с собой. Боялась, что вдруг потеряю стыд и приду к вам. Хорошо, что она приехала. Прощайте.

Мария вдруг приблизилась к нему, поцеловала куда-то рядом с бородой, засмеялась и исчезла во тьме.

Он вернулся домой в состоянии, которое не смог бы объяснить словами, но знал, что все его дела верны, все его мысли точны, все его поступки необходимы. Взял смертный приговор военно-полевого суда полковнику Щеглову и решительно написал: «Утверждаю. Кутепов».

Полковника расстреляли в два часа ночи. Рассказывали, что он до последней секунды надеялся на помилование.

12 июля состоялось производство юнкеров в офицеры. Все происходило по традиции: вынос знамен, поздравление генерала, вызов юнкера из строя и вручение ему погон подпоручика, а главное — солнце целый день, и, конечно, блестящий парад под оркестр.

После торжеств еще толпились на плацу. Воронцов подошел к Марии — нельзя было не увидеть ее счастливую улыбку, превращающую ее в девушку, едва ли не в девочку. Максима Павловича она приветствовала такой же счастливой улыбкой.

— Какой чудесный праздник, — сказала она, — и сегодня как раз день ангела Александра Павловича. Он приглашает всех офицеров.

— Здесь я был обязан присутствовать по долгу службы — туда я не пойду.

— Не ходите, — Мария презрительно шевельнула губкой, — вас никто не тащит. Я знаю, что вы не любите генерала. И знаю, почему.

— Почему же?

— Не скажу. А на открытие памятника 16-го придете? Или по долгу службы? Да. Июль — месяц праздников.

Не может какой-то угрюмый капитан испортить настроение Марии.

— Да. Июль — месяц праздников, — согласился Воронцов, — и начался он с того, что в ночь на 1 июля расстреляли полковника Щеглова.

Мария перестала улыбаться.

— Он посмел выступить против генерала Кутепова, — со злостью сказала она. — Так будет с каждым, кто посмеет. Сама буду расстреливать. Берегитесь, Максим Павлович.

Она отошла от Воронцова, увидела оживленного Кутепова, стоящего в кругу офицеров, и вновь на ее лице возникла улыбка счастья.

16 июля памятник был открыт. Каменный конус около 5 метров высоты с мраморным крестом на вершине. Воронцову хотелось сказать — не с крестом, а с крестиком. Не пропорционально мал казался этот общехристианский равноконечный крест. Может быть, символично? Может быть, мало христианского духа в том, что люди захотели увековечить памятником?

16 декабря Кутепов прощался с лагерем и с памятником. В такой же день со штормовым морем помойно-свинцового цвета, в какой год назад здесь все начиналось. С группой уезжающих офицеров подошли к памятнику, подумали, вздохнули, поговорили. У многих на груди — памятные черные крестики с надписью «Галлиполи 1920—1921».

— Вы целый год несли крест, — сказал Кутепов, — теперь этот крест вы носите на груди. Объедините же вокруг этого креста русских людей...

Воронцов и Мохов стояли сзади, в стороне от других.

— Египетским пирамидам более 40 веков, — проговорил мрачно Воронцов, — их камни скрепила великая вера великого народа. Эти камни скреплены воинской дисциплиной, и они развалятся через несколько лет.

— А надпись, а память? — возмутился Мохов.

— Да. Надпись.

«Первый корпус Русской армии своим братьям-воинам, в борьбе за честь Родины нашедшим вечный приют на чужбине в 1920—1921 годах и в 1845—1855 годах в памяти своих предков-запорожцев, умерших в турецком плену».

— В памяти России останется страшная Гражданская война, но я не хочу, чтобы героем войны в памяти остался Кутепов.

— Недобры вы к генералу.

— Вы знаете, что я прав.

— Пожалуй. Жаль, что вон тот негодяй остался с нами, — Мохов указал на Белова. — И его начальник Самохвалов. Он же теперь контрразведка генерала Кутепова. А вы, Максим Павлович, неужели останетесь в этой армии неизвестно какого государства?

— Не знаю. Уйти в монастырь или продолжить борьбу с миром антихриста?

— А если продолжить, то где? Я мечтаю куда-нибудь рвануть отсюда. Мои благодетели обещали собрать денег на дорогу до Парижа или Берлина. Обязательно куда-нибудь уеду. Не в нищей же разбитой Болгарии прозябать. Я молодой, хваткий, найду, как заработать.

— Тогда поезжайте в Париж. У меня есть друг, он сейчас, по-видимому, там и обладает средствами. Офицер. Но я знаю только имя и фамилию.

— Русского человека найти в Париже по имени и фамилии — самое легкое дело. Едем вместе.

Пароход шел на Восток, ближе к России, и Кутепов смотрел в ту сторону, придерживая фуражку от неприятного ветра с морскими брызгами, и море, и небо были окрашены в один противный помойно-серый цвет. Но он смотрел туда, где была Россия, которую он должен отвоевать. Другого дела для него на земле нет.

А тем временем в России эп. Свобода торговли.

А тем временем в России...

«Постановление Президиума ВЦИК

1. Объявить полную амнистию лицам, участвовавшим в военных организациях Колчака, Деникина, Врангеля, Савинкова, Петлюры, Булак-Балаховича и Юденича в качестве рядовых солдат, путем обмана или насильственно втянутых в борьбу против Советской России.

2. Предоставить им возможность вернуться в Россию на общих основаниях с возвращающимися на Родину военнопленными...»

Первые русские слова в Париже Мохов услышал, выйдя из поезда на Лионском вокзале: двое мужчин в старых по-

ношенных пальто вовсю матерились по поводу Генуэзской конференции, на которую «эти... хотят пригласить Ленина». Осторожно обратившись к ним, Николай Дмитриевич объяснил, что впервые приехал в Париж и никого и ничего здесь не знает. Мужчины в лад заявили, что здесь не пропадешь, «наших много», только надо не зевать, погода хорошая — это сегодня ради его приезда пасмурно. Тот, что посерьезнее, спросил о наличных деньгах, и Николай с чистым сердцем и спокойной душой заявил, что кошелек его пуст. Мужчины посочувствовали, но потеряли к нему интерес. Посоветовали двигать в Латинский квартал — «Там все наши нищие живут», — сказал сочувствующий. «Перейдешь Сену, пройдешь Ботанический сад, Университет — вот там все и начинается».

С небольшим чемоданом, в дешевом новом пальто, купленном в Болгарии, и шляпе Мохов выглядел так, как полагается нищему эмигранту. Спросил у разговорчивых мужчин, не знают ли Леонтия Андреевича Дымникова. Сказали — не знают.

Но оказалось, что искомый Дымников достаточно известен в Латинском квартале, и вообще в Париже не трудно найти русского человека. Протащившись километров 5 по улицам и переулкам Латинского квартала, прицениваясь к гостиницам и меблированным комнатам, он вдруг прочитал на афишной тумбе рядом с рекламой концерта Вертинского объявление:

*«Агентство
РУССКИЙ СЫЩИК
находит и возвращает
всех и все потерянное,
кроме России.
Леон Дымник
ул. Данциг, 14»*

Конечно, это и есть тот самый Дымников или знающий его. Улица Данциг была в этом же районе. У дверей в аккуратный пятиэтажный дом такое же объявление, но на медной дощечке и с указанием: 1 этаж, кв. 7. Открыл Мохову высокий крепкий брюнет в белой рубашке с галстуком. На вопрос о Дымнике ответил, что хозяин здесь бывает редко, и все вопросы решаются с дежурным, то есть с ним, Шигариным.

— Мое дело такое, что я русский офицер, был в Галлиполи, сейчас из Болгарии.

— У нас сегодня такой день, что хозяин скоро приедет. Я позвоню ему из кабинета, — сказал Шигарин, несколько изменив тон, и ушел в кабинет, несмотря на то, что в холле среди диванов, столиков и копий импрессионистов, был и телефон.

Выяснилось, что господин Дымник скоро будет. Однако прежде хозяина появился еще один посетитель. Так же как и Мохов — в дешевом пальто и шляпе. Русский, измученный хождением по чужому городу.

— У меня есть дело для господина Дымника, для вашего агентства, — сказал он. — Моя фамилия Арефьев. Я из России.

— Я помощник господина Дымника Шигарин. Имею право рассмотреть ваше заявление и, может быть, буду им и заниматься.

Шигарин разорвал пакет, углубился в чтение многолистного заявления. По-видимому, текст был интересным — голова помощника то и дело покачивалась, и усмешка пробежала по губам.

Вскоре в офисе появился сам господин Леон Дымник, одетый, как полагается одеваться парижанину, имеющему средства.

— Все-таки «Форд» посильнее «Рено» тянет, — сказал он. — Так, какие у нас дела? Вы из Болгарии? Заходите в кабинет.

— Письмо адресовано Леонтию Андреевичу Дымникову. По-видимому, это вы?

— Какой вы догадливый.

Прочитав письмо, он задал несколько вопросов. Заинтересовался армией, спросил, где находится руководство.

— Врангель в Сербии, Кутепов — в Болгарии, в Велико Тырново. Недавно в его честь болгары давали банкет.

— Героев надо чтить. Ведь Кутепов — герой. Да, Николай Дмитрич?

— Ваш друг Воронцов не считает его героем.

— А вы?

— С Максимом Павловичем согласен во всем, кроме его намерения уйти в монастырь.

— Максим пишет, что вы дуэль на штыках выиграли. Поздравляю.

— Какой там выиграл — негодяй остался жив. Доносчик. Клеветник. Сейчас его в кутеповскую контрразведку взяли. Нашли специалиста.

— Как у вас с деньгами, Николай Дмитриевич? Приехали сюда зарабатывать?

— Надеюсь.

— Мне кажется, что вы будете полезным сотрудником в моем агентстве. Работа живая. Плачу хорошо. Согласны? Прекрасно. Сейчас как раз появилось новое дело — вот вы и подключайтесь.

С Арефьевым разговаривали втроем.

— Я брат Сергея Матвеевича Арефьева, Митрофан. Сергей был поручиком в армии Деникина и погиб под Орлом в октябре 19-го. Жена Сергея Зина, получив официальное письмо с известием о его смерти, сразу слегла и зимой умерла.

— Умерла? — удивился Леонтий.

— Чего ж удивляться? Какая зима была. Перед самой ее смертью Зину навестила сестра Вера. Она уехала сразу после похорон, а вскоре обнаружилось, что пропали все драгоценности Зины. Мы их прятали в надежное место, но сестре Зина его показала. Даже браслетик подарила. А та украла все, даже документы и фотографии. Я пытался ее найти, но она исчезла. По некоторым данным, бежала на Юг, а затем за границу. Один знакомый сумел сообщить мне, что Веру видели в Париже. Я надеюсь, господин Дымник, что вы отыщите эту женщину, и с помощью французской полиции мы вернем все, что можно вернуть. Мне о вас говорили, что вы раскрывали и более серьезные хищения.

— Во сколько вы оцениваете похищенные ценности? — спросил Дымников.

— 100 тысяч франков.

— Если мое агентство примет это дело, то мы должны заключить договор и получить хороший аванс. Примерно 10 тысяч.

— Может быть, мы договоримся на процент от возвращенных ценностей?

— Нет. Агентство не может рисковать. Впрочем, я поду-

маю. Прошу вас, господин Арефьев, подождать в холле, пока мы будем изучать ваши документы и обсуждать дело.

Документов было немного. В паспорте погибшего Сергея вписана жена Зинаида, и есть отметка о выдаче ей вида на жительство. Вера, украв вид на жительство, отправилась с ним в путешествие. Свадебное фото Сергея и Зины 1915 года. Вере здесь делать нечего. Фотография двух сестер с подписями — это материал. Копия скорбного письма генерала Скоблина о гибели Арефьева, которое Вера просила в полку во время отступления. Подлинник украсть не могла — тогда в доме он, вероятно, был где-то на видном месте. Еще справки от разных властей.

— Ну что, господа, у французской полиции есть основания задержать Веру Федотовну Никонову за въезд в страну по подложным документам и за похищение ценностей?

Опытный Шигарин высказался быстро и определенно:

— Незаконный въезд — да. Хищение — нет.

— Понадеемся на чистосердечное признание или именную драгоценность — какое-нибудь колечко с инициалами. Заветный вензель.

Леонтий напряженно обдумывал особую цель намечаемого дела, о которой не должны знать исполнители. Мысленно все получалось как будто просто. Однако придется удивить своих помощников.

— Найдем даму? — спросил он.

Оба дружно ответили, что найдут. Уже и Мохов становится сыщиком.

— Не так это легко, как вам кажется, — сказал Дымников. — Она — типичная парижанка: рост, фигура, глаза.

— Вот глаза-то русские, — сказал Мохов, — большие, неподвижные.

— Так это они на фото неподвижные, — возразил Леонтий.

— По фото видно, что они и в жизни неподвижные, — упрямо заявил Мохов.

Леонтий всмотрелся в фотографию — выходит, в Новороссийске он спал не с Зиной, а с Верой.

— Мое решение: заказ принимаем, срок 2 недели, аванс не берем. Цена работы — 10 процентов от возвращенных ценностей, но не меньше 10 тысяч франков.

— Без аванса — это зря, — возмущился Шигарин.

— Пока работаете вдвоем. Шигарин, конечно, старший. Я руковожу, в основном, из кабинета или издали. Может быть, схожу с вами на Пигаль вечерком. Все. Шигарин, оформляйте.

2

С появлением звезд русской эмиграции Пигаль наиболее щепетильные стали считать убежищем для тех, кого веселит алкоголь и возбуждает кокаин. Возник «священный треугольник» между «Кавказским погребком», «Яром» и «Тройкой», где круглые сутки кипела жизнь: охранники-казаки, артисты в шелках и бархате, выходявшие в антрактах на воздух, и, главное, женщины. Больше рядились под цыганок — такая мода. Здесь в ресторанах поют Соколовы, Поляковы, Колдобан, игравший в Царском Селе для императрицы, Юрий Морфесси, певший для Николая. Конечно, Зине-Вере здесь место: она сумеет изобразить цыганку, а мужчины именно таких фальшивых цыганок почему-то любят больше, чем настоящих.

Выбрали вечер без дождя и направились туда. По площади, по улице Бланш, по бульвару Клиши разгуливали в определенном порядке: впереди Мохов и Шигарин, за ними Леонтий с высоко поднятым воротником пальто и в шляпе, надвинутой на глаза, — не узнает никто. За ним ребята-французы Серж и Пьер. Огни, толпа, шум, блеск цыганских платьев, хохот женщин и тут же истерические слезы... Это Пигаль.

Зашли в «Кавказский погребок». На сцене танцевали лезгинку. Искомой дамы нигде не встретили. Вечер прошел зря.

Следующий вечер тоже без дождя, и они отправились на Пигаль в том же порядке. Он сразу увидел преступницу. Она стояла под самым ярким ярким фонарем и над чем-то смеялась, разговаривая с подругами.

Он подошел и, не открывая лица, сказал по-русски:

— Мадам, я мечтаю поужинать с вами в «Кавказском погребке».

— О-о! Вы русский. А почему прячете лицо? Может быть, у вас нет носа?

О носе она повторила по-французски, и ее подруги засмеялись.

— Есть у меня и нос, и еще кое-что, и даже деньги. — Он показал пачку франков и, наконец, опустил воротник и кашне.

— О-о! Я вас помню.

— Сейчас сядем за стол и будем вспоминать. А это мои люди. Не говори, Зина, что ты занята.

Несколько обескураженная, она подала руку, и они совершили небольшую прогулку сквозь мягкую податливую толпу.

— Как тебя называть? Зина?

— Да. Зинаида Федотовна Арефьева.

— И я тот же Леонтий. Только теперь не офицер.

На столе стояли бутылки и закуски, на эстраде певица исполняла цыганский романс «Ты ушел, и твои плечики ушли в ночную мглу...» Люди Дымникова сидели за соседним столом.

— Мне нужна твоя помощь, но так, чтобы никто не знал. Даже мои люди.

— Хм. Только встретились — сразу помощь. Что тебе надо? Деньги есть. Полиция зацепила? Решетка грозит? Я мало кого знаю в полиции.

— Решетка грозит. Только не мне, а тебе, Вера Федотовна Никонова. Сиди спокойно. Не меняйся в лице. Никто тебя сейчас в полицию не поведет. Ну-ка дай обручальное кольцо. Все правильно — Зина-Сергей. Сколько хапнула у деверя? Он подал на 100 тысяч франков.

— Врет, сволочь. Там было-то три побрякушки.

— Что-нибудь осталось?

— Ну, кольцо вот. Еще браслетик.

— Отдашь. Поможешь мне — больше заработаешь. Иначе — решетка. Все документы у меня. Въезд в страну по подложным документам, воровство драгоценностей. Колечко я, на всякий случай, у себя оставлю.

— Какая тебе еще помощь нужна?

— Сейчас я издали поздороваюсь с человеком, заметь его и тоже улыбнись. Заметила?

— Я его знаю — болгарин.

— Сделай так, чтобы он тебя пригласил к себе и крепко спал. Мне нужны все секретные бумаги. Ты грамотная, разберешься.

3

Дело закончилось быстро, и заказчик был доволен, хотя 100 тысяч не получил. Хватило примерно половины, и никто не знал, что значительную часть этих денег Дымников выплатил из своего кармана — с Веры столько получить было невозможно. От нее он получил другое.

В агентстве рассчитались, расписались в документах, выпили шампанского.

— Значит, все-таки в Россию? — спросил Дымников Арефьева.

— С деньгами там теперь можно жить и зарабатывать. Кирпичный завод хочу построить. Война-то все порушила.

Вечером в агентстве остались вдвоем с Моховым.

— Я рад, Николай, что пошла у вас работа.

— Я тоже рад. И франки идут. Вот все хочу вас спросить, почему у нас секретаря-машинистки нет? Это же теперь общепринято. Сидела бы в приемной симпатичная девица.

— Той, которая могла бы здесь сидеть, уже нет. А другую я не хочу.

— А что за странная комната у вас в подвале?

— А-а. Заинтересовался. Пойдем посмотрим.

Подвальная комната размером с хорошую гостиную освещалась несколькими лампами в шарах-абажурах. По стенам — диваны, скамейки, столики, нечто вроде нар. Несколько дверей — в кухню, в ванную, в туалеты, еще куда-то.

— Эта комната предназначена для большого разговора с большим преступником. Я всегда неудовлетворен, когда вижу просто казнь преступника. Или читаю об этом. Или смотрю в кино. Мне кажется, что казнь не уничтожает зло. Его надо вытащить из глубины этого злого существа. Разговорить, понять. Я буду держать его здесь и беседовать в нормальных условиях.

— А вот эти крюки и цепи?

— Условия могут быть и другими.

— И были уже здесь такие преступники?

— Пока нет. Закончим на этом. Я даю вам срочное и очень ответственное поручение. И опасное. Вам придется покинуть Париж на несколько дней. Пошли наверх.

В кабинете Дымников достал из сейфа небольшую пачку документов.

— Я не буду скрывать от вас содержание бумаг, которые запечатаю в конверт и передам вам. Это совершенно секретные документы болгарского Генштаба. Разведсводки, план укреплений, расположение воинских частей, ну и тому подобное. Ваша задача сегодня же выехать в Велико Тырново и сделать все для того, чтобы эти документы оказались в штабе Русской армии. Или в контрразведке. При этом вы должны остаться невидимкой. Передайте Воронцову, что я просил помочь вам. Это необходимо сделать быстро, пока Генуэзская конференция⁴⁸ только начинается. В этот же день или лучше на следующий вы каким-то способом — может быть, письмом, но таким, которое обязательно дойдет до адресата, — сообщаете в Генштаб Болгарии о наличии упомянутых секретных документов в штабе Русской армии. Затем немедленно исчезаете. Едете в Париж. Надеюсь, что у вас нет вопросов, и цель моей акции вам ясна.

4

Весна была ужасна для Кутепова. Он не мог смириться с тем, что европейские державы организовали в Генуе конференцию и пригласили туда представителей красной России во главе с Лениным — бандитов, с которыми генерал воюет с 17-го года, которым место на виселице! Не успокаивала историческая тишина старинного славянского города, его серые камни, чистое голубое небо.

По вечерам с Кривским, которого назначил своим секретарем, Кутепов ходил в казарму к солдатам и офицерам. Там еще жил армейский дух: смена караула, строевая подготовка, уход за оружием. Но что дальше?

Возвращались к себе и не могли не вернуться к разговору о неясном будущем армии. Если руководитель Болгар-

ского правительства Стамболийский заявил на конференции, что он против размещения в Болгарии Русской армии, то чего же еще ждать?

— В Сербии к нам относятся хорошо, — успокаивал Кривский. — Врангель говорил, что за нас Русский национальный комитет в Париже.

— К сожалению, Миша, этому комитету нужна не наша армия, с которой мы прошли всю войну, а своя армия, которой они хотят командовать. Я много раз говорил барону: поклонитесь Великому князю Николаю Николаевичу⁴⁹. Попросите его объявить себя нашим Верховным. Все время отговорки. Вы, конечно, догадываетесь, почему отговорки?

— Конечно. Он никак не может отказаться от нелепой мечты стать Правителем России.

На другой день, когда Кутепов работал в штабе, мимо его дачи потянулись возы с сеном, а под прикрытием возов подкрадывались болгарские жандармы, которые внезапно набросились на дежурного офицера, стоявшего у ворот, избили, отняли револьвер и куда-то поволокли. Другой офицер поднял всю охрану и позвонил генералу.

— Я категорически запрещаю оказывать какое-либо сопротивление полиции, — приказал Кутепов и стал звонить властям.

Начальник штаба Болгарской армии Тополджиков попросил генерала приехать в Софию для личных переговоров и дал честное слово офицера, что после встречи Кутепов вернется к своим войскам. Однако на следующий день полковник Тополджиков в своем кабинете объявил, что Кутепов арестован и подлежит высылке из Болгарии. Причиной ареста было указано обнаружение в русском штабе у полковника Самохвалова секретных документов болгарского Генштаба.

Арестовали жену и секретарей генерала и потребовали немедленно покинуть Болгарию. Им разрешалось выехать в любую соседнюю страну, кроме Сербии. В отдельном вагоне Кутеповы с сопровождающими их русскими офицерами и под защитой двух адъютантов царя Болгарии выехали в Грецию. Здесь их встретили с почетом и объявили о том, что распоряжением греческого правительства Куте-

пову с сопровождающими разрешено проживать в Греции. Он рвался в Сербию, где находился Врангель со штабом, но возникла проблема с визами: оказалось, что пока сербский король не женится на принцессе — а свадьба отложена из-за болезни греческой королевы, — никаких виз не выдадут.

Тогда Кривский сказал: «Конечно, лестно, когда твоя судьба переплетается с судьбами трех царствующих домов, но не будем честолюбивы и смело двинемся вперед без всяких виз. Не хитрая штука перейти границу».

Так генерал Кутепов оказался в Сербии.

5

Тебе всего 40 лет, а ты, проснувшись утром, не знаешь, зачем проснулся, вообще не знаешь, зачем живешь. Только привычка к военной дисциплине заставляла Кутепова делать гимнастику, аккуратно бриться, бранить Федора за плохо вычищенные сапоги. «Да рази ж при такой грязи можно?» — ворчал денщик. Утром ласковый поцелуй Лиды и ее разговоры о вещих снах, потом кофе в компании Лиды, брата Бориса и секретаря. Кривский за чашечкой кофе иногда вспоминает остров Святой Елены, но в основном увлечен Генуэзской конференцией и Раппальским договором⁵⁰ между Советской Россией и Германией, а Борис стучит кулаком по столу с опасностью для чашек и громко утверждает, что Россию продали немцам в Раппало, а теперь остальное распродают в Генуе. «Надо начинать!» — кричит он, и опять дребезжат чашки.

Начинать надо, но что?

Генерал от инфантерии Кутепов надевал штатский костюм, высокие, совсем не генеральские сапоги и выходил из своего маленького, стоявшего среди грязных пустырей домика на Душеноваце, на окраине Белграда. Он выходил ровно в 7, чтобы ровно в 8 быть в Управлении военного коменданта. После высылки из Болгарии только в этом посещении заключался его служба.

Армия разваливалась. Большинство офицеров ехали в Париж, где будто бы легко устроиться на работу. Многие приходили прощаться. Пришли капитан Ларионов и

штабс-капитан Белов. После скромного угощения гуляли по пустырям, выбирая дорогу посуше.

— В этой одежде вы, ваше превосходительство, похожи на помещика средней руки, — сказал Ларионов. — Наверное, в России у вас осталось поместье?

— Поместья у меня не было. Отец — лесничий, — вспоминая об отце, генерал всегда хмурился. — Все Новгородские и Вологодские леса были моим поместьем. Даст ли Бог увидеть их?

— Обязательно, Александр Павлович! — горячо обещал Ларионов. — Я ни капли не сомневаюсь, что скоро буду в Петрограде.

— Откуда такая уверенность?

— Даже не знаю откуда.

— Наверное, только не из газет, — сказал Белов. — Все готовы признать Советы. А здешние коммунисты! Митинги против нас проводят.

Кутепов не хотел об этом говорить.

— Дело прошлое, — сказал он, — но откуда все же взялись эти документы болгарского Генштаба? Вы говорили, штабс-капитан, что купили их у болгарского офицера.

— Так и было. Подошел ко мне в кино перед сеансом — фильм с Чарли Чаплиным — сели на задний ряд, говорили так, чтобы никто не слышал. По-русски, почти без акцента. Потом зашли в один дом и там все сделали. У меня как раз деньги были — Самохвалов авансировал. Эти левы дешевые.

— И потом вы с этим офицером не встречались?

— Никогда. Я даже заходил в тот дом — там, конечно, ничего и никого не знают. Сказали, что стоял у них какой-то русский офицер, но съехал. Кстати, у Самохвалова есть какой-то опытный специалист, и он сказал, что некоторые бумаги парижского происхождения.

— Парижского? — удивился Кутепов. — А план государственного переворота, который нашли у Вязмитинова, — настоящая фальшивка. Неужели и это из Парижа?

— Не знаю, но специалист сказал.

— Вот мы поедem в Париж и все там разузнаем, — сказал уверенно Ларионов.

— Что будете там делать, друзья?

— Говорят, русских офицеров охотно берут шоферами такси, — сказал с оптимизмом Ларионов. — Я машины знаю.

— А я научусь, — сказал Белов.

— Но, главное, мы будем готовиться к походу на Россию, — все так же уверенно заявил Ларионов.

6

Конечно, надо готовиться. Иначе для чего жить? Когда грязь на дорогах немного подсыхала, Кутепов шел к холмам Топчидера, где занимал виллу Врангель. Русской территории у Главнокомандующего больше не было — яхту «Лукулл» будто бы нечаянно протаранил советский пароход.

Барон набрасывал черкеску на гражданский костюм и тоже шел гулять. Главные разговоры происходили на прогулках. Конечно, всегда говорили о судьбе армии, о ее будущем, о ее вождях. Это была политика, и в ней Кутепов пытался принимать такие же необратимые и однозначные решения, какие приходилось принимать на фронте. Сказал ему Врангель когда-то, что армия вне политики, и он не разрешал своим подчиненным быть монархистами или республиканцами. А тут вдруг его подчиненный командир корпуса генерал Витковский обратился с письмом к Великому князю Николаю Николаевичу Романову и объявил себя монархистом.

Осенний вечер был сух и прохладен, в такую погоду хорошо проводить тактические учения с боевой стрельбой.

— Вы знаете, Петр Николаевич, — говорил Кутепов, — что я не смирился с монархической выходкой Витковского и отказался от его корпуса, но призывы к объединению с монархистами идут со всех сторон. И я это понимаю. Нам надо принимать какие-то решения.

— Александр Павлович, я и сам монархист. Все прошлое России говорит за то, что она рано или поздно вернется к монархическому строю, но не дай Бог, если строй этот будет навязан ей силой пштыков или белым террором. Кропотливая работа проникновения в психологию масс с чистыми национальными лозунгами может быть выполнена

лишь при сознательном отрешении от узкопартийных, а тем более классовых доктрин и искренности в намерениях построить государство так, чтобы оно удовлетворяло народным чаяниям. Если мы претендуем на то, чтобы принять какое-либо участие в воссоздании Родины, то должны вернуться домой единым фронтом, с единой программой, с единым лозунгом: Отечество. Лига Спасения России, которую создают вокруг Николая Николаевича, — монархическая организация, а преждевременное провозглашение извне монархического лозунга наносит вред монархической идее. Краснов мне пишет, что надо созывать совещание совместно с Лигой. Правда, он еще никак не отошел от любви к немцам и хочет опираться на Германию. С этим я не соглашусь. Германцы преследуют одну цель — обратить русский народ в навоз для удобрения германского племени.

Кутепов давно привык к тому, что Врангель умеет говорить долго и хорошо. В последнее время начал разбираться и в том, что он говорит. Рассуждения о монархии и об отношении к ней народа, наверное, правильны. Однако не ради истины барон утверждал, что опасны Лига Спасения России и сближение с Великим князем. Но какая же российская монархия без Романовых? Неужели он хочет основать династию Врангелей?

— Я во всем согласен с вами, Петр Николаевич, но не могу понять, почему действуете отдельно от Великого князя.

— В этом виноват не я, Александр Павлович. Всегда внимательно прислушиваясь к вашим высказываниям, я решил сделать первый шаг и обратился с письмом к Его высочеству. Специально для вас оставил копию письма. Вот она. Прочитайте дома, подумайте, потом поговорим.

*«Врангель Великому Князю Николаю Николаевичу.
5 августа 1922 г.»*

Я боюсь неосторожными шагами усложнить весьма тяжелое ныне положение Армии. По этим соображениям я избегаю каких бы то ни было выступлений. Мое молчание используют наши враги, делая попытки внести смуту в умы офицеров и солдат. Разделяя чувства моих соратников, большинство которых сражались под Вашим

Верховным Водительством и неизменно хранят в сердце своем Ваше имя, и, болея душой за армию, я приемлю смелость обратиться к Вашему Императорскому Высочеству и всепреданнейше прошить поставить меня в известность о том решении, которое Вашему Императорскому Высочеству благоугодно будет принять. Имея определенный ответ Вашего Императорского Высочества, я буду иметь возможность указать Армии ее путь».

Читали дома вдвоем с Кривским.

— Как вы относитесь к этому письму? — спросил Кривский.

— На Советах сначала дают слово младшему.

— Я считаю это письмо неприличным. Он должен был заявить, что передает армию под знамя Великого князя. А вместо этого вытягивает из Николая Николаевича какие-то ответы, какие-то решения, чтобы потом умыть руки. Что может ответить на такое письмо Великий князь? Ничего.

— В этом я с вами согласен. Ответа не будет. Там вокруг Великого князя Краснов, Лукомский — все они против Врангеля. Но что делать нам?

— Держаться за армию, Александр Павлович.

— То есть за Врангеля. Во всяком случае пока.

7

Врангель устроил торжественный обед человек на 20. Пригласил всех генералов и офицеров, разумеется, Кутепова и Кривского. Все понимали, в чем дело: что-то неладно у Великих князей Романовых. Неожиданно Великий князь Кирилл Владимирович⁵¹ объявил себя блюстителем Императорского Престола. Уже знали, что Врангель отказался с ним сотрудничать и заявил публично, что счастлив был бы поддержать Верховного главнокомандующего Николая Николаевича и, не колеблясь, призвал бы армию пойти за ним. Знали, что и на этот раз Великий князь промолчал.

Слева от себя Главнокомандующий посадил Кутепова, справа — Климовича — опытного генерала-контрразведчика, проявившего свои страшные способности и в 1915 го-

ду, когда был московским градоначальником, и в 1916 году, когда руководил департаментом полиции.

Разлили водку, ожидали тоста. Врангель встал и... начал читать приказ:

«Сремски Карловцы 8 ноября 1922 г.

1. Командир 1-го Армейского корпуса, Генерал от Инфантерии Кутепов, назначается моим помощником.

2. Армия перешла на трудовое положение. Русские воины ищут возможности обеспечить свое существование, не дожась бременем на приютившие их страны. Они терпеливо ждут дня, когда служба их понадобится России.

Но не дремлют враги России. Их клевета и злоба не оставляют нас. Преследования русских воинов продолжаются. Любимые вожди оторваны от родных частей. Оторван от своих соратников и доблестный генерал Кутепов.

Усилия мои вернуть его к родным частям остались тщетными.

Друг, Александр Павлович, тяжка разлука Твоя с соратниками. Ваше общее горе разделяю и я. Вместе с тем я рад в эти тяжкие дни иметь Тебя вблизи.

Все вместе пережитое крепко связало нас. Эту связь не нарушат ни новые удары судьбы, ни происки наших врагов. Вместе и впредь мы будем делить и радости и горести, вместе нести ниспосланный нам Господом Крест.

Да даст Он нам силы донести этот крест до Матушки России.

Генерал Врангель».

Обед прошел дружески и спокойно. Кутепова поздравляли, обнимали, целовали, вспоминали минувшие дни и предсказывали будущие победы, к сожалению, не указывая мест вождельных побед. Говорили и о политических событиях, и все были против Кирилла Владимировича, но за Николаевича.

Накинув шинели, гуляли и курили в садике — в доме было тесновато. Убеждали Врангеля в необходимости политической декларации. Он обещал в ближайшее время созвать совещание для выработки такой декларации. Потом, прогуливаясь с Шатиловым, Главнокомандующий осторожно оглянулся и с иронической улыбкой спросил негромко:

— Как понравился мой приказ?

— Стихи, — ответил Шатилов, тоже улыбаясь.

— После этого приказа — Кутепов мой! — резюмировал Врангель.

С Климовичем разговаривали на тему его отъезда в Париж.

— Где много наших офицеров и солдат, обязательно должна быть контрразведка, — говорил Климович. — Может быть, удастся разобраться с подброшенными документами, из-за которых Александра Павловича выслали из Болгарии. Кажется, в этой акции участвовал кто-то из Парижа.

— Красные сволочи везде пролезли, — возмущенно сказал некий перепивший генерал.

Генерал Абрамов уезжал в Болгарию. Кутепов прошел с ним несколько шагов, передавая приветы многим сослуживцам. Спросил:

— Вы, наверное, знаете Марию Захарченко — женщину-кавалериста?

— Разумеется, знаю. Она там.

— Ей тоже большой привет и наилучшие пожелания. Передайте: я надеюсь, что мы с ней еще повоюем за Россию.

В Париже Климовича встретили его офицеры, в их числе и Белов. Генерала отвели в роскошный отель Грильон.

— Здесь только на несколько дней, — сказал генерал, — потом сниму квартиру в незаметном доме, в безлюдном районе.

Когда прощался с встречавшими, остановил Белова, спросил:

— Что с делом о болгарских бумагах?

— Есть зацепка, ваше превосходительство. Ищу некую Зи-Зи — она встречалась с болгаринном.

— Ищите. Чекисты встречаются?

— Их так не узнаешь.

В политическом совещании при генерале Врангеле 22 ноября 1922 г. участвовали генералы Кутепов, Абрамов, начальник штаба Миллер, начальник политической

канцелярии Ильин и прибывшие из Парижа генералы Хольмсен и Данилов. Обсуждение длилось недолго, поскольку расхождений во взглядах почти не было. Участники совещания признали:

«Что само личное обаяние имени Великого Князя Николая Николаевича может способствовать единению Зарубежной России, которого не удалось добыть иными способами;

что в сложившихся сложных международных и внутриэмигрантских условиях такое единение должно иметь не форму гласного возглавления им какого-либо объединения, а характер личного общения Великого Князя с доверенными ему лицами, ведущими работу в России;

несмотря на сильное распространение в армии монархических чувств, Главное командование должно твердо держаться заветов генералов Корнилова и Алексева и не предрешать вопроса, какую быть России;

объединение вокруг Великого Князя Николая Николаевича как главы в будущем русского национального движения должно быть возможно более широким и включать всех несоциалистических государственно мыслящих элементов».

Конечно, Кутепов не стал бы упоминать о «непредрешенности» одновременно с верноподданническим обращением к Великому Князю. Этот пункт не следовало включать, но Александр Павлович не мог возражать человеку, который издал о нем «такой» указ.

1923

1

Климович переехал в удобный дом со многими входными дверями. Здесь можно было принимать различных посетителей. Белов приехал из Парижа с перевязанным глазом. Генерал собирался в Берлин, сосредоточился на поездке, и штабс-капитан с подбитым глазом его раздражал.

— Я нашел эту Зи-Зи, вступил в контакт — она русская. Зина. Между прочим, спросил о болгарине, а она начала

396

кричать, что к ней пристают. Подбежали молодые парни, драка, ну и...

— Что ж. Это тоже результат. Она боится. Наверное, связана с красными. Нужна слежка. Нанимайте женщин. Пусть следят, с кем живет, кто к ней ходит.

— У нас мало денег, ваше превосходительство.

— И у меня мало. А мне далеко ехать. Возьмите 1000 франков, следите — результат будет.

Вести слежку лучше самим — найдешь тут женщин, которым можно что-то доверить. Договорились со штабс-капитаном Лентуковым — он замечал Климовича.

2

Генералы Кутепов и Шатилов хорошо отдохнули в отеле, позавтракали и на такси направились на Лионский вокзал. Они ехали на Ривьеру, в Антиб, где располагалась резиденция Великого князя Николая Николаевича. Им была назначена аудиенция на утро 9 марта.

У Кутепова так и не исчезло какое-то детское представление о блеске и величии династии Романовых, и поначалу его ожидало некоторое разочарование: перед ним в кресле сидел бородатый старик, и по его виду чувствовалось, что сам он не в состоянии подняться с кресла. Но вот приветливо шевельнулась рука Великого князя, появилась царственная улыбка, прозвучал густой командирский голос, все это соединилось в неподражаемые естественные манеры врожденного аристократа, представителя великой династии, и Кутепов внутренне счастливо собрался, подтянулся, как на параде. Да, эти люди рождены, чтобы повелевать Россией.

На беседе в качестве секретаря присутствовал барон Сталь. Князь, получив из рук генерала письмо Врангеля, с аристократической небрежностью пробежал его, как бы уже зная содержание, и передал барону.

— Я мало принимаю, — сказал Великий князь. — Считаю, что все члены императорской фамилии после всего случившегося должны были бы воздерживаться от проявления какой-либо активной деятельности. Но вас, Александр Павлович, и вас, Павел Николаевич, я знаю, как лю-

397

дей с железной волей, решительных, серьезных, не болтливых, и могу с вами говорить откровенно.

Умение Николая Николаевича вести светскую беседу позволило Кутепову понять, что сказанное Великим князем относится в первую очередь к нему, и он вновь почувствовал себя на месте, предназначенном ему жизнью. Его знают, понимают, ценят. От него ждут действий. И действия будут.

Беседа продолжалась два часа. Серьезно и всесторонне обсуждали, не следует ли Великому князю выступить с обращением к офицерам Русской армии, среди которых увеличивается число покидающих службу.

— Ваше Императорское Высочество, — говорил Кутепов, — уверяю вас, что ваш престиж, как бывшего Верховного главнокомандующего, столь могуч, что Обращение обязательно повлияет на офицеров.

С ним соглашались, но рассматривали дело с разных сторон — Обращение Великого князя может быть использовано в целях агитации против Армии; красные поднимут шум — мол, создается монархическая военная организация. Решили, что целесообразнее использовать для воздействия на русских военных офицерские организации различных стран, частным порядком проинформировав их председателей о взглядах Великого князя. Николая Николаевича заинтересовало предложение американца Риса, готового предоставить средства для экспедиции в Россию за гарантирование ему в будущем экономических выгод.

Все два часа Великий князь активно участвовал в разговоре, и часто его предложения оказывались наиболее приемлемыми. Лишь в конце беседы, как и в ее начале, Кутепов вновь испытал неприятное разочарование. Вспоминали покойного императора-мученика, и вдруг Великий князь спросил:

— Как вы считаете, господа, Его Императорское Величество был человек или Бог?

Все промолчали, и Николай Николаевич продолжил:

— Я долго наблюдал за ним, думал и пришел к выводу, что император был не человек и не Бог. Он как-то умел оказаться средним между Богом и человеком. Те, кто не понимали этого, не понимали и его поступков.

Прощаясь, Великий князь посоветовал Кутепову, именно Кутепову, а не обоим генералам, переговорить в Париже с представителем генерала Врангеля генералом Хольмсе-ном, выработать сообща такое воззвание к офицерам, которое можно было бы распространять среди военных в других странах. Напомнил также о необходимости начинать конкретную работу в России.

— Я был бы вам весьма благодарен, Александр Павлович, если бы на обратном пути в Сербию вы сообщили мне о результатах этих переговоров.

3

Леонтий Дымников жил на аристократическом правом берегу Сены, на улице Риволи, в небольшой, но роскошной квартире. Любимая комната — спальня, она же и личный кабинет — посетителей принимал в другом. Главное здесь — Ее портрет кисти Дерена: живое улыбающееся лицо, большие всепонимающие ласковые глаза. Портрет расположен так, чтобы видеть и с кровати, и из-за стола.

Всегда Леонтий был излишне чувствителен, а после грандиозного лондонского запоя, почему-то не убившего его, стал часто плакать. Лишь остановившись перед портретом и только назвав ее имя, вытирал глаза. «Марья, — говорил он, — я не знаю, зачем живу, если нет тебя. Потом вспоминаю: надо убить его. Поставить перед твоим портретом и долго разговаривать или мучать и заставить раскаться... Но разве он раскается?..»

Леонтий отдыхал, читал по-французски вошедшего в моду и сразу же умершего Пруста. Роман нравился — там не убивали. Писал письма родителям в Ригу — это она сумела их перетащить. И снова плакал.

Зина позвонила днем:

— Лео, опять ко мне пристаёт тот русский офицерик.

— Что-то спрашивает?

— Пока нет, но чувствуется, что не просто так. Ходили с ним на Соколова. Кстати, встретила там твоего любимого генерала.

— Какого?

— Кутепова.

Через час весь состав агентства сидел в офисе, ожидая выступления диктатора. 10 сыщиков, несколько меньше помощников. Почти все из России. Не красные, не белые, но все чем-то обязаны Дымникову.

— Господа, — начал Леонтий. — Все свои заказы мы выполняем, сроки работы реальные. Только вот сейчас с хищением ковров у армянина господина Арутюняна задержка. Задержка у Ивана Кирилловича Шигарина.

— Я не там шел. Ковры взяли не для продажи. Пойду по-другому и найду.

— Да. Вам это дело придется продолжать. Всем остальным надо с завтрашнего дня, а кто может — с сегодняшнего сосредоточиться на заказе одного высокопоставленного лица.

Достал большую фотографию генерала Кутепова.

— Знаете, кто это?

Знали почти все. Даже французы.

— По некоторым данным, этот генерал сейчас находится в Париже. Нам ничего не надо знать о его намерениях и целях, но заказчик требует, чтобы сообщали ему о каждом шаге генерала, о каждой встрече. Сплошное наружное наблюдение. Разберите фотографии, бланки журналов наблюдения, и за работу. Собираемся здесь завтра в 10, когда что-нибудь прояснится. Прошу сообщить мне, кто пойдет сегодня в ночь. При обнаружении объекта звонить немедленно. При необнаружении — каждый час.

Когда расходились, остановил Мохова — доверял каждому из своих, но этому почему-то хотелось верить больше, чем другим, может, потому, что в агентстве он единственный галлиполиец и рекомендован Воронцовым.

— Николай Дмитриевич, вы как-то говорили о необходимости завести секретаря-машинистку. Давайте обсудим. Нужна красивая, умная и в меру порядочная.

— Хоть бы и Зину.

— Она же проститутка.

— Она не на билете, а значит, не проститутка, а куртизанка. Помните Бальзака? «Блеск и нищета...»

— Согласен. Подумаем. Но теперь мы остались вдвоем и можем обсудить всю операцию. Кутепова надо не только най-

ти и вести, но, главное, схватить и доставить сюда. Без свидетелей, выстрелов и других лишних звуков. Я представляю примерно так. Вы одеваете офицерскую форму и останавливаете генерала или такси, на котором он едет. Докладываете ему, что его срочно вызывают на рю де Гренель в Российское посольство к генералу Хольмсену. Специально прислали автомобиль. Может быть, не к Хольмсену, а к Маклакову, или еще к кому-нибудь. Уточним. У меня для этой цели есть «Рено». Стоит здесь в гараже с фальшивым номером.

— Если будет сопротивляться? Он крепкий мужик.

— У меня есть хлороформ. Доктор сделал очень хороший проверенный состав. И у вас будут два помощника. Лучше из французов. Кого возьмете?

— Я бы взял Сержа и Пьера — хорошие ребята. Я с ними сошелся.

— Завтра с утра договаривайтесь с ними на приличную сумму, а сейчас подежурьте у телефона и на приеме, часов в 10 вечера я вас сменю.

— Попрошу в 9, Леонтий Андреевич: иду посмотреть фильм с участием Мэри Пикфорд. И маленький вопрос: Кутепова в ту комнату?

Дымников, не отвечая, сделал прощальный знак рукой.

Вернувшись к 9 вечера в агентство, Леонтий к своему удивлению обнаружил за столиком всех троих из намеченной команды. Четвертой была бутылка смирновской водки, окруженная маринованными рыбками.

— Что случилось? — спросил он. — Подписали еще один Версальский мир? В России революция против революции?

— Пропиваем задаток, — сказал Мохов. — Полдела сделано.

— Присоединяйтесь, шеф, — пригласил Пьер.

Эти французы хорошо говорили по-русски, но здесь любили объясняться на своем родном.

— Обязательно, — подтвердил Серж. — Бутылка здесь для удобства разработки подробного плана. Идя вокруг бутылки, обязательно придишь к цели.

Мохов доложил полученную информацию. Генерал Кутепов во второй половине дня был в Русском посольстве, в той половине, которую занимали врагелевцы. В 17.00 выехал на такси и дважды останавливался у магазинов с женским бельем и парфюмерией, делал покупки. Приехал в отель Грильон, потребовал счет за прожитые дни и заказал такси на 8 часов утра на Лионский вокзал к поезду на Ривьеру. Удалось узнать, что он едет в Антиб.

В основу плана предлагаю вот эти наполненные бокалы и время 7 утра, когда мы отправимся отсюда на «Рено» к гостинице, чтобы выбрать место.

— Со стаканами согласен, со временем — нет. Надо раньше, чтобы просмотреть все возможные места.

6

Почти всю ночь Леонтий не спал. Разговаривал с Марысей, плакал, придумывал детали встречи с Кутеповым, дремал, видел во сне генерала с его незабываемым насмешливо неумолимым взглядом, каким смотрят на противника, обреченного на поражение и смерть. Появлялась Марыся с кровавым цветком на груди, удивленно смотрела на мужчин, не понимая, за что ее лишили жизни. Леонтий просыпался и вновь плакал.

В 6 утра побритый, подтянутый, спокойный, в новом светлом костюме Леонтий был в агентстве. Дежурил Шигарин, тройка была на месте.

Пошли в гараж оживлять «Рено». Шигарин сидел в офисе у телефона, рассматривая книги с рисунками ковров.

— Как-то я не подумал о дежурном, — сказал Леонтий. — Мы приедем с объектом, а здесь кто-то будет сидеть. Конечно, мы въедем в гараж, и в подвал есть ход со двора, но... И вы мне не подсказали, друзья.

— А чего подсказывать? — удивился Мохов. — Вы и будете здесь сидеть. Ехать с нами — только мешать.

«Рено» оказался в порядке. Все проверили, вывели из гаража, выехали на улицу. Серж и Пьер сели в машину. Подошел Мохов и сказал, поглядывая по сторонам:

— Ребята просили напомнить, если состоится убийство, то каждому по 100 тысяч франков. Такие нынче цены.

— Если состоится, то всем заплачу: и тебе, и себе.

— Мне — только как шоферу, не знающему никаких обстоятельств.

— Можно и так.

Начиналось розово-серое бодрое парижское утро. Дребезжали грузовики с бидонами молока, к домам подъезжали повозки с бутылками, скрипели тележки с охалками зеленого лука и редиски. Почему человеку мало этой ежедневной утренней радости? Почему он почти и не замечает ее, а весь поглощен чем-то совсем не похожим на солнце, восходящее над Латинским кварталом, и на рыбаков, неподвижно прилипших к набережной Сены?

Проехали маршрут от вокзала до отеля Гриньоль, подумали, какие улицы и повороты шофер такси в любом случае не сможет миновать.

— Он, наверное, русский офицер, — сказал Мохов, — и мыслит, как я. Значит, и ехать будет, как я.

Долго выбирали место, где удобнее остановить такси с Кутеповым. Остановились на повороте, где шофер уменьшит скорость, а два огромных платана закрывают обзор почти со всех сторон. Потом отвезли Леонтия к агентству. Договорились, что сначала завезут генерала в гараж, а затем — по обстоятельствам.

— Закричит, — сказал Пьер.

— Сделаем так, чтобы во дворе не кричал, — пообещал Леонтий, — а подвал звуконепроницаемый. И патефон обновим. Будем слушать новый танец «Тустеп».

Уже шел восьмой час. Дымников пожелал успеха и остался нервничать в агентстве.

Он посадит генерала перед ее портретом и спросит: «За что ты убил ее? Ты же мог бы разобраться, что бумажки ей подбросили. И они же ничего не стоили, эти чертежики, потому что все равно погибли бы те, кто должен погибнуть. И еще не сказал Бог своего слова — с кем он? Неужели с тобой и другими генералами? Скорее он с теми мужиками, которые выгнали нас из России. А ты убил ее. Ты убил жизнь, красоту, доброту, нежность. Мы пошли бы с ней сейчас на площадь Согласия — она любила красивые большие многолюдные улицы. Она бы сказала: «Леончик, я хочу мороженого...»

И он вновь плакал.

Часы показали 8, 8.15, 8.30...

Подъехал «Рено» с его людьми, молчаливыми, обескураженными. Машину поставили в гараж.

— Провал, — сказал Мохов. — По моей вине. Лопнула резина метров за 100 до места — я как раз начал обгонять. Кинулись менять — разве успеешь? Приехали на вокзал — даже того такси уже нет. Генерала не видели, наверное, уже был в вагоне. И ведь я проверял резину!

— Не один ты, — успокаивал Серж, — и я смотрел — была в порядке.

— В чем ошибка? — спросил Дымников.

— В резине.

— Нет. Надо брать две машины. Одна — резервная. Забудьте, ребята, об этом приключении.

— Он обязательно опять придет, — сказал Мохов. — Они все часто сюда приезжают.

7

Вторая встреча с Великим князем была праздничной для Кутепова — искреннее радушие, доверие и, главное, приказ начать борьбу. Теперь он был почти наедине с Николаем Николаевичем — сидел еще барон Сталь. Кутепов, обласканный таким приемом, даже позволил себе дать совет Великому князю:

— Было бы очень хорошо, Ваше Императорское Высочество, если бы вы видели больше наших людей, выслушивали разные мнения, которые полнее бы освещали общее положение.

— Я думал об этом, Александр Павлович. Поступают ко мне и многие просьбы с подобными пожеланиями, убеждают меня переехать в Париж, чтобы иметь сношения с представителями разных общественных течений. Возможно, я решусь на это.

Дальнейший ход беседы позволил генералу добиться такого успеха, о котором он мог только мечтать. Говорили об армии, разваливающейся, теряющей боевой дух.

— Но и вы ведь воин, Александр Павлович, — сказал Великий князь. — Я чувствую в вас дух Святого Георгия

Победоносца. И вы оторваны от армии, от борьбы. Есть ли у вас какие-нибудь планы?

— Только об этом и думаю, Ваше Императорское Высочество, только и планирую. И не только я, но и другие генералы, и Петр Николаевич. Мой план таков: немедленно заслать в Россию несколько ударных офицерских групп в составе 3—5 человек. Хорошо вооружить, снабдить взрывающими устройствами и произвести ряд смелых эффективных террористически-диверсионных актов. Очень многие офицеры ждут начала этой борьбы. Первые удары — по собраниям чекистов и комиссаров.

— Что вам требуется для проведения таких ударов?

— Деньги. Без денег в Россию сейчас идти нельзя.

— Некоторое количество денег мы для вас найдем. Господин барон, перед отъездом Александра Павловича выделите ему 20 тысяч франков из моего личного фонда по моему личному распоряжению. А вы почувствовали, Александр Павлович, в нынешней весне дыхание Бога? Эта весна наша, Русская.

Кутепов уже знал, что из-за подобных пассажей о Великом князе говорят, что у него «зайчики в голове». Генерала это не волновало — были у него начальники с «зайчиками» страшнее. А здесь — представитель династии, первое лицо среди русских за границей благословил его на начало борьбы. Фактически назначил главным руководителем на этом новом террористическом этапе сражения против красной России.

Два человека, сближаясь в разговорах и делах, интуитивно чувствуют расположение друг к другу, и Кутепов уловил доброе отношение к себе со стороны Великого князя. К Врангелю у Николая Николаевича такого отношения появиться не могло — тот сам рвался к власти над Россией.

Засыпая в поезде, Кутепов представлял Россию, подожженную и взорванную его отрядами, разрушающими в пыль здания ГПУ, Совнаркомов, райсоветов и прочих источников красной заразы. Опять будут стоять перед ним поверженные, разгромленные, сдавшиеся на милость, и он будет эту милость распределять. И Великий князь с доброй улыбкой кивнет: действуй, генерал!

В Душенаваче Кутепова торжественно встретили домашние и присоединившиеся к ним приезжие офицеры. Среди них — капитан Ларионов, прибывший из Финляндии. После всяческих приветствий, долгого обеда и обязательных рассказов он пригласил капитана на прогулку. Тот рвался в бой.

— Мне не нужны никакие окна на границе, — говорил он, — не нужны проводники. Я сам перехожу границу по тропкам, известным только мне. Уже несколько раз был на русской земле. Все собираюсь поехать в Питер.

— Виктор, я всегда знал вас как одного из самых боевых офицеров нашей армии. Заверяю вас: борьба начинается! Великий князь выразил одобрение моим планам и даже выделил определенную сумму денег. Руководить буду я. Разумеется, формально согласую с Врангелем, но все дело будет в моих руках. Теперь нам надо собрать самых боевых офицеров и нацелить их на борьбу. Вы поедете в Болгарию, в Велико Тырново?

— Я только был там и сейчас еду опять.

— Вот вам и задание: подберите человек 30 офицеров, готовых идти в Россию, и пригласите ко мне на следующую субботу — будем конкретно решать. И личная сердечная просьба. Марию Владиславовну Захарченко вы, конечно, знаете? Я привез ей подарок из Парижа...

— Подарок в самый раз — она только что вышла замуж за штабс-капитана Радкевича.

Начальник особого отдела штаба Главнокомандующего генерал Климович ехал в Берлин с племянником Врангеля Араповым. Тот всю дорогу объяснял ему новую великую теорию евразийства, которая все объяснит и спасет Россию.

— Понимаете, Евгений Константинович, — говорил молодой евразиец, — если бы победила наша Белая армия с помощью Европы, то Россия расколослась бы и исчезла как великая империя. Все инородцы — узбеки, калмыки и

прочие — откололись бы от нас. Поэтому только всероссийское движение, охватывающее все народы страны, позволит восстановить великое государство. Мы должны ориентироваться и на Европу, и на Азию. Наше будущее — это центр евразийского континента. Мы — центр...

Климовича не раздражали эти речи. Он всегда был расположен слушать людей, чтобы нечто узнать у них.

— Слова вроде Евразии не обозначают ничего. Только дают заработать хитроумным интеллигентам, их придумавшим. Можно с помощью разговоров о Евразии помочь этим людям на перроне? А навести порядок в России? Сильная власть, частная собственность, и в России будет лучше, чем было до войны, даже лучше, чем в вашей Евразии.

В Берлине их встретил Белов. Отвез в гостиницу, рассказал новости: монархисты собираются ночью в каком-то магазине, чтобы заслушать представителя российского подполья Федорова-Якушева, и сообщил данные о нем, и то, что с ним нетрудно организовать встречу.

— Что в Париже? — спросил Климович.

— С мадам Зи-Зи простые контакты ничего не дали, а действовать силой без вашего разрешения мы не стали.

— Правильно. Сейчас это дело можно закрыть. Кутепов приблизился к Николаю Николаевичу и, наверное, будет работать на него. Пусть службы Великого князя им и занимаются.

Жаркий август в Берлине. Поздний вечер, а Климовичу пришлось сидеть с Араповым в номере с открытыми окнами и дверь нараспашку, но даже сквозняк не избавил от духоты. Официальный представитель Врангеля в Германии молодой генерал фон Лампе в двенадцатом часу привез русского подпольного монархиста Федорова. Лампе объяснил такой поздний приезд необходимостью сохранить встречу в тайне, особенно от местных монархистов, которые все против Врангеля, и на всякий случай от ГПУ.

По договоренности с Климовичем Арапов вышел на улицу.

Главным человеком на встрече был, конечно, Александр Александрович Федоров, живущий в советской России и ежеминутно рискующий жизнью ради восстановления монархии. Ему — лучшее прохладное место, его угощали, ласкали взглядами и улыбками.

— Рассказывайте, Александр Александрович, — доброжелательно предложил Климович, усаживаясь поудобнее, как бы приоткрываясь слушать длинную интересную сказку.

— Собственно, я не готов... так... Может быть...

— Но вы же недавно выступали перед этими старыми песочницами из монархического совета, — напомнил Лампе, — по-моему, был хороший доклад.

— Ну, разве что... Господа, я член Политсовета монархической тайной организации, действующей в России и называемой «Трест». Такое название удобно с точки зрения конспирации при переписке, переговорах и тому подобное. Основы нашей программы: восстановление самодержавной монархии, земельная реформа, основанная на жаловании государем землей дворянства и выдача государем купчей на землю крестьянству. Вся земля по закону должна принадлежать государю. Еще один из главных пунктов программы — опора на внутренние силы, естественно, желательно с помощью интервенции. Возникает вопрос, откуда лучше организовать интервенцию...

Климович внимательно смотрел на гостя. Откормленный, хорошо одетый, модно причесанный интеллигент. Занимает в большевистской России очень хорошую высокооплачиваемую должность — в такую длительную командировку послали. Правда, это связано с покупкой оборудования, но... В общем, пока никто, в том числе и этот Федоров-Якушев не узнает, что о нем думает генерал.

— Господа, я предлагаю на сегодня считать достаточными те краткие сведения о «Тресте», которые дал нам любезный Александр Александрович, и в ближайшие дни продолжить обсуждение в более расширенном составе. Сейчас давайте воспользуемся тем, что здесь нет лишних, и выясним конкретные вопросы разведывательности. Мне нужно два непрерывно действующих окна на границе ближе к центрам. В скором времени я пошлю людей. Есть у вас два окна?

— Разумеется, — сказал Якушев, — я помню без записи. Вы будете записывать?

— У меня свой шифр.

— Тогда отмечайте. Первое окно эстонское, район Изборска, проезд поездом до...

Якушев четко продиктовал по памяти местонахождение точек перехода границы в Эстонии и Польше, клички проводников, явки в Петрограде и Москве.

Особенно рекомендовал московскую явку: Эдуард Оттович Стауниц.

Для Климовича это и будет настоящая проверка. Пусть Кутепов посылает через эти окна своих героев.

11

Арапову не пришлось никуда звонить — он вышел из отеля, и возле него сразу же оказался человек, предложил ему пройти по тротуару.

— Видите на противоположной стороне троих? — спросил человек. — Это они. Агенты ГПУ. Высокий в модном пальто, наверное, начальник. Он говорит по-немецки. Другие двое, видите, одеты почти в одинаковые пальто и шляпы. Они, стараясь быть незаметными, постоянно сопровождают вашего гостя. По документам — приехали учениками на завод «Бегман-Борзиг». По очереди там появляются. Поводов для задержания нет.

Расставшись со спутником, Арапов перешел на противоположную сторону улицы, по которой, не упуская из виду вход в отель, прогуливались те трое. Вход в отель был освещен, а здесь было темно, и он с трудом разглядел их лица, отметив про себя, что высокий, наверное, из интеллигенции. Как только из гостиницы вышли Якушев и фон Лампе, один из троих выбежал на мостовую ловить такси. Втроем сели в автомобиль и поехали следом за машиной фон Лампе.

12

Следующий доклад Якушев делал днем на квартире генерала фон Лампе. Приехали его послушать Шульгин и проницательный сенатор Чебышев. Второй раз увидев

приезжего, который теперь выступал с более полным изложением программы, Климович так пока и не выработал окончательного мнения о нем и о «Тресте», тем более что накануне генералы доложили ему о появлении в Берлине представителя некоего «Национального Треста» — тоже подпольного, тоже монархического, но как-то по-своему.

— Жди, Белов, — еще появятся, — сказал генерал.

При наличии нескольких «трестов» Климович видел свою задачу в том, чтобы от каждого что-нибудь взять и никому ничего не дать, особенно не дать понять, что он сам думает о данном «Тресте». Проверять, конечно, надо каждого и, в первую очередь, Федорова-Якушева.

В новом расширенном докладе тот много говорил об экономике. Главное — нэп. Улучшилось положение людей, стало больше продуктов, но это не идет на пользу советской власти, потому что возникают новые русские здоровые элементы, которые будут способствовать перевороту изнутри. Рассказывал Якушев о росте монархических настроений, в том числе у крестьян. Перейдя к военным делам, извинился, что, как штатский, не сможет дать полную картину и осветить вопрос в деталях. Однако отметил, что в «Трест» входят такие старые генералы, как Зайончковский и Потапов.

Все-таки Климович спросил:

— Каким образом удастся столь многочисленной подпольной организации уходить от преследований ГПУ, учреждения, как мы сами убедились, весьма сильного и умело работающего?

— Главное — конспирация и назначение своих людей на высокие посты в разных звеньях власти. Нэп стал причиной разочарования в революции многих коммунистов, и мы надеемся в ближайшее время привлечь на свою сторону и работников ГПУ. На крайние случаи у нас имеется несколько окон на границе. Прекрасно налажена связь с нашими представителями в Ревеле. Принимается ряд других мер.

Ответ был плохой, говорилось неуверенно, сбивчиво. Минус Якушеву.

Это заметил не один Климович. Когда обсуждение закончилось и Якушев уехал в свой отель, Чебышев сказал твердо:

— Господа, это опасный человек. «Трест» — мистификация ГПУ.

13

Трое приятелей наблюдали за выходом из квартиры фон Лампе, по-берлински пили пиво из бутылок, когда появился Якушев, они мгновенно схватили такси, и тому пришлось некоторое время постоять. Затем он сел в машину, и наблюдатели приказали шоферу ехать следом за ней.

14

— Едем сразу к Якушеву, — сказал Климович Арапову после доклада. — Всегда полезно посмотреть на человека, который не ожидает твоего прихода. Полезно и сравнивать, каким он был только что перед людьми и как изменился, оказавшись в одиночестве. И самое полезное — обедом накормит.

— Неужели Чебышев прав и Якушев чекист? — спросил Арапов.

— Вряд ли. Мои люди спокойно переходят границу, и хваленое ГПУ ничего не может сделать. Теперь пойдут люди Кутепова.

— Кстати, Евгений Константинович, вы смеетесь над идеей Евразии, а московские коммунисты ее признают. Фон Лампе показал мне брошюрку с докладом Троцкого на партийном съезде, и там черным по белому: «Москва наша искони была евразийской, то есть имела с одной стороны архиевропейский характер, и в то же время несла на себе черты чисто азиатские».

— Это только доказывает, что, кроме слов, в этой евразийской идее ничего нет. Но слова, конечно, годятся для того, чтобы собрать людей ради достижения каких-то серьезных целей. Троцкий это понимает. Сказал фразу — и часть наших евразийцев качнется к красным. И Якушев чего-то там бормотал о географическом положении России. Пусть говорят — мы должны работать.

И Климович работал. Оказавшись неожиданным гостем Якушева, заметил на его лице нечто нехорошее, вроде испуга. Чекист, испугавшийся, что его разоблачили? Может быть и так.

За обедом представитель «Треста» жаловался, что он попал между двух огней: сблизится с Врангелем — монархисты-

марковцы объявят его агентом ГПУ, свяжется с теми, наверное, так же поступит уважаемый Евгений Константинович.

— И тем не менее вы должны определиться, с кем работать. Ведь возникнут не только политические, но и финансовые вопросы.

— Нам, монархистам, подпольно действующим в России, нельзя игнорировать представителей законной династии. Для многих из нас Его Императорское Высочество...

— Николай Николаевич? — пренебрежительно прервал Климович. — У него же «зайчик в голове». Совершеннейший мистик, едва ли не больной. Это же он со своей супругой Станой напустил на Россию Распутина.

Генерал смотрел на Якушева. Как тот себя поведет? Возмутится? Удивится? Понимающе улыбнется? Нет. Якушев не нашелся. Изобразил некое благоговение к Романовым:

— Евгений Константинович, мне, как истинному монархисту, странно это слышать. Династия Романовых — народная династия.

— Какая там народная династия? Кого вы назовете из Романовых? Сплешные ничтожества!

— Но на кого же ориентироваться?

— Единственный человек, который может сегодня возродить Россию, — это Петр Николаевич Врангель.

15

Тяжелая болезнь Ленина позволила проявлять Дзержинскому некоторую самостоятельность в делах, но разболтала и заместителей. На совещании, где обсуждались донесения из Берлина, Менжинский⁵² в своей истерической манере начал доказывать, что эта операция ничего не дает, вызывает подозрения у эмигрантов, Якушева надо отзывать и операцию прекращать.

— Дайте мне их деньги и их людей, и завтра я привезу в Москву Савинкова, — заключил Менжинский.

— Как вы считаете, Генрих Григорьевич? — обратился председатель к Ягоде⁵³, человеку больших личных планов и поэтому всегда осторожному.

— Я полностью поддерживаю предложение товарища Менжинского о необходимости ускорения операции по за-

хватку Савинкова, но в донесении из Берлина есть важная информация для нашей практической работы на Западе. Наиболее активная часть эмиграции, то есть офицеры, остатки армии, считают первым кандидатом на власть в России Врангеля, не отвергая категорически Николая Николаевича. Это значит, что деньги, самые активные эмигранты, планы нападения на нас — все это перейдет к Врангелю. Сегодня это самый опасный наш враг в эмиграции.

— Что вы предлагаете? — спросил Дзержинский.

— Продолжить операцию «Трест». Пусть Якушев едет в Париж, встречается с верхушкой эмиграции, с самим Николаем Николаевичем. А мы должны начать борьбу против Врангеля. У меня есть любопытная идея. Правая рука Врангеля — Кутепов. Недалекий генерал, никакой не политик. Начнем с того, что натравим западную печать на Врангеля, доказывая, что он бесталанен, не умен, провалился в Крыму, ну и прочее. Произойдет раскол между Врангелем и Кутеповым, то есть раскол среди офицеров. Врангель потеряет авторитет, а значит, ему перестанут давать деньги. Без денег он не опасен. В то же время «Трест» в глазах эмиграции превратится в одну из самых авторитетных организаций.

Выслушав предложения помощников, Дзержинский по обыкновению лучшие из них сделал своими и в заключение настойчиво приказал продолжать операцию против Савинкова, операцию «Трест» в полном объеме и спровоцировать разрыв между Врангелем и Кутеповым.

16

Офицеры собрались полуконспиративно, расположились на лужайке за домом генерала Кутепова, будто отдыхающие. Кто на скамейке, кто на стуле, кто на пестрой травке. И собрание — человек 30 отобранных — тоже пестрое. Первым неприятно поразил Воронцов: Он уселся сзади в общих рядах, но казалось, что он сидит один далеко от всех — такое у него было лицо или, может быть, таким представилось генералу. Ближе всех капитан Ларионов. Если бы все офицеры были такие, как он, можно было бы уже сегодня переходить границу с Россией всей армией. Недалеко от Ларионова молодожены — Мария Захарченко

и штабс-капитан Радкевич. Для них пришлось изобразить улыбку, которая должна была бы напоминать отеческую, и Кутепов старался, хотя и не знал, как это делается.

Речь его получилась скомканной:

— Господа, вы знаете, на что решились. Наше дело там — в России. Наша обязанность — показать русскому народу, что и мы, сидя здесь в безопасности, не забываем своего долга перед родиной. В представлении подрастающих в России поколений русский патриот-эмигрант является таким, каким изображают его советские рептилии. Мы должны там, и только там, показать себя и напоминать всем, что мы умеем бороться и умирать. Мы должны смотреть на походы в Россию как на наше необходимое и обычное дело, а не как на подвиг. Когда мы проникнемся сознанием, что только совершаем свой долг перед Родиной, нам легче будет переносить все тяготы и лишения, которые выпали на нашу долю. Нам немного, очень немного, но эти немногие ценнее и лучше многих тысяч. Наше дело правое. Оно требует жертв, без жертв лучших русских людей Россия не восстановится, и они необходимы, они будут всегда. Многие погибли, погибли еще, погибнем все мы, начавшие, но зерно брошено, и плоды будут там — на Русской земле. Надо, чтобы дело наше продолжалось до тех пор, пока в России существует власть интернациональных бандитов. В заключение — некоторые технические частности. Каждую группу буду отправлять я лично. Никто, кроме меня, не будет знать состав, задачи и маршрут группы. Первые уйдут в ближайшие дни.

Ни вопросов, ни обсуждения не было. Поднялись и начали медленно расходиться. Сначала к Кутепову подошли Мария и ее муж.

— Ничего не изменилось? — спросила Мария.

— Нет, — тихо ответил Кутепов. — Вы первые. Сам бы с вами пошел.

Затем, когда генерал уже направился к дому, его настиг Воронцов.

— Извините, ваше превосходительство, — сказал он. — Мне не следовало сюда приходить.

— Я тоже так думаю. Вы же против борьбы.

— Да. Я против террора. Вы посылаете в Россию на гибель остатки лучших русских офицеров, чтобы они несли

гибель мирным русским людям, только что начинающим оправляться от страшных разрушений войны. Ваши посланцы будут взрывать мосты, заводы, клубы и гибнуть сами. И это ради России?!

— Прощайте, господин капитан. Обращайтесь ко мне письменно. И вообще лучше подайте рапорт в отставку.

— До свиданья, ваше превосходительство. Я обдумую ваше предложение.

17

Можно было подумать, что Врангель стал меньше ростом, сжался, похудел, но это лишь изменилось выражение лица: в нем исчезло спокойствие непоколебимой власти, сменившись неясной тревогой. Вдруг все повернулось не в его пользу. В газетах его оскорбляли, превозносили Кутепова — он, конечно, этого не читал. В письмах друзей — предостережения, странные советы. Представитель подпольной России едет к монархистам. Его принимает даже сам Великий князь. Кутепов стал любимцем и советником Николая Николаевича. Говорят, по его совету князь переехал из Антиба в пригород Парижа Шуаньи.

Внешне все было по-прежнему: он — Главнокомандующий, Кутепов — его помощник. И разведывательную деятельность в России начинает по согласованию с ним. И вот здесь нельзя ошибиться.

Врангель вызвал Климовича для серьезного разговора. Тот всегда все знал, мог ответить на все вопросы, но не всегда можно догадаться, что на самом деле думает он сам. Иногда приходится действовать окольными путями.

— Вы знаете, Евгений Константинович, что генерал Кутепов направляет в Россию свою первую группу?

— Разумеется, Петр Николаевич.

— План операции вам известен? Вы давали Кутепову маршрут, окно на границе, явки?

— Скорее я дублировал. Ведь Якушев из Берлина поехал в Париж, там был принят Великим князем и встречался с Кутеповым или с его помощником. Во всяком случае, как мне стало известно из разговоров с окружением Великого князя, между обеими сторонами достигнуто пол-

ное соглашение по всем вопросам и намечена дальнейшая работа. Однако главная цель работы не столько борьба с московским Совнаркомом, сколько против Великого князя Кирилла Владимировича.

— По-видимому, за этим Федоровым-Якушевым и его «Трестом» ничего серьезного нет. Сами вы верите в «Трест»?

— Я, как и вы, Петр Николаевич, верю в факты. Пока фактов мало.

— Но люди Кутепова могут провалиться.

— Эти не провалятся. Даже если «Трест» — создание ГПУ, самых первых чекисты не возьмут, чтобы самим не провалиться.

— Хорошо. Теперь главное, Евгений Константинович. Сегодня же, сейчас же, сию же минуту мы с вами должны послать всем нашим представителям, действующим во всех странах и при всех серьезных эмигрантских организациях, представления, в которых надо указать, что любая разведывательно-информационная работа, где бы и против кого бы она ни велась, ведется не от моего имени, а также без участия моего штаба. Все лишние документы по этому вопросу уничтожьте или разошлите заинтересованным. Что касается Александра Павловича, то укажите в представлениях, что генерал Кутепов выполняет поручение Великого князя Николая Николаевича по организации разведки и пропаганды на советской территории. Я не хочу, чтобы в советских газетах изображали меня взрывающим дома и мосты в России.

18

В этот жаркий день Дымников, в который уже раз, думал о том, что надо закрыть агентство или передать его Мохову, а самому уехать куда-нибудь к Южным морям по следам Джека Лондона.

Разговор с Моховым наедине был сердечным:

— Коля, у нас примерно полтора десятка активных мужчин, и каждый из них охотно флиртует с Зиной, может быть, кто-то даже больше, чем флиртует. Вы с ней, как известно, не обвенчаны. И что же? Нам грозят полтора десятка дуэлей? Или, в лучшем случае, мордобоев?

416

— Она обещала на работе больше неприлично не кокетничать.

Отправив Мохова на поиски, поговорил с Зиной.

— Ну, обещала я ему, ну и что? Пристал, как банный лист. Он мне не муж.

— Почему не обвенчаетесь? Пора бы успокаиваться. А? Зина?

Она утрово молчала, глядя куда-то в пол или на свои почти обнаженные красивые колени.

19

Мохов, как говорится, с первого выстрела попал в яблочко: просмотрел список генералов и офицеров, окончивших тот же Сибирский кадетский корпус, что и генерал Корнилов. Затем, набравшись решимости, покинул ветерок бульваров и опустился в белокафельную жаркую духоту подземки. Ехать пришлось долго — генерал Лонжин занимал большую двухэтажную квартиру на улице Сен-Лазар. Для данного случая Мохов предъявил швейцару визитную карточку поручика Корниловского полка Русской армии. Генерал его сразу принял, крепкий, совсем еще не старый — не более 60.

— Да, молодой человек, — сказал генерал. — Я создал мемориальный кабинет генерала Корнилова и покажу его вам, благо никуда не надо спешить. Я знал Лавра Георгиевича с детства — вместе учились в Сибирском кадетском корпусе, правда, я шел несколько старше. Зато потом он намного обогнал меня, — и генерал изящно улыбнулся.

В мемориальном кабинете — огромный портрет Корнилова, знамена, ордена, боевые карты на столах, оружие, личные вещи и... ковры на полу. Те самые, текинские, три больших...

20

— Эти ковры подарены мне офицерами-корниловцами, — сказал генерал Лонжин, и в голосе его уже возникла нотка нежелания продолжать разговор.

Сидели у генерала за чаем в роскошной маленькой гостиной. Двое против одного.

— Они подарены ко дню памяти трагической гибели ве-

417

ликого вождя Русской армии, основателя Белого дела, — как бы продолжил Дымников. — Я уверен, что они навсегда останутся в созданном вашим превосходительством мемориале, и если дух Генерала сойдет на землю, то он будет ступать по родным коврам, к которым он привык с детства. Мы с Николаем Дмитриевичем пришли к вам, чтобы не допустить святотатственного вторжения в нашу память о генерале французской полиции. Эти ковры украдены и, наверно, побывали в разных руках, прежде чем попасть к вам.

— Что вы предполагаете предпринять? — спросил генерал.

— Просить вас пригласить к себе дарителей и дать возможность нам с ними поговорить.

Может быть, все произошло иначе, если бы не случайность: к генералу заехали знакомые — русские парижане Мансуровы.

— О-о! — воскликнул Александр Валерьянович Мансуров, увидев Дымникова. — Мой спутник по плаванию на «Императоре Индии». Убеждал я вас не оставаться в Севастополе. Слава богу, что пережили эту врангелевскую авантюру.

Познакомил с женой — шикарной парижской дамой и дочерью — десятилетней девочкой Любой. В Париже много красивых детей и в садах, и на бульварах, да и на тротуарах, но это был другой ребенок. Она была в белом платьице, и Леонтий мысленно сказал себе: «Бог тебе ангела прислал; он стоит перед тобой в белом одеянии и удостаивает беседой».

21

На совещание к генералу пришли Дымников, Мохов и три офицера корниловца, подарившие Лонжину ковры. Один из них — старый полковник Белковский, воевал с Корниловым еще в германскую войну. Он говорил за всех:

— Мы решили, что я расскажу все, без утайки. Судьба довела меня и моих молодых друзей до того, что нам пришлось стать грузчиками. Нас троих и еще нескольких русских и французов нанял для Арутюняна подрядчик Ахтырский. Арутюняну в Париж пришел целый вагон вещей: мебель, ящики, мешки и много ковров, свернутых трубочками по несколько штук. На мое несчастье, развязал-

ся как раз текин, который я хорошо помнил, видел и в кабинете у Лавра Георгиевича, и в его походных палатках. Я рассказал подрядчику, что к печальной памятной дате гибели Корнилова готовится мемориальный кабинет, и некоторые ковры просто необходимо взять для этого кабинета. Я обещал, что с течением времени мы соберем с офицеров соответствующую сумму. Этот Ахтырский сначала потребовал, чтобы я имел дело только с ним и ни в коем случае не с хозяином. Затем усомнился в сборе необходимой суммы, и, в конце концов, уговорил меня и всю бригаду грузчиков организовать хищение. Там было полторы сотни ковров. Решили взять штук 20 и три текина отдать нам. Я согласился, надеясь, что мы все-таки соберем деньги. Вообще, к своему стыду, мы, как неопытные воры, надеялись, что в той неразберихе погрузки и перевозки пропажа вообще будет не замечена.

22

Пришлось лгать, что прежде, чем закончить дело с коврами, надо обязательно посоветоваться с Мансуровым, опытным в коммерческих конфликтах. Через генерала Лонжина созвонился с Александром Валерьяновичем и был радушно приглашен. Собирался, как на первое свидание, мучился, подыскивая подарок и не нашел ничего лучшего, чем роскошное издание сказок Пушкина с иллюстрациями, сданное букинисту, конечно, каким-то русским эмигрантом.

Мансуров склонился над какими-то бумагами в своем просторном кабинете, здесь же гремел патефон, и Люба отплясывала чарльстон. Она была в модных сандалиях, голубых носочках, голубой юбке и белой кофточке. Ее русые волнистые коротко подстриженные волосы слегка развевались, и лицо сияло беззаботным детским счастьем. Да, Леонтий, любовь — это не стремление овладеть женщиной, а счастье сознавать, что она существует на земле, живет, играет, улыбается, танцует, и ты можешь иногда взглянуть на нее и даже подарить книгу.

— Я особенно люблю «Сказку о мертвой царевне», — сказала девочка. — Спасибо, дядя Леонтий.

И поцеловала его в щеку. Он понял, что если существу-

ет райский сад, то весной почки и листья там пахнут именно так.

— Так он чувствует некоторый тайный долг по отношению к вам? — спросил Мансуров. — Вот и прекрасно. Прямо говорить не надо, а можно осторожно намекнуть, что вы все забыли. Пусть с армянином оформляется документ, вам копию.

Леонтий, конечно, и сам бы догадался.

23

Поехали с Моховым к Ахтырскому, которого застали в его конторе у Северного вокзала.

— А вы теперь не в армии? — спросил Ахтырский. — Сейчас и не поймешь, кто белый, кто красный.

— Программа Главнокомандующего барона Врангеля гласит: в армии нет партий, нет политики. И я этой программы придерживаюсь. Что касается ковров, то вы без меня договариваетесь о цене этих трех текинов — размеры указаны, выплачиваете согласованную сумму, берете соответствующую расписку, а лично мне вы привозите заверенную копию. Как закончатся ваши переговоры об остальных коврах, меня не интересует. И вообще, если нам придется здесь с вами встречаться, то лучше по таким вопросам, которые не заинтересуют французскую полицию.

На обратном пути Мохов всю дорогу удивлялся:

— Как он вас боялся, этот Ахтырский? Что у вас с ним было? Он красный, что ли?

— Если честно, я и сам не понимаю, чего он боится. Навряд ли что-то в Крыму и думает, что я знаю.

— А вы не знаете?

— Коля, ты меня будешь допрашивать? Честное слово, я не воровал ковры.

24

Кутепов начинал себя не узнавать — раньше он не говорил с начальником так независимо и даже резковато, как теперь иногда с Врангелем. Осень была сухая, но совместные прогулки с Главнокомандующим закончились как-то

сами собой. По определенным дням, обычно по вторникам, помощник Главнокомандующего генерал от инфантерии Кутепов ездил на доклад к Врангелю. Как правило, на докладе присутствовал Шатилов — правая рука барона, а иногда и контрразведчик Климович. Тогда возникали самовар, водка, квашеная капуста, калачи, словно подтверждая, что «здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Кутепов приехал в раздраженном состоянии потому, что к нему только что приходил Воронцов. Он подал рапорт об уходе из армии, рассчитался, сдал оружие, собрал чемодан и пришел попрощаться с генералом в каком-то кургузом штатском костюмчике. Можно было бы его и не принимать, но человек воевал под его командованием, наконец, захотел оставить о себе хорошую память.

— Я забыл все наши споры, — сказал генерал, — и желаю вам добиться успехов в гражданской жизни.

— К сожалению, Александр Павлович, я не могу забыть наши расхождения во взглядах на жизнь христианина, особенно теперь, когда вы начинаете новую страшную войну — террор в России. Прошу вас, одумайтесь, Александр Павлович. Вы посылаете туда лучших офицеров. Они взорвут несколько заводов, несколько мостов, погибнут сами, и от этого ничего не изменится. Только ненависть к нашей армии возрастет.

— В монастырь идете?

— Нет. Я еще хочу побороться.

— Против кого? Против меня?

— Не против вас лично, а против всех тех, кто хочет продолжать войну.

Кутепов поднялся из-за стола. Аудиенция закончилась.

— Прощайте.

— Прощайте.

Руки друг другу не подали.

А Врангель за самоваром завел разговор о войсках, стоявших в Болгарии, — как раз оттуда уходил Воронцов.

— Мне докладывают, что там распаталась дисциплина. Люди просто разбегаются. И это не самое страшное. Начинается буквально гражданская война с болгарскими коммунистами. Вы давно там были, Александр Павлович?

— Я там был летом, и таких эксцессов не было.

— Уже есть раненные и убитые. Возникает опасность для наших женщин, инвалидов.

— Генерал Пешня молодец, — сказал Климович. — Бьет коммунистов, как в России. Он командует марковцами.

— Но не может же один Пешня, — продолжал Врангель. — По-моему, вам, Александр Павлович, следовало бы поехать в Болгарию.

— К сожалению, я не могу сейчас уехать отсюда в связи с организацией разведывательной сети в России. Здесь у меня центр. Отсюда я отправляю группы, сюда ко мне приходят донесения. Сегодня я получил донесение от первой группы и хотел доложить вам, ваше превосходительство, и вам, Евгений Константинович.

Впервые за все существование Армии генерал Кутепов отказался выполнять прямой приказ Главнокомандующего.

— Что ж, докладывайте, — сказал Врангель обыденным голосом, словно ничего и не случилось. — Мы понимаем, что письменно такая информация не передается.

— Штабс-капитан Радкевич и его жена Мария перешли астоно-советскую границу 3 октября в месте, указанном организацией «Треста», по информации Евгения Константиновича. Третьим с ними шел гардемарин Буркановский. К сожалению, он был застрелен пограничниками — отстал и пропустил время перехода. 9 октября утром они прибыли в Петроград. Оказалось, что в городе тяжелая обстановка: обыски, облавы. Тогда они выехали в Москву в воинском вагоне, занятом матросами. Из разговоров выяснилось, что матросы воспитаны в советском духе и настроены воинственно. В Москве штабс-капитан с женой явился на конспиративную квартиру к члену «Треста» Стауницу. Они решили снять торговый ларек на Центральном рынке и использовать его для передачи конспиративной почты. Встречались с некоторыми членами «Треста», и впечатление от встреч положительное. Как вам известно, Великий князь Николай Николаевич принимал под Парижем одного из руководителей «Треста» Федорова-Якушева, что также свидетельствует о серьезности и авторитетности этой организации.

— Каковы дальнейшие планы? — спросил Врангель.

— Согласно договоренности все акции будут производиться по решениям, согласованным с Политсоветом «Тре-

ста». Сейчас идут предварительные переговоры об экспроприации одного из отделений Госбанка. У нас и у «Треста» деньги на исходе.

— Что же, господи, примем к сведению сообщение Александра Павловича? Принято. Но с поездкой в Болгарию не получается?

— Не получается, Петр Николаевич.

Когда Кутепов уехал, совещание продолжалось.

— И так целый год, — с досадой в голосе сказал Врангель, — сидит здесь, ничего не делает и отказывается от всякой работы, какую я ему предлагаю. То, что он пытается самостоятельно вести свою разведку в России, посылает каких-то своих представителей и в Россию, и в Балтийские страны — все это очень несерьезно и затрудняет нашу работу по сбережению армии. Кутепова необходимо прикрепить к определенному месту и к определенному делу, но в настоящей исключительно трудной обстановке он вряд ли справится с серьезной задачей. Но он нравится Великому князю.

— Вот пусть Великий князь его и берет, — сказал Шатилов.

1924

1

*«Распоряжение
генерала Врангеля
№ 14*

г. Сремски Карловцы 21 марта 1924 года

1. Генерал от инфантерии Кутепов освобождается от должности моего помощника и начальника Галлиполийской группы в Болгарии.

2. В течение долгих страдных дней Генерал Кутепов был моим неизменным соратником. В памятные дни тяжелого отхода Добровольческой армии зимой 1919 года, в незабвенные месяцы борьбы в Крыму летом и осенью 1920 года войска Генерала Кутепова вписали бессмертные страницы в историю нашей борьбы. Огромная воспитательная работа в Галлиполи дала возможность сохранить армию в изгнании.

Ныне русские люди за рубежом объединились вокруг имени Того, в Кого вложены упования сотен тысяч русских людей. Его именем осенена работа национальных русских сил. К этой работе привлекается и Генерал Кутепов. В сознании огромной важности предстоящего Генералу Кутепову дела я расстаюсь с ним как непосредственным моим помощником.

Дорогой Александр Павлович! Ныне общее руководство национальным делом ведется уже не мною. Ты выходишь из моего непосредственного подчинения и не будешь уже руководить теми, кого неизменно водил в бой и закаливал в Галлиполи, но верю, что Сердце Твое останется с нами и, когда протрубит сбор, Ты снова будешь среди нас.

*Генерал Врангель,
Генерал Абрамов».*

2

В агентстве Дымникова появилась еще одна табличка на двери комнаты, соседней с кабинетом директора: «Главный бухгалтер Воронцов М.П.».

Леонтий и Мохов сидели над картой Парижа.

— Сведения совершенно точные, — говорил Мохов. — Кутепов занял квартиру на улице Русселе, 26.

— Если так, то сразу слежку: когда выходит, с кем ездит, куда, с кем встречается, где бывает, где прогуливается. В общем, все. Ты, Коля, будешь руководить, а наши французы — исполнять. Они уже знают, что мы хотим, и поймут смысл слежки. Когда узнаем все о передвижениях генерала, придумаем план. Впрочем, я уже над ним думаю. Сюда генерала не повезем. Сниму дом под Парижем. И хочу привлечь Воронцова, а то нас мало.

В кабинет постучали, и вошел Воронцов.

— Вот и он. А где твои бухгалтерские книги? Как в этом месяце?

— Пока идем с прибылью. Без книг я, Леонтий, потому что хочу с тобой очень серьезно поговорить.

— Держу пари, что я хочу с тобой поговорить еще более серьезно. Оставь нас, Коля, мы будем выяснять, у кого дело серьезнее.

Оставшись вдвоем, несколько замешкались, с какого же самого серьезного вопроса начинать.

— У меня вопрос жизни и смерти, — сказал Воронцов.

— Странно, однако у меня тоже.

— Тогда, Леонтий, начинай ты, как директор.

— Я давно решил убить Кутепова, — сказал Дымников и замолчал, наблюдая за реакцией собеседника. Но тот был спокоен.

— Продолжай, — сказал он. — Я слушаю.

— Я предполагал, что ты мог отвергнуть саму идею убийства.

— Мы с тобой столько убили людей, наверное, многие из них были лучше генерала Кутепова. А он сейчас очень вреден и опасен. Пытается вызвать диверсионную войну против России. Не могу понять, почему люди, окружающие его, не объяснят ему, что в этой войне нет победы. Будут только трупы наших лучших офицеров, согласившихся выполнять задание Кутепова, будут погибшие люди в России. Он не свергнет советскую власть, а лишь вызовет ненависть всей России к нам.

— Максим, я хочу, чтобы ты участвовал с нами в этой акции. Не палачом, конечно. Нас мало, и требуется помощь в наблюдении, в охране.

— В этом смысле я не щепетилен. Вполне могу всадить пулю в этого любителя убивать. У вас уже есть план?

— Плана нет — он же только что переехал в Париж. У меня пока есть идея. Я хочу, чтобы это было не просто убийство из-за угла, а нечто вроде процесса с заранее известным приговором. Хочу выслушать его и понять. Поэтому спланируем похищение, отвезем в тайное место. Вот так. А теперь давай вычислять, чье дело более серьезное.

— В этой комнате мы только что говорили об убийстве, и я не могу здесь же открывать тайны своей души, говорить совсем о другом, о человеческом.

— Время — вечер. Имеем право отдыхать.

Они шли сквозь лиловые парижские сумерки, местами уже пробитые веселым светом фонарей. Вокруг смеялись, целовались, пели, пили вино и кофе. Высоко над головами вознесся плакат: «Голосуйте за левый блок Эррио!»

— Что ж, начинай, Максим.

— Только не надо шутить. Мы с Зиной решили обвенчаться.

— Да. Над этим шутить нельзя. И я вообще ничего не скажу по этому поводу. Не буду ни отговаривать, ни поддерживать. Такие серьезные жизненные проблемы человек решает сам.

— Я этого и не жду от тебя. Я хочу попросить, чтобы ты своим авторитетом в агентстве как-нибудь повлиял на Мохова, Шигарина, других. Я все о ней знаю. Мы много говорили с ней. Она понимает, что брак — это ее долг перед Богом и людьми. Хочет идти со мной под венец и быть матерью моих детей. Но мать помешала любящим соединиться, то и здесь могут все разрушить разговоры.

— Все сделаю, Максим. Будет настоящая хорошая свадьба.

На другой день Леонтий, улучив момент, от души поздравил Зину, но все же позволил себе спросить:

— Ты собираешься рожать? Почему же раньше не рожала?

— Если б.. будет кончать с каждым клиентом, то ей надо бросать работу, а в Париже вообще рожают только по заказу. Европейская техника.

3

Каждое утро в 9 часов к его дому подъезжало такси. Всегда разные машины, разные шоферы, но всегда шоферы — бывшие офицеры-галлиполийцы.

Он ехал в свою канцелярию на Рю де Карм, где в скромном доме на 2 этаже все уже были на местах: начальник канцелярии князь Трубецкой, помощник по секретной работе полковник Зайцов и секретарь поручик Кривский. В кабинете на столе все необходимые бумаги, в отдельной папке срочные, а секретные приносил Зайцов.

На календаре черным карандашом: 12.00. И обведено многозначительным кружком.

— Сегодня особый день, — сказал Кутепов, приветствуя Зайцова. — И солнце светит ярче и веселее.

— Чем же этот день особый, Александр Павлович?

— Неужели вы забыли, Арсений Александрович? По сути, вы сегодня главное действующее лицо. Мы же впервые отправляем отсюда своего проходника в Россию. Он придет к двенадцати ноль-ноль.

— Конечно, я об этом не забыл. Даже обдумывал, не сделать ли это как-то более конспиративно. Может быть, в другом месте, чтобы только мы с вами знали?

— Нет, Арсений Александрович. Нас в нашей канцелярии, в нашей воинской части четверо, и каждый верит в каждого. Излишняя секретность среди своих иногда оскорбляет и даже может спровоцировать человека перейти в другой лагерь.

До 12 Кутепов смотрел почту. Секретное письмо из Моеквы:

«Дорогой дядя! Мы расширяем свою деятельность и круг доверенных лиц. Недавно удачно провели экспроприацию районного отделения Госбанка. Поэтому у нас сейчас есть деньги на расходы по поездкам. Главная работа — мой почтовый ящик для связи. Несмотря на все мои доводы, Федоров против террора. Считает, что после смерти Ленина главное — это подготовка к перевороту. Собирается в Париж к Великому князю для разработки конкретного плана. Поедем вместе с военным руководителем «Треста» генералом Потаповым Николаем Михайловичем. Постарайтесь встретиться с ними. Мы получили новые документы: Я — Березовская, Георгий Николаевич — Карпов. Мы официально обвенчались. На свадьбе присутствовал ваш проходник Мукалов, Федоров был посаженным отцом. Ждем новых инструкций. Хорошо бы взяться за оружие.

Мария, Георгий».

Большой пакет от Врангеля — проект Положения о «Русском общевойсковом союзе» с четырьмя территориальными отделениями — западноевропейским, средневропейским, прибалтийским и балканским. Здесь же и проект бюджета Союза. Спешит барон — спешит уцепиться хоть за что-то, пока не исчезла фактически уже несуществующая армия, перешедшая на трудовое положение. Конечно, он метит в председатели нового Союза. Где-нибудь, но обязательно первым, главным. Пусть тепит баронское самодобие. Все его затеи — не работа на новую Россию, а поли-

тиканство. Генерал Кутепов как сражался с 17-го года, так и сегодня борется за возрождение России.

12.00. Вот и его воин — «кутеповец», как стали говорить. Поручик Михеев. Поручик!

Самое героическое военное звание в Белой армии. Это они, поручики, составили костяк небольшой воинской группы, названной Добровольческой армией и проделавшей Ледяной поход, с которого все началось. Они и были настоящими добровольцами — на них не висела вина за грехи старой армии, они не восставали против неожиданной советской власти, их не держали в Быховской или Бердичевской тюрьмах, грозя расстрелом, — они хотели, чтобы Россия осталась такой, какой была, когда они родились. Это они шли в атаку, как на параде, во весь рост, шли на пулеметы, без выстрела, держа винтовки наперевес. Кубанские походы, Ростов, Харьков, Орел, отступление до Новороссийска... Почти все они остались лежать там, в кубанских и украинских степях. Какая Россия снится им, убитым? Со звоном Московских колоколов? С Царскосельскими парадами? С заросшим прудом в разоренном имении?

Начинается новый этап борьбы, и вновь первыми идут поручики. Вот и Михеев — настоящий молодой русский богатырь с степенной улыбкой. Такие стесняются своей силы. Не любят выделяться из общей массы.

Пришел уже готовый сесть в поезд: солдатский ранец на спине, небольшой чемодан, простая прочная одежда. С ним уже был подробный инструктаж о маршрутах, пограничных окнах, явках. Теперь только напутствие и секретное поручение.

Зайцов в последний раз проверял документы поручика, Кутепов говорит:

— Вы идете первый раз, и не надо думать о своем поступке как о подвиге.

— Но я так не думаю, ваше превосходительство.

— Хорошо. Тем более что сейчас у нас налажены отношения с «Трестом», и он пока бережет наших людей. К сожалению, «Трест» категорически против террора, а поскольку в России они для нас пока гостеприимные хозяева, мы вынуждены подчиниться.

— Почему они против террора, ваше превосходительство?

— Называйте меня Александром Павловичем.

— Они боятся, Александр Павлович?

— Может, и боятся, но объясняют свою позицию тем, что сейчас, после смерти Ленина, надо срочно готовить и совершать переворот, а террор может отвлечь, нарушить конспирацию и прочее. Но у нас с Арсением Александровичем и у Марии Владиславовны Захарченко другие взгляды. Мы считаем, что террор необходим. Это сигнал! Напоминание о нас и нашим друзьям, и нашим врагам. Поэтому сегодня мы даем вам особое секретное поручение. Лишних бумаг в нашем деле не надо разводить — запомните так. Найдите возможность переговорить с Захарченко наедине. Передайте ей лично от меня горячий привет и пожелание удачи в ее опасном деле. Передайте ей, что она — моя личная представительница в России, ей обязаны подчиняться все наши люди, которые направлены мною туда. На словах пусть соглашается с этим Федоровым-Якушевым, а на деле пусть проявляет инициативу. Если есть возможность взорвать здание ГПУ или какого-нибудь Совета, бросить бомбу в зал съезда коммунистов, это обязательно надо делать, не спрашивая «Трест». Этот Якушев считает себя вождем русского подполья. По крайней мере ведет себя как вождь. Я смотрел его дело. Обыкновенный холуй с интеллигентной внешностью. В старой России преподавал в лицее и холуйствовал перед родителями своих учеников, чем и двигал свою карьеру. Теперь перед советской властью холуйствует — высокую должность занимает — консультант при народном комиссаре. В командировку за границу ездит. А может, и перед ГПУ холуйствует — мы пока не знаем. Пока будем его использовать. Мы его, а не он нас.

Зайцов еще раз просмотрел все документы, сказал, что все в порядке. И даже «советские» документы можно без опасения предъявлять на той стороне — все сделано по последним правилам.

— Все же, Саша, обязательно посоветуйтесь с Марией и о документах, и вообще обо всем, — сказал Кутепов. — Для начала ваша главная задача — присмотреться, прислушаться. И самому говорить, если нет опасности. Пусть народ не думает, что мы хотим какой-то реставрации. Мы обязательно учтем после переворота сдвиги, которые рево-

люция произвела в жизни русского народа. Будут всемерно приняты во внимание интересы крестьян и рабочих.

По русскому обычаю, присели на прощанье. Михеев вышел, а Кутепов долго смотрел в окно ему вслед. Жизнь и борьба продолжались. Он видел десятки, сотни, тысячи таких михеевых, постепенно занимающих всю Россию, окружающих себя единомышленниками, разоблачающих и разрушающих лживую партийно-советскую власть...

Вечерами после ужина Кутепов выходил на прогулку по Рю де Руссел, шел в одиночестве до перекрестка с улицей Удино, думал о приближающихся решающих событиях. В Польше готовят плацдарм для его армии — она перейдет границу в день переворота. Обсуждали с Великим князем и кавказский вариант, предполагающий проведение армии через Турцию.

4

Сидеть бы так целый вечер, не отрывая взгляда от Любы, с удивительным изяществом кушающей мороженое. Именно кушающей. Или слушать, как она читает «Мороз и солнце, день чудесный...». Однако приходится скрывать эти свои, наверное, неестественные желания. Хозяин приглашает в гостиную на мужской кофе с коньяком. В раскрытых окнах — огни Эйфелевой башни. Разговор, конечно, о политике.

— Теперь, господин Дымников, признание Францией СССР — решенный вопрос. Левый парламент, премьер — Эррио. Все пройдет без осложнений, — говорил Мансуров. — Скорее всего, осенью, когда начнется политический сезон. Послом, по-видимому, назначат Эрбетта. Он заведует отделом политики в газете «Тан» и много сделал для признания СССР. Его статьи всегда были очень убедительны. Напечатал он несколько моих очерков о пользе торговли с СССР. Мы с ним в хороших деловых отношениях, и он меня возьмет в Москву в торговое представительство. Давно мечтаю попасть в родной город. И Любочка рвется. Считает себя русской. Кстати, большую роль в готовящемся признании СССР сыграл Маяковский. Он тоже в дружбе с газетой «Тан». Знаете такого поэта?

— Я его видел в 13-м или в 14-м в «Бродячей собаке», в Петрограде. Своеобразная поэзия. Я предпочитаю классику. У меня одинаковые вкусы с вашей Любочкой. Пушкин.

— Да. Маяковский — футурист. От классики далеко.

— В 17-м на фронте встречал некоего критика Шкловского, который доказывал, что Маяковский — великий поэт.

— Шкловского я видел в прошлом году в Берлине. Его преследовало ГПУ, он бежал в Германию, но теперь преследования прекратились, и он вернулся в СССР. По-прежнему считает Маяковского великим поэтом. Вместе они создали журнал «ЛЕФ», что означает «Левый фронт»...

Семь страшных лет прошло. За эти годы у него, простого русского юноши Леонтия Дымникова, вырвали, выпотрошили душу и бросили то ли в ров вместе с трупами расстрелянных пленных, то ли в мусор севастопольской Южной бухты, где по приказу главного убийцы самое нежное и прекрасное, что было на земле, в одно мгновение превратили в холодный труп с кровавой дырочкой на груди... А они по-прежнему пишут стихи и критические статьи... Там, наверное, и царствует вечность, а не в ритмах духового оркестра, играющего «Преображенский марш».

5

На свадьбе Воронцова и Зины все было чинно и никто не допустил никаких пошлых намеков, и жених был серьезен, и невеста в белом с золотом в меру печальна, в меру весела и даже всплакнула. Слушая Максима, хорошо сказавшего о долге мужчины христианина, Леонтий вдруг задумался о своей жизни, о долге, обо всем, о чем лучше не задумываться.

О прощении Кутепова не могло быть и речи. В воскресенье все пятеро участников операции проехали весь маршрут от агентства до улицы Руссел, где жил генерал, и далее в Севр под Парижем, где Леонтий купил дом. Внутреннюю отделку и специальный подвал делали рабочие из Алжира. Вокруг дома густой сад — сливы, яблоки, абрикосы.

Здесь обсудили план.

— Лучше утром, — сказал Пьер.

— Завтра, — предложил Дымников.

— В понедельник не надо, — возразил Мохов. — Давайте завтра сделаем репетицию. Подъедем утром и посмотрим все.

— А во вторник операция, — настаивал Дымников.

— Во вторник хорошо, — согласился Мохов.

За ночь превратили «Рено» в такси и утром все пятеро поехали к дому Кутепова. Остановились метрах в 100—150. Время — без пятнадцати девять. Парижане шли проторенной дорогой к подземке, и один из тротуаров был почти пуст. Генерал вышел ровно в 9. Маленький, жесткий, напряженный, однако явно не думающий об опасности. На нем светлый костюм, галстук, в руке небольшой портфель. Такси ему не подали. Подождал минут 10, затем решительно зашагал по тротуару, поглядывая на мостовую, пытаясь поймать машину.

— У них начались перебои, — объяснил Серж. — Не каждый день подают машину. Лето, отпуска. Левое правительство отстаивает права рабочих.

— Завтра, — сказал Дымников.

— Нет, Леонтий Андреевич, — возразил Мохов. — Вы же артиллерист. По теории вероятностей завтра ему обязательно подадут такси. Нам бы сегодня, но кто знал. Теперь послезавтра — 20-го.

6

Кутепов поймал такси и приехал в канцелярию вовремя. Рабочий день начался с встречи с Зайцовым. Секретное письмо от «племянников» — Марии и Радкевича. Михеев прибыл, все передал, все будет исполнено.

Перехвачено письмо Великого князя Кирилла Владимировича к «Дяде Николаше» — Николаю Николаевичу, в котором предупреждает о том, что окружение настаивает на провозглашении Кирилла императором России. Сам же он побаивается: «Я готов идти с Тобой к одной цели — спасению нашей Родины и протягиваю Тебе руку с полным доброжелательством, дальнейшее Мое отношение к Тебе зависит всецело от Тебя самого...»

— Держите меня в черном теле, Александр Павлович, — не преминул напомнить Зайцов, — а мои люди, работая

почти бесплатно, перехватывают и снимают копии с таких материалов.

— Что еще?

— Копия письма Врангеля Шатилову об организации Союза.

«...в случае согласия Великого князя возглавить антибольшевистскую борьбу, наш Союз становился бы военно-организационной основой всего движения, в случае же отказа — стал бы своего рода обществом связи и взаимопомощи русских воинов, подчиняющихся Главнокомандующему...»

— Все это бессмысленная возня, — резюмировал Кутепов. — Создаст Врангель Союз и будет упиваться властью над всеми русскими военными эмигрантами. Власть-то призрачная. А дело не подвигается ни на шаг. Только мы делаем дело. Только мы ведем борьбу. Но и мы должны спешить, пока власть у большевиков не отняли другие люди. Когда будет готова наша тройка?

— Поручики Михайлов, Лентуков, Зубов отправляются в начале сентября.

— Вот кто делает дело. Что еще?

— У меня к вам личная просьба, Александр Павлович. Я в Добровольческой армии с конца 18-го и в Ледяном походе не участвовал. Сейчас, вспоминая обо всем, о боях, о потерях, я думаю, что это было великое время, когда сражались и погибали замечательные люди.

— Да, эти люди были прекрасны. Я счастлив, что сражался рядом с ними. С такими людьми все можно было бы сделать. Увы, они почти все погибли.

— Нельзя, чтобы их забыли, Александр Павлович. Я осмелился взяться за военно-историческую работу о событиях 1918 года и как автор буду просить вас рассказать о неизвестных мне эпизодах, подсказать оценки. Ведь вы были в центре событий.

— Я помогу вам, Арсений Александрович. Как-нибудь вечером покажите мне ваши планы и наброски.

7

Вторник 19-го начался с газет и разговоров.

«По официальному сообщению советского правитель-

ства, в СССР органами ОГПУ арестован известный контрреволюционный политический деятель Б. В. Савинков, руководитель так называемого «Народного Союза защиты Родины и Свободы» — антисоветской террористической организации. Вместе с Савинковым задержаны его ближайшие помощники».

Мохов приехал часов в 10, взволнованный, расстроенный. Зашел к Дымникову, сказал обреченно:

— Все. На операции — крест. Ничего сделать нельзя. Я был у генеральского дома. За ним приехали две машины. Теперь, наверное, будут охранять.

8

Кутепов был мрачен: не так все просто в России. Савинкова он не любил — террорист, революционер, авантюрист. Жил в Париже и вдруг арестован в СССР. Не мог перейти границу? Не было надежной явки? У него же как будто многочисленная организация. Или свои же и предали? В любом случае — это урок.

Обсуждали случившееся вчетвером. Больше всех знал, конечно, Зайцов.

— Мои люди в Париже поглядывали за ним и за теми, кто к нему приезжал. Часто бывал советский служащий Мухин. Я его раз видел. Не внушал доверия. Возможно, он и увез его в Россию, где сам и арестовал.

— Какие мы должны сделать выводы? — спросил Кутепов. — Какие принять меры?

— У нас порядок установлен четкий, — сказал Зайцов. — Нарушаем иногда — давайте не нарушать. Не оставляйте секретные документы на столах.

— И никого чужих здесь не принимать, — предложил Трубецкой. — В Париже много мест, где можно поговорить.

— Самые секретные документы, которые могут заинтересовать ГПУ, — это письма наших людей из России, — сказал Кутепов. — Отныне приказываю тайных почтальонов направлять с письмами не сюда, а ко мне домой.

— И надо договориться с офицерами — шоферами такси, чтобы обязательно приезжали по утрам, — напомнил Кривский.

— Это уже сделано без нас, — несколько смущенно сообщил Кутепов. — Сегодня приехали два авто. Один, кажется, капитан Литовкин, если я не перепутал фамилию, рассказал, что рано утром, как только открыли гараж, к ним пришли офицеры-рабочие с какой-то фабрики и предупредили о возможных провокациях. Я удивился, откуда они узнали, ведь еще газеты не выходили.

— Наверное, услышали по радио, — предположил Кривский. — Многие сейчас делают радиоприемники.

— Может быть, — согласился Кутепов, — но мне все это не очень приятно: мои бывшие боевые соратники должны работать на меня.

— Конечно, должны! — воскликнул Кривский. — Кроме вас, у нашей армии нет вождей!

— Вынужден вам напомнить, — возразил Кутепов, — у нас есть Главнокомандующий армией барон Врангель.

— Он — Главнокомандующий, а вы — вожды!

9

Обсуждали с Моховым все происходящее и пришли к выводу, что август и даже начало сентября в этом году не похожи на обычное каникулярное время. 19 августа пришло известие об аресте Савинкова, 31 августа — Манифест Велико князя Кирилла Владимировича о принятии им на себя титула «Императора Всероссийского», 1 сентября — сообщение о создании Русского Обще-Воинского союза (РОВС).

— Такие исторические свершения надо обсуждать за холодным пивом в тени платанов, — предложил Дымников.

Они пошли к Люксембургскому саду, нашли уютное место. Мохов достал газету.

— В дополнение к событиям, — сказал он. — Газета «Правда».

«Из Протокола Президиума ЦИК СССР от 5.9.24.

Принимая во внимание успешно завершённую упорную работу и проявление полной преданности к делу в связи с исполнением трудных и сложных заданий, награждаются орденами Красного Знамени: Менжинский В. Г., Федоров А. П., Пузицкий С. В.»

— Думаешь, за Савинкова? — спросил Дымников.

— Конечно. Менжинский — известный чекист.

— ГПУ работает хорошо. По-моему, даже где-то возле меня.

— Где? Кто? — испуганно спросил Мохов и даже оглянулся, будто собрался бежать.

— Чего так испугался? — удивился Леонтий. — Я говорю: возле меня, а не возле тебя. Хоть ты дважды и сорвал операцию...

10

Теперь на звонок в дверь выходил не денщик Федор, не Лида, не Борис, а сам генерал. Если секретная почта, то письмо безмолвно передавали из рук в руки. Так и это письмо:

«Дорогой дядя. Произошло несчастье с Михеевым. Мы с ним, с Георгием и Стауницем подготовили акт в клубе в Сокольниках во время районной партийной конференции. Планировали бросить 2 бомбы в окна с двух сторон. Все было предусмотрено. Нас ждали на автомобилях свои. Бомбы были у меня и у Михеева. Когда мы врозь пробирались сквозь толпу к окнам, вдруг начали проверять документы с той стороны, где шел Михеев. Мне пришлось быстро уходить, а его схватили с бомбой. Конечно, он уже погиб в ГПУ, но у нас все в порядке. Значит, не выдал. В октябре к вам едут 2 руководителя «Треста». Племянники».

Вот и еще один неизвестный герой погиб за Россию! Кутепов поднялся и подошел к красному углу и долго молился Святому Георгию.

11

Из Сербии Мохов вернулся в дождливый вечер, но на лице его сияло утреннее солнце. Ворвался в кабинет, как из другого мира, исполненного интереснейшими событиями.

— Выписывайте премиальные, Леонтий Андреевич, пока Воронцов на месте. Привез столько, что мы можем еще дополнительно открыть отдел военной контрразведки. Однако по порядку. Посылали по поводу Крымской конференции. Читайте копию:

«Начальнику Особого отдела штаба Главнокомандующего

генерал-лейтенанту Климовичу Е.К.

Доношу, что по сведениям, полученным от агента А., большевистская конференция будет проводиться с 5 по 7 мая в Коктебеле на территории, принадлежащей писателю Волошину. По данным агента, писатель в конференции не участвует и предоставил территорию под пикник.

2 мая 1920 г. Полковник Журавлев».

Внизу выцветшими фиолетовыми чернилами: «Агент А. — Ахтырский» и подпись: «Секретарь Кошкин».

— Вот и есть тема для разговора с агентом А., — сказал Дымников, пряча бумагу в сейф.

— Еще не все, Леонтий Андреевич. Есть новости о вашем любимом генерале. Он связан с российской подпольной монархической организацией «Трест». В конце октября — начале ноября два высших руководителя «Треста» приезжают в Париж для встречи с ним.

— Как мы узнаем, что они в Париже? Может быть, это как раз тот случай, когда нам никто не помешает? Ведь встреча у них будет конспиративная, значит, почти без охраны.

— В Сербии все знает аппарат Климовича. Найдем когонибудь и здесь. Дали мне почитать письмо Шатилова к Врангелю. Я вот сделал выписки о Кутепове. Посмотрите:

«Кутепов отдаляется от своих недавних товарищей по Главному командованию. Он заразился общим настроением окружения Великого князя и проявляет в полной мере общее стремление быть Великому князю приятным и удобным. Он перестал делиться новостями со мной, Миллером, Хольмсоном, совершил ряд бестактных поступков. Вот тебе и единство работы, о котором мы так ратовали. Я его понимаю, как согласование усилий, Кутепов же его понимает в полной своей изоляции от нас. По некоторым данным, сам Александр Павлович считает, что дни Армии сочтены и что скоро мы собой ничего представлять не будем. Возможно, что он в этом отношении поддерживает тех, кто старается внушить Великому князю эти мысли».

— Если Кутепов действительно считает, что дни Армии сочтены, то у него мозги еще работают, — сказал Дымни-

ков, — и когда мы его поймем, с ним будет интересно поговорить. Поймаем?

— Обязательно, Леонтий Андреевич.

12

В кабинете Дзержинского на 3 этаже пасмурно, неясно и сложно, как и во всей стране. Сидели с Ягодой и Артузовым⁵⁴, и нарком с трудом сохранял внешнюю уверенность и спокойствие.

— Теперь, после образования РОВС, — говорил Артузов, — необходимо точно выяснить, кто будет вести разведку и диверсии у нас. Что они собираются делать. До сегодняшнего дня удастся удержать кутеповцев от террора, а что будет завтра?

— Послать Якушева в Париж? — спросил Дзержинский.

— И Потапова, — напомнил Артузов. — С заданием обязательно встретиться с Николаем Николаевичем, с Кутеповым и Врангелем. Тем более Врангель верит Потапову, все-таки он генерал-лейтенант, штабист.

Ягода скептически ухмыльнулся.

— Они ему верят, — сказал он. — Мы ему верим. А в кого он верит? Если один из них останется там, из нас никого здесь не будет. Всех выгонит новая метла. Вы же знаете, что творится наверху. Троцкому не простят «Уроки Октября» — нельзя быть умнее всех. Погонят каждого, кто в чем-нибудь виноват или общался с Троцким.

— Владимир Ильич учил, что наша задача... — начал Дзержинский, и у всех лица приобрели молитвенно-скупящее выражение. Они привыкли к тому, что руководитель ГПУ уходит от сложных вопросов с помощью банальных политических пассажей, ежедневно печатающихся в «Правде».

Когда он закончил, Артузов снова вернулся к делу:

— Если мы ничего не предпримем в ответ на создание РОВС и вдруг начнутся диверсии, нас вполне справедливо отсюда погонят.

— Якушеву я ни на миллиграмм не верю, — сказал Ягода.

— Хорошо, что у вас такая фармацевтическая точность, —

сказал Дзержинский, заставив Ягоду озлобленно прикусить губу, — но у него в Москве жена и дочь и, кажется, еще сын.

— Это его не остановит, — не унимался Ягода. — У него бабы и в Варшаве, и в Ревеле, и в Берлине, и в Париже. Наверное, и дети есть.

— Нехорошо завидовать, Генрих Григорьевич, — соизволил пошутить Дзержинский, и все засмеялись. — А ежели без шуток, то посылать Якушева и Потапова можно только в том случае, если «племянники» останутся здесь. В заложниках. Если Якушев захочет «вильнуть хвостом», Кутепов спросит с него за своих.

В конце концов решение было принято, и нарком подвел итог:

— Посылаем Якушева и Потапова. Захарченко с мужем остаются в Москве. Отправлять не по советским командировкам, а дать отпуска и пусть лезут через окно на границу. Обязательно направить группу секретного наблюдения. Можно тех же ребят.

В коридоре закурили, и Ягода сказал:

— Умница нарком. Если по заграникомандировке кто-нибудь не вернется, нас обвинят в пособничестве. А так — бежали.

13

Обычно Кутепову в канцелярию от Великого князя звонил барон Сталь, на этот раз генерал услышал в трубке голос барона Вольфа:

— Сегодня в Париж приезжают руководители «Треста» Федоров и генерал-лейтенант Потапов, — сообщил барон, — Его Императорское Высочество просил вас встретиться с ними раньше, чем он сам их примет. День приема назначен — 5 ноября. Значит, у вас 4 дня. Федоров позвонит вам сегодня вечером.

Звонок барона — приказ, но разговор с «трестовцами» будет неприятный. После Михеева погиб полковник Масалин. А дела нет. Кроме политических донесений и разговоров о будущем перевороте. Если бы... Снова вперед! Корниловцы, марковцы, дроздовцы... Существует два варианта нападения на СССР — польский и кавказский.

Кутепов вызвал Кривского:

— Михаил Алексеевич, приготовьте оба варианта вторжения. Карты и расчеты. Чтобы все было убедительно, чисто, понятно. Будем показывать гостям из Москвы. Учтите, что один из них генерал-генштабист.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Разрешите доложить: к вам генерал Скоблин.

— Приглашайте.

Красавец генерал. Талантливый и храбрый командир Корниловской дивизии. Любимец всей армии. Муж знаменитой певицы. Теперь, в штатском костюме, Скоблин как-то сжался, посерел, и глаза не сверкают так, как в те критические моменты боя, когда все висит на волоске и он командует: «Корниловцы! За Россию! Вперед!»

Кривский поставил коньяк, бокалы, лимон.

— Я так и не знаю, Николай Владимирович, истинной причины вашего увольнения, — сказал Кутепов. — Допытывался у Врангеля, но, кроме общих слов о дисциплине, ничего не услышал.

— Истинной причины и нет. Говорят, будто ему донесли мои критические замечания о нем. Разве это причина? Разве существует командир, о котором подчиненные не говорили бы критически. Сам-то он как Деникина мучил своими речами и письмами. Может быть, хотел сэкономить на генеральском окладе? Тогда денег у армии не было. Даже Лукомскому должность не нашли. А у меня Надя гонорары получает за свой голосок.

— Странно. Я убежден, что вы займете подобающее место в Русской армии.

— Когда? Когда армии не будет? К этому идет. Франция признала СССР. О нас просто забудут.

— Есть люди, которые не дают забыть о нашем Белом деле.

— Я знаю: вы говорите о себе, о своей борьбе. Поэтому я к вам и пришел.

— Если бы вы были молодым поручиком, я через несколько дней направил бы вас в Россию с заданием. А теперь вам придется ждать, когда мы с вами вместе войдем туда во главе армии. Это обязательно произойдет не позднее, чем через год.

— А молодежь охотно идет на задание в Россию?

— Да. И это хорошо. Жизнь русской эмиграции будет оправдана в том случае, если мы будем бороться за восстановление России и готовиться к действительному служению ей. Наш первый долг — всеми средствами помогать ее дремлющим национальным силам. Надо их раскачивать, толкать на борьбу, вести пропаганду, заражать своей жертвенностью. Представляете, Николай Владимирович, они идут не в рядах своего полка, а в одиночку, за тысячи верст от своих соратников. Как бы ни скромны были задачи, ставящиеся «походникам», им всегда грозит смерть, но не в открытом бою, не на бранных полях, а в застенке, от руки палача.

— Тяжело, Александр Павлович, думать о том, что почти все, идущие туда, не вернуться, и каждый это сознает. Но вопрос в том, целесообразна ли их гибель, принесет ли она пользу возрождению России? Я не знаю. И никто не знает. Мы говорим, что борьба идет, а где она? Где победы в этой борьбе?

Самого Кутепова днями и ночами терзали эти мысли, и он вдруг видел себя в какой-то мутной реке, беспомощно бьющего руками по воде, но ни на сантиметр не продвигающегося вперед. Да и впереди нечто неясное: мираж, иллюзия... Как и страх в бою, так и эти мысли он преодолел усилием воли.

— Конечно, только говорить о борьбе — это мало, — согласился он со Скоблиным. — Меня часто спрашивают: идет ли борьба? Многие думают, что борьба идет только тогда, когда они знают, как она идет. Я же могу вам сказать одно: время от времени мы все узнаем о благородных жертвах этой борьбы, но только та борьба успешна, о которой не знает никто. Надо идти к цели. Отчаяние — удел малодушных. Помните лозунг революционеров: «В борьбе обретешь ты право свое» — эсеровский, кажется? Мой лозунг похож: в борьбе и только в борьбе мы обретем свое отечество.

Уходя, Скоблин говорил хорошие слова о том, что своей уверенностью Кутепов придал ему мужества для борьбы, но сказал это, наверное, только из вежливости. Чувствовалось, что не верит он в дело Кутепова. Пусть. Надо самому сильнее верить, тогда не будут сомневаться и те, кто идут за тобой.

И все же, несмотря на усилия, состояние духа оставалось тяжелым до позднего вечера, когда раздался ожидаемый телефонный звонок.

— Александр Павлович, добрый вечер, говорит Федоров.

— Добрый вечер, Александр Александрович.

«У этого Федорова-Якушева непривычные интонации, — подумал генерал, с которым никто никогда так не говорил — что-то искусственное, артистическое. Может быть, так и надо? Он же не начальник и не подчиненный, а представитель других людей. Так сказать, дипломат. Может быть, представитель ГПУ. Потому и управляет голосом как артист. К Савинкову тоже все время приезжал некий «представитель».

— Отель Эксельдиор недалеко от Гранд-опера вы, наверное, знаете, Александр Павлович?

— Найду.

— В понедельник 3-го вечером там будет занят для нас номер. На втором этаже, № 7. Я буду ждать вас в 10 вечера. Просили вам передать, чтобы вас никто не сопровождал. Даже охрана. За безопасность будем отвечать мы.

— Мария Владиславовна с вами?

— Нет. Она осталась дома.

— Почему? Она обязательно должна была приехать. Она — мой официальный представитель.

— Много разных причин. В том числе и финансовые. Мы с вами будем об этом говорить. Так я вас жду.

— Ждите.

Кутепов повесил трубку, преодолевая желание рвануть так, чтоб провод порвался. Не дождался! Они приехали похитить его, как Савинкова. Марию оставили заложницей. Требуют, чтобы пришел один и без охраны.

14

— Я в этом участвую последний раз, — сказал Пьер.

— Я тоже, — сказал Дымников. — Выйдет, не выйдет — все равно бросаю агентство и куда-нибудь уеду. Например, в Южные моря. Последние месяцы работаем в убыток. Жизнь в эмиграции устоялась: не воруют, жены не убегают, родственники не теряются, все нашли тех, кого иска-

442

ли, — вот и сыщики для русской эмиграции становятся не нужны. Но объект завтра мы должны взять. Если все так, как рассказал Коля Мохов, для этого у нас есть все возможности.

— Ну, почему же не так, Леонтий Андреевич? — обиделся Мохов. — Я же плачу большие деньги человеку из охраны Николая Николаевича. А они всегда все знают. Сказано: прийти одному и без охраны.

— Кто же их самих охраняет? — спросил Серж.

— Их охраняют, — сказал Мохов, — но они сами не знают, кто. Или из посольства — там сейчас в связи с ремонтом полно народу, или с ними невидимки ГПУ.

— Значит, принимаем план Воронцова. При выходе из отеля генерал или садится в такси к Мохову, или по безлюдной улице идет к подземке. Серж и Пьер следят за ним завтра с утра и приходят с ним к отелю. Непредвиденные случаи есть.

— Леонтий Андреевич, — укоряюще сказал Мохов, — на то они и непредвиденные.

— И дважды их автором был ты, Коля.

— Леонтий Андреевич! — уже чуть не кричал Мохов. — Но если резина...

15

Ноябрьский вечер был мрачный, ветреный, слякотный, а улица, на которой стоял отель Эксельдиор, далеко не Пигаль. Только шум близких Елисейских Полей несколько оживляет, а то вообще — глухая провинция. Вход в отель хорошо освещен, каждого входящего и выходящего можно тщательно рассмотреть. Кутепова они бы не прозевали. Автомобиль Дымникова стоял сзади такси «Рено» Мохова, а тот сумел занять место почти рядом с входом.

Отель небольшой, проживающих немного, входные двери открываются не так часто. Но вот уже 10 ровно, вот 5 минут...

Из отеля на улицу вышли двое, никуда не торопящихся. Один — высокий, можно было бы даже сказать стройный, если б не такой худой. На нем было модное пальто по фигуре и шляпа. Другой тоже в хорошем пальто и шляпе, но пальто сидело на нем неуклюже — не по росту или не по

443

деньгам. Этот другой был ближе к Дымникову. Он остановился, закурил, повернулся лицом, и в ярком свете фонаря Леонтий узнал улыбающегося Клинцова. Вдвоем стояли, курили, о чем-то тихо разговаривали.

Вот уже и 10 минут. Внезапно дверца «Рено» открылась, Коля вышел и направился к Дымникову. Постучал в стекло. Леонтий открыл дверцу своей машины.

— В чем дело? Еще только 10 минут.

— Дело в том, что генерал не придет. Только что в отель вошел его помощник полковник Зайцов. Пришел вместо него. Можно, конечно, еще посидеть — узнаем, когда он выйдет.

— Посидим.

16

Второй этаж в Эксельциоре лучший, а № 7 лучший на втором этаже. Здесь к 10 часам вечера был накрыт ужин на три персоны, и когда пришел Зайцов, его сразу пригласили за стол.

— Извините, господа, — объяснился полковник, — но Александр Павлович неожиданно тяжело заболел — открылась рана еще 15-го года, и его часа два назад увезли в частную клинику. Вас не успели предупредить. Вот его записка вам, вот мои документы.

План Якушева заключался в том, чтобы очаровать Кутепова готовностью «Треста» к перевороту, а за это получить от него хорошие деньги. Очаровать можно Зайцова, но денежный вопрос он не решит. И только для того, чтобы подготовиться к встрече с Великим князем, подрепетировать разговоры, он вкратце сообщил Зайцову о готовящемся перевороте.

— У нас все рассчитано по дням, — говорил Якушев. — Если бы мы сегодня имели денежные средства, чтобы начать, то через полгода в России было бы уже наше правительство. Можно было бы приурочить переворот к майским праздникам. Но денег нет, а нам надо 25 миллионов долларов.

— Финансовое положение в армии мне неизвестно, — сказал Зайцов, — но о подготовке военной части дела мы с Александром Павловичем говорили. Он считает, что армия будет готова перейти границы СССР через 10 месяцев. Если начать

подготовку сейчас, то это значит — август. При этом разработаны два варианта — кавказский и польский. Поляки обещают нам освободить в приграничной полосе лесные дачи...

17

Зайцевский, Клинцов и Заботин жили в Эксельциоре на 3 этаже. Они скрытно наблюдали за встречами в 7 номере, заметили, что вместо Кутепова явился другой, убедились, что никакой охраны не было. Потом проследили за возвращением Якушева и Потапова в отель Крийон, убедились, что поднадзорные дисциплинированно легли спать, отправились к себе.

За ужином с дешевым французским вином Клинцов — старший группы — рассказал о посещении здания советского посольства, где начался грандиозный ремонт. Там он встретился с лицом, временно исполняющим обязанности резидента.

— Свой человек, — рассказывал Клинцов. — Все знает. Он еще днем мне сказал, что мы Кутепова не увидим. Будто бы на него готовится покушение, а нам он сейчас нужен живой, потому как он у нас на крючке. Его чуть ли не наши специальные люди охраняют. Но этого никто не знает. Да. Свой парень. Со мной советовался.

18

Серый безветренный день накрыл землю с такой прочной безжалостной уверенностью, будто он утвердился навеки и теперь никогда не будет ни солнца, ни зелени, ни весны. Настроение Дымникова соответствовало этому серому дню, казалось, что в жизни никогда ничего не будет, похожего на весну, и единственное серьезное событие для человека — это его смерть. Он уже подумывал, не начать ли успокаивающий запой, как в Лондоне, но тут явился посетитель. Леонтий сразу узнал того высокого, курившего с Клинцовым у отеля Эксельциор.

Такого, как Дымников, — не красный и не белый, сумел хорошо устроиться на Западе, к тому же — интеллигент: фотографировался с поэтом, — Зайцевский искал

давно. Если решиться, наконец, бежать из СССР, то к такому можно обратиться.

— Какое у вас дело ко мне? — спросил сидевший за аккуратно прибранным письменным столом симпатичный русоволосый человек лет тридцати с выражением неизлечимой тоски в светлых глазах.

— У меня всего 10 минут, и дело касается вас. В советские органы передано обвинение в ваш адрес — будто вы в 1920 году в Крыму предали врангелевской контрразведке партийную подпольную конференцию.

— Я давно этого жду и успел подготовиться, — сказал Дымников, открывая сейф. — Дарю вам фотокопию документа о партконференции. Можете передать его своим друзьям. Кстати, на днях я видел вас у отеля Эксельсиор.

— Мы там живем. Я хотел сделать что-нибудь полезное для вас. Потому что, возможно, в следующий мой приезд сюда некоторая помощь понадобится мне. Для агентства «Русский сыщик» я могу быть полезен. Я знаю так много о всех высших чинах Белой армии, что о каждом мог бы написать книгу.

— И о Кутепове знаете?

— Конечно.

— Вы его ждали в тот вечер? Почему он не появился? Рассказывайте — вы же хотите сделать что-нибудь полезное для меня.

— Его предупредили о готовящемся покушении.

— Кто предупредил?

— Этого я не знаю. Могли даже наши из ГПУ предупредить — он им сейчас нужен. Они через кого-то на него влияют и удерживают от террора.

— Через кого?

— Этого я не знаю. Мои 10 минут истекли. К следующему моему приезду постараюсь узнать то, что вас интересует.

19

Итоги поездки обсуждали в кабинете Ягоды днем, но окна были завешены и включено электрическое освещение. Замнаркома любил работать ночью и, по возможности, старался день превратить в ночь.

446

— Клянусь, Генрих Григорьевич, Великий князь Николай Николаевич вышел к нам в заштопанном костюме и старых сапогах, — сказал Потапов.

— Какой бедный. А в этом году одних колчаковских денег получил миллион франков. Кормит всех белых генералов и РОВС, и своих прихлебателей.

— И свита у него удивительно неосведомленная, — продолжал Потапов. — Принимал нас в присутствии какого-то специалиста по охоте с борзыми, и тот, не понимая, о чем идет речь, вдруг сообщил Николаю Николаевичу, что в России существует подпольная организация «Трест». Это же смешно. Князь его высмеял, но тогда зачем привлекать к серьезным обсуждениям?

— Смешно, — согласился Ягода. — Смешно то, что так ни копейки вы у него и не выбили.

— Мы просили хотя бы аванс 10 миллионов, но получили полный отказ. Наверное, поэтому и вышел в потрепанном костюме. Однако я вполне уверенно утверждаю, Генрих Григорьевич, что наш доклад о готовящемся перевороте произвел на князя большое впечатление. Он тут же приказал вызвать из Сербии Врангеля, спрашивал о сроках.

Бывший генерал Потапов вызывал у Ягоды некоторое уважение, и он больше нажимал на другого участника поездки.

— К вам, Николай Михайлович, у меня нет претензий, но зачем вы туда ездили, Александр Александрович? Что вы сделали? Денег не получили. С Кутеповым не встретились. Почему?

— Нам сообщили о его болезни. Как мы могли проверить?

— Вы сами не верите в болезнь Кутепова. Вы расшифровали «Трест». Кутепов больше вам не верит. Это все ваши прогулки по Парижу.

— Но я же никому ничего...

— Этого мы не знаем. А то, что Кутепов перестал вам доверять, понятно.

— Позвольте, Генрих Григорьевич...

— Подождите. Потому и денег вам не дали, что не верят в «Трест». Считают вас агентом ГПУ.

— Позвольте, Генрих Григорьевич, высказать предпо-

447

ложение, что Кутепов не захотел с нами встречаться без Марии Захарченко. Может быть, и в «Тресте» усомнился поэтому.

— Уважаемый Александр Александрович, — начинал злиться Ягода. — В нашей работе очень опасно валить с большой головы на здоровую. Это я сейчас пойду к Феликсу Эдмундовичу и скажу ему, что он виноват в случившемся, не разрешил поездку в Париж госпожи Захарченко? Нет. Идти к нему надо с предложениями: что сделать для восстановления доверия «Тресту».

— Я не знаю, — забормотал Якушев. — Кутепов такой...

— А если так, — вмешался Потапов, — кого-нибудь освободить из ихних и распространить информацию, что это сделано благодаря «Тресту», люди которого внедрены на многие высокие посты.

— Неплохо, — согласился Ягода, — поищем кандидатуру.

1925

1

1 марта в Прощеное воскресенье торжественно освящали храм Преподобного Сергия. Храм был битком набит русской эмиграцией и русской традицией: внешние генералы ненамного отличались от шоферов такси, рабочих заводов «Рено» и «Ситроен», принарядившихся в праздничные костюмы, но почетные места у алтаря отведены были только генералам и знаменитостям. Кутепов, как всегда, впереди. Здесь же и Миллер⁵⁵, и Шатилов, и Лукомский⁵⁶, и Струве, и Гучков... С уважительным вниманием слушали «Слово» митрополита Евлогия:

«...И для всех нас — как бы хотелось! — чтобы здесь создался светлый и теплый очаг родного Православия, чтобы и сюда притекали православные русские люди, измученные, истерзанные душой, как некогда притекали изнемогавшие под игом татарским наши предки в обитель Преподобного Сергия и получали утешение и запас бодрости ду-

шевной, обновляя душевные силы для борьбы с житейскими невзгодами...»

Кто-то сзади осторожно дотронулся до плеча. Кутепов слегка повернул голову — генерал Монкевиц, служивший в штабе Врангеля и недавно перебравшийся в Париж.

— Хорошие вести, — шепнул Монкевиц. — Подойду к вам потом, на улице.

Многие бросали службу у Врангеля после того, как в конце 24-го Великий князь объявил, что через Главкомандующего берет на себя руководство как армией, так и всеми военными организациями. Теперь все финансы у него. Потому и к нему, к Кутепову — начальнику секретной разведки и начальнику охраны Великого князя — все тянутся, и ему лестно сознавать, что он первый в Париже генерал. Не интригами, не родством, не протекциями заслужил доверие самого Николая Николаевича Романова. Вот и Монкевиц лепится. Этот генерал хорош тем, что у Врангеля занимался разведкой, кое-что знает, будет помогать...

Митрополит продолжал:

«...Низкий поклон мой в этом святом месте всем, кто принес сюда свои трудовые жертвы и особенно трогательны лепты бедняков, рабочих, бедных женщин, которые жертвовали свои последние серьги, кольца, желая остаться «неизвестными». Да воздаст Господь всем добрым жертвователям сторицею...»

На улице настоящая весна. Растапливается зима, плывут воспоминания.

— Помните, Павел Николаевич, такой март в 18-м на Кубани? Ах, да, вы там не участвовали, — Кутепов с удивольствием напомнил Шатилову, интригану-врангелевцу, что тот не «первопоходник».

Монкевиц настиг генерала у такси.

— Несколько слов, Александр Павлович, но сугубо секретно. Может быть, немного пройдем пешком по весеннему солнышку? Имею все основания заявить, что «Трест» полностью себя реабилитировал, и вы можете спокойно с ним работать. Дело в том, что некоторое время назад я направил своего разведчика в Россию — Демидова-Орсини. Прекрасный офицер, герой, настоящий рус-

ский дворянин. И, представляете, его схватили чекисты. Сразу не расстреляли, держали на Лубянке, хотели что-то вытянуть из него. Я был совершенно потрясен несчастьем. Написал в «Трест» Якушеву — вы же знаете: я переписываюсь с ним через Захарченко. Отчаянное письмо написал. И... Представляете? Его отпустили и дали уехать. Он рассказал, что, когда его освобождали, чекист, оформлявший документы, сказал: «Вам повезло: очень большой человек звонил нам по вашему делу». Вот такой «Трест».

— Это отрадно, — сказал Кутепов, стараясь не очень выражать радость. — Я регулярно получаю донесения «Треста», и из них тоже можно сделать вывод, что «Трест» — серьезная организация.

Расставшись с Монкевицем, генерал взял такси. Жаль, что шофер оказался французом — когда на душе хорошо, хочется разговаривать. Год начинался удачно: у Великого князя он — первое лицо в армии, Лида, наконец, станет матерью, Мария пишет, что, наверное, придет летом. Он имеет право на встречу с единственной женщиной, которая достойна его. И он для нее единственный мужчина. Она сама говорила так.

Неплохо бы еще пристрелить советского посла Красина, однако без договоренности с «Трестом» это делать нельзя.

2

Жизни многих людей планировались в кабинете на 3 этаже знаменитого здания на Лубянке.

Нарком вызвал Ягоду и приказал направить в Париж только Якушеву и Захарченко. Никаких сопровождающих, тем более, что Зайцевского переводят на вновь организуемую спецгруппу, а Клинцов был слишком близок с Троцким. В Париже, сказал нарком, после открытия посольства много наших людей и при необходимости они помогут. О задачах командировки говорил общими словами: укрепление отношений с Великим князем, с Кутеповым, РОВС; предупреждение террористических актов в СССР, разведка планов РОВС.

— Рейли⁵⁷? — напомнил Ягода недавнее прямое указание Дзержинского обезвредить Сиднея Рейли так же, как

обезвредили Савинкова. — Это задание «Тресту» отменяется?

— Ни в коем случае. Но план операции разработает вновь организуемая спецгруппа. «Трест» будет выполнять. А сегодня для успеха операции Якушев в Париже должен о Рейли молчать, не проявлять любопытства, интереса. Если будут говорить, пусть слушает, но с полным равнодушием.

Больше всего Ягоду волновала организация новой спецгруппы в ГПУ. Кому-то очень понравился этот бывший член ЦК партии эсеров Ян Серебрянский, а это опасно. Дни Дзержинского сочтены, его кресло, конечно, унаследует Менжинский, тоже очень больной, следующая очередь его — Генриха Ягоды. И вот новый соперник. Говорят, очень талантливый. Будто бы планы «Треста» и захвата Савинкова разрабатывал он. Значит, надо ему мешать. Но очень незаметно.

Якушева Ягода инструктировал вместе с Артузовым и в конце инструктажа сказал:

— Не забывайте, Александр Александрович, что сейчас главная задача «Треста» — захват Сиднея Рейли. Хоть Париж далеко от Лондона, но что-нибудь можно услышать. А поездка вдвоем с Захарченко вас устраивает?

— Конечно, вдвоем все сложнее, тем более с женщиной, но что делать? Без нее ехать нельзя. Кутепов не поймет, и мы опять с ним не встретимся.

— А как она? — продолжал Ягода выяснять подробности будущей командировки. — Не возмущается, что с ней не пустили мужа?

— Мне она ничего не говорила, — ответил Якушев.

— По-моему, она даже довольна, — сказал Артузов. — Там, Генрих Григорьевич, нет особенной супружеской любви. Так что, если нам нужен заложник, то это не он.

3

Парижский июль возвращал в победоносное лето 19-го, сиял харьковским триумфом, гремел московской директивой и наступлением на Курск. Жара не пугала — надеть легкую солнечную сорочку...

Одеваясь, почувствовал Кутепов какое-то давно забытое юнкерское волнение — так нервничал, стоя перед зеркалом, собираясь в увольнение в город на решительное свидание с девицей.

Поцеловал беременную Лиду, просил не тревожиться, если вернется поздно: обычная проверка охраны в Шуаньи у Великого князя, затем встреча с агентом.

Едва услышав голос Марии по телефону, не разобрав еще ни одного слова, он понял, что она приехала к нему. «Трест», Якушев, разведка и прочие проблемы — всего лишь предлог для встречи. И первые слова ее были:

— Я сумела настоять на своем и живу в другой гостинице, на улице Ришелье, не там, где Якушев. Ему не надо знать, кто ко мне будет приходить.

— Ему не надо знать, что к вам буду приходить я. Каждый вечер, пока вы будете в Париже...

Этот вечер — первый. Чтобы его удлинить, решил не ехать в Шуаньи, а сразу к ней. Она обещала ждать с 9 вечера. Конечно, в июле темнеет поздно, и засветло приезжать не совсем удобно, но разве Кутепова что-то может испугать? Как обещающе чудесно она предусмотрела эту другую гостиницу. Он не робкий и пылкий юноша, не Дон Жуан, не бульварный охотник — он мужчина-воин, то есть настоящий мужчина. И только женщина-воин, такая как Мария, могла возбудить в нем чувство, называемое любовью.

Он — настоящий мужчина, но, направляясь на улицу Ришелье, волновался. Не как мальчишка, а именно как мужчина, как воин, боявшийся не врага, не смерти, а поражения. Пытался представить, как она его встретит. Женщине в Париже очень трудно чем-то внешним восхитить мужчину: на улицах, на бульварах, на Пигалье есть все, что только может придумать женщина, чтобы показаться желанной любимому. Но Мария удивила и восхитила, не прибегая ни к модам, ни к особым парижско-кинематографическим манерам.

Когда она открыла ему дверь в свой номер, на ней был халат цвета английских военных гимнастеров, в которых когда-то шагали цепи корниловцев. Распушенные темнорусые волосы длинными лоснящимися в свете заката локонами падали на грудь и плечи. После первых невразуми-

тельных счастливых восклицаний, заменивших приготовленные фразы, после первых поцелуев, после подарка — значка галлиполийца с позолоченным крестом, после того, как исчез халат цвета хаки, Мария представила ему тело много пережившей женщины, которой за тридцать. Растянутый, несколько обвислый живот, темные пятна обморожений на ногах, кривой темный шрам ранения на плече. И у него на теле неприятные следы ранений.

Человеческая любовь иррациональна — никому никогда не понять, почему именно этот мужчина и эта женщина сплелись в беззаветных ласках. Но у этих двоих была еще общая ненависть к тем, кто отнял у них все, чем они жили, общее желание возмездия и возвращения России, которую захватили красные бесы.

Не минуты, а часы любви соединяли их, и Мария говорила:

— Не спеши — Якушев подождет. Пусть хоть до утра. Скажу, что для конспирации. Или скажу, что тебя искала всю ночь. Будто ты по бабам ходишь.

— Ты полностью ему доверяешь?

— Я проверяла его разными способами. Ты же знаешь, что это он спас Демидова-Орини. При мне звонил Зайончковскому, потом еще какому-то высокому лицу...

— Но где реальные результаты деятельности «Треста»? Нет никаких признаков, что в России готовится переворот.

— Готовится, Александр, я знаю. Я была с Якушевым у Зайончковского — он главный военный руководитель в «Тресте». Говорили о командирах полков, готовых поддержать выступление против большевистского правительства. Власть передадут Брусилову, который будет диктатором. И тогда ты вводишь свою армию, вступаешь в Москву, и я рядом с тобой. Ты согласен? Тогда поцелуй меня... А как у тебя дома?

— Ты знаешь, должен признаться: надеюсь скоро стать отцом.

Мария неудержимо захохотала.

— Что ты смеешься? Разве это смешно, когда рождаются дети?

— Смешно другое. Все мужья ходят к любовницам, когда жены беременны. Значит, ты тоже обыкновенный мужчина.

— Иногда так хорошо быть обыкновенным мужчиной. Например, сейчас...

4

Якушеву, действительно, пришлось бы ждать до утра, но, просидев за газетами часов до двух, он лег спать. Мария позвонила утром в десятом часу и сказала, что придет не одна. Он понял, с кем, и, несмотря на радостные интонации, встревожился — может быть, она радуется тому, что, наконец, разоблачила «Трест», и сейчас придут чинить расправу. Сняв предохранитель браунинга, он положил оружие в карман пиджака, решил, что следует застрелить обоих и бежать в посольство.

Пришли оба улыбающиеся, доброжелательные, но Якушев не мог сразу успокоиться и вглядывался в лица, ища следы замаскированной ненависти. Мария была весела до невменяемости. Пыталась что-то рассказать смешное о том, как искала Кутепова, но, так ничего и не сообщив, начинала хохотать. Кутепов, почувствовав что-то в настроении Якушева, сказал мягко:

— Простите меня, что не смог встретиться с вами вчера — были поручения РОВСа. Поверьте: для меня высокая честь быть представителем «Треста» в Париже. По-видимому, я очень мало вам помогаю, но поверьте: начнется живая деятельность, и все наши силы и средства будут вашими.

— Наша деятельность очень живая, Александр Павлович. Это подтвердит и Мария Владиславовна.

— Подтверждаю, Александр Павлович, — «Трест» работает. Вы думаете, разногласия в большевистском правительстве возникли сами собой на ихней конференции?

— Да, да! — подхватил Якушев. — Там работают наши люди. В конце года состоится XIV партийный съезд, и там вообще произойдет раскол. Наши трестовцы намеренно поддерживают Троцкого, чтобы увеличить силы оппозиции. Было бы очень хорошо, если бы вы приехали к нам и сами убедились, насколько эффективна наша работа. Приезжайте.

— Чтобы меня, как Савинкова, спапали, заставили раскаяться, а потом выбросили бы в окно?

— Александр Павлович, зачем вы так? — упрекнула Мария. — Если бы Савинков имел дело с нами, с ним ничего бы не случилось.

— Только мы бы его не взяли, — сказал Кутепов. — Очень слабый политик и не имел поддержки в России. Мечтал стать русским Муссолини.

— Мы работаем, Александр Павлович, но для ускорения переворота нам не хватает средств. В прошлый приезд, когда не удалось встретиться с вами, я говорил об этом с Великим князем. Увы. Нам не помогли. Давайте с вами вместе нажмем на Николая Николаевича.

— О какой сумме будем говорить?

— В долларах — 50 миллионов.

— О-о, — разочарованно протянул Кутепов, — прошлый раз вы просили меньше.

— За это время «Трест» расширился. Вовлекли Сибирь, Дальний Восток.

— Я вас поддерживаю у Великого князя, но надежды мало. Надо работать с американцами. Мы им концессии — они нам деньги. Какие еще вопросы?

— Главный вопрос — деньги.

— А у меня есть еще вопрос о евразийцах, — сказал Кутепов. — Они резко против меня, потому что я их идеи совершенно не приемлю, а в «Тресте» они друзья и союзники. Даже как будто в их организации есть ваш представитель.

— Да. Ланговой.

— Я не могу с ними сотрудничать, потому что они фактически примиряются с большевиками. Считают, что в прошлом величайшим благом для России было нашествие татар, а сейчас — ленинская революция. Ленин для них — новый Чингисхан. Считают, что русская кровь отравлена Западом.

— У них там два направления, — разъяснил Якушев, — одно — монархическое, другое — действительно, близко к большевикам: Советы, плановое хозяйство. Мы поддерживаем монархическое.

— Даже я в последнее время вынужден умалчивать, что стою за монархию. И вам советую: если пойдете за деньгами к промышленникам-капиталистам в Торгпром, то не нажимайте на монархию. Они считают, что власть должна

принадлежать им. Я свою позицию о будущей власти в России высказал еще в Галлиполи: армия должна освободить Россию, а потом взять под козырек.

Итог политической части беседы подвела Мария Владимировна:

— Я ни черта не понимаю в политике и в партиях, но знаю, что главное в политике — это законный государь в Кремле и парад на Красной площади во главе с Александром Павловичем. По-моему, это самая правильная политика.

5

Они шли по улицам Парижа. Впервые увидела эту всемирную столицу Мария, видевшая ранее лишь Смольный институт, небогатое отцовское поместье с любимыми лошадьми и войну. Любовь к лошадям перешла в жестокое умение рубить клинком людей в конной атаке. Наверное, для того Бог и взял у нее ребенка, чтобы она стала женщиной-воином. Первый муж погиб на германской, второй — на гражданской, третий сидит в подполье в России. А она чувствует, что и ему и ей недолго жить осталось. «Трест» как-то поддерживает ее жизнь. Даже споры с Якушевым помогают держаться, а впереди еще ждут настоящая борьба и победа. Если же все это провалится, то у нее больше не останется сил для жизни.

В конце сказочного июльского дня они шли с Кутеповым по Елисейским Полям, потоки машин вовлекали душу в быстрое, но успокаивающе плавное движение. Закатное солнце бросало оранжевые блики на Триумфальную арку, слева висели в небе изогнутые сети Эйфелевой башни, вокруг празднично шумливые толпы, речь на разных языках. Мария разбирала два языка: иностранный и русский.

— Много русских, — сказала она.

— Здесь не много — вот повезу вас на Пигаль.

Шофер такси вежливо приветствовал:

— Здравия желаю, господин генерал.

— Здравствуйте, штабс-капитан.

— Последнее время неприятно стало ездить — того и гляди придется мимо советского посольства. Не могу смотреть на ихний флаг. Сколько мы таких флагов растрепали. Сейчас бы им что-нибудь устроить. И послу ихнему.

— Нам не надо мимо посольства. Везите в русский Париж — на Цигаль.

Как обычно, здесь нескончаемый русский праздник: русская речь, русская брань, русские вывески и афиши: «Кавказский погребок», «Яр», «Киностудия «Альбатрос», «Иван Мозжухин», «Чай Кузьмичев с сыновьями», «Каспийская икра оптом и в розницу»...

Мария остановилась у афиши, в центре которой фото четверых мужчин в русских национальных одеждах: косоворотки, кафтаны, сапоги гармошкой. На афише: «Александр Вертинский, Ница Кодолбан».

— О Вертинском слышала хорошее, а кто такой Кодолбан?

— Цымбалист. Можно сказать — гуслир. Только гусли маленькие. Играл для императрицы.

К удивлению Марии, она оказалась не в театре, не в концертном зале, а в ресторане «Большой Московский Эрмитаж». Меню такое русское, что и в России после революции не найдешь: блины с икрой, расстегаи, гурьевская каша, солянка рыбная... В центре зала — большая эстрада. Вышли двое. Певец в смокинге и в длинных сверкающих штиблетах, вызывающих вопрос о размере, цымбалист — в русском костюме. Ударили струны, певец запел. Это была не песня, а заклятье. Зал затих, и в неожиданной мертвой тишине слышались всхлипывания и рыдания, они были частью музыки.

Молись, кунак, в стране чужой,
Молись, кунак, за край родной,
Молись за тех, кто сердцу мил,
Чтобы Господь их охранил.

Пускай теперь мы лишены
Родной семьи, родной страны,
Но верю я: настанет час,
И солнца луч блеснет для нас.

Молись, кунак, чтобы Господь
Придал нам сил все побороть,
Чтобы могли мы встретить вновь
В родной стране мир и любовь!

— Пойдемте отсюда, Александр Павлович, — сказала Мария, утирая слезы. — Больше ничего не надо. Пойдемте.

Они вновь шли сквозь праздничную русско-парижскую толпу, но не замечали ее.

— Я хочу организовать убийство Красина, — сказал Кутепов. — Если советоваться с Якушевым, то, разумеется, он будет против и операция сорвется.

— Не советуйтесь с ним. Убейте Красина.

6

— Не настанет час, — сказал Дымников, когда затихла буря оваций и рыданий, вызванных романсом Вертинского. — Там уже другая страна. А это все иллюзия. Теперь набрали силу: «достигли силы», как написал поэт Есенин. А Вертинский поет хорошо, но сам со своим грасированием и длинным носом похож на карикатуру старой России.

Сидели в «Большом Московском Эрмитаже» втроем: он, Мохов и Воронцов. Пили «Смирновскую», закусывали селедкой и крошкой, обсуждали будущее агентства в связи с намерением Леонтия куда-то уехать. Увидели Кутепова и Марию, поднявшихся из-за стола и направившихся к выходу.

— Вот и наш объект, — заметил Мохов.

— Бог его спас, — объяснил Воронцов.

— Не только Бог, — возразил Дымников. — Были и земные защитники.

— Мне отмщение и Аз воздам, — напомнил Воронцов.

— Да. Он возрадет, — согласился Леонтий, — но через кого-то. Почему не через меня?

7

Кутепов и Якушев возвращались от Великого князя довольные — Николай Николаевич заявил, что доверяет только Александру Павловичу, а с Якушевым соглашался по всем политическим вопросам и обещал «Тресту» большие деньги, как только получит их от Генри Форда. Нельзя было не порадоваться и при виде охранников, провожавших их у ворот: тридцатилетние офицеры в корнилов-

ских фуражках с галлиполийскими значками на гимнастерках стукнули каблуками, отдавая честь.

— Это я организовал охрану, — рассказывал по дороге Кутепов. — Проверяю часто — и днем, и ночью — ни одного нарушения. Каждое воскресенье и в праздники все офицеры-охранники, не занятые службой, приглашаются к обеду в домовую церковь Великого князя, а затем к нему на завтрак. Все они — галлиполийцы. Но, знаете, даже здесь нашлись завистники, мол, почему Кутепов берет только своих? Да потому, что Кутепов здесь начальник и принимает в охрану тех, кого считает нужным.

— Великий князь очень любит вас и ценит. Нашему «Тресту» это лестно. Уж не забудьте о нас, Александр Павлович, когда будете делить деньги Форда.

— Как я могу забыть о главном деле жизни — освобождении России?

— Нам побольше бы таких покровителей, как вы, тогда и дело пошло бы быстрее. Например, мы хотели бы привлечь Сиднея Рейли и его деньги. Вы знаете о нем?

— Конечно, знаю. Его зовут Железный. Но близко не знаком. Попробую связаться с ним. А вы, Александр Александрович, не забывайте указаний Великого князя. Его драгоценная мудрость должна лежать в основе ваших действий.

Он был обязан сказать это руководителю «Треста», однако сам за эти годы настолько явно почувствовал свою значимость в руководстве Белым движением, что в мыслях достаточно критично относился к высказываниям старика. Хитрый Якушев учитывал возраст и особенности князя, отпускал примитивные шуточки, ответил на его вопрос о том, как отнесется к перевороту народ, с шутовской ужимкой: «А мы народ и спрашивать не будем — мы сами народ». И Николай Николаевич захохотал. Сыграл и на патологическом антисемитизме князя, который уже стал планировать: «Монархисты организуют погромы, а я через некоторое время дам высочайшее повеление о защите евреев». А за обещание амнистии всем, служившим у большевиков, Якушев даже позволил себе критиковать Великого князя, и тот чуть ли не извинялся. «Пусть хитрит и радуется господин Якушев, — думал Кутепов, — когда мы придем к власти, то его и близко к себе не подпустим».

В семье Кутеповых родился сын. Его назвали Павлом в честь приемного отца генерала. О том, что отец не родной, не знал почти никто, но в Москве на Лубянке сотрудник спецотдела Зайцевский ухмыльнулся, когда до него дошла новость.

Спецотдел под руководством Яна Серебрянского, насчитывающий более двухсот работников, занимался планированием террористических актов за рубежом против самых опасных врагов СССР. Самыми опасными были не только белогвардейцы, но и троцкисты. Летом в США в озере Лонг-Лейк удачно утопили двух троцкистов: Склянского и Хургина. Теперь главная задача — Сидней Рейли.

Операция состояла из нескольких отдельных акций. В частности, переправа через границу в Финляндию родного брата некоего человека, которому доверяет Рейли. «Трест» это выполнил, и некий человек стал доверять «Тресту». Для повышения уровня доверия запланировали еще одну акцию — встречу Рейли с Кутеповым, который не только верит «Тресту», но и тесно с ними сотрудничает. Для этого Якушеву поручили вызвать Кутепова в Хельсинки для переговоров.

Мария написала Кутепову из Хельсинки, что она и Якушев его ждут и что она опять живет в другой гостинице, а муж остался в Ленинграде до появления Рейли. Писала «химией» и шифром, ключ которого — книга «История русской музыки Сабанеева». Расшифровывал письма Монкевиц — надо же было чем-то его занять.

Она его ждет — главный смысл письма, и генерал медленно собрался. Лида что-то почувствовала или рождение ребенка сделало ее беспокойной: не-хотела, чтобы он уезжал, чего-то боялась:

— Зачем ты поедешь туда? Граница рядом. Они схватят тебя, как Савинкова.

— Лида, все мои поступки, моя работа, поездки — это исполнение долга. Я продолжаю сражаться за освобождение России. Тебе я сказал однажды, что ради блага России готов пожертвовать всем, что у меня есть: не только собой, но и тобой, Лида, и маленьким Павлушей.

— Но ведь другие генералы и офицеры тоже любят Россию, но живут обыкновенной жизнью, со своими семьями.

— Да, абсолютное большинство людей живет именно обыкновенной жизнью, ради семьи, ради дома и детей, но все, что совершается в мире великого, делается теми, кто живет для чего-то другого.

— Но Россия, ради которой ты борешься, состоит из обыкновенных людей, из обыкновенных семей.

— Все, Лида. Я еду ненадолго, и в Финляндии не опасно.

Там не опасно, а прекрасно. Светлые ночи вдвоем с Марией, прогулки днем на рыбный рынок, на берег, где прямо со шхун, с рыбацких лодок вываливают только что пойманную трепещущую рыбу, и люди толпятся среди пестро-серебристых куч, дыша морским острым ароматом.

В парижский кабинет Кутепова вошел мужчина лет пятидесяти, крепкий, очень здоровый, судя по движениям и цвету лица, но уже несколько обрюзгший. С первого взгляда не понравились его черные и выпуклые, как у лягушки, глаза, рассматривающие все и вся с высокомерной подозрительностью. Не понравилось, как сел в кресло — развалившись, нога на ногу, носок модного ботинка направлен в лицо собеседнику. С нелепой гордостью заявил, что в СССР его ждет смертный приговор, но он верит в свою звезду и в свой многолетний опыт разведчика.

— Надеемся на «Трест» — сказал Кутепов. — У них отлично налажена переброска через границу. При переходах не было ни одного провала. И на той стороне мои доверенные представители находятся уже несколько лет, ведут разведку, выезжают сюда. И вам они будут помогать на границе и после перехода. Это Мария и Георгий Березовские. Условно их называют моими племянниками. И он, и она прошли всю Гражданскую.

— Тогда это, наверное, последние участники Гражданской, на которых можно надеяться. Вообще, белая эмиграция деградировала.

— Вы не все знаете о белой эмиграции, — сказал Кутепов, стараясь оставаться спокойным и не пресекать легковерно оскорбительные высказывания Рейли.

— Не все я знаю. Согласен. И о теперешней России тоже не все знаю. Поэтому я намереваюсь перейти границу.

— Желаю успеха, господин Рейли. Надеюсь, вам удастся познакомиться с внутренними силами России, тем более на нас, эмигрантов, надежда плохая.

10

Газетное сообщение насторожило и озаботило: «В ночь на 29 сентября при попытке перейти советско-финскую границу у деревни Ала-Кюль убит известный разведчик, борец против советского режима Сидней Рейли».

Вскоре через связного пришло письмо от Марии:

«Дорогой дядя! Я в полной прострации — ничего не понимаю, не знаю, что делать. У меня в сознании образовался какой-то провал. У меня неотступное чувство, что Рейли предала и убила лично я. Все было организовано, как обычно. Я была ответственной за «окно». Сама наблюдала переход Рейли на ту сторону. От него пришла из Москвы открытка и письмо жене. В письме он хорошо отзывался о работе «Треста», но признавал возможность ареста. Мы с мужем спокойно ждали его возвращения, и Георгий в ночь на 29-е вышел его встречать. Он слышал и видел внезапно начавшуюся перестрелку и конные разъезды, искавшие труп. Это трагическая случайность. Ни я, ни «Трест» совершенно не виноваты...»

Пришло письмо от варшавского представителя «Треста» Артамонова:

«Происшествие, по-видимому, все же случайность. «Тресту» в целом опасность не угрожает. А это уже большое счастье, так же как и то, что Якушев не поехал провожать Рейли».

Шульгин решил, что в «Трест» можно верить, и собрался в Россию с помощью людей Якушева искать пропавшего сына.

11

В июне 25-го Кутепову пришла очередная шифровка от Марии.

462

«Дорогой дядя! Не добрая тебе весть. Никто из «Треста» не знал, что твой брат Сергей проходил в закрытом процессе ГПУ по делу лицеистов. Его расстреляли. Прими наши...»

Сергей никогда к «Лицею» и близко не подходил — его расстреляли как брата генерала Кутепова!

1926

1

В небольшом зале РОВСа устроили просмотр нового советского фильма, объявленного всеми газетами величайшим достижением мирового кино и идущего в парижских кинотеатрах по 4 сеанса в день. Пришли руководители и многие офицеры: и шоферы, и рабочие, и продолжающие службу в несуществующей армии — в отделах РОВС, у Кутепова, в штабе Врангеля и в других подобных организациях. Оказалось, такая аудитория все воспринимала по-своему.

Сначала почему-то механик гнал очень много советской кинохроники.

Рояль молчал, зрители молчали, кричали титры с экрана:

**10 000 ТРАКТОРОВ РАБОТАЮТ НА ПОЛЯХ СССР
ГУСЕНИЧНЫЙ СОВЕТСКИЙ ТРАКТОР**

**200 ЛЕТ АКАДЕМИИ НАУК СССР. БАНКЕТ В КРЕМЛЕ
С УЧАСТИЕМ ПРАПРАВНУЧКИ ЛОМОНОСОВА**

**ПЕРЕЛЕТ МОСКВА—УЛАН-БАТОР—ПЕКИН. ЛЕТЧИК
ГРОМОВ**

**АРЕСТОВАН И ПОЛУЧИЛ ЗАСЛУЖЕННОЕ НАКАЗАНИЕ
ЯРЫЙ ВРАГ СССР СИДНЕЙ РЕЙЛИ**

ПЕРВЫЙ СОВЕТСКИЙ ПАРОВОЗ ПОСТРОЕН В КОЛОМНЕ

**КРЕЙСЕР «АВРОРА» В ШВЕЦИИ И НОРВЕГИИ
ВЫСТУПЛЕНИЕ МАТРОССКОГО АНСАМБЛЯ ПЕСНИ И
ПЛЯСКИ**

463

XIV СЪЕЗД ВКП(б). ОТЧЕТНЫЙ ДОКЛАД т. СТАЛИНА

И появлялись на экране трактора, идущие, как танки, в атаку, улыбающийся летчик Громов, праправнучка Ломоносова, знакомые Кутепову черные выпуклые глаза Рейли, матросы, лихо танцующие, наверное, «Яблочко», загадочное лицо Сталина...

Начался фильм. Рояль зазвучал печально тревожным туманом над морем. Матросский кубрик снят злым предвзятым режиссером, никогда нигде не служившим, не понимающим, что такое солдатский или матросский дом. И казарму Преображенского полка можно было бы показать как тюрьму, если сдвинуть койки и вместо фельдфебеля снять тюремного надзирателя.

Червивое мясо для матросского борща? Доктора и поваров — под трибунал, капитана и старпома — в отставку. И никакой революции. Расправа над офицерами садистски жестока. Что это за любование раскачивающимся пенсне, оставшимся от доктора? Не жалеет советский режиссер офицеров. Вот и офицеры не жалеют красных.

Расстреливать за то, что отказался от борща? Да еще в 5-м году? Это на совести советских авторов. А что за брезент? Режиссер не только не знает службу на флоте, но не удосужился спросить у того, кто знает. Если уж приходится кого-то расстреливать на палубе, то брезентом накрывают не приговоренных, а палубу, чтобы не забрызгать кровью.

Зал непонятно молчал. Ни злобных выкриков, ни свиста, ни аплодисментов. Фильм кончился, офицеры поднялись и молча пошли к выходу. О чем они думают?

Кутепов потом долго пытался выяснить у механика, кто навязал такую длинную лживую советскую хронику? Докопываться было бесполезно: «Мне привезли — я кручу». Подошел полковник Сусалин в изношенном демисезонном пальто.

— Не добьетесь правды, генерал, — сказал он. — А догадаться легко: это наш друг Красин распространяет советскую пропаганду.

— Пройдемте немного по улице — поговорим, — предложил Кутепов. Вышли, но их сразу догнал Монкевиц.

— Какой ужас делают большевики из искусства, — на-

чал он о фильме. — И ведь искусство! Режиссер — большой талант.

— В том кафе плохое вино и никудышный кофе, — перебив неожиданного попутчика, сказал Сусалин, указывая на фиолетовые фонари над входом, — поэтому там пусто, и можно поговорить не о кино, а о деле.

Сели в углу, вокруг — никого. Кофе горячий, а зимой это уже хорошо.

— Понимаете о каком деле речь, Николай Алексеевич? — спросил Кутепов.

— Конечно, понимаю: тема близка сегодняшнему фильму, — ответил Монкевиц. — Полковник решился?

Сусалин коротко кивнул.

— Начнете подготовку? Или она уже идет? — спросил Монкевиц.

— Мои люди организовали слезку. Я не буду их вам называть.

— Правильно! — горячо поддержал Монкевиц. — При осуществлении такой операции о ней должны знать только участники и те, кто организует. Причем каждый должен знать лишь необходимый минимум.

— Кто? — спросил Кутепов.

— Кроме меня, другой кандидатуры нет, — сказал с угрюмой решительностью Сусалин. — Искать француза, чтобы обезопасить наших эмигрантов, бесполезно — заломит деньги и тут же продаст. Даже если пойдет на акт, то продаст, когда поймают.

2

И все же он давно понял, что старой России больше не будет. Не все хорошо было в той старой России, которая существовала 10 лет назад. Фильм напоминал об этом прямо и просто. Толпы взбунтовавшихся матросов, зверски расправлявшихся с офицерами; тысячи других матросов с напряженно-решительными лицами, отказывающихся стрелять по товарищам, — это принадлежность старой России, и в новой она не должна присутствовать.

Его пригласил Струве в свою роскошную квартиру. Они встречались и раньше — Петр Бернгардович был членом

Особого совещания у Деникина и членом правительства Врангеля. Кабинет его был обставлен по-петербургски, иконы на местах — по-русски, и Александр Павлович почувствовал себя уже вернувшимся в Россию, в Петроград, тем более что Парижский зимний день был безнадежно сер. Разговор о России.

— Теперь, когда русская интеллигенция, наконец, поняла гибельность своей антигосударственности и ужас атеизма, пришло время провести наш зарубежный съезд. Все пока идет по договоренности, которая была достигнута с вами, Александр Павлович, и с князем Трубецким, как с представителем Великого князя Николая Николаевича. Предполагается собрать более 400 делегатов из более чем 20 стран. Мы уверены, что съезд выскажется за связь зарубежного патриотического движения с Великим князем. После долгих размышлений и обсуждений решили, что на съезде не будет официальных представителей от военных организаций. Это соответствует формуле Петра Николаевича Врангеля — «Армия вне политики» — и его известному приказу, запрещающему офицерам вступать в политические партии. Предварительно вы были с этим согласны.

— Я подтверждаю свое согласие, Петр Бернгардович.

— Я не могу идти на съезд и, в известном смысле, руководить им, не посоветовавшись с вами по некоторым ключевым вопросам. Я помню ваши высказывания в Крыму — тогда вы были моим единомышленником по аграрному вопросу. Вы говорили о невозможности имущественной реставрации в области земельных отношений.

— Я и теперь в этом убежден. Великий князь так сформулировал эту позицию: земля, которой пользуются крестьяне, не должна быть у них отнята, а взыскивать с крестьян то, что погибло или расхищено во время революции, — невозможно.

— Так я запишу в резолюцию съезда. Еще один трудный вопрос — отношение к новым государственным образованиям на территории России. О так называемых лимитрофах. Николай Николаевич иногда весьма иронически высказывается о независимости Польши.

— Есть стратегия, но есть и тактика, — осторожно усмехнулся Кутепов. — На съезде, по-видимому, надо при-

нять положение о том, что возрожденная Россия должна будет стремиться к установлению дружеских отношений со всеми своими соседями, признав тем самым независимость и самостоятельное существование всех возникших на территории бывшей Российской империи новых государственных образований. И, наверное, надо напомнить, что какой бы ни стала будущая Россия, но в нее входят другие народы.

— Совершенно верно, — согласился Струве. — Без имперской идеи невозможно создание России как правового государства. Укажем в резолюции, что будущее законное правительство России обеспечит всем народностям, населяющим ее территорию, свободное правовое развитие их бытовых, культурных и религиозных особенностей.

В свою канцелярию Кутепов возвратился удовлетворенный — вот он уже решает судьбы будущей России. Пока для кучки эмигрантов, но скоро, скоро...

Обычно денежные документы на подпись приносил секретарь Кривский, а на этот раз с чеком и расходной книгой пришел Зайцов.

— Я, конечно, завизировал эту выплату, Александр Павлович, — не скрывая обиды, сказал он, — но я у вас помощник по секретной работе, и все операции вы обсуждали со мной. Кроме этой. Может быть, мне пора подавать в отставку?

— Что вы, Арсений Александрович! Вы мой самый доверенный офицер в секретной работе. С этой операцией получилось так, что замысел возник не у меня, а я поддержал, потому что не сомневаюсь в ее необходимости. Конечно, вы должны знать. Это — убийство Красина.

3

После смерти Дзержинского на Лубянке установилось тихое переходное время. Ягода аккуратно выполнял осторожные задания нового наркома Менжинского и не лез с инициативами. Куда тут полезешь, когда на самом верху все не ясно. Наиболее умные — Троцкий, Каменев, Зиновьев — оказались не у власти, а в оппозиции, и их давит неотесанный необразованный грузин. Опирается на такое же

тупое полуграмотное большинство, подкупленное им. Конечно, удивляться нечему: дураков всегда больше. Зато в ГПУ одни умники.

Пришел Артузов, становящийся все более неприятным своей назойливостью.

— Вы пришли по делам «Треста», конечно?

— Можно считать и так: ведь Шульгин путешествовал под наблюдением «Треста». Мы посоветовали ему написать книгу о своей поездке по советской России, и он написал. Прислал нам, то есть «Тресту», свою рукопись на предмет поправок, замечаний, предложений. Принес вам почитать.

— Антисоветская книга проходит советскую цензуру? Сами прочитали? Ваше мнение?

— Основная мысль книги нам полезна: СССР поднимается, бороться против бесполезно. Конечно, много грязи, антисемитизма, что особенно странно — в былые времена его газета защищала Бейлиса.

— Оставьте. Прочитаю. Шульгин полезен хотя бы тем, что укрепил доверие к «Тресту».

Уходя, Артузов посетовал на электрическое освещение в солнечный день. Ягода пообещал, что откроет окно, представляя при этом, как хитрый Артузов вскоре окажется в помещении, где вообще не будет света. Подсунули антисемитский бред Шульгина — сами не могли убрать. Нет. Надо обидеть начальника. Известно, что латыши ненавидят евреев. Устраивали зверские погромы. Постепенно собрать материал на Артузова. Начать с его выступления против винно-водочной государственной монополии. Назвал ее антиленинской.

4

Он хотел, чтобы его сын рос в новой освобожденной России. Он столько думал об этой несуществующей стране, что ему представлялось, что она уже постепенно возникает. Народ сам ее строит, независимо от угнетателей-большевиков.

Вернувшийся из нелегальной «прогулки» Шульгин рассказал, что в России «все так же, как было, только хуже». Такие же работающие, но склонные к пьянству мужи-

ки, такие же солдаты — «мощь, силища дикая, но несомненная», как выразился Шульгин; такие же поезда, более удобные, чем на Западе, даже шоколад такой же — вкуснее французского.

Почему же он, генерал Кутепов еще не там? Самое время — зашаталась власть, и пауки грызутся в банке. Однажды, не сдержав рвущегося из сердца стремления, приказал своим помощникам Трубецкому и Зайцову разработать детальный план вторжения из Финляндии и захвата Петрозаводска не позднее осени 26-го.

Под такое настроение появился Гучков. Сначала позволил, раздражая конспиративными намеками, потом приехал, привез документы — немецкий текст и химические формулы. Конечно, негодяй, революционер, принимал отречение императора, но с 18-го начал искупать грехи. Врангель сказал, что этот человек совершал в прошлом ошибки, а ныне осознал их и честно служит русскому национальному делу.

Говорил Гучков таинственно, вполголоса, оглядываясь на дверь, потребовал закрыть окно на улицу, несмотря на теплую, почти жаркую погоду.

— Это великое секретное оружие, с помощью которого мы освободим Россию. Ядовитый газ! При взрыве снаряда поверхность, на которой произойдет взрыв, на газ не действует — он не теряет своих свойств. Бомбы — ручные. Прекрасное оружие. Газ поражает легкие, и человек не в состоянии дышать. Для исполнителей предусмотрены специальные маски. Стоимость одной бомбы — 50 долларов. Я готов все свое состояние отдать этому делу.

5

Опять Артузов раздражал Ягodu докладами о «Тресте».

— Снова Кутепов и Захарченко рвутся к террору? — переспросил он. — Ядовитый газ нам грозит? Пошлите ее в Париж, и пусть она разбирается с газом. Нам спокойнее будет. А вернется... Посмотрим. Нарком уже намекнул, что «Трест» существует слишком долго.

— Но мы так мало сделали. В одном из зашифрованных писем Кутепов вызывался сам приехать в Россию и возглавить теракт.

— Против кого же?

— Сталин, Бухарин, Рыков.

— Решительно мыслит генерал.

— И мы его здесь возьмем.

— Решения о таких операциях принимает нарком, а планирует Серебрянский.

— Мы бы сделали не хуже — столько лет возимся с Кутеповым. — Ягода мысленно загнул еще один палец: ставит под сомнение компетентность руководства ОГПУ.

6

Он мог в совершеннейшей тишине и неподвижности позиций противника даже ночью почувствовать возникшую вдруг угрозу атаки, разведки, обходного маневра или подготовку к отступлению. Однако объяснения своему чутью Кутепов не находил: то ли цвет ночи менялся, то ли тишина приобретала другой тембр, то ли воздух сгущался или появлялись колебания на неслышимых частотах. Вот и сейчас не понимал, терялся в догадках, почему Мария в этот приезд оказалась какой-то другой. Объятия, поцелуи, ласки — все те же, но вдруг — скука на лице, интерес к красивым платьям и к роскошному шелковому белью...

Главное не изменилось: она хотела борьбы, терактов, переворота. Об этом много говорили, а свою медлительность сваливали на Якушева.

Ночью, в гостиничной постели, зашел разговор о Стаунице:

— Если выйдет с газовыми бомбами — мы со Стауницей сразу на Кремль. Они выезжают из Спасских ворот. Забросаем бомбами всех, а сами умчимся на автомобилях, бросая бомбы в каждого, кто попытается задержать.

— Для такого теракта я сам перейду границу.

— Не надо, Александр. Сейчас это не надо.

Он не стал добиваться объяснений, почему вдруг стало не надо, а в прошлом году звала сама. Ему стало непривычно тоскливо. Непривычно — потому что из-за отношений с людьми у него никогда не возникала тоска. Ненависть, злоба, жажда мести, благодарность, удовлетворение — что угодно, только не тоска. Возникло и то, давно уже мучащее в тяже-

лые минуты представление о тщетности своих усилий: бьешь руками по воде и ни на сантиметр не двигаешься вперед.

— Может случиться так, — сказал он, и теперь Мария не узнавала генерала, — что мы погибнем, ничего не успев сделать. Но память должна остаться о людях, погибших в борьбе.

— Забудут.

— Недавно сюда приехала русская поэтесса, эмигрантка. Выступала перед публикой. Сама жена офицера-добровольца. Мне передали, что она сказала о всех нас: «Через 10 лет забудут, через двести вспомнят».

7

Позднее Мария удивила его еще больше. Военный химик, присланный «Трестом» разбираться с гучковским ядовитым газом, определил, что никакого газа нет, и собирался уезжать. Кутепов часов в 10 утра созвонился с Марией и заехал к ней в гостиницу. В ее номере оказался и химик — Власов: он жил в этой же гостинице. Марию было не узнать: наверное, с таким изуродованным злобой лицом она мчалась в конные атаки. Нецензурная брань обрушилась на Власова:

— Молокосос раз...! К парижским б... дорогу нашел!..

Кутепов пытался ее успокоить, пришлось даже напомнить о дисциплине:

— Корнет Захарченко! Прекратите ругань и объясните, что произошло.

— Слушаюсь, ваше превосходительство. Докладываю: командир Красной армии Власов всю ночь отсутствовал и явился в гостиницу в 8 часов утра.

— Командир Красной армии? Какому званию по старому соответствует ваше положение в армии?

— Примерно, капитан.

— Полиция, патрули не задерживали вас? В драку вы не вступали?

— Нет.

— Мария Владиславовна, капитан Власов не нарушил воинский устав и не совершил поступков, противоречащих понятию офицерской чести. Если нарушены какие-нибудь

внутренние порядки «Треста», то давайте с вами вдвоем попросим господина Якушева, чтобы он не принимал никаких мер по отношению к господину Власову, проделавшему для всех нас такую важную работу. Лично Великий князь похвалил его. Вы согласны?

— Согласна, — пробормотала Мария и удалилась в ванную комнату.

— Садитесь, капитан. Женщин успокаивать труднее, чем солдат или лошадей. Значит, газ имеется только в голове у Гучкова?

— Скорее всего, газа вообще нет или есть какой-нибудь известный еще с прошлой войны.

Распрощались с Власовым тепло — Кутепов пообещал, что в его армии он будет полковником.

Такой Марии, которую он теперь увидел, не хотелось рассказывать подробности о подготовке теракта против Красина. Не надо никому в «Тресте» знать, что полковнику Сусалину выпала неслыханная удача — его взяли на работу в Сюрте Женераль, где он мог много узнать, например, об охране посла и посольства, о методах действия полиции в случае чрезвычайного происшествия.

Прощаясь на вокзале, Мария спросила: «Как идет дело с полпредом?» Он ответил кратко: «Хорошо». Подробности ее не заинтересовали. Мгновенно перешла к разговору о Стаунице — просила, чтобы он, Кутепов, написал ему лично письмо о совместных решительных действиях в России. «Якушев и не узнает об этом письме, — сказала Мария. — Я сама получаю почту, сама дешифрую...»

7

Вскоре после отъезда Марии пришлось писать и Стауницу и Якушеву: случилось непредвиденное опасное осложнение. В осенний вечер, когда уже стемнело и платаны тревожно шумели за окнами канцелярии, пришел растерянный Сусалин.

— Никто нас не слышит? — спросил он, беспокойно озираясь. — С делом все кончено. Приятель на Сюрте сказал мне, что раскрыт заговор против Красина и об этом знают в Москве. Ищут заговорщиков. «Из ваших русских», —

сказал приятель. Теперь я должен прятаться. Но где спрячешься в чужой стране?

— Во Франции спрятаться, пожалуй, невозможно. Вы хотели идти в Россию. Там хорошо организовано наше подполье и есть куда приложить силы русскому офицеру.

— Согласен.

8

На следующий день исчез Монкевиц, оставив дома на письменном столе, записку: *«Простите, дорогие, любимые! Я потерпел окончательный денежный крах. Всей моей жизни не хватит, чтобы рассчитаться с долгами, и я решил умереть. Чтобы не обременять вас расходами на погребение, я умру так, чтобы мой труп никогда не нашли. Ваш...»*

Конечно, ушел к большевикам. Наверное, давно с ними сотрудничал и шпионил. Все знал о «Тресте», договаривался с Якушевым о шифрах. Если «Трест» — подпольная монархическая организация, то ОГПУ, узнав о его существовании от Монкевица, немедленно его разгромит. Если же ничего не изменится — «Трест» организован ГПУ. Или, может быть, все как раз наоборот? Ведь Монкевиц мог выдать «Трест» и раньше. А вдруг он, действительно, покончил с собой. Неужели мог подумать, что РОВС не поможет с похоронами и прочим?

9

В замке Шуаньи шел ремонт, было холодно, и пахло кухней. Вместе с большой свитой — человек десять — долго ждали хозяина. Николай Николаевич явился словно не на встречу с представителем подпольной России, а зашел мимоходом, сказал без вступления:

— Медленно действуете, русские монархисты.

— Ваше Императорское Высочество, требуется не менее двух лет.

— Такой срок неприемлем!

Якушев назойливо и длинно доказывал, что ничего нельзя сделать из-за отсутствия средств, из-за неграмотности людей, посылаемых в Россию, которые не знают пра-

вил конспирации, проваливаются, ставят под удар всю организацию, совсем недавно чекисты схватили полковника Сусалина...

Кутепов, услышав это, имел право думать, что Якушев здесь ведет какую-то игру, иначе почему сначала ему не сообщили о Сусалине. Человек, работавший в Сюрте Женераль, сам бы мог научить трестовцев правилам конспирации.

— Неоценимую помощь оказываете вы, Ваше Императорское Высочество, и Александр Павлович, — продолжал тем временем Якушев.

Эта фраза оторвала генерала от его размышлений, и он скромно ответил на похвалу московского гостя: «Александр Александрович преувеличивает. У нас много ошибок».

— Вы единственный воин, сражающийся за освобождение России! — воскликнул Якушев. — Его Императорское Высочество недавно выразил верную мысль о том, что Белая армия фактически не существует. Есть только Красная армия. Врангель не имеет ни армии, ни авторитета. «Армия в сюртуках» — это не армия. Мы надеемся только на Александра Павловича. К вам, Ваше Императорское Высочество, просьба: необходимо ваше обращение к войскам и ваш портрет с надписью для Политсовета «Треста».

— Это можно сделать, — великодушно согласился Великий князь. — Действуйте в России быстрее и решительнее. Видите, люди скучают?

И кивнул на свою унылую свиту, ожидающую переезда в Москву и получения государственных должностей.

10

Трое солидных мужчин, пообедавших в ресторане Дрюон, весьма ценимом парижскими гурманами, заказали консоме, дыню, омара, запеченного с трюфелями, и седло барана, и ко всему тому «Смирновку», дав понять официанту, что перед ним русские. Выпили по рюмке за великую Россию, затем бывший царский министр финансов Коковцов предложил выпить за Раймонда Пуанкаре — по его мнению, никто так много не сделал в защиту русской эмиграции и для облегчения ее тяжелого положения.

Закусывая дыней, Коковцов объективно высоко оценил финансовое положение СССР, установившего твердую советскую валюту.

— Это ненадолго, — сказал Якушев. — Сталин затевает индустриализацию. Представляете? В полуголодной нищей стране. Это уже окончательный провал. Возможна гражданская война без всякой интервенции. Сейчас в связи со смертью Брусилова и Зайончковского Политсовет обдумывает новые кандидатуры на руководящие посты. Некоторые кандидатуры определены. Разрешите наполнить бокалы и объявить, что, — он встал, за ним поднялись Коковцов и Кутепов, — что утверждена кандидатура председателя Совета министров — это граф Владимир Николаевич Коковцов.

Тонко прозвенели бокалы, Коковцов покраснел и что-то смущенно бормотал о своем возрасте, Якушев и Кутепов его поздравляли.

Вернулись на некоторое время к барану, затем Якушев попросил еще раз наполнить бокалы и встать.

— Разрешите также объявить, — начал Якушев, — что Политсовет предлагает вам, Александр Павлович, пост Командующего всеми Вооруженными силами России!

1927

1

Теперь он не мог сомневаться, подозревать, не доверять. Он должен был делать все для скорейшего освобождения России, для создания нового великого государства, в котором он будет командовать всей армией.

Прежде всего надо начать настоящую решительную борьбу, и он направил письмо Стауницу, в котором намечал теракты против ГПУ и советских вождей: «Перед нами стоят задачи, требующие привлечения к борьбе новых решительных людей, таких как те офицеры, которых я недавно вам направил. Не могу смириться с гибелью лучшего из них — полковника Сусалина. Не сумели в «Тресте» его уберечь. Слишком мягкое руководство Якушева мешает

решительным действиям. Поэтому я обращаюсь к вам, так как много слышал о вас как о большом русском патриоте, который живет только мыслью, чтобы скорее вырвать нашу родину из рук недругов. Взрыв Кремля и другие акции, задуманные вами, я считаю очень трудными. Для выполнения такого плана следует подыскать 50—60 человек исполнителей...»

В марте получил шифровку: «Дорогой дядя! Приезжай в Териоки к 25-му. Проведем чисто военный Политсовет без Якушева. Захарченко, Стауниц».

Он выехал, испытывая некоторый прилив энтузиазма. По дороге продумывал, как должен себя вести будущий командующий всероссийской армией. Териоки почти на границе — верст 40 до Питера. Из окна вагона смотрел на весенний туман над Финским заливом. Рассеивался туман — рассеется и туча над Россией.

На перроне его встречал главный военный руководитель «Треста» Потапов, сообщивший после первых приветствий, что Стауниц не смог приехать, и Мария Владиславовна в истерике — даже не вышла встречать.

— Так на нее повлияло отсутствие Стауница? — спросил генерал как можно равнодушнее.

— Да. Вы же знаете: у них близкие романтические отношения.

— Кто приехал? Когда начнем? Как со сроками? — медленно перешел к делу Кутепов.

Марию встретил в столовой, скользнул взглядом, холодно поклонился. В новой российской армии он всем найдет место: и ей, и Стауницу.

Сели за круглый стол, в большие дачные окна по-хозяйски входил зеленовато-голубой свет балтийской весны. Сначала, как водится на всех русских собраниях, долго решали «организационный» вопрос — считать ли происходящее Политсоветом или просто совещанием. Согласились на совещание. Формально руководил Потапов. После его маловразумительной речи поднялся Кутепов:

— По-моему, у всех у нас один вопрос, и я его задам. Когда мы начнем настоящую борьбу против советского режима, борьбу, которая должна привести к восстанию и государственному перевороту?

— Нас задерживает отсутствие средств, — начал, было, Потапов...

— У «Треста» есть средства для проведения самых серьезных терактов, но ваш Политсовет запрещает их проведение.

— Если есть средства, то, конечно, — чуть ли не смущаясь, говорил Потапов. — Но, с другой стороны, нельзя рисковать всей организацией из-за одного теракта...

— Хватит! — закричала Мария Захарченко. — Это мы слышали сотни раз! Пусть Александр Павлович изложит свой план.

И он изложил. Его план состоял из проведения нескольких терактов. Главный из них — взрыв Кремля и уничтожение вождей — послужит сигналом к началу восстания. В Петрограде — он не хотел произносить новое название — по особому плану будет действовать группа капитана Ларионова. В ближайшее время для подготовки основных действий границу перейдут 8 офицеров. Ими будет руководить лично генерал Кутепов, а до его перехода в Россию — Захарченко и Стауниц.

Однако генерал Кутепов теперь не просто руководитель антисоветской военной организации, а командующий Русской армией, и должен быть еще и политиком. Надо, чтобы его политическую программу знали и поддерживали.

И он продолжал:

— Возрожденную Россию нужно строить, отнюдь не копируя старую Россию, но и не обрывая связи исторической преемственности с лучшими традициями прошлого. Коренные вопросы государственного устройства России не могут предрешаться на чужбине. Они могут получить разрешение, лишь принимая во внимание все реальные условия в момент освобождения России. После освобождения от коммунистического ига Россия будет нуждаться в периоде диктатуры. В дальнейшем развитии Россия пойдет по пути некоторой децентрализации и широкого местного самоуправления.

Его слушали внимательно, не прерывая вопросами и репликами.

— К работе по восстановлению России должны быть привлечены все живые силы страны, — уверенно говорил Кутепов. — На смену интернациональной, классовой и партийной власти должна прийти власть национальная, внеклассовая

вая и внепартийная. Власть должна стать на защиту прав религиозной, личной и экономической свободы и правопорядка. Прекращение классово и национальной ненависти и насилия одних над другими и всякого рода самоуправства, предоставление всем народам России права свободного развития их национальных культур — вот главные начала, на которых должна строиться жизнь возрожденной России. Надо признать и учесть все глубокие сдвиги, которые революция произвела в жизни русского народа. Стремиться повернуть вспять колесо истории было бы безумием. Возмездия за содеянные в течение революции преступления против старых законов быть не может. Не только бывшие «советские работники», но даже раскаявшиеся коммунисты не могут быть привлечены к ответственности за их прошлое. Фактические хозяйственные отношения к моменту свержения большевиков должны быть приняты за отправную точку для дальнейшего законодательного регулирования этих вопросов.

Он сделал небольшую паузу и продолжил уверенным голосом знающего себе цену политика:

— В экономических вопросах во главу угла должен быть поставлен принцип частной собственности. Этим не отрицается возможность сохранения государственного хозяйства в некоторых областях. Но даже для пользы государственного хозяйства необходима конкуренция частного предпринимателя, чтобы не дать государственному хозяйству погрузиться в тину бюрократического застоя. Признание принципа частной собственности при разрешении вопроса о дальнейшей судьбе существующих к моменту падения коммунистической власти промышленных и иных предприятий отнюдь не заставляет искать решения этих вопросов, основываясь только на юридической стороне дела, то есть руководствуясь исключительно дореволюционными титулами владения. При разрешении земельного и фабрично-заводского вопросов права собственности на землю и на промышленные предприятия, права, отнятые коммунистами у их прежних законных владельцев, отнюдь не могут служить единственным основанием для разрешения этих сложных вопросов. Они должны быть разрешены под углом зрения прежде всего реальной возможности и государственных потребностей. Старые титулы владения могут послужить лишь одним из эле-

ментов в разрешении этих вопросов. Интересы крестьян и рабочих должны быть всемерно приняты во внимание при разрешении аграрного и промышленного вопросов...

Участники совещания приветствовали речь Кутепова аплодисментами и возгласами — они увидели, какую Россию хочет создать этот невысокий крепкий человек с бородкой, смуглым лицом и черными восточными глазами, и эта Россия им нравилась.

После совещания Кутепов гулял в одиночестве вдоль берега, оцетинившегося изглоданными волнами камнями-скалами. И взгляд его скользил, устремляясь на юг, туда, где море темнеет, сливаясь с облаками горизонта, туда, где стоит город. Он не виден, но если долго смотреть, вспоминать и мечтать, то возникает мираж белых дворцов, зеркально-белых площадей, предназначенных для парадов, можно увидеть и Петра Великого с Меншиковым, обходящих строй преображенцев, и других императоров российских... Там генерал Кутепов шел впереди и рапортовал Его Императорскому Величеству, и скоро сам будет принимать парад новых российских войск...

Неожиданная шальная волна ударила о берег, и мираж исчез.

2

В ночь на 13 апреля Стауниц с Марией Захарченко быстро и тайно покинули СССР, перейдя финскую границу, и направились в Хельсинки. Отсюда они отправили телеграммы Кутепову. Мария: «Случилось несчастье. Срочно приезжайте». Стауниц: «Немедленно выезжайте сюда для принятия мер по спасению дела».

Он приехал в Хельсинки и часов в 11 утра уже был у них в гостинице. Весеннее солнечное освещение беспощадно открывало измученное постаревшее лицо Марии, ее растрепанные волосы, неопрятную одежду. Стауница генерал видел впервые. Крепкий, упитанный, невысокий мужчина, примерно его лет. Круглоголовый, с невыразительным лицом и неуловимым взглядом водянисто-серых глаз. Кровати не убраны, на столе — вино, стаканы.

— Что произошло? — спросил Кутепов.

— Вино? Кофе? Завтрак? — в ответ поинтересовался Стауниц спокойно.

— Докладывайте, что произошло.

— Все погребло! — закричала Мария. — Я должна убить его и себя! Я это сделаю сейчас!..

— Ты должна прекратить истерику, Маша, — сказал Стауниц. — Вы знаете — мы поженились. Я как муж отвечаю за нее. Присядь и успокойся, а я доложу Александру Павловичу обстановку.

— Докладывайте, — сказал Кутепов, садясь к столу и брезгливо отодвигая грязные стаканы.

— Что докладывать? — не унималась Мария. — Скажи ему, что мы 4 года работали на ГПУ! Что ты тоже чекист! И мы с Александром Павловичем работали на тебя, на вас, а за это меня пускали в Пари-иж...

Она упала на кровать лицом в подушку и разразилась рыданиями.

— М-да, — произнес Стауниц, пожимая плечами.

— Корнет Захарченко! — прикрикнул Кутепов. — Приведите себя в порядок.

Мария всхлипнула и утихла.

— Несколько дней назад я узнал, что «Трест» — это организация, созданная ГПУ для нейтрализации белоэмигрантских сил за границей и антисоветчины внутри страны. Зайончковский, Потапов, Якушев и другие члены так называемого Политсовета состоят на службе в ГПУ.

— Вот так Федора Ивановна! — воскликнул Кутепов, вскочил из-за стола, рванул к двери, затем обратно...

— Федоры Ивановны я не знаю, — спокойно продолжал Стауниц, но Кутепов перебил:

— Я знаю! Я знаю, что вам надо делать. На русской территории есть склады оружия, о которых знает только Мария. Ну, может быть, и вы, как муж, знаете. Вы немедленно возвращаетесь в СССР, вооружаетесь и начинаете запланированные нами теракты. Главное — Кремль, ГПУ. Если с оружием плохо, вам может помочь капитан Ларионов. Он живет здесь. Мария его знает. Он со своей группой в ближайшее время тоже идет туда. Но не впутывайте его в свои дела. Если удастся, казните Якушева и прочих чекистов из «Треста». Но это не главное.

— Я бы хотел остаться здесь и заняться разоблачениями в печати, — сказал Стауниц.

— Я отдал вам приказ. За невыполнение приказа вы будете расстреляны. Разоблачайте в газетах себя. Не вздумайте упоминать мое имя. Будете наказаны так же, как за невыполнение приказа. Все. Я уезжаю, но здесь есть лица, которые проследят за выполнением моего приказа.

3

«Органами ГПУ ликвидирована контрреволюционная шпионская группа, руководимая белым генералом Кутеповым, находящимся в эмиграции. Кутепов был связан с иностранными разведками и предоставлял им шпионские сведения о Красной армии и военной промышленности СССР».

«Правда» 29 апреля 1927 г.

«Советский Азеф»

На территории Финляндии объявился некий Стауниц, бежавший из СССР. Судя по его похождениям, он вполне может быть назван советским Азефом. Выдавая себя за борца советского режима, он внедрялся в различные подпольные организации, а затем продавал их органам ГПУ. Так он предал монархическую организацию в России, затем савинковский «Союз защиты Родины и Свободы», антисоветскую группу сенатора Таганцева, находился на службе в разведках различных стран. Имеются доказательства того, что он участвовал в расстрелах офицеров в Кронштадте и Петрограде...»

Рижская газета «Сегодня» 9 мая 1927 г.

«...Я, Эдуард Оплерпут, проживающий в Москве с марта 1922 г. под фамилией Стауниц, и состоявший с того же времени секретным сотрудником контрразведывательного отдела ОГПУ, бежал из России, чтобы своими разоблачениями раскрыть всю систему работы ГПУ и принести посильную помощь русскому делу...»

Организация «Трест» была создана в январе 1922 года сотрудниками ГПУ. Основное назначение данной легенды

было ввести в заблуждение иностранные штабы, вести борьбу с иностранным шпионажем и направлять деятельность антисоветских организаций в желательное для ГПУ русло...

Благодаря легендам, настолько значительные суммы из ассигнованных штабами на разведку, попадали в ГПУ, что таковые не только дали возможность существовать Контрразведывательному отделу ОГПУ на хозяйственных началах, но и уделять некоторые суммы дезинформационному центру Разведупра, которое фабриковало передаваемые иностранным штабам военные, политические и экономические осведомительного характера материалы...

Рижская газета «Сегодня» 17 мая 1927 г.

«Из беседы с заместителем председателя ОГПУ т. Ягодой Г. Г.

В беседе с сотрудниками московских газет Генрих Григорьевич Ягода сообщил чрезвычайно интересные подробности последней «операции» белогвардейцев на советской территории, операции, своевременно пресеченной и стоившей террористам жизни.

Можно сказать, что в лице Кутепова и Захарченко-Шульц зарубежные монархисты имели своих едва ли не наиболее ярких активистов.

Другой участник покушения, Опперпут, — тоже не новое лицо на белогвардейско-шпионском горизонте. Опперпут, не раз перекочевывавший из одной антисоветской группировки в другую, был и организатором савинковских военных групп в Белоруссии, и доверенным лицом у право-монархистов-николаевцев...

Третий участник покушения на Лубянке, именовавшийся по подложному паспорту Вознесенским, являлся своего рода выдвигенцем из среды белых офицеров, посланным генералом Кутеповым в Финляндию для участия в террористической работе.

Перед самой экспедицией тройки в СССР генерал Кутепов приехал «проинспектировать» ее из Парижа в Финляндию...

Белогвардейцы шли в двух разных направлениях. В селах они выдавали себя за членов каких-то комиссий и да-

же за агентов уголовного розыска. Опперпут, бежавший отдельно, едва не был задержан 18 июня на Яновском спиртоводочном заводе, где он показался подозрительным...

Тщательное и методически произведенное оцепление дало возможность обнаружить Опперпута, скрывшегося в густом кустарнике. Он отстреливался из двух маузеров и был убит в перестрелке.

Остальные террористы двинулись в направлении на Витебск.

Пробираясь по направлению к границе, Захарченко-Шульц и Вознесенский встретили по пути автомобиль, направлявшийся из Витебска в Смоленск. Беглецы остановили машину и, угрожая револьверами, приказали шоферам ехать в указанном ими направлении. Шофер т. Гребенюк отказался вести машину и был сейчас же застрелен. Помощник шофера т. Голенкин, раненный белогвардейцами, все же нашел в себе силы, чтобы испортить машину. Тогда Захарченко-Шульц и ее спутник бросили автомобиль и опять скрылись в лесу. Снова удалось обнаружить следы беглецов уже в районе станции Дретунь. Опять-таки при активном содействии крестьян удалось организовать облаву. Пытаясь прорваться через оцепление, шпионы-террористы вышли лесом на хлебопекарню Н-ского полка. Здесь их увидела жена краскома того же полка т. Ровнова. Оpozнав в них по приметам преследуемых шпионов, она стала призывать криком красноармейскую заставу. Захарченко-Шульц выстрелом ранила т. Ровнову в ногу. Но рейс английских агентов был закончен. В перестрелке с нашим кавалерийским разъездом оба белогвардейца покончили счеты с жизнью. Вознесенский был убит на месте, Шульц умерла от ран через несколько часов...

«Правда» 6 июля 1927 г.

4

Кипа разноязычных газет, растрепанных, помятых, зачитанных, лежала на отдельном небольшом столике у окна. Участники совещания иногда тянулись к ним, что-то искали, сверяли. У каждого, занявшего место за длинным сто-

лом, была выборка из газет, подготовленная секретарями. Никогда еще в Шуаньи у Великого князя Николая Николаевича не было такого нервного и громкого собрания. Сам князь, очень постаревший, согнувшийся, с обозначившимся под смятыми морщинами щек черепом, с виноватым взглядом слушал выступавших, со старческим тихим страхом избегал взглядом Кутепова, сидевшего поодаль от него.

Вся свита Великого князя, конечно, была здесь. Бароны с немецкими фамилиями: Врангель и его помощники-генералы, некоторые наиболее известные российские промышленники, ожидающие возвращения той России, где они были хозяевами. Все слушали Врангеля.

Он говорил о Кутепове в оскорбительно сочувственном тоне человека знающего, умеющего и удачливого, поучающего неумелого, необразованного неудачника. Так истинный аристократ сочувствует выскочке, пытавшемуся занять чужое высокое место и провалившемуся:

— Все мы помним сражения, выигранные генералом Кутеповым на полях Гражданской войны, и при этом прекрасно помним, что тогда Александр Павлович шел в общем строю Белой армии, дисциплинированно выполнял приказы Антона Ивановича Деникина, а потом и мои, когда мне довелось стать командующим. Были у генерала Кутепова и поражения, как и у всех нас. После того, как нам пришлось покинуть Россию и увести армию на Запад, Александр Павлович решил продолжить борьбу с большевиками именно в России, направляя туда небольшие группы наших людей. Мы все за такую борьбу. Наверное, и в ней, в этой борьбе, могут быть и победы, и поражения. К сожалению, у Кутепова здесь только поражения, причем такие, для которых я не могу подобрать более мягкого слова, чем позорные поражения. Этот позор явился результатом того, что Кутепов взялся за дело, к которому совершенно не подготовлен. Советы и предостережения мои и других его старших соратников не могли заставить Кутепова сойти с гибельного пути. Предупреждали о подозрительности «Треста» — нас не слушали. Более того. Он даже не принял во внимание мое конкретное предупреждение о предательстве генерала Монкевица с уличающими того документами. Что же теперь? Потеряны годы, потеряны

деньги, которых у нас так мало, и, главное, потеряны люди, герои Белого дела, наши лучшие люди. Они погибли, потому что Кутепов легко попал в сети провокаторов ГПУ и сам переправлял наших лучших офицеров на расправу большевистским палачам.

Слушали Врангеля столь внимательно, что никто не заметил, как Великий князь вдруг закрыл глаза и откинулся в кресле, уронив голову набок. Внимание присутствующих было обращено в этот момент к какому-то из промышленников, перебившему речь Врангеля:

— Петр Николаевич, а как вы оцените политическую программу Кутепова, с которой он недавно выступил на совещании в Финляндии, где, кстати, присутствовали чекисты? Наверное, они ему и написали эту программу. Там же признается государственным имуществом все, что у нас отняли.

— Эта программа плохо продумана и неумело сформулирована. Генералу Кутепову не следует заниматься политикой.

Наконец заметили, что Николай Николаевич в обмороке. Закричали, побежали за докторами, протягивали стаканы с водой. Великий князь быстро очнулся.

— Продолжайте, барон, — пробормотал он, оглядев присутствующих печально-виноватым взглядом.

Он не слушал Врангеля, презиравшего всех Романовых и нелепо мечтавшего воспользоваться смутой и прийти к власти в России то ли царем, то ли президентом. Внук Николая I, вешавшего декабристов, любил верных слуг трона, таких как Кутепов. Но позор есть позор. Что сказал бы дед, узнав, что внук приласкал в своем дворце безбожника-коммуниста, что жена даже в голову его поцеловала?

Врангель бьет не столько по Кутепову, сколько по нему, Николаю Романову. Наверное, мечтает о его скорой смерти, чтобы стать первым в руководстве РОВС и во всей военной эмиграции.

Когда Врангель закончил, Великий князь, собравшись с силами, сказал решительно:

— Я прошу высказаться Александра Павловича. И не думайте, генерал, что вы главный виновник случившегося. Мы все в этом участвовали, нас всех сумели обмануть.

— Ваше Императорское Высочество, не умаляйте моей вины, — начал Кутепов необычным для себя тихим голосом, в котором слышалась какая-то робкая искренность, — не будьте таким снисходительным ко мне. Главный и, наверное, единственный виновник, конечно, я, и его превосходительство барон Врангель, безусловно, прав. Я провалил работу в России, доверившись коварным чекистам. Не прислушался к предостережениям барона Врангеля и его помощников. Я ничем не могу оправдать мои ошибки, я прошу только у вас, Ваше Императорское Высочество, моральной поддержки не столько мне, сколько моим людям, продолжающим героическую борьбу против большевиков. Ведь независимо от моего постыдного провала борьба идет и будет продолжаться. Убит Войков — один из убийц императора-мученика Николая Александровича и его семьи. Моя группа во главе с капитаном Ларионовым 7 июня взорвала партийный клуб в Ленинграде, при этом убито и ранено 26 человек, а все исполнители акта вернулись. Мои люди готовятся к новым действиям, и нельзя их останавливать, лишать поддержки. Продолжения и даже усиления борьбы требует международная обстановка. Разрыв дипломатических отношений Англии с СССР — это начало международной изоляции большевистской России. Ухудшение экономического положения, раскол в партии — все это ослабляет большевистское правительство, и мы должны использовать этот момент. Я прошу, Ваше Императорское Высочество, поддержите нас.

Великий князь с трудом, с хрипом, глубоко вздохнул — можно было подумать, что это его последний вздох — и устало произнес:

— Совецание окончено. Благодарю вас всех, господа.

Адъютанты, придерживая его под руки, подняли с кресла и медленно повели к дверям во внутренние покои.

Ни на кого не глядя, ни на сочувствующих, ни на злораждующих, Кутепов направился к выходу. Его остановил Врангель. Рядом с ним был, как обычно, Шатилов. Барон обратился к генералу с любезной улыбкой:

— Александр Павлович, я согласен в пределах всех своих возможностей помочь вам, если вы готовы к дружескому сотрудничеству. Конечно, потребуется по-другому орга-

низовать работу, отказаться от старых связей, взять помощника по согласованию со мной...

Никогда еще Кутепов так отчетливо не понимал разницы между собой, сыном неизвестного личного дворянина, и этим потомственным аристократом — что ни предок, то или в энциклопедии, или в музее. Зависть, ненависть, уверенность в каком-то своем неосознанном превосходстве человека, добившегося всего своими усилиями, — слились воедино в холодном ответе:

— Благодарю, но я предпочитаю работу в столярной мастерской. Извините, мне надо проверить охрану.

Кутепов пошел к выходу, слегка задев барона плечом — жаль, что тот выше ростом.

Врангель усмехнулся и, глядя вслед генералу, сказал Шатилову:

— Он всегда будет жертвой прохвостов, более умных, чем он.

5

Даже в самое чудесное летнее парижское воскресенье не каждый гуляющий в Люксембургском саду осознает, что жизнь прекрасна. Воронцов катил по аллее детскую коляску. Мрачная Зина шла рядом. Верочка достигла возраста, когда ее можно оставлять с отцом, и Зина накануне посетила подругу и вернулась поздно ночью. На скамейках читали, целовались, дремали, разговаривали.

Навстречу шла семья: детскую коляску везла Лида, а Александр Павлович Кутепов в белой рубашке «апаш» угрюмо шел рядом, не замечая ни зелени, ни резвящихся детей, ни отдыхающих на скамейках.

Могли бы и не заметить друг друга, но жизнь так жестоко наказывала их, что хотелось кому-то объяснять, доказывать, убеждать в чем-то себя и других или просто поговорить с человеком, которого ты знаешь. Вот и не прошли мимо, встретились, как бывшие боевые соратники, познакомили жен, традиционно пошутили над тем, что в одной коляске мальчик, а в другой — девочка. Усадив жен с детьми между читающими и целующимися, они бродили по аллеям с тяжелым разговором, зная, что никогда им ни в чем не

убедить друг друга, но, может быть, удастся в чем-то убедить себя.

— Да. Она погибла, — сказал Кутепов. — Но в газетах ложь. Ее не убили — она покончила с собой.

6

У Менжинского были какие-то ужасные болезни. Он не мог ходить и принимал подчиненных в кабинете лежа. Но даже и на диване боли не утихали, и, разговаривая с Ягодой, он стонал, и стоны иногда переходили в крик:

— Кутепова больше нет. Мы его уничтожи-или-и... Главный враг сегодня — Вра-ан-гель! Смерть Врангелю! Пусть Ян срочно разрабатывает план. Идите, а я... А я буду болеть.

Ягода знал, что наркомому помогают только хорошие вопросы, когда арестованного терзают до полусмерти. Тогда Менжинский вскакивал и сам принимал участие. Ноги при этом не болели.

7

Заботина против его желания перевели из хозяйственного отдела в группу Яна Серебрянского. Начальник несколько раз вызывал его и расспрашивал о жизни, об участии в войне, о плене, о знакомых офицерах. Заботин отвечал осторожно и кратко.

Вообще Серебрянский ему нравился: высокий, с приятным чистым лицом, с неожиданно низким голосом. Всех, кто с ним сталкивался впервые, всегда поражал голос — глухой спокойный бас, казалось бы, совсем не подходящий для высокого молодежьего темпераментного человека.

И однажды для Заботина настал страшный час, когда своим спокойным низким голосом Серебрянский сказал:

— В соответствии с решением руководства, мы должны уничтожить самого опасного врага СССР — Врангеля, и это поручается вам, Алексей Федорович. Я долго к вам присматривался и заметил высокое, совсем не армейское умение изображать другого человека, не того, какой вы есть на самом деле.

— Да что вы? Какой я артист? И задание, видать, по ошибке...

— Сначала расскажу, к какой, так сказать, роли мы будем вас готовить, — не обратив внимания на возражения Заботина, продолжил начальник. — У Врангеля еще с Гражданской войны служит в денщиках Яков Гаврилович Юдихин, он сейчас живет у него в семье в Брюсселе. Сам Юдихин — крестьянин Смоленской губернии. Вы станете на время его родным братом. Например, Алексей Гаврилович — имя оставим, чтобы вам легче было. Вот фотография вашего брата. Даже есть некоторое сходство. Съездите к нему в деревню, разузнайте, что надо, научитесь говорить по-ихнему. Якова готовят к встрече с вами наши товарищи там. Приедете к брату с рассказами о России. План выполнения задания расскажу потом. Учтите, что вы четвертый человек, знающий об этой операции. Пятого быть не должно. Поэтому вас будут охранять. Незаметно, конечно. Вы не должны ни с кем встречаться, ни с кем ни о чем серьезном не разговаривать. В том числе и с нашими сотрудниками.

Для Заботина началась другая жизнь. Вернее, не жизнь, а преддверие смерти, а ведь еще и 50 лет. В секретной комнате он изучал биографию Врангеля, план Брюсселя, куда тот недавно переехал. С сослуживцами говорил о «Золотой лихорадке» Чарли Чаплина, о погоде и о правильном решении партсобрании по поводу негодяя Троцкого. Второй раз в плену — теперь у своих.

Удивил Лева Зайцевский. Долго, наверное, искал случая и, наконец, поймал его, когда он один курил возле туалета. Прикуривая, прошептал:

— В Париже найди Дымникова: улица Данциг, 14.

8

Кутепов читал книгу Шульгина «Три столицы», только что выпущенную и подаренную ему автором. Читал не очень внимательно — так, перелистывал. Понравились рассуждения о власти:

«Толпа за XIX столетие показала свою беспомощность. Это бессилие вызвало к жизни искушение властью массами при помощи «организованного меньшинства».

Это, впрочем, всегда так было. Только раньше организованное меньшинство, управляющее толпой, называлось аристократами, патрициями, буржуазией, дворянством. Нынче оно называется коммунистами и фашистами. Аристократия не скрывала своего назначения, а метод ее действия был наследственный подбор людей, владевших оружием и мозгами. Буржуазия скрывала или не признавала свое, а метод ее действия был выборное одурачивание...»

Гнетущую тишину канцелярии, которую надо было закрывать, а самому идти в столояра, нарушил телефонный звонок. Не просто звонок, а из дворца Великого князя. Сказали, что Николай Николаевич не мог поговорить лично — плохо себя чувствовал — и просил передать, что одобряет работу генерала Кутепова, желает ему не совершать ошибок и направляет к нему господина Лейзермана с хорошими вестями.

Уже сама фамилия вестника обещала хорошее: Великий князь не любил евреев, даже втайне одобрял погромы, но денежные дела вел обычно с евреями.

Лейзерман приехал на большом «Форде» с большим портфелем. Вел себя свободно, если не сказать — нахально: расселся, заняв вместе с портфелем половину кабинета, долго в нем копался и выложил на стол чек французского банка на 200 тысяч франков, сказав при этом:

— Великий князь просил передать вам на словах, что деньги субсидированы английским правительством. Надеюсь, вы понимаете, эта информация только для вас. Теперь вам надо расписаться в этом талмуде и еще вот здесь. А вы читаете Шульгина? — спросил гость, заметив на столе книгу.

— Подарок автора.

— Путешествие по плану ГПУ в книге, рецензированной ГПУ. Но почему так зло против евреев? Чуть ли не на каждой странице о жидах. Даже какие-то глупые стишки: «Вы — мужики, жида — дворяне, ваш — плуг и труд, а хлеб — жидов». Или вам такое нравится?

— Я не антисемит. На войне защищал евреев. Вешал погромщиков. Но скажу вам честно: я не хочу, чтобы мой сын женился на дочери Рабиновича. Да и вы, наверное, не отдадите дочь за Иванова?

После ухода доброго вестника Кутепов собрал свою канцелярию.

— Прибыли очередные финансовые поступления от Великого князя, — сказал он обыденным голосом. — Поручика Кривского прошу сегодня же все оформить и выплатить денежное содержание. Арсения Александровича прошу срочно отправить в Россию подготовленную группу. Мы упустили много времени, и с завтрашнего начинаем работать в 8 часов утра.

В сентябре в эмигрантских газетах было опубликовано официальное заявление ОГПУ СССР за подписью Менжинского об арестах членов нескольких террористических групп, взятых при переходе финской и латвийской границ, в том числе В.А. Самойлова, Н.П. Строева, А.И. Адеркаса, А.Б. Балмачова, А.А. Сольского. В результате вооруженного столкновения близ Петрозаводска были уничтожены Соловьев и Шарин. В заявлении указывалось, что действия террористов направлялись парижским центром русских монархистов, сторонников великого князя Николая Николаевича, монархическими организациями в Финляндии и латвийской контрразведкой.

Пора, наконец, решил Врангель, публично разоблачить Кутепова. В парижском журнале «Иллюстрированная Россия» в номере от 8 октября знаменитый разоблачитель Бурцев опубликовал большую резкую статью, в которой рассказывалось, как в течение нескольких лет генерал Кутепов работал на ОГПУ, наивно считая, что помогает русским монархистам.

Любители эмигрантской прессы статью читали, возмущались, сочувствовали, а Кутепов каждый день к 8 часам приезжал в свою канцелярию и начинал рабочий день с выслушивания доклада начальника Трубецкого о текущих делах. При этом, улавливая в голосе князя сочувственные нотки, останавливал его и объяснял, что у них нет оснований для беспокойства и плохого настроения.

— Мы фактически одни ведем борьбу против большевиков, — говорил он, — и все враги Коминтерна нам сочувствуют. Статья Бурцева еще больше людей привлекла на нашу сторону. Они увидели, что человека, пострадавшего от

ГПУ, теперь пытаются добить свои. Не добьют. Многие газеты выступают за меня. «Борьба за Россию», в которой состоял Бурцев, заявила, что не несет никакой ответственности за эту публикацию. Струве в «России» хорошо выразился: «Отрицательные легенды могут быть так же вредны, как и положительные, и не надо легковерно принимать легкомысленные разоблачения». Даже врангелевский министр Чебышев написал в «Возрождении»: «Необходимо строго учитывать свои ошибки. Не следует, однако, падать духом». А Врангель еще больше потерял свой авторитет в армии — ведь все знают, с чьей подачи выступил Бурцев. И кто такой Бурцев? Обыкновенный розовый либерал. О бароне Врангеле стыдно говорить, но ведь он ждет не дождется смерти Великого князя, чтобы потом руководить всем и вся. Очень опасно желать чьей-то смерти. Всегда может... М-да... Кстати, уже говорят, что «Трест» был пущен в оборот генералом Врангелем.

Из письма П.Н. Врангеля П.Е. Шатилову от 25 января 1927 г.

«Считаю необходимым игнорировать все эти происки и интриги. Я сделал все, чтобы положить предел преступной игре жизнями тех, кто идет за нами, предостеречь от гибельной работы А.П. Кутепова. Я полагаю, что, если эта работа и будет продолжаться, то теперь уже никто не сможет возложить какую бы то ни было за нее на меня моральную ответственность. Я от нее вполне отмежевался. В настоящих условиях я большего сделать не могу. Вступать на путь личной борьбы, считаться с недостойными выпадами и происками я, конечно, не буду».

1928

1

В середине марта к денщику Врангеля Юдихину заехал младший брат, погодок, Алексей — матрос советского парохода «Чернышевский», стоящего в Антверпене. Барон отнесся милостиво, иронически усмехнулся по поводу предъявленного красного советского паспорта, вызвал обо-

их в свою приемную и удостоил коротким разговором и расспросами. Яков и Алексей стояли перед ним как положено солдатам перед генералом.

— В Гражданскую в Красной армии воевал? — спросил Алексея.

— Так точно, ваше высокопревосходительство! На польском фронте. Почитай, до Варшавы дошел, да контузию получил.

— Тебя под Варшавой контузило, а всей Красной армии — конфузия, — пошутил барон. — Сколько дней дали увольнение?

— Пять дней, ваше высокопревосходительство. Оно, конечно, и насовсем бы остаться. Рази ж в России так люди живут.

— Это уж ты, братец, с Яковым потолкуй. Если будет в моих силах, я, может быть, помогу. А пока живи эти дни в комнате с братом. Я ему тоже дам увольнение: в послеобеденное время до отбоя. Покажи ему, Яков, город: ратушу, собор, ну и хорошую пивную, конечно. Все. Можете идти.

Братья четко повернулись кругом и в ногу прошли по приемной к выходу.

Денщик жил в комнате рядом с кухней. Сюда внесли еще одну солдатскую койку и застелили. Разговаривали они с «братом» громко, не прикрывая дверь:

— Ну, что в нашей Ильинке, Алеха? Нынче можно жить?

— Вполне. Летом был — две лошади, две коровы, телок. А Михалыч, помнишь его? Так он вообще разбогател. Чуть не стадо коров. Батраков нанимает.

— Эх, не видать мне родной деревни...

— Здесь, Яша, лутче. Люди по-людски живут...

По-настоящему говорили на прогулках после обеда. В первый же день Яков повел Алексея в Брюссельский парк, где в условленном месте ждали двое, одинаковые, ничем не примечательные. Отпустив Якова по своим делам, они с Алексеем пошли в малолюдную пивную — объяснять суть дела. Яков получил 1000 франков за то, что приютил Алексея, как брата, но что тот здесь будет делать, не знает и никогда не узнает. Как только дело будет сделано, надо вежливо попрощаться и отправиться в Антверпен на паро-

ход. Дело сводится к тому, чтобы положить в питье или в суп барона хотя бы одну из трех горошин, зашитых в белье у Алексея. Они растворяются мгновенно, не изменяя вкуса, а человек заболевает через несколько дней и на 40—45-й день умирает. Это все Алексей знал в Москве. Знал и то, что с ним будет после выполнения задания. Теперь узнал, что за ним будут следить день и ночь. После выполнения задания Алексей должен сразу выйти на улицу. Там его встретят эти двое.

Выяснилось, что для выполнения задания есть две возможности: утренний кофе или вечернее пиво. Алексей выбрал вечер. Существовала, правда, и третья возможность: немедленно бежать в Париж, к Дымникову, к черту, к дьяволу. Но финал — один. Заботин решил: не надо дергаться, выйдет — хорошо, а если нет, тогда и будем спасаться.

Ни в первый, ни во второй вечер ничего не вышло. Близились к концу третий вечер.

По вечерам Врангель удалялся в кабинет, и в этот момент Яков должен принести барону бутылку в меру охлажденного «Баварского» и особый тяжелый граненый стакан с позолотой.

Этот час пришел.

— Пора подавать пиво, — заметил Яков и вышел на кухню, где в холодильном шкафу была подготовлена бутылка.

Когда он вышел с подносом, Алексей, остановив его, предложил:

— Яша, давай баронского пива попробуем.

И уже потянулся к бутылке.

— Что ты, Алеха, — испугался денщик, оглядываясь, — никого не было. — Я тебе другую принесу. Эта — охлажденная до кондиции.

— Неси, пока на кухне нету никого, а эту здесь поставь.

Яков отправился за бутылкой, а Алексей взялся за дело.

Только не надо спешить и волноваться: если не сегодня, так завтра выйдет, а эту просто уронить и разбить.

Вышло очень хорошо — горошина провалилась, и металлическая пружина крепко закрыла крышку бутылки. В этот момент появился Яков, отдал принесенную бутылку Алексею и взял поднос.

— Он сам что ли открывает? — спросил Алексей.

— Я должен принести и открыть, правда, в другой раз он говорит: «Не надо — я сам».

Яков направился к лестнице, ведущей на второй этаж, а Алексей открыл бутылку, залпом, не чувствуя вкуса, выпил. Пульс значительно участился.

Вернулся Яков. Алексей налил ему в стакан остатки пива.

— Почти всю высосал? — удивился Яков.

— А барон?

— И барон сразу стакан хватил. Меня похвалил — охладил, как надо.

— Теперь можно прогуляться, гляну на улицу, — сказал Алексей, — может, кто-нибудь из наших друзей гуляет.

Рядом с комнатой горничной — черный ход во двор. Калитка под наблюдением, на нее он и не рассчитывал. Еще в первый день присмотрел место, где можно незаметно перелезть через каменную ограду в соседний двор, а оттуда, перебравшись еще через одну стену, попадешь в большой двор какого-то учреждения, где постоянно спуют люди. Из двора выход на другую улицу. Такси, парикмахерская, где сбриты бородка и усы; нансеновский паспорт, зашитый под подкладкой матросского бушлата, Южный вокзал, билет до Парижа...

2

Больше месяца, как Дымников вернулся в Париж, и до сих пор его не покидало болезненно нервное состояние, вызванное долгим бессмысленным путешествием, запоями и, главное, сознанием, что совершенно напрасно выброшены годы жизни и огромные деньги. Успокоившись, что-нибудь ел, пил немного вина, брал такси и ехал на улицу Данциг. Табличка на двери была другая:

«РУССКАЯ СПРАВКА

ДЫМНИКОВ

*Адреса и местонахождение
ваших друзей и родных в
любой точке земного шара
и даже в СССР»*

Искать людей в России помогал Мансуров. Даже Люба помогала! Она звонила, ходила в Госсправку, писала в Париж ответы. Эти письма шли диппочтой, и Леонтий кое-что зарабатывал. После путешествия каждые 100 франков на счету. Работали с ним всего четверо: Мохов, Шигарин и семья Воронцовых. Максим ушел с конвейера «Рено» и сел за справочное окошко.

Тот день начинался неопределенно — не то дождь, не то солнце, не то ветер, не то теплая тишина, и в душе непонятно: то ли застрелиться сразу, то ли пойти в Гранд Опера или даже в Лувр и потом долго думать об увиденном и услышанном.

Должен был дежурить Мохов, но он отпросился на два часа по личным делам. Через некоторое время в офис вошел странный посетитель, несколько пострадавший от дождя. В черных клешах и странных ботинках с толстой подошвой, в новом, слишком свободном пальто, в очках и кепке. Самое странное было то, что Леонтий сразу его узнал.

— Господин Заботин, — улыбаясь, произнес он.

Тот — палец к губам: тише, мол.

— Вы один? А тот, что вышел, скоро вернется? — спросил посетитель.

— Часа через два. Да ты садись. Рассказывай. Есть хочешь? Или выпить?

— Я поел, а выпить надо. Для успокоения. Нельзя мне, чтобы тот меня видел. Который ушел.

— Чего ты его боишься? Обыкновенный поручик. У меня работает. Я его с 22-го года знаю или с 23-го. Виски здесь всегда есть, но я стараюсь поменьше. Давай, за встречу. Мы ж с тобой с 17-го года.

Выпили. Заботин положил на стул к камину мокрую кепку, рассказал, что он беглый с нансеновским паспортом на чужое имя, а имя это знают в ГПУ...

— Осложняешь ты очень, Алексей. Я бы тебя взял к себе, но тебе Мохов противопоказан.

— Не только Мохов, а, наверное, вся Франция.

— Тогда я пока отвезу тебя к себе. У меня только французенка уборщица бывает через день. И будем думать.

Из последнего приказа генерала Врангеля № 86 от 7 апреля 1928 г.

«Белая борьба» — это единственная светлая страница на мрачном фоне Российской смуты, страница, которой участники «Белой борьбы» по праву могут гордиться и признание морального значения коей обязаны требовать от всех.

Значение «Белой борьбы», сохранившей честь национальной России, никогда не умрет.

Что касается вопроса о том, кому в будущей России будет принадлежать первое место, то генерал Врангель находит даже и поднимать его недостойным.

Вопрос этот у участников «Белой борьбы» никогда не возникал, и когда офицеры, не исключая и старых генералов, шли в бой с поработителями Родины с винтовкой в руках рядовыми бойцами, никто из них не думал о том, какие места они займут в будущем, — их одушевляла, как одушевляет и ныне, одна мысль — об освобождении России.

Не может быть места для этого вопроса и после падения большевиков. Когда падет ненавистная власть, поработившая ныне нашу Родину, и воскреснет Национальная Россия, то для каждого будет величайшим счастьем отдать ей все свои силы, как бы ни был скромен предоставленный каждому удел...»

Приказ был отдан П.Н. Врангелем уже во время его тяжелой болезни и разослан на места в изложении и за подписью генерал-лейтенанта А.П. Архангельского.

Смерть настигла Врангеля 25 апреля, похороны состоялись 28-го, а 29 апреля был отдан приказ Великого князя Николаевича о назначении генерала от инфантерии А.П. Кутепова Председателем Русского общевойскового союза (РОВС).

29-е — воскресенье, и поручик Кривский среди дня вошел в квартиру Кутепова с цветами и шампанским. Генерал принял его ласково, но строго.

— Мы не женщины, чтобы так выражать чувства, — сказал он. — Тем более по случаю военного назначения. Пойдемте в кабинет и поговорим о будущей работе. Шампанское нам подадут туда.

— Но, ваше превосходительство, запоздалая справедливость. Я и все мы, молодые офицеры, еще в 20-м году, под Ростовом, знали, что вы лучший из вождей армии. Вы должны были стать командующим после Деникина. Помните, в Крыму? Все испортил интриган Романовский.

С бокалами шампанского на подносе вошла хозяйка, чем-то явно расстроенная, чуть ли не со слезами на глазах.

— Что, Лида? Опять?

— Два раза звонили. Неизвестные голоса. И все то же.

— Представляете, поручик? Уже несколько дней звонят трусливые мерзавцы и говорят, что Врангеля отравили по моему приказу! Он сам себя отравил непомерным честолюбием, стремлением к высшей власти. Ничего не вышло — вот и умер. Ведь эта болезнь никому не известна. Врачи написали, чтобы что-нибудь написать: тяжелая инфекция, пробудившая скрытый туберкулез. А на самом деле — 38 суток с температурой 40°! Какая там инфекция? Крах честолюбивых замыслов!

— Александр, о мертвых...

— Я знаю, но военному человеку следует быть скромным. Меня генерал Корнилов разжаловал в солдаты в Ростове, и я, ни слова не говоря, взял винтовку и пошел в строй. Я сам просил вчера Великого князя, чтобы не назначал меня командующим — войны нет, организованной армии нет, а унаследовать титул Врангеля мало чести. Пусть это означает, что той армии, врангелевской армии, больше нет. Есть РОВС, которым командую я. Есть Великий князь.

— Он очень болен, — сказал Кривский. — В освобожденной России вы будете военным министром и представляете, что...

— Поручик Кривский, отставить! Выпьем за успехи в новой работе. Я хочу теперь сделать две канцелярии — гражданскую, где останется князь Трубецкой, и военную, куда я пригласил генерала Стогова...

Великий князь Николай Николаевич умер 5 января 1929 г. в Антибе. На похороны пришел его сосед по Лазурному берегу, проживавший в Грасе великий русский писатель⁵⁸. Невысокий, сухощавый, почти всегда с гримасой раздражения на маленьком четком лице. Здесь, у гроба, он размягчился, думал об умершем, и уже складывались слова о двух встречах с ним:

«В Орле я очутился в большой, но очень избранной толпе, ожидавшей перед рядами парадно выстроенных на платформе солдат. С шумом и грохотом как бы обрушился на нас и на весь вокзал огромный паровоз с траурными флагами. Из среднего вагона быстро появился и шагнул на красное сукно, заранее разостланное на платформе, молодой, ярко-русый гигант-гусар в красном доломане, с прямыми и резкими чертами лица...

Мог ли я думать в тот жаркий весенний день, как и где увижу я его еще один раз!

Целая жизнь прошла с тех пор.

Вокруг застыл в своих напряженно-щегольских позах его последний почетный караул, офицерская и казачья стража: шашки наголо к правому плечу, на согнутой левой руке — фуражки, глаза с резко подчеркнутым выражением беспрекословности и готовности устремлены на него. Сам же он, вытянутый во весь свой необыкновенный рост и до половины покрытый трехцветным знаменем, лежит еще неподвижнее. Голова его, прежде столь яркая и нарядная, теперь старчески проста и простонародна. Поседевшие волосы мягки и слабы, лоб далеко обнажен. Голова эта кажется теперь велика — так детски худы и узки стали его плечи. Он лежит в старой, совсем простой рыже-серой черкеске, лишенной всяких украшений, — только Георгиевский крест на груди...»

Дымников не общался с бывшими однополчанами, организовывавшими различные встречи, и, конечно, не за-

писывался в РОВС, однако в начале лета ему прислали приглашение на ужин офицеров-корниловцев с Председателем РОВС генералом Кутеповым. Маленький ресторан, скромный стол, но большой разговор и даже выступление Плевицкой. Дуэт. Перед смертью Врангель сделал хорошее дело: вернул корниловцам их командира Скоблина.

На встречу собралось немного — человек 50. Кутепов со Скоблиными вошли, когда неожиданный гром грянул прямо над рестораном. Плевицкая не растерялась и воскликнула, продекламировав: «Он весь, как Божия гроза!» И указала на Кутепова.

Дымников отверг это сравнение. Черный костюм как-то по-купечески диссонировал с желтовато-белой бритой наголо головой. Бородка вроде та же, но лежит на белом воротничке как чиновничья, и в глазах не вечный огонь схватки, а ожидание чего-то. Может, смерти? И глаза как будто уже не такие черные. И зачем побрился наголо? Коля Мохов даже шепнул: «На Ленина похож. Сейчас картавить будет».

Нет, он не картавил, когда после нескольких обычных тостов произнес речь. Вот, что касается содержания, Дымников не смог бы отличить ленинскую речь от кутеповской. Обе назвал бы одним нехорошим словом.

— Тяжелая участь выпала на нашу долю, — говорил генерал, — видеть, как на наших глазах милый нашему сердцу облик старой России ушел в безвозвратное прошлое. На наше поколение выпал и другой тяжелый, но почетный жребий — с Божьей помощью спасти и возродить наше Отечество. Мы боремся не за те или иные партийные идеи, мы боремся за Россию. На эту борьбу мы зовем всех русских людей, где бы они ни были — на родине или за рубежом. Мы зовем к ней и тех наших братьев, у которых под красноармейской шинелью не перестало биться русское сердце. У нас один враг — коммунизм, одна цель — благо Великой России. Мы — «белые», пока «красные» владеют Россией, но как только иго коммунизма будет свергнуто, с нашей ли помощью или без нее, мы сольемся с бывшей Красной армией в единую Русскую армию. Перед русскими, живущими в Манчжурии, сейчас встает вопрос, как им быть в случае столкновения Китая, а возможно, и Япо-

нии, с советской Россией. Вопрос очень сложный, так как, с одной стороны, желательно сражаться с властью красного Интернационала, но с другой — нельзя бить по национальным интересам России. Такими интересами я считаю — Восточно-Китайскую железную дорогу и русское влияние в Монголии, которое началось задолго до большевиков. Русские национальные организации могут оказать помощь в борьбе с СССР — вооруженную и дипломатическую — лишь в случае получения определенных гарантий о ненарушении в борьбе с большевиками национальных интересов России...

После окончания речи были «Ура!», аплодисменты, Плевицкая пела романсы — не только коронные «Помню, я еще молодухой была...», «Замело тебя снегом, Россия...», но и нечто новое: «Все, что было, все, что мило, — все давным-давно уплыло...».

3

— Кутепов — главный и самый опасный руководитель русской военной эмиграции, — сказал Ян Серебрянский. — Поэтому у нас на первом месте операция против него. Мы ее готовим очень тщательно, с учетом ошибок предыдущих операций. Контролирует сам нарком.

Серебрянский в своем кабинете беседовал с Пузицким и Зайцевским. Лев Борисович, влившись в него уважительно-преданным взглядом, никак не мог понять, почему этому умному и храброму человеку так нравится его работа — планировать тайные убийства, похищения, грабежи, взрывы.

— Беглец не нашелся? — спросил Пузицкий, чекист огромного роста, огромной силы, рыжеволосый с рысьими глазами, любитель военной формы, весь в ремнях и с ордемом на груди — за Савинкова.

— Вот поэтому я и пригласил Льва Борисовича. Операция с Врангелем прошла успешно, за исключением того, что исполнитель сбежал. Вроде умный парень, этот Заботин, а совершил такую глупость. Вместо ордена получит... наказание. Ведь от нас убежать нельзя. Приказано прикрепить к группе исполнителей группу наблюдателей. Лев Бо-

рисович один из них. Его знаете только вы, Сергей Васильевич. Второй и третий исполнители, да и четвертый, если он будет, Зайцевского не знают и не видят. Он их знает и видит. Кто эти исполнители, вы, Зайцевский, узнаете своевременно, а пока контактируйте с Сергеем Васильевичем.

— Если мы готовим такую серьезную операцию, то что делает группа Д? — спросил Пузицкий. — Зачем ошпицаются в Германии Попов и де Роберти, вызывают к себе Кутепова?

— Застрелить Кутепова очень просто, — сказал Серебрянский. — Это может сделать и любой чекист на улице, и де Роберти, тем более что они знакомы. Им всем приказано: генерала не трогать. Разговаривать, зондировать почву, настроение выяснять, планы, но не трогать. Я думаю, что скоро мы их отзовем. Итак, друзья, готовьтесь. Операция назначена на... В общем скоро.

1930

1

В Крещенский вечер у Кутеповых собрались несколько самых близких сослуживцев и друзей. Говорили о будущем России и, естественно, о собственном будущем. Генерал только что вернулся из Берлина, где вел переговоры с сомнительными личностями из России, похожими на агентов ГПУ.

— Привез Пашеньке игрушечную пушку, — сказала Лидия Давыдовна с некоторым упреком, — уже начинает учить стрелять.

— Я воспитываю сына по программе Петра Великого, — объяснил Александр Павлович. — У нашего императора первой игрушкой была лошадка, потом солдатики, потом пушка. Паша дожил до возраста, когда время заниматься пушкой, и я привез ему немецкую пушку. Сейчас немецкая артиллерия самая сильная. Россия в развале, французы думают о развлечениях, англичане — моряки. Как это ни смешно, а больше ничего полезного мы с полковником Зайцовым из Берлина не привезли. Попов и де Роберти, на-

до отдать им должное, кормили нас роскошными ужинами и обедами, но все разговоры и в застольях, и на совещаниях — пустая болтовня. Попытки втянуть нас в новый «Трест».

— Они же создали там какой-то союз, — сказал князь Трубецкой. — В нем активно участвует наш генерал Дьяконов.

— ВРНО, — разъяснил Кутепов. — Ворона какая-то. «Внутренняя Российская Национальная Организация». Тот же «Трест». И Попов, и де Роберти сознались в конце встречи, что так оно и есть, и оба они — сотрудники ГПУ. А сначала такими заговорщиками представлялись. Давайте нам в Россию больше офицеров, но только с деньгами — в ГПУ узнали, что РОВС кое-что из колчаковских миллионов получил. Поднимем, мол, восстание. Россия готова...

— Но Россия действительно готова! — воскликнул Кривский. — Ужасы коллективизации... Крестьянство бунтует... Поможем несчастным русским мужикам. Если коммунисты уничтожат крестьянство, это будет означать, что они уничтожили Россию.

— Все русское крестьянство даже коммунисты не смогут уничтожить, — возразил Кутепов. — А помочь, к сожалению, мы не можем: Красная армия твердо стоит на стороне большевистского правительства. Наши офицеры сами не могут поднять крестьянское восстание.

— А они к нам засылают, — сказал князь Трубецкой, — и засылают с определенными целями. Постоянно вам угрожают, Александр Павлович, а вы от охраны отказываетесь.

— Это ужасно! — воскликнула Лидия Давыдовна. — Каждое утро я провожаю его как в бой. Хорошо, что иногда приезжают офицеры-таксисты...

— Лида! Это служебный вопрос, и я решаю его без тебя. Я не имею права расходовать деньги, собранные для РОВС и для борьбы за Россию, на личные нужды. Кстати, эти жулики Попов и де Роберти предупреждали, что покушение на меня произойдет весной.

— Наверное, хотели усыпить внимание, — сказал Зайцов. — По моим данным, покушение на вашу жизнь может произойти значительно раньше.

— Убить могут каждого из нас, — сказал генерал, — в том числе и меня. Но охрану братья я не буду. Кутепов всегда смотрел опасности в лицо.

— Сегодня же Крещение, — напомнил князь Трубецкой. — Надо гадать. Меня научили в Монголии. Начнем с вас, Александр Павлович. Задумайте, что хотите.

— Задумал.

Для гадания требовались свечка, игральные кости и некий разрисованный китайскими знаками лист бумаги, оказавшийся у князя в портфеле. Трубецкой зажал кости в кулак, поднес руку к свече и долго держал кулак над огнем. В известный только ему определенный момент князь неожиданно выбросил кости на разрисованный лист.

Лидия Давыдовна вскрикнула и сказала, тяжело дыша, словно пережила страх:

— Если плохо, то лучше ничего не говорите.

— Хорошо. Не скажу, — согласился Трубецкой.

Когда все отошли к патефону, Кутепов сам спросил гадальщика. Тот ответил с тяжелым вздохом:

— Это будет так неожиданно, так быстро, так ужасно...

2

25 января в «Русскую справку» торопливо вошел Зайцевский. За справочным окном сидел Мохов.

— Мне нужен господин Дымников, — сдерживая учащенное дыхание, как после бега, заявил посетитель.

— А что это вы так спешите? И нервничаете. У нас не полиция.

— У меня очень срочное дело к господину Дымникову.

Не трудно было понять, что Мохову не хочется пускать незнакомца к Леонтию, но ничего не поделаешь. Нажал-таки кнопку звонка, и Дымников, приоткрыв дверь и увидев Зайцевского, сказал:

— Заходите.

— У вас здесь глухо? — спросил Зайцевский, оглядывая окно, стены, дверь. — Не слышно?

— Предохраняюсь, как говорят русские женщины.

— Здравствуйте, Леонтий Андреевич. Помните меня? А можно дверь на ключ?

— Можно. Я вас помню, Лев Борисович. Приехали в гости к другу? Или навсегда?

— Как он? С ним все в порядке?

— В порядке. С документами и в безопасном месте. Вы с ним можете встретиться.

— Потом. Вы можете меня так же устроить?

— В общем, могу, но у меня сейчас плоховато с деньгами.

— У меня есть.

— Тогда считайте, что в СССР вы не вернетесь.

— Слушайте главное. Вы что-нибудь сможете выиграть на этом. — Зайцевский оглянулся на запертую дверь, на окно и понизил голос: — На завтрашнее утро группа сотрудников ГПУ подготовила похищение генерала Кутепова.

— Похищение? Куда же они его спрячут? Увезут в СССР, как Савинкова?

— Мне известны участники, известен точный план. Его увезут в Марсель и на советском пароходе «Спартак» доставят на советский берег.

— Значит, там будут допрашивать, судить, — представил себе Дымников с некоторой мечтательностью, — интересно...

Теперь Леонтий расхаживал по кабинету, разглядывая дверь и окно и представляя себя за судейским столом. Перед ним генерал с побритой наголо головой. Вот в чем дело! Кутепов уже потерял свое лицо и предстал перед Высшим Судией. Подсознание подсказало генералу, что дни его сочтены, и лицо его изменилось. Фрейд был в моде.

Зайцевский тем временем говорил о сильной группе ГПУ в Париже, о необходимости срочных мер против них, о том, что времени осталось меньше суток...

Наконец Леонтий прислушался и остановил его:

— Расскажите поточнее, кто и как будет похищать Кутепова.

— Оперативная группа состоит из трех человек. Старший — Пузицкий. Он участник похищения Савинкова и за это получил орден. Второй — Янович. Долго жил в Париже. Третий — Лев Гельфанд, племянник друга Ленина — Парвуса. Сейчас он — второй секретарь Советского посоль-

ства в Париже. Будет в полицейской форме. Уже несколько дней репетирует свою роль — стоит на посту на месте похищения. Это перекресток улиц Русселе и Удино. Кутепов будет там в десять тридцать. Его вызвал по записке один бизнесмен, связанный с ГПУ. Будто бы переговорить о колчаковских миллионах. И генерал согласился на встречу.

— Почему же вы не пошли в РОВС? Там бы вас хорошо приняли и спасли бы своего вождя. Может быть, вам даже дали бы какой-нибудь орден.

Зайцевский что-то пытался сказать, но получались лишь неясные звуки и неопределенные жесты: не то — «сами понимаете», не то — «сам не пойму».

— Понятно объяснили, — сказал Дымников, и Зайцевский жалобно улыбнулся. — Считаете, что ГПУ сильнее РОВС, а на меня можно надеяться, поскольку я выручил Заботина. Кстати, а почему не видно и не слышно Клинова?

— Его расстреляли, как троцкиста.

— И вы выбрали меня?

— Да.

— Главное условие моего участия в вашей судьбе — мы не занимаемся Кутеповым, забываем все, что вы знаете. Короче: я не хочу спасать Кутепова. Вы согласны?

Леонтий заметил некоторую короткую внутреннюю борьбу у собеседника, но все же Зайцевский почти мгновенно согласился.

Тогда Дымников объяснил ему план ближайших действий. Он увозит Зайцевского на ночь, вернее, до завтрашнего полудня к себе в загородный дом. На днях там поставили телефон, и можно связаться. Кроме всего необходимого, в загородном доме имеется патефон с пластинками и радио. Главное: кроме Леонтия, о Зайцевском не знает никто, в том числе работник «Русской справки», дежуривший у окошка.

— Я один буду в том доме?

— Во-первых, у вас, по-видимому, есть оружие, а вторых, у меня важное вечернее свидание, после которого я приеду к вам. Только не вздумайте в нервных раздумьях подозревать меня в предательстве. Я могу сдать вас в любую минуту. Хоть сейчас.

— Я согласен с вашим планом, Леонтий Андреевич.

— Едем. Для своего работника я придумаю что-нибудь.

Вышли в приемную и в ту же секунду услышали громкий голос Мохова, разговаривавшего по телефону:

— У тебя, кисулечка, конечно, память девичья, но мой адрес ты должна помнить: бульвар Сен-Мишель, 21, квартира 15. Жду с девяти, даже раньше. Все будет отлично...

Подождали, пока Мохов закончил разговор, и Дымников объяснил, что едет на квартиру клиента, у которого оказались какие-то непонятные письма из России.

На улице, ожидая такси, Дымников сказал:

— Шофер, скорее всего, русский офицер — поэтому о деле ни слова. Я назову фиктивный адрес, потом переедем.

3

Утром 25 января Кутепов уехал за город в гости к знакомым. В толпе гостей его нашел офицер, которому полковник Зайцев поручил с завтрашнего утра с машиной дежурить при генерале.

— Пожалуйста, завтра не беспокойтесь и ко мне не приезжайте, — вежливо отказался Кутепов. — Я уеду из Парижа искать дачу, а утром пойду в Галлипольскую церковь на панихиду по генералу Каульбарсу, — и, уже отходя от офицера, почему-то остановился и добавил: — А по мне, надеюсь, вы не будете служить панихиды.

Дома его ждала записка в конверте без обратного адреса:

«Дорогой А.П.

Разговор о недавно полученном наследстве нам необходимо продолжить вдвоем и немедленно. Это в наших интересах.

Ваш М.»

Генерал немедленно позвонил по телефону.

— Добрый день. Говорит Кутепов. Это вы таинственный М.? — оба посмеялись. — Давайте завтра с утра вместе прогуляемся до церкви. Я буду на перекрестке Русселе и Удино ровно в десять тридцать.

Дымников не успел проанализировать, какую роль в дальнейших событиях сыграло подсознание, предсознание, сознание, и действовало ли здесь Я или ОНО. В начале 10-го он вошел в дом к Мансуровым, увидел Любу во всей девичьей прелести, сознающей самое себя, о чем говорили и длина и покрой юбки в обтяжку, и кофточка, подчеркивающая форму груди, но все это не вязалось с удивленно отчаянным взглядом, привезенным из России. «Зачем они все это делают с людьми? Отнимают все, изгоняют из домов, по морозу везут в Сибирь? Почему Бог допускает это?» — спрашивала она его уже не раз.

Теперь эти ее слова снова звучали в ушах, но одновременно он слышал и хозяйку, обращающуюся к мужу: «Ты же собирался куда-то завтра с утра к десяти тридцати». Мансуров ответил, что она неправильно поняла — не он, а кто-то другой собирался. Разговор о тех деньгах. Леонтий вспомнил, с каким вниманием Зайцевский выслушивал адрес, который Мохов будто бы выкрикивал в телефон. Он представил Зайцевского в пустом доме, отягченного страшным знанием, которое можно продать и получить прощение, деньги, награду, безопасность... И его сомнения — удастся ли? А если ГПУ? Дымников смотрел на Любу, потрясенный словами «десять тридцать». Она — дочь участника этого черного дела? Да, но он и сам пытался это сделать...

— Александр Валерьянович, Люба, простите, — обратился он к хозяевам, — с моей нервной системой после путешествия до сих пор не все в порядке. Только сейчас вспомнил — важнейшее дело. Если пропущу — могу много потерять. Разрешите позвонить.

Бывший его частный сыщик Пьер Понсар, которого он называл лучшим французом, ныне сержант полиции, оказался дома. Договорились, что Леонтий заедет за ним на своем «Рено». Прощаясь с Любой, подумал, что невозможно уберечь девушку от зла жизни — она рождается уже во зле.

Позвонил и Зайцевскому. Отметил его странный голос — не то чтобы испуг, но какая-то неловкость пробивалась

сквозь слова. Наверное, не хотел с ним говорить, но ответил бодро: «Слушаю Вертинского».

С Понсаром сначала заехали на бульвар Сен-Мишель. Пьер поднялся на второй этаж и, вернувшись, сообщил, что Мохов уехал на своем «Ситроене» — недавно купил подержанный.

— Опаздываем, — печально констатировал Дымников.

— Все будет хорошо, — возразил сержант милиции; он был в форме и при оружии. — Мы во Франции, а не в России.

В Севре остановили машину на параллельной улице за квартал до виллы Леонтия. Шли к дому, как бы вырисовывая ногами букву зет. Безлюдье, собаки, отзвуки радио издалека, но почти во всех домах светятся окна.

— Вот его «Ситроен», — сказал Дымников, указывая на машину, приткнувшуюся к тротуару дома за два до его виллы. — Надо бежать.

Калитка открыта, в окнах свет, громкие звуки радио — трансляция оперы «Кармен», — слишком громкие. И щелчок выстрела. В окне метнулась тень.

Пьер и Леонтий встали по сторонам тяжелой входной двери, закрытой на ключ.

— Дверью бьем, — шепнул Пьер.

В замке повернулся ключ, двинулась половинка двери, громче грянул марш Тореадора. Пьер дал раскрыться двери наполовину, показалась фигура в пальто. Сильный удар дверью повалил выходящего. Леонтий и Пьер бросились на него. В свете, падающем из прихожей, узнали Мохова.

— Господин Мохов, — говорил сержант полиции, надевая на него наручники, — я вынужден вас задержать по поводу вторжения в чужой дом и случившегося там выстрела.

Мохов нецензурно бранился.

— Ты его убил, Коля? — спросил Дымников.

— А чего с этим... с таким...

— Войдем в дом, — потребовал Пьер, — осмотрим.

Простреленная голова Зайцевского неестественно откинулась на спинку стула, одна рука тянулась по столу, другая безжизненно висела вдоль тела.

— Будешь придумывать, что защищался от него? — спросил Дымников.

— Не буду. Он дезертир из СССР. Мне приказали, и я

выполнил. Человек-то он дерьмо. Что-то обещал мне рассказать секретное, чтобы я его не трогал.

— Чего ж не дал рассказать?

— У меня был приказ и тебя, директор, кончить. Чтобы без вопросов.

— И давно ты стал чекистом?

— Еще с 19-го. С Орла.

— И это ты мешал моим попыткам взять Кутепова? Почему? Он же белый.

— Тогда был приказ его не трогать. А ты, директор, только сейчас понял, кто я?

— Нет. Мой человек видел тебя в Брюсселе с чекистами. Ты там организовывал некую акцию.

— Глазастая сволочь. Невозможно доказать, что я участвовал.

— Твоя судьба, товарищ Мохов, меня абсолютно не интересует.

Тем временем сержант Понсар составил короткий протокол. Дымников его подписал.

— Вас, Мохов, я задерживаю за убийство, — сказал сержант, — и сейчас доставлю в отделение полиции. Телефон работает?

— Нет. Я перерезал провод.

— Отвезу на вашей машине. Здесь полиция рядом. Вы уж посидите с трупом. Послушайте оперу.

Только сейчас все поняли, что радио гремело, не переставая, мешая им разговаривать.

5

26 января утром генерал Кутепов собирался в церковь и сказал маленькому Паше:

— Русский человек должен каждое воскресенье ходить в церковь.

— А я русский?

— Конечно, ты, Паша, русский.

— А почему я с тобой не иду-у? — мальчик уже почти заплакал.

— Ты еще маленький. Тебе не надо каждый воскресный день ходить в церковь.

— А русские хорошие?

— Очень хорошие. А в России, где мы скоро будем жить, кроме русских, есть еще много разных народов, и они все — россияне.

Вошла Лида, чтобы поторопить:

— Александр, уже время идти, а ты тут учишь маленького какой-то политике.

— Я говорю истину, Лида. Все народы, населяющие Россию, независимо от их национальности, прежде всего — Россияне*.

6

26 января в 10.30 на углу улиц Русселе и Удино произошло событие, ставшее достоянием истории, предметом обсуждений, споров, разоблачений и оправданий.

В 10.30 идущий быстрым шагом Кутепов в черном пальто появился на этом Т-образном перекрестке, возле госпиталя, содержавшегося монахами. Здесь уже несколько дней топтался молодой полицейский. Это был один из участников оперативной группы ГПУ Гельфанд. В то утро он торчал возле двух автомобилей — красного и желтого. Около большого желтого автомобиля стояли огромный Пузицкий и почти такой же Янович**. Они остановили генерала каким-то вопросом, а затем силой втолкнули в желтый автомобиль на заднее сидение. В этот же момент изобравший полицейского Гельфанд вскочил в желтый автомобиль, и машина помчалась по улице Удино.

До сих пор не известно, как умер Кутепов.

7

Он не знал: умер или еще жив, и это не имело значения.

Наверное, умер, потому что прозвучало слово «Новороссийск». В жизни он почти никогда не вспоминал и не ду-

*Подлинные слова Кутепова из его речи на собрании представителей политических и общественных организаций 12 мая 1929 г. Цит. из кн.: «Генерал Кутепов». Сб. ст. Париж, 1934.

**Пузицкий и Янович в дальнейшем были расстреляны органами НКВД СССР, Гельфанд скрылся в США.

мал об этом городе, а теперь вдруг его увидел сквозь влажный морской туман: полоска домов, вдавленная в пену прибоя, крыши усыпаны нарастающим снегом, а над ними плавные силуэты круглоголовых гор, наискось к морю — дороги-спуски. Вместо горизонта распростерлась бесконечная плоская пестро-белая степь.

По степи шли цепи русских офицеров в серых и черных шинелях. Ровным шагом в ногу, с винтовками наперевес, без единого выстрела. Интервал — 4 шага. Им незачем было стрелять — их враги бежали, зная, что это грядет Божья гроза. Однако, убегая, враги отстреливались, и офицеры падали и умирали в степи.

Он знал, что они идут и умирают по его приказу, но никак не мог точно вспомнить, во имя чего так спокойно идут на смерть. Впереди, в неестественно густом и прозрачном тумане возникали призрачные белые очертания прекрасных дворцов. Неясные, полупрозрачные, дрожащие, как токи горячей земли.

Падали и умирали офицеры, и чем ближе подходили к дальнему белому миражу, тем меньше их оставалось в цепях. Голубая косая метель нависла над степью, исчезли в смертной мгле последние цепи. Исчез мираж.

Прекратилась метель, пропал снег на крышах домов, растаявший под солнцем, вдруг осветившим и степь, и море, и песчаные пляжи на берегу, и какая-то странная песня возникла вдали.

Лида сказала, что они обязательно должны искупаться, и обнаженная шла к воде.

А высоко в степи, словно в небе, кто-то пел:

Визьми мое сердце,
Дай мени свое...

КОММЕНТАРИИ

РЫНКЕВИЧ Владимир Петрович родился в 1927 г. в Москве. Окончил специальную артиллерийскую школу и артиллерийскую радиотехническую академию.

В 1970 г. заочно окончил Литературный институт им. Горького, с 1977 по 1987 гг. был заместителем главного редактора издательства «Художественная литература».

Автор нескольких сборников рассказов и повестей, романов «Семеновская застава», «Звезды на память», «Ранние сумерки» и др., выходящих в различных издательствах.

Роман «Мираж» — новое произведение писателя.

¹ «Русская мысль» — ежемесячный научный, литературный и политический журнал, издавался в Москве в 1880—1918 гг., после 1905 г. — орган кадетской партии.

² «...когда Ходынка...» — давка на Ходынском поле 18 мая 1896 г., во время раздачи царских подарков по случаю коронации Николая II.

³ «Новое время» — одна из крупнейших русских газет, издавалась в 1868—1917 гг.

⁴ Мария-Антуанетта (1755—93) — французская королева, с 1770 г. жена Людовика XVI.

⁵ Гекатомбы — от греч. *hekatón* — сто и *bis* — бык — в Древней Греции жертвоприношение; в переносном значении — огромные жертвы войны, террора, эпидемии.

⁶ Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — генерал от инфантерии (1914). С осени 1915 г. по март 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего, а фактически — Главком-верх. Один из организаторов и лидеров белого движения. В августе-октябре 1918 г. возглавлял Добровольческую армию.

⁷ Корнилов Лавр Георгиевич (1870—1918) — генерал от инфантерии (1917). После Февральской революции командовал войсками Петроградского военного округа, 8-й армией, Юго-Западным фронтом. В июле-августе 1917 г. — Верховный главнокомандующий. В конце августа поднял мятеж, после его разгрома арестован. Бежал в Новочеркасск, где вместе с М.В. Алексеевым организовал Добровольческую армию. Убит при штурме Екатеринодара.

⁸ Деникин Антон Иванович (1872—1947) — генерал-лейтенант. После Февраля 1917 г. — начальник штаба Верховного

главнокомандующего, командующий войсками Западного и Юго-Западного фронтов. Участник Корниловского мятежа. В 1918 г. возглавил Добровольческую армию, затем стал Главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) и заместителем Верховного правителя России Колчака. В 1919 г. руководил походом на Москву, после разгрома армии и эвакуации в Крым сдал командование и эмигрировал. Умер в США.

⁹ Чернов Виктор Михайлович (1876—1952) — один из основателей партии эсеров, ее теоретик. После Февральской революции — министр земледелия в первом коалиционном составе Временного правительства, председатель Учредительного собрания. С 1920 г. эмигрант, в годы Второй мировой войны — участник движения Сопротивления во Франции.

¹⁰ Брусилов Алексей Алексеевич (1853—1926) — генерал от кавалерии, в Первую мировую войну командовал 8-й армией, с 1916 г. — главнокомандующий Юго-Западным фронтом. Провел успешное наступление (Брусиловский прорыв). С мая по июнь 1917 г. занимал должность Верховного главнокомандующего. В 1919—26 гг. — в Красной Армии, в 1923—24 гг. — инспектор кавалерии.

¹¹ Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — писатель, литературовед, лауреат Государственной премии СССР (1979).

¹² Савинков Борис Викторович (1879—1925) — один из лидеров партии эсеров и руководителей ее боевой организации. Летом 1917 г. — комиссар Временного правительства, помощник военного министра (Керенского). После Октябрьской революции — инициатор создания антисоветских заговоров и вооруженных выступлений.

¹³ Львов Георгий Евгеньевич (1861—1925) — князь, председатель Всероссийского земского союза, депутат Государственной думы 1-го созыва, кадет. В 1917 г. — председатель Временного правительства первого состава. После Октября — белоэмигрант, в 1918—20 гг. — глава Русского политического совещания в Париже.

¹⁴ Май-Маевский Владимир Зенонович (1867—1920) — генерал-лейтенант (1917). С декабря 1917 г. — начальник 3-й пехотной дивизии Добровольческой армии; в мае-ноябре 1919 г. — командующий Добровольческой армией. В конце 1919 г. отстранен от должности. Умер в Севастополе во время эвакуации.

¹⁵ «...Польша не сгинела» от польск. *zginac* — пропасть, погибнуть.

¹⁶ Каледин Алексей Максимович (1861—1918) — генерал от кавалерии. В июле 1917 г. на Большом Войсковом круге избран атаманом Войска Донского. В октябре 1917 г. возглавил выступление донского казачества против советской власти, которое было подавлено. Застрелился.

¹⁷ Подвойский Николай Ильич (1880—1948) — в 1917 г. — председатель Всероссийского бюро военных организаций при ЦК большевистской партии, председатель Петроградского ВРК. С 1918 г. участвовал в создании Красной армии, член РВС Республики, нарком по военным и морским делам УССР.

¹⁸ Область Войска Донского — административно-территориальная единица в Российской империи, населенная донскими казаками и управляемая по особому положению. Упразднена в 1920 г.

¹⁹ Добровольческая армия — формировалась с ноября 1917 г. на добровольной основе, позднее комплектование шло за счет мобилизации. В январе 1918 г. армия насчитывала около 4 тысяч человек, в ноябре — 30—35 тысяч. Действовала совместно с частями Каледина. В октябре 1919 — в марте 1920 г. армия потерпела поражение, ее остатки эвакуированы в Крым, где вошли в состав армии П.Н. Врангеля.

²⁰ Марков Сергей Леонидович (1878—1918) — генерал-лейтенант (1917). За участие в Корниловском мятеже был арестован Временным правительством, бежал на Дон. С февраля 1918 г. — командир Сводного офицерского полка, затем бригады и дивизии в Добровольческой армии. Смертельно ранен в бою в июне 1918 г.

²¹ Сиверс Рудольф Фердинандович (1892—1918) — командовал отрядом при разгроме войска Каледина, бригадой, действовавшей на Южном фронте. Умер от ран.

²² Гуль Роман Борисович (1896—1986) — участвовал в «Ледяном походе» как рядовой боец корниловского офицерского ударного полка. Эмигрировал в 1919 г. Известен как автор книг о белом движении «Ледяной поход. С Корниловым», мемуарной трилогии «Я унес Россию. Апология эмиграции» и многих других.

²³ Краснов Петр Николаевич (1869—1947) — генерал-лейтенант. В октябре 1917 г. командовал войсками, направленными Керенским на Петроград. В 1918 г. — атаман Войска Донского, создал белогвардейскую казачью армию. В 1919 г. эмигрировал в Германию. Сотрудничал с фашистами, помогая формировать части из эмигрантов. Казнен по приговору Верховного суда СССР.

²⁴ Романовский Иван Павлович (1877—1920) — участник Русско-японской и Первой мировой войн. Генерал-майор (1916). Участвовал в Корниловском мятеже. Принимал участие в формировании белогвардейских сил. С февраля 1918 г. — начальник штаба ВСЮР, ближайший советник Деникина. Убит в Константинополе.

²⁵ Каукаsus — Кавказ.

²⁶ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940) — в 1918—25 гг. — нарком по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики, один из создателей Красной армии.

²⁷ Шульгин Василий Васильевич (1878—1976) — русский политический деятель, монархист. Депутат Государственной думы

2—4-го созывов. Вместе с Гучковым принимал отречение Николая II. После октября один из организаторов антисоветской борьбы. Эмигрант. В 20-е гг. в СССР были опубликованы его воспоминания «Дни» и «1920». В 1944 г. он был вывезен из Югославии и до 1956 г. по приговору советского суда за контрреволюционную деятельность находился в заключении.

²⁸ Чешский мятеж — выступление в мае-августе 1918 г. в Поволжье, на Урале и в Сибири бывших военнопленных чехов (около 45 тыс. чел.).

²⁹ Комуч — комитет членов Учредительного собрания — антисоветское правительство на территории Среднего Поволжья и Приуралья. Создано в Самаре в начале июня 1918 г. после захвата города белочехами.

³⁰ Сорокин Иван Лукич (1884—1918) — кубанский казак, участник Первой мировой войны. В Гражданскую войну за несколько месяцев прошел путь от командира казачьего отряда, помощника командующего Юго-Восточной армией и Главкома войск Кубано-Черноморской республики до Главкома вооруженными силами Северо-Кавказской Республики, командующего войсками Северного Кавказа. Будучи командующим 11-й Красной армией в октябре 1918 г. поднял мятеж против советской власти. 2-й Чрезвычайный съезд Советов Северного Кавказа объявил Сорокина вне закона. До суда его заключили в тюрьму, где он был убит.

³¹ Врангель Петр Николаевич (1878—1928) — барон, генерал-лейтенант. Один из главных руководителей Белого движения. С 1918 г. в Добровольческой армии. С 1919 г. — командующий Кавказской Добровольческой армией, затем Кавказской армией. С апреля 1920 г. — Главнокомандующий ВСЮР, с мая — Главком Русской армии, в ноябре эмигрировал. В 1924 г. создал и возглавил Русский общевоинский союз (РОВС).

³² Компьенское перемирие завершило Первую мировую войну, оно заключено во Франции 11 ноября 1918 г. между Германией, с одной стороны, и государствами антигерманской коалиции, одержавшей победу, с другой.

³³ Пилсудский Юзеф (1867—1935) — польский дворянин. За участие в покушении на Александра III привлекался к суду вместе с А. Ульяновым, отправлен в ссылку. Один из лидеров польской социалистической партии. Во время Первой мировой войны командовал польским легионом, сражавшимся на стороне Австро-Венгрии против России. В 1919—22 гг. — глава Польского государства («Начальник»). В 1920 г. руководил военными действиями против Советской России. С мая 1926 г. после осуществленного им государственного переворота установил в стране авторитарный режим.

³⁴ Шкуро (Шкура) Андрей Гргорьевич (1887—1947) — генерал-лейтенант (1919). В 1917 г. командир Кубанского партизанского

отряда. В начале 1918 г. создал казачий отряд, в деникинской армии командовал Кубанской казачьей бригадой, затем дивизией, корпусом. В 1920 г. эмигрировал. Сотрудничал с фашистами. В 1945 г. захвачен английскими войсками и выдан советскому командованию. Казнен по приговору Верховного суда СССР.

³⁵ Махно Нестор Иванович (1889—1934) — один из руководителей анархо-крестьянского движения на Южной Украине. В 1921 г. бежал в Румынию.

³⁶ Жomini Антуан Анри (1779—1860) — военный теоретик и историк; служил в швейцарской и французской армиях, с 1813 г. на русской службе, генерал от инфантерии. Клаузевиц Карл (1780—1830) — немецкий военный теоретик и историк, генерал-майор прусской армии.

³⁷ Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925) — генерал от инфантерии (1901). В 1898—1904 гг. — военный министр. В Русско-японскую войну командовал войсками в Манчжурии, потерпел поражение под Ляояном и Мукденом.

³⁸ Геккер Анатолий Иванович (1888—1938) — в Гражданскую войну начдив, командовал рядом армий на Южном и Кавказском фронтах.

³⁹ «Judica me Deus» — от лат. *judica* — суд, судебное разбирательство, *Deus* — Бог — Бог-судья, судить Богу.

⁴⁰ Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович (1869—1920) — генерал-лейтенант (1919). Во главе конного корпуса ВСЮР (9 тыс. сабель и штыков) в августе-сентябре совершил рейд по тылам Красной армии. Мамонтовцы были разбиты конным корпусом Буденного, сам Мамонтов отстранен от командования и умер от тифа.

⁴¹ «Колокольчики» — казначейские билеты достоинством в 1000 рублей, выпущенные в 1919 г. Главным командованием ВСЮР, получили название по одному из элементов оформления купюры — изображению московского Царь-колокола.

⁴² Примаков Виталий Маркович (1897—1937) — военачальник, комкор. В Гражданскую войну командовал кавалерийской бригадой, дивизией и конным корпусом Червоного казачества.

⁴³ Землячка (Самойлова, урожд. Залкинд) Розалия Самойловна (1876—1947) — советский государственный деятель. В Гражданскую войну на политработе в Красной армии.

⁴⁴ Жлоба Дмитрий Петрович (1887—1938) — начдив на Кубани, под Царицыном, командовал группой войск в Астрахани, конным корпусом на Юге, кавалерийской дивизией в Закавказье.

⁴⁵ Тухачевский Михаил Николаевич (1893—1937) — в Гражданскую войну командовал рядом армий на Юге, Урале, в Поволжье и Сибири. Был командующим войсками Кавказского фронта при разгроме войск Деникина и Западного фронта в советско-польской войне.

⁴⁶ Блюхер Василий Константинович (1890—1938) — в 1918 г. руководил походом Уральской армии. При обороне Каховского плацдарма и штурме Перекопа — начдив 51-й стрелковой дивизии.

⁴⁷ Антонов Александр Степанович (1888—1922) — руководитель восстания недовольных политикой военного коммунизма крестьян в Тамбовской и части Воронежской губерний. Возглавлял оперативный штаб восставших. Убит при аресте.

⁴⁸ Генуэзская конференция 1922 г. — в конференции (10 апреля—19 мая) участвовали делегации 28 капиталистических стран и советского государства. Его делегация выразила готовность обсудить вопрос о форме компенсации бывшим иностранным собственникам в России при условии признания Советов де-юре и предоставления России кредитов.

⁴⁹ Николай Николаевич Младший (1856—1929) — великий князь, двоюродный дядя Николая II. В 1895—1905 гг. генерал-инспектор кавалерии, с 1905 г. — Главнокомандующий войсками гвардии и Санкт-Петербургского ВО. В 1905—1908 гг. — председатель Совета государственной обороны, в 1915—17 гг. — наместник царя на Кавказе и Главнокомандующий Кавказской армией. После Февральской революции находился в ссылке в Крыму. В марте 1919 г. эмигрировал в Италию, с 1922 г. переселился во Францию. С декабря 1924 г. принял руководство деятельностью всех русских военных зарубежных организаций, которые к этому времени оформились в РОВС. Среди части белой эмиграции считался главным претендентом на престол.

⁵⁰ Рапсальский договор — советско-германский договор о восстановлении дипломатических отношений, взаимном отказе от претензий, торгово-экономических связей, подписан 16 апреля 1922 г.

⁵¹ Кирилл Владимирович (1876—1938) — великий князь, двоюродный брат Николая II. Участник Русско-японской войны. Контр-адмирал (1915). С июня 1917 г. в Финляндии, с 1920 г. в эмиграции в Швейцарии, Германии, Франции. В 1922 г. объявил себя местоблюстителем престола, а 31 августа 1924 г. — императором Кириллом I. Ряд представителей династии Романовых не признавали этот акт законным. Скончался в Париже.

⁵² Меньжинский Вячеслав Рудольфович (1874—1934) — советский государственный и партийный деятель, юрист. В 1917 г. в Петрограде комиссар ВРК, с 1917 г. — нарком финансов РСФСР, с 1919 г. — член президиума ВЧК, с 1923 г. — заместитель председателя, а с 1926 г. — председатель ОГПУ.

⁵³ Ягода Генрих Григорьевич (1891—1938) — с 1920 г. член Президиума ВЧК, с 1924 г. — заместитель председателя ОГПУ при СНК СССР.

⁵⁴ Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891—1934) — с 1919 г. член коллегии ВЧК, ГПУ; до начала 1930 г. начальник от-

дела контрразведки РККА. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

⁵⁵ Миллер Евгений Карлович (1867—1937) — генерал-лейтенант (1915). В 1919—20 гг. — генерал-губернатор и главком войсками Северной области, главный начальник края. С 1920 г. эмигрант. С 1930 г. — председатель РОВС. Похищен и вывезен из Парижа агентами НКВД, осужден и расстрелян.

⁵⁶ Лукомский Александр Сергеевич (1868—1939) — генерал-лейтенант (1916). С июня 1917 г. начальник штаба Главкомверха Л.Г. Корнилова. В 1918—19 гг. — помощник командующего, затем Главнокомандующего Добровольческой армией и ВСЮР, председатель правительства при генерале Деникине (1919—20). С марта 1920 г. — председатель сил южной контрреволюции при союзном командовании в Константинополе.

⁵⁷ Рейли (Розенблум) Сидней (1874—1924) — английский разведчик. Один из организаторов заговоров против советской власти и покушений на представителей России (Л. Красина и Г. Чичерина) на Генуэзской конференции. Арестован и расстрелян органами ВЧК.

⁵⁸ «...проживавший в Грассе великий русский писатель» — Иван Андреевич Бунин (1870—1953) — почетный академик Петербургской АН (1909), эмигрировал в 1920 г.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА (ст. ст. по 1917 год, далее—новый)

1882 год

16 сентября в городе Череповце Новгородской губернии в семье личного дворянина Константина Михайловича Тимофеева и Ольги Андреевны родился сын Александр.

1890 год

Смерть К.М. Тимофеева.

1892 год

Ольга Андреевна вступает в брак с потомственным дворянином Павлом Александровичем Кутеповым, чиновником по крестьянским делам корпуса лесничих.

Александр становится учеником Архангельской классической гимназии.

1893 год

9 марта состоялось определение Новгородского окружного суда: детей, рожденных в браке К.М. Тимофеева и жены его Ольги Андреевны, усыновить за вторым мужем ее Павлом Александровичем Кутеповым. В числе усыновленных Александр.

1896 год

Смерть О.А. Кутеповой.

1902 год

Александр окончил по 1-му разряду курс Архангельской классической гимназии.

1 сентября поступил в С.-Петербургское военное училище юнкером рядового звания.

1904 год

9 августа, окончив училище по 1-му разряду, произведен в подпоручики в 85-й Выборгский полк, находившийся в действующей армии.

30 сентября после отпуска прибыл в полк, в Манчжурию.

1905 год

1 октября командирован в Новгород для обучения молодых солдат. За время проезда участвовал в подавлении революционных восстаний в Иркутске, Верхне-Удинске и Красноярске.

1906 год

18 ноября прикомандирован к лейб-гвардии Преображенскому полку.

6 декабря присвоено звание «поручик».

1907 год

Зачислен поручиком в лейб-гвардии Преображенский полк.

1911 год

6 декабря присвоено звание «штабс-капитан».

1914 год

Направлен на фронт командиром 4 роты лейб-гвардии Преображенского полка.

20 августа у деревни Владиславовка Люблинской губернии получил пулевое ранение в левую ногу ниже колена с раздроблением кости.

1915 год

19 июня присвоено звание «капитан».

30 марта при деревне Корытке Ломжинской губернии ранен осколком в левую часть правой ступни.

27 июля при деревне Петрилово Владовского уезда получил пулевое ранение в правый пах.

1916 год

19 июля присвоено звание «полковник».

Назначен помощником командира лейб-гвардии Преображенского полка.

1917 год

27 февраля, находясь в краткосрочном отпуске в Петрограде, приказом командующего Петроградским военным округом назначен командиром карательного отряда.

Апрель — назначен командиром лейб-гвардии Преображенского полка.

6—7 июня руководил боем полка у деревни Мшаны, при отступлении организовал оборону участка фронта, боевые действия полка оценены командованием положительно.

Ноябрь — снят полковым комитетом с должности командира полка.

2 декабря издал приказ о расформировании лейб-гвардии Преображенского полка.

Декабрь — уехал на Дон.

24 декабря вступил в ряды Добровольческой армии в Новочеркасске.

30 декабря назначен начальником гарнизона г. Таганрога и его района.

1918 год

В январе-феврале руководит оборонительными боями на Таганрогском и Ростовском направлениях.

22 февраля выступил в составе Добровольческой армии из Ростова.

25 февраля назначен командиром 3-й роты Сводного офицерского полка.

30 марта назначен помощником командира 1-го офицерского полка.

12 апреля генералом Корниловым назначен командиром Корниловского полка.

23 июня вывел полк во 2-й Кубанский поход.

28 июля назначен командиром 1-й бригады 1-й дивизии.

26 августа назначен Черноморским военным губернатором.

Осенью женился на дочери Коллежского советника Лидии Давыдовне Кют.

25 ноября произведен в генерал-майоры.

1919 год

26 января назначен командиром 1-го армейского корпуса.

24 июня войсками 1-го корпуса взят Харьков.

6 июля произведен в генерал-лейтенанты.

13 октября войсками 1-го корпуса взят Орел.

20 октября войска 1-го корпуса оставили Орел; начало общего отступления Белой армии.

1920 год

28 марта прибыл в Крым с войсками корпуса после эвакуации из Новороссийска.

17 сентября назначен командующим 1-й армией.

15 ноября — эвакуация армии в Константинополь и далее в Галлиполи.

3 декабря произведен в генералы от инфантерии.

4 декабря в связи с переформированием назначен командиром 1-го армейского корпуса.

1921 год

30 декабря вместе с войсками прибыл из Галлиполи в Болгарию.

1922 год

28 мая экстернирован болгарским правительством через Грецию в Сербию.

21 ноября назначен помощником Главнокомандующего Русской армией.

1923 год

Сближение с Великим князем Николаем Николаевичем.

Установление связей с организацией «Трест» и переброска в СССР с ее помощью офицеров, подготовленных к террору и диверсиям.

1924 год

Командирован в распоряжение Великого князя Николая Николаевича, в связи с чем освобожден от должности помощника Главнокомандующего Русской армией.

1925 год

Рождение сына Павла.

1928 год

29 апреля после смерти Врангеля назначен Председателем Российского Общевоинского Союза (РОВС).

1930 год

26 января похищен группой сотрудников ОГПУ СССР в Париже.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Рынкевич. МИРАЖ. Роман	
Часть первая. Месяцы смерти.	7
Часть вторая. Годы умирания.	348
Комментарии	513
Хронологическая таблица	520

Литературно-художественное издание

Рынкевич Владимир Петрович
МИРАЖ

Роман

Ведущий редактор *А. В. Варламов*
Художественный редактор *О. Н. Адашкина*
Технический редактор *Е. П. Кудиярова*
Корректор *И. Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Е. Л. Бондаревой*
Компьютерный дизайн *Ю. А. Хаджи*

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, 81

Наши электронные адреса: www.ast.ru
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.